

И 2008
59к

Ильяс ЕСЕНБЕРЛИН

Отчаяние

Хан Кене

ИЛЪЯС ЕСЕНБЕРЛИН

Отчаяние Хан Кене

Романы

Перевод с казахского

Мориса Симашко

МОСКВА
"ДРУЖБА НАРОДОВ"
ФОНД ИЛЪЯСА ЕСЕНБЕРЛИНА
1993

Оформление художника
А. Сергеева

Есенберлин И.
Е82 Отчаяние; Хан Кене: Романы/Пер. с казах.
М. Симашко. — М.: Дружба народов, 1993. —
592 с.

ISBN 5-285-00024-6

Предлагаемые читателю романы известного казахского писателя Ильяса Есенберлина (1915—1983) воссоздают историю казахского народа с XVI века до середины XIX века. На фоне сложных исторических процессов перед нами проходят беспощадный чингизид — степной хан Абулхайр, славные батыры, мудрый Бухар-жырау — провидец и поэт, умный и жестокий хан Аблай — тиран и палач — и внук его — хан Кенесары, превратившийся в кровавого убийцу, когда попытался силой повернуть народ со спасительного пути...

Е 4702250201-010
018(01)-93 Без объявл.

ББК 84Каз7

ISBN 5-285-00024-6

© Издательство «Дружба народов»,
оформление, 1993.

Ильяс Есенберлин

ОТЧАЯНИЕ. ХАН КЕНЕ

Романы

Зав. редакцией *С. Никифоров*. Редактор *Л. Хренникова*. Художественный редактор *А. Никулин*. Технический редактор *Г. Такташова*. Корректоры *Т. Филиппова, М. Макарова*.

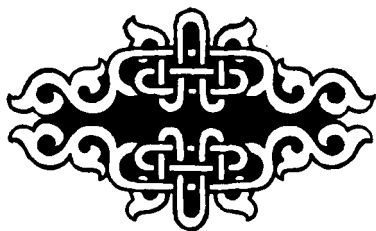
ИБ № 0019

Сдано в набор 24.12.90. Подписано в печать 15.08.91. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 31,08. Усл. кр.-отт. 32,34. Уч.-изд. л. 32,4. Тираж 50 000 экз. Цена договорная. Заказ 3583

Издательство «Дружба народов». 101424, Москва, К-6, ГСП, ул. Петровка, 26.

Фонд Ильяса Есенберлина

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
«Красный пролетарий» РГИИЦ «Республика».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

Книга первая
Отчаяние

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Гигантской тысячекилометровой подковой охватывают с юга-востока Великую Казахскую степь высочайшие в мире горы. Они – естественная граница этого открытого всем добрым и недобрым ветрам края. Трудно проходимы эти горы. Но в одном месте, там, где снижаются, уходят в землю каменные хребты Тянь-Шаня и лишь в туманной дымке проступает Алтай, самой природой оставлены ворота, откуда вместе с ледяным ураганным ветром век за веком, тысячелетие за тысячелетием вырывались на бескрайние евразийские равнины кровавые всеуничтожающие нашествия. Волна за волной приливали оттуда полчища Аттилы, тумены Чингисхана, безликие полки великоханских фангуров. Большие и малые смерчи обрушивались прежде всего на тот древний народ, который испокон веков пас свои стада, строил города и возделывал землю у гор, а потом катились дальше, через всю казахскую степь, оставляя пепел и кости. Вот почему от века, лишь только загорались сигнальные огни на сопках, все способные держать оружие в степи устремлялись сюда, чтобы телами своими преградить дорогу врагу...

Уже неделю шла страшная битва в Джунгарских воротах при урочище Сойкынсай между казахским ополчением и регулярным китайским войском. Как волки, резались люди, и кровавые цветы взошли в межгорье. С трудом уже лезли китайские солдаты через горы трупов, но равнодушный полководец с застывшим лицом, как обычно, все слал и слал их вперед не считая. Синей безликой массой выходили они из-за его спины, доходили до казахских батыров и валялись подкошенные, как скудная зимняя трава. И все же на восьмой день к месту битвы в зеленом шелковом паланкине, несомом сорока рабами – кули, прибыл сам великий богдыхан Канси.

– Как идет битва? – спросил он у полководца, хоть

хорошо знал от своих многочисленных лазутчиков положение дел.

И полководец, похожий лицом на старую женщину – без усов и бороды, склонился до земли:

– Битва проходит под знаком собаки, великий богдыхан!..

Это означало, что сражение проходит с переменным успехом, как у схватившихся из-за кости собак.

– Дурак... – Глаза высокого богдыхана были так же равнодушны, как и у полководца. – Битва проходит под знаком воды. Сколько ни рассекай ее мечом, волны все равно смыкаются... Триста лет династия Тан все тыкала мечом в эту степь, а потом вынуждена была отгородиться от нее стеной!..

Полководец пригнулся еще ниже, широко расставив пухлые руки. Это означало вопрос и полное повинование.

– С тиграми воюют головой, а не руками... – Богдыхан говорил тихо, размеренно, и слова шелестели, как перья опахала. – Тигр перед тобой... Где ты видишь по соседству другого тигра?

Глаза полководца забегали по кисточкам паланкина.

– Он сейчас за спиной у тебя, этот тигр... Дикие, непокорные ойроты тревожат середину мира, где стоит наш трон. Древняя стена для них не помеха. Почему бы не выпустить их через эти ворота на другого тигра?..

Богдыхан сделал знак, и полководец поднял глаза.

– Брось ойротскому тигру кусок чужого мяса за этими горами. А сам приходи тогда, когда они оба будут истерзаны и крови у них хватит только для того, чтобы доползти и лизнуть нашу руку!..

– На помощь одному тигру может прибежать другой, побольше. Я говорю о Луссии, великий богдыхан!..

Богдыхан посмотрел через головы сражающихся куда-то далеко на запад:

– Да, я помню о Луссии. Но пока она прибежит, этот степной тигр превратится в вола. А у вола большая шкура. Можно и поступиться частью ее для опоздавшего!..

– Повинуюсь, мой государь! – сказал полководец и дал знак к отступлению.

На следующий день многочисленное посольство с дарами было отправлено к ойротским контайчи...

Страна казахов была похожа на освежеванную жертву, приготовленную к кокпару – древнему празднику козлодранья. Враги с разных сторон уже готовились к этой кровавой игре, да и внутри страны многочисленные султаны-игроки не дремали. Кто окажется сильнее и с гиканьем и свистом, отобрав у другого, подомнет кровоточащую тушу под голень в седле и умчится к дымящемуся костру? А по дороге будут рвать жертву из-под ноги, отрывать куски мяса, ноги, голову...

И в предчувствии всей этой кровавой сумятицы кому-то нужно было присмотреться, разобраться, определить, как уцелеть народу на всех четырех ветрах истории. Народные опыт, мудрость, стойкость должны были сказать свое нелегкое веское слово. В том, откуда навалится первый, самый беспощадный игрок, сомнений не было...

И двухсот лет не просуществовало созданное Чингисханом Монгольское ханство. Уже с перенесением ханом Хубилаем столицы из Каракорума в Пекин оно, по существу, перестало быть монгольским. Зато последующие богдыханские, императорские династии, пользуясь этим, стали из века в век претендовать не только на древние монгольские земли, но и чуть ли не на все страны, завоеванные некогда рыжебородым "Потрясателем вселенной". Их не смущало, что сам-то Пекин оказался под пятой завоевателя, который одно время раздумывал о том, не превратить ли ему всю Поднебесную империю в безлюдное пастбище для скота.

Нелегко пришлось многочисленным родам и племенам, входившим в великомонгольский племенной союз, когда распалась держава Чингисхана. Особенно трудно было западным родам ойрот, чорас, торгоут, тулеут и тулегут, вошедшим потом частично в Джунгарское и затем в Калмыцкое кочевые государства. Неустанно и беспощадно теснимые китайскими войсками, они теряли свои древние пастбища – джайлау – и вынуждены были в поисках новых пастбищ двигаться на запад. Это в полной мере удовлетворяло китайских богдыханов (к какой бы династии они ни принадлежали), видевших в этих воинственных племенах как бы авангард своей экспансии в Казахскую

степь, Сибирь и Среднюю Азию. Когда отдельные контайчи выходили из подчинения этой коварной политике и обращали оружие против китайских, а затем маньчжурских войск, они беспощадно уничтожались. Кочевники вырезались целыми аймаками – со стариками, женщинами и детьми.

Многие роды двинулись в Сибирь, Прииртышье и горы Тарбагатай, вытесняя местное население. Другие прошли дальше и, перейдя Казахскую степь, образовали за Волгой, у Астрахани, свой Калмыцкий аймак.

С 30-х годов XVI века ойротские контайчи, осевшие в горах Тарбагатай, в пойме реки Или и по берегам озера Зайсан, уже что ни год совершают кровавые набеги на казахские и киргизские кочевья. Положение еще больше ухудшилось, когда здесь образовалось большое Джунгарское ханство, объединившее вокруг себя некогда разрозненные племена и роды. Во главе его стал верховный контайчи Батур – сын Хара-Хулы. Свою ставку он расположил севернее озера Зайсан, в верховьях Иртыша. Ему удалось распространить свое влияние на многие западномонгольские племена, и Джунгарское ханство стало сильней, всерьез беспокоившей китайских политиков.

После смерти Батура, не раз сталкивавшегося с Таукель-ханом, а затем и с ханом Есимом, Джунгарией стал править сначала один его сын – Сэйгэ, а затем другой – Галден. По приказу китайского императора он жестоко расправился с поднявшими восстание родственными восточномонгольскими племенами. Монголия обезлюдела после его кровавого карательного набега. Но потом Галден-контайчи сам отгрызнулся в сторону Китая. Он перенес было свою ставку к китайским рубежам и захотел вернуть захваченные китайцами монгольские земли. Наголову разбитый во много раз превосходящими силами Поднебесной империи, Галден-контайчи зарезался...

Но не менее строптивым оказался и захвативший власть в Джунгарии его племянник Сыбан Раптан. Не оставляя в покое казахские и восточнотуркестанские земли, в чем ему с радостью содействовали маньчжуро-китайские политики, он не раз нападал и на селившихся на бывших монгольских землях китайцев.

А в 1714 году он вместе со своим сыном Галден-Цереном разграбил китайский город Хали. Вот тогда китайский император Канси из новой маньчжурской династии Цин, захватившей вместе с Китаем и основную Монголию, издал фалин – указ, по которому у джунгар отбирались все примыкающие к Китаю земли, а в возмещение джунгарскому контайчи совершенно явно предоставлялась свобода рук в Средней Азии и Казахстане. По требованию китайского императора должен был быть созван специальный джунгарский курултай. В случае отказа император пригрозил поголовным уничтожением джунгар. Контайчи ничего не оставалось делать, как пойти по намеченному богдыханом пути. Сыбан Раптан перенес назад свою ставку, а многочисленные джунгарские отряды затопили Семиречье и Казахскую степь...

Как только ослабло джунгарское давление на границах Китая, а острие джунгарских набегов повернулось в сторону Казахстана и Средней Азии, китайские арсеналы снова открылись для контайчи. В его разношерстных войсках опять появились маньчжурокитайские военные советники, которые в то же время внимательно следили, не думает ли коварный Сыбан Раптан снова повернуть свою конницу против империи. Большую помощь в организации джунгарского войска оказал и, швед по происхождению, российский подданный унтер-офицер Ренат, попавший в плен во время истребления джунгарами российской экспедиции Бухгольца недалеко от Усть-Камня.

На огромное летнее пастбище была похожа к этому времени страна казахов, где без опытного табунщика брели табуны лошадей, и каждый жеребец был всевластным хозяином своего косяка, ревниво охраняя его неприкосновенность. Там, где этот вожак-жеребец оказывался более сильным и кусачим, косяк чувствовал себя в относительной безопасности, пасся вольно, не имел отбившихся. И степные волки обходят стороной такой косяк, зная, что здесь им не поживиться и жеребенком. Матерый жеребец обычно даже не подпускает волчью стаю к своему косяку, выносятся с диким ржанием навстречу, бьет стальными копытами, кусает, давит могучей грудью.

С незапамятных времен родовые бии и батыры были такими всевластными хозяевами в степи. Они решали, куда перекочевать роду по весне или где

зимовать, вершили суд и расправу. Они же организовывали сопротивление многочисленным барымтачам из соседних племен и родов, угонявшим скот. При случае приходили они на помощь кочующему рядом соседу, но и только. Перед большим вражеским нашествием разрозненные родовые вожди были бессильны...

Правда, числился к этому времени ханом всех трех жузов – так называемой Большой Орды – третий сын хана Тауке и внук Есимхана, Булат, но был он безвольным, вечно больным и не имел нужного авторитета в степи.

Фактическим ханом Среднего жуза был Самеке, его младший брат. Тем более не слушался хана Булата хан Младшего жуза Абулхаир. Старшим, или Большим, жузом в это время правил тоже не слишком авторитетный Жолбарс-султан, старший брат Абулхаира. Многочисленные ветви рода найман, хотя и входили в Средний жуз, жили обособленно, на границе Казахской степи с Джунгарией, и чувствовали себя почти отдельным ханством. Ими управляли внуки Шагая – своенравный султан Барак и султан Кучек.

Неплохо было пока и то, что еще существует Белая Орда, хоть и в таком расколоте. В этом была определенная заслуга предшествовавшего хана Тауке, которого не случайно прозвали в народе Азь-Тауке, что значит "Мудрый Тауке". Пожалуй, Тауке-хан первый всерьез понял опасность джунгарской угрозы и все коварство маньчжуро-китайской политики. Именно он осознал все преимущества сближения казахов с Россией, где в это время во всей своей широте проявлялся гений Петра Великого. Уже в 1702 году посылает он своего посла к русской крепости на берегу озера Ямыш, но тот попадает в засаду к ойротам и погибает. И вот в 1715 году в месяце кузтоксан, то есть в конце лета, большое посольство хана Тауке во главе с Тахмурым-бием прибывает в Уфу. От имени русского царя уфимский наместник шлет ответное мирное послание. Но хана Тауке оно уже не застаёт в живых.

Хоть и не был Тауке-хан таким влиятельным, как его предшественники, и власть его не распространялась на все казахские земли, но в трудные годы распада и дробления казахских земель он сделал все, что

мог. Немало сражений провел он, дав отпор алчным устремлениям властителей Бухары, Хивы и Коканда. Но самой главной его заслугой являлось постоянное сдерживание в союзе с киргизскими родами действий джунгарских контайчи...

При нем был дан закономерный исторический толчок к сближению с Россией. И когда Азь-Тауке-хан ушел из жизни, его наследники уже по традиции продолжали вести ту же политику. Сменивший его дядя Каип немедленно дал ответ на письмо уфимского наместника, а вскоре направил послов к сибирскому губернатору князю Гагарину в Тобольск. Во главе посольства находились наиболее уважаемые люди Среднего жуза – Екеш-улы-бий и Бүри-улы Байдаулет-аксакал, а в письме "белому царю" говорилось уже о практическом союзе: "Мы всей душой желаем быть с вами в вечной дружбе и согласии, а для совместных действий против джунгарского контайчи можем выделить немедленно отряд в двадцать или тридцать тысяч всадников..."

Да, уже не отдельные мудрые люди, а весь народ понимал, что в борьбе со страшной угрозой с востока страна казахов могла найти реальную поддержку лишь со стороны России. В свою очередь, послы Каип-хана заверили губернатора, что те казахские родовые вожди и отдельные батыры, которые станут нападать на русские городки и караваны, будут караться смертью или передаваться для суда над ними в Тобольск. На пограничной линии должен был воцариться длительный и прочный мир.

Такие же письма были посланы в Казань и Уфу.

Князь Гагарин немедленно отправил послание казахского хана в Петербург. Сенат благосклонно отнесся к нему, одобрил его и лично царь Петр. Но, понимая, кто подталкивает джунгарских контайчи к столкновению с казаками и на чью мельницу льется при этом вода, он призвал казахского хана к осторожности. В это же время российские посланники прощупывали почву у самого контайчи, намереваясь помешать назревающей провокации. "Киргиз-кайсацкая орда должна жить в дружбе не только с нами, но и избегать военных столкновений с дружественными или подчиненными нам державами", – таково было указание царя Петра...

Но в том, что рано или поздно следует ждать не-

минувшего нападения из Джунгарии, никто не сомневался. Князь Гагарин направил к Каип-хану в Туркестан посольство во главе с боярским сыном Никитой Белоусовым. Задача его заключалась в ознакомлении со страной казахов, изучении их хозяйства и потребностей на случай предстоящей войны. Целый год пробыл Никита Белоусов при ханской ставке и в казахских кочевьях. В своих письмах он настойчиво предлагал всячески поддерживать казахского хана в его противодействии джунгарскому контайчи. Исторически неотвратимое сближение с Россией вплоть до принятия российского подданства закономерно стало политикой Каип-хана и хана Абулхаира. И как бы в подтверждение правильности этой политики в 1717 году произошло кровавое столкновение в районе Аягуза – против Джунгарских ворот, когда передовая часть войск Сыбан Раптана напала на объединенное казахское войско. Все понимали, что это такая же разведка боем, которую перед большим нашествием обычно предпринимал Чингисхан, заповеди которого из века в век помнили его разноплеменные последователи...

А в конце 1717 года по приказу царя Петра было снаряжено специальное полномочное посольство в Казахскую степь во главе с Борисом Брянцевым. Двадцать первого числа второго месяца кузтоксан, или в 1718 году по российскому исчислению, посольство вошло в пределы казахских владений, а пятого числа месяца кокек, соответствующего приблизительно месяцу маю, произошла официальная встреча Брянцева с ханом Младшего жуза Абулхаиром. Получив от него военное сопровождение, посольство направилось в глубь степи и двадцать пятого числа месяца эказтоксан прибыло в Туркестан – ставку Каип-хана...

Посольство убедилось в поистине неограниченных возможностях торговли и развитии отношений с Казахской степью. Здесь проходили пути в сказочные страны Азии, и прежде всего в Индию, которая манила впечатлительную душу Петра Великого. Широкий выход на традиционные азиатские рынки сразу выдвигал Россию в первые ряды европейских держав. Происходящие мирные смещения в ту или иную сторону отражались на многих втянувшихся в это движение странах и народах.

То, что посольство было отправлено и без всяких осложнений достигло Туркестана, показывает, как далеко зашли дружественные отношения России с казахскими ханствами. Ведь только накануне, за несколько месяцев перед этим, в соседней Хиве по приказу хана был коварно вырезан русский полутысячный отряд князя Давлет-Киздена-мурзы, или Александра Бековича Черкасского, как назывался он на русской военной службе.

Однако вскоре после отбытия посольства Брянцева неизвестная рука устранила Каип-хана. До сих пор неясны обстоятельства его смерти, но по дальнейшим событиям становится очевидно, кому она была выгодна. Сменивший Каип-хана безвольный и недалекий хан Булат погряз в межродовых спорах Среднего жуза. Другие жузы теперь даже номинально не подчинялись ему. Некому стало теперь говорить с Россией от имени всей страны казахов. А в Джунгарских воротах уже стояла готовая к бою семидесятитысячная боевая конница Сыбан Раптана с несколькими пушками, за спиной которого явственно вырисовывались на горизонте очертания китайского императорского дракона...

Во много раз больше могла выставить Казахская степь смелых и отважных воинов, но кто соберет их вместе, кто поведет в битву за общие интересы? Как стадо своего пастуха, держались они своих родовых биев, аксакалов, батыров. А те, в свою очередь, не хотели никому подчиняться. Большая политика была вне их понимания. Не находилось уже среди многочисленных султанов человека, который бы осмелился претендовать на всеобщую власть. Родовых вождей устраивали слабовольные и послушные ханы собственных жузов. Это была закономерная логика родового строя.

А царское правительство с необычайной осторожностью и осмотрительностью относилось к центральноазиатским делам, предполагая, что рано или поздно ему придется налаживать отношения со всеми участниками назревающей трагедии. Одновременно с посольствами в Казахскую степь направлялись посольства и в Джунгарию. После неожиданной смерти Каип-хана оно заняло выжидательную позицию, надеясь извлечь как можно больше выгод из создавшегося положения.

Талтиша волчьей стаей, готовящейся к охоте на оленей, всегда была присуща таким войнам, к которым готовился контайчи Сыбан Раптан. Общее руководство джунгарским войском взял на себя младший брат контайчи Шуно-Дабо-багадур. Вторжение должно было идти с востока двумя крыльями. Одно крыло – через горы Каратау и поймы рек Чу и Талас. Другое – в район реки Чирчик. Для этого джунгарское войско было разделено на семь частей, и каждая выполняла свое дело. Одни должны были пугать свою жертву, другие – гнать ее в сторону приготовившейся засады, третьи – загнать до изнеможения, четвертые – впить-ся в горло...

Семь десятитысячных отрядов контайчи, под общим командованием его брата Шуно-Дабо, заняли исходные позиции для нашествия на казахские земли у истоков реки на склонах гор. Разрисованные драконами хвостатые знамена были воткнуты в землю возле каждой ставки. Первый тумен занял позиции на склонах Алатау, недалеко от озера Балхаш. Им командовал сын контайчи – Галден-Церен. Второй тумен сосредоточился между реками Коктал и Коктерек, севернее реки Или в межгорье Алтын-Эмеля и Койбына, и командовал им брат контайчи – Хоренбатыр. Третьим туменом, закрепившимся на восточном берегу реки Нарын, командовал семнадцатилетний внук контайчи Амурсама. Восемнадцатилетний сын Галден-Церена – Сыбан-Доржи командовал четвертым туменом – у истоков реки Челек. На берегу Иссык-Куля, в междуречье Аксу и Койсу, водрузил свое знамя второй сын Галден-Церена – Лама-Доржи, командующий пятым туменом. При впадении реки Большая Кебень в Чу расположился шестой тумен под командованием нойона Дода-Доржи из рода меркит. Седьмым туменом командовал сам контайчи Сыбан Раптан, и главное знамя Джунгарии развевалось под его золоченым шатром у стен города Кульджа...

И время для нашествия джунгарский контайчи выбрал самое удобное – весну. Он хорошо знал, что в это время казахские скотоводы проводят кастрацию коней-двухлеток, и половина табунов в течение двух недель не в состоянии передвигаться на большие расстояния. Трудно двигаться в это время и овечьим отарам с только что родившимся молодняком. К тому

же весной вздуваются при половодье многочисленные степные реки, которые не могут служить серьезной преградой для боевой конницы, но препятствуют перегону мирных стад.

Был первый теплый весенний день. И так же, как овцы, коровы, собаки и другие животные накануне землетрясения, чувствовали себя в этот день люди в степи. Тяжкое предчувствие вселенской беды навалилось на степь. Ветер со стороны гор Алатау приносил пряные запахи распустившихся раньше времени цветов. И еще, казалось, пахло в степи свежей кровью... А тут еще в один день распространился по степи слух о чудовищном убийстве в Туркестане. Что-то страшное предвещало оно...

Из рода алтын-хан, древнего и почтенного, была Нурбике, одна из жен хана Тауке. Когда-то давно она с двухлетним сыном Аблаем поехала погостить к далеким родичам и там умерла. "Мы потеряли единственную дочь, — писали родители хану в Туркестан. — Иссяк светлый ручеек, утоляющий нашу жажду, погасла единственная лучинка, освещавшая нам путь во мраке жизни. Но пусть будет утешением нам на старости лет хоть ее семя, пусть сын твой Аблай останется с нами до своего совершеннолетия. У тебя есть другие дети, а мы будем беречь его как зеницу собственного ока. Когда же он подрастет, то сам найдет дорогу к отчему дому!.."

Тауке-хан не стал их обижать и согласился оставить им на воспитание двухлетнего Аблая. Когда через пятнадцать лет султан Аблай появился в доме отца, Тауке-хан невольно вздрогнул. Сын его был смугл, скуласт, с большими, навывкате, овечьими глазами, в которых явственно читалось что-то нечеловеческое. Они не мигали и смотрели тускло, как у мертвого.словно могильным тленом повеяло на отца. Он вспомнил, что, по рассказам, у Шагай-хана был такой же странный взгляд...

Однако хан Тауке не придал значения своим впечатлениям и вскоре женил сына на пятнадцатилетней красавице Зерен — младшей дочери своего старого друга — влиятельного киргизского манапа Ти-еса. Он выделил сыну несметные табуны лошадей, поставил неподалеку от себя белоснежную юрту с аулом челяди. Через год красавица Зерен родила двух прекрасных сыновей-близнецов. Им дали имена Валий и Балхи.

И в день пира по случаю рождения внуков хан Тауке стал свидетелем непонятной жестокости сына. Любой казах-кочевник способен без ненужных волнений зарезать овцу или заколоть кобылу к празднику. Но никто не напрашивается на это из любви к убийству. Тем более ханский сын, которому вообще не к лицу заниматься этим.

Но сын его Аблай сам напросился. Он чуть ли не силой отобрал нож у туленгута и самолично порезал неисчислимое количество скота. Кровь текла у него с обеих рук, а тусклые глаза разгорелись и пылали каким-то мучительным пламенем. Люди с ужасом смотрели на него, а старики шептали молитвы.

Поначалу хан Тауке отнес эту особенность сына к наследственным достоинствам чингизидов, для которых кровь человеческая была дешевле воды. Но нет, самые жестокие из них были просто равнодушны к проливаемой крови. Одни любят песни, другие охоту, третьи женщин, а вот такие – проливать кровь...

"Почему он такой, – размышлял наедине сам с собой Тауке-хан. – А может быть, алтынханцы попросту подсунили мне вместо моего сына этого кровожадного юношу? Или это наказание божье за мои грехи?.." Потом несчастный хан вспомнил рассказы о кукушках, которые подкладывают свои яйца в чужие гнезда, и решил, что природа наказала и его каким-то своим, неведомым ему путем. До своей смерти он боялся оставлять Аблая с другими своими детьми и, хоть вынужден был допускать его во дворец, всегда беспокоился о том, чтобы тот не оставался на ночь.

Но мудрый Азь-Тауке не знал, что именно потомкам этого кровожадного сына будет суждено прославить его род. Внук этого Аблая, сын Валия, Абулмансур в восемнадцатилетнем возрасте в одном из боев с джунгарами повел казахские войска с кличем: "Аблай!" – и ему присвоили имя кровожадного деда. Он стал впоследствии легендарным ханом Аблаем. Это произошло спустя почти шестьдесят лет, а пока собственный сын хана Азь-Тауке славился одной лишь жестокостью...

После смерти отца он не преминул оправдать все его опасения. Спасаясь от этого чудовища, один из его братьев бежал в Сайрам, другие – в Ташкент, третьи – куда глаза глядят. Если в доме угнездилась змея, кто может там оставаться спокойным?

Туркестан почти обезлюдел. Опасаясь Аблая, хан Булат перенес свою ставку в северные роды Среднего жуза, и в бывшей столице ханства никого не осталось. Большинство домов стояли пустыми, и караваны стороной обходили город, где жило это чудовище. "Кровавым Аблаем" называли его даже самые близкие к нему люди.

Одним из таких людей, оставшихся еще в Туркестане, был хаким города, всеми уважаемый Кудайберды-багадур. В эту ночь телохранители Аблая – специально подобранные им в различных зинданах преступники – прокрались вместе со своим хозяином во дворец почтенного хакима, чтобы зарезать его. Но его и след простыл. Какая-то добрая душа предупредила хакима о готовящемся убийстве, и он накануне вечером бежал в Сайрам. Во дворце осталась лишь Сулу-айым-бике – жена хакима с грудным ребенком. Древние степные предания почти не упоминают о случаях убийства женщины с детьми даже в отместку врагу. На этот же раз произошло неслыханное. Пришедшие наутро к своей госпоже слуги увидели лишь мелко изрубленные тела матери и младенца. По всему дворцу валялись части их тел. В народе говорили шепотом, что кровь выступила в это утро на камнях мавзолея святого Ходжи Ахмеда Яссави...

А султан Аблай утром, напившись чаю, с просветленными глазами прошел во дворец хакима, делая вид, что ничего не знает о происшедшем. Приказав никого не пускать во дворец, он уселся на место правителя, подогнув ноги и размазывая левой рукой по пушистому ковру несмытую кровь.

– С сегодняшнего дня я здесь хан и бог! – сказал он угрюмо.

– Да, ты наш хан и бог! – зашумели со всех сторон его сообщники и телохранители.

– А вы... вы – мои верные нукеры!

– Да, мы твои верные нукеры... Посылай нас хоть с иблисами сражаться, мы пойдем за тобой, наш повелитель-хан!..

– А если я захочу вас умертвить?

– Скажешь: умрите, и мы умрем, наш повелитель-хан!

– Тогда слушайте мое первое ханское распоряжение!

– Слушаем и повинемся, наш великий хан!

Сегодня состоится великий пир... Аблай улыбнулся, и в глазах его загорелся поистине дьявольское пламя. – Но какой пир для нас без запаха вражьей крови. Подлый Кудайберды-багадур не захотел остаться с нами, поэтому мы приправим свой сегодняшний обед кровью его людей!..

– Смерть им! – завопили, завизжали палачи.

Но не состоялось кровавое пиршество в этот день. Ибо дверь распахнулась от мощного пинка, и во дворец ворвался огромный батыр с четырьмя повисшими на нем охранниками:

– Враг идет, султан Аблай!..

Ни один мускул не дрогнул в лице кровавого Аблая.

– Какой враг? – спросил он равнодушным голосом.

– Контайчи Сыбан Раптан... С семи сторон – с семьюдесятью тысячами воинов!..

– Многовато... – Аблай притворно вздохнул и развел руками. – А у меня всего-то семьдесят нукеров. Что я могу с ними сделать против славного Сыбан Раптана?

– Но во все времена десять тысяч всадников составлял в один день славный Туркестан! – закричал батыр.

– Нет у нас людей, – сказал Аблай и осклабился. – Не осталось... О-о, скоро много крови прольется на земле. Мало останется живых людей!.. Много крови прольется... Много!..

Батыр Кара-Керей Кабанбай из рода найман с изумлением смотрел на султана Аблая. Губы у того вспухли, почернели, и большой рот казался в крови. Глаза султана горели огнем безумия. Рука знаменитого батыра невольно сжала рукоять сабли, чтобы одним-единственным движением снести голову этому вурдалаку. Но он вспомнил о скачущих через степь полчищах джунгарских контайчи, о дыме над аулами – и опустил руку. Этот страшный человек, сидящий перед ним, все же из рода торе-чингизидов, а именно торе должны, по правилам, возглавить отпор врагу. На то им и почет из века в век...

– Как же вы, султан, думаете защищать славный город Туркестан? – вскричал Кабанбай-батыр.

– А кто сказал тебе, что я собираюсь защищать эту грудку опустевших развалин?... Ты же сам говоришь, батыр, что у контайчи семь туменов войска...

– Что же вы думаете предпринять?

– Уйду куда-нибудь с верными людьми. Пусть подлый народ сам защищает себя!..

Батыр, который не принадлежал к главенствующей касте торе и не имел права распоряжаться в Туркестане, схватился за голову... Да, вот таким торе всегда было наплевать на других людей. Сколько раз приходилось расплачиваться простонародью за слепую веру в торе! Нет, не торе спасут город и страну. В каждом ауле есть храбрые молодцы из народа, есть неродовитые батыры. Да и простые пастухи становятся львами, когда выходят на защиту своего кочевья!.. Надо немедленно бить тревогу по всей степи и прежде всего послать гонцов в другие жузы, оповестить Абалхайра, Самеке-хана...

Аблай медленно встал с подушек, выпрямился во весь свой рост.

– Кому же вы оставляете город? – спросил батыр.

– Сыну своему Валию...

В голосе Аблая появились усталость и безразличие. Глаза потускнели и приняли сонное выражение, как у наевшейся мертвечины гиены.

– Защиту города поручаю моему внуку Абулмансуру! – и пошел к выходу.

С изумлением посмотрел ему вслед батыр. Ханскому внуку Абулмансуру едва исполнилось четырнадцать лет...

Кабанбай-батыр с несколькими джигитами ехал через степь, когда до него дошла весть о нашествии. Ближе всего из крупных казахских городов был Туркестан, и он поскакал сюда со своими джигитами, загоня подменных лошадей. Не думал и не гадал он, что город находится в таком положении и что даже некому возглавить его защиту...

Кабанбай-батыр поскакал в сторону майдана – большой площади перед мавзолеем Ходжи Ахмеда Яссави. Там обычно собирался народ, объявлялись ханские указы, стояли виселицы для приговоренных к смерти...

Оказалось, что и без него, непонятно как, народ уже все знал о надвигающейся беде. Трех коней загнал батыр, чтобы сообщить эту весть, и никто не мог опередить его. Таково уж, очевидно, народное чутье. Об этом и подумал батыр Кабанбай, увидев молча стоящих горожан. И еще удивился он великой мно-

голодности Туркестана. Это только поначалу казалось, что город вымер. Едва услышав о нашествии врага, они все пришли сюда, люди города: из ближайших плавней, из степных аулов, из пригородов и других близлежащих городков, где спасались от гнустостей султана Аблая и его палачей. Все были здесь, пришли даже старики и старухи, женщины и дети. Могущие держать в руках оружие сидели на конях с копьями, дубинами и старинными секирами. Много было и пеших мужчин с простыми рогатинами. Многочисленные дервиши, ученые мюриды, ученики и мелкие духовные прислужники тоже вооружились длинными ножами, не полагаясь на одну лишь божью помощь. Весь тридцатитысячный Туркестан стоял здесь.

– Где же хаким Кудайберды-багадур? – спросил батыр Кабанбай, подъехав, у аксакала, стоящего впереди толпы перед мечетью.

– Убежал!

– От джунгар?

– Нет, от брата своего, жаждущего человеческой крови...

Кабанбай-батыр обернулся в сторону только что оставленного им дворца хакима:

– А где же Аблай?

– Уже ускакал!

Кабанбай-батыр опустил голову, раздумывая, как ему поступить. До него долетели из толпы обрывки разговоров:

– Говорят, питающийся кровью Аблай оставил за себя султана Валия, своего сына...

– Лишь молиться умеет Валий, а не драться с шуршутами!

– Да били мы этих шуршутов, и не раз!

– Теперь их семь туменов идет на нас. Семь огнедышащих гор, закрытых кровавыми тучами...

– Шуршуты неисчислимо множество. Видно, конец пришел славной стране казахов!..

Шуршуты – насмешливое название китайских войск, не раз являвшихся завоевателями в эти края. Всякий раз им приходилось потом бежать отсюда. Теперь и джунгар называли в народе шуршутами, понимая, кто сзади подталкивает джунгарского контайчи.

Кабанбай-батыр бросил поводья коня одному из

своих джигитов, твердым шагом взошел на возвышение перед мечетью.

– О народ мой! – Он широко раскинул обе руки, словно стремясь обнять ими всю площадь, всю степь до самого горизонта. – Не из вашего я края, но к одному корню принадлежим мы все, большие и малые, рыжие и черные, кочующие и папущие землю. Я – батыр Кабанбай из рода кара керей, слышали ли вы обо мне?..

– Слышали... Знаем тебя, славный Кабанбай-батыр!

– Веди нас на проклятых шуршутов!

– Слава батыру Кабанбаю!

Кабанбай-батыр резко опустил правую руку.

– Страшная, невиданная опасность надвигается на нас. Ветер войны задул с Востока. Никогда этот ветер не приносил радости в наши города и аулы. Контайчи лишь слуга императора шуршутов и идет к нам, чтобы стереть с лица земли страну казахов. В единении и стойкости наша сила. Но для того, чтобы с успехом обороняться от такого страшного врага, следует иметь вождя. Меня ждут в другом месте, ибо семью огненными головами выполз на нашу степь шуршутский дракон. Но я от всей души рекомендую вам воина, которого видел уже в бою. Не смотрите, что он не из знатного рода и молод. Знатность подлинного воина проверяется в бою, а молодость – залог успеха!..

В едином порыве закричал весь майдан:

– Скажи нам его имя, батыр!

– Мы слушаем тебя, Кабанбай-батыр!

Кабанбай-батыр поднял руку и указал на громадного батыра, стоящего в стороне от толпы:

– Вот он – Елчибек, которого вы сами прозвали когда-то "Бала-палуан"!..

Да, его знали в городе, хоть он только наезжал сюда время от времени из Чирчика. Елчибек-батыр был похож на молодого барса – высокий, подтянутый, перепоясанный широким ремнем. С пятнадцати лет принимал он участие во всех состязаниях и всегда оказывался первым среди джигитов. За это и получил он свое прозвище "Мальчик-богатырь". Хоть было ему немногим больше двадцати, он уже несколько раз участвовал в сражениях с джунгарами и получил звание сотника. Все понимали, что только незнатное происхождение помешало стать ему темником в

ханском войске. Из уст в уста передавались рассказы о том, как он с двумя сотнями джунгар разгромил полутысячный отряд, состоящий из джунгар и хунхузов, отобрав у них всю захваченную в аулах добычу...

– Веди нас, Елчибек-батыр!

– Спасибо тебе за добрый совет, батыр Кабанбай!..

Елчибек-батыр вышел вперед и молча поклонился народу. Ничего нельзя было прочесть на его суровом лице воина. Все понимали, какая нелегкая задача – защищать этот брошенный всеми начальниками город от грозного джунгарского контайчи. Защищать без регулярного войска, без необходимых боеприпасов и без надежды на чью-либо помощь.

В глубине майдана послышались крики:

– Эй, дорогу!..

– Освободите дорогу султану Валию, нашему защитнику!..

– Сюда, мой султан!..

На возвышение поднялся человек лет тридцати, с очень бледным лицом, на котором выделялись черные усы вразлет. На нем были парчовая шуба и соболья высокая шапка. Умные темные глаза обежали толпу, рука с книгой в черном переплете слегка дрожала.

– Жители города Туркестана! – начал он тихо, и площадь сразу замолкла. – Отец оставил меня с четырнадцатилетним сыном Абул-мансуром, чтобы мы руководили защитой города. Но все вы знаете, что я никогда еще не держал пики в руках. У меня другая страсть – наука. С великой радостью услышал я слова славного батыра Кабанбая о том, чтобы мой друг Елчибек-оглан возглавил ополчение в этот трудный час. По мере своих скромных сил обещаю быть ему верным помощником...

И султан Валий, известный своей ученостью, протянул руку простому джигиту, с которым он давно дружил. Гром приветствий прокатился по площади. И лишь на правой стороне от возвышения, где стояли знатные и богатые люди, кто-то недовольно крикнул:

– Не к лицу торе уступать власть какому-то безродному палуану!..

– Когда шуршуты поднимут на пику твою отделенную от тела глупую голову, то крикнешь тогда славу всем торе, бросившим нас на произвол судьбы! – насмешливо ответили ему из толпы.

– Те, кто хочет и может сражаться с врагом, ос-

танцуются. Остальные уйдите с майдана! — громким властным голосом приказал Елчибек-батыр, и люди, теснясь, начали разделяться на воинов и тех, кто при обороне должен играть вспомогательную роль. Ибо не нашлось ни одного простого человека в городе Туркестане, кто бежал бы из него в минуту опасности.

На следующее утро славный батыр Кабанбай уезжал со своими джигитами из Туркестана. Когда он подошел к коновязи, его слегка тронули за рукав. Он обернулся и увидел стройную девушку с длинными светлыми косами. Ее нельзя было назвать красивой, но что-то необыкновенно милое было в тонком носике и диких карих глазах. Ей очень шла каратауская соболья шапочка, оттеняющая высокий чистый лоб.

— Дайте я провожу вас по традиции, наш батыр! — сказала она и смело взялась за повод знаменитого боевого коня по кличке Кок Даул — "Синяя Буря". Он и впрямь был с синеватым отливом, этот воспетый в сотнях песен конь, и, казалось, ударом одного лишь тяжелого копыта мог превратить девушку в прах. Но конь спокойно дался ей в руки, и это поразило батыра. — Прими повод, батыр Кабанбай! — сказала девушка.

Батыр принял у нее повод, и она придержала ему стремя, когда он сел в седло.

— Как зовут тебя, девушка? — спросил он, прямо посмотрев ей в глаза.

— Меня зовут Гаухар, это значит "жемчужина". Я сестра Малайсары-батыра из рода басентиин. — Она протянула батыру узкую белую руку. — Пусть будет удачен ваш путь... Да сохранит вас бог в битвах. И пусть... пусть поможет он нам встретиться вновь!..

— Да исполнится наше желание, Гаухар! — серьезно сказал Кабанбай-батыр и прищипил коня.

Вихрем вынеслись боевые кони из Туркестана, прогрохотали тяжелыми копытами по деревянному мосту через ров. Только на пригорке батыр Кабанбай оглянулся. Маленькая фигурка все стояла у хорошо видной отсюда дворцовой коновязи. Вот она подняла руку с белым платком. Батыр поднял свою в тяжелой черной кольчуге.

— До встречи, Гаухар! Жемчужина! — закричал он что было силы, но ветер подхватил его слова и унес куда-то в степь.

А Гаухар все стояла и смотрела в пустую степь...

В три-четыре дня узнала вся страна казахов – от Семиречья и Алтая до Жайка и Есиля – о страшном нашествии. Но что могла она сделать, не имея единого и постоянного войска! Как нож в масло вошли семь голов джунгарского дракона в тело страны. Пылали застигнутые врасплох города и аулы Семиречья, Прибалхашья, Туркестана. Вороны беспрепятственно клевали трупы на пепелищах. С тех пор и пошла страшная поговорка о размокшей от людской крови земле...

Лишь немногие аулы казахов и киргизов спаслись тем, что, покинув основной скот, успели уйти высоко в горы, куда не смогла добраться джунгарская конница. А основную массу населения постигла страшная судьба. Молодых женщин джунгары угоняли в свои стойбища, привязывая их попарно косами друг к другу, чтобы не убежали. Всех способных держать оружие убивали на месте, а стариков, старух и беспомощных детей загоняли бичами в безводные места, где они погибали от жажды. При налете на аул справа начиналась с того, что джунгары с диким хохотом поднимали на пики всех детей до семилетнего возраста. Потом начиналось поголовное насилие на глазах у родственников. Родители рвали на себе волосы, сходили с ума, и только это спасало их самих, ибо единственные люди, которых не убивали солдаты контайчи, были сумасшедшие. Их, отмеченных богом, нельзя было трогать по древней монгольской традиции. Тысячами бродили по степи эти сумасшедшие, и, казалось, вся она наполнилась дикими воплями и стонами...

За месяц, пройдя древним методом облавы половину степи, отряды контайчи вышли к северотуркестанским городам. Что могли поделать плохо вооруженные и оставшиеся без предводителей защитники? Сделанные по китайским чертежам стенобитные машины крушили одряхлевшие стены, а когда это не помогало, вступали пушки.

Нескончаемыми вереницами, словно отставшие от своих стай перелетные птицы, тянулись через степь караваны беглецов. Чудом уцелевшие люди бежали из Семиречья, от берегов Чу и Таласа, с подножья гор Казыкурт, Караспан и Каратау куда глаза глядят. Северотуркестанцы, отбившись от наседавшей конницы контайчи, уходили к верховьям Сейхундарьи и

к Аралу; беженцы Большого и Среднего жузов, огненные город Сауран и через поймы озера Алакуль, в сторону Ферганы, Андижана и Самарканда, а беженцы Младшего жуза – к Хиве и Бухаре.

В знаменитой поэме "Калкаман – Мамыр" описывается трагическая любовь юноши Калкамана и девушки Мамыр из рода табыкты. Престарелый предводитель аргынов – девяностолетний Анет, прадед, справедливейший наставник и судья Среднего жуза, – обвиняет юного батыра Калкамана в том, что тот полюбил красавицу Мамыр, принадлежащую ему родственницей. Калкаману предстоит, по приговору справедливого Анета, промчаться на своем скакуне сквозь строй лучников, которые будут пускать в него смертоносные стрелы. Если ни одна стрела не заденет его, – значит, он невиновен и оправдан. Иначе говоря, ни один из мужчин рода не считает его виновным. Жизнь и смерть его в руках людей...

Калкаман мчится через строй лучников, тучи стрел выпускаются в его сторону, но ни одна не касается его. Однако, обиженный приговором Анета-баба, лихой батыр Калкаман, не сбавляя шага своего коня, уносится в далекое Семиречье. Род тобыкты готовит самых лучших скакунов, чтобы отправиться за своим батыром, и в этот год как раз происходит нашествие джунгарского контайчи. Песня-хроника повествует об этом в следующих выражениях:

В том же неудачном году
Случилось сражение с джунгарами...
Сыбан Раптан, искусный в военном деле,
Был их военачальником.
Стеной стояли казахи и джунгары,

Проверяя, сколько трусов в каждом войске.
Пятеро сыновей Анета-прадеда погибли от стрел.
И дрогнули казахи.
Троих из каждой пятерки
Потеряли они в этой страшной сече!
И тогда побежали они в Сарыарку,
Оставив прибрежные тучные пастбища...
Так и остался не разысканным своими родичами
Калкаман,

Ибо поздно было его искать.
И остался на пути бегства старый Анет-баба,
Умирать остался, брошенный на голых холмах!..

В поэме "Калкаман – Мамыр" поется о том, что джунгары уничтожили три пятых казахского насе-

ления, и это близко к истине. Такой катастрофы не переживал еще казахский народ. Даже Джучи в своих знаменитых походах в Сарыарку и пойму Сейхундарьи смог уничтожить только треть местного кочевого населения. Дело в том, что Джучи нуждался в воинах-союзниках для своих войн, а джунгарские контайчи, теснимые маньчжуро-китайскими войсками, нуждались лишь в пастбищах и скоте. В этом всегда состоял весь ужас шуршутских нашествий с Востока на земли Казахстана и Средней Азии.

Китайские чиновники подсчитали, что казахов было около двух миллионов. Это значит, что свыше миллиона людей было уничтожено при джунгарском нашествии. Если уж знатного Анета-баба оставили умирать одного в степи, то что говорить о простых, незнатных людях! До сих пор находят в степи скопища человеческих скелетов на путях бегства. Оставшиеся без скота кочевники были обречены. Они ели траву, пили весенний березовый сок, искали степные грибы и в конце концов собирались вместе у какого-нибудь холма и вместе умирали. Так началась эта четвертьвековая народная трагедия, получившая в народе название "Ақтабан шубырынды, Алқакөл сулама", то есть: "Время, когда весь народ со стершимися от бегства подошвами лежит, обессиленный, вокруг озера скорби".

Именно в эти годы родилась великая и неутешная в своей человеческой горести песня "Елим-ай" – "О мой многострадальный народ":

Караваны горя спускаются с гор Каратау,
И возле каждого каравана уныло плетется
Сиротинушка-верблюжонок.
О, как тяжело лишиться родины.
Крупные слезы мешают смотреть на мир...
О, что за время пришло – время страданий!
Птица счастья покинула нашу горькую степь.
Люди бегут из родных мест, как развеянные бурей птицы,
Холоднее лютых буранов зимних оставляемый ими белый след.

О, что за время пришло – время скорби великой!
И нет просвета в безбрежности времен...
Как одинокое дерево, оставшееся от родного леса,
Купаю свои ветви в озере горьких слез.
О, как тверда черная земля, когда спишь на ней голым телом!
Откуда этот безбрежный поток горя и страданий?
Тяжко ступать ногами по этой земле...
Где ж наши быстрые кони, о господи?!

О, что за время пришло — время раслути.
Дети на земле остались без родителей...
Ничего нет тяжелее прощания,
Когда не знаешь, встретишься ли вновь!..

Широкой волной катилось через степь семиглавое джунгарское войско. И так же, как волна в океане, завертелось, закружилось оно вокруг Туркестана, словно нарвавшись на каменный утес. Несколько дней оборонялся город. По нескольку раз на дню посылал остервеневший контайчи свою конницу на штурм невысокого земляного вала, опоясывавшего в те времена Туркестан. С диким воем летела на штурм конная лава и всякий раз откатывалась, наткнувшись на яростное сопротивление горожан. За день до прихода джунгар были отправлены из города семьи защитников, и каждый день задержки контайчи под стенами города отдалял погоню за ними...

Накануне падения города началась жестокая песчаная буря. Все колодцы города засыпал песок. В двух шагах ничего не было видно. И, пользуясь этим, вырвалась и ушла в степь небольшая группа всадников во главе с Елчибек-батыром.

На следующий день солнце светило ярче обычно. Так всегда бывает после бури. Ворвавшиеся в город солдаты контайчи увидели только мертвых. Разъяренный Сыбан Раптан приказал стереть город с лица земли. И с городом поступили точно так, как за пятьсот лет до этого поступил с ним рыжебородый пращур контайчи. Много дней еще курился прах над мертвым Туркестаном.

II

“Как могла случиться с нами такая беда? Куда делось наше могущество, которое было двести лет назад?”

Кто ответит на этот вопрос?..

Большой открытый лоб известного всей степи мудреца и поэта Бухара-жырау прорезала морщина сомнения. Его бородка клинышком то и дело поворачивалась в сторону сидящего пониже юноши лет четырнадцати—пятнадцати. Возраст юноши можно было определить лишь по бледному лицу, которое не знало бритвенного лезвия. Плечи у него были ши-

рокне, мужские, да и рост, пожалуй, вровень с крупном породистого текинского коня. Обращали на себя внимание глаза – большие, серые, немигающие. Во всем облике, в движениях юноши было что-то горделивое, не присущее простым скотоводам. Он явно не родился в такой вот черной лачуге, где сидели они. Уж глаза поэта ничто не обманет...

Вместе с ханом Младшего жуза Абулхаиром вещей певец Бухар-жырау попал в эту дымную черную юрту пастухов совершенно случайно. Во время одного похода против джунгар хан, пригласив Бухара-жырау, решил сам идти в разведку. Оба прекрасные наездники, они оторвались от ханских джигитов, два дня искали дорогу в солончаках, пока не наткнулись на чабанское стойбище в тугаях Сейхундарьи, как раз на границе с Большим жузом. Абулхаир, высокий, статный мужчина лет тридцати, со строгим, красиво очерченным лицом и ухоженными черными усами, так и не посмотрел ни разу в сторону чабанов...

Их было всего двое пастухов в этой юрте. Второй – сутуловатый пожилой великан, с окладистой бородой и задубевшим от солнца и ветра лицом, явно был простолюдином. Бухар-жырау все время думал о том, что могло свести этого юношу из знатной семьи и простого раба. Зоркий взгляд поэта давно уже заметил рабскую метку на руке великана...

Поэт не ошибся. Сероглазый юноша был сыном правителя Туркестана Валия-султана, а великан Ораз – его рабом. Во время осады Туркестана оба они попали в плен. Четырнадцатилетний сын султана Абулмансур, на которого его дед Аблай-Кровоопийца оставил Туркестан, чтобы не вышло худшей беды, скрыл свое происхождение, и их, скованных одной цепью, привезли для продажи на невольничий рынок в Хиву. Оттуда они бежали вместе и благодаря ловкости и опытности старого раба сумели скрыться в кочевьях у Сейхундарьи. Уже второй месяц поджидая удобного случая, чтобы добраться до султанских родственников, они выдавали себя за простых чабанов и пасли верблюдов, принадлежавших бию Большого жуза Толе.

Поведение обоих выдавало их с головой. Младший, по существу еще мальчик, сидел неподвижно, а старик хлопотал по хозяйству. Даже приезд столь знатных гостей не смутил юношу. Бухар-жырау, как

простолюдина, тоже оставил своего хозяина-хана и вышел вслед за старым рабом икобы с целью помочь ему. Потом они вернулись вместе, принесли в миске шубат и казан с мясом молодого барашка. Все четверо сели за еду.

Абулмансур сообщил гостям о том, что давно уже пасет верблюдов, и сразу же перевел разговор на другое. Уже дважды его немигающий взгляд сталкивался со взглядом пронизательного жырау. И Бухар-жырау понял, что юноша обо всем догадался. Да, так оно и было: когда они выходили вместе из юрты, раб Ораз, узнав в своем общительном госте знаменитого народного певца, рассказал ему про все. Юный султан был обязан жизнью своему верному рабу. Сейчас жырау стало почему-то тревожно за судьбу этого старого человека. Слишком уж необычный взгляд был у юноши...

Молодой султан вдруг показал на сидящего у самого входа в юрту Ораза:

– Он мне почти отец, этот человек. Не будь его, я не остался бы в живых!

Так искренне это было сказано, что даже многоопытный жырау поверил в добрые чувства юноши.

– Знаю!

Он кивнул и в тот же миг понял, что невольно обрек раба на смерть. Ему ведь приходилось уже видеть этот немигающий взгляд чингизидов. Знал он и Аблая-Кровопийцу. Как же он мог поддаться на удочку этого юнца!

А Абулмансур задумчиво посмотрел на ничего не подозревающего старика у входа и отвернулся. Нужно было спасти положение, и жырау тронул рукав рваного халата, наброшенного на плечи Абулмансура:

– Да, мой мальчик, раб рассказал мне обо всех ваших мытарствах и муках в плену. Иметь такого верного человека – большое счастье в наши дни. Такие люди верны и в горе и в радости, что встречается еще реже!..

Вещий жырау говорил и с каждым словом все больше убеждался, что это напрасно и участь бедного раба решена.

Юный табунщик смотрел ему прямо в лицо своими немигающими глазами. По спине у жырау невольно пробежал холодок. "Какие все-таки у него глаза: как у змеи! – подумал он. – Так же блестят, и то же бес-

страстно. Откуда это? Наверно, от вампир-деда, которого не называют иначе, как Аблай-Кровавищца. И конечно же, не преминет он ужалить этого доброго человека, спасшего ему жизнь. Одна из мудростей чингизидов в том, чтобы не оставлять в живых свидетелей собственного позора и беславия, а то и просто людей, много знающих о них. О боже, как спасти этого несчастного человека?..”

Его раздумья прервал хан Абулхаир. Он-то и задал этот вопрос, который никому не давал покоя в степи:

– Как же случилось, мой жырау, что докатились мы до такой беды? Почему, словно сайгаки, побежали наши племена и роды перед джунгарами? Где наша былая сила?..

Нелегкий был этот вопрос, и жырау только угрюмо покачал головой. Но хан Абулхаир не отставал:

– Тебя называют хранителем нашего прошлого, жырау. Слава о твоей мудрости идет по всей степи. Скажи же, почему все это происходит? Неужели после Касым-хана не родилось в нашем народе ни одного человека, который мог бы предвидеть такую беду и заставил бы людей подготовиться к отпору врагу!..

– Почему же, были такие люди!.. – Бухар-жырау махнул рукой. – Но одно дело – желание, другое – умение управлять людьми в степи. Кочевники мы, и всякий, коль не по нраву ему что-нибудь, садится на коня и едет на все четыре стороны. Сам Касым-хан не смог до конца справиться со своеволием родовых старшин. Разве не погиб он от рук тех же ногайлинских биев, которых хотел сплотить в одно ханство? И туркестанские города, за которые воевал он всю жизнь, разве не переходили потом из рук в руки? Пока сам народ не поймет, что в единстве его спасение, никому не под силу справиться с этим делом!..

– Так ли это?!

Сам хан Абулхаир, не обращавший до сих пор внимания на хозяев юрты, с удивлением обернулся. Этот вопрос тихим, но твердым голосом задал юноша-табунщик. И тогда, чтобы отвлечь от него внимание, быстро заговорил жырау:

– Да, это так. И в доказательство, если позволит мой хан, я расскажу вам историю Хакназара, который пошел дорогой своего отца Касыма, но споткнулся и погиб в самом конце пути...

– Да, конечно, поведай нам про это, жырау! – ска-

зал Абулханр, отворачиваясь от странного юноши-табунщика, осмелившегося говорить на равных с благородными гостями.

– Тогда слушайте!

Бухар-жырау опустил руки на колено, смежил веки и замер, словно пытаюсь увидеть что-то сквозь толщу лет. И когда он начал говорить, то сразу раздвинулись прокопченные стены бедной чабанской юрты, и все присутствующие тоже увидели живые, зримые образы минувшего...

– *Что в этом бренном мире горше раскаяния? Смерти подобно, когда, уступив превосходящей силе противника, ты изведешь горечь поражения. Невыносимо это чувство для сердца, – начал Бухар-жырау. – Но еще горше, еще невыносимей, когда, ослепленный сознанием собственного могущества, ты поддаешься презренному великодушью и возвращаешь свободу врагу. А враг этот, благодетельствованный тобой, вонзает тебе в спину нож, и тогда ты плачешь не от боли, а от позора за недостойное мягкосердие!*

Ни шутки и прибаутки, ни звонкий молодой смех, которым наполнена была до краев огромная двенадцатикрылая юрта, не могли рассеять мрачные мысли хана Хакназара. Самые красивые девушки и самые лихие и веселые джигиты собрались у него. Это всегда помогало в таких случаях, словно пропитывая все вокруг вечной, быстро забывающей горе юностью. Но на этот раз рана оказалась слишком глубокой.

Он хмуро молчал, лишь порою рассеянно смотрел на огромный кувшин выше человеческого роста, где на древнетюркском языке было написано:

Этот кувшин должен наполниться золотом.

Или чистым звонким серебром.

Или сладким густым вином.

Если не ими, то горькими человеческими слезами.

Хан оставался нем даже к милому щебетанию своей будущей свояченицы, всеми избалованной красавицы Акбалы, которая, нежно навалившись на его правое колено, нашептывала ему прямо в ухо безобидные колкости.

– *О мой правящий зять!* – Залившись смехом, она больно ущипнула его за бедро сквозь расшитые зо-

лотом бархатные штаны. – Хоть улыбнулись бы, великий хан, хоть пару слов подарили бы нам. А то собрали гостей и сидите подобно Кульмес-хану, который за всю жизнь ни разу не улыбнулся людям!

Шаловливая родственница, по всем степным законам, имеет на это право, но он должен ответить в том же духе, чтобы не испортить проходящие сейчас свадебные торжества. И он тоже легонько притянул к себе за талию свояченицу. Но в глазах его стояла ночь, а в груди словно были насыпаны красные жаркие угли. Мысли неумолимо возвращались к тому известию, которое привез гонец-шабарман. Времени, равного одной кобыльей дойке, еще не прошло с тех пор...

Снова где-то под ухом звонко засмеялась неутомная Акбала, подергала его за рукав:

– Про вас говорили, что вы бесстрашнее тигра в бою, а испугались девушек Сарайчика... Не бойтесь, мы не питаемся мрачными властителями!..

И тут только хан Хакназар вспомнил, где сейчас находится и как должен себя вести... Да, он в Сарайчике!

На руинах Золотой Орды поднялись три ханства: Казанское, Крымское и Астраханское. А великий Сарай на Едиле, куда сходились торговые дороги, куда со всех сторон земли шли караваны с неслыханными богатствами и откуда полмира ждало ханского приказа, погиб. Вместо него теперь Сарайчик – небольшой городок на берегу Жаика. Запущенными выглядят белокаменные караван-сарай, поблекли и потрескались голубые купола мечетей и дворцов, где обитают сейчас астраханские и ногайлинские бии и мурзы. В крепостях вокруг города осели стены, обвалились башни. И все же жизнь не замерла здесь. По-прежнему идут через город караваны, полнятся верующими мечети и блестят при солнце и луне золоченые полумесяцы. Чего же не хватает этому городу, чтобы вернуть себе былую мощь?..

Ногайлинские бии, в основном из главенствующего рода мангит, сделали после падения Золотой Орды Сарайчик своей столицей. Потом к Ногайлинскому ханству присоединились многочисленные казахские племена и роды, кочевавшие вдоль Едила и Жаика, и Сарайчик стал центром большой раз-

племенной страны. Передразниваясь между собой ногайлинские вожди вместе со своими подданными постепенно разошлись в разные стороны: одни в Казань, другие в Астрахань, некоторые в Синюю Орду, но многие остались и смешались с казахами в единую Белую Орду, а от некогда могущественного Ногайлинского ханства остались лишь древнее название да этот город – Сарайчик. Так обстоит дело теперь, когда он, хан казахской Белой Орды, Хакназар, прибыл сюда из своей восточной столицы Сыгнака с большим войском, имея тайную цель, которой ни с кем не делился...

Его отец, хан Касым, отобрал у потомков Абулхаира и Хромого Тимура древние казахские земли по нижнему течению Сейхундарьи, зеленые поймы Каратала, Сайрама, Таласа и Чу, прихватив попутно и часть киргизских, каракалпакских и ногайлинских владений, которые остались без сильных покровителей. И хоть сам хан Касым обычно сидел в неказистом Каратале, его конница могла в короткий срок пересечь казахскую степь в любом направлении и обрушиться на непокорных или тех, кто зарился на подвластные ему области. Подобно своему пращуру Чингисхану, он раздал подвластные земли своим сыновьям, близким родственникам и приближенным, не позволив никому до конца его дней нарушить ханскую волю. И все же погиб хан Касым в междоусобной борьбе, когда во главе большого войска прибыл сюда, в ногайлинские пределы, усмирять непокорных, которые захотели переметнуться из-под власти сурового хана к астраханскому владыке.

После этого в 1537 году узбекский хан Абдуллах и хан Моголистана Абдрашит объединились, вторглись в казахские земли и поделили их значительную часть между собой. Большинство казахов откочевало тогда на еще свободные земли Сарыарки.

Но вечен народ, как и сказочный алмазный меч. И разве упрячешь его в котомку? Прошел всего лишь год после нашествия, и в глубине Казахской степи, у подножия древней горы Улытау, оставшиеся племена и роды подняли на белой кошме тридцатилетнего Хакназара – младшего сына хана Касыма...

Да, так ничего и не смог сделать Абдуллах-хан.

В собственном войске его назревало брожение, и опасно было посылать узбекских ополченцев в глубь степи на борьбу с родственным народом. Лишь часть Семиречья, заселенная киргизско-казахскими племенами, осталась под властью Абдуллах-хана, да и то до крепости Жадан. Оставшуюся часть взял себе в качестве платы за помощь моголистанский хан Абдрашит.

Не обошлось и без предательства, наглядно показавшего, что очень часто узкофеодальные интересы властителей становятся выше общегосударственных и народных. В то время, когда казахские роды и племена находились на грани уничтожения, Шагай-султан, сын старшего сына Касым-хана Жадика, снюхался с завоевателями и, отделив от завещанного отцом ханства часть Туркестана, провозгласил себя самостоятельным правителем. Ясно было всем, что самостоятельность его была лишь видимой...

Да, немало лет прошло с тех пор, но одним большим и трудным днем кажутся они сейчас хану Хакназару. И на триста лет хватило бы многим другим, укрытым горами или защищенным морями, государствам того, что случилось за эти три десятка лет с не защищенным никакими границами степным ханством. Как отец его и дед, как все другие степные властители до него, молодой хан сразу же настойчиво взялся за объединение разрозненных казахских родов и племен. Казалось, что после страшного разгрома все придется начинать с самого начала. Однако он радовался и тому, что вечные враги – китайские богдыханы, занятые междоусобицами, – оставили на время казахский народ в покое. Но ничто в истории не проходит бесследно. Не прошла напрасно и та вековая работа по объединению народа, которую провели до него наиболее дальновидные деятели. Остались в памяти народной те песни, зовущие к объединению, которые пели великие народные певцы. Зерно уже было брошено. И хоть земля, куда оно упало, была жесткой и слежавшейся казахской целиной, доброе зерно проросло, как только пролились в степи новые дожди!..

Так или иначе, снова пришлось ему собирать под единое знамя казахские и родственные им киргизс-

кие и караванские роды и племена. Жесточайшая борьба с самовластными степными биями и султанами, бесчисленные кровавые стычки и большие войны – все это пришлось пережить на пути к поставленной цели. Особенно больших жертв потребовала борьба за освобождение древних казахских городов по Сейхундарье, захваченных в свое время шейбанидскими ханами. После смерти грозного Мухаммеда-Шейбани его ханство было ослаблено внутренними раздорами и не решилось тревожить казахские земли, страшась стремительной конницы Касым-хана. Но к началу ханствования Хакназара золотой трон в Бухаре занял Абдуллах-султан – прямой потомок Абулхаира. Этот молодой барс был внешне похож на могучего прадеда и во всем старался подражать ему, в том числе и в набегах на степь. Заручившись поддержкой своего старшего брата Убайдуллы-султана, он стал совершать поход за походом, считая своими все земли, завоеванные некогда грозным Абулхаиром и Мухаммедом-Шейбани. Но бодливой корове бог рог не дает: тяжелым грузом повисли у него на руках многочисленные двоюродные и троюродные братья, которые также хотели славы и власти. Распри, считавшиеся уже нормальным явлением, превратились в самую настоящую войну. Она стала еще острее, когда в нее вмешались казахские ханы и султаны. Это бывало всегда, когда возникала война в древних земледельческих оазисах, так случилось и на этот раз...

Захвативший часть Туркестана и отделившийся от основного казахского ханства Шагай-султан поддерживал в этой борьбе Абулхаирова потомка Абдуллах-хана. Хакназар, снова объединяющий казахов, взял сторону его врага – Баба-султана, тоже из рода Абулхаира, но связанного близким родством также и с тимуридами. И чем ожесточеннее шла борьба между Баба-султаном и Абдуллахом, тем больше укреплялся в степи Хакназар.

Ядовитой занозой в теле возрождающегося государства сидел в своих отделившихся землях Шагай-султан. Это были наиболее развитые районы ханства, где производились столь необходимые кочевникам товары, осуществлялись торговля и культурные связи с южными соседями. Мешали

полному объединению и непрерывные радости между присоединившимся к ханству каракалпакскими и каракалпакскими племенными вождями. И тогда, по примеру предыдущих ханов-объединителей, Хакназар ушел в глубь степи, к Улытау и Аргынааты. Роды и племена, населяющие эти места, а также долины рек Есиля, Иртыша, Тобола и Нуры, прибрежные земли Голубого моря – Балхаша, стали, как и в давние времена, костяком объединения. Однако у них явно не хватало сил для предстоящей длительной и тяжелой борьбы с потомками Абулхаира – шейбанидами, не говоря уже о никогда не прекращающейся джунгаро-китайской угрозе. Как только наступало ослабление степи, сразу же, по подсказке великоханских советников, усиливали свои набеги на казахские аулы со стороны Джунгарии и Алтая ойротские контайчи. Где-то там, на северо-западе, за широким Едилем, возникали очертания великой русской державы, и хан Хакназар все чаще поворачивал голову в ту сторону. Когда править в открытой степи, нужно иметь тонкий нюх и предвидеть все на многие годы вперед. Кто знает, чего ждать с той стороны: нового врага или опоры в битве со всеми барсами, волками и тиграми, которые рычат с трех сторон на обескровленное ханство?..

Вот тогда и решил двинуться к Едилю со всем своим войском хан Хакназар. Прежде чем вступить в решительную схватку с потомками Абулхаира – шейбанидскими ханами – за города Сейхундарьи, следовало навести порядок здесь, а заодно выяснить, чего можно ожидать в ближайшее время от нового могучего соседа. Казанское и Астраханское ханства находятся между Русью и его ханством, но то, что новая грозная сила появилась на Едиле, можно было заметить по неожиданной мягкости и сговорчивости казахских и астраханских властителей, по нервозности крымских Гиреев...

Повод всегда найдется, были бы войска, которые можно привести с собой. А войск хан Хакназар взял тогда с собой на берега Жаика немало. Вся пойма реки в обе стороны от Сарайчика до самого горизонта дымилась кострами. Люди смотрели на скачущих всадников в полном боевом снаряжении и молчали. Что же, великий хан Белой Орды в кои

всеки прибыл помолиться над прахом своего отца грозного Касым-хана. И не приличествует ему разъезжать по степи одному. Чем больше всадников с ним, тем большее уважение вызывает он у подданных и соседей. Таковы законы степи...

Но разве бог не услышит шепот, говорят в степи. Кочующие в пойме Жаика и Едиля роды и племена мангит, алийин, байулы, алимудлы, жагалбайлы прекрасно понимали, что ханская набожность всегда связана с земными интересами. Вечерами в кочевьях гадали, что влечет за собой для их аулов прибытие хана. Наиболее недалековидные и горячие головы считали себя свободными от любого подчинения и думали прожить в таком беспокойном краю сами по себе, без чьей бы то ни было помощи и поддержки. Другие считали себя подданными астраханских ханов, которые, впрочем, сами числились в подданстве Белой Орды. Но в самом Астраханском ханстве после смерти Тимур-бия уже десять лет происходили смуты и волнения...

Свое веское слово произнес тогда знаменитый народный певец Шалкиш.

– Как бы по-разному ни думали все мы, ближе всего нам по духу и родству Белая Орда! – сказал мудрый жырау. – Встретим же как близкого родственника Хакназара и послушаем, что он скажет нам.

Хана и сопровождающих его людей поселили в главном дворце ногайлинских биев, быстро приведя его в порядок. Прямо на берегу Жаика, кроме того, были разбиты белые юрты, потому что не привыкли степные властители к каменным стенам и чувствовали себя лучше в привычной обстановке. Огромные табуны коней, тысячные отары овец пригнали для пропитания войска. И, как всегда, устроили состязания джигитов с последующими празднествами, где соревновались уже певцы и сказители. А пока все это отвлекало внимание, в тишине велись переговоры с местными биями и султанами...

Издравле в стране казахов подобные переговоры начинают мудрые бии. Где бы это ни происходило: в Сарыарке, в Семиречье-Джетысу или в присырдарьинских кочевьях, – первым берет слово тебе-бий, то есть верховный бий. И сидит он в соответствии

со своим подомжением на возвышенном месте. За ним начинают говорить толе-бии, то есть помощники. То же самое происходило и здесь, на берегах Жаика, только главный бий назывался в этих краях бас-бием или казык-бием, а помощники его – урымтал-бием и ушымды-бием. В задачу урымтал-бия входило примечать слабости в позиции другой договаривающейся стороны и острым словом выделять их из общего строя переговоров. Стремительный ушымды-бий должен был немедленно подхватывать мысль напарника и развивать ее в выгодном направлении.

Так как престарелый Шалкииз-жырау к этому времени уже не участвовал в таких советах, его место занял главный столбовой бий Ногайлинского края – по имени Койсары-бий из рода алишин.

– Окунешься в пучину мыслей, и сразу сжимается сердце от душевных страданий, теряется сон, и есть не хочется. Окунешься в море веселья, и сердце расправляется, спишь спокойно и ешь с радостью! – так начал этот непревзойденный мастер слова свою речь. – Вот уже много лет мы живем в дружбе и радости с вами, дорогой хан Хакназар. Дружны наши пастухи на джайляу, дружны наши караванчики в дальних странствиях. Вот почему мы не спрашиваем действительную причину твоего появления в наших краях с таким большим войском. Я не хочу начинать свою речь с вопросов дорогому гостю. К тому же мои старые уши уловили людскую молву, что пришел ты сюда с достойной целью помолиться на отцовской могиле и построить над ней мавзолеей с куполами, как это приличествует высокому хану...

Все присутствующие бии из местных родов согласно закивали головами:

– Все правильно, наш высокий бий!..

– Хорошо сказал наш златоуст!..

– Да, если был тебе отцом великий Касым-хан, то мы чтили его и как покровителя страны Ногайлы. Посмотри, мы не дали потускнеть полумесяцу на его могиле! – Койсары-бий протянул руку в ту сторону, где покоились ханы и мудрецы ногайлинцев, тонко намекнув таким образом гостю, что ради украшения отцовской могилы не стоило бы приводить с собой такое большое войско. – К нашему

несчастьем, мы не смогли когда-то уберечь его. Но разве быстротечное время и ненасытная земля щадят кого-нибудь? Мало ли поглотила она великих людей, с тех пор как стоит мир? Как бы ни был длинен путь, впереди все равно смерть!..

Грустно завздыхали, закачали головами бии и аксакалы. А Койсары-бий, выждав положенное время, приступил к следующему колену своей речи.

— Не будем же говорить о прошлом, о всех неприятностях и тяжбах, которые случались между нами. Пора подумать о грядущем. Вся наша надежда на будущее. И мы думаем: именно для того, чтобы поговорить о будущем над старыми могилами, проделали такой длинный и тяжкий путь через всю степь наши братья. Благословим же их приход!..

И все знатные и уважаемые люди из местных родов и племен коснулись руками бород, зашептали божье благословение.

Потом слово взял тебе-бий Белой Орды Аксопы-бий:

— Очень удачно начал ты свою речь, Койсары-бий, напомнив о минувших временах. Мы знаем, что некоторым недалеким людям показалось, что растаяло в тумане времен единое Казахское ханство, за которое проливали кровь наши и ваши предки. Но когда превращается в бурелом могучий бор, то разве не остаются от него черенки? И разве не зазеленеет он с первыми дождями? Будет это, и на вершине самого могучего дуба, как и прежде, угнездится степной орел с сильными неутраченными крыльями... А если иссякло море, то только слепец не видит того родника, который остался и шумит, предвещая в будущем могучие волны!.. Умирает аргамак, но остается тонконогий жеребенок, который растет и скачет все дальше и дальше в степь!..

Разве не по тем же законам живем мы, казахи?.. Почил вечным сном в этой земле орел Белой Орды Касым-хан, но оседлал его коня Хакназар-оглан. Родные мои казахи — с севера и юга, с востока и запада, — все вы видели, как свирепый ураган ломал стойки юрты нашей Белой Орды, которую ставили Джаныбек, Керей и Касым-хан. Стены уже начали развертаться, и черный вихрь подхватил белое войлочное покрытие, чтобы унести его в небо. И тогда,

в самую трудную минуту, достойный сын Касым-хана взял ее сильной рукой за остои, поставил твердую подпорку к накренившемуся вбок решетчатому куполу, и уцелел наш общий дом...

Немало лет прошло с тех пор. И не успели мы еще наложить заплаты на прорванные стены, как новые свирепые ветры зарождаются по границам степи. Много желающих поживиться обломками нашей юрты, растащить по косточкам, развеять над степью прах наших кочевий. А первый среди них – шейбанид Абдуллах-хан Бухарский, сумевший взять верх над другими владыками в своих землях и уже грозивший нашим кочевьям на востоке полным порабощением. С ним идут не только хищные потомки хана Абулхаира и многие тимуриды, но и наш брат Шагай-султан. Вы можете сказать, что наши дома и пастбища далеки от этого коварного и беспощадного врага. Но и Улытау также далек от нас. А кто из вас не понимает, аксакалы, что если на протяжении столетия не уничтожили здесь нас могущественные враги, то только потому, что в глубине степи всегда наготове была грозная конница Белой Орды. И они знали, наши здешние враги, что эта конница в ту же минуту двинется к нам на выручку, считая нас частью единого Казахского ханства!.. Я спрашиваю вас, бии и аксакалы, что станет завтра с нами, если падет там, в Сарыарке, наше общее знамя под ударами хищных шейбанидов?!

Наступило молчание. Бии и аксакалы ногайлинских кочевий думали. И вдруг раздался относительно молодой голос:

– Все хорошо ты сказал, мудрый Аксопы-бий. Но зачем для того, чтобы сказать нам это, они привели с собой такое большое войско?

Осуждающе качнулись головы у аксакалов. Все они прекрасно понимали, что от века в степи не имели силы самые мудрые слова и добрые пожелания, если не стояло за ними войско. И теперь кто-то из них проявил свою глупость, выразив сомнение в этом непреложном правиле.

– О нет, дорогой бий... – Тонкая улыбка появилась на губах у Аксопы-бия, когда тот повернулся к спросившему. – Если мы пришли сюда с войском, то это не для того, чтобы напугать вас, а лишь для

того, чтобы обрадовать своих братьев нашей силой и могуществом!

И все головы одобрительно склонились, приветствуя такой мудрый и вежливый ответ.

— Мы безмерно рады вашему прибытию! — сказал Койсары-бий и широко повел рукой, показывая тем самым, что местные роды и племена готовы восстановить тот союз, который существовал между ними и Белой Ордой в предшествующее столетие.

После него говорили бии, выступая по старшинству, за ними пришла очередь простых аксакалов и батыров. Три дня еще продолжались эти разговоры, ибо по-настоящему необговоренное дело считалось необязательным. Лишь в конце произнес свою речь сам Хақназар.

— Хивинские и бухарские владыки хотят навсегда растоптать наше ханство, — сказал он, указывая на юг. — От наших колен происходят все они, ибо из нашей степи пришли туда Абулхаир и Хромой Тимур. Но такие дети всегда полны неблагодарности, и нечего ждать нам от них пощады. Другая жизнь у них и другие интересы. Нам же некуда уходить из своей степи!

Так была улажена старая распря, связанная со смертью Касым-хана, который погиб когда-то именно здесь от рук ногайлинских казахов. Десять тысяч всадников обязались выделить здешние кочевья для борьбы за присырдарьинские земли и города с Абдуллах-ханом. Принятое решение как бы подтверждало воссоединение этих земель с Казахским ханством. А в знак верности и незыблемости союза самый богатый и родовитый человек Карасай из рода жагалбайлы согласился выдать свою дочь за Хақназар-хана. Так повелось от предков...

От знатных башкирских родов были жагалбайлы, и девушки из этого рода всегда отличались неотразимой красотой. Но дочери Карасая — Акторгын и Акбала, казалось, затмили все слухи и легенды. Такие тонкие талии, такие ниспадавшие до пят толщиной в руку косы, такой жгучий румянец на щеках и огромные лучистые глаза были у обеих, что невольно вспоминались древние сказания о небесных девах, разивших могучих батыров одним своим видом...

Одну из них, старшую, черноокую Акторгын, по-сайлицы решили отдать за хана Белой Орды как выкуп за некогда убитого его отца...

Но почему же столь озабочен сейчас хан Белой Орды?.. Исполнилось то, ради чего двинулся он сюда со всем своим войском. Страна Ногайлы, населенная разнородными степными племенами, снова признала свое подданство Белой Орде и выставляет десять тысяч воинов для общего дела. И произошло это без обычного кровопролития, а по доброму согласию. Во всяком случае, хан увидел, что наиболее дальновидные и мудрые люди здесь отлично понимают важность сохранения единого Казахского ханства для всех без исключения степных родов и племен.

Сегодня утром начались свадебные торжества. Как растревоженный улей выглядел Сарайчик. На невиданные цветы были похожи разодетые в шелка девушки и джигиты. Из всех караван-сараяв и подворий неслись звуки труб и барабанов. А на свободных площадках уже происходили состязания борцов, неизменные конные игры с козлодранием, стрельбы из лука по мешочкам с золотом и серебром.

В полдень к главному дворцу, где находились уже хан Хакназар, старец Шалкииз, ведущие бии обеих сторон Коисары и Аксоны, а также Карасай-бий со своими родственниками, стали съезжаться высокородные влиятельные люди – люди “белой кости” – от всех родов и племен страны Ногайлы. А Хакназар направился в юрту невесты.

По старинному обычаю, жениху следовало еще исполнить шутовскую роль в игре “тюйебас” – “верблюжья голова”. И хан исполнил бы ее, чтобы показать свою простоту и вежливость возвратившимся под его знамя родам, но женщины сами не позволили ему сделать это. Они лишь усадили его опять на шелковые подушки и ограничились скромными шутками. Хан повернул голову направо и тут только увидел свою будущую седьмую жену. Она полностью оправдывала свое имя Акторгын, что значит “Белая кисея”. В белоснежной накидке и поддевке с золотым позументом, она едва слышно перебирала струны маленькой домбры, и целая охапка перьев филина мягко колыхалась на ее круглой шапке в такт звукам. Да еще тихо вздрагивали длинные ресницы, прикрывающие большие черные глаза...

– Ах, забыли мы задернуть полог! Молодая и красивая девушка незаметно вскочила и плавающим движением белой руки скрыла девушку от мужских взоров. – Раньше вознаградите меня, дорогой зятек, за такое удовольствие!..

Все засмеялись. Теперь и у хана Хакназара повеселели глаза. Морщины на его суровом лице разгладились, и сразу стало видно, что он еще относительно молод. Глаза его невольно стрельнули в сторону задернутой занавески. И в этот момент в юрту вбежал шабарман – гонец. По одежде его можно было сразу догадаться, что он из присырдарьинских родов, а по слою пыли на ней – что он скакал без отдыха день и ночь, чтобы доставить хану важное известие. Прищуренным взглядом окинув присутствующих, шабарман склонился перед ханом:

– Мой хан-государь, срочная весть!..

Хан впился в него взглядом, припоминая:

– О, ты не Кияк-батыр?!

– Да, это я, мой повелитель-хан!

Молча поклонившись прекрасной родственнице, хан Хакназар вышел с гонцом в сад. Присутствующие зашептались. Откуда-то стало известно, что Кияк-батыр прискакал из далекого Каратала. Но какую весть привез он, никто не знал. Вскоре хан вернулся, а гонец, сменив взмыленного коня, тут же поскакал назад в Белую Орду...

– Обычное донесение, так что не нарушайте торжества! – сказал вполголоса хан, и все продолжалось в принятом порядке.

Глубоко задумался Хакназар...

Бухар-жырау прервал свой рассказ. Как раз в этот момент раб Ораз пошел вторично готовить еду для гостей. Он сгреб кочергой угли табылги в одну горстку, и в юрте стало светлее. Юный Абулмансур не мигая смотрел в огонь. Вдруг он сказал:

– Хан Хакназар зря доверился рабу.

– Почему? – удивленно спросил Бухар-жырау.

– Кияк-батыр из рабов, а раб, знающий сокровенные мысли хозяина, подобен змее за пазухой.

Снова холодок пробежал по спине жырау. Неужели этот юноша и впрямь лишен человеческого

сердца? Он не ошибся в своих предчувствиях — над головой того, кто готовит им сейчас пищу, повис топор!..

Вернулся Ораз с кувшином и тазом для омовения рук. Бухар-жырау продолжал наблюдать за Абулмансуром. Если тот выдает себя за младшего табунщика, то ему не мешало бы быть поскромней. Только слепой не заметит, что в то время, когда старший хлопочет возле заблудившихся на охоте путников, подросток ведет себя со знатными гостями как равный. Вместе с ними подошел он к тазу, и раб предупредительно полил ему на руки воду...

Они молча поели, передохнули после еды. Ханские туленгуты не появлялись, и жырау продолжил свой рассказ о прошлом...

— Хану Белой Орды Хакназару было над чем подумать... Давно уже испортились отношения между ханом Хакназаром и султаном Шагаем. А когда Шагай положил начало расколу Белой Орды, совсем еще юный Хакназар объявил его вне закона. Воспользовавшись малолетством Хакназара и безмерным деспотизмом Тахир-хана, Шагай в то время отделил от Казахского ханства большую часть Туркестана и в нарушение всех законов степи провозгласил себя самостоятельным правителем.

Но и с этим можно было бы смириться и образовать хотя бы общий союз родственных стран. Однако самозванец пошел дальше в своем вероломстве, заключив соглашение с самыми лютыми врагами Казахского ханства — шейбанидами, потомками кровавого Абулхаира. Простить это было уже невозможно. Так и случилось, что сыновья Касыма и Жадика — прямые отпрыски хана Джаныбека — превратились в кровных врагов.

И вот, как-то возвращаясь из очередного набега, султан Шагай остановился передохнуть в ауле одного бывшего абулхаировского батыра из рода конрад. Был он в скромной одежде, и никто не узнал его. В степи не принято расспрашивать остановившегося на ночлег человека, кто он и откуда.

Ночевал Шагай-султан в юрте аксакала Абулькасыма — правнука Урчи-батыра. И случилось так, что юная дочь хозяина юрты влюбилась в статного горбоносого путника, хоть Шагаю перевалило уже к тому времени за сорок. Он тоже не

остался равнодушным и ночью побывал на ее ложе. Так пришлось ему по сердцу этот нераскрывшийся бутон, что, возвратившись к себе на родину, султан сдержал данное в ослеплении страстью слово и послал к аксакалу Абулькасыму сватов, а также считающиеся в счет калыма подарки...

Но аксакал Абулькасым был глубоко предан Казахскому ханству и держал в междоусобном споре сторону Хакназара. Узнав, что у него гостил ненавистный Шагай-султан, который вдобавок хочет породниться с ним, он наотрез отказал сватам. Аксакал к тому же боялся, что, узнав про все это, хан Хакназар может подумать что-нибудь недоброе о нем самом. И в тот же день он отправил письмо отцу нареченного жениха своей дочери – правителю Созака Сулеймену-ходже: "В нашем саду созревает обещанный вам плод. Пора снимать урожай, пока не польстились на него перелетные птицы..."

Не прошло и недели, как была сыграна свадьба, а распаленному страстью Шагаю пришлось кусать в ярости собственные локти. Он сердился на своих упитанных неповоротливых жен, ласки которых казались ему пресными при воспоминании о Куньсане. А через девять месяцев до него дошла весть, что невестка правителя Созака родила сына. Слово обломок ножа осталось у него в сердце от всего этого.

Прошли годы, и, как залежавшееся без употребления серебро, стала тускнеть его неутоленная любовь к Куньсане. Но вот как-то из уст караванщика, прибывшего в Ташкент из Созака, Шагай услышал, что сын Сулеймена-ходжи умер от моровой язвы, а жене его Куньсану собираются по закону аменгерства – преемственности жен между родственниками – передать старшему сыну правителя Созака. И тогда потухающий огонь в груди Шагай-султана вспыхнул с новой силой. Желтая пелена ревности опустилась ему на глаза, и он уже ничего не видел и не представлял, кроме далекой чуждой женщины, у которой побывал однажды на ложе...

В ту же ночь, переодевшись, по своему обыкновению, простолудином, Шагай-султан с десятком верных телохранителей отправился в путь. Он знал, что по закону вдова пока что находится у

Сулэймена-ходжи. Пробравшись в Созак, Шагай-султан бесцельно ворвался в дом правителя и, связав стражу, увез Куньсану вместе с четырехлетним Тауекелем, которого считал своим сыном. Лишь наутро весть о похищении женщины с ребенком распространилась по Созаку. Хаким – военный правитель города – организовал погоню, но разве можно догнать ветер в поле?!

И никто не знал в Созаке, что под утро весь отряд Шагай-султана попал в руки нукеров Хакназар-хана. Разъезды Белой Орды ежедневно объезжали южные рубежи ханства, охраняя подданных от набегов беспокойных соседей. Один из таких разъездов и наткнулся у водопоя на спешившихся джигитов Шагая и, заподозрив недоброе, окружил и связал их. К обеду следующего дня задержанные во главе с самим Шагай-султаном были доставлены в Сызнак, к хану Хакназару.

Хакназар в первую минуту безмерно обрадовался тому, что самый непримиримый враг его попался к нему в руки. Но он был молод и не воспринял еще принятую в степи государственную мудрость. По неписаным законам, неприлично было расправляться с врагом, захваченным не на поле боя, а случайно. Будь на месте Хакназара более опытный властитель, он бы не стал этого делать. Просто проводил бы с почетом своего врага, как гостя, но по дороге тот бы случайно упал с лошади и сломал себе шею. Или поел бы гость что-нибудь не то за столом и вдруг умер. Все бы понимали, в чем дело, но никто не осудил бы такого властителя, ибо соблюдены были бы все необходимые правила.

К тому же хан Хакназар думал и о людском мнении. Что скажут и станут делать подданные, если братья ханской крови начнут таким способом уничтожать друг друга! Нет, это недостойно и попросту неразумно. Мир между мужами – это мир между государствами! Так решил тогда хан Хакназар и теперь терзает себя.

Хан Белой Орды все же не мог удержаться от торжествующей улыбки, когда увидел ненавистного ему родича связанным, в порванной домотканой рубахе, которая под стать бродяге, но не султану. Увидев улыбку Хакназара, Шагай испугался не на шутку. Он представил себе, что сделал бы сам с

попавшим впрямую врасплох. Но Хакназар стоял тогда со своей распахнутой золотой подушкой и протянул навстречу Шагаю обе руки, как бы отдавая дань старшинству его рода.

– Благополучно ли доехали, Шагай-султан? – сказал он тогда, и молодой, дрогнувший от волнения голос навсегда остался в его собственных ушах. – Эй, вы, развяжите моего брата!

И те, кто привез Шагая связанным, послушно перерезали веревки. Единственное, что позволил себе по отношению к гостю хан, – это назвать его только султаном. Но так оно и было по законам Белой Орды, завещанным отцами. Лишь один хан мог быть у казахов, и только тогда прекратятся свары и междоусобные войны...

Нукеры начали разрезать веревки и на захваченных телохранителях Шагая, и тут произошел случай, тоже запечатлевшийся в памяти хана Хакназара. Шагай, разминая руки, вытянул их вперед. Один из нукеров подумал что-то недоброе и подскочил тотчас к нему с обнаженной саблей. Шагай побледнел, пошатнулся и рухнул на пол. Именно в этот момент хан Хакназар увидел большие, расширившиеся до предела глаза женщины. Она смотрела на Шагая, удивленная его трусостью. Рядом с этой необыкновенно красивой женщиной, которая была в одной нижней рубаше из самаркандского шелка, стоял мальчик лет четырех – с глазами матери.

– Женщину с ребенком отвезите в Созак, к ней домой! – приказал Хакназар.

Но женщина не сдвинулась с места.

– Никуда я не поеду! – сказала она тихо, глядя прямо в глаза хану. – Не забирайте меня у Шагай-султана. Это его ребенок, и я хочу быть с ним всю жизнь...

– Ты сказала, что хочешь быть с ним всю жизнь?.. – Хан Белой Орды загадочно посмотрел на нее. – А если мы сейчас за разрушение единства казахов обречем его на смерть, подставишь под клинок свою голову вместе с ним, как велит обычай?

– Да! – твердо сказала она.

– Ну а что будет тогда с твоим сыном?

– Чем могу я помочь ему, если такова его судьба!

Он долго думал тогда, хан Хакназар, об этой

женщине. Тогда она очень уж обижена на родственников своего умершего мужа, что готова идти куда угодно, только бы не возвращаться в их семью, то ли действительно так самозабвенно любит этого человека с горбинкой на носу... Когда-то отец нарек хана лишь Акназаром, а уже в народе дали ему имя Хакназар, то есть "Справедливый Назар". И он тогда махнул рукой, отпуская вместе с Шагаем и женщину с ребенком...

– Султан, и бог и люди ожидают, о чем пойдет у нас с тобой разговор... – сказал он Шагаю. – Мы с тобой встретились неожиданно, давай придем к согласию, которого ждут в нашей степи!

– Я слушаю тебя, хан!

– Так вот, султан... Я мог бы сказать тебе, что живым или мертвым ты должен быть с нами. Но я не хочу неволить в таком деле. Я отпускаю тебя, но прошу отойти от коварного эмира Аббуллаха. Уйди от врагов и возвратись к нам. Пусть снова станет единым Казахское ханство!..

Наверно, Шагай был искренен в тот момент, когда, полный радости и благодарности за дарованную жизнь, он повалился на колени и протянул руку к небу.

– Богом и хлебом клянусь, хан Хакназар, в верности Белой Орде и тебе, ее хану. Кровью смою я свою вину перед вами. И пусть глаза мои не увидят солнца, если отрекусь от этой клятвы!..

Хакназар вдруг увидел, что рядом с Шагаем встала на колени женщина с ребенком, и оба они подняли руки в знак общей клятвы с мужем и отцом...

Это и решило тогда судьбу султана Шагая, потому что даже без особого ханского приказа казахские джигиты могли бы его зарезать по пути домой. Но хан решил дать ему собственный конвой. Нельзя сказать, что хан не слышал о лукавстве и коварном характере Шагая. Но кто знает чужую душу? Хакназар поверил в его искренность.

Еще раз заколебался было хан Хакназар, когда перехватил взгляд поднявшейся с колен Кульсаны. Она смотрела на спасенного ею мужа с какой-то непонятной брезгливостью. Да и в глазах прощенных телохранителей читалось презрение к своему владыке. И тогда хан подумал, что поступил пра-

вильно, и не прибавит ему славы казнь этого человека. Гордость ударила в голову хану Хакназару, и он простил своего врага еще раз, ослепленный этим коварным чувством.

— До самой границы проводите высококого султана! — твердо приказал он начальнику своей стражи и повернулся к Шагаю. — А ты, мой брат и султан, возблагодари прежде всего своего брата и своего отца Жадика, именем которого судьба на этот раз благоволит к тебе. Но если не исполнишь клятвы, то не простит тебя никогда тень нашего прадеда Джаныбека, создателя государства казахов — Белой Орды!..

— Повинуюсь, мой хан!

Шагай низко склонил голову.

...А по приезде в Ташкент были немедленно казнены все десять телохранителей, видевших позор своего хана и запомнивших его клятву хлебом и богом. Ночь возвращения он пробыл с Куньсаной, а наутро приказал убить и ту, которая спасла ему жизнь.

Куньсана догадалась о намерениях супруга и перед его уходом бросилась на колени:

— О мой торе, ради сына нашего Тауекеля помилуй меня!

Шагай-султан отвернулся.

Услышав во сне вопль зарезанной матери, беспокойно заворочался, заплакал в постели маленький Тауекель. Шагай-султан в то утро приказал отдать его на воспитание одному из своих верных людей.

Уже через две недели огромное войско, представленное изменнику его хозяином Абдуллах-ханом, вступило в пределы Белой Орды. Братья пошли на братьев, и горели юрты по всей степи, плакали осиротевшие дети, бежали куда глаза глядят оставшиеся в живых люди. И некому было защитить их, потому что сразу после поимки и прощения Шагая хан Хакназар вместе со всем своим войском двинулся сюда, к Сарайчику. И, не дойдя до Жаика, вынужден был повернуть назад. Тогда тоже догнал войско гонец, посланный оставленным на южной границе наместником.

— Сколько же юрт разгромлено? — спросил в тот раз у гонца хан.

Пятнадцать тысяч, мой повелитель-хан!

Гонец смотрел прямо в глаза хану, и что-то необычное читалось в его взгляде. Это был один из множества мелких неродовитых батыров, которые со времен хана Джаныбека тысячами шли в конницу Белой Орды, не прося наград и золота за свою службу. У самых зажиточных из них была в лучшем случае юрта где-нибудь в бескрайней степи да десятка два-три баранов, которыми кормилась семья. Но Хакназар, несмотря на молодость, знал, что в таких людях его сила. Именно их юрты пострадали в первую очередь от набега Шагай-султана с Абдуллаховым войском, и они, бедные и незнатные, которых великое большинство, заинтересованы в первую очередь в силе государства.

– Что думаете ты и твои друзья, батыр?

В глазах гонца появилось удивление. Не привыкли в степи ханы обращаться к простым людям с такими вопросами. Но хан ждал, и гонец посмотрел ему прямо в глаза:

– Люди говорят, мой повелитель-хан, что растащат бесчисленные султаны-наследники нашу степь, как волки загнанного оленя!

– Значит, по душе моя державная рука?

– Даже львиная лапа легче, чем зубы бесчисленных волков!

– Ты хорошо сказал, батыр... А теперь поезжай и передай наместнику, чтобы поднимал ополчение и усилил охрану путей, ведущих в степь. Пусть оставшиеся аулы откочуют от границ Туркестана. Вряд ли двинется сейчас за ними Шагай со своим войском...

– Что передать ему о вас, мой повелитель-хан?

– Что на этот раз не придется побывать мне на берегах Жаика.

Да, тогда из-за Шагаевых козней так и не удалось ему укрепить Казахское ханство на западной его границе. Джаныбек, Керей, Касым – все ханы-объединители в первую очередь стремились к этому, ибо понимали, что без ногайлинских кочевий на западе нельзя считать Белую Орду настоящим ханством. Без твердой опоры на них нельзя и ему начинать борьбу в Туркестане за древние казахские

города. За спиной и изменника Шагая немедленно вырастает его покровитель Абдуллах с несметным наемным войском. А без выхода через туркестанские города на караванные пути Большого Востока некуда сбывать шерсть, кошмы, кожи, руду и соль, которыми богата степь. Торговцы-перекупщики из Бухары, Коканда, Ташкента, Герата дают жалкие гроши, ссылаясь на трудности провоза и громадные пошлины, какими облагают караваны тот же Абдуллах и другие многочисленные владыки – потомки Абулхаира: шейбаниды, тимуриды, моголистанские мурзы. Получается замкнутый круг, который следует разрубить во что бы то ни стало...

И сейчас, через столько лет, когда, умудренный годами и опытом, он добрался наконец до Сарайчика и когда все складывается по-хорошему, снова гонец из тех же мест. И опять все потому, что много лет назад позволил он себе быть великодушным и простить подлого Шагая. Видно, ошибки молодости так и должны сидеть занозами в теле всю оставшуюся жизнь. Не о Шагае уже теперь речь, а о его змеином отродье – Тауекеле, том самом мальчике, который стоял тогда вместе с отцом на коленях, клянясь в вечной верности. Что стоило тогда не отпустить этого мальчика вместе с несчастной матерью и клятвопреступником Шагаем. Все бы сейчас, наверное, было по-другому!..

Все повторяется. Нынешний правитель Туркестанского вилайета – потомок Абулхаира Баба-султан, известный своим непостоянством, в зависимости от положения колебался между дружбой с Белой Ордой и все тем же Абдуллахом. Совсем еще недавно, когда грозная конница хана Хакназара стояла на границах с его вилайетом и могла в два перехода появиться под стенами города, он снова поклялся в вечной преданности. Больше того, Баба-султан согласился наконец возвратить Белой Орде принадлежавшие ей когда-то города Яссы и Сауран, но попросил дать время ему и некоторым купцам для вывоза их имущества. Сам же, едва дошла до него весть о готовящемся походе ханского войска к Жаику, послал письмо к Абдуллаху с просьбой простить ему вынужденную измену. В награду за свою верность Баба-султан требовал передать ему в управление часть Ферганской долины с горо-

дом Анджижаном. Абдуллах, который с это время охотился в одном из своих бесквн на Жейхундарье неподалеку от города Чарджоу, разъярился и приказал через гонца не входить ни в какие переговоры с казахским ханом до его возвращения. Получив это известие, Баба-султан в ту же минуту переметнулся опять к Хакназару и отдал ему просимые города. Себе он выторговал при этом помощь казахской конницы в предстоящей войне с Абдуллахом. Пока тот не возвратится с охоты, достойный Баба-султан вместе со своим родственником Бузахур-султаном решили предварить его и напасть на богатые бухарские и самаркандские оазисы...

Все это было на руку хану Хакназару, и он окончательно решился на поход к Жаику. Пока будут ссориться и разбираться между собой среднеазиатские султаны, он сможет укрепить запад своего ханства и с набранным там дополнительным войском придет обратно на погибель своим врагам. По всему было видно, что Баба-султан на этот раз всерьез поссорился с Абдуллахом, и в знак своего доверия казахский хан Хакназар прислал к нему на воспитание в Ташкент двух своих сыновей и двух сыновей своего родственника Жалим-султана. Так или иначе, но эти юноши остались у Баба-султана заложниками...

И вот теперь, когда он добился своего и празднует свадьбу в Сарайчике, олицетворяющую кровную связь с ногайлинскими казахами, снова гонец, как и много лет назад. Даже видом своим похож этот вестник несчастья на того, давнего, который не побоялся сказать ему правду об отношении простых степняков к самому хану и всей "белой кости". Да, это тот же Кияк-батыр, но повзрослевший, ставший шире в плечах...

Гонец говорил, как и подобает ему, по-степенному скупю, рассказывая лишь то, что было поручено... Главный владыка шейбанидов, Абдуллах оказался не так прост, как предполагалось. Почувяв смертельную угрозу своему господству в Средней Азии, он прервал охоту и скорыми переходами двинулся от Жейхундарьи к Бухаре и Самарканду. Веером разлетелись от него гонцы в разные стороны с приказом собирать войско. А по дороге он отпустил с надежной охраной в Ташкент к Баба-султану его

пятнадцатилетнюю красавицу дочь, которую накануне пригласил в Балх, собирается сделать ее своей младшей женой. Это было, с одной стороны, поступком, говорившим, что великий эмир Абдуллах, блюститель веры и нравственности, настолько уважает своего туркестанского наместника Баба-султана, что не позволяет себе без согласия отца положить на свое ложе его дочь. С другой стороны, это служило предупреждением Баба-султану, что могут быть разорваны все отношения между ними...

Баба-султан снова заметался меж двух огней. Он бы, наверно, опять изменил хану Хакназару, но в стенах города уже стоял прибывший по его просьбе большой отряд казахской конницы. Да и отряды мятежных султанов, выступивших против Абдуллаха, что ни день прибывали в Туркестан. Особенно настроены были против эмира Абдуллаха многие тимуридские беки и султаны Самаркандского вилайета, издавна славящегося своими междоусобицами.

И вот, когда передовые разъезды огромного войска Абдуллаха приблизились к Ташкенту, Баба-султан попросту сбежал на север, в туркестанские крепости, надеясь на близость хана Хакназара.

Временным правителем города остался султан Тахир, который, по совету Абдуллахова посла Коскулак-бия, тут же выдал эмиру сподвижника Баба-султана – Шахсаид-оглана. По приказу Абдуллаха Шахсаид-оглану отсекли голову и послали ее в Яссы Баба-султану...

– Каково сейчас там положение? – спросил хан Хакназар гонца.

– Главное войско эмира продолжает стоять под Ташкентом, а часть конницы двинулась в Туркестан, к Яссам, Отрару и Сайраму.

– Вернулся ли от Баба-султана аксакал Жалим?

– Нет... – Гонец понимающе склонил голову. – Его сыновья так же, как и ваши, находятся при Баба-султани, и он их никуда не отпускает от себя!

Словно чья-то холодная безжалостная рука стиснула сердце Хакназара. Он безмерно любил своих юных сыновей Хасена и Хусаина. Не меньше любил он и близнецов Жадигея и Адигея – сыновей аксакала Жалима, которые выросли в его юрте. Может

быть, уже добрался до них кровавый эмир Абдуллах. Крепостные стены туркестанских городов ненадежны. А еще ненадежней там люди. Тот же Баба-султан может купить себе жизнь у эмира ценой жизни детей-заложников...

— Где находится сам эмир Абдуллах? — Лицо хана оставалось бесстрастным. — Остался он под Ташкентом или двинулся с конницей в наш Туркестан?

— Эмира Абдуллаха нет при войске.

— Где же он?

— В Джизаке.

— Кто ведет войско?

— Всем войском командует сын Шагай-султана багадур Таукель!

На какой-то миг ханом овладело отчание, но он все так же прямо и холодно продолжал смотреть в лицо гонцу. О, если бы вернуть ту минуту, когда единым мановением руки мог он решить участь проклятого Шагай-султана и его отродья. Теперь этот тонкошейный мальчик, который неслышно пал когда-то на колени рядом с лукавым отцом, ведет вражье войско на земли отцов, а завтра, быть может, отрубит головы его детям!

Хан приказал оповестить степь, что возвращается со своим войском. Баба-султану было передано, чтобы выслал для встречи аксакала Жалима с его и ханскими сыновьями. Это была не просьба, а требование. Ослушавшись, Баба-султан становился в ряды его врагов...

И хоть змея беспокойства грызла ханское сердце, он должен был выдержать свадебные празднества до конца. Ни при каких условиях не должен выказывать волнение хан, и тогда спокойны и уверенны будут подданные.

— Опять вы хмуритесь, мой хан!.. — Капризно поджав губы, маленькая Акбала тянула его рукав. — Неужели, увидев мою сестру, вы потеряли дар речи!..

Хан Хакназар улыбнулся, как подобает на собственной свадьбе, и стал смотреть на веселящихся гостей.

Хан слушал песни, но перед глазами его вместо серебряных украшений на платьях девушек сверкали кривые мечи палачей эмира. Он явственно видел

отрубленные головы своих сыновей, и не было муки горше этой...

Что же затмило ему тогда глаза, когда отпустил он живым и невредимым предателя Шагая?.. За эти годы Казахское ханство возвратило себе почти все принадлежавшие ему во времена хана Касыма земли. И разве отдал бы тот же Баба-султан казахские города, если бы не возросшая сила Белой Орды? Созак, Сайрам, Сауран, Отрар, Яссы так или иначе служат степи, ее интересам.

Но снова тучи над Белой Ордой. Опять хотят разорвать ее на части многочисленные враги...

Нет, не бывает этому. "Касым ханнын каска жолы" – "Столбовой путь Касыма" – эта политика завещана степи на века, и не сойдет с нее хан Хакназар! Пусть сегодня, не дожидаясь конца свадьбы, двинутся обратно к Яссам – нынешней столице Белой Орды – передовые разъезды...

Невыразимо печальный, полный сладкой тоски голос ворвался вдруг в раздумья хана Хакназара. По обычаю, после окончания песен "жар-жар" девушка в сопровождении своих сверстниц и друзей обходит все дома аула и поет прощальную песню. Эта песня о потаенных девичьих мечтах, о несбывшихся грезах, о тайной любви, которая есть у каждой забираемой на чужую сторону невесты. Девушка высказывает свои жалобы и пожелания остающимся сородичам и родителям. В "сынсу" – лебединой песне – можно было также высказать намек на недовольство женихом и будущей родней, за что потом расплачиваться на чужой стороне всю жизнь. На такое решались крайне редко, а печаль свою выражали иносказательно, прежде всего голосом. Девичье остроумие, умение и мастерство служили залогом благополучного житья в мужниной семье.

Голос красавицы Акторгын славился на всю казахскую степь от Жаика до Голубого моря – Балхаша. Такие удачно исполненные песни остаются в памяти людей, передаваясь из века в век, от кочевья к кочевью. Вот почему хан Хакназар насторожился, когда запела его седьмая жена.

А Акторгын словно понимала его теперешнее состояние. Песня была томительной, грустной, но

осторожной. Девушка избежала прямых укоров своему будущему мужу, хотя, пользуясь своим положением, могла себе позволить многое.

*Таут, таут девичьи мечты, как мираж в степи.
Казалось мне, что лишь для соловья цветет в саду роза.
Болит, болит мое сердце о судьбе этой розы:
Вместо соловья прилетел к ней грозный орел...*

Опять мысли хана Хакназара покинули свадьбу... Что говорил ему гонец – неродовитый батыр Кияк?... Никак не разбогатеют люди в степи, и что ни зима – ожидает их голод. Но сегодня он сказал еще и о том, что у "лучших людей" большие табуны, как бы предлагая хану в первую очередь взимать налоги с них. Двадцать лет назад об этом еще не говорили...

Из них, простых джигитов, состоит его войско. И в них его сила. Не очень охотно идут они сейчас за своими биями, когда те пытаются оторваться от Орды. Разве не ушло сразу же от Шагая чуть ли не две трети его всадников, когда откололся он от Казахского ханства. Им, простолюдинам, нужнее всего единое ханство, потому что только у него, Хакназара, найдут они защиту от притеснений и беззакония своих родовых владык. И от внешнего врага их лучше защитит общее войско. Вся полоса южных кочевий, от Арала до Кашгарии, страдает от непрерывных набегов бесчисленных шейбанидских, тимуридских, моголистанских властителей. Казахские отряды отвечают им тем же, а каждую зиму черные тряпки голода вывешиваются на зимовьях по ту и по эту сторону. Нечего уже стало грабить друг у друга...

Да, путь хана Касыма! Сжать все пальцы в кулак, и тогда восстановятся закон и порядок. А потом, укрепив границы, можно будет заняться и перераспределением доходов. Чем виноват этот простой джигит, который сказал сегодня ему в глаза правду? Лишь тем, что рожден от рабыни и, по древнему закону, не имеет всех тех прав и привилегий, которые имеют свободнорожденные. Многие старые законы придется ломать, чтобы стало сильным и непобедимым его ханство. А пока он правильно ответил этому джигиту-правдолюбцу. Пусть потерпит...

Дойдя до этого места, Бухар-жырау вдруг оборвал рассказ на полуслове и испуганно посмотрел на Абулмансура. Ему вспомнилось замечание юного султана о том, что хан Хакназар зря доверился рабу Кияк-батыру.

Абулмансур понял, почему остановился жырау, и, словно продолжая прерванный разговор, сказал:

– Вот увидите, жырау, раб найдет способ ужалить хозяина!

– Нет, не уходит из головы этого юного султана мысль об убийстве, – подумал Бухар-жырау. – Не сдобровать рабу, если останется он здесь. Нужно бы как-то предупредить его!”

Абулмансур ждал ответа, уставившись ему в лицо своими холодными немигающими глазами. Бухар-жырау потер виски, словно раздумывая:

– Не знаю, прав ли ты... Все же именно Кияк-батыр потом поможет сбившемуся с пути Тауекель-султану найти себя и свой народ. Разве это не так?

– Может быть, и так! – Юный султан посмотрел куда-то в пространство поверх головы жырау. – Но тайну он разболтает. К тому же не хан находит свой народ, а народ обязан покориться своему законному властителю!

– Но что властитель без народа! – горячо возразил жырау. – Целая сотня ханов не отстояла бы Белую Орду от разгрома без людей...

И вдруг зло рассмеялся Абулхаир.

– С каких это пор, мой жырау, ты меришь ханов сотнями? – сказал он. – Разве тело без головы – не простая падаля? Что же хан для народа, если не голова его!

– Есть головы, на которых виден только рот! – проворчал жырау.

– Лучше рассказывай... Что там и как было дальше с Хакназар-ханом...

Посмотрев на недвижимого Абулмансура и тревожно оглянувшись на прикорнувшего у входа старого раба, Бухар-жырау продолжил свой рассказ...

– Все уже было заранее обговорено, и собрание аксакалов ногойлинских казахов лишь придавало соглашению права закона. Хан Хакназар поставил в известность ногойлинских старшин, что сразу

же после свадьбы двинется обратно в степь. Выделенные к нему на службу погайлинские боевые отряды выступают следом вместе с новой женой его Акторгын...

Как и повелось в серьезном деле, аксакальская беседа тянулась до вечера. Когда багровое солнце коснулось линии горизонта, хан Хакназар в сопровождении аксакалов, которые теперь все вместе стали его родственниками, выехал из стен Сарайчика, направляясь к своей белокрылой юрте. Не успели отъехать и двухсот шагов, как кто-то из ханских джигитов издал тревожный возглас. Хан скосил глаза в сторону, и словно холодный нож вошел в его сердце...

Со стороны потемневшего востока во весь опор мчался всадник. Он был одет в черное, и конь под ним был вороной. Поэтому еще яснее выделялся белый плат горя на пике. Сделав знак следовать дальше, хан отстал, чтобы самому, без свидетелей, встретить гонца.

Это был брат-близнец того гонца, который усакал накануне, — Туяк-батыр. Узнав в одиноко стоявшем человеке хана, он соскочил с коня, пал на колени и хотел уже было набросить себе на шею снятый ремень в знак смерти близких. Но хан взмахом руки остановил его:

— Не надо, Туяк... Ты не у себя дома. Не делай движений, которые бы могли заметить посторонние...

— Скорбная весть, мой повелитель-хан!..

— Я знаю...

— Ваших сыновей... Хасена с Хусаином...

— Знаю!

Туяк-батыр недоуменно смотрел на своего хана. Немыслимо было быстрее его довести эту страшную весть, да и некому было сделать это.

— Чьих рук это дело?

— Баба-султана, мой хан...

Батыр рассказал о случившемся. Безжавший из Ясс человек по наущению людей эмира Абдуллаха якобы сообщил Баба-султану, что по приказу хана Хакназара его должны убить. Было представлено и соответствующее донесение с печатью Белой Орды, сработанное опытными руками, в котором утверждалось, что все готово к убийству намест-

ники Туркестанского владения. Тогда рассвирепевший Баба-султан собрал тайком своих верных людей, подробно обговорил последующие действия.

Вместе с Жалим-султаном с четырьмя юношами-заложниками в ставке Баба-султана находился значительный отряд казахской конницы, прибывший для совместной борьбы с Абдуллахом. Накануне вечером Баба-султан съел вместе с Жалим-султаном и другими казахскими старшинами жертвенного барана во имя грядущей победы над общим врагом и пригласил их на следующее утро к себе для совета. Когда Жалим-султан со своими воспитанниками и сопровождающими джигитами подъехал к дому Баба-султана, тот сам принял повод его коня. Почуввав недоброе, престарелый Жалим-султан потянулся было к сабле, но голова его уже покати-лась с плеч, срубленная сзади ятаганом. В то же мгновение четверо юношей – сыновья хана Хакназара и самого Жалим-султана – были подняты лашкарами Баба-султана на пики. Так же коварно был вырезан и весь отряд, и лишь нескольким джигитам удалось в сомкнутом строю прорваться к воротам и ускакать в Яссы. Уже много позже было сказано об этом в летописи "Шараф-наме-и-ишахи": "Степь была залита алой кровью, словно взошли на ней маки..."

Все горело внутри ухана Хакназара, будто выпил он тибетской горькой отравы. Но побелевшее лицо его было спокойно, а глаза холодно устремлены куда-то вдаль. Туяк-батыр с удивлением смотрел на своего хана. В таких случаях позволительно предаться горю, хоть для вида коснуться руками лица, глаз. Или, может быть, правда, что говорят некоторые среди людей о бездушии этого человека...

– Эмир Абдуллах уже в Ташкенте? – сухо спросил хан Хакназар.

– Нет, предав в руки кровавого эмира Шахсаидоглана и не получив от Абдуллаха обещанной милости, султан Тахир укрепил город и не желает пускать туда эмира...

Вопрос за вопросом продолжал задавать хан Хакназар все тем же бесстрастным голосом. И батыр Туяк подробно рассказал обо всем, что происходило в эти тревожные дни на границах ханства. В день расправы над союзными казахами Ба-

ба султан получил заранее подготовленное письмо от самого эмира с предложением погордиться ему и выдать на расправу своего брата – Бузахур-султана. В крайнем случае эмир предложил выслать его отрубленную голову, а в награду снова утверждал Баба-султана в качестве своего наместника в Туркестанском вилайете. Баба-султан понял, что поспешил с казнью казахских султанов, но ему ничего больше не оставалось делать, как согласиться на все условия эмира Абдуллаха. Он заранее услаб своего брата в степь, чтобы тот неожиданно напал на подходящего хана Хакназара. Однако теперь он послал вслед ему другой отряд с заданием отрубить голову самому Бузахур-султану. Тот же, проведая каким-то образом обо всем этом, свернул со своими джигитами в сторону Семиречья и по дороге грабит и угоняет стада из казахских и киргизских кочевий. Выполняя приказ эмира Абдуллаха, Баба-султан двинулся за ним следом, оставив Туркестан под опекой конницы эмира...

В общем, все на границе было как обычно. Султаны всех пород и кровей режутся друг с другом, как бешеные волки, потому что даже простые волки не бросаются почем зря на своих братьев. Путь в Казахскую степь широко открыт наемной коннице эмира, а он, хан Белой Орды, безмятежно слушает здесь свадебные побасенки!..

– Много трупов сейчас в Туркестане, – задумчиво сказал хан Хакназар. – Где же старый шакал Шагай? Его всегда тянуло на запах крови!..

– По слухам, Шагай-султан где-то в Таласе... Ждет исхода схватки между братьями – Баба-султаном и Бузахур-султаном.

Хан Хакназар удовлетворенно кивнул головой:

– Я так и думал... Хитер же эмир Абдуллах. Ему главное – поссорить казахских султанов друг с другом, перессорить и своих султанов, нас натравливать на них, на киргизских вождей, тех – на нас... Неужели же мы окажемся глупей!

Туюк-батыр продолжал с удивлением смотреть на хана. Словно бы и не было у него никаких сыновей, так спокоен был его голос. Даже не спросил ничего о подробностях их страшной смерти.

– А где сейчас Таукель-багадур?

– Он в Таласе, с Шагай-султаном. Так говорят.

– Ладно... Пусть никто не узнает о том, что ты мне поведал, батыр. Сейчас скачи в наш лагерь за реку!

“Камень не имеет жил, наполненных кровью, хан не имеет сердца”. Это лишь подумал про себя Туйак-батыр отъезжая. И не мог представить он, что через две недели, оставшись один на могиле сыновей, хан Хакназар будет в смертной тоске царапать себе грудь и рыдать, как потерявшая детеныша белая верблюдица...

Еще не взошло солнце на следующее утро, а конное войско Белой Орды в полном походном порядке двинулось на восток. Проснувшись, жители Сарайчика с удивлением смотрели на опустевшие берега Жаика, где еще дымились костры. Вскоре и дым развеяло по реке...

Приданное хану ногайлинское войско было поднято среди ночи и ушло вместе с ним. Ногайлинские аксакалы задумчиво качали головами. Всякие слухи ходили среди людей.

– Отныне он – наш хан, и ему самому решать, что делать для нашей общей пользы! – твердо сказал старец Шалкииз-жырау, когда рассказали ему про это.

Через тринадцать дней прибыл хан Хакназар в Яссы. Здесь он узнал о происшедшем столкновении армий Баба-султана и Бузахур-султана в Таласской долине. Разбитому Бузахур-султану удалось бежать, и разгневанный эмир Абдуллах послал Баба-султану черную метку, означавшую смерть. Свежее войско Шагая под общим командованием Тауекель-багадура обрушилось на обескровленную армию Баба-султана. Но Баба-султан и на этот раз спасся, своевременно отступив. Это и позволило хану Хакназару беспрепятственно возвратиться в Яссы. По всему было видно, что, пока эмир Абдуллах не справится с бежавшими под защиту союзников обоими султанами и не подавит других своих многочисленных врагов, он не двинется на завоевание горюдов, а тем более не углубится в степь.

Всю жизнь не поддавался чувствам хан Хакназар, и осталась в народе память о нем как о справедливом, но твердом, как камень, человеке. И все же это было не так. Один раз в жизни поддался он человеческому чувству. Это случилось глухой ночью

на могиле сыновей. В ту ночь, вопреки интересам ханства, он двинул конницу на восток. Там, у кашгарского правителя – хана Абдулатифа, находился Баба-султан – убийца его сыновей...

Этим хан Хакназар лишь усиливал своего главного врага – эмира Абдуллаха, против которого готовился воевать беглый султан. От Баба-султана уже приехали люди с покаянием и рассказами о невиновности введенного в заблуждение султана. Предлагался новый союз против Абдуллаха. Но чувства у хана Хакназара затмили рассудок. Вот почему спустя трое суток скакал хан Хакназар во главе казахско-киргизской конницы к Аксу. Немало грехов было на совести у Абдулатиф-хана по отношению к Белой Орде, но теперь это был бы хороший союзник против грозного Абдуллаха... Ночью с четырех сторон ворвались джигиты хана Хакназара в ничего не подозревающий город. И, ослепленный отцовской тоской, хан Хакназар собственноручно разрубил надвое не успевшего одеться Абдулатиф-хана...

Услыхав об этом, поднял руки к вискам и застонал от великой скорби брат Абдулатиф-хана – могучий правитель Восточной Кашгарии и Джаркента Абдрашит-хан. Собрав все свои силы, бросился он в погоню и возле Жасыл-коля, в урочище Артыш, дал бой уставшему войску Белой Орды. Оно было неполное и плохо подготовленное к такому сражению, это войско. Несколько дней длилась сеча. Прорвав наконец последнее кольцо ханских батыров-телохранителей, кашгарская конница изрубила в куски всех находившихся там, в том числе и хана Хакназара...

Так один лишь раз не проявив осторожности и поддавшись обычной человеческой слабости, покинул этот бранный мир последний могучий хан Белой Орды, сумевший на недолгий срок снова объединить беспокойные казахские племена и роды и почти восстановивший Казахское ханство в тех границах, которые были при Касым-хане.

Оставшиеся в живых казахские и киргизские батыры увезли его тело и похоронили в мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави, поставив там камень из белого гранита с соответствующей надписью. А страна казахов, как расколотое стекло, треснула

сразу по всем родам и племенам, превратившись в острые ненадежные осколки. Впереди было отчаяние...

– Вот тебе ответ на твой вопрос, хан... – сказал Бухар-жырау. – Даже могучий Хакназар, сын Касым-хана, не смог объединить наш разрозненный народ. Кому из нынешних ханов это под силу? Все же хан и народ редко идут в одном направлении!..

Абулхаир молчал, стиснув зубы. Все чаще расходился он во взглядах с вещим жырау. Молчал и Бухар-жырау. Кто-то тронул его за руку. Он оглянулся. Это был все тот же юноша с немигающими глазами.

– Ты еще не поведал, жырау, о тайне Тауекеля!..

– Да, хан Хакназар рассказал перед смертью своему верному батыру Княку о тайне рождения Тауекеля... – сказал жырау и закрыл глаза, показав этим, что не желает больше ничего говорить.

Огонь в очаге давно погас, и он казался от этого еще черней. Был слышен лишь мерный храп заснувших людей да тихие стоны дремавших неподалеку верблюдов.

Взволнованный собственным рассказом, жырау так и не смог заснуть. Крупные степные звезды глядели на него сквозь продранную кошму, а он лежал и думал о судьбе своего народа. Сколько пришлось пережить ему, и что ожидает его в будущем?

Да, черные тучи собираются над родной стеной, а народ втянут бесчисленными родовыми правителями в кровавую междоусобицу и не устоит под напором джунгарской орды. Именно сейчас необходим человек, способный железной рукой объединить племена и роды, переломав хребет не желающим единства. Но где этот хан?.. Престарелый Булат?.. Самеке?.. Бешеный султан Барак?.. Нет, пожалуй, лучше всего для этого подходит тридцатилетний Абулхаир. Смелый и умный правитель, но, как всякий хан, свое ставит выше всего. Ну, а где найдешь такого хана, который бы не был честолюбив? Так уж бог их устроил. Но что вот можно сказать об этом громадном юнце, раскинувшем руки с ним рядом и храпящем похлеще трех батыров? Ведь по положению и он имеет право на ханский престол. Сын Валия-султана, чистый чингизид...

Бухар-жырау усмехнулся. Абулхаир, конечно, уедет, не узнав ничего об Абулмансуре. Вот бы

увидеть лично хана Младшего друга, когда он узнает впоследствии, кого он встретил в дырявой табанской юрте...

Чем притягивал его к себе этот юноша с немигающими глазами? Может быть, и нужно заморозить сейчас степь таким вот холодным взглядом. А в том, что юный султан умен и сдержан, жырау имел возможность убедиться за время общения с ним. Чутье поэта никогда еще не подводило Бухар-жырау. Вот только смущает неспособность оценить услугу, оказанную простолюдином. Но, может быть, все это показалось ему и не собирается Абулмансур казнить своего спасителя?

Впрочем, рановато думать об этом юнце как о будущем хане. Разве дадут возможность растолкать себя такие волки, как Самеке? Барак или тот же Абулхаир!.. Только к утру жырау погрузился в тяжелый сон, будто опустился в черный бездонный омут.

Яркое солнце ударило ему в глаза, и он проснулся. Тулугуты из свиты хана Абулхаира ходили вокруг юрты. На рассвете они все же нашли, где ночует их хозяин. Слуги уже седлали коней. Бухар-жырау посмотрел в сторону. Юный султан храпел по-прежнему, разметав во сне тяжелые, сильные руки. Но старого раба Ораза, прислуживавшего им эти два дня, нигде не увидел жырау, сколько ни смотрел.

— Я не вижу твоего напарника Ораза, — сказал Бухар-жырау проснувшемуся наконец Абулмансуру. — Не случилось ли с ним какой-нибудь беды?

Абулмансур посмотрел по своей привычке ему прямо в глаза, и снова пополз холодок по спине выдавшего виды жырау.

— С ним случилось то, что должно было случиться, — спокойно сказал юный султан. — Ведь ты же догадывался об этом.

Жырау опустил голову. Да, видно, такова уж судьба рабов в этом страшном мире.

— Когда же ты успел? — спросил он.

— Это делается быстро!

Равнодушие было в тоне молодого султана.

— Но он же не был твоим врагом! — заметил жырау, просто чтобы не молчать.

— Все сейчас мои враги! — коротко ответил юноша.

— Если будешь таким... таким бессердечным, то далеко не уйдешь, султан! — Гнев закипел в сердце жырау. — Два врага у нас: один внешний, а другой —

бии и султаны родов, что тянут нас во все стороны. Так что тому, кто хочет объединить людей, следует считаться с народом, а не убивать верных людей почему зря!

– А кто узнает, что это сделал я?

– Но я ведь знаю! – вскричал жырау.

– Ты не расскажешь.

– Почему?

Молодой султан опять посмотрел ему в глаза своим немигающим взглядом:

– Потому что я стану во главе Белой Орды, а ты стоишь за ее единство.

Когда Бухар-жырау уже садился на коня, молодой султан тронул его стремя.

– Я сменю свое имя!

– Как же ты назовешь себя?

– Аблай. Этому имени боятся в степи!

– Но Аблай – кровопийца... Так ведь называли люди твоего деда!

– Пусть будет так!..

III

Песчаная буря помогла храброму батыру Елчибеку оставить Туркестан. С отрядом смельчаков, скрываясь днем в камышах и двигаясь только ночью, направился он в Сауран, чтобы дать там достойный отпор джунгарам.

Часть жителей города, кто не пошел с Елчибеком, огибая Сауран, направилась в сторону Ташкента. А остальные, особенно приезжие, решили далеко не уходить и скрылись в камышах у Сейхундарьи...

Оборона Туркестана и некоторых других городов задержала продвижение джунгарского войска и дала возможность спастись хоть части беженцев. На военном совете, устроенном на развалинах Туркестана, дальнейшие завоевания решено было отложить до будущего лета. По предложению главных джунгарских багадуров и нойонов весной следующего года намечалось взять в смертельные клещи всю страну казахов. Вклинившись в среднеазиатские ханства, а затем спустившись к Аралу по Сейхундарье и Джейхундарье, тумены джунгарского контайчи должны

были выйти к Жанку и Едилю, где уже кочевали ранее проникшие туда из Джунгарии калмыки. А со стороны Джунгарских ворот и Алтая предполагалось пустить "облавою" другое войско. Оба крыла и должны были соединиться у Астрахани, образовав новое Великое Джунгарское ханство. Сыбан Раптан претендовал при этом и на часть принадлежащей уже России Сибири, в частности на новые города пограничной линии, в том числе на Томск. И хоть при этом он время от времени грозился в сторону Китая, ни для кого не составляло секрета, кто подстегивает джунгарского контайчи в его вождедениях.

Все это напоминало древнюю индийскую охоту на тигрового питона. Чтобы прельстить питона, жертва изюбр ставилась у его норы задом. Близорукий питон начинал заглатывать изюбра с хвоста, но, когда доходил до головы, огромные ветвистые рога не проходили даже в питонью пасть. Тут-то и принимались за дело опытные охотники. Именно на такого питона походил сейчас джунгарский контайчи Сыбан Раптан, ибо рога казахского изюбра, до которых он добирался с такой настойчивостью, упирались в широкую российскую границу.

Говорят, бог, перед тем как отвернуться от человека, лишил его разума. Поздней осенью контайчи Сыбан Раптан вместе с войском своего сына Галден-Церена и дочери Хочи двинулся из Туркестана к Жана-Кургану. На этот раз с ним было сорок тысяч всадников, остальные войска он оставил для полного разорения захваченных земель. И вдруг нарочный, прискакавший от едущей впереди войска Хочи, доложил, что навстречу движется несметное полчище казахов. Самоуверенный Сыбан Раптан удивился. По его сведениям, ни о каком сопротивлении казахов сейчас не могло быть и речи.

– Скажи моей дочери Хоче, что если она стада овец и табуны лошадей приняла за войско, то пусть предупредит нас, и мы пошлем пастухов! – приказал он нарочному.

Но вскоре контайчи пришлось убедиться, что дочь не ошиблась. Снова прискакавший от нее гонец прокричал:

– Всадники Младшего жуза казахов... Хан Абулхайр во главе... Не меньше тридцати тысяч... С правой от нас стороны всадники Среднего жуза казахов...

Брат хана Булата Самеке ведет их... Также тридцать тысяч...

Дочь передавала, что оба казахских войска должны соединиться у поймы реки Шиели, и предлагала подождать этого. "Они тогда будут все в одном мешке, и нам останется лишь завязать его!" – передал гонец ее слова. В джунгарском войске не писали друг другу, и гонцы должны были отличаться безукоризненной памятью.

Не менее ослепленный гордыней, чем его достойная дочь, Сыбан Раптан готов был склониться к этому предложению, но его отговорил советник Ренат – дважды пленный швед. Он вообще предложил отступить и уклониться от сражения с превосходящими силами противника.

– Нет, мы сокрушим их поодиночке – сначала Абулхаира, а потом Самеке! – сказал контайчи.

– А что вы будете делать, если неожиданно подойдет войско Самеке в момент сражения с Абулхаиром? – спросил Ренат.

– Джунгарский меч разит как молния – быстро и всесокрушающе! – ответил контайчи Сыбан Раптан.

– Но если все же случится так? – настаивал Ренат.

– Этого не может случиться! – ответил контайчи.

– Тогда мы потерпим поражение! – тихо, но твердо сказал его сын Галден-Церен.

Галден-Церен предложил подтянуть еще двадцать тысяч всадников и тогда вступить в бой с казахами. Старый и мудрый контайчи расхохотался:

– Вот тогда мы точно будем опрокинуты!

– Почему? – удивился сын.

– Двадцать тысяч наших воинов стерегут двадцать тысяч троп, по которым ходят за нашей спиной казахи. Если мы призовем этих воинов сюда, по всем этим тропам придут казахи. Разве не знаешь ты, что один стреляющий в спину опаснее пятнадцати стреляющих в лицо!..

– Но кто, кто придет стрелять нам в спину? – удивился Галден-Церен.

– Мертвые! – очень серьезно сказал Сыбан Раптан.

Шведский офицер Ренат заглянул ему в лицо. Нет, контайчи не шутил.

Решено было идти стремительным маршем на Абулхаира, чтобы опрокинуть и втоптать в землю его войско до подхода конницы Среднего жуза.

Когда из всех путей доступен только один, нужно пустить коня в галоп! — сказал контайчи Сыбан Раптан.

Советник Ренат едва заметно пожал плечами. Про себя он подумал о том, что в этой естественной простоте решений и заключались, видимо, непобедимость и сила всех предков контайчи, великих пролитой кровью...

Так, галопом, и двинулось в ночь джунгарское войско. Стень гудела от тысяч литых копыт, и ветер свистел от развевающихся во тьме косматых конских грив и стелющихся хвостов. К ночи достигли заросшего камышом озера неподалеку от реки Шиели, где располагался лагерь Абулхайра. Здесь ждала отца воинственная Хоча со своими ертоулами — разведчиками. Она вышла к контайчи, помогла ему слезть с коня и повела в свой шатер, скрытый камышами.

Вошли в шатер и Галден-Церен с Ренатом, присели на колени у входа. Девушка принялась молча взбалтывать кумыс в турсуке. Так же молча подала большую чашу сначала отцу, потом старшему брату и Ренату. Сыбан Раптан утолил дорожную жажду двумя-тремя затяжными глотками, потом посмотрел в сторону стоящих на пороге ертоулов.

— А где их командир, Шангрек-нойон?

Хоча еще несколько раз поболтала турсук, долила отцу свежего кумыса.

— Вон он там, лежит мертвый за шатром...

— А кто убил?

— Я убила.

— Где он?

Дочь повела отца по едва заметной при луне тропинке, показала на труп. Юноша был широкоплечий, лет двадцати пяти, в богатой одежде. В груди, напротив сердца, торчала вошедшая до половины стрела.

— Он провинился, и я убила его, — сказала Хоча. — Я приговорила его!

— Что он сделал? — спросил контайчи.

Шангрек-нойон был сыном одного из знатнейших людей Джунгарского ханства, багадур из рода Меркит Дода-Доржи. Багадур в прошлом году просватал своего сына за тринадцатилетнюю дочь контайчи, и Сыбан Раптан согласился. Этой зимой должна была состояться свадьба. Неизвестно почему, но Хоча не выражала радости.

А дело было в том, что она поняла, как относиться к ней молодой и красивый пойн. Для него она была дочерью контайчи, и только. Недавно она узнала, что Шангрек-нойон приводил к себе в шатер другую джунгарку. Если бы эта джунгарка была некрасива, дочь контайчи не обратила бы внимания. Но, приведя к себе красивую джунгарку, красивее ее, он оскорбил гордость воинственной Хочи...

– Он был виновен по отношению к этому джигиту! – сказала она и указала на другой труп.

За кустом лежал юноша-казах. Подошедший вместе с Галден-Цереном Ренат успел заметить, что у мертвого казаха скромная одежда и простой березовый лук за спиной. Хоча опустила ветку, и та прикрыла казахского джигита.

– Рассказывай! – сказал Сыбан Рантан.

– Вчера утром промчалась по той стороне озера девушка... – Хоча указала рукой со свернутой камчой. – Она ехала к Абулхайру, и даже мой конь Кумай-тошь еле догнал ее. Я накинула аркан на нее, и... Она была очень красива...

– Что было потом? – спросил отец, покосившись на труп Шангрек-нойона...

– Я стала спрашивать ее, но казашка ответила, что умрет, а ничего не скажет. Тогда я сказала, что она умрет. Но Шангрек-нойон не захотел этого. Он сказал, пусть она умрет завтра. Он говорил, что, может быть, ночью она что-нибудь расскажет ему... И все джигиты-ертоулы стали говорить мне, что лучше, если она умрет завтра. Они ведь все тоже меркитского рода. Держась за сабли, они стали вокруг меня. Тогда я решила, что назло Шангрек-нойону подарю красивую казашку брату моему Галден-Церену. Мое право было распоряжаться ею, как мне вздумается, потому что она – моя добыча!..

– Что было потом? – не меняя тона, повторил контайчи.

– Я повелела джигитам всем вместе стеречь пленницу, а Шангрек-нойону сказала, что с него достаточно стеречь ее кобылу... А потом ертоулы схватили на том берегу озера и привели ко мне казахского джигита, который лежит там мертвым. И он тоже не захотел отвечать на мои вопросы. Я подумала, что они близкие люди – джигит и девушка, а поэтому велела сдвинуть волосяным арканом его бедра. Когда щети-

нистый жгут перекрутили два раза, он завонил, а девушка стала кусать губы. И все же не вытерпел джигит. Он пообещал рассказать про все, о чем знает...

– Что он сказал? – спросил контайчи.

– Когда я велела приотпустить жгут, он сказал, что послан ертоулом к Абулхаиру. И еще он поведал мне, что войско Абулхаира ночует сегодня у реки Шиели и что в нем тридцать тысяч воинов. Они двинутся нам навстречу, когда дождутся хана Самеке из Среднего жуза. У хана Самеке тоже тридцать тысяч воинов, привыкших сражаться с нами...

– Когда же они должны встретиться – Абулхаир и Самеке?

Хоча нахмурила свои густые брови...

А произошло вот что. Не успела она договорить до конца свой вопрос о том, когда должны встретиться оба казахских войска, как девушка-казашка вдруг прыгнула, словно рысь, и в горле джигита остался маленький кривой нож. Тогда Хоча усмехнулась и приказала заковать девушку в китайские кандалы. Ее тут же заковали, но ночью по приказу Шангрек-нойона расковали. Он сам вывел ее в степь и отпустил на волю...

– Я сама услышала, как он сказал ей: “Улетай, девушка-птица, от этой жестокосердной змеи!” – вскричала Хоча, сверкнув глазами. – А она ответила: “Спасибо тебе, достойный воин. Хоть ты и враг моего племени, но справедлив. У тебя человеческое сердце. Может быть, мы еще встретимся с тобой...” Тогда я натянула свой лук, и... и они никогда уже не встретятся!..

– А где ее тело? – спросил контайчи.

– Пока я во второй раз натянула лук, ее конь скрылся в камышах...

– Значит, Абулхаир знает о нашем приближении!

– Да! – ответила четырнадцатилетняя девочка и всхлипнула, вспомнив свою обиду.

У Сыбан Раптана свирепо приподнялась верхняя губа:

– Эй ты, мокрая лягушка! Откуда эта позорная вода в глазах дочери контайчи! Только зайцы и олени плачут от собственной слабости. Для людей это противоестественно.

Хоча выпрямилась, глаза ее высохли, и она прошла по трупцу Шангрек-нойона, наступив ему на лицо.

– Не увидит высшего неба этот слонгай! – сказала она.

– Да, пусть Дода-Доржи пеняет на себя, коль породил такого слабодушного сына! – согласно кивнул контайчи и, задевая одним каблуком сапога за другой, пошел на своих коротких кривых ногах к лошади.

Перед тем как взобраться в седло, он повернулся всем телом к Галден-Церену:

– Не забудь о меркитских джигитах, которые видели все!

– Конечно, отец!

Несмотря на свои шестьдесят с лишком лет, контайчи легко, чуть прикоснувшись носком сапога к стремяни, вскочил в седло, и косматый гнедой жеребец понес его назад, к войску. Сзади в белом лунном свете послышались вскрипы. Это телохранители Галден-Церена короткими точными взмахами тяжелых джунгарских шашек отсекали головы у меркитских джигитов, которые видели смерть Шангрекнойона...

Попавшая в руки к Хоче и отпущенная Шангрекнойоном была Гаухар – девушка из Туркестана. Она приходилась сестрой молодому батыру Малайсары из аргынского рода басентинн, который жил в то время у гор Улытау. Два раза в год аулы этого рода посылали под защитой немалого отряда джигитов караваны с шерстью и кожами в Туркестан, Ташкент, а в иные годы – в Бухару и Хиву. Обрато везли чай, бухарский сахар, одежду, домашнюю утварь и материю.

В этом году караван под защитой самого Малайсары отправлен был в Туркестан. С группой девушек, которым предстояло в ближайшее время выйти замуж, поехала с караваном и Гаухар. Невесты обычно сами участвовали в выборе для себя свадебных нарядов.

Более богатая часть родового каравана двинулась дальше, в Ташкент. А менее богатые остались в Туркестане. Здесь их и застало джунгарское нашествие. Женщины и дети скрылись в густых камышах Сейхундарьи, а джигиты приняли участие в защите рода. Те из них, кто уцелел, вырвались оттуда во время большой бури и присоединились к женщинам и детям.

Что ни день высылали ертоулов бедлены в разные стороны. В один из счастливых дней узнали, что приближается тридцатитысячное войско Младшего жуза во главе с Абулхаиром, а вскоре "узун-кулак" – знаменитое степное "длинное ухо" – принес вести и о движении конницы Самеке-хана, идущего на соединение с Абулхаиром. Радости людей, многие недели скрывавшихся в камышах, не было предела. Но как-то, выехав с вечера из камышей, ертоулы устышали тяжелый тысяченогий топот. В ночи шла на галопе грозная конница контайчи Сыбан Раптана. И шла в ту сторону, где стоял лагерь хана Абулхаира...

Гаухар лучше многих джигитов ездил на коне. Да и конь у нее был самый быстрый. Все другие лошади беглецов были покалечены в боях или сбили себе ноги при бегстве из Туркестана. Кроме того, джунгары могли не обратить внимания на одинокую всадницу, в то время как мужчина внушил бы им подозрение. Гаухар вскочила на коня и в сопровождении только одного джигита, который следовал в некотором отдалении от нее, поскакала в лагерь Абулхаира, чтобы предупредить о приближающейся опасности. По дороге она была поймана самой дочерью контайчи...

Гаухар в ярости убила джигита, не выдержавшего страшной пытки скрученным в жгут волосяным арканом, и это было первое и последнее ее убийство в жизни. А потом она прочла в глазах молодого джунгарского нойона такую страсть, что уже не сомневалась в своем спасении. Когда он самолично расковал ее и вывел из камышей, она подумала, что он хочет по примеру своих сородичей надругаться над ней. Гаухар уже приготовилась и сжала в руке острую серебряную пряжку от старинного материнского украшения, чтобы полоснуть насильника по горлу. Но молодой джунгар отдал ей повод собственного коня и показал рукой в степь. Тогда, перед тем как вскочить на коня, она сама поцеловала его...

Он крикнул ей вслед что-то. Но, бросив коня в галоп, она не слышала уже, как свистнула стрела Хочи и застонал смертельно раненный Шангрек-нойон...

На следующий день к полудню доскакала Гаухар до лагеря хана Абулхаира. Лицо хана передернулось, когда он услышал о близости джунгар. Дело в том, что половина его войска была еще где-то на подходе. Здесь с ним находилось лишь пятнадцать тысяч

всадников. Вступать в сражение с джунгарами было равносильно смерти. Абулхаир приказал готовиться к битве, а сам созвал военный совет. Там он предложил отступление. Однако воинственные батыры из родов адай и тама не согласились с этим. Они говорили о древнем поверии, которое гласило, что нельзя начинать большую войну с бескровного отступления. Отступить можно, только омочив пики в крови врага. Решено было вступить в бой с джунгарами, выслав гонцов навстречу хану Самеке с просьбой ускорить свой приход.

Когда Кабанбай-батыр прискакал из Туркестана в аул, где находилась ставка хана Булата, — в Нуру, наступило лето. Хан, как всегда, болел. Обычно его многочисленные болезни обострялись, когда следовало принимать какое-нибудь важное решение. Таким образом, ханские обязанности легли в это трудное время на плечи его брата Самеке. От имени хана Самеке уже были отправлены гонцы во все стороны Сарыарки с призывом: "Враг идет!"

Этой стране, живущим в ней с незапамятных времен людям не в диковинку было слово "война". Кажется, ни одного года не миновало еще без кровопролития на этой земле. Начиная с гуннских переселений век за веком, волна за волной катились по ней, следуя за восходящим солнцем, бесчисленные завоеватели. Поток за потоком уходили и ее сыновья. Воевать они поневоле научились. Не случайно во все султанские и халифские дворцы Востока на протяжении чуть ли не тысячелетия покупали для войны и охраны ее пленных юношей. Сейчас кровью запенилась на восточных рубежах новая волна человеконенавистничества. И почти стихийно вскипела и поднялась ей навстречу мощная волна народного гнева.

Нелегкие это были сборы. Отсутствие единой власти и твердой руки особенно проявляется в период вражеского нашествия. И тем не менее самые строптивые родовые вожди подчинились приказу хана Самеке. Но разбросанные по всей степи казахские роды не смогли собраться быстро, как может это сделать регулярная армия. Пока пригнали из табунов боевых коней, пока приготовили припасы на дорогу, пока съехались к ханской ставке, прошло немало времени. Лишь через три недели смог двинуться во главе

тридцатитысячного войска хан Самеке на соединение с ополчением Младшего жуза. В войске его были в основном молодые, безусые джигиты. Но пройдет два десятка лет, и многие из них станут прославленными батырами, о подвигах которых станут из века в век петь народные жырау. Богембай из рода канжигали, Сырымбет и Малайсары из рода басентин, Байгозы из рода таракты, Джаныбек, сын Кошкара, из рода кипчак, Оразымбет из рода баганалы, десятки славных джигитов из родов керей и уак, в том числе легендарный батыр Баян, — имена всех их сохранит благодарная народная память. А пока многие из них были в старых латаных-перелатаных дедовских чапанах и у седел висело их единственное оружие — дедовские дубины, окованные железом. Кажется, именно это простое, но грозное оружие роднило между собой все освободительные войны на земле...

Пока шли сборы и передвижения отрядов, проходило лето. К тому же во второй половине лета пошли небывалые для Сарыарки дожди. Не дожидаясь выхода основных сил Среднего жуза, Баян-батыр с тысячью воинов поскакал к Сейхундарье. Его догнал гонец от хана Самеке, сообщивший, что хан Младшего жуза Абулхаир будет ждать подхода ополчения Сарыарки в пойме реки Шиели, у Жана-Кургана. Встретиться они должны были не позже месяца караша — приблизительно сентября.

Не умом и воинскими заслугами славен был хан Самеке. Лишь из-за болезни своего брата — хана Булата сделался он главой ополчения. А отсюда, по его мнению, было недалеко и до законного ханского престола, и недалекий Самеке, по примеру всех неумных людей, стал уже заранее вести себя как хан. В этом ему помогали многочисленные приближенные родовые вожди и прихлебатели, всегда отирающиеся возле таких людей. К тому же недавно только он женил своего младшего сына Кудайменди на дочери одного из отпрысков Букей-султана, и на свадьбу были приглашены лучшие люди всех трех жузов. Это еще больше вскружило слабую голову хана Самеке, и при подготовке похода он медлил и не слушал полезных советов.

Выступившее вслед за передовым отрядом основное войско Среднего жуза двигалось медленно. Этому способствовала и погода. Казалось, всех джиннов

выпустили из бутылки навстречу ополчению. День за днем свирепствовал ураган, и ничего нельзя было разглядеть впереди от поднявшегося к небу песка. Кони отказывались идти против ветра, невозможно было на привалах ставить всякий раз шатры и походные юрты. Во время бури к тому же погибли все овцы, которых войско гнало с собой для пропитания. Начался голод.

Вскоре, когда повернули от "Голубого моря", Балхаша, на запад к Сейхундарье, твердая почва сменилась сыпучими барханами и движение войска еще больше замедлилось. Не доходя одного лишь перехода до Ак-Мечети, хан Самеке приказал войску остановиться, чтобы подлечить раны на ногах и спинах у лошадей. Здесь он и услышал о сражении, происшедшем между джунгарским контайчи и войском Младшего жуза. Абулхайр потерпел поражение в этой неравной схватке, но войско его благодаря своевременно принятым мерам не было застигнуто врасплох и отступило в полном порядке.

Хан Самеке как будто только и ждал этого. Он собрал в своем шатре едущих вождей ополчения и обратился к ним с речью.

– Зима уже не за горами, – сказал он. – Контайчи тоже прекратит войну. Зимой джунгарские кони не доберутся до нашей Сарыарки. А нам сейчас было бы глупо нападать на него. Если Сыбан Раптан смог победить Абулхайра, то тем более справится он с нашим утомленным войском, и мы погибнем без всякой пользы. Не лучше ли последовать мудрому совету стариков, которые говорят в таком случае: "Ищи родной дом, пока разум не помутнел". С божьей помощью разобьем контайчи следующим летом!

Войско повернуло назад...

Конница Сыбан Раптана не смогла нанести неожиданный удар по войску Абулхайра. Лишь на время, нужное для того, чтобы закипела вода в котелке, опередила джунгарский авангард девушка Гаухар, но этого оказалось достаточно. Абулхайр успел поднять воинов, разделил войско на три части, выстроил их для боя. С двух сторон напал он на не ожидавших отпора джунгар. Третья часть войска была спрятана в засаде, в камышах...

Растянувшаяся на марше джунгарская конница не выдержала первого удара, и по приказу Сыбан Рап-

тана передовая тысяча повернула коней. Казахская конница преследовала отступающих джунгар, по чем дальше, тем она больше уставала, а силы джунгар все прибавлялись за счет идущих навстречу туменов. Вскоре контайчи дал сигнал к общему нападению. Но не успели сгрудиться лавой джунгарские всадники, как раздался крик: "Каракожа!", и из камышей по ним ударил пятитысячный отряд, которым командовал вернувшийся батыр Кабанбай.

Подумав, что это подошло войско из Среднего жуза, снова приказал отступить контайчи Сыбан Раптан. Даже поняв наконец, что это лишь малочисленная засада, он не отменил своего приказа. А увлекшиеся воины увидели, что они окружены значительно превосходящими силами врага. На юге ровно курился весь горизонт. Это подходили новые и новые силы джунгар.

Все казахское войско вместе с самим ханом Абулхаиром попало в окружение. "Ни одного не выпустить живым, а Абулхаира приволочь на аркане!" – приказал контайчи, и несколько джунгарских туменов с диким воем бросились на окруженных. В единый кровавый клубок сцепились люди и полудикие лошади, которые в зверином ослеплении тоже рвали зубами друг друга. Сам Абулхаир был ранен и перестал руководить боем. Казалось, что вот-вот наступит конец...

И вдруг на севере встал черный столб пыли, и знакомый джунгарам боевой крик "Аруах! Акжол!" буквально потряс стену. Грозная лава всадников смяла со спины атакующих джунгар и прорвала смертельное кольцо. Это был славный Баян-батыр. Намного опередив хана Самеке, он вступил в смертельный бой. Войско его за дорогу возросло до трех тысяч всадников, но тем не менее его вступление в заранее проигранную битву было равносильно самоубийству. Однако видевший в этот день немало неожиданностей контайчи подумал, что подошло основное казахское ополчение; и снова дал приказ к отступлению. На этот раз наученные горьким опытом казахи не преследовали отступавших. В походном порядке, прикрываемое отрядом Баян-батыра, войско Абулхаира начало уходить на север. Наступали сумерки... И на следующий день, помня о присутствии где-то неподалеку всего войска Самеке-хана, не стала преследовать отступавших джунгарская конница. А через два

дня наступили ранние холода, и контайчи повернул обратно к Туркестану.

Древняя столица казахов Сауран была построена в незапамятные времена, одновременно с Отраром и Сыгнаком. Город был окружен рвом двадцати пяти аршин ширины и пятнадцати аршин глубины. Стены от дна его до зубцов насчитывали около пятидесяти аршин, а толщина их доходила до тридцати аршин. Они окаменели за многие века, и пробить их было невозможно. Ходили легенды, что это единственная крепость, которую не осилили тяжелые китайские стенобитные машины, подвезенные Чингисханом, и сдалась она, когда защитники умерли от голода.

После оставления Туркестана Елчибек-батыр со своими товарищами на третьи сутки прибыл в Сауран. Оказалось, что хаким города-крепости Турсун, испугавшись джунгар, недавно сбежал в Ташкент. И жители единогласно согласились поручить Елчибеку, известному в этих краях батыру, защиту города. Елчибек и его друзья с великим воодушевлением принялись готовиться к достойной встрече джунгар...

А еще через день в город приехал вещий Бухар-жырау. Народный поэт, не имеющий никакого богатства, кроме своей домбры, пользовался всеобщей любовью и в эти тяжкие дни всегда оказывался там, где нужнее всего было его слово. Вот почему он и оказался в Саурани – городе, который всегда был символом народного сопротивления иноземным захватчикам.

Так и не слезая с коня, поехал Бухар-жырау вдоль крепостных стен. Здесь уже кипела работа: подвозили щиты и тяжелые камни, несли сосуды с маслом и котлы для их разогрева, тут и там заделывали пробоины, оставшиеся от давних осад. Вещий певец остановил вдруг коня. На угловой башне повыше других стоял воин в кованом шлеме с тяжелым луком в руках. Не обращая внимания на суету за его спиной, он вглядывался в даль.

– Я знаю тебя, – громко сказал Бухар-жырау. – Ты – кузнец Науан, потомок славных батыров!..

– О, наш жырау!..

Воин склонил голову перед певцом. Вокруг, узнав, кто приехал, начал быстро собираться народ. Бухар-жырау зорким взглядом оглядел собравшихся. Он хорошо знал, как важно перед боем гордое слово.

– Я приехал к вам, люди славного города Саурана, чтобы рассказать вам о славном прошлом. Так всегда делалось у нас в степи. Идя на смерть, воин просит поддержки у предков, и, коль право его дело, они незримо становятся рядом с ним.

– Говори, наш жырау!

– Мы слушаем тебя!..

Сотни защитников крепости, не пожелавших убежать и оставить ее врагу, собрались уже здесь, на площади перед башней. Из улиц и переулков подходили все новые люди. Бухар-жырау широко взмахнул рукой:

– Видите эти стены?.. Сам Чингисхан не смог их проломить, и монголы вступили в этот город только тогда, когда последний его защитник умер от голода... Сколько их было после этого – владык, которые хотели покорить Сауран: Тимур, монголистанские ханы, грозный Абулхаир, коварный Абдуллах-хан. Но не о них главная моя речь. Я хочу рассказать о твоих славных предках, кузнец Науан!..

Люди в недоумении переглядывались. Они привыкли к певцам, которые рассказывали о подвигах ханов и султанов. А какие могут быть подвиги у предков простого кузнеца? Да еще все в городе знали, что родом Науан из рабов.

– Да, мой Науан... В Сауране всегда получалось так, что хакимы, которым поручена защита города, бежали, а на стены поднимались люди "черной кости". Так было и при Абулхаире, когда город защитил простой батыр Орак, по прозвищу Одноглазый. А последнюю осаду, когда эмир Бухары Абдуллах-хан пожелал войти в город, ему не дали этого сделать два брата-батыра из рабов. Это были твои предки, Науан!..

– Я слышал про это... – сказал в наступившей тишине кузнец Науан. – Но как это все происходило, никто не знает. По-разному говорят об этом люди...

– Я расскажу тебе, как все было на самом деле!

Жырау сел прямо на древние камни и тронул струны домбры...

– В глазах Абдуллах-хана, эмира Бухары, засветилась улыбка, чуть ощетинились и приподнялись усы, порозовели щеки. Посторонний человек сразу бы

подумал, что грозный эмир радуется чему-нибудь. Но Хасен-ходжа, его наставник и везирь, с первого взгляда понял, что тот расевиренел. Он хорошо знал, что если засветятся радостью сероватые глаза и улыбка тронет кончики рта у эмира, то быть чьей-то смерти...

За многие годы службы так и не смог привыкнуть ученый Хасен-ходжа к этому свойству своего господина. Говорят, что крокодил проливает слезы перед тем, как проглотить свою жертву. Но это у крокодила не от жалости, а от предвкушения. Абдуллах, не в пример крокодилу, не плакал, а смеялся в предвкушении чьей-либо смерти. Обычно он делал это в присутствии жертвы. Но во дворце сейчас никого больше нет, кроме него, Хасена-ходжи...

Чем же прогневил он, послушный и исполнительный ходжа, своего властителя? Неужели тем, что не ко времени доложил о битве при Таласе, в которой Баба-султан на днях фактически разгромил верного эмиру Абдуллаху хана Шагая? Но, может быть, все же не на него сердится вседержавный Абдуллах-хан? О, дай аллах!.. Иншалла!..

Круто повернувшись, эмир Абдуллах подошел к многоцветному окну. Отсюда, из башни дворца, видна была вся священная Бухара, до горизонта утонувшая в садах. Тут и там из моря зелени вырывались к нему стройные минареты, крыши и башни бесчисленных дворцов и караван-сараяв. По стенам, дверям и воротам домов, раскрашенных во все известные человеческому глазу тона, затейливой вязью вьются строфы из Корана. Не случайно властитель Бухары считается не просто ханом, а еще и эмиром — наставником веры, призванным следить за чистотой нравов во всех ханствах и султанатах этой части света.

Ни звука не доносится сюда из огромного, уснувшего от зноя города. Только мягко журчит вода в придворцовых арыках да слышится время от времени шуршанье листьев от перелетающих с ветки на ветку птиц в дворцовом саду. И все же это второй по величине город ханства. Первый — вечный Самарканд, который вместе со священной Бухарой отобрал когда-то у тимуридов прадед эмира Абдуллаха — грозный Мухаммед-Шейбани. Многое проис-

ходило потом, и в 964 году¹ его снова отвоевал у тех же тимуридов сам двадцатичетырехлетний Абдуллах. В Бухаре оставил он свою ставку и своего отца – хана Искандера, с него началось Бухарское ханство.

Эмир отошел от окошка. Глаза его скользнули по красным хорасанским коврам на полу, по висящим на стенах мечам, саблям, ятаганам, кинжалам из дамасской стали в разукрашенных золотом и драгоценными камнями ножнах, по круглому низкому столу из полированного можжевельника, на котором стояли вазы с изогнутыми ножками, фарфоровые пиалы с шербетом, золотые блюда со сладями и фруктами. Но мысли его были далеко.

– Я нуждаюсь в твоём совете, ходжа... – Сероватые глаза эмира по-прежнему смеялись. – Что мне предпринять, если нанявшийся ко мне на службу враг благоволит другому моему врагу?

– Нужно... нужно казнить его, святейший эмир!

– Так... Перебежавший к нам хан Шагай и сын его Тауекель не захотели принести мне головы Бабасултана и Бузахура. Я подчиняюсь твоему совету, мудрый везирь. Только твои уговоры заставили меня решиться на это! Но это будет после взятия Туркестана, Саурана, Сыгнака...

...После положенного войску трехдневного отдыха Абдуллах-хан начал подготовку к штурму. Первая среда весеннего месяца рабиу была, по предсказаниям звездочетов и старым приметам, счастливым днем. Взошедшее солнце осветило пятьдесят тысяч закованных в синие латы воинов, которые сидели на крепконогих, широкогрудых боевых конях.

Несколькими рядами окружили они Сауран, и каждый ряд был на лошадях другого цвета. Помимо конных линий напротив каждого ворот выстроилась клином ударная тысяча. Подгоняемые нагайками рабы подтаскивали к стенам осадные машины, волокли длинные лестницы и связки камня, которыми предстояло засыпать ров с водой. У западных ворот города стояла ударная тысяча Убайдуллы-султана на серых ахалтекинских арга-

¹ Жырау называет год по хиджаре – мусульманскому летоисчислению, которое ведется с 622 года.

маках, с севера готовилась к штурму тысяча султана Абдумумина – единственного законного наследника эмира. Здесь все кони были черные, и над ними реяло черное знамя с изображением встающего солнца. С юга стояли под синим знаменем с вышитой на нем рысью лашкары подчиненных Бухаре хивинских и туркменских беков. Они сидели на огненно-рыжих конях. Там же находились и союзники эмира – казахские султаны. Над их головами висел бунчук с конским хвостом, а у нукеров под коленями ждали своего часа знаменитые палицы с коваными наконечьями. С востока намеревались первыми ворваться в город, чтобы завладеть богатой добычей, многочисленные наемники-лашкары, которые вербовались эмиром из различных отщепенцев всех четырех сторон света – от Китая до Рума...

На правой стороне реки от белого шатра самого эмира тронулся сверкающий дорогими латами и оружием конный отряд. В тот же миг неистово и страшно заревели карнаи, тонкие звуки издавали зурны, и похожий на шум моря грохот сотен барабанов разбудил спавшую доселе степь. Со страхом и удивлением смотрели жители города на невиданное зрелище. Впереди отряда на громадном белом коне неизвестной в этих местах породы скакал высокий, статный человек, и уже ясно были видны его красивые черные усы вразлет. Он смеялся, глядя на Сауран, а вся Средняя Азия знала, что предвещает смех эмира Абдуллаха...

Лоб, могучая грудь и бока коня у эмира были накрыты кольчугой из серебряных колец. А между ушами коня сидел маленький белоснежный кобчик, которого по древнему степному обряду испытывали таким образом как птицу счастья. Если кобчик при первой схватке с врагами не улетит со страха, то батыр вернется с победой. Если же улетит, то не надо ввязываться в сражение, потому что оно может оказаться роковым. Ислам не признавал все эти приметы, но потомки степных вождей еще помнили и уважали древние шаманские обряды.

Как только эмир поравнялся с передовой линией своих войск, снова загремели, загрохотали бесчисленные барабаны, заревели карнаи, запищали, заулюлюкали зурны. Мурашки побежали по телу у многих защитников крепости, а кое-кто схватился

задуки. Между тем, сделав плавный поворот, свита поскакала за эмиром вдоль крепостных стен. Ни один из тысячи всадников сопровождения не качнул саблей и не повернул головы. Со страшной неудержимостью скакали они по замкнутому кругу, не приближаясь и не отдаляясь ни на шаг от стены. Один лишь Абдуллах, поворачивая голову, величавым кивком приветствовал знакомых и наиболее знатных батыров и военачальников своего войска...

– Велик святейший эмир – опора веры!

– Пусть приумножится твоя слава, великий багадур!

– Слава тебе, грозный Абдуллах-хан!

Это кричали ему специально выделенные люди из войска, и крик их тысячеголосо подхватывали воины. Зеленое знамя пророка плыло за ним, а белый кобчик сидел между ушами коня не шелохнувшись, будто привязанный за лапки.

– Кобчик не взлетает... – взволнованно заговорил на стене хаким Мухаммед-султан. – Это предвещает нам горе!

– А ну-ка посмотрим, что предвещает вот эта стрела проклятому эмиру!

Так сказал Кияк, снимая со спины свой знаменитый лук.

– Не смей стрелять!

Хаким сам не понял, как мог выкрикнуть такое на стене, где стояло столько защитников крепости, и поправился:

– Если мы прольем кровь самого блюстителя веры, то они вырежут нас всех до единого!

– Я подчиняюсь тебе, хаким, – спокойно сказал Кияк-батыр. – Но пусть эта птица споет ему о его несчастье!

С этими словами батыр молниеносно натянул лук и выпустил свою страшную стрелу. Наконечник ее был шириной с лопатку ягненка и отточен, как острие бритвы. Белый кобчик так и остался сидеть на лошадиной челке, но уже без головы. Яркая птичья кровь брызнула в лицо эмиру, и он захохотал на всю степь:

– Замечательный стрелок... Но это не в счет. Кобчика убили, но сам он не улетел. Дайте другого!

Ускакавший прислужник через несколько минут вернулся с другой такой же птицей, и эмир поска-

кал дальше. Улыбка не сходила с его губ, а в глазах отражалось туркестанское солнце.

Так и не слетела птица счастья с коня эмира Абдуллаха.

Сделав круг возле крепости, он вернулся обратно к своему шатру.

На следующее утро все повторилось. Снова по кругу ехал сам эмир на том же снежно-белом коне. Белый кобчик сидел не шелохнувшись между ушей коня. Правда, прослышав о присоединившихся к защитникам города казахских стрелках-батырах, Абдуллах держался теперь на почтительном расстоянии от крепостных бойниц.

Все на этот раз произошло иначе. Едва эмир повернул коня и двинулся вдоль стены, как кобчик стремительно взлетел ввысь. Постояв в воздухе, "птица счастья" понеслась вдруг безудержно к Саурану. Потанцевав в небе над одной из башен, белый кобчик вернулся и начал кружить над эмиром, словно намереваясь сесть обратно на свое место. Это тоже было бы неплохим предзнаменованием. Но суетливая птица опять полетела к крепости. На полдороге она опустилась и села на куст колючки.

– Поймать! – приказал эмир.

Один из лашкаров охраны тут же устремился за кобчиком. Подскакав, он взял его на руки. Войско облегченно вздохнуло.

– Эх, птичку жаль, а не грабителя-лашкара! – раздался чей-то веселый голос.

Свистнула стрела, и белый кобчик вместе с лашкаром оказались прищипленными к земле. Все ахнули. Стрелял Кияк-батыр, стоявший на башне рядом с хакимом города. Эмир Абдуллах повернул коня и поскакал к своему шатру.

– Белый кобчик упал ближе к городу, чем к эмиру! – сказал Абдысаттар-султан и подозрительно посмотрел на батыра. – Ты не скажешь нам, веселый батыр, почему это кобчик вдруг сорвался с холки эмирова коня?

Кияк-батыр сложил губы листиком и тихонько свистнул. Таким способом мальчишки-казахи в степи подманивали птиц.

Хаким улыбнулся в свои пышные усы:

– Ладно, людям нечего знать о твоём умении. Они верят в свое счастье, и это хорошо!

Потонули в долгие дни осады. Время от времени наиболее отважные из осаждающих переплывали ночью ров и забрасывали на зубцы стен арканы. Они бесшумно взбирались наверх, а потом их обезглавленные тела падали в воду и плыли, страшные, раздувшиеся, служа уроком другим. Днем и ночью несли караульную службу батыры, не давая застать себя врасплох.

Абдуллах отправил к осажденным своего лучшего золотоуста Кульбабу-кокильташа с письмом: "Не тратьте напрасно силы на сопротивление. Я все равно одолею вас, ибо со мной бог. Не заставляйте меня наполнять крепостной ров вашей кровью. Принесите повинную, и я прощу вам все грехи во имя аллаха милостивого, справедливого!.." Кульбаба-кокильташ целый день расточал богатства своего красноречия перед вождями Саурана, но они только смеялись в ответ: "О добром мире не говорят, приведя пятьдесят тысяч нукеров к дому соседа!"

А тут еще опять взбунтовался выданный без боя его хакимом врагу Сайрам и отказался подвозить продовольствие ханскому войску. Туда, в Сайрам, набилось за это время множество черни, бежавшей от погрома, учиненного эмиром при взятии других сырдарьинских городов. Уцелевшие или бежавшие из невольничьих караванов джигиты полны были ярости и жажды мщения. Хаким Сайрама Мухаммед-султан хоть и дрожал перед эмиром, но ничего не мог с ними поделать. Власть в городе была по существу у них в руках.

Когда Абдуллах-хан появлялся перед своим войском, то казалось, что он ни на кого не смотрит. Не поворачивая головы, скакал он впереди телохранителей, и никого не подпускали к нему ближе чем на двести шагов. На самом же деле эмир все прекрасно видел и понимал. Войско устало стоять под стенами Сауранской крепости. Все больше и больше нукеров недосчитывали по утрам сотники. Захватив с собой оружие, джигиты группами и в одиночку бежали в Казахскую степь, вливаясь в ряды свободных батыров. В казахских кочевьях такие вольные отряды всегда находили приют и поддержку среди "черной кости". Да и аксакалы часто не трогали их, понимая, что эти батыры в нужный

момент смогут защитить их аулы от отрядов эмира. Множество таких разноплеменных отрядов, в которых побратались казахские, узбекские, киргизские бедняки, что ни день появлялись в приграничной полосе, нападали на ханские обозы, освобождали пленных.

Однажды утром, переодевшись в простой чапан, эмир прошелся между шатрами нукеров. Было еще темно, но как раз сменялись караулы. Идущие в дозор варили себе еду, и редкие костры горели в предутренней синеве. Эмир приказал телохранителям отстать, и его не заметили, когда он остановился в тени шатра. Два джигита – молодой и пожилой – продолжали тихий разговор.

– Проклятая война! – сказал молодой. – Когда она кончится?

– Возьмем Сауран, снова Сайрам пошлют брать или Яссы!

– И зачем нам этот Сауран?.. Ну, дадут там мне из общей добычи кусок ткани да пригоршню дирхемов. Привезу домой в Шахрисябе, и тут же сборщик налогов отнимет. На ту же войну!

– А ты не отдавай!

– Уши к воротам прибьют, а не то и голову с плеч...

– Все в руках аллаха!

Положение войск эмира несколько улучшилось, когда к Саурану пришел большой караван прямо из Бухары. Вместе с запасами продовольствия были привезены четыре камнеметные машины "черный дромадер", сделанные учеником знаменитого Рухади – Мираха Туббашиста. Они швыряли не только раскаленные камни величиной с овец, но и котлы со специальной жидкостью, от которой горело даже железо. Установленные с четырех сторон, эти машины заработали не переставая, но мощные стены не поддавались. Тогда перенесли огонь на самый город, и там начались пожары.

Но в это время в Сауран прилетел почтовый голубь из Ясс. В привязанном к его лапкам послании было сказано, что Баба-султан и Бузахур-султан движутся с ногайлинским войском на выручку туркестанским городам. Защитники воспрянули духом и продолжали сопротивление. Между тем зажигательная смесь, привезенная из Бухары, по-

дошла к концу, а здесь ее не из чего было делать. Страшные "черные дромадеры" теперь стреляли лишь от случая к случаю...

Все было не так, как сообщал из Ясс какой-то добрый человек. Действительно, преследуемые отрядами эмира Абдуллаха Баба-султан и Бузахурсултан ушли в Сарайчик. Там их встретили сначала как союзников и родственников Белой Орды. Особенно теплый прием нашли они у вдовы хана Хакназара – Акторгын. Однако положение к этому времени сложилось такое, что нельзя было рассчитывать на серьезную помощь ногайлинских казахов в борьбе с Абдуллахом. Совсем недавно почти без сопротивления пало Астраханское ханство. Теперь в Астрахани сидел воевода грозного русского царя и находился большой отряд стрельцов. Астраханские бии приняли подданство Москвы. Те, кто не согласился с этим, бежали в Крым, к гиреям, а часть ушла к своим родственникам – ногайлинским казахам. Они-то и выступили против оказания помощи туркестанским султанам в их борьбе с эмиром Бухары. Бии и аксакалы из самого влиятельного рода мангит приняли их сторону.

– Нам нужны джигиты, чтобы отвоевать Астрахань у неверных! – говорили астраханские беглецы. – Главные интересы страны Ногайлы здесь, на путях к могучему крымскому хану. Признаем же его своим властителем и объединимся. А что нам за дело до Абдуллаха! Не хотим быть в Белой Орде!

Но большинство ногайлинцев не желали рвать родственных связей со своими братьями, и ногайлинские бии не могли открыто отказать в поддержке присырдарьинским казахам, боясь вызвать народный гнев. Поэтому они тянули с ответом, устраивали одно празднество за другим.

В четверг, семнадцатого числа месяца раджиб (7 августа 1582 года) Тауекель-багадур с плененным Латиф-султаном впереди спешил перед шатром эмира и бросил ему под ноги две головы: Баба-султана и его аталыка Джалмухамеда. Абдуллах-хан склонился, пристально посмотрел, проверяя, нет ли обмана, перешагнул через них и подошел к стоящему на одном колене багадуру.

– Убивший врага становится ближе родствен-

ника! – сказал он, повторяя древнюю поговорку. К моим единокровным братьям, султанам Убайдулле и Дустиму, прибавился третий – Тауекель. Даю тебе должность кушбеги и мое наследственное владение Аффрикент!

Везирь Хасен-ходжа одобрительно кивнул головой. Его воспитанник – святейший эмир Бухары поступал правильно. Такого багадур следовало связать родством и благодарностью. Почти все для него чужие в окружении эмира, и поэтому он будет служить трону и за совесть и за страх. А Аффрикент – самая отдаленная от Казахской степи местность в Бухаре...

– Благодарю, святейший эмир! – сказал Тауекель-багадур, поднимаясь с колена.

Головы врагов опустили в бочонки с медом, чтобы они обрели живой вид, и начался великий пир в честь гибели наиболее опасных врагов. В эту ночь защитники крепости слышали неистовые крики. Какой-то пьяный лашкар, подскакавший к стене, закричал, что это – последняя ночь жизни клятвopепреступников из богом проклятого Саурана. На него сбросили сноп пропитанного маслом горящего камыша, и он закрутился вместе с конем огромным живым костром.

Наступило тихое утро. Впервые за много дней прекратился нечеловеческий грохот “черных дромадеров”, и маленькие жаворонки, которых бесчисленное множество в этих краях, воспользовавшись передышкой, затеяли свой веселый хоровод над кустиками таволги, растущими между крепостью и осаждающими.

Трубы известили о восходе солнца, и сразу же вышел из своего шелкового шатра эмир Абдуллах, правящий неизмеримым бухарским ханством от имени своего отца. Сразу же нестройной толпой подошли к нему везири, военачальники, султаны, бии и беки, склонили головы.

– О святейший эмир, наш хан и повелитель!... Каковы будут ваши приказания на сегодняшний день?

Серые глаза Абдуллаха потеплели, рот тронула улыбка. “Чья же сегодня очередь?” – с тоской подумал Хасен-ходжа. А эмир повернул голову к Кульбабе-кокильташу:

– Вместе с сыном Баба-султана прогуляйтесь к стене, за которой укрылись наши друзья-сауранцы... Расскажите им обо всем. А если им покажется мало, придется подарить им голову самого Баба-султана. Правда, жаль расставаться с головой старого друга, столько служившего нам. Даже скучно стало без его присутствия на белом свете.

Вскоре к главным воротам двинулась лошадь, на которой был бочонок с пахучим джизакским медом. Рядом в сопровождении двух лашкаргов степенно шел Кульбаба-кокильташ. К хвосту лошади был привязан закованный в кандалы Латиф-султан. На верхней площадке главной башни города появились сын Баба-султана Абдысаттар и другой хаким Саурана – Жакбулат-торе. С ними находились несколько батыров, среди которых были и Кияк с Туяком. Увидев брата изможденным, закованным в кандалы, Абдысаттар на минуту прикрыл глаза руками.

– О наши братья, ибо все братья перед аллахом! – начал невуче Кульбаба-кокильташ. – У самых высоких гор тот изъян, что они лишены перевалов. Большие реки плохи потому, что нет через них переправ. Вы, достойные, знатные люди Саурана, имеете один недостаток – гордыню. Она, и только она, не дает вам возможности трезво взглянуть на мир и смириться с поражением. Как ни тяжело мне, но должен сообщить вам печальную новость. Баба-султан, которого ждете вы, уже прибыл.

– Где же он?

– Вы должны спросить, где его брненное тело... Оно похоронено в земле, и над ним стоит надгробие, как и полагается над могилой султана. А голова его в этой бочке с медом, чтобы не пропал румянец на его щеках!..

Второй раз прикрыл руками глаза Абдысаттар, услышав о смерти отца.

– Это правда, Латиф-султан? – спросил он брата.

– Правда...

– Вы слышали, правоверные, и не говорите потом, что не слышали!.. На кого же еще ваша надежда? Одумайтесь, братья, и запросите пощады у милостивого и святейшего эмира Абдуллаха! Принесите ему со смирением ключи вашего города, и он простит ваши прегрешения!

– А если мы не сделаем так, как советуешь ты, златоуст? – спросили с башни.

– Первым делом на ваших глазах будет зарезан вот этот султан Латиф, приходящийся братом тебе, Абдысаттар, а с ним и султан Тахир, который спит сейчас вместе с крысами-людоедами в зиндане!

– А потом? – спокойно спросил Абдысаттар.

– Потом мы станем пировать под вашими стенами до тех пор, пока последний из вас не издохнет от голода!

В этот момент звякнули оковы. Латиф-султан оттолкнул лашкаров и тяжело шагнул вперед.

– Не слушай их сладких речей, мой брат Абдысаттар, и вы, люди города Саурана! – громко закричал он. – Нас вы все равно не спасете, а себя погубите. Всем известно, что проклятый Абдуллах-хан поклялся не успокоиться до тех пор, пока не смешает вашу кровь в главном городском хаузе и не испьет оттуда!

– Назад, проклятый барс!

Оба лашкара натянули цепи, но не смогли стронуть с места Латиф-султана. Наконец они свалили его и поволокли назад, нахлестывая лошадей.

– Не верьте им! – кричал пленник. – Держитесь, и тогда придут к вам на помощь Яссы, Сайрам, Отрар, Архук... Вся степь придет!..

На другое утро также завывли карнаи, и эмир Абдуллах снова вышел из шатра. Он сделал знак рукой, и в тот же миг тяжело ударил "черный дромадер". Но вместо снаряда к осажденным полетел небольшой кожаный мешок. В нем были четыре головы: Баба-султана, Тахир-султана, Латиф-султана и аталыка Джалмухамеда...

Чтобы страшная начинка снаряда не разлетелась на куски от удара, отрубленные головы обвязали кусками толстой кошмы. А поверху была пришпилена записка, собственноручно написанная эмиром Абдуллах-ханом, предупреждающая, что всех сауранцев от мала до велика ждет такая же участь.

Защитники города похоронили головы казненных, как если бы хоронили их тела, – по всем правилам религии.

На городском майдане они поклялись защищать

город до последнего дыхания. Другого пути у них не оставалось.

А в тот день хаким Абдысаттар, потерявший сразу отца и брата, призвал к себе обоих близнецов-батыров.

– Перед львами не скрывают правду, какой бы тяжелой она ни была. Замалчиванием правды подбадривают лишь жалких шакалов, – сказал он им. – Не более двух месяцев сможем оборонять мы Сауран. У нас уже начинается голод. Но и у них не все хорошо. Вскоре хлынут дожди – холодные и непрерывные. А у эмира большинство войска из южных вилайетов. Им сейчас уже холодно в наших краях. К тому же по грязи и бездорожью не так-то легко станет им доставлять себе продовольствие. Думаю, что, если продержимся, эмир снимет осаду!

– А если не снимет? – спросил Кияк-батыр.

– Тогда мы все умрем! – коротко ответил султан.

Наступило тяжелое молчание. Кияк-батыр о чем-то упорно думал, глядя в землю. Потом поднял голову:

– У меня есть одна мысль!

– Говори, батыр!

– Юрта падает, если подрубить стойку...

– Ты... хочешь...

– Недавно я чуть не сделал этого.

– Как?

– Моя стрела летит обычно вдвое дальше, чем у других. Но аруак не позволил. Теперь я жалею... Нет, до эмира трудно добраться. Его стерегут, как проход в рай. А вот к одной из главных опор этого войска у меня найдется дело...

– О ком ты говоришь, батыр?

– О Тауекель-багадуре... В битве с кашгарцами у меня на руках умер хан Хакназар. Перед смертью он кое-что сказал мне об этом несчастном.

– Что же, дело твое, батыр. Тауекель-багадур, несмотря на молодость, правая рука Абдуллаха. К тому же за ним идут многие казахи. Их-то я больше всего и опасаясь, потому что они привыкли к голоду и лишениям. Могут всю зиму простоять под нашими стенами.

– Мы пойдем, султан!

– Бог вам в помощь, храбрые казахские батыры!

В эту же ночь пять человек спустились на аркане со стены в ров и бесцельно поплыли к другому берегу. Они были в простых одеждах и затерялись среди шумного и многоплеменного военного лагеря, раскинувшегося вокруг города Саурана. Однако едва взошло солнце, маленький белый голубь взмыл прямо из окна комнаты жены хакима – Айнар-султан-бике – и полетел за стены. Жена хакима приходилась родной сестрой Убайдулле-султану и сводной сестрой самому эмиру Абдуллаху. К обеду Убайдулла уже знал, что пять человек отправились к осаждающим, чтобы убить его самого, сына эмира Абдумумина, везиря Хасен-ходжу и казахского багадура Тауекеля. В письме содержались приметы джигитов, которые должны совершить это. Вскоре трое были пойманы и тут же повешены. Четвертый, Туяк-батыр, вырвался из рук схвативших его лашкаров, под градом стрел переплыл ров и был поднят на аркане назад на стену. А пятому, Кияк-батыру, повезло больше. Он узнал, что Тауекель-багадур со своей тысячей и дополнительными войсками выступил в сторону Ясс, чтобы привести к повиновению мятежный город. Кияк-батыр отправился следом...

Однажды на рассвете спавшего в шатре полководца разбудил какой-то шум. Два джигита личной охраны ввели и толкнули перед ним на ковер связанного толстыми веревками человека. Однако человек устоял на ногах. Он смотрел в лицо багадуру Тауекелю с несказанным презрением.

– Ого! – сказал багадур, невольно берясь за ятаган. – Кто ты?.. Джигиты говорят, что ты замышлял что-то против меня!

Багадур принялся поигрывать ятаганом, легко перерезая пучки валявшихся в шатре лозинок.

– Я Кияк-батыр!..

– Не слышал что-то такого имени среди батыров. Вот про безродного разбойника Кияка, который непослушен воле наставника веры – эмира Абдуллаха, я кое-что слышал. Помнится, говорили мне, что этот проходимец нападает на ханские обозы, на стада...

Кияк-батыр усмехнулся прямо в лицо багадуру,

все так же с презрением глядя на ятаган. Багадур невольно отбросил ятаган в сторону.

– У казахов обычно иначе называют людей, защищающих свое добро от грабителей, – сказал Кияк-батыр. – Не из наших ли сожженных кочевий гнали и везли обозы с добром эмирские собаки?!

– Что же, Абдысаттар знал, кого послать за моей головой, – подумал багадур. – Но почему у него такой ненавидящий взгляд? Что лично я сделал плохого этому джигиту?..”

– Как, ты сказал, зовут твоего отца?

– Жаубасар.

– Что же, и паршивый щенок называет себя волкодавом. Но убей меня бог, если слышал я и про батыра Жаубасара. Из какого он рода-племени?

– Из рода аргынских батыров.

– Сколько же тебе лет?

– Мой покойный отец говорил мне, что я родился в тот же год, когда родился и Тауекель – пасынок перевертыша Шагая!

Побледневший багадур ухватился за ятаган. Он быстрым шагом подошел к связанному Кияк-батыру и перерезал веревки.

– Садись, Кияк – сын Жаубасара!

Кияк-батыр опустился на кошму.

– Говори!

– Пусть уйдет стража!

Багадур сделал знак, и стража отступила за дверь. Лишь старый лашкар остался у двери с саблей наголо. Когда товарищи позвали его, он ответил, что боится за багадура и хочет быть готовым броситься ему на помощь.

– Говори, почему так ненавидишь меня?!

– За что любить мне тебя, багадур?

– Кого обидел я из твоих родственников?

– Разве не мои родственники жили в тех аулах, прах которых ты пустил по ветру, багадур? Разве не моих братьев продают сейчас в рабство на всех базарах мира? Разве не моих сестер опозорили твои лашкары, прежде чем продать их в чужие гаремы?!

– Я сам казах и с честными, послушными казахами не воюю! Лишь нашего общего врага Баба-султана настиг я и уничтожил. Разве он не убил детей того же Хакназара, которому ты до сих пор предан?

– Молчи, багадур! Ты родился в Казахской степи,

от казахской матери. Что ты делаешь со своей родиной?.. И месяца не прошло с тех пор, как побывал я в своем кочевье. Пепел и кровь остались там. И мы с братом моим Туяком поклялись полной мерой взыскать за это страшное преступление! Разве не твой хозяин эмир Абдуллах сделал это страшное дело? Не ты ли его верный раб? Так отвечай!

Кияк-батыр прыгнул на багадур, и они покатились по кошме, как два барса.

– Разве не ты... Не твои друзья жгли наши аулы?! – шептал в ярости Кияк-батыр. – Ты идешь сейчас затопить кровью наш город Яссы и получить еще одну шубу с плеча эмира. Но не я, так брат настигнет тебя, убийца!..

Кияк-батыр не ел двое суток. Кроме того, он долго был связанным и потерял много сил в схватке с охраной. Багадур прижал его к кошме, подержал недолго и отпустил.

– Значит, ты и другие считаете меня только изменником, который проливает родную кровь? – спросил он опять, словно ничего не случилось.

– Да... Но никто не удивляется этому. Когда приходит большая беда на родную землю, то такие сыновья рабыни, как мы с Туяком, защищают ее. А чего ждать от высокорожденных, да еще ставших приемами, изменников!..

– Говори, батыр! – взревел Тауекель-багадур. – Говори, или я покончу сейчас с тобой и с собой. Я уже слышал что-то про свое рождение. Но мой отец Шагай...

– Он убийца, твой отец... Подлый убийца! – тихо сказал Кияк-батыр. Ему вдруг стало до боли жаль этого человека. Но он все равно расскажет ему тайну гибели его несчастной матери...

– Все... Все расскажи мне! – захрипел Тауекель-багадур, ухватив его за руку.

– Твою мать, как и подобает "белой кости", звали Куньсана, что значит "Подобная солнцу". Нашу с Туяком мать, как и подобает рабыне, звали Койсана, что значит "Подобная овечке". Но когда обрушивается на страну несчастье, как на нас, смерть не выбирает...

– Кто убил мою мать?! – глухо спросил багадур.

– Твой отец, которого называют Шагай-ханом...

– Говори!

Тауекель-багадур разжал пальцы, отпустил руку батыра.

И Кияк-батыр рассказал Тауекель-багадuru тайну смерти Куньсаны.

– Да, значит, ты действительно не знаешь, что усыновивший тебя Шагай зарезал твою мать в день возвращения из Созака!

– Я... я помню только крик... – Голос у багадура вдруг стал чужим, тихим. – Она что-то кричала!..

– Хан Хакназар перед смертью велел мне, чтобы я рассказал тебе об этом, багадур. Не знаю, почему он этого хотел. Но когда я увидел, что ты с врагами, то решил попросту убить тебя!

– Почему же никто не рассказал мне об этом раньше?!

– Потому что всех, кто знал правду, Шагай-султан зарезал с твоей матерью!

– Что же стало с твоей матерью, с Койсаной? – спросил вдруг багадур.

– Рабыню Койсану отдали в жены бедному и неродовитому батыру Жаубасару. – Кияк-батыр посмотрел прямо в глаза Тауекель-багадuru. – Мне нечего стесняться ни отца моего, ни матери!

Тауекель-багадур опустил голову:

– Какова же судьба твоих родителей?

– Батыр Жаубасар погиб в бою с нападшими на наше зимовье джунгарами...

– А... Койсана?

– Я нашел ее убитой на пепелище... Это сделали твои лашкары, багадур!..

Стоявший все время прижавшись ухом к резной двери лашкар вдруг отскочил в сторону. Из шатра вышли Тауекель-багадур и пленник. Взяв под уздцы одного из своих коней, багадур сделал знак не сопровождать его и пошел вместе с батыром в степь.

Далеко за лагерем остановились они, и багадур, ни слова не говоря, передал поводья Кияк-батыру. Тот вскочил на коня, но не трогался с места, глядя на багадура.

– Я когда-нибудь сам найду тебя в степи, батыр! – сказал Тауекель-багадур и, повернувшись, пошел к своему шатру.

Кияк-батыр привстал на стременах, тихо свистнул, и лента пыли закружилась, понеслась в открытую степь...

– Мой багадур, этот собака лашкар, убивающий стариков, слушал ваш разговор в юрте! тихо сказал Тауекель-багадур молодой джигит-каракалпак из его стражи.

Тауекель-багадур посмотрел на старого лашкара со шрамом на щеке. У того был подлый, заискивающий взгляд. Но багадур лишь махнул рукой и ничего не стал предпринимать...

Через три дня в шатер султана Шагая под Саураном неслышно вошел человек со шрамом. Он что-то долго рассказывал султану, и тот одобрительно кивал головой. Под конец султан бросил человеку кожаный мешочек с золотом. А когда лашкар повернулся, чтобы уйти, султан всадил ему кривой бухарский нож в поясницу.

– Много знающий раб перестает быть верным... – прошептал он и уже громким голосом крикнул: – Заберите эту падаля, пытавшуюся оклеветать моего сына Тауекель-багадура!

В полдень Шагай-султан склонил колени перед эмиром:

– Мой сын Тауекель-багадур хочет переметнуться к твоим врагам, мой повелитель-хан... Ты видишь теперь, какова моя верность тебе!

– Да, я знаю, что ты мне верен до конца. Кому ты нужен? Тебя никто больше не примет, кроме меня... – Абдуллах усмехнулся. – А сына своего Тауекеля определишь в мое сопровождение. Пусть будет поближе к нам!

Вошедший Хасен-ходжа увидел смеющиеся глаза своего повелителя и похолодел от страха. Чью смерть опять предвещает эта улыбка?

Ни эмир, ни Шагай-султан не знали того, что Тауекель-багадур в это время с небольшим отрядом верных людей отделился от главного войска и скакал на север, прямо в степь Дешт-и-Кипчак...

Еще два месяца простояли под Саураном лашкары эмира Абдуллах-хана. Сам он отбыл отсюда раньше, якобы из-за болезни своего отца Искандер-хана. Потом ушли и войска. Сауран выдержал осаду...

Странный свистящий звук возник где-то в голубом небе. Он все усиливался, быстро приближаясь и по-

раженные, испуганные люди невольно втянули головы в плечи, все ниже пригибаясь к земле.

– Это "черный дромадер"! – крикнул кто-то.

Но это была не камнеметная машина "черный дромадер", два века назад пытавшаяся сокрушить эти стены. Чугунное крутящееся ядро ударило в самый верх крепостной башни, отбив один из зубцов, и комья сухой глины посыпались вниз на толпу. Другое ядро перелетело стену и попало в середину площади, убив привязанного к колышку коня.

– Джунгары!.. Все на стены!

Это загредел голос подоспевшего Елчибек-батыра. Но люди и без того уже бежали каждый к своему месту на стене. На угловой башне выделялась могучая фигура кузнеца Науана – внука и правнука людей, из века в век защищавших Сауран от незваных пришельцев.

– О наш жырау, поберегите себя! – крикнул он, увидя, что Бухар-жырау вместе со всеми полез на стену.

Но вещий певец был уже наверху. Приложив ладонь к глазам, он жадно вглядывался в даль, туда, где за холмами разворачивалась страшная джунгарская конница. Двадцать поставленных джунгарам китайскими правителями пушек вели огонь по крепости, стремясь запугать ее защитников. Командовал джунгарскими пушками плененный некогда в стычке джунгар с русским отрядом унтер-офицер из шведов Ренат.

А пять тысяч всадников на низко рослых монгольских лошадях под прикрытием пушечных залпов лавой мчались к стенам крепости. Но здесь уже все было готово к отпору, и, когда подскакали они, их встретили мушкетные выстрелы и град стрел. Горячее масло лили на них сверху, скатывали им на головы тяжелые камни. И все же сотни полторы джунгар из первой линии прорвались на стену. С двух сторон полезли они на башню, стремясь захватить ее. Если бы им удалось укрепиться в ней, судьба Саурана была бы решена. Но там встретил их отряд горожан во главе с кузнецом Науаном. И, словно наткнувшись на железную стену, посыпались в ров враги, изрубленные топорами и старыми дедовскими мечами-алдаспанами. Не жалея себя, схватывались с джунгарами защитники башни и падали вместе, разбиваясь о ка-

менные выступления. С тыла врагов атаковали те из горожан, кто остался в живых на стенах, и опасность была ликвидирована...

Все так же несокрушимо стоял на верху башни Науан-батыр, но когда Бухар-жырау добрался до него, то увидел, что лицо у кузнеца совсем белое. Кровью было залито все вокруг, а в груди Науана торчал обломок тяжелой джунгарской пики. Непонятно было, как еще стоит он на ногах. Глаза кузнеца смотрели на жырау.

— О мой Науан!..

Бухар-жырау подхватил на руки Науан-батыра, бережно опустил его на камни. Он захотел вытащить вражеское копьё из груди, но кузнец отрицательно покачал головой. Губы умирающего что-то шептали. Бухар-жырау наклонился к его лицу.

— Мой жырау... Вы... вы так и не закончили рассказ о моих предках... О Кияке...

Руки батыра начали холодеть, и Бухар-жырау сложил их у него на груди.

А джунгарская конница уже отхлынула от стен славного города. Это был один из отрядов, попытавшихся с ходу овладеть Саураном. Первый штурм был самым сильным. Еще несколько раз бросались джунгары на приступ, но их уверенно отбивали. Увидя, что Сауран им не взять, они сняли осаду...

И зима, как всегда во время войны, была в том году неслыханно лютой. Уже в октябре затянуло льдом все степные реки и озера. Из-за своей мелководности многие из них промерзли до дна. Всю зиму бушевал, не переставая ни на день, свирепый буран. В редкие промежутки, когда устанавливалась тишина на земле, небо стояло красным от жгучего мороза. Даже волки коченели в степи в эту зиму. Что уж тут было говорить о людях и овцах. Неимоверно трудно приходилось кочевникам-казахам. Но не легче было и чужеземцам-джунгарам. Словно в наказание, погиб весь награбленный в казахских и киргизских аулах скот. Джут напал на не привыкших к местным условиям джунгарских лошадей.

Еще страшнее оказалась весна. Джут перебросился в степь, и смерть косила людей и скот от Каспия до Алтая. Уцелевшие аулы откочевали к северу, где

можно было что-нибудь выменять в приграничных российских городах и как-то перебиться. В сказаниях остались эти годы как "времена великого бедствия".

Лишь на третий год опомнились казахские кочевья от страшной беды. Отдельные отряды батыров начали одерживать первые победы над нойонами Сыбан Раптана. Самую первую победу над врагом одержал Тайлак-батыр из Младшего жуза со своим племянником Санырак-батыром из Большого жуза. Битва произошла в междуречье Буланты и Буленты, впадающих в реку Сарысу, а место это до сих пор называется Камак кырлган – "Место смерти джунгар".

Тогда же вся степь заговорила и о восемнадцатилетнем вожде, который не переставая тревожил джунгар, неожиданно нападая на их отряды и уничтожая их полностью, до последнего человека. Пощады он не ведал. С безудержной отвагой бросался он в бой, и клич его был "Аблай!". Джунгары уже стали бояться этого имени, а при встрече с ним хан Абулхаир узнал в нем того самого подростка-пастуха, которого встретил как-то, заблудившись в тугаях Сейхундарьи с Бухаром-жырау. Из знатного рода оказался этот юноша, и все говорило за то, что у Абулхаира на пути к власти над всей степью появился еще соперник...

Вскоре произошла знаменитая битва при озере Алакуль, на юго-восток от Балхаша, на Анракайских сопках, в которой объединенное казахское войско всех трех жузов во главе с ханом Абулхаиром разгромило уже крупные силы самого джунгарского контайчи, и джунгарские всадники вынуждены были бежать вниз по реке. Или к своим стойбищам. Это могло стать началом конца джунгарского нашествия на страну казахов. И как всегда, помешала этому межродовая рознь. Она всегда начиналась среди племен, едва улучшалось общее положение...

Умер хан Булат. По всему было ясно, что во главе всех казахов должен стать хан Абулхаир. Его победы над джунгарами, боевой опыт и авторитет среди воинов были неоспоримы. Но по оставленному чингизидами завещанию не имел права стать великим ханом отпрыск младшей ветви. На белой кошме был поднят старший сын хана Булата – Абилямбет. Обидевшийся Абулхаир увел свое войско к берегам Иргиза – на земли Младшего жуза. Ушел с большин-

ством своего онолчэнны и хан Самеке, тоже рассчитывавший на великий ханский престол. Снова осталась незащищенной казахская земля...

И только отдельные батыры со своими отрядами создавали какой-то заслон откормившемуся и готовому к новым захватам войску кровавого контайчи Сыбан Раптана. Среди этих батыров был и славный Кабанбай с двумя сотнями джигитов. Зимовал он в Казалинске, при бывшей ставке Абулхаир-хана, а летом нападал на джунгарские разьезды, доходя порой до самого Туркестана. Стремя в стремя с ним всегда скакала Гаухар — "Девушка-жемчужина", которую знала вся степь. Уже слагали песни о том, как она спасла казахское войско от верной гибели, предупредив о джунгарах. Она стала верной подругой батыра.

Пусто и холодно было в степи. Ветер срывал с недалеких барханов тучи песка и швырял их в лицо. У самой кромки такыра, где начинались пески, обнажилась целая гора черепов. Кости были старые и, по всему видно, не один век пролежали в земле. Кто совершил когда-то убийство: нукеры Чингисхана, абулхайровские сарбазы, или же произошло это еще раньше, клинки шуршутских карателей лишили жизни стойбище?

А сразу за холмом лежали совсем белые кости. Обрывки одежды трепетали на ветру, и все это было присыпано еще не успевшим развеяться пеплом. Здесь уже ясно было, что убили людей солдаты контайчи. В прошлом или в позапрошлом году случилось это. В этой древней земле, как и в душах людей, прошлое перемешалось с настоящим, и не знаешь порой, где заканчивается одно и начинается другое. Неизменно только одно — убийство... Бухар-жырау огляделся, посмотрел на небо. Один, как обычно, ехал он через степь. В дороге одному лучше думалось. И степь, тут и там обнажая похороненные в ней кости, без всяких прикрас рассказывала свою историю.

Стало темнеть. Жырау расседлал коня, устроил возле куста саксаула заслон от ветра и улегся на потник, прикрывшись старым халатом. Ветер свистел над головой, и поэтому не спалось. Вещий певец смотрел в темное, мглистое небо и думал о судьбе родного края.

Забывто древнее искусство письма в его народе, но жива и несокрушима память. На ней держится все, и поэтому столь почитается искусство жырау. Он и певец, он рассказчик и хранитель всего того прошлого, без чего не бывает народа. В разных краях необозримой Казахской степи уже поют стихи из его сказания об осаде джунгарами древней каменной твердыни – Саурана. Уже прибавлены новые слова, а многие и не знают, что это его сказание. Да, беззаветная стойкость таких, как Науан-батыр, помогла отстоять Сауран. А еще помогли порох и мушкеты, привезенные русскими купцами. Если бы каждый казахский город имел такие мушкеты, то можно было бы поспорить с шуршутскими пушками...

Все дело в том, найдется ли человек, способный объединить сейчас казахов для отпора врагу. Для этого надо переломить хребты бесчисленным родовым биям и султанам, каждый из которых сам хочет сесть на ханский трон. Есть ли в степи человек, способный справиться с такой задачей?.. Жырау невольно вздрогнул. Как живой, встал перед ним юноша в рваной одежде табунщика, но с холодными, жестокими глазами. Уже катилась слава по степи о его подвигах, и трижды проклятое имя Аблая – кровавого деда этого юноши – называлось при этом...

Да, достойное начало для торе-чингизида. Хладнокровно зарезал этот юноша своего верного старого раба, спасшего ему жизнь, а потом, чтобы никто не сомневался в его намерениях, взял себе имя деда-кровопийцы, которым матери пугают детей в казахских кочевьях. Может быть, и нужно, чтобы в этот жестокий век именно такой человек пришел к власти?..

Бухар-жырау тяжело вздохнул. О, сколько крови еще прольется на родной земле! Юный чингизид настойчиво просил тогда его рассказать о прошлом, и он рассказал ему о временах, когда из-за междоусобиц стала разваливаться Белая Орда. И о том же самом просил рассказать его павший на стенах Саурана кузнец Науан-батыр. Но по-разному смотрят они на прошлое. Кузнецу он рассказал о его предках – славных батырах "черной кости" – Кияке и Туяке. Султан осудил Кияка, а Науан пошел на смерть с его именем на устах! Значит, есть две истории – одна для султанов, другая для простолюдинов. Какая из них пра-

вильней?.. Что смогут сделать самые жестокие и хитрые султаны на свете без таких вот беззаветных батыров, как Науан!..

Так и не успел он рассказать до конца кузнецу о его славных предках – Кияке и Туяке. Но он расскажет о них людям. Пусть они решат, чей род по-настоящему славен – великих султанов или кузнеца Науана...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Если на западе казахской земли пока было относительно спокойно, то на северных рубежах происходили события, которые все больше и больше влияли на положение в Казахском ханстве. Там, в суровой бескрайности Сибири, издавна не существовало единой устойчивой власти. Туда после межплеменных стычек и войн уходили обиженные и побежденные роды не только из Казахской степи, но задолго перед этим из Казанского и Астраханского ханств, из Башкирии и с древних волжских земель. Все больше и больше убегало туда рабов, разноплеменных пленников, а в последнее столетие – бежавших от русских бояр и князей холопов. Видно, не сладко приходилось людям под властью грозного русского царя, потому что целыми селениями снимались с насиженных мест и уходили за Уральские горы, в неведомые края крестьяне-землепашцы. Но больше всего бежали из России поодиночке люди, преследуемые свирепыми царскими законами, беззаконной опричниной. Они были разных национальностей, но быстро находили общий язык, объединялись в дружины и принимали имя казаков. Этим воспринятым у казахов древним именем они подчеркивали свою вольность и желание жить по законам военно-кочевой демократии. Сама структура и должностные названия в казачьих дружинах, а затем и в войсках повторяли древние казахские военно-родовые формирования.

Десятки и сотни таких больших и малых дружин гуляли по Сибири, по примеру кочевых родов совершая набеги, вступая в стычки друг с другом, смешива-

ясь с местным населением и постепенно оседая на захваченных землях. Царское правительство живо поняло, какую выгоду можно извлечь из этого. Не в силах само справиться с буйными казачьими дружинами, оно стало использовать их для завоевательной политики и охраны границ. Именно разнородность и разноплеменность казачьей вольницы облегчали дело покорения Сибири.

К тому времени, когда подняли Тауекеля-багадур на белой ханской кошме, по всей северной границе степи уже было известно имя "Строганы". Так в степи называли купцов Строгановых, которым русские цари предоставили на откуп просторы Сибири. Строгановы нанимали к себе на службу вольные казачьи дружины, а зачастую и казахские отряды для охраны своих торговых караванов и складов. Вскоре по всей пограничной линии выросли первые торговые городки. И хоть давали в этих городках крайне малые цены за привозимые кочевниками товары, степь получила наконец новый выход на широкие рынки. Уже не одна Бухара контролировала все пути и цены на шерсть, кожи, полезные ископаемые. В свою очередь, на приграничных базарах кочевники могли приобрести все необходимые им товары.

Зато на востоке степи все сильнее сгущались тучи. На бульдога, вцепившегося в горло и не отпускающего свою жертву, были похожи джунгарские контайчи. И бульдог этот медленно, настойчиво, с каждым летом все ближе добирался до главной вены на шее страны казахов. Не только казахи, но все другие народы вокруг чувствовали смертельную угрозу. За джунгарскими контайчи двигался древний и страшный враг. Уходили в недоступные джунгарам горы киргизские кочевья, свертывали свои дела узбекские и таджикские купцы, потеснились каракалпаки, вынужденные дать место отступавшим казахским аулам. Среднеазиатские ханства притихли, почувствовав угрозу нашествия на свои оазисы. А джунгарские контайчи теперь уже поглядывали и на сибирские города...

Но российские дипломаты внимательно следили за всем, что происходит в великой степи на юго-восточных пограничных линиях. Крайней осторожностью отличались их действия. Казалось бы, в это тяжелое для страны казахов время, когда с востока на

нее навалилась джунгарская беда, на западе — в устье Волги — в лице калмыцких ханов поджидала другая, с севера донимали набегами башкирские мурзы, а на юге ни на день не прекращалась вражда со среднеазиатскими ханствами, самое время было для какой-нибудь другой державы вмешаться в дележ и отхватить себе наиболее лакомую часть пирога... Так бы, очевидно, и поступили допетровские русские политики. Но, начиная с Петра, России суждено было играть более значительную роль в делах Востока. И пути этой большой политики скрещивались с путями других великих держав уже на четырех океанах. Здесь, в сердце Азии, они были намечены явственными, четкими пунктирами. Пока что Россия ждала развития событий, укрепляя торговые и дипломатические отношения со всеми странами этого района.

Батыр Богембай резко повернул коня назад. Косматый гнедой жеребец — от порога до красной стены юрты длиной, — тяжело кренясь и сдерживая ход, сделал полукруг и понесся обратно, выбрасывая из-под каждого копыта комья земли, равные величиной площади походного костра. Лишь ветер свистел в пустой степи да с каждым скачком богатырского коня гулко отзывалась и словно охала земля...

Вон он, Шуно-Дабо, джунгарский багадур, тоже заметил казахского батыра и таким же мощным рывком руки поворачивает своего белого косматого великана-коня. На полном скаку проносятся они друг мимо друга, едва не соприкоснувшись стремянами. В клубах пыли поднялись и опустились тяжелые дубины-палицы с окованными железом головками. Тяжелый стук, будто две гранитные скалы столкнулись в небе, послышался в степи, и далеко отлетели сломанные дубины.

А батыры уже снова поворачивают коней. Никто не видит этого поединка, но тем неистовой схватка. Снова мчатся они навстречу друг другу, взметая пыль, но теперь уже не палицы в их руках, а тяжелые сверкающие мечи-алдаспаны. Гром ударов и скрежет раздался при их сближении. Но теперь уже не разъехались батыры, а закружились один возле другого, высекая искры. Когда же притупились старинные мечи, батыры снова разъехались и натянули луки,

стремясь достать стрелами вражескую плоть. Но и это никому из них не удалось. Равными по силе и мужеству оказались они.

Уже дважды можно было подоить кобылу за то время, что сражались они. Батыры устали, пот заливал глаза, тяжело поднимались руки в железных доспехах. Да и кони еле несли своих тяжелых всадников. Тогда они слезли с лошадей и бросились друг на друга с кинжалами. Вскоре и кинжалы выпали из стиснутых противниками рук, и они принялись голыми руками душить один другого...

Совершенно обессилевшие, они лежали рядом на голом холме. Потом, ни слова не говоря, один из них поднялся и поплелся к своей лошади. То же сделал и другой. Батыры не смотрели друг на друга, пока не поднялись в седла и не отвернули друг от друга лошадей. Только отъехав на несколько шагов, они разом, как по команде, оглянулись.

– Богембай-батыр, совесть наша чиста... – сказал Шуно-Дабо. – Поединок наш был честным, как в древних песнях. А впредь пусть будет так: как кто сумеет. Берегись, не попадайся мне больше один в степи!..

– Да уж и ты не удивляйся, если застаю тебя врасплох! – ответил Богембай-батыр.

И они разъехались в разные стороны.

Они давно знали друг друга – казахский батыр Богембай из канжигалиевской ветви рода аргын и джунгарский багадур Шуно-Дабо. На два конных перехода друг от друга стояли их стойбища. И вот уже несколько лет, с тех пор как, по рассказам людей, шуршуты стали теснить джунгар где-то на востоке, Шуно-Дабо что ни лето начал появляться на казахских выпасах. Как подлинный багадур, он чаще всего ездил в одиночестве. И так же в одиночестве угонял он целые табуны лошадей у казахов, а при случае увозил и пленных. На перехват таких одиноких багадуров и уезжали надолго в пограничную степь смелые казахские батыры. Три раза встречались в чистом поле Богембай-батыр и Шуно-Дабо, и все безрезультатно. Теперь они решили отказаться от древних правил, по которым противник предупреждается о вызове на бой. Подобно зверям, решили они охотиться друг за другом.

Лишь через пять лет снова свела их судьба... Большое казахское ополчение скрывалось в бесчисленных оврагах поймы рек Арысь и Бадам. На горе Ордабасы, неподалеку от главных сил, неподвижно стояло несколько всадников. Впереди на белом аргамаче сидел снова приведший свое войско для борьбы с джунгарами хан Абулхайр. Он прекрасно понимал, что если сомнут окончательно джунгары сейхундарьинские и приаральские казахские кочевья, то земли Младшего жуза будут взяты в тиски. С одной стороны на них навалились бы приволжские калмыцкие ханы, с другой – конница самого контайчи.

Сразу за ханом Абулхайром сидел на своем верном гнедом батыр Богембай. Внизу, у подножия, с подменными конями в поводу, ждали сигнала двадцать ханских гонцов. В этот день здесь и произошла знаменитая битва, в которой казахам опять удалось разгромить джунгарского контайчи. Решающего значения эта битва тоже не имела, но на некоторое время все же ослабло давление джунгар на казахские земли.

Битва при Бадаме была кровавой и яростной. Многие тысячи воинов полегли с обеих сторон. Обе стороны все хотели перехитрить друг друга, и один за другим высылали в бой спрятанные в засаде отряды. Схватка превратилась в большую кровавую мясорубку...

Вот тогда на левом берегу Бадама и встретились в последний раз батыр Богембай с нойоном Шуно-Дабо. В песне-сказании об их битве рассказывается, что казахский батыр своим шестигранным копьем пробил железные доспехи и кольчугу джунгарского багадура, нанеся ему в грудь смертельную рану. Но белый конь вынес багадура из битвы и переплыл с ним бурную студеную реку. Недалеко от противоположного берега умирающий нойон оглянулся назад. Его старый враг – казахский батыр Богембай стоял там, опершись о лук. Несмотря на условия между ними, батыр не стрелял, так и не пожелав нарушить древние правила боя. Потом нойон Шуно-Дабо посмотрел на свой берег и закричал в предчувствии смерти. На берегу стоял его племянник Галден-Церен с кованой палицей в руке. И когда умный конь достиг берега и багадур Шуно-Дабо сполз с коня, будущий контайчи Галден-Церен раскрыл ему череп. Бурные волны реки понесли тело прославленного джунгарс-

кого багадуря ногами вперед в Казахскую степь...

Галден-Церен проводил глазами плывущее тело того, кто по праву должен был стать главным джунгарским контайчи после смерти престарелого Сыбан Раптана.

– Нет тебя больше на моей дороге! – промолвил он и повернул коня от реки.

Не успел он отъехать и на выстрел из лука, как ему встретился другой нойон.

– Смотри, Галден-Церен, вон скачет конь Шуно-Дабо без хозяина! – закричал он. – Где же храбрый нойон Шуно-Дабо? Неужели закатилась его звезда?!

– Не думаю, – холодно ответил Галден-Церен. – Может быть, славный джунгарский конь оказался вернее своего господина!..

Так впоследствии и появилась легенда о том, что в Казахской степи скрывается до поры до времени законный претендент на бунчук контайчи. Из века в век рассказывают ее в калмыцких и алтайских кочевьях...

А честное сердце батыра Богембая не знало покоя. Пусть по отношению к врагу совершилось на его глазах лютое предательство, но он видел смерть Шуно-Дабо от руки Галден-Церена, и ему невольно казалось, что сам он замешан в подлом убийстве. Никому не рассказывал он об этом, пока не свела его судьба с Бухаром-жырау.

– Скажи, правдолюбец-жырау, почему волки по отношению друг к другу честнее людей? – спросил он и рассказал о смерти джунгарского багадуря на берегу реки Бадам.

– Люди становятся хуже волков, когда идут на волчье дело, – ответил Бухар-жырау. – Разве не волчьим делом заняты сейчас в нашей степи джунгарские нойоны? Вот и по отношению друг к другу они хуже волков. Но бывает и наоборот, когда доброе дело возвращает озверевшему человеку его человеческий облик. Ты слышал сказание о султанине Тауекеле?..

– Да, по всей степи рассказывают твою повесть о том, как, услышав от Кияк-батыра правду о себе, бросил султан Тауекель, сын Шагая, неправое войско бухарского эмира Абдуллаха и возвратился в родную степь...

– Я не успел когда-то досказать эту повесть славному батыру Науану – правнуку Кияка. Было это на

стенах Саурана, и джунгарское копыто вошло ему в грудь.

– Доскажи ее мне, жырау!

Ночь была над степью, и ни одной звезды не светило в черном холодном небе. Вдвоем сидели они у маленького походного костра – великий жырау и славный батыр.

– Хорошо, – сказал Бухар-жырау. – Слушай, и ты поймешь, что от того, на какое дело идет человек – доброе или недоброе, зависят и все его поступки...

Казахская степь ждала спасителя. И волки сбиваются в одно стадо с оленями и бегут вместе, спасаясь от страшного степного пожара или наводнения. Подобно такому пожару или наводнению хлынули с разных сторон в степь враги. Только Тауекель-багадур, объединивший вокруг себя многочисленную родню умершего к тому времени султана Шагая, представлял какую-то силу. И был он из рода Джаныбека и Касыма, оставшихся в народной памяти ханами-объединителями...

Как в старых легендах, курились горы на востоке, предвещая неслыханные беды. Все больше племен и родов откочевывало подальше от Джунгарских ворот. Но по всей южной границе степи хозяйничал старый и беспощадный враг, с которым следовало бороться сегодня. И новый хан Тауекель вступил в схватку с этим врагом.

Пока Тауекель собирал по степи осколки Белой Орды, бухарский эмир Абдуллах не дремал. Сразу же после смерти Искандер-хана и своего официального воцарения на бухарском престоле он с неслыханной жестокостью подавил народное движение в ташкентском вилайете, совершил кровавый поход против городов Восточного Туркестана и Кашгарии, а на юге и западе захватил Хорасан и Хорезм. Оставалось покорить лишь города Западного Туркестана – вниз по течению Сейхундарьи. Как кость в горле, мешали они его покою. Жители этих городов были испокон веков связаны с кочевой степью, получали оттуда непрерывную помощь, и сладить с ними было трудно. К тому же, как всегда это случается, начались серьезные распри между стареющим ханом и его молодым и настойчивым наслед-

ником Абдумумином. Опираясь на подвластный ему Балх, Абдумумин захотел свергнуть отца или править от его имени всем ханством, как правил когда-то сам Абдуллах при живом отце – Искандерхане. Лучшую часть своих войск вынужден был держать старый хан на границе с Балхом.

Именно это позволило Тауекель-хану укрепиться в степи и обрести влияние на политику в Туркестане. Особенно усилились его позиции, когда к нему без всяких оговорок присоединился младший сын Шагая – подросший Есим. Даже те казахские роды и племена, которые не признали Тауекеля своим ханом, вынуждены были считаться с ним.

А положение в степи становилось все сложнее. Теснимые и натравливаемые богдыханом ойротские контайчи все чаще совершали набеги на смежные казахские кочевья. С присущим им коварством китайские чиновники разжигали национальную вражду между кочевыми народами, отбирая у них лучшие земли. Обессиленные в междоусобной борьбе, эти народы не могли оказать длительное сопротивление регулярной китайской армии. Медленно, но верно дракон подползал к границам Казахской степи. Надеяться, даже в будущем, на поддержку хана Бухары не приходилось. Да и могло ли оказать такую поддержку раздираемое непрерывными смутами Бухарское ханство? И невольно новый казахский хан Тауекель, следуя советам наиболее дальновидных аксакалов, прислушивался к тому, что происходило на северной и западной границе степи.

Нет, пока что никаких угрожающих действий не видел хан Тауекель со стороны могучего соседа. А то, что дружба с ним будет крайне необходима в предстоящих столкновениях с выполняющими волю богдыхана джунгарскими контайчи, говорили уже в один голос аксакалы разных родов и племен. Да и в ближайших битвах с Абдуллахом нужно было иметь обеспеченный тыл...

А взаимоотношения с северным соседом налаживались и сами собой. В результате пограничной смуты было схвачено в городе Тюмени и отправлено в Москву несколько родовитых людей, и среди них племянник самого Тауекель-хана Оразмухамед. Дело в том, что еще отец Оразмухамеда – известный в степи Онай-батыр поступил на службу к русскому

царю и оказал затем немало услуг Борису Годунову. Так или иначе, а хан Таукель направил специальное посольство к царю с просьбой об освобождении пленника. Царь не освободил Оразмухамеда, но и не казнил его, а вскоре сделал владельцем ханом города Касимова. Таким образом в окружении самого царя у Таукель-хана оказались близкие люди.

Теперь можно было начинать старый спор с ханом Абдуллахом за туркестанские города. Это нужно было делать, пока находились в ссоре старый тигр Абдуллах и его многообещающий сын Абдумун. Словно ветер в пустыне, переменчива политика Бухары. Кто знает, в какую сторону подует завтра этот ветер! Пока что уже начали гулять слухи в степи, что в Хиве и Самарканде собирают джигитов для какой-то новой войны. Вряд ли так далеко зашла междоусобица между отцом и сыном. А что, если, помирившись, обрушатся они всеми силами на неокрепшее Казахское ханство? Всегда лучше иметь при себе ключ от ворот родного дома. А ключом этим, как и во все времена, были туркестанские города-крепости.

Древний город Яссы теперь так и называли – Туркестан. Хан Таукель сделал его своей главной столицей. Ханский дворец стоял в густом тенистом парке неподалеку от гробницы Ходжи Ахмеда Ясави. И хоть не походил этот дворец на роскошные дворцы Бухары и Самарканда, но толстые стены из жженого кирпича спасали от грозной туркестанской жары, а письмена из Корана по стенам и карнизу не давали погрязнуть в грехе и невежестве. Все как у других ханов.

Сразу было видно, что город готовится к войне. На всех площадях разбиты шатры, по улицам скакали вооруженные люди, днем и ночью не утихал грохот в кварталах оружейников. Да и вокруг города, в многочисленных пригородах – дехах и рабатах – размещались все новые отряды, прибывающие из степи. Джигитов можно было угадать по одеждам и вооружению. Из ближайших присырдарьинских городов и селений ехали люди с кривыми хивинскими саблями и ятаганами, семиреченские и таласские воины имели притороченные к седлам пики,

а в отрядах, прибывающих с северных границ и из страны Ногайлы, тут и там виднелись русские стрелецкие пищали...

Больше ста тысяч воинов собрал хан Тауекель вокруг Туркестана. На большом ханском совете, созванном по древней традиции, войско было разделено на три части. Правое крыло возглавил младший брат Тауекель-хана – батыр Куджек, а левое крыло – другой его брат, Есим-султан. Центром и всем войском командовал сам хан Тауекель. При каждом военачальнике, как обычно, имелись опытные советники, так что юность полководца не была помехой. Главное, чтобы он был из ханского рода.

Решено было самим ударить на Ташкент и Самарканд, чтобы лишить Абдуллаха резервов и возможности маневра. Пока основные его силы придут на помощь, следовало взять эти города и только потом пойти на переговоры. Вряд ли сможет в нынешних условиях эмир Бухары пойти на большую войну. К тому же эти города неслыханно разрослись, и цитадели их превратились в островки посреди моря. Стены их давно не ремонтировались, а во рвах не хватало воды. А самое главное, жители городов давно уже роптали на неслыханные налоги, принятые в Бухаре, и тайне завидовали полусамостоятельным городам Северного Туркестана. Из года в год бежали из Ташкента и других городов люди в степь, оседали на границах. Тауекель-хан, сам когда-то служивший Бухаре, прекрасно был осведомлен об этом и решил до конца использовать народное недовольство бухарским игом. Чтобы не вызвать брожения среди городского населения Туркестана, он запретил даже вводить здесь военный налог, который собирали по всей степи.

Ночь накануне выступления в поход хан Тауекель провел в покоях своей любимой жены Акторгын. Да, той самой Акторгын – вдовы Хакназара, отданной теперь ногайлинцами новому хану. Он был уверен в быстрой победе и никогда еще не чувствовал себя таким могущественным. Но, садясь за утреннюю трапезу, хан получил какую-то недобрую весть. Не удостоив приглашения никого из подчиненных, он послал за своим любимым певцом и прорицателем Жиенбетом-жырау.

Сотворив необходимую молитву, хан кивнул своему везиру:

— Пусть войдет жырау!

Несмотря на то, что ему едва перевалило за тридцать, Жиенбет-жырау носил большую, с проседью бороду, оттенявшую его бледное, словно неживое лицо. Шапка на его голове не горела красным огнем, как в дни юности, а была из меха невзрачной каратауской лисицы. А кафтан был поношенным, протертым на рукавах. Лишь домбра, украшенная перьями филина, блестела словно новая. Чувствовалось, что знаменитый жырау специально обновил ее перед отъездом из родного Казыкурта в далекую ханскую столицу Туркестан...

Жиенбет так и не стал ханским поэтом. Изредка наезжал он к хану Тауекелю. Но хан ценил его больше других, ибо не мог забыть, как скитался, гонимый по степи, и юный жырау оказал ему огромную услугу, первым из признанных певцов возвеличив его перед страной Ногайлы. Как говорится, "тот, кто первым открыл лицо невесты в день свадьбы, на всю жизнь остается для нее родным". Бурно протекала жизнь певца. Уже на следующий день после вознесения Тауекеля на белой ханской кошме жырау Жиенбет исчез, будто растворился в необозримой степи, которая одна была его постоянным домом. Поскакавшие по поручению самого хана в разные стороны гонцы так и не нашли его. Но не прошло и двух лет, как великого певца приволокли к хану на аркане, требуя суда над ним. Выяснилось, что жырау осмелился влюбиться в семнадцатилетнюю красавицу Есенбике — дочь самого богатого бая из могучего рода бай-улы. Хоть и имел Жиенбет-жырау неслыханный голос и славился по всей степи, но ничего не было у бедняка, кроме единственного коня и верной домбры. Чтобы не платить калым, жырау с согласия красавицы выкрал ее и увез в горы Индира. Посланная родственниками невесты погоня схватила беглецов, но, зная особое отношение хана к нему, отец не посмел самолично расправиться с виновным. Жырау за нарушение незыблемых законов предков приволокли на суд к самому хану.

— Что ты натворил, жырау? — сурово спросил у него хан.

- Разве может отвечать на вопросы певец со связанными руками?! - ответил тот.

Хан приказал развязать ему руки, и тогда Жиенбет-жырау схватил висевшую на стене думбру и спел песню, которую до сих пор помнят в аулах:

В осенние хмурые дни, налитые летним соком,
Пьянеют бараны и косматые верблюды.
В весенние бурные дни, разгоряченные первым солнцем,
Пьянеют могучие быки и крепкогрудые кони.
Певца пьянит любовь круглый год -
В неистовый зной и в лютую стужу...
Вечно пьяный от любви, оказался я перед тобой.
Вот моя голова: убей Любовь, мой хан!..

Тауекель-хан улыбнулся.

- Как я понял, пьяны были оба, - сказал он отцу невесты. - Какая слава пойдет о тебе, если заporешь дочь вместе с зятем? И разве склеишь разбитую пиалу? А в том, что она разбита, ни у кого нет сомнений. Не лучше ли простить!..

Но все же, боясь байского гнева, жырау со своей юной женой так и не вернулись в родной аул, а стали жить особняком у подножья горы Казыкурт. Прославился он тем в народе, что никогда не выезжал на богатые свадьбы. Зато не случалось в округе ни одной свадьбы безродного батыра или бедняка джигита, в которой не принял бы он участие. Даже в ханском дворце, где спасли ему жизнь, не был он частым гостем. Именно этого человека, пользующегося всеобщей любовью у простонародья, и пригласил сейчас к себе хан Тауекель. Да и по древним неписаным законам следовало перед боем спрашивать совета у вещей певцов.

Сделать это было нетрудно, ибо народный жырау прибыл вчера в Туркестан вместе с отрядом джигитов, который привел из Младшего жуза его родственник батыр Жолымбет. Жиенбет-жырау вошел и лишь слегка склонил голову перед ханом. Это было его право, и хан Тауекель благосклонно кивнул певцу:

- Садись на подушку, мой жырау!

- Я пришел по твоему зову, хан! - сказал Жиенбет, сев перед властителем. - У тебя появились какие-то заботы...

- Расскажи раньше, как ты доехал, мой жырау. Хороша ли была дорога?

– Что певцу дорога!

– И все же расскажи. Мне не мешает знать, что говорят и думают люди в дороге.

– Да, ты прав, мой хан. Ибо даже лучший хан все равно любит слышать только хорошее. Кто же скажет тебе правду, если не я...

– Говори, жырау!

– Люди на всех степных дорогах говорят, что недоброе дело затеяно тобой, хан Тауекель. Они идут сюда по твоему зову, чтобы защитить свои города и земли от кровавого Абдуллаха. А здесь, оказывается, готовится поход на чужие города. Люди говорят, что никогда ни к одному народу не приходило счастье от владения чужим. Смерть и пожары несешь ты в Ташкент и Самарканд, где живут наши самые близкие родственники. Все это вернется сторицей обратно в степь, и будет гореть она от одного края до другого...

Хан побледнел, но ни один мускул не шевельнулся на его лице.

– Говори, жырау!

– Люди говорят, что трава даром пропадает в степи, а ее надо заготавливать на зиму для скота. Война оторвет людей от нужного дела. Джут и бескормица снова придут в нашу степь. Хану и султанам нужна эта война. Их влекут богатые дворцы и гаремы Бухары. Что людям от этой войны?!

– Говори, жырау!

– Нет, я не скажу тебе, мой хан, имена людей, которые говорят это!

– Не надо, жырау! – Хан поднял правую руку. – Их приведут сейчас сюда, и ты сам решишь, правы ли они в своих сомнениях.

Тауекель-хан сделал знак, и послышался тяжкий звон цепей. Полтора десятка стражников ввели в зал двух батыров. Руки и ноги их были закованы. Жиенбет-жырау привстал от волнения. Он узнал обоих батыров. Это были знаменитые братья-близнецы Кияк и Туяк. Только недавно хан произвел обоих братьев в мынбасы – тысячники. Верой и правдой служили они Тауекель-хану, пока склеивал он осколки Белой Орды. Жизнью своей был обязан Кияк-батыр хану. И вот теперь братья-батыры провинились перед ним.

– Вот они, люди, сеющие смуту среди воинов на–

кануне боя! – указал на них хан. – Правильно сказано: “Из песка не склещишь камня, из рабов не составишь ханство!” Как будто одна лишь рабская кровь прольется в завтрашних битвах! Мало ли ляжет в боях “белой кости”! И можно ли без войны создать государство!

Мудрый жырау сразу определил, в чем дело. Горой возвышались среди рослых ханских стражников народные батыры. На плечах у каждого из них легко бы уселось по одному обыкновенному человеку. Несмотря на то что были они в цепях, держались оба независимо. Да и воинские знаки тысячников не были спороты с их одежды. Не так уж глуп и недалковиден был хан Тауекель, чтобы перед таким походом по-настоящему ссориться с людьми, которых любят в народе и войске...

Хан сделал знак, и стража вышла.

– Если бы я сам не знал вас, то решил бы, что звон золота эмира Абдуллаха слышится в ваших речах! – сказал Тауекель-хан, обращаясь к батырам.

– От души благодарим, наш хан, что сразу не приказали отрубить наши глупые головы! – сказал Кияк-батыр, и в голосе его послышалась насмешка.

– За этим дело не станет! – пообещал хан. – Но почему вдруг стал дорог казахским батырам покой эмира Абдуллаха? Скажи ты, Кияк!

– Мы – казахи, мой хан!

– Ну и что?

– Мы – простые казахи, и нам ни к чему чужая земля!

– А Абдуллах?

– Пусть только сунется он сюда со своими лашкарами, и ты знаешь, что его ждет. Не раз мы встречали его уже в своих городах. А чужих городов нам не надо. Не мы одни – так говорят люди со всех четырех сторон степи!

– Ты забыл, батыр Кияк, что поется в древних песнях о походах кипчаков. Полмира покорили они, и сам великий Рум дрожал при их виде!

– Это ханские песни, мой повелитель!

– А слава?

– Это ханская слава!

– Что же у тебя свое?

– Родина, мой хан! И еще те полсотни овец и четыре верблюда, которые пасутся у моей черной

юрты. Если содохнут они от бескормицы, вся слава мира, начиная с Искандера, не спасет мою семью от голодной смерти!

– Ну, а ты что скажешь, Туяк-батыр?

– У нас одно добро... Добавлю лишь, что мы плохо разбираемся, где узбек, а где казах. Те же люди живут в наших и их городах, и нет в Туркестане семьи, не имеющей родственников в Ташкенте. Что делить бедному батыру Туяку с таким же бедным кузнецом из Бухары?

Только Жиенбет-жырау чувствовал, как разъярен хан. Лицо Тауекеля побледнело, холодный черный огонь горел в глазах. И вдруг недобрая усмешка тронула губы:

– Ладно, мудрые батыры, вместо хана решающие, быть войне или миру... Вы говорите, что родственники ваши там, в Ташкенте. Почему же что ни день сотнями бегут они к нам от эмира Бухары?

Братья переглянулись.

– Две шкуры сдирают там с них люди эмира, а здесь...

– Договаривай, батыр! – грозно приказал хан.

– А здесь только полторы! – твердо закончил Кияк-батыр, глядя прямо в глаза хану.

– Я запомню твою дерзость, батыр... – глухо произнес хан. – Но оставим свои счета до лучших времен. А теперь скажи: не получается ли так, что ты предаешь своих братьев в Ташкенте, когда оставляешь их на произвол лашкаров эмира Бухары?

Братья явно не ждали такого оборота разговора.

– Что же, мы можем им помочь... – неуверенно начал Кияк-батыр.

– Вот видишь! – Хан торжествующе поднял руку кверху. – А когда возьмем Ташкент, неоткуда будет нападать на наши города проклятому Абдуллаху. Идите же с миром, батыры, и готовьтесь к выступлению во славу справедливости!

Он вызвал караул и велел освободить от цепей обоих братьев. Те молча поклонились и вышли.

– Вот какие времена наступают, мой жырау! – Тауекель-хан повернулся к Жиенбету-жырау. – Хану приходится уже не приказывать, а уговаривать свой народ!

– Ты правильно поступил, мой хан! – сказал певец.

– Да, на Ташкент они пойдут... – криво усмехнулся Тауекель-хан. – А потом... Потом пусть попробуют встать поперек моего пути, когда двинусь на Самарканд, на Бухару, на Балх и Хиву! Да, я отомщу за те унижения, которые довелось испытать мне при дворе Абдуллаха. Я выкорчую его проклятый род, а самого на аркане проволоку через всю Бухару. На развалинах Бухары и Самарканда будет трепетать великое знамя Белой Орды. По путям великих предков поскачем мы к славе, и царства земные будут умирать под копытами наших коней!

Хан Тауекель не заметил, как встал во весь рост. Глаза его были полузакрыты, а слова вылетали изо рта, обгоняя друг друга, как в горячечном бреде. Вдруг он увидел тревожный взгляд жырау и прервал свою речь.

Медленно опустился снова на подушки хан Белой Орды.

– Тебя удивляют мои заветные думы, мой жырау?

Жиенбет отрицательно покачал головой:

– Нет, мой хан... Просто я не думал, что болезнь придет к тебе так скоро...

– Какая болезнь?

– Ханская болезнь... Я вижу много горя впереди, мой хан...

Ночью выступила в поход стотысячная казахская конница. Легко и тихо, копыто в копыто, скакали выученные в степи кони. В призрачном свете луны сверкали начищенные щиты, белели кованые боевые палицы, вились по ветру султаны на медных шлемах.

В два ночных перехода достигли цели, и в ясное весеннее утро войско Белой Орды грозным сверкающим полукружьем оцепило дома и сады Большого Ташкента. Основные силы Абдуллаха уже ждали на западной окраине города. Сам эмир на белоснежном коне гарцевал впереди своей непобедимой тысячи.

Перестроив войско, Тауекель-хан пошел в наступление. Лашкары эмира не двигались с места. И в это время глухо ахнули угловые башни ташкентской цитадели. Громадные, раскаленные добела

камни врезались в самую середину казахского войска, пробив в нем длинные кровавые бреши. Испуганные степные кони метнулись в разные стороны, смешав ряды наступающей конницы. Не только трава, но и сама земля загорелась там, куда упали снаряды "черных дромадеров". Не успели опомниться казахские джигиты, как ударил второй залп. И кто знает, как развернулись бы дальнейшие события, если бы горожане, среди которых было немало сторонников Баба-султана, не подняли мятеж и не захватили все четыре камнеметных орудия. Одновременно были тайно открыты задние небольшие ворота, и через них ворвались в город две тысячи джигитов во главе с Кияком и Туяком. Их знали и любили в Ташкенте, а чуть ли не половина их отрядов была из ташкентских беглецов...

Оказавшись под угрозой окружения, теснимый на флангах Есим-султаном и Куджек-султаном, эмир Абдуллах дал сигнал к отступлению. Он думал укрыться в цитадели, но в этот момент на ее стенах показались казахские джигиты. Один из них натянул громадный лук, но эмир Абдуллах только криво усмехнулся. На добрых три расстояния полета обычной стрелы находилась от эмира крепостная стена. Послышался резкий свист, и каленый наконечник пробил броню как раз напротив сердца хана Абдуллаха. От верной смерти его спас рванувшийся конь.

— Это он... тот проклятый стрелок! — захрипел эмир, обливаясь кровью и сползая на руки телохранителей.

Да, это был Кияк-батыр, хранивший каленую стрелу для эмира Бухары со времен осады Саурана.

Услышав о тяжелом ранении самого эмира — хранителя веры, бухарские лашкары обратились в бегство. Хан Тауекель немедленно бросил в погоню за ними свежую конницу. Меняя лошадей, она непрерывно нападала на отступавших, не давая им передышки. Так на плечах лашкаров и ворвались передовые отряды Тауекель-хана в древний Самарканд.

Во дворце, где некогда вершил суд Тимур, сидел на древнем резном троне степной хан Тауекель. Знамя Белой Орды с конскими хвостами развевалось на

башне. К хану вошли везиры, военачальники, братья Есим-султан и Куджеск-султан, многочисленные придворные. Но он отыскал глазами двух братьев-батыров.

– Вот люди, обеспечившие нашу победу! – сказал хан Тауекель. – Как степные орлы, бросились они на врага, как волки, травили бухарскую дичь, как барсы, готовы к последнему прыжку на грудь издыхающего бухарского оленя!

По ханскому знаку принесли и надели на обоих батыров самые лучшие кинжалы из захваченной добычи. Рукояти их были украшены драгоценными камнями и чеканным золотом. На плечи им набросили шитые золотом бухарские халаты, к крыльцу подвели двух невиданно красивых и быстрых коней благородной бактрийской породы.

– Знамя Белой Орды ждет от вас новых подвигов! – сказал им хан Тауекель. – Чего желаете вы, славные батыры?

Как обычно, шаг вперед сделал более словоохотливый Кияк-батыр, преклонил колено:

– Джигиты из наших тысяч – это пастухи, землепашцы и кузнецы... Разреши нам, мой повелитель-хан, вернуться к своим занятиям!

Тихим и твердым был голос неродовитого батыра, но он прогремел как гром под древними высокими сводами. А потом в наступившей тишине все явственно услышали, как скрипнул зубами великий хан Тауекель...

Не на благородного бухарского оленя, а скорее на раненого тигра походил эмир Абдуллах, повелитель Бухары. Всеобщее ополчение объявил он в Бухаре, Хиве, Балхе, Хорасане и всех других подвластных землях. Меньше чем через месяц грозная бухарская армия разбила свои шатры на Зарафшане – как раз на полдороге между Бухарой и Самаркандом. Туда, к излечивающемуся от тяжелой раны Абдуллаху, и прибыл его мятежный сын Абдумумин. Он вошел в большой белый шатер и пал на колени:

– Прости, отец, за то горе, что причинил тебе своим непокорным нравом и поведением. Отныне я самый почтительный сын. Вот хлеб и Коран – на

них клянусь тебе в преданности и сыновьем послушании!

Видимо, действительно постарел эмир Абдуллах, ибо скупая человеческая слеза показалась в уголке его глаза.

— Бог дал мне радость увидеть на склоне лет и простить моего единственного сына! — воскликнул он. — Пусть хоть сегодня придет ко мне смерть — я приму ее безропотно, ибо исполнилась моя самая заветная мечта. Со мной мой сын и наследник!..

Долго рассказывал старый эмир своему сыну о делах и секретах управления таким государством, как священная Бухара. Немало их было, этих секретов. А потом он указал сыну на пиалу и попросил дать ему выпить освежающего виноградного соку.

Сын почтительно исполнил его просьбу. Но бог, очевидно, услышал слова старого эмира о том, что тот готов к смерти "хоть сегодня". Ибо, выпив из рук единственного сына пиалу сока, хан Абдуллах захрипел и откинулся на подушки. Абдумумин внимательно посмотрел в глаза отцу, вывернул веки. Потом он выплеснул остатки питья в угол, сполоснул пиалу и снова наполнил до половины соком. Выйдя из шатра, он передал страже распоряжение не будить отдыхающего эмира.

Лишь к вечеру решился зайти в шатер начальник стражи. Он взгляделся в полулежащего на подушках хана и вздрогнул. В страшной, известной всему миру улыбке раздвинуты были губы святейшего эмира. Та же жестокая, обещающая смерть улыбка застыла в мертвых глазах правителя...

Первым прибежал к почившему отцу Абдумумин, в неизбежном сыновьем горе схватился за щеки. Обливая слезами бороду, он самолично прикрыл смеющиеся глаза своего отца. Вызванные им ученые бухарские доктора установили, что "царь царей и орлов, святейший эмир — покровитель веры скончался от остановки сердца". Между тем по всей Бухаре уже ходили слухи о пиале виноградного сока, поданной сыном болящему отцу...

Восемь пар черных как ночь коней было впряжено в колесницу с прахом эмира. В тысяче мечетей священной Бухары молились муллы о прощении его грехов. Саркофаг опущен был под каменный фундамент знаменитого мавзолея Ходжи-Нахшбанди.

Случилось это в 1006 год хиджры. На следующий день на бухарском престоле воссиял новый хранитель веры – святейший эмир Абдумумин.

Нет, не божьего гнева испугался казахский хан Тауекель, когда не воспользовался столь выгодной обстановкой для нападения на Бухару. Это была лишь отговорка для тогдашних историков. Просто на следующий день после знаменитого пира в главном самаркандском дворце хану доложили, что оба отряда братьев-батыров двинулись назад, на родину. За ними устремились и многие другие отряды, предводительствуемые степными вождями. Их ждали голодные семьи и выгоревшая трава в степи. Сколько ни бушевал хан Тауекель, он ничего не мог с ними поделать. Наказать непокорных он не решился. Слишком много их было. И хан Тауекель дал знак к уходу из Самарканда.

И в Ташкенте ненадолго задержалась казахская конница, ибо почти вся она состояла из ополчения, а в бесчисленных степных кочевьях ждали кормильцев. В самом городе Ташкенте, некогда открывшем ворота хану Тауекелю, назревало брожение. Налоги, установленные ханом Тауекелем, тоже были нелегкими, а без них нельзя было продолжать войну. Недовольных возглавил один из родственников покойного Абдуллаха – некий Хазрет-султан. А Абдумумин через своих лазутчиков пообещал горожанам облегчение налогового бремени. Так или иначе, но хан Тауекель отступил назад, в Туркестан. Оттуда он внимательно следил за всем происходящим в Ташкентском вилайете, вмешиваясь по мере надобности в его дела.

Не прошло и шести месяцев, как Абдумумина зарубили сонного в постели, и с ним закончилась династия шейбанидов на бухарском троне. Святейшим эмиром стал Динмухамед из рода бежавших сюда астраханских ханов.

Да, рок преследует отцеубийц, на них обычно кончаются династии. С кончиной хана Бердибека, убившего своего отца, закончилась династия Бату в Золотой Орде. С Латифом, убившим своего отца –

знаменитого Удугбека, — закончилось величие тимуридов. То же повторилось теперь в Бухаре...

Этого только и ожидал Тауекель-хан. Видимо, прав был Жиенбет-жырау, говоря об особой "ханской" болезни. На этот раз он понял, что на ополчение мало надежды. Народ решителен и несгибаем, пока защищает свою землю. Но стоит привести его в чужую страну, и руки сами опускаются у народных батыров. Зато вдесятеро усиливается враг на своей земле. Об этом писалось даже в древних книгах, найденных в хранилищах Самарканда. Своя земля — источник силы для войска.

На kota, ожидающего мышь, был похож в это лето хан Тауекель. К его постоянному войску присоединились союзники — родовитые манапы из киргизов и хан Южной Кашгарии Абдрашит. Опять сотысячное войско ринулось на Ташкент и Самарканд. Но на этот раз им не открывали ворот. Люди прятали продовольствие и корм для лошадей. Все приходилось брать силой, а это не укрепляет армию.

К тому же лето выдалось на редкость сухим и жарким. Пересохли реки, снег сполз с вершин гор. Тысячами гибли не привыкшие к такой жаре казахские кони из северных степей. Начались повальные болезни и среди людей. Что ни ночь бежали из войска джигиты. Когда, осажденный бухарским войском, в Самарканде был ранен шальной стрелой Тауекель-хан, он невольно вспомнил казахских народных батыров. Они не пошли с ним в этот недобрый поход.

Оставив опять Самарканд, Тауекель-хан с серьезными потерями отошел к Ташкенту. Укрепившись в цитадели, он начал лечиться от полученной раны. Между тем большинство союзников покинуло его, а подходившие бухарские войска плотным кольцом окружали город. Все меньше оставалось свободных дорог на север, в степь. В конце концов была перерезана и последняя, ведущая в Туркестан. Лишь самые верные люди, и среди них любимая жена Акторгын, оставались рядом с умирающим ханом...

В один из самых тяжелых дней осады вдруг слышался неистовый шум.

— Что там? — слабым голосом спросил хан Тауекель.

- Приступ! - ответили ему.

Да, многотысячные ряды бухарских лашикаров со всех четырех сторон двигались к цитадели. Осадные лестницы легко доставали до гребня невысоких стен. Кое-где уже были пробиты бреши. Привыкшие к вольной конной сече, казахские воины вынуждены были драться в пешем строю. Все ближе и ближе к ханскому дворцу слышались крики. И вдруг все стихло.

- Что там?.. Что?.. - спрашивал хан.

Отворилась высокая двойная дверь, и в ханский зал ввалился громадный воин, весь в пыли и крови:

- Это ты, хан Тауекель... За тобой!..

Сказав это, воин рухнул на пол и затих. Хан привстал с постели, сдвинул кольчугу с лица воина. Это был Кияк-батыр.

- Мы пришли за тобой... Уходи с чужой земли, хан! - прошептал батыр, и мертвенная бледность покрыла его лицо.

- Да, ты оказался прав, упрямый батыр! - прохрипел хан Тауекель, и от усилия кровь хлынула у него горлом. Он так и остался лежать на мертвом батыре...

Их обоих похоронили в Ташкенте: хана и батыра Кияка, родившихся и погибших в один день. Благодаря подошедшей помощи, которую привели братья-близнецы, казахское войско получило возможность уйти из осажденного Ташкента. Но случилось самое плохое: войско осталось без единоначальника. Приведший помощь из Туркестана Жолымбет-батыр оказался тоже раненым. Он передал всю власть над войском батыру Туяку. Обидевшиеся многочисленные родовитые султаны и батыры отказались подчиняться сыну рабыни.

Наступил самый важный день для осажденных. Надев латы и положенный командующему шлем с перьями филина, Туяк-батыр решительно сел на коня. И вдруг увидел рядом с собой небольшую фигурку в сверкающих латах и ханском шлеме. Да и конь был ханский - белый в крапинках, любимый боевой конь хана Тауекеля.

- Едем, батыр! - звонким гласом сказал всадник и приоткрыл лицо. Это была Акторгын - любимая жена хана Тауекеля, пользовавшаяся огромным уважением во всем казахском войске. Своим при-

существом рядом с перодовитым батыром она как бы признавала его власть над войском от имени мертвого супруга. Стремя в стремя поскакали они на поле боя.

Здесь, на северо-восточной стороне, решались судьбы осажденных. Ставший ханом Белой Орды молодой Есим-султан сдерживал лашкаров с южной стороны, а Куджек-султан – с западной. Но именно на северо-востоке, где открывался путь на Туркестан, сосредоточили Динмухамед и его военачальник Бахимухамед-султан отборные свои силы. Снова, как некогда при осаде туркестанских городов, равными тысячами, на одностанных лошадях, выстроились бухарцы. Пугая своей мощью и силой, проносились по фронту конные лавы. Казалось, что они походя могут раздавить любого противника, а тем более намного уступающие им в количестве степные отряды, оставшиеся без руководства. Настороженно следили за ними из-за многочисленных ташкентских дувалов казахские джигиты. Несмотря на подошедшее подкрепление, настроение их явно упало. Смерть хана всегда предвещала недоброе в степи.

Вот лашкары неторопливо сомкнули ряды, приготовившись к страшной атаке. Еще минуты – и они двинутся вперед неудержимой лавиной. И вдруг через провал в дувале на поле боя вылетел всадник в ханском шлеме с перьями и на знакомом всем белом коне. На миг опешили и казахские джигиты. Что это: тень хана Белой Орды, которого похоронили сегодня вместе с Кияк-батыром в большом ташкентском мавзолее?.. А вот и тень убитого батыра скачет вслед за ханом...

– Аруах!.. Аруах!.. О дух усопших!..

Яростный звонкий клич Акторгын разнесся по всему полю. И в ту же минутурванулись вслед за ней казахские джигиты. Страшной лавиной неслись они со своими родовыми возгласами:

– Акжол!.. Акжол!.. О боже!

– Уйсун! Дулат! Борибай!

– Кара-ходжа! Кабанбай!

– Бекет!.. Шакабай!

Они выкрикивали имена погибших сто, двести, триста лет назад знаменитых батыров и воинов, призывая на помощь их дух. Только в исступлении,

идя на смерть, позволено воинам выкрикивать эти святые для степняков имена. И отборные тысячи лашкаров дрогнули, начали поворачивать коней. Те, что попытались сопротивляться, были смяты и втоптаны в землю. Но уже спешили на помощь лашкарам соседи с флангов. Битва разгорелась с новой силой, и Туяк-батыру с шестью верными джигитами пришлось оборонять храбрую Акторгын от окруживших ее многочисленных врагов...

В сплошную свалку превратилась битва. Дрались уже как придется. Тысячи людей, проклиная час своего рождения, отдали в этот несчастный день богу душу. В несколько раз превосходящим силам лашкаров удалось было потеснить казахских воинов, но прискакал одержавший победу на своем участке сам Есим-хан. До позднего вечера продолжалась беспощадная сеча и закончилась лишь тогда, когда враги перестали видеть друг друга.

На следующее утро полки бухарских лашкаров начали в походном строю уходить в сторону Самарканда, оставляя по пути заставы. Увидев это, так же поступил и Есим-хан. Расположив заставы до самого Ташкента, он с войском ушел в свою столицу – Туркестан. Ташкент, таким образом, оставался под его неусыпным наблюдением...

Долгое время был потом Ташкент полусамостоятельным городом. Так как к Ташкентскому вилайету примыкали земли казахских родов Великого жуза – катаган и шанышкалы, – Есим-хан назначил правителем города выходца из этих родов Турсунмухамеда, отличившегося во время последнего похода. Подняв над головой хлеб и Коран, поклялся новый хаким в вечной верности Белой Орде. Было определено и количество золота, а также риса, сушеного урюка и изюма, которое должно было ежегодно поставляться из Ташкента в Туркестан. Вскоре двадцатидвухлетний Есим был уже формально провозглашен ханом и поднят в знак этого на белой кошке представителями большинства казахских племен и родов...

Вслед за этим Есим-хан вывез из Ташкента и похоронил в Туркестане останки своего старшего брата – хана Тауекеля и всех павших с ним батыров, в том числе Кияк-батыра. На камнях вблизи мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави были выбиты их имена...

Давно уже закончил свой сказ о давних временах Бухар-жырау. Оба они – вещий певец и славный батыр Богембай не спали и молча смотрели в дотлевающие угли костра. Многие в степи не спали ночами в это страшное время.

– Так понял ты смысл того, о чем я рассказал тебе? – спросил наконец жырау.

Богембай молча кивнул.

– Видишь, каким разным человеком оказывался багадур Тауекель в разные периоды своей жизни... – Бухар-жырау значительно поднял палец. – Каждый человек хочет остаться хорошим в памяти потомков. И память народная – главный судья. За то, что ушел Тауекель в родную степь от притеснителя-эмира, она воздаст ему должное, но осудит его за кровавый поход в чужие земли. Лучше всего на его примере видно, как неправое дело рождает несправедливые поступки. А Кияк-батыр останется в памяти народной чистым и светлым, ибо не было у него ханской жадности к чужой земле. И правнук его – кузнец Науан не хотел чужого добра. Он умер на стене родного города, защищая его от захватчиков. Таков каждый народ, мой батыр. И если бы дать каждому народу право самому решать свою судьбу, то в мире не стало бы войн!..

Так и не сомкнули они глаз до рассвета и думали об одном и том же.

После сдачи Туркестана ставка хана Среднего жуза Абилямбета кочевала с места на место. Сейчас она находилась на берегу озера Тели-коль, где сходятся границы кочевий всех трех жузов. Сюда-то в сопровождении пяти сотен молодых джигитов прибыл батыр Богембай. С ним был присоединившийся в пути вещий певец Бухар-жырау, который в это тяжелое время и дня не сидел на одном месте.

Едва они прибыли, как прискакавший с запада гонец принес в ставку тревожную весть. Самый жестокий и своенравный из джунгарских нойонов – брат Сыбан Раптана Лола-Доржи, – нарушив негласное перемирие и воспользовавшись тем, что хан Младшего жуза Абулхаир был занят борьбой с приволжскими калмыками, напал на присырдарьинские аулы родов тама и табын, выжег большинство их и захватил множество скота и пленников. Немедленно были

высланы ортоулы – разводчики. Вскоре они вернулись с известием, что, произведя страшный разгром в низовьях Сейхундарьи, джунгарское войско разделилось на две части. Один отряд в три тысячи всадников гонит огромные гурты захваченного скота к своим стойбищам в низовьях Или, а другой – двухтысячный – отряд ведет казахских пленников на продажу в Хиву.

Сразу же заволновались джигиты из аулов, расположившихся вокруг Тели-коля, стали готовить коней, точить отцовские сабли-алдаспаны. И батыр Богембай тут же поскакал к ханской юрте.

– Бог нас накажет, хан Абильмамбет, если позволим угнать в рабство братьев! – сказал он, твердо глядя в серые немигающие глаза хана Среднего жуза.

– Мне сказали, что среди захваченных джунгарами людей находится родная сестра хана Абулхаира... – Абильмамбет спокойно почесал переносицу. – Да и разорены аулы Младшего жуза. Абулхаиру доверена их защита...

– Но Абулхаир сейчас где-то у Едила воюет с калмыками! – возразил батыр.

– Он говорит всегда, что никому в степи не сравниться в быстроте с его скакунами. Вот пусть теперь и попробует нагнать джунгар!

В голосе хана Среднего жуза явственно слышалось удовлетворение тем, что более способный соперник попал в беду.

– Тогда я сам поведу джигитов в погоню! – вскричал Богембай.

– Властью хана запрещаю тебе это делать! – Абильмамбет поднял правую руку. – Не буду я ссориться с контайчи сейчас, когда у нас недостаточно войска...

И в это время послышался спокойный голос Бухара-жырау, который вошел вслед за Богембаем и сейчас стоял на пороге юрты:

– А ты и не ссорься, хан Среднего жуза. Кто знает, пришли ли уже в твою ставку джигиты Богембая, или они по дороге услышали недобрую весть и сами повернули коней в сторону разбойников Лола-Доржи!..

Разъяренный хан всем телом повернулся к жырау. Будь у него возможность, он давно бы расправился с вечно идущим наперекор батыром, да и с этим самоуверенным певцом. Но всегда какая-то неведомая

сила стоит за ними. Попробуй он сейчас что-нибудь предпринять против них, и сразу заволнуются, взбунтуются все аулы вокруг. Кто знает, чем это может закончиться для него самого.

– Ладно. – Хан махнул рукой. – Если осилите джунгар, то ваше счастье, но поддержки от меня не ждите!

Через пять дней полутысячный отряд батыра Богембая наткнулся на след джунгарского каравана. Ертоулы донесли, что джунгары совсем близко и что двигаются они в походном строю.

– Я был первый, кто хотел идти в погоню за грабителями, – сказал Бухар-жырау. – Но помни, батыр, что нас вчетверо меньше. Твои воины – юноши, а джунгарские всадники – опытные бойцы!..

Богембай не успел ответить. Все вдруг невольно замолчали. Порыв степного ветерка донес чей-то слабый печальный голос. Это была не песня, а стон.

К одинокому голосу присоединился другой, третий. Стало слышно, что поет много людей – мужчины и женщины. Невыразимая тоска и скорбь были в их песне. Они пели "Елим-ай":

Караван горя спускается с гор Каратау.
И плетется рядом сиротинушка-верблюжонок...

Потемнело сразу небо в глазах у казахских воинов. Тоскливая мелодия голодным волком стала грызть их души. Руки невольно опустились на рукояти мечей и сабель. Шепотом из конца в конец была передана команда Богембая, и джигиты рассыпались, затаились за гребнями холмов. Внизу под ними змеилась древняя невольничья дорога. В этом месте холмы как раз раздвигались и впереди виднелась горько-соленая пустыня Усть-Урта. Где-то там, в туманной мгле, была Хива с ее старым "рынком слез", где покупались невольники для работы в копях и рудниках, а невольницы – для гаремов всего Востока...

Показался конный разъезд джунгар, а за ним длинной черной лентой пополз невольничий караван. Рыдали разлученные с детьми матери, плакали потерявшие родителей маленькие дети. Всадники длинными бичами подгоняли отстающих. Впереди отряда на громадном косматом коне ехал свирепый джунгарин – огромный, крутоплечий, похожий на камен-

ную гору. Железный шлем, словно казан, закрывает крупную стриженую голову, длинные усы доходили до ушей, а в больших черных глазах даже на расстоянии были видны толстые кровяные прожилки. Почти до земли доставала привешенная сбоку тяжелая сабля. Это и был Лола-Доржи – один из самых кровожадных джунгарских полководцев. Двумя рядами ехали за ним воины – такие же хмурые, свирепые, вооруженные до зубов...

Богембай-батыр ждал, пока из ущелья между холмами выползет половина каравана. Он собирался ударить по головному отряду и расправиться с главным отрядом джунгар, пока остальные поймут, в чем дело. Все новые и новые пленники в сопровождении охраны выходили из ущелья. Вот уже поравнялся Лола-Доржи с пригорком, за которым укрылись казахские джигиты. Явственно слышны стали слова песни:

О, как тяжко лишиться родины...
Слезы застилают белый свет!..

Богембай-батыр так и не успел дать команду. Из бредущей толпы пленников вышла молодая женщина с растрепанными волосами. Как и у других женщин, часть волос у нее была выдрана, и кровь запеклась на голове, потому что джунгарские всадники по своему обычаю хватали женщин за волосы и волочили их за конем по земле. На руках у женщины был грудной ребенок. Она положила его на землю и принялась пеленать. Заметивший это один из джунгарских охранников подъехал к ней сзади. Увидев тень от косматого коня, женщина испуганно обернулась. Но было уже поздно. Джунгарам для продажи в Хиве не нужны были маленькие дети, кормящая мать проигрывала в цене. Ни слова не сказав, охранник опустил вниз длинное джунгарское копьё, проткнул им ребенка и, поддев, перебросил жалкое, еще трепещущее тельце за гребень холма. Ребенок успел лишь слабо пискнуть. Он взлетел в голубое небо, и пеленка трепыхалась на ветру. А охранник гулко захохотал, и, радуясь его шутке, захохотали грубыми голосами все нойоны и воины. Даже у Лола-Доржи появилось на лице какое-то подобие улыбки. Но если бы они увидели, куда упал окровавленный труп ребенка, они бы не

смеялись. Прямо между казахскими воинами ударился о землю еще подрагивающий комок человеческой плоти...

– Убийца!.. Кровопийца!...

С криком раненой тигрицы кинулась мать на охранника, и тот перерубил ее саблей пополам. Но вся безоружная толпа пленников бросилась в тот же миг на своих мучителей. Джунгары вынуждены были отбиваться от них плетью и саблями. Облако пыли поднялось над местом схватки. И не заметили джунгары, как без единого крика, страшные в своем безмолвии, обрушились на врага джигиты Богембай-батыра.

На всем скаку с горы вместе с конем обрушился Богембай-батыр на кровавого нойона. Страшная батырская палица с железным навершьем опустилась на его голову, и Лола-Доржи так и не успел понять, кто его отправил на тот свет.

– Акжол!..

– Богембай... Акжол!..

Теперь ущелье огласилось яростным казахским кличем. Стиснутые холмами, джунгары не могли организовать отпор и давили друг друга. Лишь двум сотням всадников удалось вырваться и ускакать в степь. По их рассказам выходило, что чуть ли не сто-тысячное казахское войско напало на них. А ущелье это, как и много других в Казахской степи, стало с тех пор называться Калмак кыраган, что значит "Ущелье джунгарской смерти"...

Джунгары убегали группами по пять – десять всадников. Но вот зоркий глаз батыра заметил, что за одним из убегающих джунгар волочится притороченное арканом к коню тело. Богембай-батыр пустил в галоп своего коня. Мощными скачками нагонял он разбойника. Просвистела в воздухе тяжелая палица, и джунгарин вместе с конем распластался на земле. Батыр перерезал аркан и увидел девушку в изорванном дорогом платье.

– Я знаю тебя, ты – сестра хана Абулхаира! – сказал он и спрыгнул с коня.

– А ты – батыр Богембай! – сказала она.

Так оно и было. Это была сестра хана – красавица Сакипжамал. Ее захватили джунгары, когда она гостила у своих родичей в присырдарьинских аулах. Как уж там получилось, но когда привез ее Богембай-ба-

тыр к спешившему навстречу хану Абулхаиру, она заявила брату, что только своего спасителя хочет видеть мужем. Так уж было издревле принято в степи, что спасший женщину от смерти или позора джигит имел предпочтение перед другими, невзирая на свое происхождение. И хоть "черной кости" был батыр Богембай, самолюбивому хану пришлось согласиться на помолвку. К тому же он рассчитывал в предстоящей борьбе за власть и влияние в степи на известного батыра Богембая с его джигитами...

Да, борясь с джунгарами, ханы и султаны всех трех жузов продолжали свое соперничество за власть над степью, и это ослабляло сопротивление захватчикам. Обиженный ханом Абилямбетом, батыр Богембай пять лет прожил в Младшем жузе. Не раз участвовал он в схватке с джунгарскими отрядами, и слава его прокатилась по всей степи. В один из дней он получил письмо от султана Аблая. Тот предлагал ему возвратиться и служить у него. По всему было видно, что прославленный султан готовится к настоящей большой войне с джунгарами. Батыр решил ехать.

В тот же день Богембай-батыр получил послание и от своего нового тестя – хана Абулхаира. Видимо, пронюхав про письмо Аблая, хан Младшего жуза требовал немедленного его приезда в свою ставку, от которой батыр со своим отрядом находился в трех конных переходах.

– Что делать, вещей жырау? – спросил Богембай-батыр у жившего у него Бухара-жырау.

– Ехать к Аблаю, – ответил тот. – Там ближе к джунгарам. Но не сразу ехать. Поедем раньше посмотрим, чего хочет от нас хан Младшего жуза. Может быть, и он решился на большую войну с джунгарами...

II

Как степной пожар, прокатилось джунгарское нашествие по казахским землям. Захвачены были огромные площади, города Туркестан, Ташкент, Сайрам, Созак. И так же, как степной пожар, оно продолжало тлеть, чтобы при первом порыве весеннего ветра вспыхнуть вновь. Не имея единого руководства и поддержки, казахские ополчения и отдельные отряды не раз наносили тяжелые поражения вой-

ску контайчи. В 1729 году на берегу реки Буланты притока Сарысу - хан Абулхаир и Тайман-батыр на голову разбили захватчиков и принудили их к бегству. То же повторилось на берегах рек Каратал и Или, где очередное поражение одному из крыльев джунгарского войска нанесли казахские отряды под руководством батыров Кабанбая и Баяна. Сотни стычек с переменным успехом происходили в степи. Но это не решало дела. Контайчи Галден-Церен железной хваткой вцепился в завоеванные земли. Джунгарские стойбища оседали на казахской и киргизской земле, а где-то за высокими горами довольно потирали руки китайские чиновники. Все шло по некогда начертанному богдыханом плану. Два глупых тигра дрались между собой, можно было постепенно оттеснить их от водопоя...

Россия внимательно следила за развитием событий. И когда в 1725 году хан Абулхаир направил своего посла в Петербург с предложением о приеме казахов и каракалпаков "в подданство России", там это восприняли как давно ожидаемое обращение.

В отличие от других колониальных держав, Россия обычно вела свою восточную дипломатию через людей, близких по культуре и религии жителям осваиваемых районов. Так и на этот раз для переговоров с ханом Абулхаиром был послан татарский мулла Максут Юнус. Затем в Петербург отправилось новое посольство хана Абулхаира во главе с Койбагаром Кобек-улы просить об ускорении присоединения к России и разрешения казахам кочевать между Волгой и Жаиком, а также вести торговлю на российской территории.

Царская дипломатия не спешила, понимая, что поддержка одной стороны означала разрыв с другой. Шли долгие переговоры об условиях присоединения и различных льготах с обеих сторон. Хан Абулхаир, в свою очередь, совершенно ясно видел, что джунгарам "усы топором не сбреешь", и торопил своих послов. Лишь когда джунгарские полчища вторглись на территорию Младшего жуза, царица Анна Иоанновна по представлению своих министров в ответ на послание хана Абулхаира от 8 числа месяца науруз, то есть от марта месяца, 1730 года с просьбой "заступить за казахов" издала 19 февраля 1731 года указ о принятии Младшего жуза в состав Российской империи. Этот

указ в ставку хана Абулхаира в Иргизе доставил 5 октября 1731 года российский посланник – крещеный татарин А. М. Тевкелев. С подписанием этого указа начался новый период в отношениях, с одной стороны, между казахскими ханами и царским правительством, с другой, – между русским и казахским народами.

После этого указа, почти в том же году, хан Среднего жуза Самеке тоже обратился к Анне Иоанновне с просьбой “о принятии казахов Среднего жуза под покровительство России”, а спустя два года, то есть в 1733 году, султаны и бии Старшего жуза Кодар-бий, Толе-бий, Сатай-батыр и Буляк-батыр, в свою очередь, направили в Петербург Кангильды-батыра непосредственно к Анне Иоанновне с просьбой о принятии их, а также подчиненных им родов в русское подданство.

Наряду с джунгарским нашествием немалую роль в решении хана Абулхаира сыграло и желание стать при поддержке России ханом всех трех жузов. Однако и после указа царицы Анны Иоанновны джунгары продолжали войну, а многочисленные казахские султаны из других жузов стали обвинять хана Абулхаира в измене. Одним из главных противников был султан из Среднего жуза Барак.

Теперь, через три года после указа о присоединении к России, посланник Тевкелев снова ожидался в Иргизе, где находилась в то время ставка Абулхаира. Для встречи с ним и для достижения единства хан Абулхаир заранее пригласил в свою ставку наиболее знатных и влиятельных людей, в том числе и многих своих противников. Приглашены были наиболее отличившиеся в войне с джунгарами султан Барак, батыры Тайман и Богембай. Оба враждующих друг с другом батыра прибыли с небольшими отрядами джигитов, обычными для такого случая, а Барак-султан в качестве свиты привел с собой значительный отряд конницы. Кроме того, неизвестно по какой причине, он прихватил с собой в ханскую ставку и багадур Серена-Доржи, посла своего заклятого врага – джунгарского контайчи Галден-Церена, с которым воевал всю жизнь. Прибывавшие гости с изум-

лением смотрели на громадного молчаливого джунгарина. Уж кого-кого, а его они не ожидали здесь встретить...

Несмотря на летний зной, пологи всех трех белоснежных юрт, поставленных смежно и составляющих летнюю резиденцию хана Абулхаира, были опущены. Даже нижняя часть, оставляемая поднятой для вентиляции, была наглухо закрыта плотной кошмой. В средней юрте, обшитой изнутри серебром, сидели сейчас оба батыра, султан Барак, джунгарский нойон и сам хан Абулхаир. Кроме них в главной юрте остались младший сын хана Ералы – миловидный белокурый джигит с легким пушком над верхней губой, да еще у дверей два телохранителя с саблями наголо...

Куда лучше иметь друга, чем врага, в лице прославленного батыра. Об этом и думал теперь батыр Богембай, сидя в шатре хана Абулхаира. Как раз напротив него сидел, опершись локтем на подушку, Тайман-батыр из Младшего жуза – его давний соперник.

Обоим им было уже за сорок лет, а вражда тянулась с тех пор, как молодыми джигитами они впервые увидели друг друга. Словно острое кинжала была эта вражда, проходящая через всю их жизнь...

Нет, не пролитая родственная кровь была между ними, а то, что всегда разделяло самолюбивых и гордых кочевников, – соперничество. Там, где оседлый житель только улыбнется и не станет тягаться с заведомо более сильным или способным, кочевник стремится превзойти его и чаще всего принимает свою неудачу как личное оскорбление. Именно такое соперничество, в чем бы оно ни проявилось, становится причиной лютой вражды между двумя достойными людьми.

Так случилось и с ними. Когда-то их роды кочевали по соседству – как раз по границе между Средним и Младшим жузами. Тогда и между жузами еще не было такой углубленной многими последующими событиями вражды. В лютые казахстанские зимы с непрерывными метелями их аулы вместе отсиживались в густых лесах-тугаях великой реки Сейхундарьи. И встреча их после длинного знойного лета всегда знаменовалась всеобщим пиршеством и соревнованиями во всем, приличествующем батырам: конных скачках и играх, стрельбе из лука и песнях...

А как раз в ту роковую встречу не имеющий себе

равных в богатстве бай Хисан из рода божбан совершал обряд обрезания своему единственному сыну. Хисан-бай был знаменитый на всю Среднюю Азию купец, и торговал он в основном с казахскими кочевьями. Поэтому он и устроил соответствующий случаю праздник именно в главных казахских аулах, прикочевавших к Сейхундарье. На этом-то празднике легендарный батыр Богембай и поссорился с тигроподобным батыром Тайманом. Если бы не праздник, они бы уже там схватились не на жизнь, а на смерть. Но, затаив обиду друг на друга, вот уже двадцать лет оба подкармливали ее приносимыми "добрыми людьми" слухами. Страшнее выпущенной из засады отравленной стрелы эти слухи в степи... Но нагрянуло джунгарское нашествие, и оба батыра, словно не было между ними ссоры, стали плечом к плечу и всегда были рядом против общего врага.

И вот теперь, сидя лицом к лицу в белом шатре хана Абулхаира, они смотрят в глаза друг другу... По правую сторону от хана, чуть повыше их, сидит на подушке отпрыск Шагая – знаменитый султан Среднего жуза Барак-батыр. За свирепость и отвагу его зовут еще в народе "Серый Волк – Барак". А по левую руку от хана сидит посланник нынешнего джунгарского контайчи Галден-Церена – знаменитый нойон Серен-Доржи. Десять лет уже прошло со времени первого года "великого бедствия", и время от времени от контайчи приезжали послы с предложением покориться...

– Вот так-то, Абулхаир-хан... – Султан Барак фамильярно усмехнулся, показывая, что не ставит Абулхаира выше себя, и ловко подкрутил усы. – Так-то... Теперь я понимаю, почему ты вызвал нас за тридевять земель. Коль баба-царица снова прислала твоего Теупкеля (он специально искажил имя российского посла, и оно прозвучало по-казахски оскорбительной фразой "Пойди и пни ногой!")... Коль послала она его, то, стало быть, твоей просьбы три года назад оказалось недостаточно для нее. Верно я говорю?!

– Очевидно, ты прав... – Абулхаир говорил спокойно, словно не замечая тона Барак-султана. – Одного моего обещания, видимо, действительно оказа-

лось мало для женщины-царицы. Но когда присутствуют при нашем разговоре чужие...

– Почему же замолчал ты, хан Абулхаир, никогда никого не стеснявшийся в своих словах и действиях? – воскликнул Барак-султан. – Говори, не стесняйся, не сегодня, так завтра, но все равно становятся известны всему свету наши разговоры. А Серен-Доржи хоть и доверенный посол контайчи, но мой лучший друг. Говори!..

Абулхаир усмехнулся:

– Поскольку у тебя появились такие друзья, то следует думать, что и сам контайчи не лишен твоего благоволения. Не стал ли ты уже и его родственником, султан?!

– Не смейся, хан Абулхаир. Коль я говорю, что Серен-Доржи не просто родич, а близкий мне человек, то это так!..

Хан Абулхаир подумал немного и согласно кивнул головой... Да, он знал, что и у джунгарских контайчи не все в порядке. Чем жестче первоначальная власть, тем свирепей потом распря. В наследство от пращуров получили контайчи навыки волчьей грызни друг с другом. Все сильнее слухи о том, как убрал со своего пути контайчи Галден-Церен дядю и законного наследника Шуно-Дабо. И то, что разноречивые слухи эти имеют под собой почву, хорошо знает сидящий здесь же батыр Богембай. Когда-то в битве при реке Бадам он лишь ранил багадур Шуну-Дабо, а прикончил его Галден-Церен собственноручно.

Степь слухом полнится. Но нельзя полагаться на одни лишь слухи. В туркестанской ставке контайчи есть люди, посылающие к нему тайных гонцов после всякого важного решения, принятого Галден-Цереном. На две группы разбились сейчас джунгарские нойоны. Более прозорливый и опытный Галден-Церен пустил все свое войско на страну казахов. А группа молодых нойонов давно уже хочет увлечь джунгарские тумены вниз по течению Иртыша, на русскую Сибирь. На каждом курултае они все громче кричат о том, что великий наследник "Потрясателя вселенной" непобедимый хан Даян был из рода чорас. И предки этого основателя ханства родом из Сибири. Могилы предков настойчиво зовут к себе славных багадуров Джунгарии...

Хан Абулхаир не хуже контайчи Галден-Церена

знал, кто нападет на них из-за спины молодым крикунам их необдуманнные речи. Российские военные отряды где-то далеко на востоке вышли уже к маньчжурским землям, откуда родом нынешние покорители и властители Поднебесной империи. В океане, откуда восходит солнце, плавают уже русские корабли. Вот почему мудрые китайские советники контайчи с каждым годом настойчивей поворачивают морду джунгарского тигра в сторону Сибири, чтобы он перегрыз вену на длинной руке бабы-царицы, протянувшейся к океану. "Поднебесная империя – это середина мира, – говорят они. – А разве не принадлежат по праву середине мира и его окраины?!" Рано или поздно они сами думали поставить свои крепости на необжитых сибирских просторах. Что же, пусть пока джунгарские тумены обезлюдят эти земли, а потом их самих можно будет продолжать теснить все дальше, до другого океана.

Но контайчи Галден-Церен при всей своей самоуверенности понимал, что российский кусок ему не по зубам. Куда спокойней и уверенней чувствовал он себя в раздробленной и обессиленной стране казахов. Здесь задумал он создать великое ханство. Половину здешних людей он предполагал уничтожить, а вторую половину заставить влиться в свое войско и уж потом пустить их на завоевание мира, как проделал это некогда его рыжебородый предок.

Однако молодые нойоны не успокаивались. Став врагами контайчи, они начали искать себе союзников среди казахских султанов. Совсем недавно Барак-султан отдал свою дочь в жены вот этому самому Серен-Доржи – одному из самых влиятельных джунгарских нойонов, прямому правнуку самого Даян-хана. Хан Абулхаир знал, что контайчи отправил этого беспокойного нойона послом к казахам, словно в ссылку. А Серен-Доржи использовал свое длительное пребывание у султанов Среднего жуза, чтобы настроить их против присоединения к России. Ненавидящий хана Абулхаира султан Барак и его сторонники склонялись к идее совместного с джунгарами похода на Сибирь. Такая политика была самоубийственной для казахов.

– Я ничего не имею против нашего с тобой гостя и родственника, дорогой друг Барак-султан... – сказал хан Абулхаир, тоже покрутив ус. – У казахов есть по-

говорка: "Скажешь другу тайну, а у него тоже есть друзья". Так не лучше ли говорить без передачи, сразу вам обоим...

Барак-султан скривил губы, что означало у него улыбку. "С каких это пор змей Абулхаир стал числить меня среди своих друзей?" – с опаской подумал он и кивнул:

– Ладно, я доволен твоим решением... Теперь скажи нам, своим друзьям и родичам, зачем едет к тебе забывший свою веру Теупкель? Кого он собирается пнуть ногой на этот раз: меня или Аблая? Чье мясо хочешь ты бросить ему теперь? И не станет ли для всех нас могильным ровом крепость Орск, что начали строить возле нас русские? Недаром ведь по-казахски "ор" и есть ров!..

На упрек Барака: "Чье мясо хочешь ты бросить ему на этот раз?" – было что сказать и Абулхаиру. Недавно только посланцы Старшего жуза Оралбай и Орзакельды прибыли к нему с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед Анной Иоанновной о принятии Старшего жуза в русское подданство. Хан Абулхаир мог бы сказать султану Бараку про это желание народа. Но он удержался. Абулхаир понимал, что это только подогреет ненависть Барака к нему и родам Старшего жуза.

Крепость Орск ближе всего. Опираясь на нее, Абулхаир, как и всякий хан, думал, при российской поддержке, не только отбить джунгар, но и установить свою власть над всеми жузами. Как раз к этому времени и началось строительство крепости, которым руководил генерал Кириллов с Тевкелевым. Абулхаир был полностью в курсе дела и торопил русские власти с этим строительством. С нетерпением ждали возведения крепости и прилегающие казахские кочевья, надеявшиеся найти в ней защиту от непрерывных джунгарских набегов. Но, зная настроения некоторых султанов, хан Абулхаир скрывал свое желание ускорить строительство Орска...

– Что, как и в прошлый раз, с зурной и карнаем будете встречать своего Теупкеля? – ядовито осведомился Барак-султан.

– Да, как положено встречать послов от всякой могущественной державы! – спокойно ответил Абулхаир. – Мы никогда еще не были невежливы даже с менее значительными гостями!

– Но твой гость забыл веру предков! – холодно сказал Барак-султан.

– Твои гости иногда и вовсе не причастны к правоверным! – заметил хан Абулхаир, намекая на шаманское вероисповедание Серена-Доржи. – Будешь ли звать нас на праздник обрезания своего внука, султан Барак?

Барак-султан в ярости закусил губу и не стал больше сдерживаться:

– Скажи лучше, что принесли твои богатые подарки бабе-царице, хан Абулхаир? Много ли подарков получил ты взамен? Всем везут от нее подарки, от твоей властительницы: и к астраханским калмыкам, и к бухарцам, и к башкирам, которые грабят наши кочевья, и к тому же самому контайчи! А все они по-прежнему терзают страну казахов, и твоя баба-царица даже слова не скажет им! А Орск нужен тебе для власти над нами, великими султанами!..

– Да, это так! – ответил хан Абулхаир.

Султан Барак вздрогнул от неожиданности...

Лишь год назад тот же Тевкелев, много сделавший для присоединения казахских земель к России, писал в царскую Иностранную коллегию: "Как и Киргизкайсацкая орда, калмыки и башкиры стоят на одном уровне развития. Все они дики и невежественны... Если кто-нибудь из них взбунтуется против Российской империи, то двух остальных можно использовать против него. В таком случае мы не несем никакой ответственности, и наша совесть остается чистой..." Русский царизм несомненно использовал весь арсенал колониальной политики, в том числе и древнее как мир правило "Разделяй и властвуй!". Но при всем этом присоединение к России было единственным путем в будущее. Все остальные пути, в том числе и союз с джунгарскими нойонами, означали национальную гибель...

– Какая же разница, кто будет править нами – орысы или джунгары?! – опять вскричал Барак-султан.

– Контайчи не оставил живых людей на захваченных у нас землях. Он правит мертвыми!..

– А орысы?

– Орыские торговые люди пока что идут к нам с караванами...

– А когда за ними придут солдаты?

– Посмотрим... – Хан Абулхаир снова покосился на нейона. – Вспомни пословицу: “Уж лучше служить льву, чем шакалу”.

– Но почему же этот лев не выпускает когти в нашу защиту?

– Из-за тебя и твоих друзей, султан Барак!

– Как это понимать?

– Кто в позапрошлом году разграбил русский караван, который шел в Бухару? А другой караван, который прошлым летом шел в Ташкент?! Отвечай, султан! Или, может быть, тем степным разбойникам, которые сделали это, не так нужны были самовары, которые везли русские, как нужно было поссорить меня с царицей?! Говори, султан!..

Речь шла о больших караванах, сопровождаемых воинскими командами под началом полковника Гарбера и майора Миллера. Первый был разграблен у самой Астрахани, а второй – на полпути из Оренбурга в Ташкент. Такие же нападения на русские караваны что ни лето совершались и на берегах Иртыша и Ишима...

– Ты думаешь, хан Абулхаир, что стоит только пропустить караваны царицы, и у нас наступят мир и радость?.. – Барак-султан впервые стал серьезным, и в голосе его послышалась печаль. – Говорят же, сама лисица виновата в том, что у нее красивая шубка. У нас же богатая земля. Шуршуты во сне видят, как вслед за джунгарами расселятся по ней. Зачем же еще разжигать аппетит на нее у бабы-царицы?

– Половину нашей степи уже устилают белые человеческие кости. Помедлим еще немного, и побелеет вся степь!..

– Стало быть... стало быть... – Губы султана Барака вдруг побледнели, зрачки глаз расширились, предвещая знакомый всей степи приступ бешенства. – Значит, о людях ты думаешь, хан Абулхаир, а не о себе... Не о том, чтобы пригнуть наши султанские головы к земле, а самому сесть сверху?!

Как перед прыжком присел с рычанием султан Барак, и родич его Серен-Доржи потянулся к прямому джунгарскому ножу за голенищем мягкого сапога.

– А ты про что думаешь, султан?!

Хан Абулхаир склонился к самому лицу султана Барака, и по данному им знаку оба телохранителя у двери мгновенно натянули луки.

Эй, хан Абулхаир!.. Эй, султан Барак!.. Зачем же меня, безродного человека, звали вы на свой высокий совет?!

Голос у батыра Богембая был низким и грозным, как у льва. Все сразу опустили руки и сели на свои места. Но батыр Богембай сказал это и умолк.

– Говори же, говори, славный батыр Богембай! – спохватился первым хан Абулхаир. Он знал, какой авторитет имеет в степи этот неродовитый человек. Когда-то, еще накануне большого джунгарского нашествия и вскоре после ссоры с Тайманом, когда был Богембай простым джигитом-табунщиком, джунгарские разбойники-аламаны напали на его зимовье, вырезали всю его семью и угнали скот. С тех пор пошел Богембай в странствующие батыры, и слава о его подвигах затмила славу всех живших до него воинов. Даже то, чего он не совершал, все равно приписывали ему. Для простых людей скорее всего наиболее важным было то, что происходил Богембай из рода вольных джигитов и с детства кормился собственным трудом. Благодаря всенародному признанию, собственной отваге, мужеству и воинскому умению Богембай-батыр стал одним из народных вождей в годы джунгарского нашествия. Ни один хан или султан не решался на серьезные военные действия против захватчиков, не заручившись его поддержкой...

– Да, да, говори, батыр! – поддержал хана султан Барак, отводя глаза. Кровь торе кипела в нем: он, прямой потомок Чингисхана, вынужден слушать мнение какого-то голодранца-табунщика.

Богембай-батыр кивнул головой:

– Ну, что же... Я не хан, чтобы решать судьбу страны. Но думают ведь не только ханы. И вот что я вам скажу... Там, вблизи русских крепостей, больше спокойствия, чем вдали от них... Куда бегут целые аулы, когда занесен над ними джунгарский нож?туда, к русской крепостной линии. Знаю, что и там не сладко простому человеку. Это хану бывает сладко везде... – Он посмотрел прямо в глаза Абулхаиру. – И все же народ в реке жизни, как и рыба в Сейхундарье, бежит от опасности туда, где глубже и спокойней. Под защиту русских крепостей бежит он от твоих родичей, султан Барак... Остаться в живых хотят люди: пасти скот, растить детей...

Как тяжкие камни, надали слова батыра в бедую пустоту юрты.

Со звоном растворилась створчатая дверь, и вошла младшая жена хана Абулхаира – красавица Нурбике. Она была маленькая и стройная, легкий загар покрывал ее круглое лицо, томно смотрели большие карие глаза. Высокое саукеле колыхалось на ее головке в такт шагам, и присутствующим показалось, что сноп солнечных лучей ворвался в полутемную, накаленную гневом тишину юрты.

– В гостиной юрте ждет вас обед, высокие гости! – сказала она, склонившись в поклоне и, как принято было по последней степной моде, растягивая слова. – Откушайте же посланное нам богом!..

Проницательным быстрым взглядом обежала она присутствующих. Богембай и Тайман смутились, как всякие мужчины под взглядом красивой женщины. При этом они холодно поглядели друг на друга. А глаза ханской токал уже задержались на рослом и красивом султানে Бараке. Но тот, казалось, не обращал внимания на свою родственницу.

– Мой деверь-султан, наверное, не слышал моего приглашения к обеду! – капризно сказала она.

– Всего отведаем, что будет предложено... – холодно ответил султан Барак. – Дозвольте сперва насладиться высоким умом вашего супруга!..

Глаза красавицы сузились от ярости.

– Что же, кому недостает собственного ума, следует занимать у других! – пропела она ласково.

– Высокие мысли рождаются от хорошей пищи, – сказал хан Абулхаир, спасая положение. – Разговор наш будет продолжен, а пока что удовлетворим свою плоть!..

Барак-султан презрительно пожал плечами, словно удивляясь покорности хана перед младшей женой. Искоса он бросил хищный взгляд на нее, как барс, примеривающийся к прыжку. Но не было в этом взгляде увлечения ее красотой, а лишь какой-то холодный расчет.

Хоть и являлась Нурбике младшей женой хана Абулхаира, лет ей уже было порядком за тридцать, и только по виду ей нельзя было дать и двадцати. И если уж говорить всерьез о смертельной вражде двух больших батыров, то причиной ее по-настоящему была именно она – четырнадцатилетняя дочь бая Хи-

сана. Это на ее глазах соревновались когда-то в ловкости, силе и ценни два неизвестных еще джигита Тайман и Богембай. И так была хитра и проворна юная красавица, что каждому из них показалось, что предпочла она другого. А она в это время вздыхала по третьему – молодому султану Бараку. И, став младшей женой хана Абулхаира, властная и настойчивая Нурбике все же надеялась, что теперь ей чаще удастся видеть своего тайного избранника, приходящегося ближайшим родственником ее мужу. Но не так сложились отношения хана Абулхаира и султана Барака, чтобы им пришлось часто встречаться. И вот теперь, через столько лет, бог свел вместе всех участников того рокового праздника – обоих отвергнутых батыров и султана, по которому тайно вздыхала она всю жизнь. Как ей было не волноваться...

А батыры в это время думали об одном и том же. Им вспоминались теплый лунный вечер и дерзкие слова, в которых явственно звучала насмешка. Но где им было понять это тогда.

– Оба вы нравитесь мне, – сказала она тогда. – Но кто выиграет состязания, того и приму в свое сердце!..

Три дня они участвовали в скачках, стреляли на всем скаку в мешочек с золотом, боролись, поднимали с несущегося во весь опор коня зубами серебряную монету с земли, а в конце аксакалы постановили, что оба они равны во всем.

Звонким смехом залилась красавица, когда они пришли к ней с этим решением:

– Пеняйте теперь сами на себя, что не сумели уступить меня друг другу!..

Вскоре оба батыра узнали, что гордая Нурбике стала младшей женой хана Абулхаира. Потом пришли годы бедствий, оба сделались знаменитыми батырами, и слава их гремела по всей степи. Но у обоих продолжала кровоточить тайная рана, хотя война – общее бедствие – сблизила их, как людей, стоящих рядом в смертельной битве. А люди думали, что причиной скрытой вражды, которая все же существовала, является соперничество в боевой славе...

Самым довольным среди всех них выглядел хан Абулхаир. Он вспоминал свою жизнь с красавицей Нурбике. Всеми достоинствами настоящей женщины обладала она и одним только недостатком. Нурбике не имела детей, и это мучило стареющего хана. Зато

когда он приходил в ее юрту, то сразу забывалось все. Цыплькостью своей она закигала его и доводила до радостного иступления. С какой бы из своих жен он ни был, его всегда тянуло к токал, и он частенько нарушал установленные для прочих жен дни в пользу молодой жены.

Другие жены не раз нашептывали ему о зангрияваниях Нурбике с молодыми джигитами. Хан верил в это и клялся сам себе, что отомстит. Но когда приходил к ней и она протягивала к нему с подушек свои белые руки, хан забывал обо всем. Постепенно ему стало казаться, что любовь молодой жены к нему чиста, как утренняя роса в степи. Жены тоже перестали донимать его доносами. Еще сильнее уверился он в искренности токал, когда побывал с ней как-то в Туркестане. Там он показывал ей мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави. Потрясенная святостью, величием и тишиной этого места, степная красавица чинно и благородно осматривала многочисленные прилегающие к мавзолею строения. И вдруг, когда они подошли к какой-то закрытой резной двери, за ней раздался гулкий, леденящий кровь хохот. Нурбике побледнела от ужаса.

– Что... кто это там?! – спросила она шепотом.

– Это голоса тех самых хищных птиц из ада... – сказал хан. – Когда замужняя женщина входит в эту дверь, они своим карканьем возвещают, сколько она совершила грехов перед мужем... Заходи, если хочешь!..

Абулхаир прекрасно знал, что за дверью, в полуразрушенном дворце, гнездятся бурые коршуны. Они-то и хохочут так отвратительно. Но выросшая на севере токал никогда не слышала их крика.

А Нурбике стиснула кулаки и метнула быстрый взгляд на мужа. "Если бог на небесах и занимался тем, что подсчитывал мои грехи, то он найдет и другие пути сообщить об этом мужу! – подумала она. – Зайду, а там что будет!" И с печальной, укоризненной улыбкой красавица повернулась к хану:

– Разве не известна моему повелителю-хану скромность и покорность его верной жены?.. Что же, открывайте эту святую дверь. Бог – он видит и слышит лучше всех!..

С тех пор хан Абулхаир был наверху блаженства. И теперь, за обедом, он не обращал никакого вни-

манья на поведение своей жены. А Нурбике была в ярости. Никогда еще не оставались равнодушными при виде ее мужчины. И вот один из них уже дважды не обратил на нее внимания: один раз – много лет назад, и второй раз – сегодня. Все лицо ее и особенно глаза сияли чистотой, добротой и беззаботной радостью. Мягкими, ласковыми движениями взбалтывала она и разливала гостям кумыс...

Мужчины ели душистое, тающее во рту мясо годовалого, вскормленного молоком жеребенка, говорили про охоту с беркутом, про лошадей. Когда, сказав нужные по обычаю слова, они поднялись и степенно пошли обратно в срединную юрту, острый взгляд токал заметил чакчу на том месте, где сидел Бараксултан. Глаза ее зажглись радостью, и она приняла непринужденную позу, выставив из-под шелков свое полное колено.

Когда пришли в главную юрту, султан Барак вдруг вспомнил, что оставил свою чакчу в гостинной юрте. Он пошел за ней и по дороге, очевидно, где-то задержался. Когда он вернулся, Абулхаир удивленно посмотрел на его свирепое лицо и уловил чуть заметную недобрую улыбку у края губ. Настроение хана почему-то сразу испортилось. Но если бы ему сказали что-нибудь плохое о младшей жене, он бы опять не поверил.

Абулхаир теперь говорил размеренно и спокойно: – С тех пор как по зрелом размышлении мы решили присоединиться к Российской империи, у меня появилось немало врагов. Я думаю, что эти люди так или иначе были моими врагами, а наше решение – только повод обвинить меня. Не было бы этого решения, они нашли бы что-нибудь другое... Что и говорить, присоединение к более сильному есть подчинение. А подчинение всегда подчинение, и в нем мало приятного. Но выбирать не приходится...

И тут вдруг заговорил молчавший до сих пор Серен-Доржи. Голос у него оказался неожиданно тонким и высоким, как у женщины. Он путал слова и брызгал слюной.

– Почему говоришь, казахский хан, что нет выбора?! – Он яростно задвигал нижней частью тела, как бы желая растереть в порошок шелковую подушку. –

Всех сильных возьмем к себе на службу. Тебя, батыр, возьмем, и тебя, батыр.

Хан Абулхаир перехватил взгляд Богембай-батыра. Тот смотрел на нойона с ненавистью и отвращением.

– А как же казахская земля, славный нойон? – спросил хан специально вызывая джунгарина на откровенность. – Куда же денутся наши кочевья? От наших пастбищ и половины уже не осталось!..

– Так я же сказал, что сильных батыров возьмем на службу, – пояснил нойон. – А слабых зачем оставлять? Кому они нужны? Пусть умирают!..

– Ну, ладно... – Хан Абулхаир помолчал. – Скажи, нойон, а ты видел, как стреляют большие русские пушки?..

– О, нам богдыхан даст много пушек... – вскричал нойон. – Тысячу пушек даст.

Барак-султан исподлобья посмотрел на своего родственника. Род найманов, к которому относился султан, был самым близким соседом джунгар и первым всегда отражал их набеги. Однако такое близкое соседство с врагом невольно приводит к более тесным связям. Особенно часто это случается между двумя кочевыми народами. Воинственные найманы сплошь и рядом роднились с джунгарами и нередко участвовали в их междоусобной борьбе. При этом джунгары особо выделяли среди казахов касту торе – чингизидов, за которых с большой охотой выдавали своих дочерей или женились на их женщинах. Но когда дело доходило до войны, то те же найманы были в первых рядах защитников страны казахов. Немало славных батыров, отражавших джунгарское нашествие, вышло из их рода.

К ним, например, относился воспетый в народных сказаниях батыр Кабанбай...

– Не упоминай о шуршутах... – мрачно заметил Барак-султан. – Уж чем твои шуршуты со своими пушками, так вправду лучше орысы!

– Я просил у русской царицы построить город при Жаике и Ори... – продолжил хан Абулхаир прерванную нойоном речь. – И это верно, что русская крепость на Ори выгодна мне, хану Младшего жуза. Опираясь на нее, я смогу наконец объединить казахов...

– Но есть ведь главный хан трех жузов – Абель-

мамбет, – возразил Барак-султан. – Ему бы решать такие вопросы!

Хан Абулхаир не ответил на это, да и сам Барак-султан понял, что сказал не то. Вряд ли обладал хан Абилямбет какой-то реальной властью.

– Да, я хочу объединить казахов, и только тогда кто-то будет считаться с нами!.. – не меняя тона, говорил Абулхаир. – И разве не слышал ты слов батыра Богембая о рыбе? Люди хотят того же!..

Серен-Доржи гневно запыхтел, но, когда заговорил, тон его был другим:

– У нас, джунгар, говорят: "Еж дружит с кротом, пока тот не пустит его в свою нору, а там уже выпускает колючки".

– Не о шуршутском ли еже и джунгарском кроте говоришь, нойон? – спросил Тайман-батыр.

– Да, нойон Серен-Доржи, какие беды придут от русских городов, мы еще не знаем... – Хан качнул головой. – А вот джунгарский аркан нам уже хорошо знаком. А еще хуже его – шуршутское коварство. Вы-то это лучше нас знаете!

– Так и скажу про такое решение, хан Абулхаир, великому контайчи, – пригрозил Серен-Доржи. – Пусть все наши тумены придут к тебе в Иргиз!

– Да, давно я не видел в чистом поле кровавый лик Галден-Церена!..

– Скоро увидишь, хан... В последний миг твоей жизни!

Джунгарский нойон встал и, отвесив легкий поклон, вышел. Поднялся и Барак.

– Задержитесь на минутку, Барак-султан! – Хан Абулхаир указал на подушку, и султан снова присел. – Как я уже сказал, едет царский человек Тевкелев. Разумеется, он едет неспроста. Скорее всего он теперь действительно потребует от нас подчинения, с присягой и нашим участием в разных делах царства. Как ответим Тевкелеву?..

– А ты что думаешь ответить? – мрачно спросил Барак-султан.

– Я решил это еще пять лет назад.

– И я тогда же решил наоборот!

– Стало быть, обкорнаем хвосты коней?

Подрезать хвосты коней означало положить конец дружбе. Они и раньше-то не очень дружили – хан Абулхаир и Барак-султан, но речь теперь шла о более

серьезных вещах, чем личные отношения. Кочевья найманов были слишком близко к Джунгарии, чтобы можно было легкомысленно отнестись к такому вопросу...

– Как тебе будет угодно, хан Абулхаир!..

Тяжкая тишина повисла в юрте после ухода Барак-султана. Телохранители стояли у дверей, и сабли словно окаменели в их руках. Тонко пел ветер где-то за кошомными стенами.

– Разрешите высказаться, мой повелитель-хан! – сказал Тайман-батыр.

– Говори, батыр!

– Чем больше в живых останется казахов в это лихое время, тем больше надежды будет у нас на будущее. Так что вы правильно решили прислониться спиной к орысам, Барак-султан думает прогарцевать меж двух огней, не опалив шкуры. Так не бывает при сильном огне...

– Что же смущает тебя, батыр? – спросил хан.

– Разве друзьями нашими стали джунгарские нойоны, которые растоптали наш край? Или уже ушли они с нашей земли, что мы якшаемся с самым кровавым из них – с палачом женщин и детей Серен-Доржи? Но и это было бы ничего... Почему о самых сокровенных намерениях говорил ты при нем, наш повелитель-хан? Будь хоть трижды врагом своему контайчи этот нойон, но, когда дело касается пролития нашей крови, они быстро найдут общий язык. Завтра же он слово в слово передаст сказанное здесь кровожадному волку Галден-Церену!..

– Я бы не говорил так откровенно о наших намерениях, если бы не был уверен, что не предстанет больше нойон Серен-Доржи перед своим контайчи!

– Что же произойдет с ним?

– У Красной скалы ждет его смерть!

– Так!..

Батыры посмотрели друг на друга и задумались.

– Кто же свершит над ним суд? – спросил Тайман-батыр.

– Ты, батыр!

– Но... но с ним же будет Барак-султан!..

– Его не трогайте. И помните: ни один из людей нойона не должен уйти. Все видели, как они благо-

получно уехали от моего порога. Пусть говорят среди джунгар, что Барак-султан не уберет своего гостя. Все средства хороши, когда следует загнать отбившегося воина в строй!..

Не прошло и времени, достаточного для дойки кобылицы, как два десятка джигитов пробрались через прибрежные камыши и ускакали в степь. Впереди ехал закутанный в башлык Тайман-батыр...

Хан Абулхаир остался один. Он подумал немного, потом подошел к стене и снял старую дедовскую домбру, украшенную пером филина. Буйная необузданная мелодия понеслась из главной юрты. Гнев, горечь, жажда мести вылились в тревожные, хватающие за сердце звуки. Люди на той стороне реки поворачивали головы к ханской ставке...

Когда скрылся из глаз Иргиз, султан Барак придержал коня.

— Что ты, султан, сходишь с дороги? — спросил нойон Серен-Доржи, тоже приотстав от сопровождающего их отряда.

— А ты что, от бога ко мне приставлен?.. — грубо оборвал его Барак-султан. Если при хане Абулхаире он еще как-то сдерживал свои чувства, то здесь дал им волю. Как-никак, а не одна багадурская голова скатилась с плеч от удара его страшной сабли. И хоть породнился он волею судеб с джунгарским нойоном, но не давал садиться себе на шею...

Переехав через реку, султан углубился в тугай. Передав своему джигиту-оруженосцу повод коня, он дальше пошел один. Показался меж камышами ханский городок с тремя сведенными белыми юртами. Барак-султан затаился и стал дожидаться темноты. Одинокая береза шумела листвой над его головой...

Когда загорелись первые костры у юрт и воинских шатров, стройная тень мелькнула в просвете между кустами. Султан едва слышно кашлянул, и тень заскользила к белеющей во тьме березе. Ни слова не говоря, он приподнял младшую жену хана Абулхаира, стиснул ее и упал с ней вместе в мягкие камыши...

Еще одна тень показалась у тальника. Хан Абулхаир раздвинул руками ветки и застыл, глядя в светлую лунную мглу. Ему показалось, что он услышал совсем рядом счастливый мучительный стон, и сердце его

окаменело. Он остро вглядывался в темноту, но ничего не видел. Потом стон повторился еще и еще раз, смех зажурчал, как весенняя вода. Хан стоял неподвижно и думал о том, что никогда в жизни не слышал такого смеха. Потом он круто повернулся и пошел прочь.

Тем временем Нурбике шептала совсем чужим голосом: "Этот муж мой... послал батыра Таймана... убить твоего джунгара... У Красной скалы..."

Затрещали сучья под тяжелой ногой мужчины... "Что же ты молчала, дура намазанная?!" Барак-султан заорал это грубо, во весь голос. Она уцепилась за его ногу, жалобным голосом попросила остаться, еще немного побыть с ней. Но султан брезгливо вырвался, побежал к реке, шумно ломая кусты...

Она заплакала, заскулила еле слышно, как брошенный в степи щенок. Потом поднялась с земли, долго оттирала платье. А когда подошла к аулу, вздрогнула и вскрикнула от неожиданности. Прямо перед ней стоял муж. И вдруг каким-то звериным чутьем она поняла, что это уже не муж ее, а мудрый и многоопытный хан Младшего жуза Абулхаир.

Утром младшая жена хана красавица Нурбике поехала со специальным караваном к своему отцу Хасанбаю на берега Сейхундарьи. В аулах поговаривали, что она попросту надоела хану своим кривляньем и глупостью и что хан Абулхаир вздохнул с облегчением, избавившись от своей надоедливой токал...

К вечеру того же дня к ханским юртам подъехала группа запыленных всадников. Передний – батыр Тайман – соскочил с коня и вошел к хану.

– Говори, батыр! – сказал хан Абулхаир после положенного приветствия.

Тайман-батыр молча опустил голову.

– Я слышал, что у Красной скалы что-то произошло... – Хан наклонился по своей привычке к присевшему пониже батыру. – Или это просто слухи?.. Говори же, батыр!..

– Нас постигла неудача, мой повелитель-хан...

– Как же все случилось?

– Всех джунгар, бывших с нойоном, мои джигиты, как вы и приказали, прирезали сонными. А самого нойона я по правилам вызвал на бой...

Хан Абулхаир не сдержал досадливого жеста. Хотя и понимал он, что не укрепишь своей власти благородством, но с принятыми среди батыров традициями приходилось считаться. Хан Абулхаир лишь подумал о том, что для таких важных дел необходимо держать не батыров, а специальных людей, не отягченных всякими суевериями и правилами чести. Батыры пусть занимаются войной...

– Ну, и чем закончился ваш поединок, батыр?

– Я уже прижал его к скале и выбил из его рук саблю, как вдруг услышал казахский клич "Аруах!".

– Это был Барак-султан!

– Да, мой хан... Мог ли я драться насмерть с человеком, который стоял плечом к плечу со мной в трех самых кровавых битвах с джунгарами?!

– Ты поступил правильно, мой батыр. Древнее правило гласит: "Снегом сметается снег, а хана может наказать лишь хан!" Это нехороший пример для людей, когда простолюдин вроде тебя поднимает дубину на султана-торе без разрешения другого торе!..

Тайман-батыр усмехнулся и молча покачал головой.

– Ты не думаешь так, батыр? – удивился хан Абулхаир.

– Время ли сейчас говорить об этом, мой хан!..

– Да... Серен-Доржи через неделю будет у контайчи!..

Как всегда, когда ему надо было обдумать создавшееся положение, хан Абулхаир ушел далеко в степь. Его сопровождал только огромный чабанский волкодав с обрубленными ушами, да вдали маячили на почтительном расстоянии всадники личной охраны. Здесь никто не видел выражения его лица, и можно было дать волю думам...

А подумать хану Абулхаиру было о чем. За одну ночь он пережил измену и предательство любимой жены, из уготованного ему капкана ушел самый лютой и опасный джунгарский нойон, который услышал многие тайны и не преминет передать их своему контайчи. Весь гнев кровавого Галден-Церена обрушится непосредственно на него. А вдобавок Барак-султан, и до сих пор не жаловавший хана Абулхаира своим уважением, становится его открытым врагом. Да и он сам, хан Абулхаир, разве мог простить свирепому султану то, что случилось в эту ночь?!

Нет, хан Абулхаир вовсе не был добродушным и слабовольным человеком, каким изображали его многочисленные недруги и завистники. Лучше всего о его характере и способностях говорят победы, неоднократно одержанные им над самым страшным врагом за всю историю страны казахов. Кровь его пращура Чингисхана в полной мере проявилась в его поступках, и в жестокости он не уступал никому из своих родичей-торе.

Несчастьем хана было то, что он относился к младшей ветви чингизидов, а потомки из этой ветви, по установленному некогда закону, не могли становиться главными ханами всех трех жузов. Все подвижно в степи: люди, звери, птицы, даже дома, но вечен и незыблем среди кочевников дедовский закон. Как и было положено от века древним шанраком, остовом власти над страной казахов владели султаны из Среднего жуза – потомки Керейя и Джаныбека. Какие бы ни совершал подвиги Абулхаир, он оставался лишь ханом Младшего жуза. Да и само ханство это было незаконным и возникло лишь благодаря ослаблению основной ханской власти над всеми тремя жузами. Абулхаир прекрасно понимал, что его ханство является как бы семьей младшего сына, живущей в небольшом отдельном домике рядом с большим домом родителей...

И ничего не помогало, даже то, что в самые тяжелые времена народного бедствия хан Абулхаир руководил всеми войсками Младшего и Среднего жузов. Он первый из казахских ханов понял, что джунгарское нашествие – не эпизодический набег, а начало векового гнета, идущего от маньчжуро-китайских императоров. Ведь это он, Абулхаир, не на словах, а решительно и бесповоротно связал свою политику с Россией. Вслед за ним по этому пути национального спасения пошел и хан Среднего жуза Самеке, подтвердив тем самым дальновидность хана Абулхаира. Да, связав себя с Россией, он преследует и свои тайные цели. Наедине с собой в этом можно признаться. Но кто же, кроме него, сейчас подходит для руководства?!

И вдруг хан Абулхаир, решительный и жестокий торе-чингизид, готовый на любые клятвопреступления и убийства ради достижения поставленной цели, поймал себя на том, что и один, в голой степи, он даже в мыслях не решается назвать себя великим ханом.

Что же это за сила таится в древних традициях? Может быть, правда то, что Чингисхан имел от бога право заклания?.. Но вот же простолюдины-батыры посмели нарушить уже многие принятые в степи законы. Как только возникает опасность войны, трещит древний порядок по всем швам, и те же неродовитые люди становятся во главе ополчений, многие султаны подчиняются им. Может быть, и ему поступать, как эти люди?!

Хан Абулхаир даже остановился и оглянулся, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто его чудовищных мыслей? Нет, коли ханы пойдут по этому пути, то чего же ждать от "черной кости". Так быстро придет конец света!..

И все же... Все же, кто более него достоин всеказахского ханского трона!.. Бездарный Самеке-хан из Среднего жуза?.. Или родной брат Жолбарс, с грехом пополам управляющий разоренным Большим жузом?.. Никто ведь не считал настоящим великим ханом казахов болезненного, ленивого Булата. Да и сына его Абилямбета мало кто почитает своим верховным владыкой. Говорят, правда, что подает большие надежды подрастающий там Аблай. В тринадцатилетнем возрасте он уже попадал из лука в летящую птицу и на скаку срезал саблей голову с бегущего сайгака. Но так или иначе, а султан Аблай еще молод для белой кошмы, на которой поднимают над степью великих ханов. А что касается его, Абулхаира, то немного найдется родов в Среднем и Большом жузах, которые послали бы своих лучших людей, чтобы поддерживать края этой белой кошмы.

К тому же переменчивы и непостоянны родовые бии и султаны. Как только прижмут их летом джунгарские нойоны, они бегут под его защиту, а следовательно, и под защиту русских крепостей. Но едва наступит передышка, как многие из них тут же отвергают его власть, и при этом еще клянут его за договор с царицей. Не в царице, конечно, дело, а в том, что все эти бесчисленные бии и султаны боятся, что, заручившись русской поддержкой, он быстро подомнет их под себя, лишит вольностей и привилегий, укоротит их безбрежную власть над собственными аулами. Что же, так оно и есть. И если "лучшие люди" многих родов противодействуют этому, то основная масса казахов поддерживает сейчас его, надеясь не

только на защиту от джунгарского нашествия, но и на то, что он ограничит безбóрежную власть родовых биев и султанов, чьи беззакония только усилились в период джунгарских набегов. Все больше и больше нищают люди, и баи пользуются этим, превращая вольных джигитов в батраков, а то и в рабов. Разве не поэтому поддерживают его такие батыры, как Богембай и Тайман? Для массы кочевников всегда было лучше, если правила степью одна рука. А он, хан Абулхайр, не так уж глуп, чтобы не воспользоваться народной поддержкой. В этом и заключается мудрость властителя — использовать народный порыв в своих интересах.

Но неужели не понимают этого хан Абильмамбет, Барак и другие султаны? Кто поддержит их в степи, если после такого кровавого нашествия они пойдут на союз с контайчи или его нойонами? И разве не видят они того дракона, который скалит пасть из-за спины контайчи?.. Нет, их заигрывания с джунгарскими нойонами, в том числе и приезд Барак-султана со своим родичем, должны были служить предупреждением ему, Абулхайру, чтобы не заходил так далеко в отношениях с Россией. Они как огня боятся его усиления. А это значит, что он на правильном пути!

А потом... потом, разве не ясно уже всем, что не могут больше существовать государства, у которых в вечном движении народ и достояние? Как же при этом добывать руду и плавить железо, лить пушки, обороняться от вооруженного огнестрельным оружием врага? Нет, всему этому следует научиться. Всему нужно будет научиться: строить города, плавить железо, сеять хлеб. А у кого сейчас лучше учиться, чем у русских? И джунгары в том же положении. Только дикие нойоны не понимают или делают вид, что не понимают этого. Такие же дубины, сабли и луки в их войске. Всем туменам контайчи не совладать даже с теми войсками царицы, что стоят на сибирской линии. Но это только тысячная часть ее народа. Рано или поздно, а придется и джунгарам выбирать между Россией и Китаем. И джунгары тоже изберут Россию, потому что нет ничего хуже шуршутских императоров.

Пока что все эти лихие султаны, способные только скот угонять друг у друга, объявляют его предателем за то, что позволяет строить город Орск, за перего-

воры и присоединение к России. Нет, предатель не тот, кто умело ведет чели среди разгулявшейся бури и выводит его на глубокую воду. Это они предатели, крикуны, которые тянут страну казахов на джунгарскую мель, за которой явственно видны черные шуршутские скалы!..

И пусть не думают, что хитрит хан Абулхаир, присоединяясь к России. Он знает, с какими предложениями едет Тевкелев. Знает он и некоторых высокомерных и тупых российских правителей в приграничной линии, которые пишут на него доносы царице, обвиняя в лукавстве. Нет, он не лукавит и видит то, что будет впереди: доброе и злое, выгодное и невыгодное. И он согласится на предложение царицы отправить к ее двору своих сыновей. Так издавна поступали в мире. Не гостями и приближенными станут там его дети, а аманатами – заложниками. Что ж, он уверен в правильности своего выбора и не свернет с пути. А дети его пусть будут первыми из страны казахов, которые научатся там всему, что необходимо в будущем мире!

Его любимые сыновья Нуралы, Ералы, Батыр, Айшуак, Кожахмет, а от жены-джунгарки – Чингиз. Их хан Абулхаир не раз уже отправлял в русские крепости накануне принятия важных решений и совместных действий. При той кровавой междоусобице, которую время от времени устраивали в степи султаны, детям там было спокойней, да и российские правители тогда в большей степени доверяли ему.

Что же, у них были все основания относиться с подозрением к своим новым подданным. В 1731 году Тевкелев чуть ли не целый год добирался обратно из степи в Россию. Самовластные бии и султаны Младшего и Среднего жузов обвинили посла царицы в соглядатайстве и намеревались его убить. В то время как раз подчиненные России башкирские родовые вожди совершили набег на казахские земли, и это еще усилило враждебность к Тевкелеву. Русского посла тогда спас батыр Богембай и его родственник Есет-батыр, которые сопровождали затем посольство до самой границы... А те же нападения на русские караваны! Разве не вправе были подумать российские правители, что сам Абулхаир организует все эти беззакония? Ведь там, у царицы, большинство советников считают, что хан обладает полной властью...

Задумавшийся хан вдруг очнулся и повернул голову. Истошный женский крик и плач долетели до него. По степи неслись всадники, и впереди них на старом облезлом коне скакала пожилая простоволосая женщина.

– Ой... Ойбаяй!..

– О, несчастье, несчастье!..

Значит, кого-то убили... Да, как же он не понял сразу! Ночью в схватке с джунгарским контайчи погибли два джигита из отряда Тайман-батыра. Их нельзя было привозить в аул, чтобы не раскрылась тайна ночного нападения на нойона Серена-Доржи, но их привезли и, мертвых, положили за околицей. Теперь их нашли...

– Ой, родной наш!..

– Единственный!..

Черный волкодав ощерился и рванулся вперед. Вопящая, рыдающая толпа промчалась неподалеку, но женщина и два или три ее родственника отделились и поскакали прямо к хану. Подскакав, она буквально свалилась с лошади и, царапая лицо ногтями, вырывая волосы на голове, поползла к нему. Абулхаир еле-еле сдерживал за ремень своего звероподобного пса, который рвался вцепиться в горло несчастной женщины. А она уже вставала с колен и поднимала руку в знак проклятия:

– Знаю... Я все знаю... Это ты, хан Абулхаир, послал на смерть моего сына... Так будь проклят!.. Пусть не будет тебе успокоения ни на том, ни на этом свете!.. Да вопить и скулить тебе в могиле вечные времена!

– Укороти свой язык, несчастная!.. – тихо сказал хан. – Не у тебя одной гибнут сыновья...

– О, будь проклят твой дед и прадед... Ойбаяй! – еще сильнее запрочитала женщина.

И вдруг пес-волкодав вырвался из рук хана. Не успел он подскочить к горлу женщины, как черный курук просвистел в воздухе, и собака свалилась замертво с проломленным черепом. Это один из табунщиков на темно-рыжей кляче успел опередить пса.

В тот же миг что-то просвистело в воздухе, и табунщик слетел с коня, скрученный брошенным издали арканом. Подлетел один из ханских туленгутов-телохранителей.

– Ах ты, безродная собака! – закричал он. – А если бы угодил в повелителя?!

Абулхаир сделал знак рукой. Телохранители немедленно развязали табунщика. Тот помог взобраться в седло потерявшей сына матери, и они поехали прочь не оглядываясь...

Посмотрев с минуту на мертвого волкодава, хан Абулхаир тяжело зашагал обратно к своим шатрам. Телохранители отъехали в сторону.

Он шел и все никак не мог вспомнить, где видел этого табунщика, убившего его верного волкодава. В конце концов он вспомнил и его, и женщину. Да, это она, та девочка!.. В буйные годы молодости он совершил небольшой веселый набег на каракалпакские аулы в низовьях Джейхундарьи. Там он и захватил девочку с братом. Она все хотела убежать обратно, потому что в родном ауле остался ее жених. Но ее каждый раз ловили. Потом по приказу хана ее отдали в жены одному туленгуту. Стал туленгутом и ее брат. Женщина овдовела и как-то в трудную зиму приходила просить у хана помощи. Кто-то из ханских писарей занимался ее просьбой. Интересно, дали ли ей тогда что-нибудь?

А сына ее, рослого, крепкого джигита, звали Хусаин. Из него получился бы со временем неплохой батыр. Да вот неосторожно подставил во тьме голову под джунгарскую саблю. Если бы погиб джигит в открытом бою, то горя было бы меньше. Но теперь, найденный где-то за аулом, в чистом поле, он приравнен к бродягам и соответственно будет похоронен.

Что же делать теперь? Ведь женщина всячески поносила его. Правда, никто не слышал этого. Но разве не уронит его авторитет такое потворство? Каким образом наказать женщину и ее брата?

Лишь поздним вечером очнулся хан Абулхаир от своих дум. Догорали костры возле юрт, пахло теплым кизячным дымом. Он привстал с камня и вдруг увидел, что сидит напротив большого черного круга. Здесь стояла веселая юрта его токал Нурбике...

III

Присоединение страны казахов к Российской империи трудно датировать каким-то одним документом. Это был длительный, растянувшийся на десятилетия, сложный и противоречивый процесс. И

нельзя связывать его с именем только какого-либо одного или даже нескольких деятелей. Как всякое закономерное историческое явление, оно было вызвано самыми различными причинами экономического, политического и военного порядка, имело своих многочисленных сторонников и противников, которые избирали позицию в зависимости от династических, межродовых и внутриродовых споров, от политического и географического положения той или иной группы родов и племен, от традиционной ориентации. Благодаря кочевому образу жизни и общему неустойчивому положению в степи, вызванному и усиленному джунгарским нашествием, позиция родовых вождей все время менялась. Вчерашний противник присоединения завтра становился ярким сторонником, и наоборот. Но так или иначе, колесо истории катилось, неумолимо отбрасывая с исторической арены все отстающее от жизни, косное и окаменевшее. Как всегда в таком случае, кровавые брызги летели из-под этого колеса во все стороны. Резкий, беспощадный и неудержимый ветер новой истории вошел в Казахскую степь...

Хану Абулхаиру, согласно документам, была от царицы Анны Иоанновны выдана грамота, в которой подтверждалось, что "тебя, хан киргиз-кайсаков Абулхаир, и подвластные тебе войска принимаем в свое подчинение...". Сообразуясь с этой грамотой, Абулхаиру следовало служить царице верой и правдой, во время войны подчинять свое войско общему российскому командованию, не совершать набегов на поселения яицких и прочих казаков, а также на присоединившиеся к России народности: башкир, калмыков и других, не грабить русские караваны и немедленно возвращать на родину попавших в плен русских людей.

И когда в 1740 году хан Абулхаир подтвердил свое присоединение, а хан Среднего жуза Абилямбет с племянником Аблай-султаном приняли присягу на верность русской царице, то все они, а также триста девяносто девять "влиятельных людей", в том числе батыры Богембай и Есет, каждый по-разному, представляли себе смысл, значение и формы вхождения в Российскую империю. Главное было то, что страна казахов к этому времени уже прямо и недвусмысленно опиралась на Россию, совмещая свои политические,

экономические и военные интересы с интересами Российской империи. Это было исторически необходимо, и процесс этот развивался все более бурно, ломая на пути все преграды.

Какие бы осложнения ни возникали в дальнейшем (что неизбежно при таком процессе), джунгарское нашествие было все же приостановлено, и абсолютное влияние контайчи распространялось теперь лишь на южные казахские кочевья. Прекратилось также давление на страну казахов со стороны Бухарского и Хивинского ханств.

А колесо истории все катилось. Помимо Орска строился ряд российских укреплений по рекам Жайку и Илеку. Все больше царских войск присылалось на пограничную линию. С войсками приходили переселенцы из глубинных российских губерний, оседали на земле. Начинались неизбежные в таких случаях столкновения, исподтишка поощряемые как царскими чиновниками, так и феодально-байской верхушкой. Обе стороны всегда были едины в подстрекательстве к межнациональной розни. Уже в то далекое время, а особенно в связи с последовавшими вскоре пугачевскими событиями, они поняли, чем грозит им объединение неимущих слоев обоих народов...

Да, такова закономерность истории. Присоединение к России спасло страну казахов от уничтожения, вовлекло ее народ в современный мировой исторический круговорот, способствовало ускорению общественного и политического развития, оседлости и земледелию, созданию новых форм торговли и промышленности. Но с самого начала этот процесс – в его общественном выражении – так же закономерно разделился на две части, пошел в двух направлениях. С одной стороны, стали все активнее сближаться наиболее угнетенные и подавленные слои обеих наций: сначала переселенческая беднота – с рабами и батраками-табунщиками, затем – на царских "горных заводах" и рудниках – "рабочие люди", и, наконец, впоследствии, с быстрым развитием промышленности и железных дорог, появился местный пролетариат – наиболее революционная и следующая уже полностью в едином строю с русским пролетариатом часть казахского народа. Это сближение шло два с лишним века, развивалось вширь и вглубь, принимая

самые разнообразные формы. Здесь были и многочисленные встречи передовой русской ссыльной интеллигенции с передовыми людьми и просветителями Казахской степи, и совместная служба офицеров из казахской родовой знати с революционно настроенными русскими гвардейскими офицерами-декабристами и последователями декабристов, и, наконец, царская каторга, ссылка и тюрьмы, куда тысячами попадала непрерывно бунтующая казахская беднота и где под руководством русских профессиональных революционеров формировалось ее классовое самосознание. Рука к руке пришли казахский и русский народы к своей великой цели, и произошло наконец подлинное воссоединение наций в едином социалистическом государстве... С другой стороны, как бы ни ненавидели некоторые ханы или султаны лишавший их относительной самостоятельности и многих феодальных вольностей царизм, они неминуемо сближались с ним, становясь самыми верными и жестокими его слугами. Только в этом сближении видели они свое спасение от поднимающейся с каждым годом все выше революционной волны, и колониальная политика царизма в этом отношении отнюдь не представляла какого-то исключения. Находились чиновники и даже генералы — умные, широкообразованные и мыслящие люди, которые, с присущей русскому широтой характера и совестью, учреждали школы и больницы в подведомственных им краях, требовали от судей, врачей, почтовых работников и других рядовых чиновников, каждодневно общающихся с "инородцами", обязательного знания языка, нравов и обычаев местного населения. Было не раз, что такие люди ехали в Петербург, чтобы отстаивать там права "инородцев", защищать их от произвола и насилия. Казахский народ из поколения в поколение передает имена этих людей и чтит их память. А что может быть более чутким и справедливым, чем народная память!..

Но такие люди были лишь исключением, которое подтверждает правило. Первые казачьи дружины, пришедшие на "дикий берег Иртыша", отнюдь не состояли из великих гуманистов своего времени. И надсмотрщики на царских горных разработках не отличались справедливостью и кротостью нрава. Да и поселенцы пограничной линии тоже не были одно-

родной массой. Вместе с бедными землепашцами, уходившими в Казахскую степь от немыслимого произвола и крепостного угнетения, на новые места, как всегда в таких случаях, ринулись всевозможные авантюристы. Здесь же поселяли и отбывших свои сроки уголовных каторжан. Для всех этих людей даже в родных краях закон был не писан. А здесь перед ними возникали широкие возможности. Когда, например, по одному из царских указов уже XIX столетия соответствующим ведомствам было предложено покупать в степи в жены переселенцам по пятнадцати рублей за штуку "девушек-сирот" из "инородцев", – то это стало у таких людей настоящим промыслом. Все приобретенные таким образом девушки, конечно же, числились по документам сиротами. Впрочем, удивляться тут не приходилось. Разве многим дороже стоила тогда русская крепостная девушка, которую также отрывали от родителей и продавали другому помещику?..

Если в коренных российских губерниях процветали казнокрадство, взяточничество и беззаконие, то в неизмеримо большей степени это проявлялось на колониальных окраинах. Если в Петербурге творился неправый суд, то вдвойне неправым он был где-нибудь в Каратале или Кокчетау.

Чем дальше, тем острее становились противоречия между этими двумя сторонами одного и того же исторического процесса присоединения Казахстана к России. И тем скорее привели они к революции. В этом и заключается главная прогрессивная объективно-историческая реальность. В этом мудрость истории.

В 1737 году умер Самеке-хан, а ставший ханом Среднего жуза Абилямбет находился слишком далеко от российских крепостных линий, но зато слишком близко к Джунгарии. Он решил наладить отношения с джунгарским контайчи. Для этого Абилямбет признал его главенство над собой, послал к нему аманатом, заложником, одного из своих сыновей, а в награду попросил возвратить древнюю столицу своих предков – Туркестан. С этой целью он намеревался направить своих послов к находящемуся в то время в Ташкенте Галден-Церену. Однако Абилямбет вел эти переговоры втайне. Он не был уверен, что народ его поддержит, ибо вещий Бухаржырау уже сказал прямо ему:

Никогда не станет старым друг твоим врагом,
Ибо кровь его смешалась с твоей во время клятвы...
И старый враг никогда не станет настоящим другом,
Ибо кровь его пролита твоей рукой!..

Тогда и оренбургский губернатор генерал Неплюев поспешил укрепить свои отношения с вождями Среднего жуза ханом Абилямбетом, Барак-султаном и молодым султаном Аблаем. Это взволновало хана Абулхаира, мечтавшего при поддержке России властвовать над обоими жузами. К тому же оренбургское начальство не удовлетворило его просьбу о разрешении на пользование пастбищами между Волгой и Жайком. В результате воинственные родовые вожди Младшего жуза стали оказывать неповиновение хану Абулхаиру, а аргынские и кичацкие племена торайгыр, каз, кедел, утей, таз, кыркмылтык, айдерке, акташы, такшы и бакай, населявшие пойму реки Тургай и относящиеся с Среднему жузу, но подчинявшиеся до сих пор Абулхаиру, стали откровенно говорить о желательности выхода из-под его власти. Они думали этим ослабить с каждым годом усиливающееся давление царских поселений на их земли. По указу Анны Иоанновны размер налога на казахские кочевья был незначителен. Два жуза вместе платили в царскую казну всего-навсего от одной до трех тысяч штук лисьих и корсачьих шкур в год. В первые годы и этот налог сдавался от случая к случаю. Теперь же, в связи со строительством новых укреплений, царское правительство стало брать эти налоги в виде продуктов и скота. Основная тяжесть этого налога легла на находящиеся поблизости аулы Младшего жуза. К этому прибавились и злоупотребления чиновников. Начался ропот. "Если уже сейчас берут от нас скот, то что станется, когда крепости будут построены?" — говорили люди.

Казалось, на двадцать лет постарел за один этот год хан Абулхаир. Энергичный и деятельный в прошлом, он теперь мог часами сидеть в одиночестве, глядя в одну точку. Скулы его обострились, щеки ввалились, и ни кровинки не было в пожелтевшем лице. В живых некогда глазах потухли огоньки, и они стали от этого совсем белесыми. Когда он сидел вот так, не верилось, что этот сухой старик и есть тот самый хан Абулхаир, который во главе конной лавы мчался на джунгар, пробивая их тесно сбившиеся тумены.

Но так или иначе, хан Абулхаир не был тем поставившим перед собой великую цель человеком, который, увидя крушение своих планов, подобно раненому орлу, падает с высоты на скалы и разбивается насмерть. Нет, он продолжал думать о том, как хотя бы ползком добраться до вершины, а если не удастся, то хоть отомстить своим врагам. При таком состоянии духа все способы хороши...

Одинокий холм в степи, который облюбовал себе хан Абулхаир, был тем самым, у которого когда-то безродный туленгут убил острым куруком его любимого волкодава. Как всегда, он сидел здесь на заранее расстеленном прислужниками паласе, а рядом, у правой ноги, присел его первенец – султан Нуралы. Слишком долго сегодня беседовали они, и оба были невеселы. Время от времени Нуралы бросал искоса взгляд на отца, но тут же отводил глаза, встречаясь с холодным как лед взглядом Абулхаира. “У хана есть сын до тех пор, пока сын не пожелает стать ханом” – гласит пословица. Пока что султан Нуралы властвует над целым краем, уступленным ему отцом, но кто знает, что кроется в душе у этого беспокойного и, не в пример отцу, суетливого человека...

– Итак, ты предлагаешь, чтобы я в разговоре с Неплюевым высказал свою твердость и независимость? – спросил Абулхаир, краешком глаза наблюдая за сыном.

– Нет, поздно уже это делать... – Нуралы даже несколько раз помахал отрицательно рукой. – Поздно... Сейчас нужно по возможности найти с ним общий язык.

– Захочет ли он найти теперь общий язык?

– Если бы ему этого не хотелось, Неплюев не приглашал бы тебя в Оренбург, отец.

– Не только обо мне он тоскует... – невесело усмехнулся хан Абулхаир. – Теперь же приглашения посланы, мне кажется, на равных и в Средний жуз. Но разве Анна Иоанновна в своей грамоте не назвала меня “Абулхаиром, ханом всей Киргиз-кайсацкой орды”?! В качестве подвластных мне земель императрица перечислила и земли Среднего жуза. Почему же теперь губернатор царицы не признает этот мой титул, если действительно желает найти со мной общий язык?

– Но, отец, подумай о том, сколько лет прошло...

Твоя сила и влияние уже не те, что были когда-то. Абильмамбет с султаном Аблаем не слушаются тебя. А чтобы поссорить их с губернатором, нужно искать другой путь!..

– По всему видно, что ты уже нашел его!

– Все равно мой повелитель-хан опять не последует моему совету.

– А ты следуешь моим советам?

– Когда у малыша прорезались зубки, пережеванная пища уже во вред ему!

– Вот как ты заговорил!

Отец и сын замолчали... Им было о чем подумать. Оренбургский губернатор Неплюев пригласил хана Абулхайра на встречу в новый город Орск, находящийся на одинаковом расстоянии от ханских ставков как Младшего, так и Среднего жузов. К таким вещам с глубоким вниманием относятся в степи, и казахи сразу поняли, что наместник царицы с одинаковым почтением относится к вождям обоих жузов, в то время как раньше он всегда отдавал предпочтение хану Абулхайру. К тому же на встречу был приглашен молодой султан Аблай из Среднего жуза, но не был позван султан Нуралы, самостоятельно ханствующий над прижайкскими родами. Впрочем, это устраивало хана Абулхайра, давно уже замечавшего притязания Нуралы на свое место. Знал он также и то, что Нуралы ведет какие-то свои дела с русскими чиновниками, которые пока не признали его обособленное ханство. Ради этого и для того, чтобы занять место отца, Нуралы был готов на все. Если Абулхайр стремился при переговорах с российскими послами отстоять, хоть в ограниченной форме, свою самостоятельность, то Нуралы думал о себе и готов был хоть завтра записать крепостными всех жителей прижайкских кочевий.

– Вот как ты заговорил! – повторил хан Абулхайр.

Им вдруг овладела слепая старческая ярость. Рука хана сама потянулась к инкрустированному серебром и драгоценными камнями посоху, чтобы ударить по ненавистному лицу сына, по его бегающим глазам. Он уже не видел, что рука сына неслышно метнулась к хивинскому кинжалу на поясе. Но в этот момент раздался лошадиный топот. Оба повернули голову и увидели, что к холму подъезжают младшая дочь Абулхайра Жанат и сын его от жены джунгарки Чингиз...

Жанат стройна, смуглолица и сухощава, как отец. И в серых отцовских глазах ее читалась отцовская упрямая воля. Сразу было видно, что эта черта характера явно преобладает над ее красотой. Да и одета она была не в приличествующее девушке платье с оборками, а в мужскую воинскую одежду. Так в те годы одевались дочери и жены тех джигитов, которые уходили вместе с ними в летучие конные отряды, год за годом ведущие непримиримую борьбу с джунгарами. Здесь же не к чему было так одеваться, тем более дочери хана. На ней был суконный бешмет с короткими рукавами и плотно подогнанной талией, широкие брюки с расшитыми манжетами, на поясе висел кинжал в серебряных ножнах, а косы девушки с недорогой подвеской были привязаны по бокам к поясу. Ей явно было уже около двадцати лет, что по степным канонам того времени считалось чуть ли не старостью. Вместе с тем она была не замужем, и горькая складка у рта говорила о том, что вряд ли предстоит расцвести этим суховатым губам...

Султан Чингиз, с явно джунгарским широким лицом и раскосыми глазами, коренаст и похож на борцов – палуанов. Его чекмень из тонкой пряжи и с воротником из черного бархата перепоясан простым ремнем из верблюжьей кожи с прицепленным сбоку кинжалом.

Приняв положенные приветствия от детей, хан строго спросил:

– Вы ко мне по делу или просто набрали в степи на нашу беседу?

Никто бы не подумал, глядя в его бесстрастное лицо, что несколько мгновений назад он готов был убить собственного сына. Вперед выступила Жанат:

– Нет, сегодня утром вы сказали тетке Каракыз, чтобы готовила в дорогу Чингиза. Мы прискакали узнать, куда, когда и на какой срок он едет...

– Ладно, едем! – бросил, вставая, хан.

В сопровождении молчаливых туленгутов все поехали к Иргизу.

Да, сегодняшнюю ночь хан Абулхаир провел в юрте своей средней жены Акилим-ай из рода жагалбайлы – самой красивой из его жен после злосчастной Нурбике. В минуту рассеяния он обещал ей, что возвратит из Оренбурга живущего там в качестве аманата – заложника ее сына Кожамету. "О мой хан, разве

не настало время вернуть нашего любимого сына... шептала она во тьме. – Да отправь ты пока вместо него Чингиза – от твоей токал. Он уже подрос, и ничего с ним не сделается!” И хан обещал...

Нет, не одна женская просьба заставила его поступить так. Он подумал и о том, что влиятельный род жагалбайлы, живший раньше вдоль Ори, после постройки крепости лишился многих настищ и выражает недовольство. Обо всем приходится думать хану... Увидят жагалбайлинцы ханского отпрыска от своего корня и смягчатся, не станут открыто обвинять его в своих бедствиях.

Подскакав к юрте своей нынешней токал – джунгарки, хан слез с коня и в сопровождении Чингиза переступил порог:

– Чингиз уедет надолго... Возможно, года два-три не появится в ауле. Готовь его в дорогу посерьезней!

Каракыз побледнела и молча склонила голову. Настоящее ее джунгарское имя было трудно произносимо для казахов, и, когда привезли ее в аул, женщины дали ей новое имя по цвету ее смуглого лица: “Черная девица”.

– Ничего, ты уже большой джигит! – сказал хан, увидев, что побледнел и сын. – Пора повидать другие страны, выучиться делу, получить воспитание...

И все поняли, что Чингиза отправляют аманатом к царице.

Как будто они дожидались выхода хана из юрты, из-за холма вылетели трое всадников...

– Это Кудабай... – Хан повернулся к Жанат. – А ты ступай домой!

Жанат явно не хотелось уходить, но пришлось. Передав поводья своего коня прислужнику, она пошла к своей юрте, не переставая оглядываться. На это у нее были свои причины...

Кудабай – красивый плечистый джигит, толмач и писарь ее отца, давно уже пользовался благоволением смелой и решительной девушки. Но разве позволительно чистейшим торе-чингизидам родниться с каким-то простолюдином? И они встречались тайно, хоть не бывает в степи так, чтобы тайное не стало явным. Еще в позапрошлом году Жанат должны были отвезти к знатному жениху куда-то к Джейхундарье, но она заболела тифом. В прошлом году, не желая расставаться с Кудабаем, она снова сказалась больной

и даже ездил на лечение в Хиву. Уже неделю отсутствовал Кудабай по ханскому поручению, а она все не находила себе места, словно курица, которая должна снести яйцо...

Было одно великое преимущество у Жанат перед всеми остальными людьми. Суровый и скрытный хан Абулхаир доверял ей многие свои тайны. Отец – самый правильный судья своему ребенку, и хан Абулхаир чутьем понимал, что дочь вся – от головы до пят – уродилась в него и тайны тонут в ее памяти, как в бездне. Вот почему, едва получив приглашение от Неплюева и узнав, что такие же приглашения посланы Абилямбету и Аблаю в Средний жуз, он послал в Оренбург свою дочь Жанат с пятнадцатью джигитами сопровождения. Больше никому не решился доверить он такое важное дело...

В кожаной сумке на шее у Жанат было донесение губернатору Неплюеву... "Хан Абилямбет якшается с джунгарским контайчи. Если Галден-Церен возвратит ему город Туркестан, то он подчинится ему и пошлет в его ставку сыновей – аманатов. Советую потребовать от него того же и не выпускать Абилямбета до прибытия его сына в Оренбург..." И все же... все же Жанат рассказала о доверенной ей тайне. Могла ли она не рассказать этого любимому Кудабаяу...

А Кудабай... Кудабай служил курочкой тому, у кого быстрее созреет просо. Под блестящей личиной в его душе тлели головни коварства. Писарская совесть его могла быть поколеблена чашкой крепкого душистого кумыса. Что уж тут говорить о чаше доброго хлебного вина, употреблять которое он одним из первых в степи научился у орских бражников. И вот такому человеку поручил начавший терять свой нюх хан Абулхаир проникнуть в шатер к своим противникам-родичам из Среднего жуза и разузнать, что там готовится. Чего же удивляться тому, что уже в первый день приезда его в Средний жуз хан Абилямбет знал все то, что было доверено отцом воинственной Жанат...

Кудабай, как было положено, ловко скатился с коня и пал на колени перед ханом Абулхаиром.

– Здравствуй, здравствуй, свет моих глаз! – ответил

на его приветствие хан, ощущая фигуру доверенного гонца и задержав взгляд на новом дорогом серебряном кинжале у его пояса.

Кудабай заметил это и быстро сорвал кинжал с пояса:

– Вот видите, мой повелитель-хан, что преподнесли мне в Среднем жузе как гонцу хана Абулхаира!

– Вижу, вижу...

Абулхаиру и в голову не пришло связать этот кинжал с тайной, доверенной им дочери. Он подумал, что, если Абилямбет с молодым Аблаем разорились на такой подарок для его писаря – значит, дела идут не так уж плохо.

– Ну, говори, что видел, слышал? – сказал он, когда они прошли в среднюю ханскую юрту и остались вдвоем.

– Много увидено, услышано, мой повелитель-хан. Но главное то, что не хотят в Среднем жузе ссоры с царицей.

– А как с контайчи?

– С контайчи, насколько я понял, они ведут разговоры лишь для отвода глаз!

– Султан Аблай едет с Абилямбетом?

– Да, мой хан.

– А Бухар-жырау!

– Я его не видел.

– Как же тогда?.. Ведь его считают оком народа... Раз его нет с ними, не значит ли это, что народ не совсем одобряет поступки своих ханов?

– Не знаю. Губернатор просто не пригласил посторонних людей.

– И это может быть...

Хан Абулхаир удовлетворенно кивнул головой и закрыл глаза...

20 августа 1742 года оренбургский губернатор Неплюев велел поставить большие воинские палатки в урочище Тас-Откель вблизи Орской крепости для проведения встречи с казахскими ханами. И только тут прибывший три дня назад хан Абулхаир узнал, что помимо Абилямбета, Аблая и Барака из Среднего жуза на встречу приглашены джунгарские послы Кошку и Бурун, а также их спутники – каракалпакские батыры Момор и Кучак. К этому времени по

личному приглашению губернатора в российские пределы прибыли два сына хана Абулхайра – Ералы и Нуралы. Менять что-либо уже поздно...

По всему было видно, какое большое значение придается нынешней встрече. Два эскадрона драгун и батальон гренадер разбили здесь свой бивак. Когда они строились по утрам или выполняли воинские эзерсисы, на чистом степном солнце ослепительно сверкали эфесы офицерских шашек и солдатские штыки. Шесть больших пушек палили время от времени, и ядра взрывали целые горы песка на далеких холмах.

Однако вожди Среднего жуза запаздывали. Не прибыли они и на следующий день. 22 августа начавший нервничать губернатор узнал от одного из многочисленных своих соглядатаев, что хан Абильмамбет, султаны Аблай и Барак встретились на полдороге сюда с абулхайрским писарем и толмачом Кудабаям, после чего неожиданно повернули коней обратно в степь. Люди из окружения вождей Среднего жуза предполагают, что это произошло потому, что хан Абильмамбет узнал каким-то образом о нахождении джунгарских послов при губернаторе и не захотел в их присутствии вести переговоры. Как-никак, а тумены контайчи всегда готовы обрушиться на их кочевья...

– Да, в этом, очевидно, и правда! – решил губернатор. – Но как они пронюхали об этих джунгарских послах? И при чем тут толмач?.. А ну-ка, позвать его!..

Кудабай был немедленно вызван к грозному губернатору. По тому, как крупными, тяжелыми шагами мерил Неплюев губернаторскую палатку, и по тому, как задергались кончики его рыжих усов, опытный Кудабай понял, что шутить тот не собирается.

– Здравия желаю... ваше... ваше... – по-русски закричал писарь, приложив трясущуюся руку к махлаю.

Генерал лишь махнул рукой, выпученные глаза его остекленели от гнева:

– Говори, толмач, зачем ездил от Абулхайра на встречу к Абильмамбету?!

Перед глазами хитрого Кудабая мгновенно встала картина, как приехавший в конце концов Абильмамбет рассказывает этому грозному генералу о том, что

ему известен совет удерживать его в Орске и требовать сыновей-аманатов. А об этом совете, выведанном у Жанат, рассказал вождям Среднего жуза он, толмач Кудабай. Нет, уж лучше все рассказать тому, кто главнее всех...

– Ваше превосходительство, мой повелитель-губернатор! – снова закричал он, путая русские и казахские слова. – Это верно, что меня послали на встречу Абилямбету и султанам. Не было только возможности доложить вам!..

Неплюев продолжал мерить шагами палатку. “Что же, толмач, по-видимому, говорит правду. Абилямбет не приехал, узнав о том, что его могут задержать здесь и потребовать аманатов. И толмач говорит, что он предупредил вождей Среднего жуза об этом именно по поручению хана Младшего жуза Абулхаира. Но почему же этот чертов Абулхаир одной рукой подает мне столь благой совет, а другой предупреждает об этом своего противника? Видно, он попросту испугался этих буйных молодцов-султанов из Среднего жуза и решил сыграть отбой... Да, по всему видать, что хитрый Абулхаир решил во что бы то ни стало поссорить меня со Средним жузом. Оно и понятно. Ему ведь хочется, чтобы я все дела со степью вел только через него. Что же, будем делать вид, что нам неведомы его штуки”.

Генерал взглянул на Кудабая:

– Послушай, милейший... Твое усердие будет отмечено нами. Однако надо еще послужить государыне-царице, голубчик!

– Рад стараться, ваше...

– Ладно... А про все ли, что услышал, рассказал мне?

– На хлебе и Коране, ваше превосходительство.

– Да, нам обоим известно, как значительна клятва на Коране... – Неплюев усмехнулся. – Что ты слышал насчет сестрички твоего хозяина Абулхаира... Ну, той, по калмыцкой линии, которую сватают джунгарскому контайчи?

Кудабай открыл рот от удивления:

– Не ведаю, мой повелитель-губернатор, ваше...

– Ну, бог с тобой, голубчик...

По всему было видать, что толмач говорит правду. Между тем губернатору стало известно, что обиженный на него Абулхаир забрасывал удочки через

хивинского хана в сторону Галден-Церена, обещая ему в жены свою сестру Карашаш. Нуралы рассказал про все губернатору.

– Вот за этим-то и следи, милейший Кудабай!

– Рад стараться, ваше...

– Иди, иди...

А через полчаса, вызванный в юрту хана Абулхаира, толмач Кудабай передал ему все, что касалось сватовства Карашаш.

– Неплюеву все известно!.. – захлебываясь говорил Кудабай. – И кто ему доносит про нас?!

– Да, уж это я узнаю когда-нибудь! – загадочно пообещал побледневший от всех этих новостей Абулхаир.

Абулхаир прекрасно знал, что Кудабай связан с канцелярией губернатора. Но хан не знал о связи своей дочери Жанат с этим писарем. Многое происходящее при его ставке становилось через толмача известным в Оренбурге. Хотя хан порою о чем-то и догадывался, но держал это при себе. Лучше знать человека, который приставлен следить за тобой. К тому же Кудабай доносил и ему про все, что делалось при губернаторской канцелярии.

Самое главное, хан теперь понял, что сын Нуралы предает его. Только как далеко зашли его отношения с губернатором? А может быть, решена уже где-то там судьба хана Абулхаира и завтра царица признает одного лишь хана Нуралы?! А как бы поступил он сам на месте Нуралы?..

Абулхаир опустил голову.

А Кудабай с понимающим видом смотрел на своего повелителя и думал о своем. Как говорится: "Кто поверит – одарит, а кто усомнится – тронуть побойтся!" Самое удобное положение у него. Все три стороны одарили его за сведения: Неплюев – своим вниманием и обещанием награды, Абилямбет – дорогим кинжалом, а хан Абулхаир – темно-серым иноходцем, о котором денно и ночью мечтал Кудабай.

– Да возьми его насовсем! – сказал хан Абулхаир. – Вижу, что ты верен мне...

Правда, при этих словах что-то промелькнуло в тигриных глазах хана. Ну да ладно, тигр уже стар, и когти у него не те. Две другие стороны защитят, если понадобится...

Пока что мысли Кудабая полетели к красному

офицерскому седлу, которое он видел на губернаторском подворье. Как бы хорошо подошло оно к иппоходу. Но чтобы заслужить такое седло, надо еще что-нибудь выведать у своего хозяина и передать в губернаторскую канцелярию. Что же, придется смотреть в оба, повнимательней слушать, что шепчет ему в ночи разгоряченная Жанат...

Оренбургский губернатор генерал Неплюев и виду не подал, что его заботит отсутствие вождей из Среднего жуза. Он приказал начинать празднества, и на следующее утро специально привезенные длинные столы были расставлены в тени деревьев неподалеку от реки. Здесь было все, что любят казахи и джунгары: мясо в различных видах, самый лучший кумыс, бурсаки. А рядом стояли русские и европейские блюда, приготовленные крепостным поваром губернатора. При этом было прослежено, чтобы не попали на столы блюда из свинины. Зато вина, водки, настойки и наливки стояли на столах в изобилии. Губернатор знал уже, что знатные люди из "киргиз-кайсаков" с превеликим удовольствием грешат против этой заповеди пророка Магомета. И, словно напоказ, там, где собралась толстая и приземистые баи, на столе стояли такие же толстые и округлые бутылки с российским бенедиктином...

Да, бедно одетых людей не было на губернаторском приеме ни с той, ни с другой стороны. Перед пиром Неплюев устроил военную игру: парадно одетые гренадеры стройными рядами устремлялись друг на друга, а лихие гусары джигитовали, рубили лозу, меняли на ходу общий строй.

— Эх, молодец!

— Давай, давай, джигит!

— Ойбаяй, пронеси, аллах!

Эти возгласы гремели из рядов гостей вперемешку. Одни по степной привычке просто подбадривали всадников. Другие же решили, что губернатор собрал их для того, чтобы покончить со всеми сразу, и в испуге приседали, когда с шашками наголо мчалась на них конная масса. Потом стреляли из пушек, и снова слышались радостные или испуганные выкрики:

— Урр-аах!

— Ур-ра-а-а!

— Ойбаяй!

Астафыралда!..

Двадцать четыре раза выстрелили пушки, и испуганные степные кони, вырывая колья, к которым были привязаны, обезумело уносились в степь. Жалобно скулили и прятались за юрты огромные волкодавы. Вздрагивали всякий раз и плакали женщины и дети. В ответ на подобострастные вопросы генерал Неплюев самодовольно отвечал, что достаточно трех залпов из шести пушек, чтобы стереть с лица земли средней величины аул.

В своей десятиминутной застольной речи, обращаясь попеременно то к сидящему справа от него хану Абулхаиру, то к сидящим по другую руку джунгарским послан и каракалпакским батырам, Неплюев говорил о желании государыни императрицы жить в мире и согласии как с вверившими ей свою судьбу народами, так и с соседними странами.

– Кто не выпьет в честь государыни, покажет, что не уважает ее императорское величество! – сказал генерал, выпил до дна свой бокал и захохотал густым простуженным басом.

Вконец напуганные грохотом пушек баи залпом осушили громадные бокалы – кто с водкой, кто с настоеккой. Выпили даже те, кто до сих пор и не нюхал спиртного.

Однако за другими столами нашлись люди, которые молча отставили свои бокалы. Но тут встал приехавший с Неплюевым из Оренбурга муфтий тамошних мусульман ахун Насибулла-мулла.

– За здоровье матушки-государыни не выпить – значит желать ей нездоровья, – сказал он певучим голосом. – А разве не великий грех желать плохого тому, кого над нами поставил аллах?

И ахун, весело шмыгнув своим сизым носиком, хватил объемистую рюмку водки, да так, что у сидящего напротив гусарского офицера глаза на лоб полезли от удивления. После этого никто уже не мог отказаться, лишь наиболее богобоязненные попытались вылить вино или водку за спину. Большинство чихали, охали, махали руками.

– Ой, как горько внутри, словно отравя!

– У меня все горло прожгло это собачье зелье!..

– Ничего, раз сам мулла выпил, то что нам!..

– Нет... ты скажи, Кира-бай, за что... за что меня не любишь, собака?!

– Вот теперь довольны мной и баба-царица, и губернатор с бабской бахромой на плечах!..

– Будь здоров, Кира-бай!..

И многочисленные бан навалились на еду. Тут уже не требовалось уговоров муллы. Засучив до локтей рукава, они выхватывали из мисок сразу по несколько кусков и целой горстью отправляли в рот, приговаривая: “Ну и мясо... Обьедение!” Все двенадцать частей огромной бараньей туши в считанные минуты превращались в груды обглоданных добела костей. Крепкие зубы с хрустом перемалывали молодые косточки и хрящи: “А ну, Кира-бай, подай мне ту, кругленькую!” Наткнувшись на картофель, сразу отбрасывали его в сторону: “Ой, это не еда!”

– Ух, и горький этот листок травы!

– Пересолили... Ну и орысы, едят что попало!

– Почему вы так говорите, уважаемый? Вот эта жареная птичка вовсе недурна!..

– Ох и растение: слезы так и льются из глаз... А ну-ка, суньте его в рот моему другу Кира-баю!

Лишь несколько молчаливых батыров с каменными лицами съели из вежливости по большому куску мяса и теперь сидели, глядя прямо перед собой. Так же поступили три или четыре русских офицера. Как бы найдя друг друга в этой жующей и чавкающей толпе, они начали поглядывать один на другого, словно думали о том, что ждало их впереди, встреча в бою лицом к лицу или дружба...

Снова встал генерал Неплюев, поднял выше головы бокал:

– Господа офицеры и знатные люди Киргиз-кайсацкой орды!.. Я предлагаю теперь выпить за здоровье и процветание верного слуги ее императорского величества матушки-государыни Елизаветы Петровны и нашего личного друга – великого хана Малой орды Абулхаира!

Разноголосый шум, прерываемый отдельными криками “ура!”, был ответом на этот тост. Одни пили, другие ели. Но явственно слышались и недовольные голоса:

– Да приумножится твоя слава, Абулхаир!

– Чтоб ты содох!

– Счастья и новых великих побед нашему повелителю-хану!..

– Да рухнет в вечный огонь шапрак его юрты!

– Осторожней, аксакал, а то услышит!..

– Ну и пусть... Посадил нас за стол с гяурами. Даже меня, грешного, заставил выпить запретного питья. Теперь все мы гяуры. Ой-бая-а-ай!.. Реветь будешь в могиле, Абулхаир!..

– Продал нас гяурам за бесценнок, как запаршивевшую овцу!..

– Молчи, дурак, а то вырвут твой паршивый язык!

– Лучше за столом с гяурами, чем в могиле под шуршутами!

Генерал Неплюев взмахнул рукой:

– Многая лета хану Абулхаиру!

И разноголосый хор купцов, офицеров и казачьей старшины грянул "Многая лета". Визгливо и невпопад подпевали вконец опьяневшие баи и местные торговцы. Выделялся пронзительный тенорок муфтия. Потом кто-то взял домбру, и полилась над степью высокая, с переливами, песня во славу белой царицы, губернатора и хана Абулхаира.

Хан Абулхаир не первый раз участвовал в таких встречах и знал, сколько надо выпить, чтобы сохранить ум. Поэтому, когда он пошел прогуляться с несколько захмелевшим Неплюевым вдоль берега реки, шаг его был тверд, а глаз зорок.

– Завтра начнем беседу о деле, мой друг, – сказал ему губернатор. – Вам, очевидно, будет неловко говорить при наших общих джунгарских друзьях?..

– Да, особенно, если к моим просьбам останутся глухи...

– Все может стать... Для этого и захотел я предварительно поговорить с вами.

– У меня три просьбы. Если первые две будут исполнены, то о третьей нечего говорить...

– Какова же первая?

– Мои враги в степи говорят, что вы мало помогаете мне и всей нашей Орде. Зная мое усердие в дружбе с вами, хан Абилямбет и султаны Среднего жуза обвиняют меня в предательстве. Они денно и ночью добиваются союза с джунгарским контайчи. Вы же благоволите к ним, а не ко мне...

Генерал Неплюев лукаво погрозил пальцем:

– Они ведь ваши враги, эти султаны!

– Давно уже все, кто замышляет что-либо против Российского царства, являются моими врагами!

– Допустим, мой друг... Однако два года назад тот же хан Абильмамбет, а с ним султаны Аблаи и Барак подняли Коран над головой и поклялись в верности перед генералом Урусовым. Мне сам Василий Алексеевич Урусов рассказывал, как протекала церемония. Им в знак принятия в подданство России подарили такие же сабли с серебряными ножнами и рукоятью, как у вас, Богембая и Есета. А еще сто двадцать восемь старшин Среднего жуза дали такую же клятву, как и ваши старшины... Что же, хоть и сменил я Урусова, но присягали ведь не мне или ему, а государыне!..

– Мы – кочевой народ, и не все считают обязательным придерживаться клятвы на книге...

– Вы-то, мой друг, ведь верны ей!

– Я – другое дело.

– Но и Абильмамбет пока не нарушил своей клятвы.

– Так нарушит!

– Какие у вас основания так думать?

– Почему не приехал сюда хан Абильмамбет?

– И я вот думаю...

Они остановились над речным обрывом, и хан Абулхаир принялся подробно рассказывать о замышляемой в Среднем жузе измене. Вступив в прямую связь с контайчи, Абильмамбет и тамошние султаны не пожелали присутствовать на празднествах. Тем более что здесь находятся глаза и уши контайчи...

– Все это очень занятно, – заметил, усмехнувшись, губернатор. – Но в чем состоит ваша просьба, мой друг?

– Дайте мне в подчинение три тысячи солдат! – сказал хан Абулхаир. – Пусть хотя бы тысяча будет из главного войска, а две тысячи могут быть из вспомогательного – калмыки или башкиры...

Довольные огоньки зажглись в глазах Неплюева. Сменив Урусова, он уже два года настойчиво проводил политику приманивания то одного хана из киргиз-кайсаков, то другого. Они ссорились друг с другом из-за его благосклонности, а в этом и заключалась главная его мысль. Но впервые один из этих ханов попросил у него войска для борьбы против другого...

– Какова же вторая ваша просьба, хан?..

– Вторая касается моего сына Кожухмета, который у вас в гостях вот уже семь лет. Мать хочет повидать его, побыть с ним, а к вам поедет погостить другой мой сын – Чингиз...

Теперь и Неплюев вполне протрезвел и искоса посмотрел на Абулхаира:

– От какой жены этот ваш другой сын?

– От Каракыз-ханум, калмычки...

Это о многом говорило генералу Неплюеву. Из донесений соглядатаев, подтвержденных старшим сыном хана Абулхаира султаном Нуралы, он хорошо знал, что Кожамет был самым любимым ханским сыном, в то время как Чингиз не пользовался благосклонностью отца. Следовательно, такая просьба означала, что старый хан Абулхаир по каким-то причинам не желает оставлять в руках российского губернатора полноценного заложника-аманата. Неплюев как бы пропустил мимо ушей эти важные для него слова хана Абулхаира. Он вдруг подтянулся и значительно свел брови:

– Очень велики ваши заслуги перед государыней царицей, мой друг Абулхаир. И обе просьбы ваши я выполнил бы беспрекословно, если бы не сложное военное положение. Россия, как вам известно, ведет войну. И теперь не время отрывать даже три тысячи солдат. А борьба славного хана Абулхаира с другими подвластными нам ханами и султанами все же внутреннее российское дело...

Абулхаир невольно опустил голову:

– Так, понимаю... А как принята моя вторая просьба?

– Об этом придется написать письмо в Петербург, непосредственно ее императорскому величеству Елизавете Петровне, ибо матушка-государыня настолько ценит вас, мой друг, что только она может разрешить эту вашу просьбу!..

– Вот как!..

– Ну, а какова будет ваша третья просьба?

– Третья... – Хан Абулхаир больше не мог сдержаться, и голос его неожиданно стал хриплым. – Третья моя просьба заключается в том, что известный вам контайчи Галден-Церен добивается взять себе в жены мою сестру Карашаш, что от калмыцкой нашей линии. Поскольку нет у меня за спиной верной и постоянной опоры, нельзя мне все время враждовать с ним...

Неплюев снова тонко улыбнулся:

– Ну, что же, эта ваша просьба разрешима, мой друг. Еще преславной памяти родитель нашей импе-

патрицы Петр Великий имел мирный договор с джунгарскими племенами. И все же советуем вам повременить с этим браком. Вот переговорим со всеми, а потом, как у нас говорится, мирком да ладком. Была бы девица, а добрый молодец всегда сыщется!..

В эту минуту хан Абулхаир вдруг понял ясно и до конца, что Неплюеву известно все, что он думает и что собирается делать. И прежде всего это известно через сына Нуралы. Как бы в подтверждение, губернатор сам заговорил о Нуралы:

– Скажу вам по совести, мой друг, что, в отличие от других ваших сыновей, султан Нуралы глубоко и всесторонне разбирается в делах Киргиз-кайсацкой орды.

– Да, Нуралы – все моя надежда. И если мне суждено будет умереть, то моя главная просьба – утвердить его на моем месте!..

“Эге, – подумал Неплюев. – Да он, кажется, понял, что сын его от начала до конца докладывает нам про его шашни. Ну, да бог с ним!”

– Я думаю, что императрица поддержит это ваше законное желание! – сказал он вслух.

“Эти гяуры вкупе с Нуралы, видимо, ждут не дождутся моей смерти, – подумал хан Абулхаир. – Как быстро одобрил мою просьбу!..”

– Но мы надеемся на то, что еще не скоро лишимся неоценимой помощи и поддержки во всех наших добрых начинаниях со стороны такого опытного и верного друга, как хан Абулхаир! – быстро заговорил, предупреждая хана, генерал Неплюев.

“Все же не сразу они могут избавиться от меня!” – с некоторым облегчением подумал Абулхаир.

– Мой сын Нуралы хорошо осведомлен обо всем, что делается в Хиве, – сказал он. – И каракалпакские вожди его уважают. Если бы вы помогли ему с войском, он бы при поддержке каракалпакской конницы вытеснил из Хивы людей шаха...

– Рано еще говорить об этом, мой друг. К тому же я сказал уже, что мы ведем другую войну и ссориться сейчас с шахом не было бы разумным. Потому и сказал я тебе так о трех тысячах солдат, что просил у меня...

– Нет, ни одного солдата не потребуется из главного войска! – Хан Абулхаир впервые посмотрел прямо в глаза Неплюеву. – Они бы там только помешали. Верующие люди Хивы стали бы бунтовать. А наши

джигиты для них все равно что родственники. И Нуралы они встретят там с распростертыми объятиями, потому что ненавистен им Надир-шах...

“К чему бы это он завел про Надир-шаха? – подумал Неплюев. – Да, хочет втравить нас здесь в большую войну, чтобы в мутной воде ловить свою рыбку!”

– Нет, без указа императрицы никакие действия невозможны на наших границах! – сказал он твердо.

Абулхаир кивнул. Что же, он знал свое положение. Ничего на земле не делается даром. За присоединение и защиту от джунгар было отнято право самостоятельных решений. Теперь он не может, как некогда, неожиданно появиться со своей конницей на тех или иных рубежах степи и вершить там политику. Все надо согласовывать, и это тяготит его, старого воина. Зато Нуралы – его сыну, очевидному преемнику – такое состояние, кажется, по душе. Как же станут вести себя внуки?!

– Оба мы с вами люди, зависимые от большой государственной политики, – сказал Неплюев, чтобы смягчить свои предыдущие слова. – Хорошо, что мы понимаем друг друга!..

К вечеру хан Абулхаир еще более встревожился. С момента своего приезда сюда, как ожидающий отставки человек, он ревниво следил за тем, с кем разговаривает губернатор. Перед ужином он увидел Неплюева, беседующего с Джаныбеком-батыром...

Выходец из племени шакчак, одного из аргынских ответвлений, Джаныбек-батыр был очень уважаемым человеком Среднего жуза. Женившийся на одной из дочерей Абулхаира, он помог когда-то хану Младшего жуза распространить свое влияние на некоторые роды Среднего жуза. Вместе с Богембай-батыром и Туйман-батыром он долгое время был опорой Абулхаира. Не случайно генерал Урусов, а затем сменивший его Неплюев считались с его мнением не меньше, чем с мнением многих более родовитых людей. По их представлению императрица первому среди “инородцев” присвоила Джаныбек-батыру высокое звание тархана, даваемое лишь за особые воинские заслуги. Впрочем, этому содействовал и сам хан Абулхаир...

Совсем недавно еще Джаныбек-батыр сыграл решающую роль в войне с приволжскими калмыцкими ханами – родичами и союзниками джунгарских нойонов. Главный хан калмыков – Дондук-Омба поступал

обычно по поговорке: "Когда враг хватается за ворот, собака хватается за полу". Едва началась очередная волна джунгарского нашествия с востока, как хан калмыков напал на казахские кочевья с запада. Хан Абулхаир в 1738 году решил наказать его за это. Пострадал, как обычно бывало в таких случаях, не хан Дондук-Омба, а простые калмыцкие пастухи и табунщики. Абулхаир с Джаныбеком нанали неожиданно и разгромили калмыцкое войско, а затем не хуже джунгар прошли по калмыцким аулам. Две тысячи семейств было угнано в качестве заложников, и десять тысяч калмыков было продано в рабство на невольничьих базарах Хивы и Бухары.

Затем сын Дондука-Омба, багадур Галден-Норби, хотел во главе двадцатитысячного войска нанести ответный удар, но помешали его распри с собственным отцом. А пока они продолжались, тогдашний губернатор Урусов, которому подчинялись и казахи Младшего жуза и калмыки, принудил их к миру. Однако и сам он не желал полного мира между двумя ханствами, да и невозможен был этот мир. Что ни день происходили стычки между враждующими сторонами, угонялся скот и пленные.

Джаныбек-батыр полностью поддерживал политику хана Абулхаира и был среди тех дальновидных людей, кто с самого начала стоял за присоединение к России. И вот сегодня в присутствии многих знатных людей должно быть объявлено о присвоении ему звания тархана Российской империи. Но сейчас, когда Абулхаир увидел своего зятя и соратника доверительно беседующим с самим губернатором, сердце у него сжалось. Все же Джаныбек больше принадлежит Среднему жузу, а не Младшему. И почему Неплюев не приглашает для участия в разговоре его, хана Абулхаира?

И опять, как бы угадав состояние и мысли хана Абулхаира, губернатор снова подошел к нему.

– Джаныбек-батыра я считаю не только вашим зятем, мой друг, но и вашей правой рукой! – сказал Неплюев, как бы оправдываясь в чем-то. – Хан и султаны Среднего жуза почему-то не явились, вот я и решил поговорить с нашим славным тарханом о делах. Смотрите, сколько батыров и аксакалов присутствуют здесь от Среднего жуза. Нужно, чтобы ими руководил кто-либо из значительных людей...

Разумеется...

– К тому же, генерал перешел на полушепот, – к тому же, пусть джунгарские послы увидят, что мы можем решать дела Среднего жуза и без Абилямбетта с его султанами!

– Да, это правильно! – Хан Абулхаир впервые за весь день оживился. – С этим я и приехал к вам. Нельзя судьбу Среднего жуза целиком и полностью доверить Аблаю. Я не случайно так говорю. Хоть он и молод, но главным там уже становится Аблай!

Столы так и не убирались. С утра до вечера подносились к ним все новые и новые блюда и напитки. Где-то за деревьями играли трубы, стучал полковой барабан. Баи, чиновники – все вместе пили водку, разбавленную кумысом. Упившиеся храпели тут же, на зеленой траве. Слуги перешагивали через них. Время от времени раздавалось тревожное блеяние пригнанных на заклание баранов...

Неплюев острым взглядом оглядел столы и поднял руку с полным бокалом. Наиболее трезвые зашикали.

– Господа!.. Заключительный бокал я поднимаю за здоровье всех сидящих и... гм... гм... отдыхающих здесь гостей!..

Нестройные крики заглушили его тост:

– Ур-ра!.. Bravo, bravo!..

– Жасасын!.. Уррах!..

– Премного благодарны, ваше превосходительство!

– Здоровья и счастья... Десять тысяч лет процветания!..

А на следующий день избранные люди были приглашены в губернаторскую палатку. Две недели шли сложные переговоры. Но главный вопрос заключался в признании факта присоединения казахских земель к Российской империи, которое должно быть получено от джунгарского контайчи.

Несколько дней ушло на выяснение запутанных отношений между Россией, Джунгарией и казахскими ханствами. Генерал Неплюев настойчиво добивался, чтобы все спорные вопросы между Джунгарией и казахскими жузами решались только через него.

– Мы приехали сюда для того, чтобы казахи заплатили нам ясак и дали аманатов, – сказали послы

контайчи. - Они виноваты перед нами. В то время, как мы были заняты на границе с Китаем, казахи совершили на нас набеги!

- По законам Российской империи не позволено, чтобы подвластный нам народ платил ясак или отдавал аманатов на сторону! - твердо отвечал генерал Неплюев.

- Вопреки проискам и козням всех наших врагов, мы не допустим неповиновения нашей матушке-государыне, мы клялись ей на Коране, - заявили в один голос от имени Младшего и Среднего жузов хан Абулхайр и Джаныбек-тархан. - А предыдущие наши набеги на джунгарские кочевья были лишь продолжением той многолетней войны, что затеял сам контайчи. Если же нет войны, то мы клянемся, что больше не будем нарушать мир, и присутствие при нашей клятве губернатора великой Российской империи вернее всех аманатов на свете!..

- Никогда казахские ханы не выполняют своих клятв, - упорно возражали послы контайчи. - Они уже не раз клялись нам в мире и дружбе!

- На этот раз от их имени говорю я! - отрезал Неплюев.

- Тогда для продолжения переговоров мы просим вас направить людей к великому и ослепительному Галден-Церену, подобию солнца на земле! - сказали послы Кошку и Бурун.

Но они не сразу уехали, эти послы. Молча стояли они на пышной церемонии, наблюдая, как еще сто семьдесят восемь аксакалов, биев и батыров из всех трех казахских жузов клялись с хлебом у рта и Кораном над головой, что добровольно принимают подданство России вместе со всеми своими родичами. При этом джунгарские послы косились на громадные русские пушки, стоявшие у кромки степи...

Генерал Неплюев в парадном мундире с аксельбантами и при всех орденах произнес речь, в которой благодарил новых подданных за доверие к матушке-государыне и от ее имени давал обязательство считать равноправными и защищать от внешних врагов все присягнувшие племена. Особенно выделил он старшин и батыров Старшего жуза, чьи кочевья находились под властью контайчи, а сыновья пребывали в аманатах у джунгар. Это был прямой вызов и откровенная угроза джунгарскому контайчи...

Когда послы уехали, Неплюев призвал хана Абулхайра и его соседей — калмыцких ханов решать все вопросы лишь мирным путем и при содействии законных российских органов власти. Чтобы не отворотить и так обиженного хана Абулхайра от России, губернатор дал наконец ему позволение кочевать со своими аулами и табунами вдоль рек Илек и Берды. Казахам разрешалось оседать там на землях рядом с русскими мужиками, и это явилось большим облегчением для наиболее бедной части племен и родов. На этих землях вскоре и возродилось древнее казахское хлебопашество.

Хану Абулхайру, кроме того, разрешалось днем и ночью въезжать в любую российскую крепость, а его самого и личную охрану впредь предписывалось на правах генерала обеспечивать "казенным хлебом". В степи властители поступали так со своими туленгутами, и хан вместо радости ощутил вдруг ледяной комок в горле.

Между калмыцкими и казахскими кочевьями проведена была очередная твердая граница по Жанку. Ни одной, ни другой стороне не разрешалось отныне переправляться на противоположную сторону реки. О пленных калмыках, проданных на хивинских и бухарских базарах, уже поздно было говорить, и губернатор лишь обещал похлопотать о них. После торжественного чтения указа царицы о присвоении ему высшего воинского звания первого тархана Киргизкайсацкой орды с последующей передачей этого звания по наследству, снова ударили пушки, ибо тархан империи был равнозначен генерал-фельдмаршалу. И сразу на разные голоса заговорили собравшиеся:

- Будь вечно счастлив, Джаныбек!
- О, как возвысил ты славу рода шакчак!
- Скакун твой доскакал первым, Джаныбек, поэтому не забудь о нас, маленьких!
- Раз добился своего, Джаныбек, устрой же пир на все три жуза!

И седобородый Джаныбек-батыр, самый храбрый из тогдашних батыров, близко стоящих к хану Младшего жуза, много раз видевший смерть лицом к лицу, заплакал, как ребенок. Даже генерал Неплюев опешил от такого непосредственного проявления чувств. "Боже мой, они же просты и доверчивы, как

дети, - подумал он. - Да, неплохой народ придет в подданство к нашей государыне!"

Губернатор оглянулся. Только теперь он увидел, сколько вокруг озлобленных, рассерженных людей, ненавидевших удачливого Джаныбека.

Все же у Неплюева были веселые глаза. "Как и все дети, они еще завидуют друг другу до смерти. Такими людьми управлять - одно удовольствие. Захочешь наказать человека - награди его при всех!"

Перед отъездом гостей губернатор позвал к себе толмача Кудабая.

- Знаешь ли ты, милейший, о том, что Абулхаир давно уже ходатайствует о восстановлении древнего города Жанкента в низовье Сырдарьи. Или, как у вас говорят, Сейхундарьи...

- Да, слышал не раз, ваше превосходительство!

- Для чего он хлопочет, не знаешь?

- Может быть, ему хочется быть поближе к джунгарам, ваше превосходительство!..

При этих словах лукавый толмач посмотрел невинными глазами на губернатора. Тот все чаще беседовал с ним в последнее время, и Кудабай начал постепенно привыкать к его грозному виду и громовому голосу.

- Что же, это и нам не помешает... - Генерал Неплюев покачался некоторое время с носков на пятки. - Чтобы восстановить разрушенный город, а вернее - построить на его месте новый, следует направить туда топографов и прочих. Вот и поедет от нас в ставку твоего хана прапорщик Илья Муравьев. Помимо своих ученых дел, он будет тебе прямым начальником. Понял?!

- Рад стараться, ваше превосходительство!..

- Ладно, старайся... Но пока прапорщик приедет, глаз не спускай с хана. Чуть что - ко мне!

И вдруг Кудабай осмелился высказать свою заветную мысль:

- А может быть, ваше превосходительство, не надо прапорщика... Я ведь тоже обучен всяким наукам. Да и подозрений ко мне меньше...

Неплюев внимательно посмотрел на способного толмача:

- Ладно, ты служи, за нами не пропадет. Богат будешь и в чинах, коль так же предан нам останешься. Пока тебе прапорщик не помеха. Ступай!

А через полчаса тот же Кудабай получил от хана Абулхаира обещанные ему соболью шапку и расшитый золотом кафтан. При этом Абулхаир узнал от своего толмача, что не мешает присматривать за едущим к ним русским прапорщиком.

В тот же вечер оренбургский губернатор Неплюев писал в Петербург, в Коллегию иностранных дел: "Хотя Абулхаир отдал в аманаты родного сына и по-сему не сможет открыто выступить против России, верить ему нельзя, ибо двуличен он и надменен".

Да, ни одна серьезная деловая просьба хана Абулхаира не была удовлетворена. Хоть и был обещан ему "казенный харч" и право посещения всех крепостей и воинских команд Российской империи, внутри у него все горело от обиды, и ехал он по своей земле, словно пробирался на ощупь во тьме подземелья...

А в это время хан Абильмамбет, считающий, что Россия во всем отдает предпочтение хану Младшего жуза Абулхаиру и хочет сделать его главным ханом казахов, послал в аманаты джунгарскому контайчи своего сына-наследника Абильфаиза. До него уже дошли сведения, что подвластный ему жуз представлял на совещании у губернатора Неплюева Джаныбекбатыр, которому присвоено звание тархана. Это, а также заверения Галден-Церена в том, что казахам будут возвращены Туркестан с прилегающими к нему тридцатью двумя городами, ускорило его решение отдаться под покровительство контайчи. Немалую роль сыграло и то, что у джунгар в это время находился в плену молодой султан Аблай. Так или иначе, а этим решением хан Среднего жуза помогал злейшему врагу в деле полного закабаления казахских земель.

Убедившись в серьезности действий хана Абильмамбета, Галден-Церен уже в 1745 году начал строить военную дорогу через степные солончаки и приготовил на самой границе с подвластными России казахскими землями двадцатитысячное отборное войско. Все чаще джунгарские авангарды нападали на приграничные казахские кочевья, разоряя их и уводя пленных.

Новая волна казахских беженцев прокатилась че-

рез степь. Но, согласно договоренности, казахским аулам запрещено было перекочевывать на западный берег Жайка. Тех, кто по древней степной привычке не обращал внимания на установленные границы, нарушал этот запрет и переправлялся через Жайк, судили по указу сената от 5 марта 1744 года, в котором предписывалось таковых нарушителей "схватить и отправить из Оренбурга в Роговик или же в Сибирь, на Нерчинские рудники и заводы". Мало того, в письме от 11 мая 1747 года Коллегия иностранных дел предписала выжечь все травы на правобережье Жайка до самого Каспийского моря. Незадолго до этого, 20 сентября 1743 года, сенат издал указ о передаче охраны пограничной линии Яицкому казачьему войску. По существу, яицкие казацкие старшины становились в этих краях полными хозяевами. Была передана в руки Сибирского казачьего войска и вся пограничная "горькая" линия по рекам Тоболу, Иртышу, Ишиму. Положение казахских племен и родов вблизи этой линии сразу ухудшилось. Началась первая стадия осуществления царской колонизаторской политики, от которой прежде всего страдали немущие слои кочевого населения. Все сильнее становился гнет царизма и в русских переселенческих районах. Несладко приходилось и казачьей гольтыбе. Приближалась великая пугачевщина, в которой впервые в истории побратались и выступили плечом к плечу против своего исконного врага — царизма — русский народ и народы окраин.

Правда, генерал Неплюев признавал, что наиболее правильный путь дальнейшей колонизации края — это мирные переговоры и расширение торговли. Он даже писал в своем рапорте в Коллегию иностранных дел о том, что "надо изыскивать возможности подчинения этого народа не только путем насилия и угроз, но и путем благодеяний через расширение торговых отношений". Но наряду с этим тот же Неплюев не преминул попросить войскового начальника на Уильской дороге генерал-лейтенанта Штокмана выделить для насильственного подчинения казахского населения, если таковое окажет сопротивление, две тысячи казаков и пять тысяч солдат из Орской крепости. В дополнение, если в этом возникнет необходимость, предлагалось выделить еще десять тысяч вооруженных людей из числа подвластных России

“инородцев”, как-то: калмыки, башкиры, крещеные татары, черемшсы и прочие.

Куда было отступать казахским родам и племенам, если с другой стороны стоял наготове со своей конницей кровавый контайчи? Ханы и султаны быстро нашли свой путь, приспособившись если не к одной, то к другой стороне, а несчастный народ заметался, как зверь в капкане, неистово и слепо дергаясь в разные стороны и с каждым движением теряя кровь и силы. Снова появились сотни больших и малых отрядов, которыми чаще всего руководили неродовитые батыры, а то и просто табунщики. Эти отряды нападали на царские воинские команды, обозы, караваны и на богатые байские табуны и кочевья. Их называли в различных документах разбойниками, но первая, еще не организованная стадия народного сопротивления всегда и везде принимала такие формы. В движение Степана Разина тоже вливались когда-то такие крестьянские ватаги.

Отряды, которыми руководили батыры Баян, Малайсары, Елчибек и другие, продолжали наносить непрерывные удары по захватившим их земли джунгарским нойонам. В степи разгорался пожар народной войны...

А хан Абулхаир чем дальше, тем все больше отдалялся от дел. Так и не добившись у оренбургского губернатора ни регулярных войск в свое подчинение, ни права на самостоятельные действия на юге против Надир-шаха, ни пастбищных угодий за Жаиком, ни даже возвращения своего сына из аманатов, он быстро терял в степи свой авторитет. Это, пожалуй, было не так его собственным просчетом, как просчетом самого губернатора, ибо хан Абулхаир, заслуженный степной вождь и военачальник, олицетворял политику присоединения к России.

Теперь постаревший хан Младшего жуза метался по степи, не зная, что предпринять. Он докатился до того, что стал подталкивать некоторые казахские роды к уходу на земли среднеазиатских ханств. При этом он надеялся, что, увидев такое непослушание новых подданных, губернатор снова призовет его и даст ему войска для возвращения беглецов. Когда и это не помогло, потому что в любом случае казахские аулы чувствовали себя в большей безопасности на подвластной России территории, хан Младшего жуза

начал неподтиска, а затем открыто выступать против российских властей.

По наущению хана Абулхаира в середине зимы 1746–1747 годов два отряда казахских джигитов перешли по льду через Жанк и в урочище Кзыл-жар разгромили калмыцкие кочевья и поселок русских рыбаков, угнав много скота и свыше шестисот пленных, среди которых были и русские. Вслед за этим большой казахский отряд дошел уже до Волги, разгромив по дороге ряд мирных поселений. Но на обратном пути лихие казахские джигиты наткнулись на засаду и еле спаслись, потеряв в короткой и жестокой схватке немало убитых и пленных. Петлюющий по бескрайней степи хан Абулхаир подумывал уже о новых больших походах на российские укрепления, которые сам разрешил когда-то строить. Вокруг него начали объединяться другие обиженные родовые вожди, примыкать летучие отряды батыров...

И все же хан Абулхаир прекрасно понимал, что невозможно осилить такую великую державу, как Россия. Все эти действия предпринимались в надежде повысить себе цену в торге с губернатором. Именно поэтому, да еще оглядываясь на своего сына Кожамету, остающегося в аманатах, он приказал разыскать и немедленно отпустить всех русских пленных. "Поняв тщету своих действий против русских, Абулхаир сделался еще смирнее, чем прежде", – писал генерал Неплюев в Коллегию иностранных дел. Царские власти опять поняли превратно хана Абулхаира.

Совсем по-другому складывались в это время дела Среднего жуза. Тамошние вожди поняли, что нельзя безоговорочно доверяться джунгарскому контайчи, желающему навечно поработить казахские земли. Единственной силой, способной противостоять джунгарским завоевателям, была Россия. И теперь, когда стало ясно, что Абулхаир не получит полной русской поддержки в своих устремлениях, Абильмамбет и все султаны Среднего жуза начали быстро склоняться в сторону России. Губернатор Неплюев, в свою очередь, тактично напомнил вождям Среднего жуза об их клятве на верность царице и не преминул намекнуть самому строптивому из них – султану Бараку – о том, что он недоволен старым Абулхаиром. Неплюеву уже было известно о вспыхнувшей между ханом Абулхаиром и Барак-султаном прямой ссоре. Совсем недавно

джигиты Абулхаира ограбили большой караван, направленный к Барак-султану из Хивы его сыном. Зная крутой нрав Барак-султана, оставалось лишь ждать развития событий.

Вскоре хан Среднего жуза Абилямбет добился возвращения всех аманатов от контайчи и тут же разорвал с ними всякие отношения. В свою очередь, Галден-Церен отозвал всех своих послов из Среднего жуза, что означало объявление войны. Хан Абилямбет и султаны окончательно решили перейти в подданство России, и тогда все неродовитые батыры Младшего жуза, такие, как Тайман, Алтай и многие другие, оставили Абулхаира и примкнули к ним. Этих людей мало интересовали ханские и султанские свары между собой, и они с самого начала знали, что главный враг – джунгарский контайчи и стоящие за ним шуршуты. Устоять против этого врага можно было, только опираясь на Россию. Хоть по всему становилось видно, что нелегким будет царское ярмо, все же оно было лучше гибели под джунгарскими шашками. У некоторых завелись уже друзья среди русских переселенцев, в степи объявились первые дезертиры из царских солдат, и с ними быстро находили общий язык простые табунщики и вольные джигиты.

Немалое значение имела торговля. Казахам теперь частично разрешалось ездить на все российские ярмарки, сбывать шерсть кошмы и закупать хлеб, мануфактуру, домашнюю утварь, лопаты, топоры, ножи, посуду – все это лучшего качества и по куда более низким ценам, чем на базарах Хивы и Бухары. К тому же, благодаря присутствию русских гарнизонов, стала безопасней дорога на эти ярмарки. Появились первые казахские купцы и даже промышленники. Многие бедные джигиты нашли себе постоянную работу на рудниках, соляных промыслах и на строительстве дорог и мостов.

Увидев такой поворот событий, считающий себя в степи первым, кто поклялся в верности царице, хан Абулхаир решил в обход самого губернатора обратиться со своими претензиями непосредственно в Петербург. Для этого он поначалу написал хорошо известному ему Тевкелеву письмо, в котором жаловался на Неплюева и просил совета. Письмо, как обычно, составил и привез в Оренбург толмач Куда-

бай. Сразу же по приезде, едва отряхнув дорожную пыль, он отправился к губернатору.

– Так что ты там привез, голубчик? – спросил генерал Неплюев.

– Письмо нашего хана Абулхаира генералу Тевкелеву в Петербург, ваше превосходительство!..

– Гм... гм...

– Должен отправить его с первой оказией!

– Ты, наверное, знаешь, про что там написано?..

Нет, оренбургский губернатор генерал Неплюев был неплохим воякой и человеком, не лишенным чести. Вряд ли бы он пошел на то, чтобы прочитать чужое письмо где-нибудь в исконных российских пределах. Правила дворянской чести были внушены ему с малолетства. Но здесь, на пограничной линии, могли ли они распространяться на переписку какого-то кайсацкого хана!

Ну, а Кудабай был лишен всяких подобных "предрассудков" и слово в слово передал губернатору содержание письма. Память у него была отменная.

– Не забудь только, отправь его с первой оказией, как и приказано тебе почтенным Абулхаиром! – сказал Неплюев, улыбнувшись наивности старого хана.

Кудабай вскочил, чтобы идти выполнять указание, но Неплюев остановил его кивком головы.

– Что еще изволите приказать, ваше превосходительство? – спросил толмач.

– Ты, голубчик, видимо, и сам понимаешь, что мы не можем больше опираться на нашего славного хана Абулхаира...

Кудабай, имевший кое-какие виды на своего хана, помрачнел:

– Ну, а если он раскается и станет, как прежде, служить верой и правдой государыне?..

– Это уже не имеет значения. Как и всегда бывает, появились более молодые и способные деятели из киргиз-кайсаков...

"Хан Нуралы – сын Абулхаира!" – сказал про себя толмач. Да, он-то правильно повел себя с самого начала. Коль такого матерого волка, как хан Абулхаир, слопали, то что для этих людей он, беззащитный маленький зайчик...

– А как думают отстранить нашего хана? – набрался смелости и спросил Кудабай. – Наверное, императрица издаст указ...

– Не думаю... – сухо ответил губернатор и посмотрел на толмача в упор своим страшным взглядом. – Властям нет дела до этого Абулхаира. Он сам породил ненависть среди некоторых султанов и пусть держит сейчас ответ. Мы не станем вмешиваться в эти распри!

“Кто же должен осуществить этот... этот уход хана из жизни? – лихорадочно думал толмач. – Чего от меня хочет губернатор?”

– Среди враждебных Абулхаиру султанов особенно не любит его Барак-султан... – заговорил Кудабай, холодея от ужаса. – Хан Абильмамбет тоже не любит его, но не... не сможет...

– А Барак-султан?

– О, конечно, сможет! – воскликнул толмач. – Султан Барак давно уже обвиняет Абулхаира в том, что тот продается белой царице...

Поняв, что сказал лишнее, толмач закрыл свой рот ладонью, но Неплюев поощрительно махнул рукой:

– Ничего, ничего, говори... Самый подходящий человек этот Барак. Раз он так уж сильно не любит нас, то и его не жалко!..

– Что же прикажете мне, ваше превосходительство?

– А ничего... Сам пораскинь мозгами, голубчик!

– Но... но контайчи лишь обрадуется уходу хана Абулхаира. Зато некоторые роды Младшего, да и Среднего жуза станут мстить Барак-султану и... и мне!..

– Ну, тебе же за что? Разве что сам станешь болтать о всяких небылицах. Да не беспокойся. И Барака при случае успокой. В Младшем жузе будет другой хан, а мы... мы, как я уже сказал, не станем вмешиваться не в свое прямое дело. Споры между родственниками нас не касаются!..

– Да, да, они сами...

Неплюев понял состояние толмача и небрежно сказал, как бы между делом:

– Там у казначея твое жалованье накопилось за полгода. Ты ведь у нас на жалованье, голубчик. А там и чины пойдут, и слава...

– Рад стараться, ваше превосходительство!..

– Ну, ступай, ступай... Я буду ждать известий!..

Через десять дней толмач Кудабай оказался в Хиве,

в гостях у сына Барак-султана – батыра Жолобарса. Они долго говорили о чем-то, и Кудабаяу на прощанье была подарена расшитая хивинская шуба с плеча хозяина и гнедой ахалтекинский конь. Вскоре толмач был уже в ставке Абулхаира и не преминул получить и от него кое-какие подарки. Прямо не стал отказывать о разговоре своем с губернатором, но тем не менее намекнул, чтобы хан поберегся ездить по степи в одиночестве...

Дело неминуемо приближалось к развязке. Летом 1748 года сам генерал Тевкелев прибыл из Петербурга в Орск для личных переговоров с Абулхаиром.

– Старый друг лучше новых двух, господин Неплюев! – сказал он в Оренбурге губернатору.

– Ох, ваше превосходительство, вынужден, сидя здесь, выбирать себе друзей по необходимости! – ответил Неплюев.

Хан Абулхаир, понявший, что и в Российской империи сановники враждуют и сживают друг друга со света не хуже, чем казахские ханы и султаны, поспешил со всей своей семьей и поредевшей свитой в Орск, к генералу Тевкелеву. Все свои обиды выложил он перед тем, кто некогда склонил его на присоединение к России. Один из умнейших людей своего времени, Тевкелев сделал все, что в его силах, чтобы не заставить хана раскаяться в его политике. Он считал, что такое отношение к одному из виднейших деятелей присоединения дурно отразится на авторитете Российской империи на всем Востоке.

Хан Абулхаир от чистого сердца обещал Тевкелеву и впредь верой и правдой служить России. К хану возвратился из аманатов его любимый сын Кожрахмет, а вместо него в Оренбург поехал другой сын – Айчувак. Тевкелев взял полностью на себя улаживание отношений хана Абулхаира с губернатором. Окрыленный и помолодевший, возвращался старый хан в свою ставку на Иргизе.

А губернатор Неплюев лишь отмалчивался в разговорах с Тевкелевым: не его дело вмешиваться в султанскую междоусобицу.

– Режут они друг друга, как волки, ваше превосходительство... – сказал он. – Как могу отвратить их от такого природного дела?!

Полный тревог за судьбу хана Абулхаира и всей российской политики в Большой азиатской степи,

уезжал в Петербург генерал Тевкелев. Оснований к этому было больше чем достаточно.

Впрочем, генерал Неплюев мало грешил против истины, когда говорил о невозможности сдержать межплеменную усобицу в степи: слишком еще мало было войск на пограничной линии. Да губернатор и не очень-то стремился к этому.

Не раз отряды хана Абулхаира разоряли кочевья тех родов, которые волей или неволей подчинялись джунгарскому контайчи. Но бывало, что хан сводил и собственные родовые счеты. Так, он неуклонно преследовал целый род джалаир из Старшего жуза, который в годы "великого бедствия" нашел убежище среди каракалпаков. Джигиты Абулхаира не раз переходили Сейхундарью и грабили аулы джалаирцев, а заодно и каракалпаков. Предводители рода, опасаясь полного его исчезновения, решили искать убежища в Среднем жузе, у аргынцев. Большой их караван, в который входили и два аула каракалпаков, шел через владения Абулхаира к Тургаю. Но тут на него напал отряд родного брата Барак-султана – Кучука, отколовшегося от Среднего жуза и самозванно провозгласившего себя ханом ряда родов и племен. Всадники Кучук-султана дочиста ограбили караван беженцев, оправдывая это тем, что джалаирцы якобы хотели в дальнейшем переметнуться к джунгарам. Спаситься удалось лишь полусотне каракалпаков, которые побежали в сторону Оренбурга и по дороге встретили возвращавшегося с переговоров хана Абулхаира. Несмотря на то что его сопровождали лишь полторы сотни всадников, Абулхаир бросился в погоню за Кучук-султаном. Как уж там получилось, но на помощь своему брату пришел неожиданно оказавшийся тут Барак-султан.

– Мы не осилим Барак-султана... – советовали Абулхаиру приближенные. – Давайте вернемся в Иргиз за подкреплением!

– Не воины вы, а бабы! – в ярости закричал старый хан и приказал начать преследование братьев-султанов.

А Барак-султан уходил медленно, всякий раз показываясь на ближайших холмах и вызывая новые приступы бешенства у хана Абулхаира. Всем было ясно, что старого хана заманивают подальше в степь.

И вот наконец произошла эта роковая битва. На

пустынном берегу степной речушки Олкеек объединенное войско братьев-султанов легко разметало полторы сотни всадников Абулхаира. Кстати, как часто случалось в то неустойчивое время, султанам помогли и быстро перешедшие на их сторону джалаирцы и каракалпаки из разграбленного каравана, давно уже желавшие свести счеты с ханом Абулхаиром. Хан Абулхаир самолично зарубил нескольких врагов, а потом, увидев скачущего к нему Барак-султана и словно осознав свою судьбу, опустил саблю и закрыл глаза. Подскакавший султан сбил его с коня, прыгнул ему на грудь и вонзил глубоко в сердце прямой казахский нож. Неподвижное, голубое небо вдруг закрутилось, завертелось, залилось кроваво-красной краской.

– Вот все кончилось... – беззвучно шептали его побелевшие губы. Словно огонь, на миг обожгла его сознание мысль: "До чего ты мудр, мой маленький народ!.. Кроме тебя, кроме казаха, никто этот бранный мир не называл жалганом..."¹ Действительно, ты, жизнь, оказалась обманчивой, быстротечной... Прошла как один миг..."

Барак-султан воскликнул:

– О предатель и вечный враг мой! Как я поклялся когда-то, так и сделал. Своими руками зарезал тебя и своими устами выпил твою кровь. А если виновен я в чем-либо, то шея моя выдержит веревку правосудия!

Сказав это, Барак-султан хлестнул камчой коня и поскакал не оглядываясь...

Меньше чем через год императрица Елизавета Петровна издала указ об утверждении султана Нуралы ханом Младшего жуза...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Душистая и густая луговая трава достигает пояса. А вдаль будто белые чайки опустились вразброс на склоны горы Сырымбет. Это белоснежные юрты султанского аула. Там много еще других юрт – черных,

¹ Ж а л г а н – так казахи иногда называют жизнь. Труднопереводимое слово, обозначающее, примерно, быстро проходящее, обманчивое состояние.

прокопченных, дырявых. Но их не видно отсюда, потому что скрыты они в лощине под горой. Это по существу другой – отдельный аул, в котором живут многочисленные туленгуты и прислужники Аблая...

Как возле султанских юрт, так и внизу, в черном ауле, спуют люди. В стороне, на круглой площадке, освежевывают баранов, ставят огромные котлы. Солнце лишь встало, а когда оно дойдет до своей высшей точки, начнется большой пир. Сегодня султану Касыму, семилетнему наследнику Аблая от жены, приходящейся родной сестрой великому джунгарскому контайчи Галден-Церену, произвели обрезание. Это один из самых значительных праздников в степи, тем более когда дело касается торе-чингидов.

Лет десять назад совсем еще молодой султан Аблай вторично попал в плен к джунгарам. Три года находился он при ставке контайчи в Ташкенте, потому что джунгары с почтением относились к торе – людям одной крови с ними. В 1743 году благодаря ходатайству его дяди хана Абилямбета и вмешательству русского губернатора генерала Неплюева султан Аблай был освобожден. В аманатах вместо него при ставке контайчи остались сын самого Абилямбета султан Абильфаз и сын Барак-султана Шагай.

Но Аблай-султан вернулся не одиноким из джунгарского плена. Присмотревшись к нему, отметив мужество, ум и решительность, столь необходимые настоящему властителю, опытный Галден-Церен, по всем правилам восточной дипломатии, женил его на своей воинственной сестре Хоче. За смелость в бою и участие в государственных делах ее с тринадцати лет называли Хоча-багадур, а по приезде к казахам стали звать Хоча-батыр. Сначала она родила девочку, вскоре умершую от кори, а в 1746 году Хоча родила сына Касыма, виновника сегодняшнего торжества.

К этому времени Аблай пользовался уже огромной славой по всей Казахской степи и за ее пределами. Контайчи не ошибся, предрекая ему великую будущность. Отвага, ум и достойная стариков рассудительность содействовали тому, что, не имея ханского титула, Аблай обладал неограниченной властью в Среднем жузе и с ним считались везде, где звучала казахская речь. Лишь в одном ошибся многомудрый Галден-Церен: взяв себе в жены его сестру, Аблай тем

не менее не стал прихвостнем контайчи, а вел самостоятельную политику. Какие бы колебания ни происходили в степи, острее этой политики всегда было направлено на освобождение из-под джунгарского ига.

И все же пока султан Аблай был формальным вождем лишь некоторых аргынских родов Среднего жуза, в том числе немалочисленных родов атыгай и караул, живущих на склонах гор Кокчетау и породнившихся с Аблаем через своих дочерей, отданных ему в жены. Собственно, этот грандиозный праздник сорокалетний Аблай тоже проводил с тайным замыслом вербовки сторонников. С самого начала он поставил перед собой цель – сделаться всеказахским ханом – и шагал к этой цели, не стесняясь в средствах. Когда требовалось, это был спокойный и уступчивый, на первый взгляд, политик, но, когда нужно было пройти по трупам, он шел не оглядываясь.

Накануне вечером приехал к нему знаменитый Бухар-жырау, которого Аблай знал с тех пор, когда был еще юношей по имени Абулмансур и, бежав из плена, скрывался от джунгар в прокопченной чабанской юрте вместе со старым рабом Оразом.

Тогда он и сказал Бухар-жырау, что принимает на себя имя своего кровавого деда Аблая...

– Ты хмур сегодня, мой жырау... – сказал Аблай. – Расскажи нам что-нибудь поучительное!..

– Для этого я и приехал. – Бухар-жырау многозначительно помолчал. – Пришла пора рассказать о предке твоём Есим-хане. Я знаю, что ты чтить это имя, султан, и мне хотелось бы, чтобы не повторял ты его ошибок...

– Мы слушаем тебя, жырау...

И жырау, несмотря на то что устал с дороги, начал рассказывать...

– Много забот свалилось на молодого Есим-хана после смерти Тауекеля. Прежде всего нужно было решить наболевший вопрос отношений с кашгарскими и бывшими моголистанскими вождями и султанами, которые грызлись между собой за оставленное ханом Абдрашитом наследство. При этом они претендовали на многие киргизские земли. Киргизские манапы, в свою очередь, разделились на сторонников родственной им Белой Орды и каш-

дарских сторонников. Неопытный Есим-хан не смог встать выше этой мелкой борьбы и увяз в ней. Только участвовавшие нападения натравливаемых китайскими богдыханами джунгарских контайчи заставили объединиться мятежных манапов с Есим-ханом. Горячее дыхание китайского дракона уже чувствовалось и в Семиречье... Как было не раз раньше, джунгарские владыки думали, что опять казахи и киргизы рука об руку пойдут против восточных врагов.

А пока что, вмешавшись в кашгарскую междоусобицу, Есим-хан, по совету заинтересованных людей, решил поддержать одного из сыновей Абдрашита – правителя Шалыша и Турфана, хана Абдрахмана. Объяснялось формально это тем, что мать Абдрахмана была родом из местного казахского племени уйсунь, и он обычно выступал на стороне Белой Орды. Пять тысяч всадников выделил ему Есим-хан для помощи в его борьбе с другими наследниками Абдрашита. А во главе этого войска был поставлен Туяк-батыр.

На следующий день после торжеств в честь почившего хана Тауекеля молодой хан Есим приказал Туяк-батыру явиться к нему во дворец. Горячий и подвижный, с быстрыми карими глазами, Есим-хан был почти одного роста с великаном Туяком. Он самолично резким движением бросил батыру подушку, что было высшим выражением ханского благоволения, и тут же принялся рассказывать ему о предстоящем задании.

– Мы должны привлечь к своей груди уйсуней и все казахские роды Семиречья и Туркестана! – закончил он свое напутствие. – Поклянись, что выполнишь мою волю!

– Воля хана вдвойне священна, когда не расходится с волей людей, – спокойно ответил Туяк-батыр. – Но все мы – люди, и позволь твоему слуге высказать одно свое заветное желание.

– Говори, батыр!

– Вера в счастье – это челн, который пронесет джигита через бурные и широкие жизненные реки. Когда сильна она, то и в сердце у джигита горит огонь храбрости, и конь джигита не спотыкается. А счастье мое целиком в ваших руках, мой повелитель-хан...

– Говори до конца, батыр!

– Если вы снизили до того, чтобы выслушивать сына рабыни, то я выскажусь до конца. Довольны ли вы моей службой в вашем войске? Равны ли мои дела ратным делам других воинов, какого бы высокого происхождения ни были они?!

– Клянусь богом, вы с покойным братом всех превзошли в минувшей войне! – вскричал нетерпеливо хан Есим. – Только говори поскорее, батыр!

– Я услышал святые слова из ваших уст, мой хан. Вот моя рука и мое сердце. Отдайте мне в жены вашу невестку Акторгын!..

Молодой хан вздрогнул и покраснел, словно кто-то дал ему пощечину. Он даже отшатнулся от неожиданности:

– Эй... что ты там мелешь?!

– Вы богом поклялись, что я не хуже других, мой хан!..

Смуглое лицо молодого хана стало чернее ночи. Он мотнул головой, словно дикий жеребец, на которого нежданно-негаданно набросили аркан. Разумеется, нет такого закона в степи, по которому вдова уходит в могилу вслед за умершим. И не останется навеки вдовой жена хана Тауекеля. Но она ведь ханская невестка. Можно ли допустить, чтобы она вышла замуж за сына рабыни. Весь мир станет говорить о таком несмываемом позоре!

– Акторгын, твоя невестка, мой хан, тоже умоляет тебя об этом! – сказал Туяк-батыр.

– Значит... значит, вы стакнулись еще до смерти моего высокого брата! – Есим-хан говорил теперь холодно, и глаза его смотрели куда-то вдаль. – Тогда вы будете наказаны втроене!

– Это не так, мой хан!

– Молчи, раб!

Нет, не таким уж плохим и жестоким человеком был молодой хан Есим. Но неслыханной наглостью показалаась ему просьба какого-то безродного батыра о том, чтобы породниться, хотя бы косвенно, с ним, потомственным торе... И еще одно обстоятельство примешалось к его гневу. Дело в том, что молодой хан сам втайне поглядывал на красавицу вдову, предвкушая разделить с ней ложе. Она была красавицей, его невестка, и он решил про себя взять ее по закону себе в жены, несмотря на

разницу в возрасте. На десяток лет старше хана была Акторгын, но рядом с ней тусклыми пятнами казались все другие красавицы...

Бешено забился, зазвонил серебряный колокольчик в ханской руке. Вбежала стража.

– В зиндан его... Под землю!

Весть о том, что прославленного батыра и военачальника бросили в смрадный зиндан на черной площади позади ханского дворца, мигом облетела весь Туркестан. К вечеру об этом знали уже во всех прилегающих аулах, а через три дня про это говорила вся Казахская степь.

Акторгын заплетала свои чудные косы, когда вбежавший мальчик-слуга сообщил ей о том, что батыра Туяка повели в цепях на черную площадь. Она побледнела, схватившись за сердце, но тут же взяла себя в руки:

– Призовите батыра Жолымбета!

Он приходился ей дядей, батыр Жолымбет, командовавший лучшим отрядом батыров из Младшего жуза. Акторгын поняла, что просить у хана прощения она не станет. Да и ни к чему хорошему это не приведет. По неписаным древним законам она до конца своих дней должна принадлежать этому мальчишке-хану. На его стороне право и суд аксакалов. Другое дело, что более умный и опытный хан ни за что не пошел бы на разрыв с народными батырами, на прямой разрыв с ней, а следовательно, со всем Младшим жузом ради своей прихоти. Что, кроме мимолетной страсти, может внушить она, которой уже за тридцать, этому юному хану... Кроме того... кроме того, сдержанный, полный скрытой мужской силы взгляд батыра Туяка достиг ее сердца. И когда, подставляя большую руку, он помогал ей сойти с коня, ей никак не хотелось отрывать колено от этой руки...

– Нечего ждать милости от этого хана... – сказала она вошедшему батыру Жолымбету. – Я сейчас же должна уехать на родину. Нужно скрыться, пока твои джигиты стоят еще в городе. А ты, кажется, приходишься другом батыру Туяку. Кроме того, ты – мой дядя. Вырви его из зиндана, пока будут гнаться за мной. Пусть нашу судьбу с ним решат бии страны Ногайлы!

Батыр Жолымбет и не мог поступить иначе. Акторгын после смерти Хакназара была отдана жене Туякель-хану как залог верности всего Младшего жуза Белой Орде. Теперь в ее лице был оскорблен весь Младший жуз. Как могли воины этого жуза пройти мимо такого оскорбления! Что же касается Туяк-батыра, то, снимая голову, по волосам не плачут. Освободив его из зиндана, Жолымбет-батыр получал поддержку всех неродовитых батыров орды, всего простонародья. А в смутной обстановке, создавшейся в степи, огромная сила. Так или иначе, а именно "черная кость" сорвала поход хана Туякеля на Бухару...

А главный виновник всего, батыр Туяк, сидел в это время в темной каменной яме с узким отверстием в потолке и лишь время от времени позвякивал тяжелыми цепями... Началось все с того самого момента, когда Акторгын решительно надела кольчугу покойного мужа, села на его коня и бросилась в бой. Тогда впервые он и помог ей сесть в седло, подставив под колено свою ладонь. Он сразу почувствовал вдруг теплоту этого округлого колена и поднял глаза. Женщина смотрела на него откуда-то с неба, и глаза ее были ярче звезд... Потом он десятками отбрасывал пики, нацеленные в ее грудь, одним взмахом своей страшной сабли отметал замахнувшихся на нее врагов. После боя он опять помог ей сойти с коня...

По приезде в Туркестан во все сорок дней трезны он не видел ее ни разу. Зато на сорок первый день к нему подошел мальчик и сказал, чтобы батыр следовал за ним. Туяк-батыр пошел, ни о чем не спрашивая. И не удивился, когда увидел себя в комнате Акторгын.

— Сможешь ли ты за один день объездить для меня коня? — спросила его Акторгын, и он как во сне кивнул головой, еще не веря своему счастью. В древнем сказании говорилось о том, что царица, прежде чем отдать свое сердце простому безродному джигиту, испытывала его таким образом. Это был открытый знак благоволения женщины к мужчине, и требовалось немало мужества, чтобы решиться на такое. Впрочем, мужества Акторгын было не занимать...

Конь был громадный красавец семилетка, но

совершенно дикий, присланный ей в подарок от башкирской родни. На рассвете Туяк-батыр вскочил на него, обхватив своими могучими коленями, и конь с бешеным ржанием вынес его в степь. К вечеру батыр возвратился верхом на тихом послушном коне. Когда подошедшая Акторгын при помощи Туяк-батыра вставила ногу в стремя – конь не шевельнулся.

– Благодарю тебя, мой батыр! – сказала она.

Поздним вечером мальчик пришел за батыром и повел его темными переходами в малый ханский дворец. Там его встретила женщина-мамка, приехавшая с ханшей из страны Ногайлы. Она провела его к маленькой двери и осталась снаружи. В полутьме батыр увидел протянувшиеся к нему белые руки:

– Подойди, мой батыр!

Он подошел не дыша, и она прикоснулась к нему тонкими пальцами.

– Чего ты просишь, батыр, за то, что усмирил моего коня?

Он продолжал молчать, не в силах выговорить ни слова.

– Ладно, дай я поцелую тебя за это!..

Она приподнялась на носках, но достала лишь до груди батыра. Как в чудном сне послышался ее серебристый смех:

– Что же ты не подставляешь руку, мой храбрый батыр?

Тогда он подставил большую ладонь, как делал это, когда ей надо было садиться в седло. Она встала на его ладонь горячим обнаженным коленом и дотянулась до его губ. Все пошатнулось и закружилось вокруг: комната, дворец, степь, вся его жизнь. И до самого утра не отпускала его она...

Акторгын забеременела, но просторная шелковая одежда, принятая при ханском дворе, и недосягаемость знатных женщин для нескромных взглядов помогли ей скрывать это несколько месяцев до повторной, главной тризны по Тауекель-хану. Теперь же все раскрылось, и только бегство могло спасти ее от позора...

– Или смерть, или Туяк-батыр! – сказала она своему дяде Жолымбет-батыру при прощании.

Глухой ночью небольшой конный отряд джигитов Младшего жуза подъезжал к западным воротам Туркестана.

— Кто такие и по чьему повелению? — спросил начальник стражи.

— По моему приказу! — сказал, выехав на свет, Жолымбет-батыр, и начальник стражи почтиительно отступил к воротам. Отряд с подменными конями в поводу поскакал в ночь. Посредине его мчалась на белом коне закутанная в чалан Акторгын...

Разъяренный хан Есим утром снарядил погоню. Но он и сам понимал, что это бесполезное дело. Зато хан приказал лучше стеречь в зиндане Туяк-батыра. Ему доложили, что ночью его пытались освободить. Не удалось это лишь потому, что узника с вечера перевели в другую яму, под самой стеной дворца...

Вместо Туяк-батыра на помощь хану Абдрахману в Восточный Туркестан хан в этот день направил батыра Жолымбета...

Не прошло и полугодя, как батыр Жолымбет вернулся с победой. Но сражаться ему пришлось не с кашгарскими братьями хана Абдрахмана, а с более серьезным противником. Подталкиваемые китайскими советниками, джунгарские отряды как раз совершили кровавый набег на семиреченских казахов и киргизов. Отягощенные добычей, они возвращались через границу, когда на них неожиданно обрушился пятитысячный отряд Жолымбет-батыра, рассеял воинов, освободил пленных и захватил много добра. Шесть месяцев его джигиты не получали никакой платы за службу, и батыр самолично распорядился разделить между ними и ханскую военную долю. Об этом не преминули донести Есим-хану, вдесятеро преувеличив при этом сведения о количестве захваченной добычи. Хан разгневался на батыра. Но самое главное случилось в день возвращения отряда. Именно в этот день оказалась пустой каменная яма, в которой сидел Туяк-батыр. Стража показала, что это воины Жолымбет-батыра ночью выкрали арестанта...

В тот же день — день возвращения из тяжелого похода — батыр Жолымбет был закован в цепи и брошен в ту же яму, где сидел перед этим Туяк-

батыр. Но всей степи прокатилась весть о том, что славному батыру готовится спессти голову...

На этот раз Жиенбет-жырау сам пришел в ханский дворец. Так было принято в степи, что признанный певец имел право прийти к хану в любое время. Тем более это было дозволено Жиенбету – вещему певцу покойного хана Тауекеля. Ждать уже не приходилось, потому что на главной площади Туркестана, напротив ханского дворца, все было готово для казни батыра Жолымбета. Понимая, что могут произойти волнения, хан Есим приказал своим телохранителям оцепить площадь...

– Добро пожаловать, великий певец! – сказал с нескрываемой насмешкой молодой хан, сразу понявший, зачем приехал жырау. – По всему видно, что ты очень спешил. Все ли во здравии на твоей родине?..

Ни слова не ответил гордый жырау хану, лишь взял домбру и запел:

Там, где власть порождает одну лишь жестокость,
В страхе прячется мудрость, мой хан...
Нет, не к добру приносишь ты своим чувствам
В жертву батыра...
Вспомни, что ты – хан,
А тигроподобный Жолымбет не одинок на свете,
Род Бай-улы с двенадцатью ветвями за его спиной,
И каждая ветвь затоскует по убитому тобой батыру!..
Если же плачешь ты по своей части добычи,
То мы возместим тебе втройне твою часть.
В остальном мы надеемся только на бога!..

Даже молодой и горячий Есим-хан понял, какая угроза таится в словах жырау.

– Ты хорошо поешь, мой жырау, но надо бы раньше поздороваться! – сказал он.

Жиенбет преклонил колена, как воин:

– Здоровья и благополучия тебе и нашему большому ханству, мой повелитель!

Глаза Есим-хана сверкнули:

– Ладно, мой жырау... Дарю тебе жизнь батыра Жолымбета!

– Славлю твою ханскую мудрость, мой повелитель! – сказал с облегчением жырау. – Сейчас ты показал всей степи, что недаром подняли тебя на белой кошме. "Есим" назвали тебя при рождении, что означает "мудрость". Значит, родители твои

не ошибись в выборе имени. Самая высокая ханская смелость и заключается в том, чтобы не бояться быть мудрым!

Да, именно таким был этот "Большой Есим", как называли его в народе, — достаточно умным, вспыльчивым, но отходчивым. Таким он и остался в песнях жырау.

— Зачем ты рассказал нам об этом, жырау? — спросил Аблай, когда вещий певец закончил свой рассказ о Есим-хане.

— Может быть, завтра поймешь ты это! — загадочно ответил Бухар-жырау.

— Но завтра праздник в честь моего сына.

— Тот, кому дана власть, и в праздники должен оставаться мудрым!

И вот наступило утро...

Аблай продумал каждый поворот предстоящего праздника, каждый свой жест и слово, которое он скажет на нем. В просторном черном плюшевом кафтане, наброшенном на плечи, в собольей шапке, он вышел из своей личной юрты и без прищуря посмотреть на чистое солнце. Погода благоприятствовала празднику. Окинув взглядом живописные окрестности, Аблай уже сделал шаг к почтительно застывшему юноше с медным кумганом в руке и расшитым полотенцем на плече, но вдруг насторожился и застыл, как коршун, увидевший добычу.

Два всадника на взмыленных конях вылетели из оврага за горой и полетели наискосок, словно кобчики, едва касаясь верхушки трав. Потом они круто повернули к белым юртам, и донеслось извечное степное: "Тревога!.. Враг идет!"

На подходе они разделились. Один из всадников, с простой белой повязкой на голове, поскакал к туленгутам, а другой, в белом верблюжьем чекмене и капюшоне, осадил коня у самых ног Аблая. Соскочив с коня, он откинул капюшон и встал на одно колено. Это был совсем молодой джигит.

— Пять тысяч аргынских всадников уже в переходе отсюда! — закричал дозорный-ертоул.

— Слышал ли ты их разговоры? — спросил Аблай, даже не шевельнув бровью.

— Да, мой султан... Они злы, как одичавшие собаки. Говорят: "Едем, чтобы отсечь голову Аблая за смерть Ботакхана!"

– Кто их ведет?

– Бекболат-бий – старший сын Каздаусты-Казыбека.

– А где сам великий бий?

– Они говорили между собой, что он болеет с самой весны. Чем болеет, я из камышей не расслышал. Они лишь сказали, что сделался он “весом с копыто тулпара”. Зато Бекболат полон гнева и торопит их!..

– Если ускорят они свое движение, то когда их можно ожидать здесь?

– К полудню! С ними еще этот!..

Ертоул потупился, не решаясь говорить.

– Кто?.. Говори, ертоул!

– Батыр Олжабай со своим приемышем Котешем-жырау!..

Султан Аблай невольно повернул голову. О, это уже серьезно, если правдолюбец Олжабай с ними!.. Батыр Олжабай из рода каржас прославился тем, что, дожив до сорока, так и не мог окончательно решить: кем ему стать – батыром или жырау. Собственно говоря, он уже добрых двадцать лет был одним из самых храбрых батыров Среднего жуза, и не было ни одной серьезной битвы с джунгарами, в которой бы он не участвовал. Но, кроме того, Олжабай знал наизусть все степные сказания от времен легендарного Коркута до наших дней. Полстепи мог проскакать он на своем пегом иноходце, если узнавал, что в каком-то ауле появился новый интересный сказитель-жырау. Речь его была пересыпана примерами из древних сказаний, а каждое слово – свое, казахское, или арабское, персидское, русское – он проверял на слух, многократно повторяя и находя древние, общие для всех народов звучания. Больше всех других подтверждал он принятое в степи мнение, что аргынов издревле тянет к науке и искусству.

Но так уж сложилась жизнь Олжабай-батыра, что лишь только брал он в руки домбру, чтобы сложить что-нибудь самому, как прилетал на взмыленном коне какой-нибудь джигит и уведомлял, что джунгары опять набежали на соседнее кочевье и родственники просят его помощи. Отказать в таких случаях батыр не мог. А каждое лето он с другими воинами вливался в постоянный отряд Аблая, с которым совершал длительные походы против джунгар. Когда молодой Аб-

лай попал в плен. Олжабай отбил его от насадивших на него трех джунгар и ускакал в степь.

Однако, несмотря на возраст, батыр Олжабай всем и каждому говорил, что скоро забросит свой меч-алдаспан и станет ездить по степи как простой жырау. А пока что он свою любовь к искусству выражал тем, что покровительствовал и помогал всем большим и малым жырау на две тысячи верст вокруг. При нем всегда проживал какой-нибудь способный подросток, который вскоре обязательно становился известным жырау. Вот и теперь с ним живет сирота-приемыш Котеш, который своим звучным пением и хорошей памятью затмевает уже многих видных сказителей.

Возможно, за свои чудачества или за великую любовь к правде и справедливости в любом казахском ауле этот высокий, стройный батыр с опущенным до плеч черным айдаром и всегда задумчивым лицом вызывал к себе невольное почтение. Верным помощником был он всегда султану Аблаю в битвах его с джунгарами, и слово его вдохновляло людей. И вот теперь Олжабай-батыр идет сюда с теми, кто хочет крови Аблая!

Это, наверно, и привело Аблая к необычному решению...

Аблаи кивнул, подошел к прислужнику и подставил руки под чистую сверкающую струю подогретой воды. Помывшись, он обтер полотенцем руки, шею, лицо, бросил использованное полотенце на дощатый помост и круто повернулся к своему слуге, ожидавшему приказаний:

— Бей в дабыл! Все, кто называет себя мужчиной, пусть через время, равное дойке кобылы, будут здесь!

В тот же миг два здоровенных полуголых джигита ухватились за деревянные колотушки на длинных ручках и принялись равномерно ударять ими то в громадный, до отказа надутый воздухом бычий желудок, висящий на шесте, то в два небольших барабана-даулпаза. Время было военное, и боевые кони у джигитов были всегда привязаны к главному поясу юрты или, стреноженные, паслись неподалеку. Надеть оружие и вскочить на них было делом нескольких минут. Послышался молодецкий посвист, за клубилась пыль со всех сторон, женские встревоженные голоса отзывались из-за юрт.

Это была не случайная тревога. Как и бывает чаще

всего среди кочевников, распря произошла тоже во время праздника. Люди племени каракесек справили богатую тризну по одному из своих вождей. Как повелось издавна, на тризну съехались многие знаменитые люди всех трех жузов. Среди них был, конечно, и Аблай со своими лихими туленгутами.

Все было как водится: конная байга, борьба палванов "казакша-курес", стрельба из лука по мешочку с золотом, а в самый разгар пиршества возле Аблая оказалась толпа остроязычных народных шутов – шаншаров, без которых не обходился ни один праздник в степи.

– А что сделал бы султан, если бы сбили с него шапку? – весело закричал один из них.

– Не успела бы она долететь до земли, как слетела бы и голова того, кто решился бы на это! – ответил другой.

– А я решусь!

И с этими словами шаншар взмахнул плетью и как бы невзначай сбил с Аблая шапку. Султан и ухом не повел.

– Правду говорят, что в большом пиру большое опьянение! – сказал он, так и не подняв шапки.

Зато, когда в следующем году царский генерал Киндерман устроил первую ярмарку в только что отстроенном городе при урочище Кзыл-жар, названном вскоре Петропавловском, и на нее прибыла большая группа людей из племени каракесек, султан Аблай, которому принадлежали здешние места, велел задержать двух единоплеменников оскорбивших его некогда шаншаров, а именно Жаная и Ботахана. Люди вспомнили, что эти двое смеялись особенно громко над униженным султаном.

– Но ведь это была обычная шутка... – пробовали урезонить султана приближенные и друзья. – Покажи широту характера и понимание смешного, наш султан!

– Горе султану, который понимает шутки! – ответил очень серьезно Аблай и велел бросить одного из задержанных, Ботахана, в вырытую специально для этого могилу.

Несколько дней пролежал в могиле, откуда нельзя было вылезти, Ботахан, а когда Аблай пришел и сказал, что тот может "вылезти из могилы", оскорбленный и униженный Ботахан ответил: "Человек, од-

накды показавший в морилу, никогда не выходит от туда". И с этими словами он вспорол себе ножом живот.

И вот теперь все мужчины племени бесмейрам сели на коней, чтобы отомстить за своего земляка. Ертоул Аблая не успел увидеть всего. По дороге к бесмейрамцам примкнуло еще несколько групп обиженных Аблаем в разное время простых людей из других племен, и приближающийся отряд насчитывал не менее пяти тысяч всадников. Все они горели жаждой мести.

Триста джигитов выстроились на майдане перед султанской юртой. Это и было войско Аблая. Правда, все джигиты были закаленными воинами, потому что не проходило для них года без войны. Но разве совладать небольшому отряду с целым войском? И тогда Аблай сказал:

– Мы уходим...

Сразу зашумели старики, женщины, дети:

– А что же будет с нами? Куда мы денемся от гнева Бекболата и его людей? Горе нам!..

– А вы угощайте гостей бесбармаком и кумысом, – Аблай указал на дымящиеся в стороне котлы. – Вон сколько наварено всего. Как-никак, а все мы – родичи. Нехорошо встречать родственников без угощения!..

О, это был ход, достойный Аблая! Нет, он и не думал позорно бежать. Все оставлено было на своем месте. Так же величественно, как и прежде, стояли белоснежные юрты. Постельные принадлежности и домашняя утварь были опрятно убраны, как перед гостями. В огромных котлах варилось жирное мясо. Весь скот находился при ауле, а не на пастбище. А в ауле ожидали врагов лишь дряхлые старики, женщины и дети...

Знал людей султан Аблай! Разъяренная толпа, которую представляло из себя подошедшее войско, при виде мирного аула сразу же умерила свой пыл. Как и везде, нашлись мудрые люди, которые объяснили происходящее как добровольное признание своей вины султаном Аблаем. Усталые, проголодавшиеся джигиты обрадовались гостеприимству и быстро подружились с варящими мясо жителями аула. У кого же поднимется рука на тех, кто встречает тебя вкусной едой и улыбкой!

А когда джигиты утолили первый голод, на окра-

ине аула слез с коня султан Аблай. С ним был только его соратник из племени батта-керей батыр Турсунбай. Один из врагов-гостей, двоюродный брат погибшего Ботакана знаменитый стрелок Капан-мерген, установил свой шити-мултук, то есть "мушкет с сошками", и начал прицеливаться. Но тут прогремел голос Бекболата:

– Дело об убийстве свободного казаха решается обществом!..

И Капан-мерген нехотя встал с колена.

А султан Аблай медленно шел через толпу, приветствуя, как положено, всех знакомых. Если учесть, что в степи люди на тысячу верст вокруг знают друг друга в лицо, то незнакомых ему людей здесь не было...

И вдруг из толпы выскочил парень с украшенной перьями филина домброй и громко запел:

О Ботакан, безвинная жертва, спроси у убийцы,
За что на тебя обрушил он свой несправедный гнев?
Мой султан, посорившийся со своими подданными,
Мы пришли, чтобы кровью твоей омыть наше горе!
И вот догорает построенный тобой дом, Аблай...
Но, прежде чем заплатишь за все, отвечай:
В чем провинилось перед тобой племя мейрам.
Что убил одного, а другой у тебя в неволе?..
На суд приведи ты оставленного тобой в живых Жаная,
Или дети твои останутся сиротами, а жены – вдовами!..

Это пел Котеш-акын из племени суюндик, и песня его сохранилась в веках. Семнадцать лет всего исполнилось ему, и большой честью для него было выступить от имени народа с обвинением старого султана Аблая.

Здесь же, на майдане, в окружении многотысячной толпы, начались речи биев, представляющих стороны. Аблай без препирательств признал свою вину и, как простой смертный, заплатил за смерть Ботакана как за смерть трех взрослых мужчин – три раза по девять голов различного скота: коров, коней и овец, трех белых верблюдов и боевого аргамака под седлом с расшитым серебром кафтаном для наследника убитого. Пospорившим между собой – убивать сразу или не убивать Аблая – батыру Бекболату и стрелку Капан-мергену султан подарил по аргамаку из своего личного табуна и по собольей шубе с собственного плеча. После этого старшины всех присуте-

твующих родов и племен сели за один дастархан, и началось празднество в честь обряда, совершаемого в этот день над семилетним сыном Аблая. От такого приглашения никто по закону не может отказаться...

Говорят, что Аблай впоследствии не раз утверждал, что народ, как и льва, следует держать в железной клетке. Пусть рычит, мечется, прыгает на прутья, у него все равно не хватит ума просунуть лапу и открыть клетку с внешней стороны, ибо ум и находчивость властителя и есть эти железные прутья.

И еще говорил султан Аблай, что когда народ ранен обидой, то, как на дороге раненого льва, нельзя становиться на его дороге. Нужно успокоить его, покормить и... загнать опять в клетку. Ибо страшнее всех внешних врагов взволнованный народ.

После необходимых в таких случаях байги, кокпара, стрельбы и айтыса, во время которых совсем позабылись причины прихода сюда такого количества людей, "черная кость" разошлась по своим аулам, делясь по дороге впечатлениями о большом султанском празднике, где они побывали. Послушать их, то получалось, что всех их пригласили на этот праздник радушные хозяева.

Зато все вожди и батыры аргынских племен остались на большой совет. Это и были подлинные гости султана Аблая. Помимо тех, кто уже находился на месте, Аблай пригласил многих других людей из всех близлежащих кочевий Кокчетая, Кара-Откеля, Атбасара и Кызыл-жара. День и ночь прибывали все новые всадники в аул Аблая. Когда родовитые и знатные люди увидели среди них многих неродовитых батыров и просто лихих джигитов из бродячих отрядов, то они поняли, что дело здесь не просто в празднике обрезания.

На второй день праздника султан Аблай позвал всех в свою знаменитую двенадцатикрылую юрту.

— Галден-Церен, мой высокородный тесть, собрал двадцать пять тысяч всадников по ту сторону Иртыша! — сказал он спокойно, тихим голосом, как будто говорил о том, что предстоит еще один пир.

Между тем у сидящих похолодели сердца. Разных возрастов и званий были здесь люди, но у всех было такое ощущение, словно змея поползла по голому телу. Живы еще были страшные воспоминания о "годах великого бедствия". Но если в то время здесь проше-

ходили только джунгарские набеги, а основные тумены контайчи пошли к югу, на Туркестан, то теперь ставка контайчи Галден-Церена уже несколько лет находилась как раз напротив основных кочевий Среднего жуза.

Да, уже много лет занимавший трон Срединной империи богдыхан Цзянь-Лун упорно продолжал политику своих предшественников. Кочевье за кочевьем отнимались у разнородных джунгарских племен, а малейшее сопротивление подавлялось в двадцать раз превосходящими джунгар силами регулярной китайской армии, которая хоть и была отсталой для того времени, но тем не менее превосходила в военной технике и стратегии кочевое войско контайчи.

Когда же контайчи предпринимал очередную кампанию против страны казахов, воинственные джунгарские нойоны немедленно получали необходимую поддержку из Китая боеприпасами и продовольствием, прежде всего рисом. Широко практиковался и прямой подкуп золотом наиболее влиятельных нойонов, от которых зависело, в какую сторону направить джунгарские тумены.

Совсем недавно побывал у Аблая Баян-батыр из рода уак-керей, чьи кочевья расположены на самой границе с Джунгарией. Он лишь подтвердил то, что уже знал сам Аблай от своих ертоулов, находящихся в землях контайчи. Галден-Церен ждет удобного момента, чтобы обрушиться на казахов, и надеется на то, что, увидев бесполезность сопротивления, Аблай поддержит его. А Аблай сейчас в Среднем жузе имеет большее влияние, чем сам хан Абилямбет... Переход Аблая к джунгарам особенно нужен Цзянь-Луну. Если нейтрализуется казахский Средний жуз, то обнажатся русские города. Это необходимо китайским политикам. Рано или поздно должны же встретиться орел и дракон лицом к лицу...

Что думал сам султан Аблай, никто не знал. Сейчас, воспользовавшись праздником по случаю исполнения обряда над сыном, он пригласил на совет всех своих друзей и сторонников, а с враждебно настроенными людьми пришли сюда и принимали участие в совете и его противники. Случилось то, что было необходимо: все наиболее влиятельные люди близких к джунгарам казахских кочевий собрались вместе, чтобы обсудить положение...

– Где же Бухар-жырау?

– Великий провидец давно уже здесь!

Султан Аблай, знающий обычаи и понимавший, что в такие моменты только великий жырау – певец и провидец – может убедить и объединить народ, привстал с подушек на ноги, а когда в проеме юрты показалась рослая, внушительная фигура вещего певца, пошел к нему навстречу и, поддерживая под руку, усадил на подушки рядом с собой.

Ему было шестьдесят лет, знаменитому Бухар-жырау, и происходил он из древнего рода кажас в Баянауле. Вся Казахская степь знала его острый язык и неуравновешенный нрав. Он никого не боялся, вмешивался во все дела и мог бросить обличительные слова в лицо самому хану. Знатные люди побаивались его за это, а в народе любили и повторяли его острые, соленые шутки. Не в пример многим другим вещим жырау, он держал себя равно со всеми, вне зависимости от происхождения, и это еще больше укрепляло его авторитет.

Бухар-жырау оглядел присутствующих быстрым оценивающим взглядом и сразу заметил, что тут собрались люди, которых уже больше полувека не видели вместе за одним дастарханом. Глаза его сразу повеселили:

– Здравствуйте, светочи мои!

– Во здравии ли вы, горный орел аргынов?.. Гладкой ли была ваша дорога сюда? – заговорили те, кто еще не видел Бухар-жырау.

– Не очень гладкой, потому что вместе с птицами облетал селения, которые строятся на нашей земле. Слушал по дороге, что говорят люди...

– Ну, и что они говорят?

– Те русские люди, которые строят дома и дороги, сами называют свои поселения Горькой линией. Видать, кругом нелегко жить простому человеку. Хлеб сеют они, чтобы не умереть с голоду, а живут так же плохо, как и наши туленгуты...

– Да тебе что за дело до них? – вскричал нетерпеливо Аблай.

– А как же ты думаешь, султан? Неужто безразлично мне, что делается на нашей земле? Ее у нас много, и коль начнет она родить хлеб, то всех людей на земле можно накормить. Говорил я и с нашими бедняками, не имеющими скота...

- Ну!.. - Аблай насторожился.

Все больше их приходит на заработки в новые города и селения. Хорошо, что могут они теперь хоть как-то прокормить своих детей...

- А что говорят обо всем этом в степных аулах?

- Люди говорят, что с тех пор, как начал ты войну с джунгарами, они все больше доверяют тебе. Одни считают, что правильно ты поступил, разрешив строить города и дороги на нашей земле, другие сомневаются. Но у бедных людей появился хлеб. Я видел уже пахущих землю казахов...

- Все это так, жырау, но не испортятся ли наши люди, общаясь с русскими мужиками? Непокорность в этом народе!..

- А разве твои аулы всегда покорны тебе?! Не в этом дело. И мне день и ночь не дает покоя мысль, правильно ли поступаешь ты, разрешив строить чужие крепости на нашей земле...

- Аргамак и шуба для вас давно уже поджидают хозяина... - сказал Аблай. - Они явятся достойной платой за отгадку моего сна. Накануне праздника я увидел его и не могу с тех пор успокоиться!..

- Расскажи свой сон, мой султан... Если мне, простолыдину, позволено будет разгадать сон торе, то уж постараюсь!

- Снилось мне, мой жырау, что лежу я на одре смерти. Знамя трех казахских жузов над моей головой пытаются утащить три группы людей. По бокам моего саркофага сидят лев и дракон, а у ног - все мои многочисленные наследники. Те, что от сына моего Вали, читают по мне молитву. Те, что от сына моего Касыма, - стоят с кинжалами в руках. А я - между львом и драконом - думаю о том, как мне встать из мертвых...

Некоторое время Бухар-жырау сидел молча, потом тряхнул головой.

- Ладно, мой султан... Но помните, что разгадка сна похожа на охоту за лисицей: то недоскок, то перескок!

- Говори, жырау!

- Кому снится собственная смерть во цвете лет, тому жить до глубокой старости. А то, что знамя над тобой, станешь ты ханом трех жузов. Но в день твоей смерти разойдутся эти жузы в трех направлениях...

- Ну, льва и дракона нетрудно угадать? - серьезным голосом спросил Аблай.

- Да, всю жизнь пребывать тебе между ними, мой султан...

- Ну, а про сыновей что означает мой сон?

- Одна ветвь прославит тебя ученостью, другая - кровавыми битвами!

Так это было или не так, но в народе осталось предание, что вещий жырау угадал всю будущую жизнь Аблая и судьбу его потомков. Да и нетрудно было угадать, потому что из одних крайностей состоял этот человек, торе-чингизид по происхождению, в котором острый ум сочетался с тупым упрямством, тяга к знаниям - с верой в шаманство, благородство - с коварством, проявления доброй воли - с крайней волчьей жестокостью. Это был подлинный сын своего страшного века, когда полна неопределенностей была судьба страны казахов. Высокое и низкое шли в этот век рука об руку...

- Твое имя останется на земле, Аблай!.. - вскричал проницательный жырау, наблюдая, как сверкнули холодные глаза самолюбивого султана.

Все помнили знаменитый ответ Аблая на вопрос его будущего тестя Галден-Церена.

- Что самое худшее на земле? - спросил контайчи у своего высокогородного пленника.

- Самое худшее на земле - быть распределителем скудной пищи и быть властителем малого края! - ответил молодой султан.

Казахи говорят, что "у мужчины от сорока до шестидесяти лет ум прибавляется, а с шестидесяти лет убавляется". Аблаю был сорок один год. Он мечтал по меньшей мере владеть половиной мира. На то он и был султан-чингизид со всеми присущими этому роду претензиями. Но так уж случилось, что именно ему пришлось хоронить древние иллюзии кочевых владык и вместе со всей Казахской степью поворачивать к будущему. Реки крови пролились при этом повороте, и в крови предстает перед потомками фигура хана Аблая...

Многое понимал уже к этому времени Аблай. Он всегда исходил из ясно видимых кочевому вождю реальностей. А вот Бухар-жырау, отвечающий лишь перед небом за свои песни, не хотел тогда еще признавать меняющийся с каждым часом мир. Он пел лишь о желании видеть во все стороны степь свободной для скачущего всадника. Всю землю хотел бы он

увидеть такой: пустой и свободной, полной воздуха, солнца и зеленой травы. На то он и был поэт...

Он схватил свою вечную и неизменную спутницу – сосновую домбру и, неистово ударяя по струнам и деке, пел высоким и пронзительным голосом о том, что каменные стены перегораживают вольную степь и плачет сердце в груди кочевника. Он требовал от всех вождей, и прежде всего от Аблая, одуматься. И сидящие вожди и батыры в такт его речитативу все быстрее качали головами. Но ум Аблая был холоден, и, словно заноза, оставалось в памяти привезенное накануне Баян-батыром известие. Султан Аблай, долго живший при шатре Галден-Церена и знающий о шуршутских происках, лучше всех понимал, какая опасность нависла над казахскими кочевьями. Хотят этого или нет те или иные люди, но, только имея за спиной эти русские укрепления, можно противостоять все испепеляющему на своем пути шуршутскому дракону. Ну, а там... там будет видно!

Жырау прокричал последний куплет и бросил с размаха домбру к двери. Знающий этот прием молодой поводырь и телохранитель подхватил на лету инструмент, не дав ему удариться о землю. В воздухе повис долгий жалобный звук струны.

– На тебя уповаем, Аблай! – Бухар-жырау мрачно посмотрел на Аблая. – Убежище от шуршутов ищешь под шубой у гяуров. Ох, неспроста строятся эти укрепления в нашей степи, мой султан!

Аблай слушал молча, с твердо сжатыми губами, и только зоркие глаза его внимательно наблюдали за выражением лиц присутствующих. Да, степь была встревожена. Царское правительство развернуло к этому времени широкую колонизацию края. Еще в 1713 году сибирский генерал-губернатор писал царю Петру о необходимости строительства российского укрепления на Иртыше. В 1718 году было построено Старосемипалатинское укрепление, а в 1720 году – Усть-Каменогорская крепость. Вслед за этим, между двадцатыми и тридцатыми годами, были построены Акмолинское, Баянаульское и Каркаралинское укрепления. С 1737 года началось строительство военной дороги от Кокчетая на Акмолинск. Десять тысяч так называемых государственных крестьян было пригнано с семьями на строительство этой дороги из глубинных российских губерний, и за десять лет дорога

была построена. Вдоль нее и осели поселенцы. А когда при строительстве крепостей и поселений происходило отчуждение земель и пастбищ, то всегда оказывалось так, что это не касалось интересов султана, биев и знатных аксакалов. Пастбища в первую очередь отнимались у наименее имущих людей. Им, как всегда, доставалось вдвойне: от собственных родовых владык и от царских правителей. Именно эти бедняки вынуждены были первыми оседать на землю рядом с русскими крестьянами. Немудрено, что не прошло и полувека, как они с этими крестьянами влились в пугачевские отряды, а карательные отряды против них посыпались с двух сторон: из царских крепостей и из ставки того же султана Аблая.

А пока что знатные люди обоих жузов – Младшего и Среднего – кивали в сторону российских укреплений, объясняя только их присутствием наступивший в степи голод и прочие неурядицы. Народ искренне верил в это, и песни Бухара-жырау отражали настроения народа. Не знали только в народе, что лучшие тумены джунгарского контайчи ждут лишь сигнала, чтобы снова обрушить пожары и смерть на страну казахов...

Вот и сейчас, словно позабыв о сообщении Баянбатыра, люди поддались гневной песне жырау, который еще ничего не слышал о новой джунгарской угрозе. Все они смотрят на Аблая и ждут ответа. Ведь это он, который по рождению должен быть их заступником, в 1740 году на Коране и хлебе поклялся вместе с Абилямбетом в верности бабе-царице. Это же он, Аблай, сразу после освобождения из джунгарского плена послал своего единоутробного брата Жолбарса к губернатору Неплюеву с письмом о "верности русскому трону и готовности вести торговлю с Россией". Мало того, в 1745 году он написал письмо тобольскому генерал-губернатору А. М. Сухареву с просьбой принять дополнительно в российское подданство и род уйсунь из Старшего жуза. Кто, как не он, постоянно посещает все ярмарки, устраиваемые в новых русских городах. И разве не Аблай в полном парадном облачении прибыл на похороны хана Абулхаира – первого слуги гяуров, а генералу Неплюеву отправил послание, в котором обзывал Бараксултана "злодеем". Не он ли поддерживает и сыновей

проклятого Абулхана — ханов Нуралы и Ералы, которые верой и правдой служат гяурам...

Но разве он, султан Аблай, взявший на себя управление всеми этими людьми, может сейчас раскрыть перед миром свои думы? Разве не становятся его слова немедленно известны как в Оренбурге и Тобольске, так и в ставке контайчи, а затем и во дворце шуршутского богдыхана? Но нужно отвечать, и Аблай медленно поворачивает голову к жырау:

— Ты обвиняешь меня, жырау, в клятве гяурам... Но разве не давал я клятвы и контайчи? А сегодня, видишь, думаю о том, как получше встретить его тумены...

— В таком случае, почему ты не думаешь о том же, когда смотришь в другую сторону? — спросил жырау.

Аблай медленно покачал головой:

— О, страна орысов это не Джунгария!

— Но и страна шуршутов велика и сильна.

— Да, поэтому мы и разрешаем строить крепости в степи... Без России нам пока не одолеть шуршутского дракона. Знаю я от самого контайчи, что уготовили нам шуршуты. И джунгары не спасутся от них!..

— Но шуршутский богдыхан не строит на нашей земле своих укреплений! — угрюмо сказал жырау.

— Если бы он строил их, то ни одного живого казаха уже не осталось бы на этой земле! — сурово сказал Аблай.

Наступило тяжелое молчание. Из века в век слышали эти люди рассказы о беспощадности китайских богдыханов. Там, где проходили их солдаты, не оставалось ничего. Целые народы прекращали свое существование, поглощенные драконом.

— Что же тогда делать? — спросил старший жырау.

Он, прищурившись, посмотрел на Аблая. Ему показалось, что он разгадал этого человека. Да, он хочет разделаться раньше с Галден-Цереном, так сильно виноватым перед страной казахов и замышляющим новые козни. Ну а потом он примется за царские крепости. Теперь же султан просто не может прямо говорить о том, что задумал. У второго волка ведь есть уши...

Между тем султан резким движением раскатал перед собой кожаный рулон-карту:

— Вот здесь стоят тумены контайчи, моего хитроумного тестя. Но рано или поздно, а он подведет их

сюда, к Иртышу. Коль подойдут силы из всех трех жузов, джунгары не найдут щели, чтобы вынырнуть из этого капкана, в который сами заскочат. Они ведь не думают, что мы опередим их и ударим первыми. Первыми, еще со времен хана Даяна, к нам на спину прыгали они!

— Я не верю, что все батыры из Младшего жуза прискачат сюда, чтобы воевать с джунгарами на Иртыше, — сказал Сырымбет-батыр из племени бесентинин.

— Но ведь батыры Среднего жуза воюют с калмыками на Жайке! — возразил коренастый батыр из рода аракты.

— Кто от вас там воевал?

— Ну, хотя бы батыр Джаныбек, нынешний тархан!

— Он просто защищал интересы своего тестя! — Огромный, широкоплечий, с открытой волосатой грудью, Сырымбет-батыр стал красным от негодования. — Твой Джаныбек только носит звание уроженца нашего славного Среднего жуза, а владения его на Иргизе, рядом с Младшим жузом. Вот он и побеспокоился!..

Аблай глубоко задумался, опустив начавшую сесть голову. Это было привычно ему. Только заговоришь о деле, как сейчас же: "Твой жуз — мой жуз!.. Твой Иртыш — мой Жанк!" И в середине каждого жуза грызня, как у собак из-за кости. Разве и здесь не собрались они вместе только благодаря случаю? Даже аульные псы прекращают грызню и объединяются при виде волка. А тут враг похлеще волка. Галден-Церен с шуршутским драконом на хвосте!

Шум и взаимные обвинения вдруг затихли. Это вернулись ертоулы, еще неделю назад посланные на тот берег Иртыша. Они сказали, что в прибрежных джунгарских кочевьях еще не появлялось воинственных контайчи. Люди же говорят разное...

Да, контайчи, как всегда, не дает застать себя врасплох. Вот и сейчас он не подвел свои тумены к какому-то определенному месту, откуда удар может быть нанесен только в одном направлении. Джунгарское войско продолжает находиться в глубине. Пользуясь необычайной выносливостью своих злых косматых коней, они могут неожиданно стронуться с места и в три-четыре дня оказаться на любом направлении — Туркестанском, Аральском или ударить здесь,

через Иртыш, по аулам Среднего жуза. Имея объединенное войско трех жузов, можно было бы распределить его на трех направлениях и спокойно ожидать джунгар. Но разве сейчас времена легендарного Касым-хана, который мог в неделю выставить двухсоттысячное войско? Нет, заржавел и притупился заговоренный меч казахов. Слишком долго рубили им по чему понало, а то и просто кололи дрова!..

На совете у Аблая было решено избрать местом сбора казахского ополчения район озера Теликоль, которое находится примерно на равном расстоянии от всех трех жузов. И хоть среди окружения Аблая понимали, что после гибели хана Абулхайра от руки Барак-султана войско Младшего жуза не придет сюда, но разве мало в Младшем жузе воинственных батыров, которые сразу же вольются в ополчение вместе со своими отрядами. Даже если присоединятся тархан Джаныбек и другие сардары Среднего жуза, входящие сейчас в состав Младшего жуза, то и это будет неплохо. Что же касается Старшего жуза, то там ждут не дождутся, как бы избавиться от ига джунгарского контайчи.

О решении совета Аблай сразу же поставил в известность хана Абилямбета, продолжающего, несмотря на болезнь, считаться главой Среднего жуза и находящегося сейчас в глубине степи, на берегах реки Сарысу. Сам же Аблай вместе со своими аулами двинулся к возвышенности Кокчетау, на берега озера Бурабай. Огромный караван растянулся на день пути. По бокам двигались бесчисленные султанские табуны знаменитых темно-серых, пегих и вороных лошадей, подобранных строго по масти. Богатство султана Аблая было известно не только в степи, но и далеко за ее пределами.

Время было смутное, тревожное. Но никто не поверил бы в это, глядя на медленно бредущие по степи многочисленные отары овец с ягнятами, на мирно пасущихся во время перехода коров, на скачущих между караванами и горланящих детей. И только плотно сбившиеся в отряды, сверкающие железными латами и шлемами джигиты по краям каравана напоминали о войне. На три-четыре перехода вперед и назад, а также в обе стороны от пути каравана были высланы опытные ертоулы.

Так и дошли до удобно расположенной между

холмами зеленой долины, известной как "Поле Аблая". Здесь были разбиты юрты — белые и черные, оставлено охранение, а сам Аблай со своим главным отрядом поскакал к Теликолю, на место общего сбора.

Это была длинная и извилистая, почти в две тысячи верст дорога. Но Аблай не случайно избрал такой окольный путь. Дело в том, что на этом пути жили многочисленные племена и роды Среднего жуза, от которых в основном зависел успех ополчения и восстановления единого Казахского ханства, к чему с самого начала стремился Аблай. Кокчетау, Сандыктау, Атбасар, берега Ишима и Терсаккана, святые горы Улытау, берега Кара-Кенгира и Жезды, потом извилистая Сарысу, и от нее прямая дорога на Теликоль. Аулы родов аргын, кичак, найман, таракты, уак, керей и многие другие составляют теперь, после десятилетнего джунгарского нашествия, большую часть населения всей страны казахов...

"Аблай идет на контайчи!" Этот клич опередил на много переходов его отряд, и с каждой верстой войско росло как снежный ком. Эти места не подчинялись контайчи, но что ни год подвергались жестоким набегам джунгарских нойонов. Теперь пришла пора рассчитаться за это, и, когда Аблай подходил к Теликолю, безбрежное людское море катилось вместе с ним. Не считая вспомогательных отрядов, у Аблая сейчас имелось свыше тридцати тысяч всадников — самая большая казахская армия, собранная после джунгарского нашествия.

Самое значительное количество батыров оказалось в ставке при Теликоле. Особое значение имел приезд Джаныбек-тархана, означающий, что перед лицом общего врага подлинные воители забывают любые обиды. С ним примкнули к Аблаю достигшие "возраста пророков", то есть шестидесяти лет, самые знаменитые батыры из простонародья — канжигалиец Богембай и каракерей Кабанбай с женой Гаухар, сопровождающей его во всех походах с тех пор, как она поклялась ему в верности в осажденном Туркестане. Кроме них здесь находились известные аргынские батыры Тайджигит, Басбулат, Джанатай, Олжабай, Малайсары, Оразымбет. Вскоре прискакал и престарелый Тайман-батыр.

И все же Аблай тревожился. До сих пор не поя-

вился здесь оставленный на самой границе Байн-батыр, который с другим батыром, Папеком, побывавшим вместе с Аблаем в джунгарском плену, являлся главным советником и опорой султана, поставившего себе целью новое объединение страны казахов.

Аблай тревожился не зря. Батыр Байн, потомок легендарного батыра из простонародья Саяна, осевшего в конце жизни в аулах рода уак, во всем походил на своего великого предка – сподвижника хана-объединителя Джаныбека. Как только нависали вражеские тучи над степью, Байн-батыр первым седлал боевого коня. Впрочем, и время было такое, что его и не приходилось держать расседланным. И вот сейчас этого батыра все не было и не было...

Батыру Байну было теперь около сорока лет – самый боевой и зрелый возраст для воина. Громадный, светловолосый и светлоглазый, с густыми жесткими усами на открытом лице, он мог одним ударом палицы буквально вогнать в землю обычного человека. При этом он имел широкую и добрую душу, не свойственную батырам в то жестокое время. И солнцем этой души был его младший брат Ноян – единственный, кто остался в живых из его многочисленной родни после джунгарского нашествия.

Пятнадцатилетний Ноян еще не участвовал в боях с джунгарами, но уже не раз поплевывал на руки, примеряясь к батырской палице.словно из пламени был создан этот подросток. Пылкий и гордый, ночами грезил он о битвах, пугая этим старшего брата. "Настанет и твой черед, – говорил Байн-батыр. – Учись владеть оружием и собой. Но помни, что только с горя берется человек за дубину. Для другого бог создал людей!"

Прошлым летом полутысячный отряд Байн-батыра в отместку за набег совершил ответное нападение на джунгарские аулы за рекой Или. В жестокой схватке с джунгарами, обороняющими свои семьи и добро, погибло больше половины казахских джигитов, а оставшиеся в живых укрылись в густых прибрежных плавнях. И вдруг они увидели, что джунгарские аулы по всему побережью снимаются с мест и беспорядочно уходят на восток, в свою пустыню. Потом они узнали, что один из раненых и взятых в плен джигитов из их отряда сказал джунгарам, что на

их аулы начали только ортоулы, а вот-вот подойдет основное казахское войско.

Воспрянувшие духом при виде непонятого еще для них бегства джунгар джигиты Баян-батыра неожиданно навалились на последний джунгарский аул. Вмиг были перерезаны застигнутые врасплох багадуры и их джигиты. Уцелевшие бросились на конях и верблюдах в разбухшую от половодья реку, но мало кто достиг другого берега. В джунгарском ауле, который был не слишком богатым, захватили лишь немного скота и женщин.

Баян-батыр хмуро осматривал трофеи и думал о несправедливости войны. Не эти несчастные люди, чьи жалкие пожитки валялись на земле, затеяли нашествие на страну казахов. Но расплачиваются полной мерой они, а контайчи и его кровавые нойоны спят себе сейчас на шелковых подушках вдали от карающих мечей!

И вдруг батыр Баян остановился, и глаза его расширились от изумления.

– Это, наверно, гурия, а не человек! – сказал он почему-то шепотом своему другу Жапек-батыру.

Да, она была похожа на соболя среди зайцев, эта девушка, среди других джунгарских пленниц.

– Кто она? – спросил Баян-батыр.

– Она дочь того самого Хорен-багадура, который вчера отправил к предкам нашего Джанатай-батыра и которого ты сегодня ударом своей палицы послал в догонку за его жертвой! – ответили ему джигиты.

Держа в поводу своего коня по имени Тулпар-кок, батыр Баян подошел к девушке.

– Как твое имя, серна?

– Меня так и зовут – Куралай! – ответила она, удивившись, откуда красивый казахский батыр знает ее имя.

– Значит, я угадал твое имя! – задумчиво сказал батыр. – Выходит, что это судьба...

Глаза у Куралай, что и означало "Серна", были большие, бездонные. По таким приметам и даются старыми бабками имена среди кочевников. А лицо у девушки было матовое, чистое, и едва заметная бледность только подчеркивала чудную его красоту. Черные, как смоль, волосы почти достигали земли.

Какая-то искорка вспыхнула в девичьих глазах в ответ на прямой взгляд батыра. Что это: встречное

чувство или ненависть? Но он уже не владел собой. Вытянув правую руку с плетью, батыр Баян крикнул на всю степь:

– Эта девушка – моя добыча!

От удивления все замолкли, потому что никогда перед этим не участвовал Баян-батыр в дележе пленниц и всегда уезжал, когда он начинался.

– Пусть будет так! – сказал Жапек-батыр, пожимая плечами, и крикнул своим джигитам: – Эй, вы, как зеницу ока берегите эту серну, чтобы ненароком не склевал ее какой-нибудь коршун. Она добыча самого Баяна... Слышите!..

– Слышим! – ответили, как всегда, взволнованные дележом женщин джигиты.

И Куралай все слышала. Накануне она своими глазами видела, как этот батыр с чистыми глазами вонзил ее отцу Хорен-багадуру огромное копье в бок, и слышала его победный, ликующий рев. Теперь он тем же ликующим голосом воскликнул: “Эта девушка – моя добыча!” – и она встрепенулась, как птенец в силке. Неужели совершит она этот смертный грех – достанется в утешение убийце собственного отца! По-джунгарски сложив руки на животе, девушка прошептала: “Клянусь не быть твоей добычей, светлоглазый убийца!.. Клянусь отомстить тебе, молоком матери клянусь!” И люди стали свидетелями исполнения девичьей клятвы...

Как в огне горел батыр Баян, всю дорогу оглядываясь в сторону каравана, где находилась Куралай-слу. Он даже позабыл о трехстах джигитах, погибших во время этого набега. Но товарищи его были угрюмы.

А Куралай оставалась спокойной. Больше того, она отвечала на шутки охранявших ее джигитов. От них и узнала она о том, что никого нет у батыра Баяна, кроме младшего брата Нояна, в котором тот души не чает. Страшная мысль заползла ей в голову и не давала покоя. Ночами, на привалах, ей снился хрипящий в предсмертной агонии отец...

Еще издали послышались вопли и плач родственников погибших джигитов. Их, по обычаю, предупреждали о гибели мужей и сыновей поскакавшие вперед вестники несчастья. Другие люди поздравляли батыра Баяна с удачным походом и трофеями. Распустив постепенно свой отряд, Баян-батыр с

двадцатью всадниками направился наконец в свой аул, находившийся тогда на берегу реки Убаган.

– О коке, как хорошо, что ты вернулся живым и невредимым!

– О единственный мой, здоров ли ты?!

Этими словами обменялись, как всегда, при встрече братья: Баян и подросток Ноян. Пленница Куралай внимательно смотрела на них из-под своего покрывала.

И вскочивший на коня Ноян встретился вдруг с этим ярким, обжигающим взглядом больших раско- сых девичьих глаз. Он почувствовал какую-то сла- бость и чуть не свалился с коня.

– Что это с тобой? – удивился Баян-батыр.

– Это... это кто там, на верблюде? – спросил Ноян, указывая пальцем на Куралай.

И взрослый батыр непонятно почему смутился и не мог сказать, что это его будущая, третья по счету, жена.

– Да так, невольница...

А Куралай тоже почувствовала, что не в силах оторвать глаз от статного, красивого, не по летам развитого юноши, похожего на убийцу ее отца и вместе с тем такого милого. Сердце ее заколотилось. Глаза их встретились, и тут же оба – юноша и девуш- ка – покраснели. Сами еще не понимая этого, они в душе знали, что созданы друг для друга.

Ноян вдруг вскинул голову:

– Коке, сделай мне подарок!

Словно острый нож вошел в грудь Баян-батыра. Он знал уже, о чем попросит его единственный брат, и не ошибся. У него не хватило решимости дать пря- мой ответ.

– О мой дорогой брат, зеница моего ока, тебе еще рановато получать такие подарки, – сказал Баян-ба- тыр. – Вот вырастешь, тогда я тебе райскую гурию подарю!..

– Не хочу гурии! – твердо сказал Ноян, не отрывая взгляда от джунгарки. – Дай мне эту пленницу!..

И тут послышался ласковый, нежный голос самой девушки:

– О кокежан!.. Разрешите мне называть вас так, потому что я лишилась отца... Уступите моему брату меня. Я вас тоже прошу об этом!

Она говорила неправильно, с сильным джунгарс-

ким акцентом, и еще милее был поэтому ее голос. Ноян невольно подбегал к ней поближе, потянулся рукой к покрывалу.

Баян-батыр стиснул зубы.

– Ладно, потом разберемся! – пробормотал он и огрел плетью коня.

Тулпар-кок заржал и рванулся с места в галоп, увлекая за собой других коней, в том числе и коня юноши.

Но Ноян уже не мог жить без Куралай. День и ночь проводил он возле юрты для пленниц. Теплыми осенними вечерами выходила она к нему, но не разрешала прикасаться к себе. Она любила и страдала, но перед глазами у нее все время стояла страшная картина гибели отца. Потом она видела мать, которая билась на прибрежном песке, протягивала к ней руки и кричала: "Дочь моя, не дай коснуться себя ни одному мужчине, пока не встретишь меня и я, по обычаю, не поцелую тебя в лоб!" И еще Куралай в особенно темные ночи повторяла шепотом данную ею страшную клятву...

А батыр Баян горел на медленном огне. Он видел вспыхнувшую любовь своего брата к пленнице, но и с собой ничего не мог поделать. Отречься от любви к Куралай было равноценно тому, чтобы перековать булатный клинок и затем вторично закалить его на огне. Такая уж была у батыра натура. Одно только могло помочь ему: смерть и рождение уже новым человеком.

И все же безмерно широким было сердце батыра Баяна, и он разрешил своему брату Нояну жениться на Куралай...

Просты, чисты и бесхитростны отношения юноши и девушки у кочевников-казахов. Летними теплыми и осенними сухими вечерами ставятся на краю аула алтыбаканы, то есть сооруженные из крепких жердей качели. Там и встречаются обычно влюбленные. А Куралай, как и многие другие пленницы, еще не отданные замуж, пользовалась по древней степной традиции всеми правами аульных девушек. Здесь, у качелей, и сказал трепещущий от радости Ноян своей возлюбленной об ожидающем их счастье. Но не радость, а слезы увидел он в ее глазах.

Да, она в эту минуту ясно вспомнила свою клятву о том, что заставит Баян-батыра не заплакать, а за-

выть от скорби, как были в ту страшную ночь терпящие детей матери-джунгарки. А Ноян уже обнимал ее и вел в темень, туда, где шелестели кусты и слышался счастливый смех влюбленных...

Там, на густой луговой траве, когда все вокруг кажется сном, обезумевший от любви юноша Ноян дал ей клятву... Страшную клятву!

– Что же я должен сделать? – спросил у нее Ноян.

– Мать обязана перед этим поцеловать меня в лоб, иначе не будет мне счастья! – твердо сказала Куралай. – Если она жива, то получим ее разрешение. Если мертва от горя и скорби, положим на ее могилу красные цветы...

И Ноян, восхищенный стойкостью и силой ее чувств, дал согласие исполнить ее просьбу. Он и не подумал о том, что покинуть родину и бежать с пленницей в стан лютого врага является таким проступком, который никогда не прощается. словно молодой орел, он смотрел на мир с высоты, не ведая хлябей и болот...

– С появлением в небе Северной звезды жди меня здесь! – сказал юноша своей возлюбленной.

И он выполнил свое обещание. Как только яркая Полярная звезда показалась над окоемом ночной степи, Ноян подъехал к ожидающей его Куралай на лучшем темно-рыжем аргамаке, ведя такого же в поводу.

– Дай нам, аллах, удачную дорогу! – прошептал он и тронул коней. Высокая трава заглушала их удаляющийся топот...

О том, что Ноян, брат самого батыра Баяна, увел ночью двух аргамаков, узнали лишь после полудня, когда табунщики пригнали коней на водоной. Исчезли из сарая и две пары серебряных уздечек, специально заказанных батыром для этих коней. А охотник с беркутом на плече рассказал, что видел далеко в степи двух всадников на темно-рыжих конях, скачущих во весь опор в сторону заилийских джунгарских кочевий. Теперь уже никто не сомневался в содеянном, и аксакалы решились сообщить обо всем самому батыру.

– Ер-кочке, Ер-Косай, батыр Баян, вы вознесли до небес воинственный дух и славу нашего рода уак! – обратились они к нему, войдя в юрту. – Эту славу твой брат, мальчик Ноян, сбросил с небес на землю. Твое это дело, славный батыр, ты его сам и решаешь!..

Понимая, что любовь к прекрасной джунгарке лишила его брата разума, батыр не стал ни о чем спрашивать. Но душу его охватила ярость и терзали горечь потери единственного брата, которого он любил больше жизни, ревность, стыд и позор перед людьми, неистовый гнев и досада. Он уже ощущал на себе соблезнующие взгляды друзей, чувал радость многочисленных врагов. Не надев даже воинских доспехов, батыр Баян снял со стены юрты березовый лук и вложил в колчан две стрелы с закаленными на огне наконечниками. Потом он застегнул свой широкий пояс, вышел из юрты и молча сел на Тулпар-кока. Весь аул провожал его взглядами, пока не скрылся он за волнистым горизонтом...

Да, никто не задержал его, никто не крикнул ему: "Остановись, батыр!" Долго ровным стремительным галопом мчался поджарый и сильный Тулпар-кок. Мчался он одни сутки, вторые... Когда на второй день солнце начало склоняться к западу, увидел Баян-батыр впереди две черные точки. Он знал, кто это, и несколько не увеличил бег своего коня. Как бы ни были быстроноги оба темно-рыжих скакуна, на которых уходили Ноян и Куралай, их еще не тренировали для долгого бега, а кроме того, они давно не были под седлом и нагуляли лишний жир на сочных пастбищах.

Беглецы тоже узнали догоняющего их всадника и поняли, что гнев его безмерен.

– Быстрее... Быстрее! – шептала Куралай, и они все подстегивали и подстегивали коней.

Солнце еще висело над горизонтом, когда впереди показалось урочище Жолды-Озек. Это было несчастливое, обойденное богом место, представляющее собой лишь голый бесплодный солончак, окаймленный жесткими кустами таволги, курая и баялыша. Вот почему жырау Асан-Кайгы – Асан-Горемыка – назвал его не Жолды-Озек, а Канды-Озек, что означает "Кровавая лощина". Полный суеверного страха, род атыгай, которому принадлежало это урочище, никогда не выезжал сюда на джайляу.

Заметив впереди Кровавую лощину, Ноян понял, что обречен на смерть. Резко дернул он поводья своего коня и повернул его к брату.

– Нет, не задерживайся! – крикнул он начавшей придерживать своего коня джунгарке. – Спасайся, а я встречу свою судьбу, как подобает батыру!..

Потом он соскочил с коня, безоружный, пошел навстречу своему брату.

– Прости меня, коке! – Он протянул вперед обе руки, и улыбка появилась на его губах.

Гулко, протяжно запела стрела, выпущенная из бухарского лука. Ломая ребра, вонзился каленый наконечник в горячее сердце Нояна.

– О кокежан, что вы сделали!..

С криком смертельно раненной птицы подлетела и бросилась к падающему на землю юноше Куралай. Выпрямившись на стременах, посмотрел на нее батыр кровавыми глазами и выпустил вторую стрелу. С насквозь пробитым сердцем упала девушка рядом с любимым.

И тогда, сделав полный круг на коне возле мертвых, пал на землю сам Баян-батыр. С глухим рыданием повалился он на тело своего единственного брата, и содрогался весь, и выл, как волчица, потерявшая детенышей. “О, горе мне, горе!” – ревел он, ударяя себя кулаками по голове. И вдруг застыл, потрясенный. Яркими, живыми глазами смотрела на его муки джунгарка Куралай. В грозной улыбке приоткрылся пунцовый рот, и радость удовлетворенной мести светилась на ее остывающем лице. Впервые за всю свою жизнь в ужасе закрыл свои глаза батыр. Может быть, все это показалось ему, сломленному великой скорбью. Потому что, услышав тихий стон, батыр открыл глаза, и она улыбнулась ему печально, без всякого гнева...

– О коке, похороните нас вместе с Нояном, не кладите земли между нами!..

Сказав это, она закрыла свои прекрасные раскосые глаза, словно бы спешила опередить заходящее солнце.

Всю ночь недвижно просидел батыр Баян над двумя трупами, а как только показалось солнце, принялся рыть кинжалом горько-соленую землю Кровавой лощины. Просторной и глубокой была могила влюбленных. Он положил их вместе и ни одной горсточкой земли не проронил между ними...

После смерти влюбленных Баян-батыр три дня был в Кровавой лощине. Почерневший, заросший, угрюмый, вернулся он в аул и сразу же приказал седлать боевых коней. Этим и объяснялась его задержка.

У Теликоля все обрадовались его приезду, но были

удивлены его потемневшим лицом. Говорили, что он болен, но никто ничего толком так и не узнал. Баян-батыр приказал своим джигитам не упоминать о случившемся, и, глубоко уважая своего предводителя, они сдержали слово.

Лишь наедине Баян-батыр покаялся в содеянном Аблаю.

– Я не знаю, почему я так поступил... – сказал он и опустил голову. – Может быть, это была и месть отвергнутого мужчины. Так или иначе: вот моя голова, рубите ее!

– Мы бы сделали это, если бы ты поступил иначе. Твои переживания пусть остаются при тебе, но переход казахского юноши на сторону врага всегда карался у нас смертью. И приговор в таких случаях выносили и приводили в исполнение самые близкие родственники. Если они отказывались это сделать, то сами карались смертью. Это древнее правило и не теперь нам отказываться от него!..

Голос Аблая звучал глухо и гневно. Он смотрел куда-то вдаль, поверх головы батыра, и тому стало почему-то спокойней.

– Да, мой султан, вы говорите правду... – сказал он. – Но у меня в груди остается незаживающая рана. Вылечить ее можно только кровью: чужой или... или своей!

– Что же, тебе уже завтра представится эта возможность! – спокойно ответил Аблай.

В тот же день, посоветовавшись с прибывшим сюда ханом Абилямбетом и не дожидаясь подхода войск Младшего жуза под начальством хана Нуралы, Аблай, получивший от ертоулов необходимые сведения о нынешнем расположении туменов Галден-Церена, двинул свою конницу на Туркестан и захваченные джунгарами присырдарьинские кочевья. Это произошло в начале второго месяца желтоксан, и войско Аблая насчитывало свыше сорока тысяч всадников. Это был первый большой наступательный поход казахского войска со "времени великого бедствия".

Казахское войско было, как диктовалось военно-кочевой тактикой того времени, разбито на три традиционные части, которые двигались в трех направлениях. Первой частью войска руководил опытнейший батыр и военачальник канжигалиец Богембай, о котором так пел знаменитый жырау Умбетай:

Ой, мои милые горы и долины:
Баянаул, Кызытау и Абралы,
Козы-Мапрак, Кой-Мапрак и Чингизтау,
Сколько сновало меж вами джунгарских разбойников!..
А ты, Богембай, как достойный учитель, указал им
на прежнее место
По ту сторону Черного Иртыша, где издавна они обитали.
Ты прогнал их обратно за реку, за Алтайские горы,
Лагерь для храбрых и верных разбил ты на Ак-Шауле.
Услышав твой клич, как птицы, слетелись туда джигиты,
И с ними вы били и били джунгарских нойонов...
О, Кабанбай и Богембай, великие батыры!..
Аргыны и найманы поют вам славу
За то, что вернули им древние земли и пастбища!..

Сейчас Богембай-батыр во главе десяти тысяч всадников стремительно двигался к Созаку, откуда контайчи Галден-Церен намеревался выступить на Улытау, древний политический центр Казахской степи. С этим войском, как и положено было издревле, ехал специальный летописец – жырау Умбетай.

Второй частью войска командовал знаменитый Джаныбек-тархан, и двигалось оно в низовья Сейхундарьи. В отрядах, которые вел первый казахский тархан, помимо джигитов из Среднего жуза, находились многие батыры и джигиты из родов шекты, табын, тама и адай, относящихся к Младшему жузу. Они горели желанием освободить от захватчиков принадлежавшие им земли на Сейхундарье. Певцом-”историком” в этом войске был известный Татикара-жырау из племени калиак.

Третьим, главным войском руководил сам Аблай. Оно направлялось через Шинели и Жана-Курган непосредственно к Туркестану. В нем состояли в качестве военачальников знаменитые батыры того времени – Баян, Малайсары, Жапек и догнавший войско уже на марше Кабанбай-батыр. Теперь уже не жена, знаменитая воительница Гаухар, сопровождала старого батыра, а всем похожая на мать его юная дочь – красавица Назым.

Бухар-жырау, которому уже перевалило за шестьдесят и у которого не было боевого коня, не смог участвовать в этом знаменитом походе и остался жить в ауле своего друга – батыра Баяна. Вместо него Аблай взял с собой в качестве летописца семнадцатилетнего Котеш-акына, того самого, который нынешним летом смело обвинил его в преднамеренном убийстве Ботахана.

Словно веющие потоки, ринулись по трем низинам казахские отряды, затопляя степь. Хотя и превосходили они количеством джунгарские тумены, но дисциплина, вооружение и подготовка их были намного ниже. Народное ополчение это было, где с опытным воином ехал в одном строю обычный пастух или табунщик. Поэтому Аблай с самого начала избегал общего столкновения главных сил. Джунгарских нойонов следовало распылить и уничтожить поодиночке. И казахское войско было разделено на три части тоже для того, чтобы раздробить силы джунгар...

Но хитрый контайчи, сам кочевник и всю жизнь воевавший с кочевниками-казахами, быстро разгадал замысел Аблая. Он сразу понял, что войско Богембай-батыра, идущее к Созаку, и войско Джаныбекбатыра, устремившееся в низовья Сейхундарьи, — только отвлекающие силы. Главная опасность для джунгар — это войско, которое под главенством Аблая идет к Туркестану. То же самое думали и джунгарские ертоулы, все время маячившие у горизонта при каждом казахском войске.

Церен-Доржи, ставший к этому времени правителем Джунгарии, послал в Созак и Казалинск только вспомогательные отряды, а сам с пятнадцатью тысячами отборных воинов устремился навстречу Аблаю. Подоспев раньше неторопоко двигавшихся казахов, он занял урочище Жана-Курган. В центре была поставлена спешившаяся часть войска с пятнадцатью пушками и китайскими мушкетами. Легкие пушки были установлены на горбах гигантских верблюдов и в любую минуту могли быть передвинуты в нужную сторону. Несмотря на то что животные были "обстрелянными", им в уши заложили ватные пыжи. При стрельбе верблюдов укладывали на живот и, словно корабли на якорях, крепили с трех сторон веревками и кольшками. На флангах, как обычно, Церен-Доржи расставил грозную джунгарскую кавалерию.

Узнав накануне, что Церен-Доржи стал джунгарским контайчи вместо Галден-Церена и что именно его войско преградило дорогу на Туркестан, Аблай рассвирепел. Именно этот нойон из джунгарского рода чорас был всегда самым ярким его врагом. Когда-то он требовал казни попавшего в плен молодого Аблая, а совсем недавно настаивал, чтобы главный удар

джунгарские тумены нанесли по казахам от Иртыша, то есть прямо по владениям Аблай и всего Среднего жуза. Тот же Церен-Доржи скрывал у себя бежавшего после убийства Абулханра султана Барака, которого по положению должен был судить совет казахских биев. А позже этот же Церен-Доржи приказал отравить Барак-султана, несмотря на то что был женат на его сестре. Правда, со смертью Барак-султана Аблай становился безраздельным хозяином Среднего жуза, но ненависть его к коварному человеку от этого не уменьшилась. Теперь этот воинственный нойон стал главным джунгарским контайчи и закрывает ему дорогу к объединению страны и к славе!

И здесь по традиции Аблай разместил свое войско тремя колоннами. Взятие крепости Жана-Курган он поручил батыру Кабанбаю, который имел опыт штурма городов и в отряде которого было полтысячи лучших казахских лучников. Сарымбет-батыр командовал правым крылом, Баян-батыр – левым. Впереди крыльев было выставлено по три тысячи всадников, а за ними под началом Орызымбет-батыра и Малайсары-батыра встали вспомогательные отряды с копьями, дубинами и русскими фитильными ружьями. Сам Аблай со своим семнадцатилетним сыном Жанаем занял позицию в центре, позади воинов Кабанбая. При Аблае находился тысячный отборный отряд его личных воинов-туленгутов.

Сражение началось рано утром в среду. Равнина перед урочищем вся просматривалась, во все стороны давно уже были высланы разведчики, так что ожидать каких-либо хитростей не приходилось. Все решали отвага и мужество сражающихся. В одну и ту же минуту последовала команда обоих военачальников, и ударили пушки и пищали, завизжали стрелы, застучали барабаны. Десятки тысяч всадников, выхватив острые мечи и сабли – алдаспаны, ринулись навстречу друг другу. Взрытая тысячами острых лошадиных копыт красноватая пыль пустыни тяжело поднялась к небу, заволокла солнце...

Это был раскаленный, пахнувший человеческой кровью самый настоящий ад. Дикое конское ржание перемешивалось с воплями раненых и растоптанных людей, рыканьем озверевших батыров и багадуров, гиканьем джигитов, хрустом костей и железным скрежетом. Когда где-нибудь войско поддавалось и

начинало отступать, восначальники с той и с другой стороны немедленно посылали туда три-четыре сотни свежих всадников. День уже подходил к концу, а смертоубийство не прекращалось ни на миг.

Аблай решил на последнее. Весь день он просидел на коне, вглядываясь в красную мглу и прислушиваясь к шуму битвы. Каждую минуту к нему подлетали гонцы и докладывали, что творится на тридцативерстном поле боя. И вот к концу дня Аблай вдруг расправил плечи, приподнялся на стременах и сделал знак рукой.

– Агтан!.. Вперед!..

Словно каменная лавина в горах, ринулся вперед тысячный отряд туленгутов. Впереди на ахалтекинских аргамаках неслись молодые батыры личной охраны султана – Сагимбай и Канай. Будто саблей, рассекли они джунгарский передний край и вынеслись прямо к холму, на котором стоял шатер с хвостатым знаменем контайчи. Но опять ударили джунгарские пушки и ружья, пробив широкую брешь в линии нападающих. Завертелись на месте кони, повалились с седел на песок люди. А задние всадники продолжали давить на передних, создавая еще большую неразбериху. Джунгарские пушкарки в это время заряжали свои пушки раскаленными докрасна ядрами. Еще минута-две, и новый огненный смерч завертится среди казахской конницы. За шатром контайчи закатывали рукава до локтей и горячили коней приготовившиеся к преследованию бегущих телохранители Церен-Доржи...

– Неужели не найдется в нашем войске батыра, который бы не испугался грома пушек! – воскликнул Аблай, привстав на стременах.

Сын его Жанай схватил вдруг султанский родовой бунчук и рванулся вперед: «Аблай!.. Аблай!..»

Но конь вынес его куда-то в сторону от холма, на котором находился контайчи со своими советниками. Помчавшаяся за ним сотня лихих молодых джигитов невольно замедлила ход в кустах джингила. Но не успел семнадцатилетний Жанай-султан выбраться оттуда, как с другой стороны на поле боя перед шатром контайчи вынеслась маленькая девушка на громадном вороном коне без седла с одной только нагайкой в руке.

– Кабанбай!.. Кабанбай!..

И все сразу узнали ее — красавицу Назым, дочь батыра Кабанбай и знаменитой вонительницы Гаухар.

— Аблай!.. Кабанбай!..

Это присоединились к ней выпутавшиеся наконец из колючего кустарника молодые джигиты во главе с Жанай-султаном. Они оказались вместе, конь к коню, перед страшными пушками на холме, — девушка и юноша. Именно эта их отчаянность так подействовала на казахское войско, что в один миг даже раненые поднялись с земли и схватились за оружие.

— Аблай!.. Кабанбай!..

— Уррах!..

В едином страшном порыве устремились вперед батыры и джигиты всех родов, племен и жузов:

— Аблай!

— Атыгай!

— Акжол!

— Каракипчак Кобланды!.. Уррах!

— Кабанбай!.. Аблай!..

Сам султан Аблай с отрядом закованных в латы батыров устремился в атаку, и прислужники на холме стали быстро сворачивать походный шатер контайчи. Дрогнуло и поплыло к заходящему солнцу хвостатое джунгарское знамя с черным шуршутским драконом на желтом шелке...

Больше половины джунгарского войска было уничтожено в этом кровопролитном сражении. Два месяца продолжалась эта война, и впервые со "времени великого бедствия" джунгарские тумены терпели поражение за поражением. Аблай освободил крепость и урочище Жана-Курган, являющиеся ключом к Туркестану, и медленно продвигался к древней казахской столице, сметая на пути джунгарские заслоны. Разезды батыра Баяна появились уже на берегах Таласа, предвещая скорое освобождение от джунгарского ярма родам и племенам Большого жуза, а также киргизским кочевьям. Богембай-батыр между тем взял Созак и Сайрам. А Джаныбек-тархан гнал джунгарских завоевателей с казахских и каракалпакских земель в Приаралье. Контайчи Церен-Доржи запросил мира...

И Аблай пошел на этот мир. Утомленное, потерявшее более половины своего состава войско нуждалось в отдыхе. К тому же это было ополчение, и у каждого джигита в далекой Сарыарке были свои хо-

зайственные дела. Отбросив джунгар и устранив угрозу нового нашествия, люди думали теперь о том, как прокормить себя и семью в наступающую зиму.

Целый месяц находились в ставке Аблая семь доверенных послов контайчи Церен-Доржи. После долгих переговоров они от имени контайчи согласились передать хану Среднего жуза Абилямбету уже освобожденные казахские города Созак, Сайрам, Манкент и Чимкент, а в течение зимы обсудить вопрос о полном возвращении казахам туркестанского вилайета с крепостью Туркестан и пригородами. Возвращались также огромные территории по рекам Сейхундарье и Таласу, а на оставшейся под управлением контайчи казахской земле значительно понижались поборы и налоги с местного населения. Еще только год назад контайчи бы зло рассмеялся, если бы казахские вожди предложили ему такие условия...

– Война в этом году закончена! – многозначительно сказал Аблай, распуская по домам ополчение.

Сам он в сопровождении доверенных людей и видных батыров направился в Созак, где находилась пока ставка хана Абилямбета. Там в честь успешного окончания войны был устроен, как водится, грандиозный пир. Но в самый разгар его на радостного Аблая, словно гром среди ясного неба, обрушилась страшная весть. Расталкивая стражу, в зал дворца созакского хакима, где проходил пир, ворвался молодой Котеш-жырау. Сев в стороне, он заиграл на домбре заунывную, хватающую за сердце мелодию.

– Почему столь жалобна твоя музыка, мой жырау? – спросил Аблай, неожиданно побледнев. – Здоров ли мой сын Жанай?

Юный Котеш наклонился к домбре, словно прислушиваясь к ее голосу, и запел.

Кто обрадуется в степи закату ясного солнца?

Кто обрадуется среди людей убийству белого лебедя?..

Закатился, как ясное солнце, пал на землю, как раненый лебедь,

Твой сын Жанай, сраженный джунгарской стрелой!..

В наступившей тишине слышно было, как плачет жырау, который дружил со своим одногодком – Жанаем. За спиной его украдкой утирал слезы великий правдолюбец Олжабай-батыр, воспитавший султана Жаная...

Праздник не удался, и султан Аблай, безмерно

любивший убитого из засады сына Жанаая, от горя заболел. Словно обвиняя Олжабай-батыра в том, что тот не уберег сына, султан не предложил ему остаться. Из далекой Сарыарки приехал сам Казыбек-бий, по прозвищу Гусиный Голос. Из Старшего жуза, многие роды которого были благодарны Аблаю за освобождение от джунгар, приехал Толе-бий, а из Младшего жуза – Бала-бий. Приезд трех столь значительных людей из всех трех жузов для передачи соболезнования обычному султану по поводу гибели сына означал негласное признание его всеобщим вождем в этой войне.

Верный себе, Аблай, при понятной горечи от потери сына-любимца, не преминул использовать и это событие в интересах своего пути к ханскому трону. Именно об этом сказал прямо в глаза ему в своей песне известивший султана о принятом решении Татикары-жырау:

Долго совещались между собой
Люди трех жузов,
Пока не пришли к согласию
О том, что быть тебе ханом!
Но слишком долга и глубока твоя грусть.
Неужто всех наших погибших сыновей
Променял ты на одного своего, мой хан?
Да отрубите тогда хвост коня, связывающий нас с ними!..
Садитесь на пятнистых коней
И дотла разорите такого хана-себялюбца!..

– Да, ты прав, мудрый жырау! – только и сказал Аблай.

А на следующее утро к нему неслышно вошел юный Котеш-жырау, присел на корточки, тронул струны домбры. И не запел, а вдруг заплакал.

– Что с тобой, мой смелый жырау?! – всполошился Аблай.

– Олжабай-батыр... умер...

И Котеш-жырау рассказал, как это произошло... Они ехали вдвоем по ночной степи и вдруг услышали песню. Хорошая это была песня, но не казахская, а джунгарская. Тем не менее Олжабай-батыр тут же повернул коня к виднеющемуся костру.

– Это джунгары! – шепнул ему Котеш-жырау.

– Ничего, уже ведь мир... – ответил батыр. – И они поют хорошую песню!..

В тот же миг прилетевшая из тьмы стрела пробила

горло Олжабай-батыра. Кони взвились на дыбы и унесли их от певших во тьме джунгар. Взявшись рукой за торчащую в горле стрелу, Олжабай-батыр хрипло сказал:

– Ничего, мой жырау, говорят, что в седьмом поколении мы повторяемся... Может быть, повторится и моя любовь к песне!

С этими словами он вырвал из горла черную стрелу, и кровь брызнула фонтаном на коня, на землю, на кусты вокруг, с ног до головы забрызгала Котеш-жырау...

Только теперь султан Аблай посмотрел на Котеша и увидел, что юный правдолюбец-жырау весь забрызган яркой кровью.

– Да, он любил песни! – сказал Аблай.

Потом султан Аблай встал с постели и велел подать ему латы и оружие...

А через семь поколений в роде каржас родился мальчик, которому по свято хранимой традиции дали имя предка-батыра, больше всего на свете любившего песни. И мальчик этот стал поэтом...

II

В 1745 году умер контайчи Галден-Церен. Но еще за два года до его смерти правителем Джунгарии стал его средний сын Церен-Доржи. При нем усилилась та кровавая борьба за власть, которая всегда была свойственна этой стране. В конце 1753 года, убив своего брата Церен-Доржи, великим контайчи стал Лама-Доржи, которого тут же ухватил за горло его племянник Амурсана. Аблай быстро использовал ситуацию в своих интересах. То он помогал родившемуся от казашки Амурсане, то принимал сторону Лама-Доржи. В результате этих междоусобиц и казахских походов Джунгария истекала кровью. В конце концов, пользуясь поддержкой чиновников нового малолетнего маньчжуро-китайского императора, великим контайчи стал Амурсана.

Но дни Джунгарии были сочтены. В Поднебесной Срединной империи сменилась династия, но политика осталась все той же.

Только что завоевавшие Китай и утвердившие на троне свою династию Цинь маньчжурские феодалы, объединившиеся с самыми реакционными китайскими деятелями, как бы вдохнули новые силы в древнюю захватническую политику Китайской империи. На протяжении более чем века планомерно теснившая джунгарские племена и натравливавшая их на казахов китайская и затем маньчжуро-китайская правящая верхушка решила, что пришла пора действий. Казахи и джунгары, по ее представлениям, достаточно обескровили друг друга. Пришла пора убирать с арены "раненых тигров". Это следовало сделать поскорее, пока занятая своими внутренними неурядицами Россия не могла еще в полную силу вмешаться в центральноазиатские дела...

Воспользовавшись как предлогом очередным столкновением джунгарских племен с непрерывно теснившими их китайскими войсками, огромные маньчжуро-китайские армии под командованием генералов Фу Де и Чжао Хоя вторглись в Джунгарию. Это не была обычная война. За два месяца полчища захватчиков, многократно превосходящие в численности разрозненные джунгарские отряды, по существу уничтожили целый большой народ и государство. Джунгары специальным приказом были объявлены вне закона, и уничтожался всякий из них, будь то древний старик или только что родившийся младенец. Свыше миллиона человек было безжалостно истреблено в результате этого страшного похода. Остатки джунгар бежали к своим недавним врагам в Казахскую степь...

Контайчи Амурсана бежал под защиту Аблая. Здесь его приютили родственники матери-казашки, которых лишь вчера он намеревался разорить и ограбить. Аблай выделил ему скот, поставил юрту и назначил правителем небольшого улуса, в который объединились уцелевшие от китайского разгрома джунгары-торгауты. Вскоре он умер от оспы, которая вместе с китайскими отрядами пришла в Казахскую степь.

Джунгария перестала существовать. Долгие месяцы еще кружились над бывшими кочевьями по ту сторону гор тучи черного воронья да ветер приносил с востока едкий запах мертвечины. И притихли вожди и бии казахских родов и племен, прекратили на время

свои усобицы, понимая, какая беда грозит с востока. Если раньше между Китаем и казахскими ханствами находились джунгарские кочевья, то теперь жаркое дыхание кровавого дракона достигло уже казахских земель...

В третий раз беспорядочно бежали через перевал Алтын-Эмель обезумевшие солдаты знаменитого маньчжурского военачальника Фу Де. Это были пехотинцы, опытные и хорошо вооруженные. Но когда на камнях ущелья спешивалась быстрая конница Аблая и крепкие джигиты выставляли перед собой длинные закаленные пики, китайские солдаты были бессильны что-либо сделать. А пока они возились у перегородившей ущелье живой стены, пробравшиеся через головокружительные пропасти казахи-горцы, которые издавна охотились тут с учеными орлами и соколами, сбрасывали на головы шуршуттов целые гранитные скалы.

Да, уже не джунгарские нойоны, а регулярные императорские войска вошли в пределы древней страны казахов. Поднебесная империя всегда считала себя центром мира, и поэтому для ее войска не существовало границ. Просто Сын Неба – император – послал своих послушных слуг на свою окраину наказывать каких-то строптивых дикарей-кочевников.

Когда в третий раз побежали шуршуты, Аблай уже не очень радовался. Так было уже два раза, и оба раза новые китайские полчища однообразными серыми колоннами выплывали из ущелья, будто и не было никакого побоища. Это было похоже на муравейник в Сарыарке: сколько ни топчи ногами, все новые и новые муравьи вылезают на поверхность. Где взять огонь и воду на бесчисленный шуршутский муравейник? А батыр Дербилай, начальник ертоулов, доложил только что: с той стороны гор приближается новая китайская армия под командованием полководца Чжао Хоя.

Ни в какое сравнение не идет шуршут-кавалерист на своей кургузой лошаденке с казахским джигитом, но когда на одного джигита приходится десять или двадцать таких вояк, то не хватит силы в руках столько раз поднимать дубину. К тому же не кавалерией опасны армии богдыхана, а пехотой – упрямой, настойчивой, не считающей потери.

Все нужно сделать для того, чтобы не дать соединиться этим двум китайским армиям, но для этого следует перелететь на ту сторону гор. И если не сделать этого, то под знаменем шуршутского дракона придет такое несчастье на казахскую землю, что раем покажутся прошедшие "времена великого бедствия". Пример джунгар перед глазами. Но что можно сделать, если сама судьба против. Белый верблюд перед этим походом лежал в каком-то сомнительном положении!..

С самого начала боя в ущелье Аблай не мог избавиться от этой навязчивой мысли. Белый верблюд появился у него после джунгарского похода, во время которого погиб его любимый сын – первенец Жанай. В то утро все еще не оправившийся от горя Аблай вышел из своей юрты и увидел стоящего на краю аула необычного белого верблюда. Он был огромен, снежно-белая грива его длинными космами свисала до самой земли. Верблюд не испугался, а лишь скосил глаз, когда султан подошел к нему. Ноздри животного были еще целы – не проткнуты погонщиками, а на горбу не было следов хома – особого приспособления для вьюков. По всему угадывалось, что это дикий дромадер-аруана. Когда Аблай поднял руку, верблюд вдруг взметнулся и побежал.

А на следующее утро Ак-бура – "Белый верблюд" был на том же месте, словно ждал пробуждения безутешного Аблая. И Аблай, как всякий кочевник, не мог не связать это событие с гибелью сына. Всю следующую зиму появлялся при султанском ауле этот верблюд, и в эту зиму ни одного козленка не задрали волки в султанских стадах. Год выдался на редкость удачным, и это тоже связывали с Ак-бурой...

А уж весной белый верблюд показал всю свою силу... Султан Аблай решил снова выступить против джунгар. Но созванный им совет биев и вождей родов и племен так и не мог прийти к единому мнению, против кого направить боевую конницу – против прииртышских джунгар-торгаутов или против прилийских ойротов. И вот тут пришел черед белого верблюда. Так, во всяком случае, рассказывает предание. Выйдя утром из юрты, Аблай увидел, что белый верблюд лежит головой не на запад, как обычно, а на восток. "Что бы это значило?" – подумал султан и вспомнил о том, что с верблюдом пришла к нему

удача. Он выступил с войском в том направлении, куда указывала голова вещего верблюда, и поход получился на редкость удачным.

С тех пор, куда бы ни отправлялся султан Аблай, за ним всегда вели в поводу белого верблюда. Трудно сейчас сказать, искренне ли верил султан в таинственную силу Ак-буры. Но в преданиях о том времени белый верблюд султана Аблая занимает достойное место. Рассказывают, что однажды Аблай выказал строптивость перед ниспосланным ему судьбой верблюдом. "Неужто от этого животного зависит моя судьба!" – воскликнул он как-то и повел войско в противоположном указанному лежащим верблюдом направлении. Нечего и говорить, что войско попало в ловушку и еле спаслось от разгрома, да и то благодаря присутствию в нем все того же Ак-буры.

Вот и на этот раз, прежде чем выступить против идущих по течению Или китайских полчищ, Аблай в утро перед боем прежде всего посмотрел на белого верблюда. Он лежал как-то неопределенно, головой в сторону от перевала, где султан Аблай решил остановить углубившихся в казахские земли захватчиков-шуршутов. Это явно не сулило удачи, но делать было нечего. Если шуршуты перейдут через перевал, выбивать их потом придется, может быть, веками!..

И вот теперь, хоть и в третий раз откатились китайцы, султан Аблай чувствовал себя не лучшим образом. И без верблюда он знал, насколько шуршуты превосходят численностью его войско. Но он решил все же опередить китайского полководца Чжао Хоя и атаковать войско Фу Де до его подхода.

– Эй, пусть уйдет в заросли джиды отряд Баян-батыра! – приказал он. – А Сарымбет-батыр пусть укроется вон за теми холмами. Но чтобы не увидели шуршуты. В бой вступать по моему знаку!

И сразу же оставив преследование, повернули коней казахские воины, стали рассасываться по зарослям, укрываться в приречных рощах и через несколько минут исчезли из поля зрения, словно растаяли в сыром приилийском тумане. Одни лишь оставшиеся в ущельях незримые ертоулы слышали, как китайские горны настойчиво сзывают войска для новой атаки.

Нет, не впервые столкнулись вплотную казахи с китайским императорским войском. С незапамятных

времен стремились многочисленные китайские богдыханы овладеть этой землей и населявшими ее народами. По всей восточной кромке степи, особенно на землях Большого жуза, виднелись старые развалины и пожарища, оставленные здесь шуршутами. Из века в век китайские завоеватели пытались не просто покорить эти роды и племена, но превратить их в китайцев. Когда это не удавалось, с целыми народами поступали точно так, как только что с джунгарами.

Произошла джунгарская трагедия, и неистовый Бухар-жырау, до сих пор ополчавшийся в своих песнях против "гяуров-орысов", строящих укрепления в пределах Казахской степи, сразу же перестроил струны своей вещей домбры и запел:

В священном писании "Инжил",
Что состоит из четырех книг,
Посланных людям богом,
Говорится о неких шуршутах...
Бунтуют они за горами, и качаются горы...
И если придут они в мир, шуршуты,
То поедят даже трупы,
Выкопав их из могил!..

Следует сказать, что мудрый жырау прекрасно знал звериную натуру китайских императоров. Он говорил, что они более жадны, чем изголодавшиеся шакалы, и призывал казахов точить пики.

А к этому времени новая беда с юга нависла над казахскими родами. Едва пало Джунгарское государство, как только что образовавшееся Кокандское ханство, полностью унаследовав политику Бухары, захватило Ташкент, а за ним казахские города Туркестан и Арысь. Кокандские отряды продвигались вниз по течению Сейхундарьи, захватывая один город за другим.

Аблай мог бы с находящимися под его начальством войсками остановить продвижение кокандцев, но слишком большая угроза нависла с востока. Дракон-людоед переваривал Джунгарию, придерживая страшной когтистой лапой часть казахских кочевий Большого жуза, находившихся перед этим под властью контайчи. Вторая лапа дракона нацеливалась из-за Черного Иртыша на земли Среднего жуза...

Вот тогда, оставив до лучших времен расчеты с кокандскими владыками, Аблай собрал огромное

ополчение. Возглавленное самыми знаменитыми батырами того времени, среди которых было немало выходцев из народа, оно двинулось от Голубого моря – Балхаша – на восток. Там, едва расправившись с Джунгарией, подтягивали свежие силы и готовились к новым захватам огромные маньчжуро-китайские армии генералов Фу Де и Чжао Хоя. Аблай не тешил себя надеждой, что сумеет одолеть Китайскую империю, но сорвать их поход этого и следующего года было в его силах. При этом, по мысли султана Аблая, невольно объединятся все казахи, и он рано или поздно станет их ханом.

А разрозненным казахским кочевьям не осталось ничего иного, кроме объединения. Пример Джунгарии показывал, что китайские правители не станут предлагать пряник одним или другим племенам и жузам, настраивая их друг против друга. Дракон проглотит все сразу и даже костей не выплюнет. Недаром гласила древняя пословица, что "тогда придет конец света, когда двинется с места Черный Китай". Война предстояла жестокая и длительная. Все могло произойти, и тот же Бухар-жырау пел:

Коль придет шуршут, не оставайся на месте,
Перекочевывай к Сейхундарье,
Там всегда найдешь ты воду питьевую...

И кто знает, что символизировал белый верблюд, который перед этим походом как бы снимал с себя ответственность, улегшись головой в неопределенном направлении...

– Ты видел, мой жырау, как неясно была повернута утром голова нашего Ак-буры? – спросил Аблай у стоящего рядом с ним Бухара-жырау.

Старый певец смотрел, как в четвертый раз выползал из ущелья серо-зеленый шуршутский дракон. Не выдержав его оскала, медленно прогибалась линия казахского войска. По двадцать солдат на одного казахского джигита приходилось сейчас в этой битве. Слабосильные от многовекового недоедания, насильно согнанные в эти огромные армии маньчжурскими повелителями и их великоханскими сподвижниками, несчастные крестьяне были одурманены и забиты до нечеловеческого состояния. Они знали лишь одно: отступившего с поля боя ждет смерть. И они покорно

шли вперед, находя эту смерть под казахскими дубинами...

– Коль сам пастух не верит в сохранность стада, то волки будут сыты... – ответил Бухар-жырау. – Избавься от сомнений, султан, иначе горе тебе и всем нам!..

– Как же смогу я избавиться от сомнений?!

– Это тяжкая болезнь, которую излечивает одна лишь...

– Говори, жырау... Что же ты замолчал?!

– Лишь смерть избавляет от сомнений!

– Что же мне делать, жырау?

– Искать свою смерть!

Аблай внимательно посмотрел на жырау, покоился в обе стороны. Слишком много людей слушало их разговор. Выпрямившись в седле, султан Аблай взгляделся туда, где, теснимые врагом, побежали наконец казахские воины.

– Значит, я должен разыскать свою смерть?.. Что же, ты правильное лекарство нашел от моей болезни, жырау!..

И Аблай поднял на дыбы и с места бросил в галоп своего послушного коня.

Бухар-жырау слез с коня на землю, встал на колени с перекинутым через шею ремнем и принялся громко молиться. Любой муфтий сошел бы с ума от негодования, услышав эту молитву, ибо половину слов в ней представляли заклинания духов земли и неба, которые испокон веков произносили в этих краях язычники-баксы.

– Аблай!.. Аблай!..

С этим кличем побежавшие было джигиты повернули и опять вступили в бой. И спешившийся Аблай был среди них, в первом ряду. Чего-чего, а смелости было не занимать этому человеку. Лишь когда первый натиск китайцев стал ослабевать, вернулся он к холму, где молился Бухар-жырау. Аблай был весь забрызган кровью – своей и чужой.

– У меня больше нет сомнений, мой мудрый жырау... – крикнул он, подъезжая. – Зачем они властителю!

Когда через некоторое время снова прогнулась казахская оборонительная линия, султан Аблай тронул было коня. Но на этот раз цепкий Бухар-жырау, словно барс, ухватился за поводья:

- О, не искушай смерть, мой султан... Чапа разбивается один лишь раз!..

- Но я лишен сомнений, мой жырау! – воскликнул Аблай.

- Неужели ты думаешь, султан, что бог всякий раз будет исполнять все то, что я прошу в своих молитвах?! – возмутился старик, и все присутствующие рассмеялись.

У казахов, как у всех кочевых народов, певцы-прорицатели пользовались огромным авторитетом. Их устами феодально-родовые вожди отстаивали свои вольности перед властью султанов и самого хана. Но наибольший авторитет в народе имели те из них, которые раздвигали рамки своих сказаний за пределы одного племени и начинали говорить от имени всего народа. С их мнением приходилось считаться самым самовластным правителям. Таким был искренне преданный Аблау Бухар-жырау, который тем не менее часто высказывал грозному султану то, что не решались сказать приближенные. С каменным лицом выслушивал его тогда Аблай, и ничто не говорило о его крайнем раздражении. Только что этот старик всенародно усомнился в твердости Аблая, и тому пришлось так же всенародно доказывать, что он, будущий хан казахов, не ведает сомнений. Только за человеком, не ведающим сомнений, устремится им-прам – толпа, как презрительно называли народ все предки Аблая, сам он и все его потомки...

А битва продолжалась, и все новые и новые отряды китайской пехоты выливались из черного зева ущелья. Устилая землю трупами, шаг за шагом продвигались они вперед, и казалось это войско бесконечным облаком саранчи, изливающейся на широкую Казахскую степь. Прилетевшая издали стрела ранила в руку Бухара-жырау, и Аблай приказал сопроводить его в тыл. Вместо него на положенное главному певцу войска место встал Татикара-жырау.

Аблай посмотрел на солнце, которое склонялось к западу. По всему было видно, что сегодня еще не придется пускать в ход спрятанную в засаде конницу. Пусть за ночь побольше шуршуетов накопится в ущелье, чтобы было где погулять дубинам с коваными наконечьями и закаленным в степных кузнях клин-кам-кльчам...

Султан вдруг быстро поднял обе руки к обнажив-

шейся голове. Пробитая длинной тяжелой стрелой лисья шапка мягко слетела на землю. Туленгут прыгнул с коня, подхватил ее и подал султану. К стреле у самого оперения был подвязан кусочек светлой кожи. Аблай развернул письмо... "Будь осторожен, султан... Сегодня ночью один из твоих приближенных людей должен лишить тебя жизни!"

Стрела прилетела слева, из кустов джиды. "Какой меткий стрелок!" – подумалось Аблаю. По всему было видно, что это искренний доброжелатель. Если бы не так, стрелку ничего бы не стоило опустить лук чуть ниже. Ищи его потом в этих кустах.

– О чем написано там, на этой коже?! – спросил Бекболат-бий.

Аблай посмотрел в его внезапно побледневшее лицо и равнодушно пожал плечами:

– Так, о тяжести войны пишет.

Бекболат-бий кивнул головой, хоть явно не поверил словам Аблая.

Да, чем дальше, тем сильнее родовые вожди опасались укрепления власти Аблая. Уже несколько раз стреляли в него из засады. Бии и многочисленные его родственники-торе опасались прихода к власти над всеми тремя жузами султана с твердым характером. Им всегда нравились слабохарактерные и слушающиеся их властители. А в том, что Аблай, придя к власти, сразу же урежет их права, они не сомневались. Именно в борьбе с ними широко использовал Аблай вещей певцов, таких, как Бухар-жырау, выражающих мнение простонародья. Именно на импрам – неродовитую толпу – можно было опираться в борьбе со всемогущими родовыми биями.

Вот и Бекболат-бий, один из главных недоброжелателей Аблая, не случайно спросил его о том, что сказано в принесенном стрелой письме. Этот бий, а также его всемогущий отец Казыбек – Гусиный Голос, которому уже за девяносто, – не скрывали своего отрицательного отношения к возвышению над ними султана Аблая. Но когда пришла весть о шуршутах, оба они – отец и сын – поняли, что только Аблай сейчас в состоянии возглавить ополчение казахских родов. Что бы там ни было, а табуны Бекболат-бия пасутся чуть ли не по всей границе с бывшей Джунгарией. А прожорливость солдат-шуршутков издавна известна в степи...

– Если шестеро будут враждовать между собой, то обязательно станут жертвой седьмого!

Так сказал Аблаю Бекболат-бий, присоединяясь со своим отрядом к ополчению. Почему же так побледнел он при виде стрелы с письмом?.. Аблай снова оглянулся на быстро катящееся к горизонту солнце. В глубине ущелья загрохотали многочисленные китайские барабаны, извещавшие об окончании битвы.

– Что же, на этот раз и мы подчинимся их сигналу! – весело сказал Аблай, стегнул коня и поскакал к стоящим в степи юртам.

Загremели и казахские даулпазы. В ту же минуту войны опустили руки с оружием, повернулись спинами друг к другу и пошли в разные стороны. Уже при свете луны выехали на поле высокие арбы с подборщиками трупов. Им предстояла работа на всю ночь...

Ставка Аблая находилась на небольшом притоке Или – горной речушке Куркреук. Посредине высились белые юрты Аблая, а с разных сторон ставку окружали шатры многочисленных биев и батыров. У каждой юрты стоял шест с родовым или племенным знаком военачальника.

Проведя короткий военный совет, султан Аблай по давней привычке сразу же лег спать. И хоть спал он чутко, но засыпал сразу, едва коснувшись головой подушки. Как и принято в походе, он лег не раздеваясь, а лишь чуть отпустил пояс и положил рядом лук со стрелами и обнаженный клинок. Но как только утих лагерный шум, Аблай открыл глаза, легко встал на ноги. Ведь недаром предупредил его об опасности неизвестный стрелок.

Однако Аблай не стал усиливать караул. Посидев несколько минут в раздумье, он усмехнулся и снова лег на плотную жесткую кошму, не так спасавшую от сырости, как от ядовитых пауков предгорья. "Коль суждено мне сегодня умереть, то ангел смерти отыщет меня хоть в золотом сундуке!" – подумал он и тут же уснул опять. В судьбу султан Аблай верил до последнего дня своей жизни.

Черный верблюд-дромадер величиной с гору снился ему. Он захотел заарканить его, но верблюд вдруг превратился в шуршутского дракона и раскрыл кровавую пасть...

– Абеке!.. О султан Аблай!

Аблай успел все же бросить аркан на шею дракона и открыл глаза. Рука его сжимала родовую шапку.

– Это я, мой султан... Я... Нуржан!..

Аблай выпустил серебряный эфес. Тормошил его родной брат средней жены Камшат из рода караул.

– Что случилось?

– Вы рубили шашкой воздух, Абеке!..

– Кто с тобой на посту у шатра?

– Один Малик и я!..

Сон пропал. Аблай лежал и думал о полученном предупреждении. Там ясно говорилось именно о сегодняшней ночи и о том, что покушение должен совершить кто-то из близких. На постах у дверей и вокруг шатра стоят лишь самые близкие люди из доверенных родов атыгай и караул. И еще... Малик!..

Нет, не может быть, чтобы это был Малик, хоть он и из башкирского рода. Его прислал сам Карасакал. Но так ли это? Действительно ли Карасакал послал к нему этого самого меткого стрелка и лихого джигита? Надо было спросить об этом старого Кабанбай-батыра!

Карасакал был одним из родовых башкирских вождей, восставших против царицы. Оттесненный регулярными войсками, он ушел в Казахскую степь и был принят казахскими родичами. Многие ушедшие с ним башкиры из простонародья впоследствии вернулись на родину и приняли в отрядах Салавата Юлаева самое деятельное участие в пугачевском движении. А пока что Карасакал, или Кара-хан, как называли его приближенные люди, чтобы избавиться от преследования со стороны царских генералов и одновременно поднять свой авторитет в здешних краях, назвал себя Шуно-Доржи – младшим братом контайчи Сыбан Раптана. При этом он рассказывал, что якобы бежал из Джунгарии от преследований своего племянника, узурпатора Галден-Церена...

Казахи так и не выдали его ни царскому правительству, знавшему его как Карасакала, ни джунгарскому контайчи, знавшему, что это самозванец. Все враги джунгар бежали в Казахскую степь и тоже поступали в отряд самозванного "великомученика Шуно-Доржи", ослабляя тем самым главного врага казахов – контайчи. Особо покровительствовал самозванцу знаменитый батыр Кабанбай. Джигиты Карасакала славились своим мужеством и не раз участво-

вали в битвах казахского народа с тем же самым коптайчи, а затем и с китайскими регулярными войсками. После захвата Джунгарии войско Карасакала еще больше увеличилось за счет успешных избежать уничтожения джунгарских джигитов.

И вот не так давно этот Карасакал, пользовавшийся особым доверием Аблая, прислал ему одного из своих приближенных джигитов – Малика. Своим воинским умением и меткостью в стрельбе тот сразу завоевал доверие султана. В последнее время Малик стоял на часах при юрте Аблая вместе с самыми доверенными людьми.

Синяя рваная тучка нашла на луну, и Малик обнажил холодный нож. Уже рука напряглась в предчувствии страшного прямого удара под ложечку, и родич султана Нуржан повернулся к нему нужным боком, как вдруг негромкий сдавленный крик послышался из белой юрты, которую они охраняли. Нуржан откинул полог и принялся тормошить Аблая, которому приснился кровавый дракон. Не отпуская костяной рукояти ножа, Малик напряженно прислушивался к тому, что говорится в юрте...

Нет, не Карасакал прислал Малика к Аблаю, а совсем другие люди... Правители Кокандского ханства давно уже следили за успехами Аблая. Избавившись от джунгарской угрозы и отделенные пока что отрядами того же Аблая от смертоносного дыхания шуршутского дракона, они решили воспользоваться положением и отхватить как можно большую территорию по среднему течению Сейхундарьи, а если удастся, то и по ее нижнему течению. Один лишь султан Аблай со своим войском представлял тогда на казахской земле какую-то политическую и военную силу. Со смертью его, как они надеялись, намечающееся единое ханство снова рассыплется на тысячу частей, которые можно будет заглывать одну за другой, не встречая серьезного сопротивления. И наемный убийца Малик, хитрый и коварный, как змея, прибыл к Аблаю по их поручению. Неисчислимы блага были обещаны ему по удачном завершении дела...

Время не ждет. Еще утром ему передали прямое указание из Коканда поторопиться. Оседланый конь-аргамак с обвязанными мешковиной копытами и мешком на морде ожидает в полуверсте от султанского лагеря. Да вот не вовремя проснулся Аблай!

А может быть, все это неспроста - осторожность Нуржана, с которым Малик давно уже внешне по-дружился, пробуждение султана? Да и сам султан выглядел сегодня настороженным. Или это только показалось?..

Лишь один глухонемой джигит-коновод прибыл с Маликом в ставку султана Аблая якобы от Карасакала. Был он беглым башкирским туленгутом, и в Кокандском ханстве оставались два его сына. Глухой не знал, с каким поручением послан его хозяин Малик, но сегодня утром он видел кокандского связного, передавшего Малику лоскут с какими-то письменами. Возможно, глухой заглянул в этот лоскут бумаги, когда убирал шатер, пока Малик разговаривал с прибывшим? Нет, это невозможно: туленгут так же безграмотен, как и глух!..

Вдруг Малик вздрогнул. Из шатра вышел сам султан. В лунной полутьме казалась еще выше и мощнее его крупная фигура. Наметанным взглядом убийца определил, что при султанине нет оружия. Может быть, нож в сапоге, но вряд ли успеет тот пустить его в ход.

– Я прогуляюсь на воздухе! – бросил султан на ходу, не поворачивая головы.

– Я с вами, мой султан... – сказал Малик и сделал знак Нуржану. – А ты здесь присмотри, Нуреке!..

Малик не увидел, как усмехнулся султан Аблай. Он бросил на землю свою шашку и прислонил к юрте лук, потому что, по древнему закону, нельзя было идти ночью рядом с ханом человеку с оружием. Аблай уже негласно считался ханом...

Они шли в призрачном лунном свете – впереди Аблай и, чуть поотстав от него, Малик. Вот он ускорил шаг, и снова напряглась рука с холодным ножом. Но резко повернулся к нему Аблай.

– Что это там, мой Малик?..

Рука султана показывала во тьму.

– Это... это белый верблюд... – Голос телохранителя задрожал. – Ак-бура!..

– Почему же он оказался здесь?..

– Не знаю, мой султан. С вечера верблюд лежал далеко за шатрами!..

– Ну-ка, ну-ка, моя судьба!..

Султан Аблай подошел к белому верблюду. Верблюд начал медленно подниматься на ноги, и во тьме

увидел Аблай, как встала дыбом длинная белая шерсть. Это было до того страшно, что даже сам Аблай сделал шаг назад. И вдруг взметнулись к небу гигантские копыта, обрушились куда-то за спину Аблая. В то же мгновение страшный крик боли и отчаяния прорезал тишину ночи. Закричали, засуетились часовые, зажглись факелы в разных концах огромного лагеря.

– Ойбаяй, вы живы, султан?!

Подбежавший первым Нуржан широко открытыми глазами смотрел, как дикий белый верблюд рвет зубами и втаптывает в землю чье-то растерзанное тело. Он было рванулся спасать несчастного, но Аблай остановил его знаком:

– Не надо, Нуржан, все равно этот человек мертв!

Что-то сверкнуло при свете факела. Нуржан наклонился и взял из руки растоптанного Малика нож. Верблюд, все еще рыча и всхрапывая, поднялся и пошел во тьму. Зубы мертвого Малика были оскалены в страшной улыбке.

– Он... он хотел заколоть вас, мой султан!.. – сказал Нуржан и оглянулся на уже собравшихся людей. – Ак-бура спас вашу жизнь. Это посланец божий!..

Аблай молча повернулся и пошел назад в свою юрту.

Так рассказывает об этом случае легенда. Не говорится в ней лишь о том, что спасенный таким чудесным образом султан зло усмехнулся во тьме ночи. Никто не увидел этой усмешки. А султан шел и думал о подброшенном ему со стрелой письме, где в уголке крошечными арабскими буквами было приписано имя того, кто должен был сегодня ночью лишить его жизни.

А потом к мертвому телу своего одноплеменника пришел глухонемой раб и унес его останки. Он тут же похоронил их по древним законам своего народа. И никто так и не узнал в лагере Аблая, что жалкий глухонемой раб знал грамоту и хорошо умел стрелять из кривого башкирского лука.

К утру в белую юрту привели глухонемого раба погибшего Малика-убийцы и оставили наедине с Аблаем. Султан внимательно посмотрел в непроница-

емое лицо раба, потом взял мелок и написал на боковой дощечке:

“Это ты вчера прострелил мою шапку, человек?”

Глухонемой спокойно взял из руки султана мелок и написал:

“Да”.

“Благодарю тебя за меткий выстрел”.

“Благодари свою звезду, султан!”

“Откуда прибыли вы с хозяином?”

“Из Коканда”.

“Кто посылал?”

“Бии Ерден и Нарбота...”

“По каким делам?”

“В Коканде тебя боятся, султан!”

Аблай кивнул головой, снял с верхней стойки юрты свой парадный, расшитый золотом кафтан и шапку на куньем меху, надел их на раба. А едва взошло солнце, пятеро джигитов поскакали на запад. Они должны были через верных купцов в Коканде выкупить из неволи детей глухонемого.

А в народе еще шире распространялись легенды о том, что сама судьба в образе белого верблюда покровительствует султану Аблаю, и это верный знак, что только ему следует стать ханом трех жузов. И до наших дней сохранились эти легенды о чудесном Акбуре.

Еще солнце не показалось над горами, как из зева ущелья раздался глухой несмолкаемый гул. Казалось, мощная река бушует и рвется из берегов. Одновременно ертоулы донесли, что подошли передовые части другого китайского генерала – Чжао Хоя.

– В основном это конница, мой султан... – рассказывал начальник ертоулов Турсунбай-батыр. – И кони у них уже не мелкие, как прежде, а наши – степные. По всему видать, что они их награбили в Кашгарии и в кочевьях Большого жуза...

– Все же пеших у шуршутов больше!.. – задумчиво сказал Аблай. – Как ты думаешь, станут они сегодня наступать на нас?

– Нет, мой султан. Те, что пришли сегодня ночью, устали. Ну, а вчерашние еще больше устали. Как-никак, а тысяч семь мертвых тел собрали ночью их повозки... А сейчас они разжигают большие костры и варят двойную порцию риса, а не проса. Значит,

предстоит "Праздник прибытия". За оружие взялись лишь те, кто идет в зараждение.

– Эй, созвать всех военачальников! – коротко приказал Аблай.

Нарочные взлетели на оседланных коней и поскакали во все стороны – туда, где в степи были разбросаны шатры главных батыров. Султан Аблай сидел в одиночестве на подушках в своей главной юрте. Сегодня утром предстояло ему решить, что делать дальше. Ну, а когда он решит, то уж белый верблюд ляжет головой в нужную сторону...

А решать нужно незамедлительно. Пусть потери шуршутов вдесятеро больше, для них это незаметно. Еще и обрадуются их поставщики пищи, что меньше придется кормить. А вот страна казахов, не восстановившая и половины населения после "времен великого бедствия", дорожит пока что каждым джигитом. Это лишь вторая китайская армия подошла с той стороны, и уже не поможет никакая засада. Предположим, что даже разобьет он армии Фу Де и Чжао Хоя, но тут же появится третья армия, за ней четвертая, пятая... Нет, не под силу сейчас противостоять во весь рост тысячеглавому дракону. Пусть потерпят остающиеся в его пасти казахские племена и роды. Они должны пригнуться к самой земле, забиться в щели гор и расщелины. А мы, показав дракону, что с нами шутки плохи, уведем свое войско в целостности и сохранности обратно в степь. Коль решатся шуршуты за нами в погоню, то им несдобровать в степи. Тут наша конница разгуляется в полную силу, не то что в этих горах. Но, судя по всему, не решатся уже они на это, и мы разойдемся, как раньше.

А войско надо сохранить во что бы то ни стало. Ведь не случайно именно сейчас послали кокандские правители к нему Малика-убийцу. Расчет у них самый простой: в то время как шуршуты перемелют казахское войско, наемный убийца уберет его, будущего хана. Кто тогда будет в состоянии противостоять кокандским лашкарам? Словно освежеванного вола, разделят они страну казахов. Для себя, конечно, кокандские властители уготовили самую большую часть. Недаром их отряды появились уже в виду приаральских кочевий. Они не думают о шуршутском драконе, надеясь на милость божью. А между тем только казахское ополчение стоит сейчас между этим

драконом и Кокандским ханством. И хивинские прислужники Шахир-шаха забывают о том же несчастном драконе. Не проходит дня, чтобы они не тревожили казахские рубежи. Нет, не помощники это в войне с шуршутами. И даже если бы вдруг произошло чудо и примкнули бы они к его войску, все равно не остановить им огнедышащего дракона, который рано или поздно все равно полезет в степи и долины, открывшиеся его глазу. А пока...

– Сегодня вечером мы собираем свои юрты! – тихо сказал Аблай, когда один за другим вошли военачальники и уселись полумесяцем на бархатные подушки.

Наступила тишина. Все сидели потрясенные неожиданным решением.

– Но ведь это бегство! – вскричал старый Кабанбай-батыр.

– Нет, это отступление! – твердо ответил Аблай.

– Наши джигиты, которые дерутся вот уже столько дней с шуршутами, не захотят уступить!

– Тогда через двадцать дней останемся в живых лишь мы с вами... – тихо ответил Аблай. – Сегодня наши подборщики трупов захоронили семьсот тел. У двухсот двадцати четырех джигитов за вчерашний день отрублены руки или ноги, рассечены головы. Посчитайте, на сколько дней нас хватит!

Джаныбек-батыр бросил перед собой плеть в знак начала разговора:

– Аблай рассуждает здраво. Только в какую сторону нам двигаться?

– До Тургая... – прыснул известный Канай-шутник. – Оттуда уже недалеко и до Оренбурга!

Даже теперь, когда приходится рубиться вплотную с шуршутами, многим не хватает дальновидности. Канай-шутник вслух высказал то, что на уме у многих врагов Аблая. Уже столько лет, днем и ночью обвиняют они его в том, что пошел на сближение с Россией. Что бы там ни ждало впереди, судьба джунгар перед глазами. К сожалению, новая царица никак не может справиться с неурядицами в своей империи. А то бы и он иначе разговаривал сейчас с шуршутами...

– Дальше Голубого моря не отступим! – твердо сказал Аблай. – Оставим в качестве щита одного из батыров с отрядом и двинемся.

Присутствующие переглянулись и опустили глаза.

Еще не было такого случая, чтобы столь важные решения не принимались большинством совета. Каждый бий и батыр обычно в знак своего согласия с вождем бросал перед собой плеть рукояткой от себя. Но Аблай на этот раз не стал их спрашивать. Так имел право поступать лишь избранный всеми тремя жузами хан.

— Я прикрою вас, султан и батыры!

Это в наступившей тишине сказал Баян-батыр.

Аблай встал со своей подушки:

— Что же, остается только посмотреть, каковы предзнаменования у Ак-буры!

И все присутствующие направились вслед за султаном Аблаем на край степи, где лежал белый верблюд. При виде приближающейся толпы верблюдов встал на ноги. Аблай остановился в десяти шагах. Ак-бура медленно повернулся и улегся хвостом к султану Аблаю и головой в сторону Голубого моря...

Весь день продолжались стычки в ущелье, и Аблай, стоя на холме со своими батырами, спокойно наблюдал за ними. А вечером, как и в предыдущие дни, зажглись большие костры по всей степи. Но если бы кто-нибудь в полночь проехал здесь, то увидел, что в предгорьях не осталось ни одной юрты и только одинокие подростки-туленгуты подбрасывают в костры бурьян...

Основное казахское войско прошло на рысях уже верст пятнадцать в сторону Балхаша. Едущие в походном строю джигиты ополчения удивленно переглядывались.

— Кажется, мы убегаем!

— Да, судя по быстроте... А говорят, что за спиной у шуршутов наши восстали. Из Большого жуза...

— Как же восстали они без султанов?

— Как будто мало били мы джунгар без всяких султанов!

— Знает ли Аблай, что в Синьцзяне поднялись уйгуры и казахи?

— А откуда ты знаешь?

— Говорят...

— Ох, а что сказать своим?.. Уж лучше погибнуть в бою!

— Успеешь еще, вояка...

– Да, большого ума для такого решения не требуется. Не нужно быть султаном, чтобы дать приказ бежать!

Едущий рядом Татикара-жырау взгляделся в угрюмое лицо сказавшего последнюю фразу джигита.

– Ладно, не горюй, – сказал жырау. – Умный волк всегда побежит перед десятью собаками. А повернется к ним клыками тогда, когда собаки растянутся в линию!..

На ночном привале, когда немного уже оставалось времени и до рассвета, к Аблаю подъехали оба певца – Татикара и Котеш.

– Разреши, султан, повеселить джигитов песнями! – сказал Татикара-жырау как старший.

– Пойте, жырау!..

И едва успели воины стреножить коней, как сначала в голове войска, а затем и в хвосте забились, обгоняя друг друга, две лучшие домбры своего времени. И резкие, сильные голоса взметнулись над степью. Оставив свои костры, поспешили джигиты на эти голоса.

Красные озорные огоньки искрились в глазах Татикары-жырау:

О, берегитесь, джигиты!

Вспомните того толстого шуршута,

Как трясся у него живот, когда бежал от нашего Жабай!

И хоть, подобно ангелу смерти Азраилу, мчался Жабай,

Через мгновение исчез за горизонтом вояка-шуршут!

Никто из живущих в разные времена людей

Не видел еще подобной быстроты.

Как лучший в табуне аргамак, бежал важный шуршут.

И ветер свистел от мелькающих пяток...

Так что уж если догонят нас шуршуты,

То и не пытайтесь бежать,

Ибо кто же сравнится в беге с шуршутами?!

Тысячеголосый хохот гремел над степью...

Джигиты спали, положив под голову седла, как спали в этой самой степи их деды и прадеды еще два, и три, и четыре тысячелетия тому назад. И так же, как и теперь, приползал сюда из своих далеких речных долин ненасытный тысячеглавый шуршутский дракон, желая поглотить их, высосать кровь и выплюнуть кости, чтобы и воспоминаний не осталось о древнем народе, живущем в этой степи. Но всякий раз, обломав зубы, уползал он обратно через каменную пустыню.

Об этом пели сегодня казахские жырау, и грядущая победа над этим кровожадным драконом снилась джигитам. Они кричали во сне и хватались за шашки.

На рассвете небо заволокло тяжелыми тучами, и пошел холодный дождь. Вымокшие до нитки люди молча ехали через потемневшую скользкую степь. А когда доехали до небольшой в обычную пору речушки, то увидели, что черная вода в ней бурлит и клокочет, а другой берег просматривается где-то у горизонта.

Сумрачно смотрели джигиты, как пенистые холодные валы выбрасывали на песчаный берег глыбы камней величиной с верблюда и целые деревья, подхваченные глинистым потоком где-то в горах и принесенные сюда вместе с корнями. Корни топорщились в воде страшно, как драконьи перепончатые лапы. Пока они смотрели в этот бушующий поток, прискакала тысяча джигитов батыра Баяна. Они, как и условлено было, атаковали передовую линию шуршутов и навели среди них порядочную панику. Однако китайская кавалерия Чжао Хоя устремилась в погоню за ними, и таким образом китайские военачальники узнали об отступлении казахского ополчения. Само собой разумеется, они уже прошли роковое ущелье и движутся сюда. Здесь, прижатое к реке, ополчение могло погибнуть все до единого человека...

Аречной грохот все усиливался, и вода прибывала. Кони и верблюды пятились от реки, тревожно поводя ушами. И тогда опять выехал вперед Татикара-жырау, тронул струны, и высокий пронзительный голос его прорвался сквозь шум и грохот:

Мягкая бахрома и длинный корень у камыша...
Река перед нами, а за нами дракон!..
Неужто только саблей горазды махать наши батыры?
Где ты, Джаныбек-Шакчак-улы, с тяжелой пикой?
А куда заделался Бакей – гордость родов сагир и дулат?
Где же они: Дербисал и Мандай из кипчаков?
Ой, не видать мне Сары и Баяна из уаков!
Воды испугавшись, втянули головы в плечи!
В лесу самое высокое дерево – сосна...
Где же эта сосна нашего войска – Богембай?
А грозный батыр Жабай из рода еменалы-керей
Только и умеет, что ворочать своей пикой!..

И снова громовой хохот потряс сырую, холодную степь. А батыры, даже те из них, кто не умел плавать,

немедленно выехали вперед. Тяжелые бризги поднялись выше прибрежных деревьев. Это вместе со своим конем, не сняв даже доспехов, первым рухнул в реку Баян-батыр. С того дня, как от его собственной руки пал его брат Ноян, батыр ежечасно искал смерти.

Лишь несколько джигитов вместе с лошадьми унесены были течением. Войско быстро привело себя в порядок, обсушилось у костров, и к тому времени, когда на другом берегу показались шуршутские ертоулы из недавно покоренных кашгарцев, оно уже двинулось дальше. На берегу реки, которая названа была Куркреук, Грохочущей, осталась лишь тысяча всадников Баян-батыра. Султан Аблай приказал стоять здесь и не тревожить шуршутов.

Целую неделю прождали джигиты из отряда Баян-батыра китайские армии. Но их все не было. Отправленные на тот берег ертоулы донесли, что в ущелье оставлен лишь заслон, а основное войско захватчиков двинулось обратно в глубь "Новой Земли" — Синьцзяня. Вскоре стало уже точно известно, что едва армия Чжао Хоя двинулась в Казахскую степь, как во вновь завоеванных китайцами землях вспыхнуло восстание искони проживающих там уйгур и казахов. Уже успевшие по традиции поссориться друг с другом китайские генералы устремились туда, каждый со своей армией. Это и спасло Казахскую степь от неминуемого нашествия, которое было бы намного страшнее джунгарского. Но ничто не спасло восставших. Казахское ополчение по неясным для них причинам отошло к Балхашу...

В этот же день тысячный отряд Баян-батыра переправился обратно через успевшую обмелеть речку и к ночи уже оказался возле ущелья Алтын-Эмель. Посланные вперед ертоулы доложили, что оставленный китайцами заслон составляет не менее десяти тысяч человек пехоты и двух тысяч всадников. Укрывшись в густых зарослях джиды, всадники Баян-батыра выспались и отдохнули. Едва пала ночь, как они выступили в поход.

В ущелье каждые двадцать шагов горели костры и стояли часовые. И казахские джигиты не пошли через ущелье. Ночью они вместе с лошадьми переплыли Или и по одним им известным тропам почти

над головой у китайских охранников перешли на ту сторону гор. Было еще совсем темно, когда тысяча всадников Баян-батыра построилась боевым клином с той стороны, откуда захватчики никак не могли ждать нападения, – со стороны Китая.

– А будет ли радоваться Аблай твоему решению, батыр? – прошептал за спиной Баяна чей-то голос.

– Арруах!.. – коротко и страшно крикнул батыр Баян, вставший на своем Тулпар-коке во главе клина.

– Уа... Арруах!.. О тени усопших здесь предков!..

– Акжол!

– Ойныбай!

– Караходжа!

– Аблай!..

И с места в боевой галоп все сметающей на своем пути лавой двинулись вперед казахские джигиты. Подобные степному пожару мчались они, и все загоралось там, куда приближались они, потому что сотню за сотней выпускали они на спящий лагерь зажигательные стрелы. В пыли и дыму, голые, обгорелые, бежали шуршуты. Их настигали и рубили закаленными клычками, длинными дедовскими саблями – алдаспанами, простыми дубинами. Предсмертные вопли и проклятия слышались там и тут. Пригнанные своими правителями за тридцать земель для завоевания никогда не принадлежавших им степей, сотнями гибли на чужой земле солдаты. И перед смертью виделись им спокойные многоводные реки, легкие пагоды, зеленые пальмы на покатом океанском берегу. Грезилась родина...

Свыше трех тысяч захватчиков было уничтожено этой ночью. Пока китайские командиры опомнились от неожиданного нападения, пока собрали и привели в порядок свое войско, нападавших и след простыл. Казалось, что джинны напали на китайский лагерь, и только убитые и раненые казахские батыры, лежащие на земле вперемешку со своими жертвами, не оставляли сомнений в том, кто совершил набег.

А отряд Баян-батыра уже готовился в обратный путь. Но когда подсчитали собственные потери, выяснилось, что не хватает более трехсот джигитов.

– Негоже оставлять своих товарищей в руках у шуршутов, – сказал Баян-батыр. – Все вы знаете, что они делают с пленными!

Джигиты, всю ночь не слезавшие с загнанных

немедленно выехали вперед. Тяжелые бризги поднялись выше прибрежных деревьев. Это вместе со своим конем, не сняв даже доспехов, первым рухнул в реку Баян-батыр. С того дня, как от его собственной руки пал его брат Ноян, батыр ежечасно искал смерти.

Лишь несколько джигитов вместе с лошадьми унесены были течением. Войско быстро привело себя в порядок, обсушилось у костров, и к тому времени, когда на другом берегу показались шуршутские ертоулы из недавно покоренных кашгарцев, оно уже двинулось дальше. На берегу реки, которая названа была Куркреук, Грохочущей, осталась лишь тысяча всадников Баян-батыра. Султан Аблай приказал стоять здесь и не тревожить шуршутов.

Целую неделю прождали джигиты из отряда Баян-батыра китайские армии. Но их все не было. Отправленные на тот берег ертоулы донесли, что в ущелье оставлен лишь заслон, а основное войско захватчиков двинулось обратно в глубь "Новой Земли" — Синьцзяня. Вскоре стало уже точно известно, что едва армия Чжао Хоя двинулась в Казахскую степь, как во вновь завоеванных китайцами землях вспыхнуло восстание искони проживающих там уйгур и казахов. Уже успевшие по традиции поссориться друг с другом китайские генералы устремились туда, каждый со своей армией. Это и спасло Казахскую степь от неминуемого нашествия, которое было бы намного страшнее джунгарского. Но ничто не спасло восставших. Казахское ополчение по неясным для них причинам отошло к Балхашу...

В этот же день тысячный отряд Баян-батыра переправился обратно через успевшую обмелеть речку и к ночи уже оказался возле ущелья Алтын-Эмель. Посланные вперед ертоулы доложили, что оставленный китайцами заслон составляет не менее десяти тысяч человек пехоты и двух тысяч всадников. Укрывшись в густых зарослях джиды, всадники Баян-батыра выспались и отдохнули. Едва пала ночь, как они выступили в поход.

В ущелье каждые двадцать шагов горели костры и стояли часовые. И казахские джигиты не пошли через ущелье. Ночью они вместе с лошадьми переплыли Или и по одним им известным тропам почти

над головой у китайских охранников перешли на ту сторону гор. Было еще совсем темно, когда тысяча всадников Баян-батыра построилась боевым клином с той стороны, откуда захватчики никак не могли ждать нападения, – со стороны Китая.

– А будет ли радоваться Аблай твоему решению, батыр? – прошептал за спиной Баяна чей-то голос.

– Арруах!.. – коротко и страшно крикнул батыр Баян, вставший на своем Тулпар-коке во главе клина.

– Уа... Арруах!.. О тени усопших здесь предков!..

– Акжол!

– Ойныбай!

– Караходжа!

– Аблай!..

И с места в боевой галоп все сметающей на своем пути лавой двинулись вперед казахские джигиты. Подобные степному пожару мчались они, и все загоралось там, куда приближались они, потому что сотню за сотней выпускали они на спящий лагерь зажигательные стрелы. В пыли и дыму, голые, обгорелые, бежали шуршуты. Их настигали и рубили закаленными клычками, длинными дедовскими саблями – алдаспанами, простыми дубинами. Предсмертные вопли и проклятия слышались там и тут. Пригнанные своими правителями за тридцать земель для завоевания никогда не принадлежавших им степей, сотнями гибли на чужой земле солдаты. И перед смертью виделись им спокойные многоводные реки, легкие пагоды, зеленые пальмы на покатом океанском берегу. Грезилась родина...

Свыше трех тысяч захватчиков было уничтожено этой ночью. Пока китайские командиры опомнились от неожиданного нападения, пока собрали и привели в порядок свое войско, нападавших и след простыл. Казалось, что джинны напали на китайский лагерь, и только убитые и раненые казахские батыры, лежащие на земле вперемешку со своими жертвами, не оставляли сомнений в том, кто совершил набег.

А отряд Баян-батыра уже готовился в обратный путь. Но когда подсчитали собственные потери, выяснилось, что не хватает более трехсот джигитов.

– Негоже оставлять своих товарищей в руках у шуршутков, – сказал Баян-батыр. – Все вы знаете, что они делают с пленными!

Джигиты, всю ночь не слезавшие с загнанных

коней, молчали. "На одном шире дважды не делают подарки" – гласит пословица. Рок не любит повторений, а степняки всегда верили в рок...

– Давай, батыр, тех, кто остался в руках врага, поручим богу, а мертвые уже все равно в его ведении! – сказал один из джигитов ополчения. – Мы устали и только понесем лишние потери. Шуршуты уже ждут нас...

– Разве есть у нас другой выход? – поддержал его другой.

– Да простят нас павшие!..

И тогда вдруг выехал вперед джигит, поднял правую руку.

– Я с батыром Баяном!

К нему присоединился второй – тот самый, который только что сомневался в разумности нового нападения на китайцев:

– Неужели только ты уродился мужчиной у своей матери!..

– И я!..

– Я с вами, батыр!

Через минуту все примкнули к батыру Баяну. Он махнул рукой:

– Двинемся сейчас по другой ложине, вон туда!

– Эй, батыр Баян, а будет ли доволен всеми твоими действиями наш султан?! – тихо произнес все тот же голос за его спиной.

– Не знаю... – Батыр выхватил свой страшный алдаспан и показал на виднеющийся впереди дым. – Вперед!

– Уррах!

– Акжол!

– Аманжол!.. Борибай!..

И опять словно поднявшиеся из этой земли предки ринулись вместе с ними на врага. Но уже залпом из китайских фитильных ружей встретили их солдаты императора. Присев на колено, они выставили перед собой пики, образовав единую линию. И все же линия эта была прорвана, и опять побежали в разные стороны, как тараканы от кипятка, завоеватели-шуршуты. Вот как пел поэт об этом бое в своей песне-сказании:

Но закипела кровь у казахских батыров.

И хоть верная смерть была впереди,

А на каждого из них приходилось по сто шуршутов.

Устремились они на врага!..
Уже не пот, а кровь проступила ставозь поры тела.
Кровь лилась с батырских сабель,
Но, подобные миллионам ядовитых каракуртов,
Окружили их враги-шуршуты.

Да, слишком велико было неравенство сил. На много верст раскинулся китайский лагерь, и со всех сторон подходили подкрепления. А силы казахских джигитов таяли. Не более сотни их уже оставалось на конях. Баян-батыр огляделся и увидел, что близок конец. И еще увидел он, что все предгорья вокруг потемнели от трупов завоевателей. "Нет, не зря мы погибаем... – подумал батыр. – Останется это черное поле в памяти шуршутов на века. Может быть, привидится оно им, когда снова придут за нашей землей!"

Громадный маньчжур устремился на него с длинной железной пикой. Баян-батыр одной рукой вырвал у него из рук эту пикку и в мгновение ока завязал узлом, потом схватил свой дедовский алдаспан и до седла разрубил его.

В ту же минуту он почувствовал, как холодная сталь вошла в бок и пробила огромное батырское сердце.

– Арруах!.. На шуршутов!..

В предгорьях отозвался эхом этот страшный крик Баян-батыра и, многократно повторяясь, укатился через горы в родную степь...

Они сидели друг против друга – хан страны казахов Абильмамбет и один из султанов Среднего жуза Аблай. Да, так оно и было, несмотря на многие победы Аблая над джунгарами и шуршутами, несмотря на всю его славу. В глазах престарелых биев, чтущих незыблемые законы предков, в глазах всех казахских родов, в глазах толпы он все равно лишь простой султан. И хоть в степи и за ее пределами знают имя Аблая куда лучше, чем имя этого болезненного человека, большая ханская подушка все равно под задницей у Абильмамбета. И крепкий, полный сил и жажды власти Аблай вынужден смотреть снизу вверх на своего дядю...

Если бы он был наедине с самим собой, Аблай бы усмехнулся. Он хорошо понимал, почему этот болезненный хан, презрев свои горести и страдания, прибыл за полторы тысячи верст в его ставку на берег Голубого моря. Хан Абильмамбет прибыл праздно-

вать великую победу над шуршутами, которую одержал один из его многочисленных султанов — Аблай!

Нет, не получилось так, как рассчитывали его враги. Султан Аблай был и остается первым человеком в стране казахов, и ему решать, чему быть — миру или войне. Увязни-ка он со своим войском в войне с шуршутами, все бы пропало. Предположим, что он пришел бы на помощь восставшим родам Большого жуза, и ему при их поддержке удалось бы разбить обе китайские армии. Все самые верные его батыры лежали бы сейчас там, в черной юрте на краю ставки, где лежит вывезенное с поля боя и завернутое в белую кошму тело Баян-батыра. Аблай остался бы без войска, которое будет так необходимо, когда он станет ханом Большой Орды. Правда, для этого нужно, чтобы вовремя ушел в иной мир хорошо относящийся к нему родной дядя — этот вот болезненный хан Абилямбет...

О, он хорошо знает их, окружающих хана Абилямбета родовых вождей: биев, аксакалов и наследственных батыров. У каждого свои интересы, свои страсти — большие и малые, свои привязанности. И каждый если не сам лелеет мечту сделаться ханом трех жузов, то уж, во всяком случае, имеет на примете своего человека, который был бы хорош для него на белой ханской кошме. Таковы они, торе-чингизиды, и кому, как не ему, знать своих родичей!

За каждым шагом следят они, ожидая, как волки, когда же он споткнется. Каких только обвинений ни предъявляли ему, когда он принял российское подданство. Некоторых жырау настроили против него, возбуждали толпу — импрам. И разве вон тот старец, что трет сейчас рукой руку, не рассказав тогда сказку о хитром соседе. “Дай мне в знак дружбы кусок земли величиной с воловью шкуру”, — предложил хитрец. А когда простодушный сосед согласился, тот разрезал шкуру тонкими ленточками, и оказалось у него земли до горизонта. Так, мол, и орысские генералы: просили землю лишь под крепости, а возле крепостей насадили огороды, потом все вокруг засеяли пшеницей, привели сюда своих мужиков-туленгутов...

Так говорили все они. Теперь, когда шуршуты ухватили степь за горло, то уже не считают, что Аблай проданся гяурам и хана толкнул на это. Этот дракон посерьезней джунгарского ящера, и, имея за спиной

орысские крепости, куда легче разговаривать с ним.

Нет, не торе-чингизиды пока что главная опора. Вот они, неродовитые батыры, а то и просто люди неизвестного происхождения, утвердившие свое имя саблей и пикой в эти смутные годы. За ними стоит та безликая масса простонародья, которую называют импрам. Это ее испокон веков используют умные властители для завоевания трона. Все можно пообещать людям, а сделать по-своему. Уж они-то не спросят отчета о его действиях, а слепо пойдут за ним. Он, султан Аблай, не первый и не последний. Так всегда поступали степные властители, так делал его рыжебородый предок, потрясавший некогда вселенную...

Вот они сидят по правую и левую руку от него, их повелителя и будущего хана Аблая... Пожилой, но еще полный могучей силы Богембай, а за ним Жабай-батыр из рода еменалы-керей, кипчакские батыры Дербисал и Мандай, дулатовец Бокей, Сары-батыр из уаков и другие, чьи имена повторяют в степи люди всех родов и жузов. Хмуры их лица, потому что мечтали они о победе над захватчиками-шуршутами, а пришлось отступить. Да еще завернутое в кошму тело их батыра Баяна привезли из Алтын-Эмеля. Однако никто не возразил против приказа, никто не потребовал объяснений.

Что же, может быть, и удалось бы одолеть шуршутов и освободить те казахские роды и племена, которые лежат, придавленные брюхом дракона. Потому и поднялось всеказахское ополчение. И восставшие за спиной шуршутских армий казахские кочевья ждут помощи. Но поступить так было невыгодно сейчас ему, будущему великому хану. А что выгодно ему, то отныне должно быть законом для всех в степи.

Да, никто из сидящих здесь не знает, что вечером того же дня, когда была пробита стрелой его шапка, два бродячих дервиша в грязных и заштопанных халатах побывали в его белой юрте при Алтын-Эмеле. Через стражу ему был передан серебряный кружочек с одним лишь иероглифом, и он велел пустить их к себе. Один из дервишей со слезящимися глазами тут же молча снял с себя халат и развернул чалму на голове. Легкий холодок пробежал по спине Аблая, когда он узнал этого старика с ничего не выражающими глазами. Когда Аблай находился в почетном плену у джунгарского контайчи, к тому два или три

раза приезжал этот китаец. И надутый самовластием, контайчи, считающий себя законным владыкой полу мира, бледнел и понижал голос, разговаривая с этим человеком. Потом султан Аблай узнал, что именно этот старик, который сидел теперь перед ним в грязной одежде, уничтожил Великую Джунгарию...

Недолгим был разговор в белой султанской юрте. А когда дервиши сели на своих ослов и уехали в неизвестном направлении, Аблай приказал уходить от ущелья Алтын-Эмель к Голубому морю. И белый верблюд Ак-бура, спасший в этот день султана от смерти, сразу же послушно лег головой к Балхану...

Да, он избрал этот путь. Ему, чтобы сделаться ханом трех жузов, было невыгодно сейчас побеждать шуршутов у Алтын-Эмеля. Ослабнет угроза с их стороны, и тут же заворочаются, заговорят, зальются соловьем все эти бии-златоусты, толстозадые политики, хитрецы, родовые властители и судьи. Кто переговорит их в дни мира! А пока висит шуршутский меч над головой, только он, султан Аблай, представляет какую-то силу. Вот когда он станет великим ханом, тогда можно будет вернуться к Алтын-Эмелю.

Пока же он будет скользить между российским львом и шуршутским драконом, сохраняя нетронутыми свои силы и придерживая на цепи кокандских шакалов – Ердена и Нарботу-бия. Нет удобнее положения, чем когда обе стороны в тебе заинтересованы. Российское подданство он уже давно признал. Что же, теперь он признает свою определенную зависимость и от богдыхана. Большого приехавший к нему старик и не потребовал.

Нет, не такой уж он близорукий, чтобы не понять замысел этого старого шуршута с большими глазами. Судьбу Джунгарии хочет уготовить этот страшный старик всем трем казахским жузам. Пока что шуршутская империя переваривает Джунгарию. Но когда три раза отрыгнется ей и заполнится пригнанными из глубин Китая людьми джунгарские пепелища, наступит пора страны казахов. Вот тут-то и пригодятся те русские крепости, которые он вместе со всеми знатными людьми трех жузов разрешил строить в степи. К тому же тогда он уже станет ханом!

А пока что он будет неуклонно идти к своей цели, и в тот день, когда поднимут его на белой кошме над степью представители всех трех жузов, эта цель будет

достигнута. Горе тому, кто станет на его пути к ханской кошме. Все те, кто сидит сейчас здесь – родовитые и неродовитые, – должны беспрекословно выполнять его предначертания. Иначе... иначе их ждет судьба Баян-батыра. Да, по одному взгляду, брошенному Баян-батыром, понял он, что тот разгадал причину отступления от Алтын-Эмея. Потому и попросился батыр в прикрытие. И Аблай знал, что батыр нарушит его приказ не ввязываться в сражение с шуршутами. Что же, всем известно, что Баян-батыр действовал по собственному разумению. Все произошло так, как и предполагалось. Шуршуты узнали силу удара казахских джигитов и поостерегутся лишней раз задирать его, Аблая. А Баян-батыру – правой руке отчаянного и бесстрашного султана Аблая – пришла пора умереть. Он не смог бы быть правой рукой великого хана Аблая.

Да, и впредь он будет без сожаления отсекал те руки и головы, которые захотят действовать и думать сами по себе. То, что можно было сказать простому султану, даже во сне не говорится настоящему хану. Но те батыры, которые с ним, сами не очень жалуют всевозможных родовитых биев и торе. Они всегда будут с ним, и слово его будет для них законом!..

Большой ханский совет начался совсем не так, как требовалось по закону. Когда сказаны были все положенные слова и хан Абилямбет уже медленно поднял руку, чтобы предоставить слово наиболее почитаемому по старшинству и богатству бию Казыбеку – Гусиный Голос, – молчаливый Богембай-батыр сложил вдруг свои огромные ладони вместе и вытянул их перед собой:

– О мой хан и все большие люди трех жузов... Разрешите нам сотворить молитву по Баян-батыру, нашему товарищу!..

И один из неродовитых батыров, полузакрыв глаза, нараспев начал произносить полузабытые с детства слова Корана. Мало кому из них приходилось молиться в последние двадцать пять лет. Но так или иначе, а пришлось сложить ладони и слушать молитву самому хану. С каменными лицами, изобразив на лице скорбь, сидели аксакалы, султаны, бии. Последним свел ладони вместе султан Аблай... Закончив чтение Корана, батыр провел ладонями по лицу:

– Аминь!

- Аминь! - наперебой повторяли остальные.

Помолвившись, старый, поседевший в боях легендарный батыр Богембай - левая рука султана Аблая - бросил перед собой плеть и повернулся к Аблаю:

- О мой султан, почему не пришли мы на помощь нашим братьям из Большого жуза, которые истекают кровью на шуршутском аркане?

Долгое молчание наступило в двенадцатикрылой ханской юрте. Султан Аблай наконец разжал губы:

- Я не знал, что поднялись против шуршутов роды Кашгарии и Семиречья!..

Аблай обвел медленным взглядом своих батыров. Знает ли кто-нибудь из них, что он первым узнал о восстании казахских родов и уйгур в Синьцзяне и Семиречье?

У батыров были хмурые лица.

На большом ханском совете решено было не воевать с Китаем. Султан Аблай молчал. Сам хан Абилямбет поставил в известность представителей трех жузов, что прибыли официальные китайские послы для переговоров. Однако все присутствующие знали: то, что говорит Абилямбет, думает Аблай. Именно по его настоянию, несмотря на договор с шуршутами, решено было с будущей весны увеличить постоянное войско и снова собрать ополчение.

- Это будет полезно для шуршутов, - сказал Аблай. - Ну и кокандским владельцам не мешает знать, что наша конница готова выступить в любой день. Слишком уж много лашкаров собрали Ерден и Нарбота-бий под Ташкентом. Как говорится: "Когда мясо портится, можно подсыпать соли, но что делать, когда портится соль?!"

"Лучшие люди" трех жузов неохотно пошли на это предложение Аблая. Слишком хорошо понимали они, что такое большая армия в руках султана Аблая. Каждая лишняя сотня всадников в его войске приближала неистового Аблая к ханской кошме.

Большая часть ополчения уже разъехалась по кочевьям. Сам Аблай со своим личным отрядом и ополчением некоторых родов Среднего жуза собирался выезжать в Кокчетау. Но не успел он вдеть ногу в стремя, как послышался чей-то крик. Подскакавший гонец, шабарман, свалился с коня, встал на одно колено перед провожавшим Аблая ханом Абилямбетом:

- О мой хан!.. Десять тысяч юрт рода садыр собираются оставить свои кочевья на реке Лешсы и откочевать к родичам в Андижан!

- Какова причина? – резко спросил Аблай, и гонец повернулся к нему.

Аулы рода садыр обитали как раз на рубежах захваченной шуршутами Джунгарии.

- Про это я не знаю!

- Что же тебе известно, ертоул?

- Мне только известно, что к ним приезжал человек от эмира Нарботы из Коканда, который говорил: "Уходите к нам. Если вас не уничтожат шуршуты, то наверняка вырежет Аблай!"

- Зачем же мне вырезать наших подданных? – громко спросил Аблай, понимая, что завтра его слова станут известны всей степи. – Неужто Тасболат-батыр, глава рода садыр, поверит этим бредням?! Или он думает, что, убежав в Андижан, он избавится от шуршуты? Они придут за ним и в Фергану!..

- Человек из Коканда говорил о старой вражде аргынов к роду садыр...

- Что же... – Аблай сжал побелевшей рукой камчу. – Что же, тогда придется...

- Не говори слова в гневе, Аблай! – спокойно сказал находившийся тут же Бухар-жырау.

- Но если мы дадим уйти роду садыр, за ним в панике бросятся все семиреченские найманы!

- Дай мне лишь десять джигитов сопровождения, мой султан, и они никуда не уйдут!

Аблай подумал, кивнул головой:

- Ладно, мой жырау. Но нам придется остаться здесь до твоего возвращения.

И Бухар-жырау поскакал. Нелегкое это было дело. Когда-то, во "времена великого бедствия", найманский род садыр искал прибежища у гор Аргынат, и аргынские бии не выделили для него пастбищ. Произошли межродовые столкновения. Веками помнится такая обида в степи, а тут прошло совсем немного времени. В битвах с джунгарами погиб глава рода Жомарт-батыр с девятью сыновьями. Впоследствии этот большой род возглавил чудом сохранившийся десятый сын батыра Тасболат. Он-то, напуганный расправой китайских войск с синьцзянскими казаками, и решил откочевать со своими подданными в пределы Кокандского ханства, где уже проживало

пятнадцать тысяч семейств садыровцев. Большой участок границы оказался бы оголенным. Да и другие найманские роды не преминули бы последовать примеру Тасболатата. А шуршутам только подавай освободившуюся землю...

Когда Бухар-жырау со своими джигитами прискакал в главный аул садыровцев, там заканчивали уже грузить юрты на верблюдов.

— Где Тасболат-батыр? — спросил он у первого встречного.

— Вон та большая юрта, которая еще цела! — сказали ему.

И дрожащий от ярости жырау поскакал к этой юрте. Не слезая с коня, он ударил по струнам домбры и запел на всю степь:

Куда ты направился, род садыр,
Не к реке ли Сарысу?..
Но не уйти тебе от меня,
Быстрее ветра аргамак мщенья!
Подобный снежной буре,
Дорогу тебе преграждаю...
За что ты обрушил дубину
На голову нашего Акмурзы?!

Да, не с приказом от хана вождю подвластного рода приехал жырау, а с требованием выкупа погибшего в межродовой стычке батыра Акмурзы. Это было давно. Отец Тасболатата в одно сухое лето кочевал с табуном на пастбище аргынов в сторону горы Аргынаты. Аргыны требовали, чтобы батыр направился со своим табуном в горы Улытау. Во время стычки Жомарт убил аргынского батыра Акмурзу, а сам откочевал к реке Бурундай. С тех пор садыровцы враждовали с аргынами. Если бы султан Аблай покарал этот род только за желание переселиться к родичам, то взволновалась бы вся степь. Но речь пошла о справедливом суде за убийство, от которого якобы убегают садыровцы, и древнее степное право становилось в этом случае на сторону Аблая. Тасболат-батыру ничего не оставалось, как задержать переселение. Он самолично вышел из юрты и помог слезть с коня знаменитому жырау.

Полдня обговаривали они условия предстоящего суда, а люди рода садыр пока что разгрузили верблюдов. Некоторые начали снова ставить юрты. Никому ведь не хотелось покидать насиженное место.

– Да, а что это у тебя в ауле все юрты разобраны? – как бы между делом спросил Бухар-жырау.

– Да вот шуршуты пришли... – ответил Тасболат-батыр. – Уже бегут из Синьцзяня казахи!

– Есть Аблай с войском!

– Где же был он, когда шуршуты жгли наши аулы по ту сторону гор?!

– Не пришло еще время воевать с шуршутами, – возразил жырау. – Но и бежать от них не время!

– А что же делать?

– То, что сделал Баян-батыр!

Тасболат-батыр на минуту задумался, потом решительно кивнул:

– Ладно, останемся!

Какое-то облечение послышалось в его голосе. Видно, нелегко было ему решиться на такое переселение. Не очень-то раздольное житье ожидало сadyровцев в пределах Кокандского ханства.

– Ну, а если все же придут к нам шуршуты, поможет ли Аблай? – спросил, провожая Бухара-жырау, Тасболат-батыр.

– Баян-батыр пришел бы... – задумчиво ответил жырау. – Значит, Богембай придет, и Жабай-батыр придет, и Сары-батыр. Пока что вы остаетесь здесь ертоулами страны казахов...

Долго смотрел вслед старому жырау Тасболат-батыр. Он думал над его словами. Почему не ответил тот прямо на его вопрос об Аблае? Ведь до последнего времени Бухар-жырау считался в степи устами Аблая...

III

Хан Аблай был в превосходном настроении. Да, он стал великим ханом страны казахов. Собравшись, как положено, на берегу озера Теликоль, знатные люди трех жузов подняли его на белой кошме. Правда, отсутствовали представители многих родов из Младшего и Большого жузов, но теперь это не имело значения. Тех, кто не подчинится ему, он свернет в бараний рог!

А сейчас великий хан Аблай пожинает плоды своих трудов. Все клонится перед ним, когда во главе своей конницы проходит он по степи. Вот и теперь его

джигиты привели к повиновению племя божбан и рода конрад, которое договорилось с кокандцами и выступило против него. И самая сладкая добыча досталась ему. Первую красавицу рода положили конрадские аксакалы к нему в постель, чтобы умерить его гнев и спасти от гибели своих знатных людей. Он лег с нею и с интересом наблюдает за ее стараниями понравиться ему. Ей всего пятнадцать лет, но все объяснили ей опытные тетушки, и она изо всех сил следует их поучениям, хоть ей делать это больно и страшно. Разве не так должен заставить настоящий властитель вести себя весь народ! Пусть всем им будет больно и страшно, но с тем большей покорностью примут люди его власть над ними. И ни в чем нельзя уступать им... Откинувшись на спину, приятно уставший хан слушает приглушенные вопли и стоны за толстой кошомной стеной белой юрты. Пока он здесь забавляется с красавицей конрадской, его палачи-туленгуты привязали к конским хвостам провинившихся перед ним вождей племени божбан и гонят лошадей в разные стороны, разрывая виновных на части. Так он будет поступать и впредь!..

Аблай слышит, как тихо всхлипывает и трясется от сдерживаемых рыданий девушка. Ничего, он подарит ей что-нибудь, и она позабудет свое горе. И братьев позабудет, которых сейчас волокут в пыли лошади, понукаемые туленгутами... Но что это за шум?

— Аттан... Аттан!

При этом крике живо разбегаются зеваки, собравшиеся посмотреть на казнь виновных. И дети разбегаются, прячутся по юртам, забиваются под толстые ватные одеяла, как будто там можно укрыться от врага, внезапно налетевшего на аул...

Неспешно одевшись и прицепив саблю, хан выходит на свет. Цепочка всадников скачет с южной стороны. Судя по предупредительному крику, с которым проскакал по аулу посланный вперед джигит, вести не из добрых.

Рыжебородый всадник-шабарман в сопровождении полутора десятков джигитов доскакал до ханской юрты, спрыгнул с коня, встал на колени:

— О всемогущий хан, недоброе известие!

— Говори, шабарман!

— Узнав о роспуске ополчения, хан Коканда Алим

в нарушение договора с вами сел на коня. Оседлали своих коней все андижанские, намаганские и маргеланские эмиры. А в ташкентском вилайете восстали роды шаншаклы и канглы, забывшие ваши благодеяния!..

– Что говорят они?

– Они говорят, что путь их лежит в туркестанские города!

– И сколько же их вместе?

– По общим подсчетам – шестьдесят тысяч пик!

Аблай задумался. Он ждал этой вспышки вражды к нему, но не так скоро. Сразу после того, как провозгласили его ханом, Аблай отбросил войска кокандских эмиров и возвратил все захваченные ими в "годы великого бедствия" территории и города. Ташкент обязался платить налог хану Аблаю. Казахские роды Большого жуза дулат, джалаир, бестанбалы и суан, Среднего жуза – конрад – снова возвратились в его подданство. Однако не всем в этих родах понравилась самовластная рука Аблая, и начались волнения. Одно из таких возмущений он только что подавил.

И вот теперь молодой кокандский хан Алим решил на новую войну. Его окрылила, по-видимому, весть о том, что при ханской ставке сейчас всего лишь тысячный отряд конницы, а те вспомогательные отряды, которые состоят из джигитов Большого жуза, вряд ли будут до конца верны хану Аблаю.

Дело в том, что в походе против кокандских эмиров участвовали отборные отряды всех трех жузов. Когда, победив, Аблай приказал вернуться войскам Среднего и Младшего жузов к родным местам, а на месте оставил лишь ополченцев Большого жуза, то он рассуждал так: "С древних времен земли Семиречья и по среднему течению Сейхундарьи принадлежали родам Большого жуза и роду конрад. Эти роды всегда стойко защищали свои земли от внешних врагов. Особенной храбростью отличались дулаты, джалаиры, канглы, шаншаклы, албаны, бестанбалы и другие. Земля в степи всегда принадлежала тому роду, который ее защищал. И вот после того, как Семиречье и берега Сейхундарьи снова возвращены этим родам, пусть они сами станут ее хозяевами и защитниками. Это даст им возможность найти себя..." Поэтому Аблай и отвел джигитов Среднего и Младшего жузов...

И вдруг такое сообщение! Враги, словно тая, просачиваются туда, где найдут щель. Значит, кокандский эмир нашел эту щель! Где же она, эта щель?..

Если в конрадовцах и дулатовцах можно только сомневаться, то уж о чувствах казахских родов шаншаклы и канглы хан Аблай был хорошо осведомлен. Вся тяжесть его налога на Ташкент переложил хан Коканда на этих отщепенцев. Ташкентский кунбег дерет сейчас с них по две шкуры, объясняя это претензиями Аблая. Ну, а ему все равно: шаншаклы и канглы заслужили такую участь. Она ждет всех, кто осмелится откочевать из-под его руки!..

– Где место сбора кокандцев? – спросил Аблай.

– На этом берегу Чирчика, у излучины.

– Ну, пока они доберутся до Туркестана, и мы соберемся с силами... – Аблай посмотрел на небо, перевел взгляд на гору Казыкурт, зевнул. Сначала подумал, не послать ли гонцов в ближайшие аулы Сарыарки с призывом о помощи, а потом передумал. "Бой должны вести сами роды Большого жуза и конрадцы. Так они скорее почувствуют свою роль в казахской орде..."

Хан поднял руку.

– Ладно, пошлите гонца к сиргилинцам, к самому Елчибек-батыру, отправьте также гонцов к дулатам, джалаирам, бестанбалы, суанам и албанам. Чтобы через сутки их отряды были у Казыкурта!..

Ханский порученец сделал знак рукой, и тут же взлетели на коней два десятка джигитов – шабарманов. Они всегда были готовы в путь, и каждый знал, куда ему скакать. Через минуту столбы пыли закружились над степью, быстро удаляясь в разные стороны.

Губы хана Аблая презрительно скривились:

– Разрежь змею на три части – все равно одолеет ящерицу. Неужто я с третью своего войска не одолею кокандского молокососа?!

Он шагнул обратно в темноту юрты, но не стал больше раздеваться. Все же шесть десятков лет – не восемнадцать, надо и побережь себя для судьбы. Сняв шапку и расстегнув пояс, хан Аблай откинулся на сложенные горкой одеяла. В темноте беззвучно всхлипывала, давясь слезами, юная конрадка, и ему было приятно...

Он задумался... Пусть что угодно говорят его завистники. Жестоким и кровавым называют многие его, но никто не скажет, что при нем проиграла в чем-либо страна казахов. По-прежнему ловко скользит он меж львом и драконом, ощериваясь всякий раз в сторону Коканда. А что многим так плохо приходится, что готовы бежать куда придется, то на то он и хан, чтобы держать их в страхе. Разве страна казахов, цельность ханства не важнее всего на свете?..

Сразу после битвы при Алтын-Эмеле послал он своего брата Жолбарса к китайскому богдыхану. Он знал, что в Китае идет междоусобная война, и трудно было найти лучшее время для договора. Титул князя получил он от императора Хун Ли, а кроме того собою шубу, шелковые ковры невиданной расцветки и многое другое. Даже личный императорский календарь был послан ему из Пекина, чтобы казахи знали о китайской культуре и отсчитывали время по шуршутскому счету.

А через два года, в 1758 году по российскому счету, подавив кашгарцев и казахов в Синьцзяне, китайские войска опять полезли в Казахскую степь. На этот раз они спустились с Тарбагатайских гор и опустошили всю степь до Голубого моря. Как в годы "великого бедствия", бежали от них все приграничные аулы. И так много было шуршутов, что не осталось ни травинки на земле. Наверно, не только лошади, но и сами шуршуты ели эту траву и глодали кору с деревьев...

Аблай выступил против них, и на Аягузе произошла большая битва. Снова, не желая перемалывать свое отборное войско, отступил он, а в прикрытие оставил батыра Малайсары. Погиб великий батыр Малайсары, как погиб Баян-батыр. И сейчас стоит там песчаная гора под названием Малайсары.

Но не добились от хана шуршуты, чтобы он порвал связи с Россией. Он стал отходить все дальше в степь, заманивая дракона туда, где словно львиные когти в мягких подушках стояли русские крепости. Однако дракон понюхал воздух и стал уползать обратно за горы...

Нет, в этой стороне нечего было делать дракону, и в том же году громадная стовосьмидесятитысячная китайская армия была собрана на синьцзянских рубежах. На этот раз шуршуты нацелились сразу на всю Среднюю Азию, благо российскому льву не было пока

ни повода, ни возможности вмешаться в это дело. И сразу забыты были все нечестливые вековые обиды. Хива, Коканд, Бухара и Афганистан при поддержке всего мусульманского мира стали готовиться к отпору. Словно горячий ветер, пронеслась весть о священной войне против шуршуттов – газавате. По законам веры ни Аблай, ни хан Младшего жуза Нуралы не могли остаться в стороне от этого призыва.

Хан Нуралы сразу же сослался на прямую зависимость от России, которая не воевала с Китаем. До Младшего жуза далеко было шуршуттам. Но и Аблай нашел себе оправдание, чтобы не присоединиться к газавату. Во-первых, он тоже зависим от России и не смеет без ее согласия вступать в большие войны. Во-вторых, только недавно целых тридцать аксакалов во главе с Одаршыбием от имени Аблая преподнесли в подарок китайскому императору тридцать белых аргамаков, и тот признал Аблая "главой всех казахов", и теперь неудобно выступать против богдыхана, ибо это будет нарушением данного слова. На самом же деле хан Аблай, по примеру предков, не относился серьезно к любым договорам, тем более написанным на бумаге. Его глубоко беспокоил союз среднеазиатских ханств во главе с афганским вонтемом Ахметханом. Семьдесят тысяч всадников собрал Ахметхан между Ташкентом и Самаркандом, и кто его знает, куда может двинуться это войско, если не произойдет стычки его с шуршуттами. Что могли противопоставить такой армии обескровленные за десятилетия бедствий и непрерывных войн казахские кочевья! Ничего плохого не произойдет, если шуршутты потреплют сейчас претендующих на туркестанские города кокандских и прочих эмиров. Правда, и шуршутское соседство на юге нежелательно, но опять-таки выручит двойное подданство. Коль облаглют шуршуты, рыкнет российский лев. Русские крепости ведь не только в Казахской степи, а и дальше на восток, вдоль всей китайской границы, до самого Великого океана.

А пока что хан Аблай отправил очередное большое посольство, возглавляемое сыном Тугумом, в Петербург к царице Екатерине Второй, с просьбой об утверждении его ханом трех жузов. Хоть и поднят он был аксакалами на белой кошме, и выкупали его по всем правилам в молоке белых кобылиц, но россий-

ская царица с достойной любого торе мудростью никак не хотела признавать его в этом значении. И дело было не только в том, что многие родовые вожди Младшего и Большого жузов противились единовластию Аблая, но прежде всего потому, что царскому правительству в преддверии дальнейших событий выгодно было иметь дело с ханами каждого жуза в отдельности. Строптивный и самовластный, Аблай, получи он полную власть в степи, явно стал бы выказывать неподчинение и ставить свои условия. Уже сейчас, хоть и не утвержден он был официально, не только все степные певцы-жырау, но и многие царские пограничные чиновники считали его главным ханом казахов.

Аблай спал крепко в эту ночь и встал рано. Все та же конрадка сидела на краю ложа у стены юрты, поджав ноги. Глаза ее стали еще больше. Распущенные волосы, длинные и густые, закрывали всю ее фигурку в белой рубахе. А лицо из-за этих волос и темных глаз казалось еще белее рубахи.

– Ты что-нибудь хочешь от меня? – спросил хан.

– У меня одна только просьба...

– Говори!

– Не убивайте моих братьев!..

– Что же, кто остался в живых, пусть живет...

– Они ошиблись, не послушались вас... Теперь они никогда больше не станут этого делать!

– Да, это так! – усмехнулся Аблай.

Откинув голову, он долго смотрел на светлеющее небо сквозь круглое отверстие в потолке... Вчера он жестоко наказал некоторых строптивных конрадовцев, пытавшихся сбежать из-под его власти. А сейчас предстоит испытание: как поведут себя остальные конрадовцы, а вместе с ними уйсунь, джалаиры, дулаты, албаны, суаны и прочие племена и роды Большого жуза. Почувствовали ли они железо его руки и согласны ли считать его главным ханом. Подавляющее большинство их сейчас в его войске, которому предстоит сразиться с вечными врагами – кокандскими эмирами, которые всячески переманивали их на свою сторону. Что преобладает в них – чувство всеказахской общности или станут они, как вода, переливаться из одного кувшина в другой...

– Птицы никогда не бьют тех, кто возвращается в стаю... – тихо сказала конрадка, словно угадав его мысли.

– Это смотря какие птицы!.. – глухо сказал Аблай. – Есть птицы – орлы, а есть вороны!

– Есть лебеди...

Аблай покосился на нее и, больше не сказав ни слова, вышел из юрты. Остановившись на пороге, хан посмотрел в посветлевшее небо. "Давно что-то не видел я лебедей в степи!" – подумал он и решительным взмахом руки подозвал телохранителя.

– Есть ли новости от гонцов?

– Да, они начинают возвращаться!

Аблай посмотрел в сторону горы Казыкурт. Там, у подножия, видны были небольшие группы всадников, с разных сторон направляющихся к ханской ставке. На всем скаку ворвалась в аул чья-то сотня джигитов, и, когда осела пыль, Аблай радостно кивнул. Это были кипчакский батыр Мандай и кереец Жабай-батыр. Оказалось, что они еще не уехали на родину, а гостили у здешних родственников. Услышав "аттан", они примчались к Аблаю.

– За Бухар-жырау послали? – спросил Аблай.

Телохранитель на миг замаялся, и хан Аблай нахмурился. Все хуже и хуже становились у него отношения с некогда преданным ему душой и телом вещим жырау. Вчера в знак протеста против его расправы с конрадовцами жырау, не попрощавшись, уехал из ставки...

Опять заклубилась пыль на востоке. К ханской юрте подлетел очередной гонец, спрыгнул с коня, встал на колени:

– Мой повелитель-хан, лишь четыре или пять сотен рода джалаир готовы выступить...

– А остальные?

– Собирают свои юрты, чтобы уйти от кокандцев!

– Те же вести пришли и от других родов Большого жуза, мой хан! – сказал порученец.

– Куда же они собираются?

– В сторону Алакуля.

– Значит, под шуршутские мечи! – в сердцах крикнул Аблай.

Однако к полудню стало ясно, что не все обстоит уж так плохо. Как ни были обижены на Аблая многие роды, кокандцы и шуршуты все равно были страш-

нее. Вскоре доложили, что аксакалы родов албан и суан дали обещание к полудню привести все свое ополчение под белое знамя Аблая. Потом прискакал гонец от рода дулат с известием, что пять тысяч воинов этого рода уже на марше в сторону ставки, и ведут их батыры Бокей и Садыр. В верности Елчибек-батыра хан Аблай не сомневался.

– Сколько осталось виновных из племени божбан? – спросил повеселевший хан.

– Пятерых зачинщиков ухода из-под твоей руки мы бросили меж лошадьми, мой повелитель-хан. Еще двенадцать ждут твоего решения, сидя в колодках...

– Отпусти их!

Через несколько минут отпущенные джигиты-божбановцы, потирая натертые колодками руки, побежали к своим юртам.

– О великодушный хан!.. О сама справедливость! – хором запели поодаль аксакалы племени божбан.

“Это они славят меня, потому что предварительно я привязал к конским хвостам пятерых, – подумал Аблай. – А если бы отпустил их всех, не пролив крови, они бы проклинали меня!”

Вдруг он услышал негромкий зов: “Джаныбек!.. Каныбек!..” Это, выйдя по ту сторону юрты, звала своих уцелевших братьев красавица конрадка. Два освобожденных джигита задержались, несмело подошли к ней, о чем-то спросили. Потом заторопились...

“Ох, кажется, напрасно отпускаю я этих...” – подумалось Аблаю, но он тут же забыл об этом. Вспомнить ему пришлось через неделю, когда он убедился, что жестокость лишь загоняет ненависть внутрь и плодит таких врагов, которые сами не рождаются...

А пока что нужно было обратиться за дело. Воспользовавшись тем, что Аблай не присоединился к газавату, кокандские эмиры захотели покончить с ним раз и навсегда. Право теперь было на их стороне. Никто из мусульман под угрозой вечного проклятия и смерти не вправе теперь помогать ему, хану Аблаю. Но в Казахской степи всегда были свои древние законы, которые оказывались сильнее приказов наставников веры. Вот и сейчас большинство родов Большого жуза скачет со всех сторон под его знамя, несмотря на истошные призывы со всех минаретов Коканда, Бухары и Самарканда.

– Эй, Турумтай-шабарман! – крикнул Аблай.

К нему подлетел самый расторопный его гонец со светлыми глазами и ярко-рыжими бровями:

– Слушаю, мой повелитель-хан!

– Снова скачи в аулы джалаир и потороши их. Скажи, что как бы после кокандских эмиров не пришла пора биев-джалаирировцев.

– А если будут молчать?

– Вот моя плеть... Брось им ее тогда и скачи назад!

Гонец ускакал.

Все оживленной становилась степь. Отсюда, с возвышенности перед горами Казыкурт, она была видна на добрых сто верст вокруг. Уже несколько раз поворачивал хан Аблай голову к северу, явно с нетерпением ожидая кого-то. И все окружающие знали, в чем дело. Аблай ждал Бухара-жырау...

Хоть и был престарелый жырау сыном некогда прославленного батыра Калкамана, но за всю его жизнь не было у него никакого добра. Ему не раз дарили богатые шубы, но старик тут же передавал их соседям, а сам упорно ходил в старом халате. Зимой это была такая же старая шуба, в какой обычно ездили самые бедные табунщики. Не имеющий ни кола ни двора, он всю жизнь проездил от кочевья к кочевью, радостно встречаемый всеми людьми от мала до велика. Уже много лет он во всем поддерживал Аблая, не стесняясь говорить ему правду при всем народе. Однако последние годы прославленный жырау все чаще и чаще говорил о жестокости и несправедливости многих ханских решений. Все реже являлся он к ханской ставке, и это заботило Аблая больше всего. Он понимал, что голос старого жырау – это голос импрама, безликой массы, которая тем не менее все хорошо понимала и высказывалась песней жырау.

Когда-то жырау корил хана за союз с Россией. Потом, поняв, что этот союз уже много лет спасает казахские кочевья от шуршутской угрозы, старый жырау еще больше привязался к Аблаю, считая его новым ханом-объединителем. Но для достижения своих целей Аблай начал лить все больше крови, и Бухар-жырау теперь чуждался хана. Вчера Аблай пошел на крайность. Пятеро джигитов, пожелавших уйти из-под ханской руки, были разорваны лошадьми на части. Бухар-жырау не мог не знать об этом. Накануне, чтобы задобрить певца, Аблай приказал отогнать к нему один косяк своих лучших белых коней.

Он знал, что хорошие кони были слабостью старого жырау. И вот сейчас этот взбалмошный и непослушный старик, от одной песни которого меняется настроение у всех трех жузов, приближался к его ставке во главе небольшой группы всадников...

Еще за версту заметил Аблай, что Бухар-жырау едет на старом своем гнедом коне. Это было великое пренебрежение ханским подарком, которое говорило о многом. Обычно жырау еще издали трогал струны домбры и запевал что-нибудь задорное. Но тут он подъехал при всеобщем молчании, тяжело слез с коня, подошел и поклонился:

– Здравствуйте, хан Аблай!

– Здоров ли, мой жырау?.. Какова была твоя дорога ко мне?

– Ее мне застилали слезы, повелитель-хан!

– Тебе не нравится, что я наказал строптивых?

– Скоро вся степь покажется тебе стропливой, хан Аблай!

– Что же сделал бы ты на моем месте, мудрый старик?!

– Хотя бы расспросил людей, почему они захотели оставить родные края. Помни, Аблай, что одной кровью не склеишь ханства. Слишком недолговечен этот клей!

– Ты, кажется, учишь меня управлять людьми!

– Нет, не ради этого я приехал, но помочь тебе кое в чем смогу...

– В чем же?

– Помогу удержать людей на родине. Слишком тяжелые тучи собрались сейчас над ней!

– Что же, приму и на этот раз твою помощь, мой жырау!..

К вечеру в двенадцатикрылой ханской юрте собрался военный совет. Все стало ясным к этому времени. Прискакали со своими донесениями многочисленные ертоулы, отправленные в сторону врага. Кокандские эмиры давно уже вели переговоры с китайскими военачальниками, а пока что свою основную часть общего среднеазиатского войска направили в сторону степи. Это было только на руку шуршутам, и они всячески подталкивали молодого кокандского хана в этом направлении.

Кокандское войско по численности было в несколько раз больше того, что мог сейчас выставить

Аблай, но оно было разнородно и явно уступало казахской коннице в боевой подготовке. К тому же в кокандских отрядах было немало казахов, которые с явной неохотой выступали против своих братьев. Решено было, что основные силы казахского ополчения из Большого жуза во главе с батырами Боксем, Сагиром и Джабаем завяжут бой с кокандцами на реках Арыси и Бадаме, заманивая их подальше в степь. А хан Аблай тем временем со своим войском, усиленным отрядом Елчибек-батыра, зайдет им в тыл и вступит в Ташкент. Здесь наиболее серьезное сопротивление могли оказать воинственные казахские роды шаншаклы и канглы, некогда перешедшие в Ташкентский вилайет. Чтобы не произошло этого, к ним был направлен для переговоров всеми почитаемый Бухар-жырау с группой стариков-аксакалов...

Возвратившись к себе в юрту, Аблай вдруг замер на пороге. Вчера он так и не успел разглядеть как следует девушку-конрадку. Только теперь, при свете дня, увидел он, как она ослепительно хороша. Невозможно было оторвать глаз от сияющего красотой лица.

– Сурша-кыз... – тихо сказал Аблай. – Смуглянка... Ты не была с кем-нибудь помолвлена?

Она взмахнула необычно длинными ресницами:

– Нет... Но разве хан не может... не может...

– Может все, что захочет! – Аблай вытянул перед собой руку. – Станешь моей двенадцатой женой!..

Сурша-кыз остро, как красивый зверек, посмотрела на него и сразу вдруг осознала свою власть над ним. В продолговатых, как миндаль, глазах вспыхнули яркие огоньки.

– Рабыней я буду вашей, мой хан!..

В голосе ее прозвучало торжество, и где-то в ночи навсегда затерялась испуганная, дрожащая от боли девочка. Это была уже будущая токал – самая младшая и любимая жена, с которой опасно ссориться кому бы то ни было. Теперь-то она отомстит остальному миру за эту страшную ночь боли и поругания. Многоопытный, никому в жизни не веривший, хан Аблай смотрел на нее с обожанием, как слепой на солнце...

Она вышла вслед за ним и сделала то, что позволялось только жене: помогла сесть на знаменитого

ханского коша Жалынқуй-рыка. Все изумились этому, но промолчали. И лишь один не слишком умный нукер охраны, проводив глазами поскакавшего хана, сказал ей не очень ласковым голосом:

– Эй, забирай свои вещи отсюда, раз хан уехал!

Сурша-кыз даже не посмотрела в его сторону, а только сделала знак начальнику стражи:

– Этому дать сто палок и держать в колодках до приезда хана, который прикажет вырвать ему язык!..

Начальник ханской стражи Жамантай-батыр тут же приказал забить нукера в колодки. А Сурша-кыз уже вызвала главу ханских телохранителей.

– Приготовьте мне белого иноходца, и чтобы все на нем было украшено серебром. На нем я буду встречать хана Аблая!..

Через три дня восточнее города Туркестана завязалось сражение между ополчением Большого жуза и основным кокандским войском. Горячий и нетерпеливый, Алим-хан легко попался на удочку опытных казахских батыров. Следуя древней тактике кочевников, они все дальше и дальше увлекали в степь кокандское войско. Зная, что казахское ополчение уступает в численности, Алим-хан стремился догнать всякий раз ускользавшие от него отряды степной конницы. И хоть отговаривал его от дальнейшего наступления более опытный эмир Ерден, кокандский хан устремился к Туркестану...

А в это самое время четыре тысячи отборнейших воинов под руководством самого Аблая уже появились вблизи Ташкента. Испуганные горожане и небольшой гарнизон не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления грозной казахской коннице.

Основное кокандское войско, большая часть которого была призвана по закону газавата и состояла из людей, никогда не державших в руках оружие, застряло под стенами Туркестана. Предпринята была атака, но, в несколько раз превосходя численностью защитников Туркестана, кокандцы так и не смогли ворваться в город. Едва они сосредоточивались в одном месте для штурма, как, будто возникнув из-под земли, налетали из степи казахские сотни, а навстречу им выходили из ворот города отряды латников с копьями. Зажатые с двух сторон, кокандские солдаты

Затем хан подъехал к стрелку Кашану:

– Почему ты стрелял в него?

– Он отвернул лук в твою сторону, Аблай!

И только потом Аблай сошел с коня и подошел к лежавшей на песке Сурше-кыз. На белый бутон была по-прежнему похожа она, и лишь маленькое красное пятнышко расплывалось по шелку как раз напротив сердца.

Хан Аблай долго смотрел на нее. Потом поднял голову.

– Лишь в возрасте пророка дал мне бог познать счастье и тут же отнял его... – тихо промолвил Аблай. – Наверно, для того, чтобы показать пустоту и ничтожество этого мира!..

Все вдруг увидели, что знаменитый хан стар и сед... Но вот глаза его сверкнули совсем по-молодому.

– Эй вы там! – вскричал он громко, на всю степь. – Похороните их вместе, ибо он заслужил это право!

Так их и похоронили вместе, красавицу конрадку Кундуз и убившего ее молодого батыра Каныбека. До сих пор сохранился в степи под Туркестаном холмик, где лежат они...

Большим пиrom ознаменовалась победа, и все главные роды Большого жуза приняли в нем участие. Как будто ничего не произошло, передавал хан Аблай личную чашу с кумысом Джаныбек-батыру из племени божбан – родному брату батыра Каныбека и родичу тех пятерых, которых на этом самом месте каких-нибудь две недели назад привязали к конским хвостам и разорвали на части.

При этом он повернулся к не утратившему чуткости в свои девяносто с лишним лет Бухару-жырау и тихо сказал:

– Видишь, мой жырау, каковы люди... Надеяться на их любовь можно, лишь проливая их кровь и исторгая у них слезы.

– Скоро тебе станут сниться нехорошие сны, хан Аблай! – ответил жырау.

Это был старый спор между ними...

Они ехали на север, в родные степи у гор Кокчетау, – старый хан и его певец. Давно уже не ездили они вот так вместе. С каждым годом все более жесто-

ким становился Аблай, и не хотел уже разделять с ним застолье Бухар-жырау. Было время, когда хан прислушивался к словам певца, но уже много лет он словно делал все наперекор ему. Вера жырау в доброе слово злила Аблая, и тем более жестоко поступал он с людьми.

– Да, люди таковы... – сказал Аблай, словно бы продолжая начатый разговор. – Отобрать на рубль, а потом бросить им копейку, и не будет для них добрее тебя властителя!..

Бухар-жырау покосился на хана:

– Ты просто очень постарел, Аблай!..

– Ты намного старше меня, жырау!

– Я не о твоих годах говорю, хан... Люди добры и доверчивы, и нельзя смеяться над этим!

– Это ты постарел и пустил слюни.

– Я стал мудрее, мой Аблай...

– И я тоже, мой жырау!..

Бухар-жырау оглянулся. Всего только несколько сотен воинов ехали с ними. Остальные отделились и направились в свои кочевья во главе со своими аксакалами и батырами. Личная охрана хана отстала и держалась на почтительном расстоянии.

– Нас никто не слышит, Аблай... Почему ты так поступил с божбановцами? Ведь я-то знаю, что их уговаривали, но они еще не собирались уходить к кокандцам. Подумали только и решили послать несколько человек к Алим-хану для переговоров. Вместо того чтобы отговорить, твои люди ждали их в камышах. А потом стали обвинять всех божбановцев в измене.

– Откуда ты знаешь про это, мой жырау?

– Я просто уже полвека знаю тебя, мой хан!..

– Если знаешь. Так ты сам же сказал, что "они только подумали". Сегодня подумает, а завтра решится. Я это сделал, чтобы им был урок.

– Это не урок, а горе... От горя народ стареет... Горе его согнет.

Они долго ехали молча. И вдруг Аблай резко повернулся к певцу. Глаза его горели совсем по-молодому, и голос был звонок и высок:

– Скажи, жырау, люди считают меня ханом трех жузов, хоть и не утвердила меня хитрая баба-царица?!

– Да, тебя считают ага-ханом казахов, Аблай! – ответил жырау, не понимая, куда клонит хан Аблай.

– А для чего я старался быть этим ханом?

– Это уж скажи сам!

– Если ты считаешь, что я стал ханом только для личного возвеличивания, только ради властвования над людьми, то, значит, ты меня еще не узнал. Нет, не для того лишь я стал ханом и не для того столько крови проливал... – Вдруг Аблай устало махнул рукою. – Ну ладно, я тебе расскажу об этом как-нибудь в другой раз!..

Бухар-жырау молча тронул коня. Аблай снова заговорил:

– Я вижу, что ты на старости лет вдруг испугался, мой верный жырау. Не каешься ли в том, что тебе всю жизнь довелось помогать мне? Не грусти и ответь мне лучше на следующий вопрос... Пошло ли на пользу казахам, что после великих бедствий, когда и половины их не осталось на земле, после всех войн и вражеских набегов, у них все же есть хан, которого боятся и слушаются все казахские племена и роды? Могли ли выжить в эти тяжелые времена казахи, не будь такого человека, каким был я?! Отвечай, мой жырау!

Бухар-жырау был уже совершенно спокоен. Он даже не повернул головы к хану, а сказал куда-то в пространство:

– Да, если бы это было не так, меня бы не видели рядом с тобой, Аблай! Я действительно цел тебе славу, мой хан. Но не об этом речь, и ты это хорошо знаешь...

– Говори, жырау!

– Пока ты бился с джунгарами, с шуршутами, отбивал кокандских эмиров, тебе не приходилось ежечасно ссорить и убивать людей. Вспомни, Аблай, как люди простили тебе даже смерть погибшего по твоей вине в яме-могиле Ботахана. Ты был только султаном, а пять тысяч джигитов пришли, чтобы убить тебя за беззаконие. Но не потому, что ты расставил котлы с пищей и чаши с кумысом, не тронули тогда тебя люди. Они видели, что первым ты идешь на контайчи. Твою тогдашнюю правду видели все. Им, людям, необходим был вождь, способный собрать их вместе для отпора врагу...

– Что же стало потом? – бесстрастно спросил Аблай.

– А потом... потом погиб Баян-батыр...

– Что ты хочешь сказать, жырау?

– Он не мог дальше жить не потому, что убил любимого брата. – Бухар-жырау говорил, глядя ку-

да-то в степь. Байи до конца верил тебе, а когда всем стало ясно, что ты уходишь из Алтын-Эмеля, бросив на произвол судьбы восставших в Синьцзяне братьев из Большого жуза, он не смог дальше жить. Властители обычно думают, что в таких случаях никто ничего не знает...

– Но я не мог пойти на войну с Китаем!

– Да, но ты мог хотя бы увести восставшие роды от истребления!

– Но разве не ты, жырау, подбадривал тогда песнями отступавших? – хитро прищурился Аблай.

– Да, я многое в своей жизни делал не так...

– Что же, говори, жырау!

– Из Алтын-Эмеля ты ушел только в угоду своему желанию сделаться ханом. Там разошлись твои пути с людьми и с будущим, хан!..

– "Будущее"... – Аблай задумчиво покачал головой. – Что это такое?.. И что такое "люди"?.. Этих слов не знал мой предок Чингисхан и завоевал мир!

– Где этот завоеванный им мир, Аблай? Лишь наше отчаяние осталось от него... Вот тебе ответ на вопрос, что значит слово "будущее". Ну, а "люди"... "люди" никогда ничего не забывают... Тебе только кажется, хан Аблай, что ты обманул их!

– Почему же я обманул их?

– Вот тогда, под Алтын-Эмелем... Все чаще случалось это с тобой, потому что ты уже не просто созидал свое ханство. Разве не стали собранные тобой отряды уже не защищаться, а нападать то на каракалпаков, то на башкир, то на киргизов и все чаще на собственные непокорные роды...

– Но разве не вело это к величию страны казахов?..

– Нет, хан, это мнимое величие... Вспомни Жайльское побоище!..

Оба замолчали, вспоминая горы трупов. Один на одном лежали там в ущелье вперемешку казахские и киргизские джигиты, и три дня была красной вода в горной речке. Сославшись на частые набеги и барымту, творимые киргизскими манапами, Аблай со своей конницей неожиданно перешел через перевал Шату и обрушился на айлы киргизского рода солты, стоявшие на берегу реки Туро. Застигнутые врасплох киргизы бежали в Чуйскую долину, и там на берегах Кзылсу и Шамси и произошло знаменитое побоище. Говорят, что от рода солты, насчитывавшего сорок

тысяч семейств, осталось сорок человек. Это была настоящая резня, а оставшихся в живых из других соседних киргизских родов Аблай переселил в Сарыарку в качестве рабов. До сих пор там встречаются аулы под названием Бай-киргиз и Жана-киргиз...

– Долго после этого не тревожили нас киргизские барымтачи... – заметил Аблай. – Разве не о спокойствии границ я думал, когда шел по льду через перевал Шату?!

– Будь проклят этот день! – вскричал старый жырау, потрясая сухим кулаком.

– Почему?

– Потому что ненависть посеяна в этом ущелье!

– Но разве не нападали мананы на наши кочевья?

– Да, они посылали своих джигитов в набеги на нас, а ты повел свое войско на них. Казахский хан и киргизские мананы добывали себе славу, скот и рабов. Но огонь и шашки обрушивались на них в чем не повинных людей. И убивали их тоже простые, ни в чем не повинные джигиты. Вы хотели, чтобы яд ненависти двух народов проник в плоть и кровь. Не дай бог оставлять в памяти другого народа такие побоища. Ханам и султанам выгодно было, чтобы из поколения в поколение передавался этот яд. Самые близкие нам братья – киргизы, но между нами уже оставленное тобой побоище...

– Что же, так никогда и не забудут о нем?

– Я думаю, что быстро забудут, когда...

– Говори, жырау!

– Когда не останется на земле ни ханов, ни мананов! – твердо сказал жырау.

Хан Аблай усмехнулся:

– Что же, вещему жырау позволено говорить не только были, но и небылицы!

– О, ты знаешь, Аблай, что это голая правда, которая касается не одних киргизов!..

– В чем еще я, по-твоему, виноват?

– Неужели ты думаешь, что конрадский род божбан забудет, как его батыров привязывали к конским хвостам и разрывали на части верные тебе джигиты из моего славного рода атыгай-караул?

– Но я пока жив!

– Ты вовсе не вечен, Аблай. Не успеет остыть твое тело, как расплзется по швам склеенное кровью ханство. Вот что я имел в виду, когда говорил о бу-

дущем. Рано или поздно, но все равно проступает пролитая кровь. Зло легче посеять, чем искоренить. А вы все сеете его: ты, хан Аблай, хан Нуралы из Младшего жуза, кокандские эмиры, киргизские ма-напы, цари и богдыханы!

– Так всегда было!

– Но будет ли так всегда?!

– Значит, все твои песни в мою честь были ложью, жырау?

– Я пел их, когда верил в твою правоту. И долго верил, дольше других. Этого мне тоже не простят потомки, ибо жырау должен видеть лучше других!

Опять они долго ехали молча. Когда красные полосы зари испещрили все небо на северо-востоке, Аблай придержал коня и указал рукой на поляну у степного озера, где предстояла ночевка. Потом он неслышно подошел к наблюдающему за установкой походного шатра Бухару-жырау.

– А я все не об этом думаю, – заговорил он, как всегда, короткими отрывистыми фразами. – Добро, зло... Это не ханская забота. А вот то, что ханство мое рассыплется, – твоя правда. И знаю я ее лучше тебя. Но не потому это, что на крови замешан тот клей, которым соединял я вместе роды и племена...

– А почему, хан Аблай?

– Ты знаешь, жырау, что я бывал в Омске, в других русских городах... – Голос у хана стал совсем другим, приглушенным, задумчивым. – И всякий раз, приезжая туда, я уезжал от охраны и целыми днями ходил, смотрел. Это совсем не такие города, как Самарканд или Бухара. Нет, они пока еще намного меньше, но там совсем ровные улицы, и дом от дома находится на одинаковом расстоянии...

– Ну и что? – удивился жырау. – Если в Бухаре или Кашгаре запутанные улицы...

– Знаешь, чем сильно было войско моего пращура Чингисхана? Тем, что оно было разбито на тумены – по десять тысяч всадников. И в каждом тумене каждый всадник знал свое место. Оно и передвигалось так, в полном порядке, и каждый головой отвечал за соседа. Но все равно оно двигалось и двигалось по жизни, а когда умер Чингисхан, стали перепутываться тумены, мешать друг другу...

– Ну и что?

– Теперь все те народы, которые сеяли хлеб и

боялись наших туменов, сами выстраивают так свою жизнь. Но они оседлы, и в этом их странная сила, так... как ты это называешь... "будущее". Видишь, они даже селятся в полном порядке, словно выстраиваются туменами. У русских это называется "кварталами". Я считал: в каждом квартале двенадцать домов... И не могут они уйти от них, ускакать. На земле они сажают деревья и сеют хлеб. И под землю они лезут. Я смотрел в Усть-Камне и на Жанке. Они выкапывают руду и делают пушки и плуги. А мы носимся по степи и радуемся, что она большая. Но со всех сторон уже стискивает нас другая жизнь. И мы исчезнем, если... если сами не научимся строить такие кварталы, сажать деревья и добывать руду...

– Когда-то все это уже было в стране казахов, – заметил Бухар-жырау. – Потом пришли тумены твоего пращура, и, как пыль на дорогах мира, смешались и потянулись мы за ними...

– Может быть, мне, его потомку, предстоит воссоздать то, что было разрушено...

– Вот почему ты давно уже смотришь на русские города!

Во взгляде, брошенном старым жырау на хана, были удивление и тревога.

В день прибытия в урочище Кокчетау самолюбивый хан Аблай узнал, что по приказу омского генерал-губернатора без согласования с ним началось строительство двух новых укреплений на личных ханских джайляу – при озере Зеренды и в Сандыктау. Как раз в это время распространились слухи о неурядицах в Российской империи: якобы объявился русский царь Петр Третий, который от берегов Жанка пошел войной на Петербург. И хан решил воспользоваться положением. По его приказу стало вновь собираться распущенное было недавно ополчение. С ним он решил напасть и уничтожить шеститысячный русский гарнизон Кокчетау и соседних укреплений, отвоевав себе новые города. В свою очередь, генерал-губернатор начал подтягивать войска к границам степи. Во всех крепостях пушки были выкачены на валы, но смотрели они в двух направлениях: в сторону степи и в противоположную сторону, откуда со дня на день могли появиться разъезды Пугачева. Стало из-

вестно, что, за исключением Оренбурга, восставшими взяты почти все крепости по Жайку, а башкирские туленгуты целыми аулами присоединяются к самозванцу.

Да, это был самый удобный момент, чтобы одним ударом вернуть все свои земли да еще захватить порядочную добычу. Вряд ли устояли бы малочисленные русские гарнизоны перед закаленной в непрерывных войнах конницей Аблая. К тому же в этих гарнизонах солдаты открыто поносили царицу. С каждым днем все больше их дезертировало и уходило к Пугачеву. Аблай уже готовился созвать большой ханский совет и начать военные действия. В качестве первой цели, которую он поставил перед собой, было требование признать его главным ханом трех жузов.

Но вдруг все переменялось... Началось с того, что хану донесли о некоем туленгуте, привезшем письмо с Жайка от каких-то казахских батыров. В письме казахские джигиты призывались нападать на российские укрепления, захватывать их, после чего объединяться в отряды и идти на Жайк, к новому царю, который обещает волю всем: русским, башкирам, казахам, кто бы они ни были – крепостные или ханские туленгуты. Ханские телохранители так и не нашли письма, но мятежного туленгута привели к самому хану.

– Кто ты? – спросил Аблай, всматриваясь в обезображенное лицо туленгута.

Даже не склонив головы, туленгут мрачно смотрел в лицо хану Аблаю. Ноздри у него были вырваны, а на лбу багровела выжженная русская буква "В", означающая слово "вор". Такие клейма ставили на царских рудниках тем, кто нарушал порядок или пытался бежать.

– Не узнаешь меня, хан?!

И голос показался знакомым Аблаю.

– Где письмо, которое ты привез от самозванных батыров?!

– Батырское звание получают на поле боя, а не в придачу к отцовским табунам! – ответил туленгут и обнажил в усмешке крепкие белые зубы.

И тут хан узнал его. Это был Керей – внук кузнеца Науана и потомок батыров из рабов Кияка и Туяка, о которых любил рассказывать Бухар-жырау. На стенах Саурана погиб его дед. За неуплату долга попал

он в туленгуты к одному султану. Хозяин его захотел взять к себе в постель малолетнего его дочку, и туленгут Керей ударил его кинжалом. Аблай рассудил тогда их, передав убийцу царским властям. А царский суд присудил его к каторге на рудниках...

— Я узнал тебя, табунщик Керей! — сказал хан Аблай. — Что же это за новый орысский царь, которому служат убийцы?!

Табунщик Керей усмехнулся:

— Убить султана — это сбросить с себя половину грехов перед богом!

— А как сбросить все грехи?

— Для этого нужно убить хана! — спокойно ответил Керей.

Как ни пытали его, он не сказал, кому передал письмо от пугачевских батыров. На следующее утро его привязали к хвостам лошадей и разорвали на части. Но в то же утро полторы сотни джигитов из ханского туленгутского аула ушли к самозванцу. Когда сам хан с полутысячей верных телохранителей догнал их через два дня у небольшой степной речки, со стороны бежавших раздались ружейные выстрелы. Оказалось, что вместе с бежавшими казахскими туленгутами уходит к Пугачеву, перебив своих офицеров, рота русских солдат из небольшого укрепления недалеко от Кокчетау.

Пришлось отступить. А когда хан Аблай возвратился в свою ставку, то узнал, что из приграничных аулов рода караул не явилось по его призыву и половины ополчения. Бии сказали ему, что наиболее бедные джигиты — "черная кость", — почти все туленгуты из этих аулов ушли к русским бунтовщикам. Эти бии и приехавшие с ними богатые аксакалы не хотели возвращаться обратно в свои аулы. Что ни день бежали по одному, по двое, а то и целыми сотнями джигиты из самого Кокчетау, где собиралось ополчение. Паника охватила всех знатных людей в степи. Многие бии уходили со своими семьями в русские крепости...

Целую неделю не выходил из своей двенадцатикрылой юрты хан Аблай. А потом в сопровождении сотни джигитов поскакали его гонцы: один — к сибирскому генерал-губернатору, другой — в осажденный Пугачевым Оренбург, а третий — к его заклятому врагу, хану Нуралы. Через три недели в небольшой

крепости на Тоболе произошла встреча ханов Аблая и Нуралы, на которой присутствовали царские офицеры из Омска и Оренбурга.

Сразу после этой встречи летучие отряды ханов Нуралы и Аблая перекрыли всю степь. Они вылавливали бегущих к Пугачеву джигитов и русских солдат. Своих беглецов казнили на месте, а солдат передавали царским карателям. Совместными усилиями оба хана предприняли жестокий рейд против бунтующих башкир, и в придачу к их коннице были выделены верные правительству казаки и уланы.

Вот тогда почти столетний Бухар-жырау и спел хану Аблаю свою знаменитую песню:

О Аблай, не задохнись от ярости,
Услышав слово правды;
Достиг ты вершины славы,
Но не уживутся в одном караване
Лопающиеся от жира бан
И умирающие от голода простолюдины!..

Эту песню вещего жырау слушали на джайляу и у походных костров. Оторванные от работы ополченцы, увидев, что никакой враг не угрожает с этой стороны, а их сделали карателями, роптали все громче. Все чаще и чаще оставляли они ханскую ставку и уезжали домой. И больше их бежало за Жаик, к ушедшим под знамена Пугачева безвестным батырам. Высокие, видные за много верст виселицы стояли по всей границе. Каждый день степь орошалась кровью пойманных джигитов. Но это не помогало. По всей степи горели ночами костры и неслись в их неясном свете всадники в ту сторону, где бушевало пламя Пугачевского восстания...

Больше полувека знал старший Бухар-жырау этого человека. Он помнил совсем юного султана, отличавшегося отчаянной храбростью в стычках с джунгарами, потом зрелого мужа, вторично пережившего плен; затем гордого и надменного старца, могущего спокойно переехать через реку, в которой текла вода пополам с человеческой кровью. И вот, дожив до ста лет, жырау увидел растерянного Аблая.

Да, глаза старого хана перебегали с предмета на предмет, а рука нетерпеливо сжимала камчу:

– Скорей... скорей!..

Верные телохранители и туленгуты собирали

многочисленные белые юрты. Со всех ханских джанду гнали к югу, собирая воедино, бесконечные ханские табуны. День и ночь скакали в разных направлениях гонцы, торопя и подхлестывая отстающих. Хан Аблай со всеми своими аулами, родственниками и домочадцами собирался переезжать в Туркестан – древнюю столицу страны. Но дело теперь было не в древности той или иной столицы...

– О, ты приехал наконец, мой жырау! – воскликнул Аблай, увидев певца. – Гладкой ли была твоя дорога к нам?!

– Много людей сейчас на степных дорогах... – неопределенно ответил Бухар-жырау.

– Да, много, очень много! – быстро заговорил хан. – Совсем испортились люди!

– К старости все кажется хуже!

– Нет, не в том дело! – Аблай даже замахал рукой, чего никогда не случалось с ним раньше. – Это все орысы, все от них пошло!..

И он с ненавистью посмотрел на северо-запад, туда, где находилась ближайшая русская крепость.

– Ну вот же, при твоей юрте орысы! – сказал жырау, указывая на русских офицеров, наблюдавших за сборами ханского аула. – Разве гонят они тебя?

– Они приехали уговорить меня остаться здесь. Они обещают мне все: золото, награды, даже... – Аблай приблизился к самому уху жырау. – Даже ханом трех жузов обещают сделать!

– Почему же ты не хочешь, Аблай?

Теперь Аблай не просто оглянулся. Он даже привстал на носки, чтобы посмотреть, нет ли кого-нибудь за ближайшим холмиком. Только после этого он прошептал:

– Если наши аулы останутся здесь, то нас не останется в живых, мой жырау!

И тогда Бухар-жырау все понял.

– Но ты же хотел строить города, как орысы, мой хан!

– Будь прокляты эти города! – гневно сказал Аблай. – Я думал, что там губернатор, генералы, офицеры. В главном их городе хитрая баба-царица. С ними бы я договорился, рано или поздно. Но там, в этих "кварталах", у них одни бунтовщики. Каждый город, каждая шахта под землей, каждое село – это новые бунтовщики на нашей земле. Вот почему я хочу увести

подальше от них наши аулы. Словно джгут, идет по всей степи от них зараза, и заболевают табунщики, туленгуты, рабы. Кровью наливаются у них глаза, когда они смотрят на наши табуны и стада. Не было этого раньше, когда не построены были у нас орысские города. Уж лучше бухарские закоулки!..

– Да, теперь ты говоришь правду, хан Аблай! – сказал жырау.

– А почему ты один, мой жырау? – спросил хан. – Где твои сопровождающие? Ведь мы сейчас уже выступаем!

– Я остаюсь, Аблай!..

Все выше поднималось солнце над степью. Догорали и дымились брошенные костры. Столетний вещий певец Бухар-жырау стоял на холме и смотрел на юг. Там, в горячем мареве, оседала пыль и таяло в светлом от зноя небе белое знамя Аблая.

* * *

Они все же встретились перед смертью, грозный хан Аблай и вещий певец Бухар-жырау. Произошло это в год дракона, или в 1781 году по нашему исчислению. Самый тяжелый был этот год в степи. С весны не выпадало ни единой капли дождя, день и ночь дул убивающий все живое суховей. Земля трескалась от беспощадного зноя, и мелкий белый песок висел в небе, застилая солнце...

Аблай умирал. Семьдесят один год прожил он на свете, и теперь ему казалось, что сама природа карает его за грехи, ибо не было дня в его жизни, чтобы не лилась потоком человеческая кровь. Старый хан хватал пересохшим ртом горячий туркестанский воздух, и не единого стоны не слышали окружающие. Тело его скрючилось, сердце рвалось из груди, легкие пронизывала острая боль, но голову он держал прямо. С каждым днем все серее становилось его лицо. Так сереет пепел, прикрывающий догорающие угли...

Это началось у него с того дня, когда приехавший Умбетай-жырау привез ему печальную весть о Богембай-батыре. В тот день он сидел, как обычно, в своей походной юрте, поставленной рядом с дворцом, и

зывающих человека паствозь глазах Аблая он увидел последние искорки жизни. Вещий певец знал, что умирающий не из тех людей, которые нуждаются в утешениях даже перед смертью.

– Да, Аблай... – сказал он, начиная издали. – Пятьдесят лет пробыл ты на коне. Реки крови пролиты, чтобы сесть на ханский престол. А впереди... впереди только каменная могила...

И вдруг он увидел, что умирающий улыбается. Или это только показалось ему? Аблай сделал едва заметное движение рукой.

– Я знал, что ты скажешь... – Теперь он говорил спокойней, и даже какая-то умиротворенность появилась на лице этого страшного человека. – Да, крови и слез пролил я немало. Больше или меньше других властителей, разве это имеет значение? И ханом хотел стать с самых молодых лет. Очень хотел стать. Кто из людей не хотел бы этого... А теперь скажи мне, жырау, человек – божье создание?

Бухар-жырау с удивлением посмотрел на него:

– Все в божьих руках.

– Так почему ты поверил, что даже такой человек, как я, хотел лишь одного – власти над людьми? Ведь это так мало!..

– Чего же еще хотел ты, мой хан?..

– О славе мечтал я. Звезда славы светилась мне в ночи жизни. Думал я всегда, что казахи – малый народ и должны быть как волки. Посмотри, травят волков, уничтожают кому не лень, ставят капканы на всех тропах, а они никак не исчезнут с лица земли!.. Но наступают новые времена, и вижу перед смертью, что не все понимал в жизни. Шел я всегда к своей цели одним – кровавым – путем. А теперь вижу, что есть и другие пути. Но пусть их находят те, кто придет уже после меня...

– Да, ты не смог быть другим, мой хан, – тихо сказал Бухар-жырау. – Вскормленный кровью беркут разве станет пить что-нибудь другое? Так и хан не обойдется без насилия. Черным беркутом с железными когтями был ты, Аблай. Да и не лебедю противостоят дракону...

– Ведь силы, могущества хотел я для потомков. – Аблаю казалось, что он кричит, но лишь хриплый шепот вырывался из его ослабевшей старческой груди. – Простят ли меня за мои тяжкие грехи... за кровь?!

– Не мне судить об этом...

– Зачем же ты приехал?

– **Каждый**, кто правил степью, оставлял завещание.

– Да... да... – Аблай собрал последние силы и поднял правую руку. – Слушай, вещий жырау. У порога смерти два совета хочу дать потомкам, своим внукам и правнукам. Чтобы легче им было управлять народом, пусть сплавят его в единый брусочек. Без пощады пусть карают ослушников, каким бы путем ни пошли!.. Единство завещаю я им. За это единство Белой Орды воевал я всю жизнь!

– Ну, а второй твой совет?

– Полвека воевал я, не давая приблизиться к своему горлу китайскому дракону. И все я делал для того, чтобы сблизиться с русскими царями. Они – наша опора, и пусть султаны всегда помнят об этом!.. Ты знаешь, был у меня в Кокчетау русский советник Тимофей Егоров. Он помог мне привезти из России мужиков в Шортанды и Зеренды, чтобы те научили моих туленгутов сеять хлеб. И крепости разрешил я строить в степи. Эти крепости, города и дороги, этот хлеб помогли нам выстоять в годы отчаяния. Но вместе с этим хлебом завезены в нашу степь и зерна смуты. Тем ближе должны быть к царям султаны. Правда, царица не раз обижала меня. Так и не утвердила она меня ханом всех трех жузов, но, как говорится, “обижаясь на вшей, не бросают шубу в огонь”. Когда взбунтовались мужики и туленгуты, уходя к Пугачеву, я понял, что никого нам нет ближе царицы...

– Другого ты и не можешь сказать, Аблай! – сурово ответил Бухар-жырау. – Даже перед смертью беркут не запоет лебедем... Но каково твое последнее пожелание, хан Аблай?

– Разве исполнимо оно, мой жырау?.. – Губы Аблая уже начали светлеть. – Жить я хочу... Ну, да что говорить об этом. Хорошо бы, если бы люди не пугали детей моим именем.

Да, никогда не боялся он этого. Тихо было в ханской юрте. Жырау показалось, что Аблай заснул, как вдруг умирающий открыл глаза и сказал ясным, спокойным голосом:

– В свой первый бой вступил я здесь – здесь, в Туркестане, рядом с предками, и похороните меня!

– Это пожелание будет выполнено, мой хан...

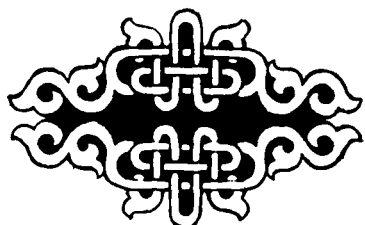
Аблай кивнул в знак того, что услышал слова жырау, но вдруг лицо его исказилось в страшной муче, и он опять заговорил быстро, глотая слова, как в бреду. Бухар-жырау наклонился к самому лицу умирающего, пытаясь уловить смысл. Но это были отрывочные, не связанные друг с другом фразы:

– О, вот они все собралась здесь, молодые и старые, кому я снес голову в бою... и не в бою... И раб Ораз здесь, помнишь... Тот самый, который вывез меня из Хивы... Виновные и невинные – все они тянут ко мне руки!.. Но что это? Ангел смерти Мункир-Анкир со своей палицей... Неужели он будет бить меня ею по голове, как великого грешника перед людьми и богом?! О Бухар-еке, но ты-то лучше бога и всех его ангелов знаешь меня. Скажи всю правду, чтобы успокоить душу!

Бухар-жырау не успел ответить.

Ни на один день не задержался в Туркестане вещей певец. На следующее утро после похорон Аблая он сел на коня. Как и в молодости, никто не сопровождал его, ибо родная степь – дом жырау. Столетний старец сидел в седле, как всегда, прямо...

Растаяли за спиной очертания древнего мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави, рядом с которым успокоился прах хана Аблая. Бухар-жырау так ни разу и не оглянулся. Он ехал на север, туда, где собирались в вольные отряды ушедшие в степь...

Книга вторая
Хан Кене

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Степь, скованная лунным светом, ждала утра. Стояла та предрассветная тишина, которой нет названия. И только очень чуткое, привыкшее к этой тишине ухо слышало бы непрерывный шорох, всю ночь доносившийся из степи. Один раз что-то звякнуло...

Первый белесый луч зари прорвался из-за далекого облачка, луна сразу поблекла, а земля потемнела. И вот тогда неожиданно появился караван. По грудь в сочной луговой, смешанной с молодым камышом траве один за другим шли верблюды. Справа и слева тяжелой, приминающей дуг массой двигались табуны лошадей, ныряли в траву и снова показывались из нее всадники. Время от времени цепь верблюдов прерывалась, и, соединенные друг с другом длинным шерстяным канатом, катились в траве высокие двухколесные повозки. Потом снова шли верблюды...

Растаяло далекое облачко, и солнце вдруг все сразу хлынуло в степь. словно россыпями драгоценных камней заискрилась она во все стороны до самого горизонта. Была вторая половина лета, и уже прошло время, когда степь похожа на невесту в свадебном наряде. Остались только изумрудная зелень тростника, желто-красные островки перезрелых колючих цветов, да среди поросли запоздалых щавелей горели алые глазки костяники. Крутыми боками сытых, отъевшихся за лето лошадей лоснилась степь.

И как только вспыхнуло солнце, сразу явственно стали слышны глухой и мощный топот, храп, ржание, тоскливый рев верблюдиц, скрип высоких деревянных колес, человеческие голоса. С шумом вспархивали из-под кустов перепелки и слепые совы, застигнутые врасплох надвигающейся лавиной. Точно свет

мгновенно растворил тишину и вызвал все это к жизни...

С первого взгляда было понятно, что это не просто сезонная откочевка одного из бесчисленных аулов, разбросанных в бескрайней Казахской степи. Не носились, как обычно, молодые джигиты по обе стороны каравана, не пересмеивались с девушками. Молча ехали они, держась поближе к верблюдам. И женщины на верблюдах, закутанные в белые платки – кимешеки, тоже молчали. Даже маленькие дети не плакали и только тарасили круглые черные глаза из переметных сум – коржунов – по обе стороны верблюжьих горбов.

Большое озеро светлело впереди. Густой коричневой бахромой камыша было окружено оно, и только с севера, откуда подходил караван, степь оголилась красноватым глинистым такыром. И когда он начал выходить из высокой степной травы, стало видно, какой это большой караван. Во главе его, как принято в степи, ехал седой аксакал в кафтане из верблюжьей шерсти и в отороченной узкой каймой меха шапке. В поводу он вел одnogорбого золотисто-серого верблюда, покрытого красно-белым шелковым ковром. Одновременно с ним по обе стороны каравана выехала на рысях из травы добрая сотня всадников. Вид у них был суровый и неприступный. Подолы кафтанов из грубой пряжи прикрывали ноги ниже колен. Справа висели крепкие березовые, порой окованные железом, палицы. Боевые кони храпели под ними, закусывали удила.

Но даже среди этих рослых всадников особенно выделялся богатырским обликом один. На громадном сером жеребце с низко падающей гривой он сидел неподвижно. На добрую голову возвышался он над другими, и лицо его с черными, проникающими в душу глазами и черными, свисающими ниже подбородка усами казалось вырубленным из выжженной солнцем скалы. Тяжелую дубовую батырскую палицу – чокпар, – всю окованную железом в шипах, зажимал он под коленом. Это и был знаменитый батыр Сейтен, сын Азанбая из баянаульских каржасов. Он вел этот караван, чтобы присоединиться к Есенгельды и Саржану, сыновьям Касыма из древнего рода торе-чингизидов. Три года назад увели они из степи сорок тысяч семейств из родов алтын, тока и уак

в пойма Сурдарьи, во владения хана Коканда. А ближайшей целью каравана Сейтена было Прибалхашье, где смогли бы отдохнуть и набраться сил для дальнейшего пути люди и животные...

И еще один человек выделялся среди охранявших караван – известный в степи Ожар, сын Кубета. Коренастый, похожий на пеня вековой сосны, с грозными кустистыми бровями на широком смугло-желтом лице, он ехал с видом человека, только что совершившего убийство. Лишь кривая сабля в позолоченных ножнах висела у него на боку. Ожар давно дружил с Сейтемом, участвовал вместе с ним в многочисленных походах и набегах, но последние четыре года находился среди ближайшего окружения старшего султана Акмолинского округа Кокур-Кульджи, сына Кудайменде. Только недавно вернулся он в родные края и сейчас вместе с Сейтемом покидал их.

И возле озера приближающийся караван вызвал смятение. Встрепенулись в зарослях олени и стремглав понеслись в обе стороны от такыра, подальше от опасных соседей. Хомяк – словно мулла, совершающий утреннюю молитву, – сидя на задних лапах, провел несколько раз передними по жирным щекам, прислушался и юркнул в кусты чия. Встревоженно захлопали крыльями по воде птицы. Но люди даже не стали снимать вьюки с верблюдов. Перекусив сухомятку и немного отдохнув, они снова двинулись вперед, обходя озеро.

Задержавшийся зачем-то Ожар вскоре вновь поравнялся с батыром Сейтемом. Попридержав своего темно-серого иноходца, он возобновил незаконченный разговор.

– Все же прав ли Касым-торе, бросив землю предков... – задумчиво начал он. – Разве забыл он поговорку: "Чем головой у чужого тела, лучше подошвой – у своего". И кто знает, что ждет его в кокандских владениях...

– Где бы Касым-торе ни находился, он является законным султаном. – Сейтен с явным недовольством посмотрел на Ожара. – Разве белый царь не сам начал всю эту междоусобицу, прислав свой устав!

Он сердито дернул повод.

Речь шла о знаменитом царском уставе – "Уложении царя всея России по управлению сибирских кайсаков", опубликованном в 1822 году, или в год лошади

по казахскому летоисчислению. Странно звучало для степняков даже само слово "устав". Если перевести его буквально, то по-казахски оно прозвучит как выражение "сжимать в когтях". И истинная цель его заключалась именно в этом. Как нельзя лучше совмещены были в этом уставе интересы царского правительства с интересами переметнувшихся к нему местных феодалов. Согласно ему, одно из трех казахских племенных объединений, Средний жуз, был разделен на восемь округов. В свою очередь, округ состоял из пятнадцати – двадцати волостей, каждая из которых представляла отдельный род. А в волость-род входило обычно десять – двенадцать аулов, примерно по сто юрт в каждом. Аулом управлял старшина, избираемый на три года, а волостью – султаны из торе. Округом правил старший султан, выбиравшийся по рекомендации царского правительства теми же султанами. Ему, чтобы крепче привязать к себе, давали офицерское звание. "Это для того, чтобы мы чесали свои гнойные раны своими же ногтями", – говорили в степи.

По такому же принципу было организовано и судопроизводство, имевшее огромное значение в условиях кочевой жизни. Оно было разделено на две ступени. В первой разбирались дела по обычному наследованию, мелкие аульные тяжбы и другие второстепенные споры. Этим занимались старики – аксакалы и специальные аульные судьи – бии. Зато убийства, угон скота – барымта, неповиновение властям и другие тяжкие преступления разбирались во второй ступени – окружными приказами. Состоял окружной приказ из двух царских чиновников и двух казахов-заседателей, избираемых на два года, во главе со старшим султаном, или ага-султаном, как называли его казахи. Их решения утверждались губернским судом, где не было казахов и куда мог найти доступ лишь богатый и близкий властям человек.

– Хорошо еще, что в уставе насильственное крепление запрещается, – заметил Ожар. – Только в добровольном порядке.

Сейтен резко повернулся к нему:

– А ты откуда об этом знаешь?

– Как будто так... Люди говорят...

– Там говорится, что казахи не очень привержены учению пророка, – хмуро сказал Сейтен. – Что нужно

только прислать христианских священников, и они легко откажутся от ислама... Но дело не в этом. Касым-торе не был таким доверчивым, как мы. Он раньше нас понял, для чего создаются восемь округов на земле Сарыарки – Большой казахской степи. А мы вот остались, и теперь попробуй пошевелиться!.. Даже детей родного брата не отдадут тебе!..

Ожар лишь покосился на него. Он знал, о чем говорит Сейтен... Переселенцам не хватало женщин. Царское правительство, не церемонившееся и со своими крепостными крестьянами, поручило сибирскому генерал-губернатору и оренбургскому военному губернатору "употребить все средства, какие найдутся удобными, в приобретении от кочующих вблизи Сибирской и Оренбургской линий народов покупкою или выменом детей женского пола. Купленных девочек окрестить в православную веру, размещать по семействам, в женском поле нуждающимся, с выдачей хлебного и денежного вознаграждения до 15-летнего возраста...". Правда, в отличие от крепостных, девушкам по этому приказу предоставлялась полная свобода в выборе мужа. Но кто проверял потом, как исполняется это указание... Тем, кто приобретал девочек от кочевников, выдавалась денежная награда. Самые широкие возможности для легкого заработка открылись перед всеми желающими. А их по обеим казахским линиям находилось немало...

Одной из первых жертв этого приказа стала семилетняя Абтыншаш, дочь Тайжана – родного брата Сейтена. Пять лет назад за организацию восстания против чиновничьих поборов и притеснений Омский губернаторский суд приговорил Тайжана к смертной казни. Трое его взрослых сыновей были сосланы в сибирский город Туринск. Алтыншаш, обливаясь слезами, долго бежала за своими братьями. Офицер, начальник конвоя, прихватил ее с собой и продал в Омске какому-то купцу. Потом она попала в прислугу к начальнику штаба Сибирского корпуса генерал-майору Фондерсону. Сейтен, узнавший через несколько лет, где она находится, приехал за ней в Омск. Но ему даже не дали увидеться с девушкой, и Сейтену не оставалось другого выхода, как выкрасть ее. Но батыра постигла неудача, и ему еле удалось скрыться в степи. С тех пор батыр не переставал думать о судьбе

Алтыншан. Стоило кому-нибудь задеть его рану, и Сейтен каменел от гнева.

Сейчас он ехал молча, глядя прямо перед собой. Ожар тоже молчал, не возобновляя разговора. И вдруг Сейтен снова, второй раз за это утро, резко повернулся к Ожару:

– Ты говорил вчера о царской печати на телячьей шкуре...

– Да, я слышал...

И снова Ожар не повернул головы к Сейтену... Вчерашний разговор. Разве был он не в том, про что все сейчас говорят в степи...

Да, об этом действительно говорила вся степь. Два года назад, весной, акмолинский ага-султан подполковник Конур-Кульджа, сын султана Кудайменде и внук хана Самеке, ездил в Петербург якобы для того, чтобы высказать царскому правительству опасения казахов.

Ходили упорные слухи, что царь намерен брать в рекруты их сыновей на двадцатипятилетнюю солдатскую службу. И вот тогда его императорское величество собственноручно приложил печать к телячьей шкуре, где было написано, что казахских джигитов никогда не будут брать в рекруты. Именно после этого поднялся в степи авторитет ага-султана Конур-Кульджи – человека, знающего путь к самому царю. Видевшие царский указ говорили, что он написан не на телячьей шкуре, как принято было в древности, а просто на толстой бумаге. Но этому не хотели верить. Сколько царских и губернаторских приказов и уложений писалось со времен царицы Елизаветы в отношении так называемых киргиз-кайсаков на бумаге, и все они при исполнении обращались бедой. Вот и по нынешнему уставу все казахи должны выплачивать казне ежегодно по одной голове скота от каждой сотни голов. Но кто придерживается этого закона? Если джут скопил скот у ага-султана, плати ему помимо определенного уставом еще и древний налог – зякет – для возмещения. Сторел дом пристава, жандарма, писаря – вези ему положенный негласно куш. Как-то так получилось, что старые феодальные законы и порядки пришлись как раз впору императорским, переплелись с ними и двойной тяжестью легли на народ. Особыми льготами, законными и незаконными, пользовались

царские чиновники — опора самодержавия в степи — ага-султаны, потомки Самеке, Букей-хана, хана Вали — волостные правители и заседатели. Они не платили никаких налогов с большого количества своего скота. А общая сумма налога на степь оставалась неизменной, и платить приходилось народу. Тот же самый ага-султан Конур-Кульджа, владеющий двадцатью тысячами лошадей, платит налог лишь за учтенный скот своих дружинников и телохранителей — туленгутов. И, конечно, найдя общий язык с царским правительством, держит многочисленный род аргынов в беспрекословном повиновении. Вот почему в народе не верили бумаге.

— Можно понять ревнивость жеребца, охраняющего свой табун... — Это Сейтен заговорил о Конур-Кульдже, с выгодой для себя воспользовавшемся политикой царского правительства, издавна направленной на разделение казахских племен. — Белый царь приклонил к нему ухо. Но если он такой справедливый, почему тогда не удосужился прочитать прошение от Касыма-торе?..

Ожар не отвечал... прошение Касыма-торе, сына хана Аблая, было направлено царю еще десять лет назад. В нем предлагалось отменить создание приказов на казахских землях и прекратить строительство укреплений. Но приказы и округа создавались и укрепления строились. Тогда Касым-торе, желающий самостоятельно управлять степью, решил перекочевать в низовья Сырдарьи, подконтрольные Коканскому ханству. Рассчитывая на поддержку среднеазиатских ханств, он думал объединить казахов под знаменем Аблая, используя при этом народное недовольство притеснениями царских чиновников и перешедших на царскую службу султанов.

В 1824 году, или в год обезьяны, был организован Кокчетавский приказ. Это означало, что белый царь не посчитался с правами наследников хана Аблая. Султан Саржан, сын Касыма-торе, начал собирать войско для борьбы против царских военных укреплений. Народная трагедия назревала...

Ежегодно с тех пор происходили схватки и сражения между летучими отрядами Саржана и поддерживаемыми царскими войсками и ага-султаном Кокчетавского округа Зильгарой потомками ханов Букея и Вали. В конце концов Саржану пришлось переко-

чевать в Кокандское ханство, где в 1834 году, или в год лошади, он заключил союз с главной силой этого ханства – ташкентским владельцем – кушбеги Мамед-Алимом. Объединенное шеститысячное войско вступило в пределы Улытау, и там была основана крепость Курган. Саржан обратился к ближайшим аулам, аксакалам и султанам с призывом присоединиться к нему и снова начал набеги на подчиненные Конур-Кульдже аулы аргынов. Извещенный об этом сибирский генерал-губернатор направил в Улытау тысячу солдат с шестью полевыми орудиями под командованием генерал-майора Броневского.

Узнав о приближении царских войск, кушбеги оставил в Кургане небольшой отряд сарбазов, а сам ушел в Голодную степь. Крепость вскоре сдалась Броневскому, а кушбеги Мамед-Алим, убедившись, что нелегко отторгнуть казахские земли от России, поспешил прекратить борьбу. Разозленные предательством своего союзника, сыновья Касыма-торе решили объединить сырдарьинских казахов и выйти из-под кокандского подчинения.

Ташкентский кушбеги сделал вид, что не замечает этого, а сам послал нарочного к Касыму-торе с просьбой прислать своих сыновей на военный совет по согласованию действий против белого царя. Тот отправил в Ташкент своих сыновей Есенгельды и Саржана. С ними вместе поехали юный Ержан, сын Саржана, и Агибай-батыр из Шубыртпалы в сопровождении двух десятков джигитов...

– Пока неизвестно, вернутся ли благополучно от кушбеги султаны...

Это сказал Ожар, словно отвечая на мысли Сейтена. И в третий раз повернулся к нему Сейтен. Но и на этот раз не посмотрел ему в глаза Ожар. Бескрайняя степь была перед ними...

Сейтен не мог понять, что это беспокоило его. И вдруг вспомнил вчерашний сон на горе и пробуждение. Настолько явственно, что снова холод пополз по груди... Вчера ночью это было. Целую неделю шел караван, и Сейтен почти не слезал с коня. Поэтому, когда достигли подошвы зеленой горы Караменде, ему захотелось поспать наверху, откуда хорошо было видно во все стороны. Проснулся он от этого смертельного холода на груди. Сейтен тихо открыл глаза, но черное небо было над ним. Все спали внизу, и

только прохладный ветерок покачивал травинку у самого глаза. Что же разбудило его?.. Он лежал, не шелохнувшись. И тогда что-то зашевелилось у самого сердца, отвратительная холодная струйка потекла к горлу. Ни в коем случае нельзя было двинуться: яд горных змей в этих местах смертелен. Долго ползла змея. У Сейтена была привычка спать, положив сжатый кулак к себе на грудь. Во сне пальцы слегка разжались и в этот просвет между пальцами стала едва слышно протискиваться большая скользкая голова. Он много раз встречался со смертью, батыр Сейтен, тело его было в многочисленных шрамах, но тут ужас сковал его. Замерло сердце, могильной стужей наливались руки и ноги. Словно голову налима чувствовал он в своей руке. Гадина искала самое уязвимое место – шею, чтобы обвиться и стиснуть в скользком ледяном кольце. Вся жизнь прошла перед ним в одно мгновение, и он сжал свой железный кулак...

Только тогда осознал он всю меру опасности, когда змея невероятной толщины начала свертываться вокруг его руки. Но мышцы батыра переламывали и не такие хребты. Он сдавил ее еще два-три раза и выбросил, как провонявшую колбасу из коржуна...

Сейтен посмотрел на Ожара теперь уже незаметно, скосив глаза. Могуч и кряжист был Ожар, но Сейтен переломил бы ему шею одним ударом кулака... "Что за черные мысли приходят мне сегодня в голову!" – подумал батыр Сейтен и решил, что это поганая змея заразила его недоверием к друзьям. Ему сделалось стыдно, и весь день до вечера не мог смотреть он в сторону Ожара.

Солнце падало все быстрее, пока не коснулось горизонта. И словно подожгло степь: запылала остролистая, со съезжившимися от зноя листьями дикая люцерна, покраснели желтые сгустки караганника, редкие островки камыша. А впереди сплошным массивом розовела нечеткая стена травы. Здесь заканчивалось самое отдаленное джайляу – пастбище рода каржас. Дальше уже начиналось Прибалхашье. Оттуда они свернут прямо в Голодную степь и вдоль поймы реки Сарысу доберутся до сырдарьинских зеленых угодий.

А позади оставалась родная земля. В предзакатной дымке плыли темно-синие тени Сырыарки. Как по команде, остановились верблюды. Женщины, дети,

старик — все смотрели назад в глубоком молчании. И чем дальше смотрели они, тем острее становилась боль разлуки с родиной. Будто когтями разрывало сердце. Глаза застилал теплый и горький туман. Что ждет их впереди? Новое горе? Но разве сравнится оно с этим горем расставания...

Вдруг в вечернем остывающем воздухе возникла тоскливая, захватывающая душу мелодия. Пела четырнадцатилетняя девочка на стригунке чуть в стороне от каравана. Она рыдала в такт песне, словно олененок, попавший в беду. "Елим-ай" — песней все-народного горя было это.

Никто не смел прервать этот гимн скорби. Тяжело вздымалась грудь Сейтена, и не мог он взмахнуть рукой: "Прекратить!" В тягостном молчании слушали люди чистый и высокий плач девочки. В еще светлое небо, к самому зениту поднимался он из степи:

Родимые края скрываются из глаз...
О родина моя! Рыдания душат нас.
За что, господь, за что народ наш безутешный
Кому не лень гнетет и гонит всякий раз?
Мы с тайною мечтой из милых мест ушли,
С понурой головой невесть куда ушли...
Что в стороне чужой найдешь, народ мой бедный,
Дороже и родней покинутой земли?
Невзгоды и тоска нас душат с детских лет,
Не распустив цветка, теряет стебель цвет.
Ждет каждого судьба печальника Коркута¹.
О мой народ! Тебе под солнцем места нет...²

Все содрогалось в груди батыра Сейтена. Он сидел на коне, опустив голову, и ему казалось, что если песня продлится еще несколько мгновений, то кровь польется у него из глаз и сердце разорвется от печали. С гневной яростью поднял он руку, чтобы остановить это безмерное истязание, и на полуслове оборвалась песня...

Караван подтянулся и вступил на чужую землю. Такая же ровная степь была перед ними, но все сразу как-то приумолкли, сгрудились, поехали быстрее. И вдруг, когда они уже достигли густых зарослей прибалхашского тростника, чем-то встревоженный батыр

---

¹ К о р к у т — герой эпоса. Куда бы он ни направил свой путь, везде встречает уготованную ему могилу.

² Перевод стихов здесь и далее — В. Антонова.

резко придержал коня. Чьи-то глаза увидел он в темнеющих зарослях. Кто это был: человек или зверь? Сейтен так и не смог разглядеть на большом расстоянии. Вроде и неоткуда взяться здесь человеку, в этих диких местах. Но почему верхушки камыша раздвинулись? Что это за зверь, который смотрит с высоты человеческого роста?..

Ожар сразу подъехал к нему, вместе с батыром вглядываясь в наступающую ночь.

– Волка, видать, потревожили мы, Сейтеке, – заметил он. – Придется всю кочевку вместе собрать. Мын-Арал всегда полон страхов, а с нами женщины и дети. Тут, говорят, не только кабаны, а и тигры встречаются.

– Не человек ли это чужой?.. – задумчиво сказал Сейтен.

– Нет, я даже спину желто-серую увидел. – Ожар пренебрежительно махнул рукой. – Наверно, прыгнул за кем-нибудь. А увидел нас – спрятался... Откуда здесь взяться человеку!

– Ну, если ты хорошо видел... – Сейтен облегченно вздохнул. – У тебя глаза молодые, лучшие моих!

Теперь караван двигался вперед более осторожно. Самые отборные джигиты с пиками и палицами согнали весь скот вплотную к обозу и, держась поближе друг к другу, окружили кочевку со всех сторон. К полуночи они добрались до Басколя, одного из многочисленных озер Прибалхашья.

– Ну, вот и хорошее место для ночевки, – сказал Ожар, выехав на поляну, плотно окруженную густым тростниковым лесом.

– Нужно уйти подальше в камыши, – Сейтен спокойно оглядывался по сторонам. – До утра уже недалеко. К рассвету и привал сделаем...

– Женщины с детьми измучились, – возразил Ожар и краем глаза посмотрел на проводника Самена, маленького худенького человека с бескровным лицом.

– Да, до следующего подходящего места очень далеко! – с жаром заговорил Самен. – Люди не выдержат такой быстрой езды. Они устанут, а впереди еще пустыня. Голодная степь. Да и для лошадей здесь хорошая трава...

Только Самен хорошо знал эти места, и Сейтен согласился. Если даже железный Ожар и проводник Самен говорят об усталости, то как тяжело остальным!

Хорошо, пусть будет по-вашему!

Сейтен первым слез с коня и начал распределять дозорных. По четыре джигита во главе с опытным человеком должны будут охранять кочевку в промежутки между дойкой кобылиц. Все остальные пусть хорошо отдохнут до утренней зари. В первую очередь он решил не спать сам.

– Моя очередь за вами! – сказал Ожар.

– Иди спать, как-нибудь ночь выдержу, – ответил Сейтен.

Мертвым сном засыпали люди, лишь только касались земли. Но воины-джигиты укладывались в принятом порядке, положив по-походному тяжелые палицы – чокпары – под головы и привязав к ремням концы поводьев от лошадей.

Тишина опять стояла над степью, осязаемая, бесконечная, при которой все слышно за много верст. Временами проносился легкий шелковый ветерок, и, всколыхнувшись на миг, снова затихали камыши. Или глухой вопль болотной выпи доносился со стороны озера, и снова все погружалось в тишину.

Настороженно вслушивались в ночь оберегающие кочевку джигиты. Их головы тоже клонились к земле. Казалось, кому придет на ум в безлюдной пустыне, где проходит никем не охраняемая граница между Семиречьем и Сарыаркой, напасть на несчастных беженцев? Но сколько кровавых неожиданностей видела эта степь... И джигиты, преодолевая сон, ловили привычным ухом все ночные звуки и шорохи.

Когда, предвещая рассвет, потускнела луна и поредело сонмище звезд, к одиноко стоящему на холме батыру Сейтену приблизилась знакомая кражистая тень.

– Близок рассвет, Сейтеке. Усните ненадолго...

Сердце потеплело у батыра Сейтена. Ему была приятна трогательная забота друга. Вспомнились вчерашние неясные подозрения, и с гадливостью отбросил он их сейчас, как дохлую змею... Да, не мешало бы ему перед тяжелой дорогой немного вздремнуть. Только нужно джигитам быть осторожными, смотреть в оба. Камыш вон какой темный, шуршит недобро... Или опять эта проклятая змея пугает его? От усталости, наверно. Он, может быть, и не уснет, а лишь

немного ослабит пояс, чтобы свободнее дышалось. Пусть джигиты, которые с ним, сделают так же. Впрочем, когда такие друзья с тобой, можно и поспать недолго. Хорошо, что Ожар с ним...

Ни слова не говоря, отошел Сейтен в сторону и растянулся во весь свой огромный рост на земле. А Ожар со своими джигитами, среди которых был и проводник Самен, пошли в очередной обход, стараясь не отставать друг от друга.

“Хорошо, что Ожар с нами... Вовремя он приехал от того шакала Конур-Кульджи...” Луна плыла над Сейтеном, успокаивая встревоженное сердце. Шесть дней не знала душа его покоя: как бы не попали доверившиеся ему люди в расставленные по степи капканы. Шесть дней не сходил он с коня...

Ожар с Саменом остановились у темнеющей стены камыша. Где-то рядом дважды пискнула ночная птица.

– Где вы?

– Мы готовы, Ожар!.. – прошептали в камышах.

– Как говорится, кто не умеет ставить капкан, сам же себя им и выхолостит! – зло выругался Ожар. – Кто это вылез вечером из камышей на глаза старому черту?.. Веревка с вами?

– С нами...

Тени... одна, вторая, третья отделились от камыша, скользнули в сторону кочевки.

– Как крикнем “Аттан!”, не зевайте!.. – тихо бросил им Ожар.

Они продолжали обход спящего каравана. И в разных местах отделялись от камыша тени, пригибались, неслышно ползли среди спящих.

– Теперь к нему! – коротко приказал Ожар.

– А если он не спит?

Такой страх был в голосе бескровного Самена, что Ожар и его джигиты невольно остановились. Словно видение вставшего на ноги батыра пронеслось перед ними.

– Спит! – уверенно сказал Ожар. – Пусть Сақып с Жакупом спрячутся за верблюдами со стороны ног. А вы хватайте его за руки. Только без шума!

Сейтен обычно спал чутко. Он просыпался даже тогда, когда над ним высоко в небе пролетала птица.

Уловив шорох, он рванулся, хотел вскочить на ноги. Но огромная тяжесть повисла на руках и ногах, не давая приподняться. Чья-то цепкая пятерня, словно железные клещи, сдавила горло. Змея вспомнилась ему и похожая на рыбу голова Ожара...

Даже крикнуть он не мог. Рот был заткнут тряпкой, а руки стянуты жестким волосяным арканом. Как буйной лошади, накинули ему на глаза мешок, лишили света звезд. И все же боялись отпустить его, держали впятером громадное содрогающееся в безмерном гневе тело. И вдруг затихло оно...

– Ему мы уже надели саван, – послышался негромкий голос. – С ним останется Самен. А вы – поскорей к этим... Сразу поводья режьте и обрывайте стремяна!

“О аллах... Чей же это голос? Сердце мое правдивое, почему я не послушался тебя!” Что было силы рванул батыр Сейтен волосяной аркан, но тот лишь врезался в тело, сорвав мясо с костей. Потом он прислушался и подумал, что остался один. Но когда попытался перевалиться с одного бока на другой, то придавил чью-то маленькую ногу. Тонкий испуганный возглас проводника Самена услышал он и с радостью давил дергающуюся ножку всей тяжестью, не выпуская...

Нападающие не до конца достигли своей цели. Больше чем у половины джигитов уже были перерезаны привязанные к поясам поводья, отстегнуты стремяна у седел, но в этот момент какой-то джигит проснулся. Заметив чужие тени посреди кочевки, он закричал во весь голос:

– Аттан!.. Враг напал. Тревога!.. Где вы, Сейтен-ага? Аттан! Аттан!

Всю степь потряс его молодой встревоженный голос. Люди, привыкшие к ночным нападениям, мигом вскочили на ноги. И тут грянул залп из кремневых ружей. Человек сорок солдат, высланных на перехват мятежного каравана, выскочили из зарослей. Заплакали дети, заголосили женщины. Обезумевшие кони носились по всей кочевке, сбивая с ног и топча людей; визжали собаки. Мирный стан, спавший только что глубоким сном, превратился в настоящий ад. А выстрелы все гремели. И вдруг раздалась властная команда:

– Вперед, джигиты!

Это был Ожар, сидящий на огромном темно-сером жеребце Сейтена. Голова его была замотана платком, рукава рубахи засучены до локтей. Он вынесся на холм, и степная кривая сабля сверкнула под луной вокруг его головы. Как у волка, горели его глаза.

— Ожар!.. Веди нас, Ожар!

Успешные вскочить на своих коней джигиты съезжались к нему со всех сторон.

— Умрем — будем врагу, убьем — все равно там будем! — закричал он громовым голосом. — За мной... Агтаи!

Джигиты подняли сабли и чокпары и с криками "С нами бог!", "Арруах!", "Айдабол!", "Каржас!" бросились на врага. Но, не успев доскакать до солдат, Ожар вдруг повалился в седле и начал сползать на землю, хватаясь за гриву коня. Не привыкшие к грохоту ружей и потерявшие в самом начале боя своих вождей, джигиты растерялись. Они смешались и, словно волна, ударившаяся о скалистый берег, отпрянули назад. Двое чужих сарбазов, стрелявших вместе с солдатами, с шашками наголо подскакали к валявшемуся на земле Ожару.

— С коней долой, собачьи дети!.. Вяжите меня! — зашипел он на них.

Они спрыгнули с коней, неуверенно стали вязать его.

— Злей вяжите!.. И бейте, пинайте, слышите!.. А сейчас тащите туда, где лежит Сейтен, бросьте с ним... Освободите, когда скажу!

Сарбазы связали Ожара и потащили сквозь шумевшую толпу людей к Сейтену.

— О, горе... Двое лучших наших людей в плену! — услышал Ожар и закрыл глаза. Даже он не мог смотреть в глаза обманутым людям.

Есаул Лебедев, чей отряд был выслан по доносу в погоню за караваном, собрал всех беженцев на обширную поляну. Ощетинив рыжеватые усы, он сказал Чингису, сыну ага-султана Конур-Кульджи:

— Спроси у этого старика, куда и зачем они хотели сбежать... Знают ли они об указе государя императора и о том, какое наказание ждет за его нарушение?..

Старый аксакал, шедший всегда во главе каравана, долго смотрел на Чингиса.

— Мы не виноваты, — глухо сказал он. — Лишь молодым меринам не нужен отцовский табун. Им, конечно, все равно... А куда река — туда и капля.

Чингис не подавал вида, что рассердился:

— Вам тоже захотелось стать отщепенцами, как этим смутьянам, что пошли за старым Касымом и его разбойниками?.. Мало крови, что ли, пролилось в степи по вине его сыновей? С тех пор как поднял свое бунтарское знамя Саржан, люди не слезают с коней. Не пора ли опомниться и смириться!..

Старик глубоко вздохнул, посмотрел куда-то в оживающую степь:

— Может быть, ты сам знаешь, почему ушли из наших степей роды алтын, алтай, тока и уак?..

— Если есть претензии к белому царю или к ага-султанам, их следует изложить в принятой форме через специально назначенных властью людей...

— Какая бумага может помочь людям в это смутное время, когда не знаешь, где ждет тебя могила... Известно только, что даже змея выползает из норы на ласковое слово, а злобным криком можно и у человека убить веру в самого аллаха. Мы мирные люди. Ружейные выстрелы пугают наших людей...

— Вы сами заставляете стрелять эти ружья!

— А вы хотите, чтобы мы, подобно баранам, молчали, когда нас режут!

— Если вы не можете быть никем, кроме баранов, то не лучше ли вам молчать?

— А мы можем молчать?.. Когда волк копает свое логово около самого овечьего стада, откуда у овец будет спокойствие? А что иное, как не волчьи логова, те укрепления, за которыми виднеются штыки? Кое-кому, правда, удобно за их стенами...

И аксакал в упор посмотрел на сына ага-султана. Тот опустил глаза:

— Если бы не разбойничали, никто бы не тронул вас.

— А кого бы тогда стригли?.. — Старик заговорил гневно, не отводя взгляда: — Ты хорошо знаешь, что нет среди нас разбойников. Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы простой казах поругался с пашущим землю русским человеком? Он сам придет к нему и с радостью обменяет шерсть и мясо на хлеб. Или мешали где-нибудь ловить рыбу в наших реках и озерах русским рыбакам? Друзей у нас среди них как среди своих. А земли и воды у нас хватает. Но вот когда приходят к нам с золотом на плечах и с шашкой наголо, когда плеть поднимают на нас и уводят наших

детей, то чья рука не поднимется для защиты?.. Ты вот спроси этого рыжеусого, почему русские земледельцы бегут от них в нашу степь. Тысячи их уже среди нас. Куда попало бегут, лишь бы от них подальше. Вот как мы сейчас...

– Уж не воевать ли ты с царем надумал? Или сегодняшней крови мало!

– Немалая честь погибнуть в открытом бою... Старик не стал договаривать свою мысль и вдруг, словно впервые увидел его, принялся с ног до головы разглядывать сына ага-султана: – Так ты, судя по достойному виду, скорее всего из букеевского или валиевского рода... Что же, легче отрезать голову, чем язык. Уж не гневайся, но давно я хотел спросить у кого-нибудь из вас про одно дело...

– Спрашивай!.. – Чингис пожал плечами.

– Когда-то дедам твоим Букей-хану и хану Вали белый царь вместе с утверждением в ханском звании сделал по три подарка. Он подарил каждому соболью шубу, мундир с золотыми погонами и стальной клинок с золотой рукоятью. В наших сказках всегда разгадывают значение подарка. Вот я и думал. Соболья шуба – понятно: чтобы грелся и помнил, откуда тепло. Понятен и мундир, чтобы равен был с приставом в усердии. А вот клинок зачем? На чью голову?..

– На головы тех, кто ослушивается воли его императорского величества!..

Чингис побледнел, глаза его сузились. О палацеских делах его деда напоминал старик, и стоящие вокруг люди понимали это.

– Да, теперь у вас есть, за чьим именем спрятаться. Для таких, как ты, это огромное облегчение. Есть кому служить. А выслуживающийся раб в сто раз страшней хозяина...

Сын ага-султана повернулся к офицеру, губы его дрожали.

– Господин есаул! – заговорил он по-русски. – Этот старый бунтовщик царя ругает... Его императорское величество!..

Офицер, до этого стоявший с безразличным видом, встрепенулся. Усы его дрогнули, оцетинились, прозрачно-голубые глаза побелели и выкатились из орбит.

– Эт-та что такое? – закричал он неожиданно тон-

ким голосом. — Осмелиться их императорское величество, самодержца... Бунтовать! Ах ты старый пес!..

Плетеная нагайка свистнула так быстро, что никто не увидел удара. Только шапка словно сама слетела с аксакала, и кровавый рубец вздулся на бритой седой голове.

Охнула какая-то женщина. Глухой стон прошел по толпе джигитов. А старик стоял по-прежнему ровно, глядя на офицера с тем чувством гордого высокомерия, которое дают лишь мудрость и правота.

Ни неожиданное нападение, ни ружейный грохот не испугали так людей, как это неслыханное злодеяние. Такого никогда еще не было в степи, чтоб на старика поднимали руку. И люди отпрянули в страхе, бросились бежать в разные стороны куда глаза глядят. Только еще один предупреждающий залп из ружей заставил их вернуться. Солдаты хмуро смотрели на своего офицера, стараясь не встречаться взглядом с людьми.

— Я не жалею, что меня ударил этот неумный и жестокий человек, — тихо сказал старый аксакал. — Мне тяжело, что молодой казах, надев на себя мундир с медными пуговицами, способствует этому позору.

Не глядя больше ни на кого, как будто не было всех этих людей вокруг, старик пошел к своему верблюду. Даже офицер, кажется, понял, что нельзя его остановить...

“Лучше бы этот дурак всех их исхлестал, чем замахиваться на старика, — мрачно думал связанный Ожар. — Теперь нелегко уже будет подавить гнев людей, видевших это своими глазами. Сегодня поймали Сейтена, а завтра другой появится... Только родовые вожди и уважение к аксакалам держат еще их в узде. При этом каждый родовой вождь не подчиняется другому. Поддерживать все это надо, если хочешь, чтобы был порядок... А что, если найдется в степи такой, который сумеет объединить их, все роды?... На диких коней похожи казахи. Кто сумеет приручить их, того они будут слушаться беспрекословно. Любого врага растопчет эта лавина, стоит лишь появиться вожаку. И в пропасть так же легко они бросятся за ним...”

Мимо Сейтена с Ожаром, связанных сейчас одним

арканом, проходили остатки разгромленного каравана, который гнали обратно на север. "Два могучих защитника нашего рода в плену... Но мы будем помнить о них!" Это сказал кто-то из родовых аксакалов, и радостным предчувствием наполнилась грудь Ожара. Его уже считали они равным Сейтену, родовым батыром!..

"А что, если бы узнали они вдруг правду!" – подумал он, и липкий, неведомый ему до сих пор страх заполз под рубашку, коснулся сердца. Он не знал еще, что страх этот будет теперь с ним всегда до самой смерти, увеличиваясь с каждым днем, лишая сна и покоя. Все, что будет он есть, отныне будет иметь совсем другой вкус. Но пока Ожар еще не знал этого и думал о другом: "Как удачно получилось, что я связан теперь вместе с ним. Придется потерпеть несколько дней..."

Сейтена с Ожаром повезли под усиленной охраной отдельно от каравана прямо в Омск...

Через три дня ускоренными переходами добрались до Турткульской волости, где заканчивался Баянаульский округ и начиналась Сибирь. На почевку остановились в большом ауле на берегу озера. Это был аул, управляемый Таймасом, сыном Бектаса. Таймас, высокий и плечистый светлоусый человек, приходился племянником роду каржасов. Аул встревожило появление солдат со связанными людьми. Со страхом смотрели здесь на большие ружья с примкнутыми штыками. И все-таки находили в себе мужество подойти и хотя бы поздороваться с пленниками.

Особенно плохо выглядел Сейтен. Дело было не в нечеловеческой усталости, которая никак не отразилась на внешнем виде батыра. В глазах его стояла неутолимая скорбь оттого, что не смог он защитить доверившихся ему людей. Подходившие сначала замечали эти безмерно печальные глаза, а потом только видели сгустки крови на разорванной в клочья рубашке. Батыра избивали после пленения, и не последнюю роль сыграл в этом сын акмолинского ага-султана Чингис...

Больше всех встревожен и опечален был Таймас. "В чем же вина батыра Сейтена или Ожара? – думал он. – Разве даже зверь или птица не стараются обе-

регать свое логово или гнездо? Как может человек не защищать землю своих отцов!.. А тут за то, что хотел попросту уйти от притеснений!..”

Сколько ни старался Таймас переговорить наедине с Сейтемом, этого не удавалось сделать. По приказу офицера солдаты никого не подпускали к арестованным. Военская команда заняла юрту самого Таймаса, и только после долгих просьб разрешили ему спать на дворе возле собственного дома.

Ночь была непроглядно темная и душная, как будто весь мир накрыли глухим одеялом из верблюжьей шерсти. После дневных переживаний аул словно вымер. Только привязанные солдатские лошади пофыркивали где-то рядом да время от времени перекликались часовые. Словно расплавленный свинец, залили голову Таймаса тяжелые мысли. Не давал покоя жалкий вид Сейтена с Ожаром, и он ворочался с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз.

Чей-то печальный, страдальческий голос услышал вдруг Таймас. Прислушавшись, он понял, что это Сейтен. Батыр пел чуть слышно на мотив “Елим-ай”:

Где кочевали мы легко, как журавли,
Прощай, родимый край! Прощай, краса земли.
Где стать хотели мы единою семьею,
Но столько хищных лап и клювов привлекли.

Как плач была песня батыра. Ее оборвал низкий голос Ожара:

– Отчего терзаешься так, Сейтеке?

Что-то необычное было в этом голосе, какое-то тайное ликование, от которого мурашки побежали по спине Таймаса. Сейтен тоже почувствовал это и вдруг явственно вспомнил голос, прозвучавший в ту ночь, когда предательски пленили его. Сомнений быть не может: то был голос Ожара, такой же низкий, скрипучий. Но почему тогда гонят его, связанного, вместе с ним?..

– Ожар, невысказанная обида подобна рогам Искандера. Помнишь, они у него росли кончиками внутрь, никогда не давали покоя...

– Что же, сейчас только и остается излить свою душу.

– У кого есть что излить... Не о себе я думал, Ожар, и ты это знаешь. И хоть, как жаворонок, невелик наш народ, но мог бы подняться выше, чем сейчас.

Судьба нашего народа была моей вечной раной. Мой единственный брат Тайжан сложил за это свою голову. Ты был тогда с ним и с тех пор остался в моем сердце...

Ожар не отвечал. Может быть, он вспомнил те дни, когда бесстрашным джигитом носился по степи, защищая народ от притеснений, и в каждой юрте находил уважение и приют. А может быть, уже тогда он помышлял о том, к чему пришел. Сейтену нужно было знать все.

— Помнишь, как вы спасли аул Кумбел от карателей? Солдаты с ага-султанскими прихвостнями загнали вас в лощину между сопками Караджала. Ты остался тогда со своей сотней и на два дня задержал карателей. Скользким льдом была покрыта в ту зиму гора Баян, и, пока мы сражались, женщины собрали кошмы и простелили их через вершину. Двести семейств ушли из рук врага. Да, этот подвиг прославил тебя в народе... К несчастью, мой брат Тайжан угодил тогда в капкан и был присужден к смерти. Тебя тоже должны были схватить, но я отбил тебя. Полсотни джигитов легли при этом. Но зато мы спасли тебя, надежду нашего рода. Молодым вождям принадлежит будущее...

Почему же молчит Ожар?..

— Почему ты молчишь, Ожар? — спросил батыр Сейтен. — Ты тогда был молод. Как золото из руды, так благородство выплавляют из молодых сердец. Весь род каржасов не умел раньше решить и в пятьдесят дней то, что ты решил за одну ночь. Многословным и всесильным был ты всегда. Куда делось все это? Как теленок стал, которому надели намордник... Я вот человек, имеющий право на все! Убьют — попаду в рай, сам убью — значит, такова воля создателя. Это потому, что ни одной капли невинной крови нет на мне и совесть моя чиста перед этой землей... Что же ты молчишь?

При свете луны видно было, как вскочил Ожар, сел на подушку.

— Невнимательный и верблюда не заметит перед собой! — заговорил он. — Почему берешь на себя ответственность говорить за всех? Вот поднялся ты против царя, а разве мало людей у нас приняли его с хлебом и солью? Разве проиграли те, кто надел на себя шитые золотом мундиры?..

Слушающему за стеной Таймасу стало нечем дышать. "Жыырай! Что плетет этот человек... Кажется, сердце его стучит по-иному!"

– Вот, оказывается, куда привела тебя быстрота соображения, – сказал, помолчав, Сейтен.

– А ты ждал небось, что все будут жить только твоим умом! – В голосе Ожара прорвалось долго сдерживаемое злорадство. – Видишь, к чему это привело тебя? Хочешь всех потащить за собой?

– Сердце мое чуяло недоброе... – Голос Сейтена был спокоен. – Стало быть, я действительно не ошибся.

Оба надолго замолчали, и Таймас решил, что разговор пришел к концу. Он хотел было уткнуться в подушку, но снова услышал голос Ожара.

– Сейчас время уйти в себя, голову сберечь на плечах... У кого она есть, конечно... Сейчас казахов не соберешь в один народ. Как куланы, разбрелись они по всей степи, и вожак ревнует свои табуны друг к другу. Может быть, придет время, когда ослабится их власть...

– Да, в этом вся разница между нами. Куланами считаешь ты родной народ, а я – степными орлами... Кто что любит. Ворона ласково называет вороненка "мой беленький!", а еж своего ежонка – "мой мягонький!"

– А ты не подумал, почему белому царю все удастся?

– Уж не у царских ли слуг хочешь учиться мудрости?

– Да, если есть польза от этого. А там посмотрим!..

– И первое, что подсказала тебе эта мудрость, было предать свой род!.. Нет, Ожар, как нельзя выбрать себе родителей, так и народ свой не выберешь. Называй как хочешь его: диким, беспомощным, отсталым, но на лбу нашем написано его имя. Я люблю его таким, какой он есть, и поэтому не боюсь смерти. А тот, кто подрезает крылья народу, мой враг во веки веков, пусть даже это будет родной сын!

– Ты мычишь ласково, как корова при виде шкуры дохлого теленка.

– Не надо только, Ожар, делать вид, что ты поступаешь так для всеобщей пользы, что какие-то высокие и хитрые планы у тебя. Ты совершил предательство, а предательство никогда еще не служило добру. Оно как зараза – не сейчас, так в седьмом по-

колени принесет горькие плоды. Там, где совершено предательство, ничего не вырастет, кроме ядовитой травы...

– Будут ли долго помнить вашу могилу?

– Да, будут!..

Снова долго молчали они. И опять разговор возобновил Ожар. Злобное торжество было в его словах:

– И все же не будет вас через несколько дней, как нет уже Тайжана и других... А я буду жить и делать все, что хочу. В это пустое небо улетит наш разговор, и никто никогда не узнает о нем!..

Таймас весь напрягся, ожидая гневного взрыва Сейтена. И вдруг услышал его смех.

– Мне очень жалко тебя, Ожеке! – сказал батыр Сейтен, и никакого притворства не было в его голосе. – Ты думаешь, для предателя тяжесть предательства зависит от того, знают ли о нем люди? Наоборот, если знают, это иногда облегчает душу... Жаль только, что еще много несчастий принесешь ты народу. На этом пути не останавливаются...

Далеко в степь ушел Таймас. Он был по природе сдержанным человеком и не посчитал возможным сразу же отомстить Ожару. К тому же к пленникам трудно было пройти из-за солдат, да и гнев карателей мог обрушиться на ни в чем не повинный аул. Но он поклялся отомстить...

Когда солдаты наутро снова связали вместе Сейтена с Ожаром, уже знающий, зачем это делается, Таймас помахал рукой им обоим...

II

У казахов вся жизнь – кочевка. Вот и сейчас на берегах неширокой, но быстрой и веселой речки Илек осело несколько караванов. В верховьях ее, рядом с Кандагачом, остановилась большая кочевка табынского рода во главе с батыром Жоламаном – сыном Тленчи. Неподалеку от них расположились аулы родов жагалбайлы, алшын и шекты. Все они вслед за табынцами пришли вверх по Илеку от самого Жаика...

Здесьние кочевники отличаются от баянаульских.

В караване Жолтамана наряду с обычными казахскими юртами немало покрытых кошмами и прокопченными, похожих на копны сена шатров, а то и просто белых навесов. Овец и верблюдов здесь значительно больше, но лошадей поменьше. Зато в табунах рядом с жеребцами и кобылами выносливой и неприхотливой местной породы можно увидеть чистокровных ахалтекинских коней или скакунов породы текеджаумит – тонконогих, с высокой приподнятой грудью и длинной, изогнутой, как у лебедя, шеей. А главная гордость кочевки – верблюды. Двугорбые самцы бура – с косматой, свисающей до земли шерстью; высокие и голенастые, способные легко нести восьмикрылые юрты, аравийские нары – дромадеры; белые одnogорбые верблюдицы аруаны из породы леков. Да и овцы и козы неплохи. Ведут стадо бородатые козлы с мягким цухом и большими саблевидными рогами и бараны с шелковистой шерстью, козы трутся выменем о траву, то и дело выскакивают из стада пушистые козлята.

И люди здесь отличаются одеждой от жителей Сарыарки. На головах у мужчин большие, расшитые узорами колпаки из светлой верблюжьей шерсти, с выгнутыми кверху краями. Малахан тоже особого покроя, бархатные, отороченные мехом, подбитые изнутри войлоком. Верх у них очень высокий, словно торчком стоящий рукав, и шесть позолоченных полосок нашиты на нем от основания до макушки. Окрашенные в можжевелевый цвет мягкие полушубки по краям подола и у воротников тоже расшиты узорами и украшены позументами. Под ними шерстяные чекмени, шаровары из жеребьячьей шкуры, на ногах сапоги с высокими каблуками.

Женская одежда мало отличается от сарыаркинской. Камзолы и кафтаны также обшиты золотом и серебром, шапки оторочены привозным сибирским соболем. Это все те же шапки саукеле: высокие, конусообразные, украшенные монетами, с пышными перьями филина наверху. Длинные ситцевые и бархатные платья с двойными подолами тоже увешаны серебристыми монетами. Поверх платьев – тонкие домотканые или бархатные, стянутые в талии, камзолы и бешметы. У более состоятельных – золотые перстни, жемчужные ожерелья, массивные золотые и серебряные браслеты на запястьях, старинные, от

прабабушек, серьги в ушах. Но, в отличие от Среднего жуза, некоторые женщины Младшего жуза вместо белых коленкорových кимешеков надевают кунгейлик – своеобразный расшитый шелком головной убор, тоже увенчанный перьями филина, а девушки носят плотно обтягивающие серебряные пояса и тахию с перьями – разновидность тибетейки...

Сразу видно было, что кочевка прибыла сюда недавно, а юрты и шатры поставлены наскоро, с расчетом на два-три дня отдыха – не больше. В мягкой и пряной долине вокруг паслись лошади, восстанавливая силы для дальнейшего пути. А вид у людей и в этой стороне Большой казахской степи был невеселый. Как и в Сарыарке, они были изгнаны из родных кочевий, где испокон веков пасли скот их деды и прадеды. Общая единая беда навалилась на степь, приглушив пока разные мелкие тяжбы, родовые и племенные распри. И здесь мужчины держали нерасседланными своих боевых коней, не расставались на ночь с оружием. Опытные батыры, воспользовавшись стоянкой, закаляли и точили кривые сабли. Дети, охваченные общей тревогой, присмирели. Они не бегали, как обычно, по всей кочевке, а тихо сидели возле матерей и наблюдали за взрослыми. Девушки не выходили в степь за черту кочевки. И ясно слышался в бескрайнем небе тоскливый крик летящих гусей...

А посредине кочевки, на прибрежном холме, сидели аксакалы рода и батыр Жоламан, сын султана Тленчи, самый богатый и влиятельный человек среди табынцев. Это был большой, чернобородый, средних лет мужчина с пронзительным взглядом. Витой шлем и железный панцирь были на нем. Рукава панциря доходили только до локтей, и дорогой бархатный бешмет виднелся из-под него. Края бешмета так же, как и темно-синие бархатные штаны, расшиты были красивыми узорами. Толстая серебряная полоска окаймляла голенища высоких сапог, широким серебряным поясом стягивался низ панциря, золото и серебро сверкали на ножнах большого кинжала. А уже поверх панциря был накинута щедро расшитый золотом и украшенный позументами голубой бархатный кафтан свободного степного покроя. Жоламан, как и аксакалы, напряженно смотрел на запад. Непокойно было у него на душе, и сейчас он даже не пытался скрывать этого...

Вдруг, словно заметивший лису степной беркут, на миг подался вперед Жоламан-батыр и снова замер в прежнем положении. Только глаза его с красными жилками на белках еще больше сузились. Все в ауле повернулись теперь и смотрели в ту же сторону. Тонкая серая стрелка прорезала малиново-сизый холм у самого горизонта. Она исчезла, снова появилась на более близком холме, и вот уже стал виден стремительно приближающийся всадник.

Было время захода солнца. Женщины выбивали искры из кремней на сухие гнилушки под казанами. Сизо-голубые дымки поднялись к небу над соседними аулами. Но и там, увидев всадника, прекратили готовиться к ужину и ночлегу.

– О аллах, пусть это будет добрая весть!..

– Аксарбас... Аксарбас – наша жертва тебе во имя счастья!

– Слишком уж он спешит... Не враг ли увязался за ним?

– Нет, на вестника радости он больше похож...

– Пусть твой язык всегда знает вкус меда!

Надежда, единственная добрая спутница гонимых людей, появилась в их душах. Многие молились, чтобы приближающаяся весть оказалась счастливой и можно было бы возвратиться на земли предков. А всадник уже подскочил к подножью большого холма, где ждали аксакалы. Его отвязали, он спрыгнул с мокрого от пота коня, побежал вверх. У коня всхлипывали ноздри, раздувались и тяжело опадали бока. Молодой стройный джигит, чтобы вынести эту бешеную скачку, туго обвязал себя с ног до головы волосяным арканом так, что свободными оставались только руки. Губы его кроваво растрескались, лицо было покрыто толстым слоем соленой пыли, лишь черные глаза горели неугасимым огнем.

– С доброй или плохой вестью приехал ты к нам, юноша? – спросил Жоламан.

– Плохая весть, плохая! – еле выговорил джигит. – Из Оренбурга вышли солдаты в погоню за нами...

– Аллах спаси!..

– Чего они хотят от нас?

– Далеко ли они, солдаты?..

Как ветром, в одно мгновение разнеслась эта тяжелая весть по окружающим кочевьям. Заплакали, забегали женщины...

Жоламан молчал, глядя в стену.

– Слышно ли что-нибудь о нашем письме?

– Ничего не слышно.

– Стало быть, они не хотят нас и слушать...

Теперь Жоламан-батыр смотрел в землю, а люди ждали. Потом он снова поднял глаза на молодого джигита. Стройный, как копьё, и крепкий, как залитый свинцом альчик от горного барана, джигит стоял неподвижно, ожидая приказаний. Грозный огонек вспыхнул на миг в глазах Жоламана. Он повернул голову, обвел взглядом мирные кочевья, стариков, женщин, детей, и огонек погас...

– Ну, отряхни с себя пыль, помойся. А там подробно расскажешь обо всем. – Жоламан обернулся к аксакалам: – Пусть не всполошит пока людей недобрая весть. Она требует спокойного, подробного обсуждения!

– Да, там, где решается жизнь или смерть, ум должен быть острым и холодным, как топор, – сказал самый старый аксакал.

– Правильные слова...

– Шуба, скроенная сообща, не бывает короткой...

– Оповестите соседних аксакалов Мухамедали, Таймана и Жусупгали! – распорядился Жоламан. – Соберемся здесь, когда все Семь Разбойников¹ на небе составят Ковш.

Двое юношей, похожих друг на друга, как ягнята-близнецы, побежали в разные стороны с холма. А Жоламан уже отдавал приказания своим помощникам:

– Пусть все сейчас же ложатся спать. Видимо, выступим на рассвете, когда погаснут звезды Уркер².

– Правильно...

– А вы тоже: попейте чаю и сразу возвращайтесь, – предупредил он стариков. – И успокойте женщин и детей.

Юноша-джигит, привезший плохую весть, все еще тяжело дышал.

– Иди поклонись своей матери, Байтабын, и возвращайся. Я жду тебя...

Жоламан остался один на холме. Светлая полоса от укатившегося за горизонт солнца померкла. Небо почернело, и показался на нем грязно-багровый, весь

¹ Семь Разбойников – Большая Медведица.

² Уркер – Плеяды.

в кровавых потеках, лунный диск. Сердце вдруг за-
ныло в груди, и ему показалось, что это от луны...
Снова красноглазая беда смотрит на них. И как
укрыться от нее?

Порыв ветра освежил разгоряченное лицо... Да, от
этой беды не убежишь. Нужно повернуться к ней
лицом, когда нет другого выхода. Предки его в таких
случаях всегда уходили в глубь степей и набегали от-
туда на врага ночью и днем, зимой и летом, пока,
ослабленный и измотанный, не уходил он, оставляя
им право жить по своим законам. Он, родовой батыр
Жоламан, вынет сегодня из ножен свой булатный
клинок и не вложит его обратно до тех пор, пока не
закроется этот кровавый глаз над степью. Он, Жола-
ман-батыр, ее сын и хозяин!..

Где-то там шли от Оренбурга солдаты далекого
белого царя. Не раз уже приходилось ему встречаться
с ними... В черную степь смотрел с холма батыр Жо-
ламан, сын султана Тленчи, законный бий и при-
знанный предводитель табынского рода...

Табынский род был древним и влиятельным. Ис-
покон веков, еще с монгольских времен, кочевал он от
устья реки Илек, где она впадает в Жаик, до Нарынских
песков. Богатые сочной зеленой травой степи
жаикского приречья даже по высочайшему пове-
лению русского царя киргиз-кайсакам Младшего жуза
принадлежали им. Это уложение было отменено
только в 1810 году, когда усилились колониальные
устремления царизма. Промышленные разработки
илецкой соли потребовали строительства дороги между
Ново-Илецком и Оренбургом. На этой дороге было
построено двадцать девять укрепленных постов. Воз-
никли укрепления, опорные пункты, казачьи городки
вокруг них и по берегам Светлого Жаика. Постепенно
лучшие земли приречья стали переходить к богатой
казачьей переселенческой верхушке. Это уже затра-
гивало кровные интересы табынского рода, и тогда
молодой еще Жоламан, сын султана Тленчи, сел на
боевого коня...

Сначала он пытался решить все споры мирным
путем. В 1822 году, в год лошади, Жоламан направил
послание оренбургскому военному губернатору Эс-
сену с предложением вернуть принадлежавшие его

предкам земли. Ответа не последовало, а в приречье Илека был послан карательный отряд есаула Падурова. Небольшой отряд вместе с есаулом был тогда захвачен в плен табынцами, а Жоламан, видевший причины всех обид и притеснений лишь в самоуправстве местных властей, отправил своих посланцев – султана Арингазы, сына Абильгазы, и Жусупа, сына Срым-батыра, – к самому царю Александру I. В Петербурге их не приняли, но обратно в степь возвращаться тоже не разрешили.

Прождав год, Жоламан снова написал письмо Эсену, предлагая отпустить есаула Падурова с солдатами, если разрешат выехать из Петербурга Арингазы с Жусупом и освободят из оренбургской тюрьмы посаженного туда за бунт табынца Тулебая, сына Кундака. Он опять настаивал на переговорах по поводу незаконно захваченных земель его рода. Но Эсен снова не ответил ему. Тогда Жоламан послал третье письмо... На этот раз военный губернатор дал положительный ответ. Он переслал Жоламану триста двадцать семь рублей, положенных на довольствие есаула и солдат за время пребывания их у табынцев, а дальнейшие переговоры предложил вести через признанного царским правительством хана Сергазы. В письме не было и речи о возвращении каких-либо пастбищ. Вот тогда и сел на коня Жоламан...

В течение трех лет непрерывно нападал он на городки и укрепления, строящиеся по обоим берегам Илека. Отряд за отрядом высылали против него царские власти. Не в силах противостоять вооруженным огнестрельным оружием регулярным войскам, сарбазы Жоламана потерпели несколько поражений. Но, умело используя особенности знакомых степей, батыр всегда успевал обмануть противника и уйти от полного разгрома.

Это была неравная и исторически обреченная война. На восточном берегу Жайка прокладывались новые дороги, купцы и промышленники строили склады для хранения товаров, лихорадочно заселялись прибрежные земли. И меньше всего царское правительство думало при этом об интересах кочевников, терявших свои самые лучшие пастбища. Купив, при помощи подачек и разрешения на бесконтрольное хозяйничанье, султанскую верхушку из потомков Бу-

кея, Вали и Самеке, оно совершенно не считалось с основной кочевой массой, с другими многочисленными казахскими родами, никак не учитывало веками складывавшихся в степи отношений. При этом оказывалась обиженной не только беднота, которой доставалось вдвойне, но и богатые и влиятельные лица многих родов, такие, как Жоламан-батыр. Они-то в ряде случаев и возглавляли движение против царизма, и люди закономерно видели в них до поры до времени своих вождей...

Больше всего пострадали на первых порах от колониальных захватов кочевавшие между Светлым жаиком и Кара-Откелем роды аргын, кипчак, алишын, жагалбайлы, керей и найман. Помимо того, что у них были отторгнуты лучшие земли, они обязаны были платить царским чиновникам большие суммы денег за право пастись скот на оставшихся прибрежных лугах. Оказавшись в безвыходном положении, они, по примеру табынцев, часто восставали, нападали на военные укрепления, на волостные управления и аулы ага-султанов. Но все это были стихийные, разрозненные выступления, которые легко подавлялись регулярными войсками и ага-султанскими туленгутами. Только в 1835 году было подавлено таким образом крупное восстание нескольких родов из Среднего и Младшего жузов, кочевавших вдоль восточного берега Жаика. Оно закончилось безрезультатно, но руководившие им батыры поняли, что одолеть врага и отстоять свои права разрозненными силами не удастся.

Но кому по силам взять в свои руки вожжи управления всеми тремя казахскими жузами, разбросавшими свои кочевья от Каспия до границ Китая? Каждый род старается сохранить свою самостоятельность, каждый султан или батыр хочет сам править своими единоплеменниками. Свой теленок лучше общего быка, и ничего с этим не поделаешь. Тут уж сами собой вспоминаются обиды вековой давности, действительные и мнимые. Чего не случалось в степи за долгую ее историю...

Есть, конечно, в каждом роде и племени мужественные люди, смело ведущие воинов за собой, есть и умные, красноречивые вожди, чей авторитет непрекаем. Но только в пределах своего рода или племени. Для других они чужие, и знают их понаслышке.

Да и внутри рода не все подчиняется одному и тому же батыру. Чаще всего их несколько, и скрытая, а то и явная борьба между ними разъединяет даже ближайших соседей. В такой обстановке многие невольно обращали взгляды в сторону потомков хана Аблая, умного и хитрого повелителя Среднего жуза, искусно использовавшего противоречия между царской Россией и императорским Китаем и сумевшего благодаря этому на протяжении длительного времени сохранить относительную самостоятельность.

После смерти Аблая ханом был избран его старший сын Вали, который сразу же признал власть русского царя. Но с этим, как всегда бывает в таких случаях, не согласились остальные сыновья старого хана, и прежде всего Касым-торе – сын Аблая от калмычки. Вместе со своими сыновьями Есенгельды и Саржаном он начал долголетнюю изнурительную и кровопролитную войну под знаменем прославленных отца и деда. Это была многократно повторявшаяся в истории внутрифеодалная борьба за власть и влияние, совпавшая на этот раз с национально-освободительной борьбой народа против царизма, использовавшая ее в своих целях и сумевшая благодаря ей растянуться на долгие годы. Царское правительство, в свою очередь, ловко использовало межфеодалные распри. Будучи объективно исторически прогрессивным явлением, присоединение степного края проходило в сложном и противоречивом переплетении людских судеб.

Откуда мог знать обо всем этом простой кочевник? Сквозь дымку лет расплывались в народной памяти обиды и притеснения грозного хана Аблая. Он был прямой потомок Джучи – сына Чингисхана, которому жестокий завоеватель и “Потрясатель вселенной” отдал когда-то во владение эти земли и народ. В потомках его видели признанных наследников грозного Джучи. И чему тут удивляться, что знамя Аблая стало притягательным для степи. Многие годы должны были пройти и реки крови пролиться, чтобы народ понял, куда вело это знамя...

Не один простой народ, но и многие батыры и предводители родов искренне верили, что только так смогут они отстоять свою независимость. К ним относился и батыр Жоламан, предводитель абынцев...

Сейчас он стоял на холме и смотрел в черную даль.

Где же тот человек, который сможет объединить степь? Если тысячи ручейков сольются в одну реку, никакие плотины не удержат ее. Пока что роды и племена сопротивляются разрозненно, но если найдется признанный всеми вождь, в грозную несокрушимую силу превратится это сопротивление... Сыновья Касыма-торе сейчас далеко, к тому же им не сопутствует удача. Когда еще найдут они общий язык с Кокандом... Это такой союзник, что лучше, пожалуй, иметь его открытым врагом. Кто уверен в том, что не повторится предательство, совершенное в Кургане летом прошлого года ташкентским кушбеги. Нельзя верить словам торгаша, готового в любую минуту принести казахские земли в жертву своим интересам. Еще неизвестно, кто больше враг: белый царь или кокандские единоверцы...

Но что делать, если приходится уже вот так, тайно, бежать из родных мест и из ночи в ночь ждать солдатского залпа из темноты? Самое плохое – чувствовать себя гонимым зайцем, над которым кружатся вдобавок коршуны-султаны. Броситься навстречу и погибнуть? Это было бы самым легким делом. А женщины, дети, будущее рода?.. Нет, он отвечает за людей перед старыми могилами и таинственными каменными изваяниями, поставленными здесь предками. Пропасть рядом, и надо не оступиться...

Да, море должно быть единым. Он видел на солевых промыслах: отгороженная от моря часть воды быстро высыхает, и лишь пухлый белый порошок остается на дне. Так и оторвавшиеся роды... Только аулы родов алтай, алтын, тока и уак пошли за Есенгельды и Саржаном, сыновьями Касыма-торе. И сколько лет уже безуспешно борются они с сибирским губернатором и его подручными султанами – Конур-Кульдшой и Зильгарой.

Кто следует за ним, кроме табынцев? А ведь возмущены все, взволнована вся степь. Значит, даже среди потомков Аблая не находится авторитетного человека. Если появится такой человек, то он, батыр Жоламан, сам переломает хребет своей гордости и властолюбия, во всем подчинится ему и карать будет всякого из табынцев, который вздумает вспомнить старые распри...

Каким должен быть этот человек? Батыров много, и все отважны. Но одной отваги мало: нужны еще ум,

мудрость, хитрость, красноречие, сдержанность, решительность и многое-многое другое. Неужели породилось на казахской земле человека, соединяющего в себе эти необходимые вождю качества!.. Десятки известных батыров, султанов, биев проходили перед его мысленным взором, и быстрее всех промелькнуло скуластое загорелое лицо Кенесары, среднего сына Касыма-торе. Он уже выдвинулся, прославился в нескольких схватках, но множество степных батыров имело на своем счету не менее славные дела. К тому же живы были еще отец и старшие братья, которые по древним степным законам прежде него имели все права на славу и власть...

Зашелестела трава внизу. Скосив глаза, Жоламан-батыр определил в серой тьме очертания статной фигуры. Хороший, легкий шаг у его племянника Байтабына. И преданность настоящего воина своему делу. Ни одной лишней минуты не отдал он отдыху после выматывающей скачки через степь: только исполнил его просьбу-приказ повидать старую женщину. И понял он, что Жоламан хочет поговорить с ним наедине...

Он был единственным сыном старшей сестры Жоламан-батыра, отданной замуж в род есентемир, относящийся к Младшему жузу. Безудержно отважным, ловким и находчивым стал Байтабын, когда подрос. Хотя и не выказывал этого Жоламан-батыр на людях, но больше всех любил своего племянника. Сердце у него было не на месте, когда отправлял Байтабына на какое-нибудь опасное задание.

— Все мне казалось, что чье-то ружье целит в меня, пока тебя не было!..

Это невольно вырвалось у батыра, и он прикоснулся губами к холодному лбу Байтабына. Тот смутился от дядиной ласки, понимая, что для Жоламан-батыра он еще несмышленный мальчик. И дядя, видно, понял состояние племянника, потому что резко выпрямился и спросил уже обычным твердым голосом:

— Много ли этих солдат?

— Два отряда. В том, что идет за нами, больше ста человек. Вверх по правому берегу Илека идут они, и у каждого через плечо по ружью. Сам Кара-бура с коржуном командует ими.

“Кара-бура с коржуном”. Это был известный всей степи хорунжий Карпов, огромного роста человек, вся

грудь и руки которого обросли густыми черными волосами. К тому же крутого, звериного нрава был он, и не случайно поэтому прозвали его диким черным верблюдом, да еще с коржуном, по созвучию с его чином. Так и вошел он в степные предания...

Сотня ружей... Много времени уходит на то, чтобы зарядить их, но у сарбазов Жоламана не было и одного такого. Не в счет несколько длинноствольных хивинских мультаков, которые опасней для стреляющего, чем для того, в кого целятся. Длинными соилами, окованными палицами и луками были вооружены джигиты. Что ж, на луки вся надежда. Недаром с раннего детства носятся по степи мальчишки, со ста шагов поражая в голову неосторожно высунувшегося из норы суслика. Красиво расшитые колчаны из плотной кошмы висели на луках седел у джигитов, и ровной линией виднелось жесткое оперение стрел. Некоторые из них были помечены желтым или красным пером, что означало яд гюрззы или слюну павшей от ящура коровы. Их нельзя было трогать рукой с острого конца, эти стрелы, и мало кто выживал из пораженных ими. Испокон веков пользовались в трудный час этим грозным оружием жители степи и не раз вынуждали к уходу завоевателей. Они знали, что и сами порой не смогут уберечься от мора, который начинался в степи от их стрел, но вольность всегда была для них дороже жизни...

Все это знал батыр Жоламан, и глаза его смотрели в ночь. В глубоком раздумье потрогал он свою хорасанскую саблю.

– А пушки есть у них?..

– Нет, этого у них не видели.

– Тогда будет полегче...

– Говорят, у них много пороху и серы. Сам я не видел, но видевшие передают, что большая бочка с порохом находится на самой последней телеге в их обозе. Запряжена эта телега парой гнедых лошадей, а бочка обернута черной кошмой...

– И это надо намотать себе на ус. – Жоламан, будто вспомнив что-то, резко повернул голову к Байтабыну: – Среди них не видели белоглазого Джебрайла или Алексалды Гнусавого?

О двух самых опасных людях спрашивал Жоламан-батыр. Оба они, урядники Илецких укреплений, по имени Гаврила и Александр, были здешние, по-

граничные. Они хорошо знали степь, язык и обычаи казахов. Но в отличие от простых русских людей, которые сжились со степняками и стали среди них своими, эти двое использовали во зло свое знание. И клички, как водится среди казахов, они получили соответственные. Гаврила при допросах страшно вращал белками глаз, а Александр противно гундосил. Жестокости они были необычайной даже для нравов, царящих в пограничных крепостях. Женщины в степи пугали детей их именами. Если они с отрядом, то дело осложняется. В молодости оба сами были конокрадами, и их не проведешь обычными степными хитростями, как можно это сделать с прямолинейным и недалеким служакой Карповым. А местность по берегам Илека они прекрасно знают: во всех карательных набегах участвовали...

Каждого человека в крепостях знали казахи, его привычки, характер, сильные и слабые стороны. Одних уважали, и дом степняка всегда был открыт для такого человека, других ненавидели, но то и другое было заслуженно...

– Оба они в другом отряде – хана Сергазы, – пояснил Байтабын. – Там тоже около ста человек. Но новых ружей у них меньше. Половина из них – просто ханские туленгуты с пиками. А напасть они собираются при нашем отступлении – на слиянии трех озер. Так наш человек из их отряда передал...

– Хотят, как диких лошадей, взять нас с двух сторон?..

– Да, они, наверно, так хотят.

– Что же, мы ведь тоже ловили диких лошадей... – Жоламан-батыр неопределенно усмехнулся и вдруг, повернувшись к Байтабыну, спросил в упор: – Удалось тебе увидеть Акбокен?

Он ожидал этого вопроса, Байтабын, и широкие плечи его бессильно поникли.

– Н-нет...

Дочерью одного из мирных людей рода табын была Акбокен. По древнему обычаю, Жоламан-батыр на правах дяди Байтабына договорился с отцом девочки об их помолвке, когда сам Байтабын делал первые шаги по земле, а она еще лежала в пеленках. Необычной красоты росла девочка, и однажды во время праздничной байги ее увидел хан Сергазы. Тогда на скачках первым пришел знаменитый

ахаттекинский скакун, принадлежавший роду табын. Еще издали все присутствующие любовались гордой головой, мощным, размашистым шагом коня. Но старый хан не смотрел на коня. Глаза его не отрывались от маленькой фигурки, словно влитой в могучую гладкую спину животного. Это и была тогда еще восьмилетняя Акбокен...

Опытным ценителем женской красоты слыл в степи хан Сергазы, и глаза его не ошиблись. Прошло немного лет, и не было уже в степи красавицы, равной Акбокен. А хан тогда еще, не дожидаясь конца празднеств, приказал Жантемиру – отцу девочки – переехать в ханскую ставку и сделал его своим туленгутом. Дело в том, что, по принятому обычаю, туленгут не имеет права ни сам жениться, ни выдавать замуж дочь без разрешения своего хана. Через некоторое время Жантемир вынужден был вернуть сестре Жоламан-батыра полученный от нее за дочь, задаток в счет калыма, составлявший несколько голов скота.

А маленькая "невеста" плакала и рвалась назад, когда ее увозили из родного аула. Что это было: любовь, привычка – сколько помнишь себя, считаться нареченной рослого черноглазого мальчика? Она не понимала ничего, но чувствовала, что происходит что-то страшное, непоправимое. В детских снах остался мальчик...

Не в детских чувствах было тут дело. Расстройство помолвки и возвращение задатка являлось оскорблением. И оскорблен был не кто-нибудь, а предводитель древнего рода табынцев, знаменитый батыр Жоламан, стоявший у основания этой помолвки. Трудно было тогда еще прямо обвинить в чем-нибудь самого хана, имевшего неписаное право взять любого человека себе в туленгуты, но всем было понятно, к чему идет дело. А переступить дорогу батыру – такое в степи никому еще не проходило даром, будь он хоть трижды ханом или султаном. Но начинать свару в такие трудные времена Жоламан-батыр не хотел. Тучи надвигались на степь, и неизвестно было, кто какую займет позицию. Даже честь батыра была ничто перед общим делом. Теперь же, когда туленгуты хана Сергазы вместе с карателями усмиряют восставшие аулы, все стало ясно. Пять дней назад Жоламан-батыр вызвал к себе племянника и при всех биях и аксакалах сказал:

— Ходят слухи, что против нас должны выступить из Оренбурга каратели. Мне известно, что и на этот раз тут не обошлось без Сергазы. Съезди в их аулы и разузнай подробней. К счастью, как ни принуждает своих людей этот севший на чужую цепь старый пес, многие из них помогают нам...

Это был открытый разрыв с ханом Сергазы. А оставшись наедине с Байтабыном, он положил ему большую руку на плечо:

— Родной мой, я тоже был молодым и все понимаю. Счастье — это дикий гусь. Силком или сетью ловят его настоящие джигиты... Бери двух моих лучших серых коней. Прямо в ханский аул езжай. Сделай все, что нужно для общего дела. И потом, если согласна Акбокен, увези ее ночью. Если же не получится, узнай, когда хочет сыграть свадьбу старый кобель. Ничего не пожалею, все свои табуны на ветер пущу, но праздник я ему испорчу!..

Жоламан-батыр высказал то, о чем уже говорила вся степь. Хан Сергазы хочет взять Акбокен очередной женой. Не то было диковинкой, что хан имеет несколько жен, а что на этот раз обида наносилась целому роду. Когда две недели назад Байтабын услышал об этом, он ушел в степь, бросился на сухую прошлогоднюю траву и катался по ней, забив корнями рот, чтобы не кричать. Никто не знал этого, но четыре раза за эти годы виделись они с Акбокен. Было это на далеких джайляу, где переплетались пути многих племен Младшего жуза. Ничего не было между ними, просто всякий раз они долгую ночь проставляли вместе в степи. И даже ничего не говорили друг другу...

Но кто знает, не большими ли были страдания Жоламан-батыра, когда услышал он эту весть. К переживаниям за племянника, которого любил он сильнее себя самого, прибавились страдания оскорбленной батырской чести. Гнев затмил ему глаза...

Известные всей степи серые аргамаки Жоламан-батыра обгоняли ветер, на лету хватая зубами быстрокрылых птиц. Так о них говорили в степи, и это было правдой. Не взяв с собой ни одного джигита, чтобы не привлекать внимания, через полтора дня скачки упал в траву на окраине ханского аула Байтабын. Отдышавшись и спутав ноги лошадям, он заполз в аул. От верных людей он узнал о выходе из

Оренбурга двух отрядов карателей для разгрома и усмирения табынского рода во главе с Жоламан-батыром. И еще он узнал, что не сегодня-завтра состоится свадьба старого хана и Акбокен. Но времени не оставалось у него...

– Может быть, можно было увидеть ее?.. – спросил батыр, не глядя на племянника.

– Эта заноза только в мою душу! – тихо ответил Байтабын. – А каждый час приближает к нам солдат...

– Ты говоришь, как подобает будущему батыру. А что касается Акбокен, будь также мужествен. Нет неизлечимых недугов.

– Эта болезнь неизлечима, – твердо сказал молодой джигит.

– Может быть, ты и прав, – вздохнул батыр. – Значит, у тебя это серьезно. Но крепись. Если не погибнем в этом бою, в прах разнесем всю ханскую свору!..

Одна за другой появились в почерневшем небе семь ярких звезд, явственно обозначив ковш. Как только засветилась последняя из них, с разных сторон на холм стали подниматься аксакалы. Тихо подходили они и молча рассаживались вокруг Жоламан-батыра. Когда все собрались, Жоламан-батыр обратился к ним с краткой речью. Он рассказал все, что было известно о солдатах и хане Сергазы, попросил у стариков совета. Каждый из аксакалов коротко высказался, и мнения их совпали. Ничего не оставалось табынскому роду, как принять бой. Для этого решено было перевести родовую кочевку в Мугоджарские горы. Немногим больше дня пути до них, а женщины и дети укроются там в густых зарослях тамариска. Из тысячи имеющихся сарбазов половина будет прикрывать кочевку, а другая половина встретит карателей. По расчетам Жоламан-батыра, они должны подойти на рассвете, а если сменят лошадей, то и сегодня ночью. Поэтому десяток джигитов останется здесь и будет продолжать жечь костры, как будто кочевка и не трогалась с места...

Аксакалы отправились по своим караванам, а Жоламан-батыр вместе с находившимся при нем Байтабыном приступил к распределению джигитов. При свете ярко горящих костров проходили перед

ними они, вооруженные луками, копьями, секирами и дубинами. Тускло мерцали серебристые кружочки у закинутых за спину щитов. Все это было в полной власти батыра. По взмаху его левой руки сарбаз шел за кочевкой, знак правой оставлял сарбаз с ним для того, чтобы встретить врага. Не прошло и времени между двумя дойками кобыл, как окруженный джигитами громадный караван табынского рода собрался в дорогу. Привыкшие к тревожной походной жизни, люди без ропота и суеты тронулись в новый, неизведанный путь. Лишь плач во внеурочное время проснувшихся детей да глухой недовольный рев потревоженных верблюдов слышались в ночи. Постепенно и эти звуки затихли. Все дальше и дальше уходил караван...

А оставшимся казалось, что аулы все еще не снялись с насиженного места. Ровно горели многочисленные костры, разгоняя белесую от появившейся луны полутьму. Время от времени всхрапывали кони, слышались негромкие голоса, собачий лай. И с какой стороны ни подойди – казалось, только что остановился здесь караван, люди варят себе еду, готовятся ко сну...

Оставшийся отряд Жоламан-батыр разделил на две группы. Одну из них он спрятал в заросшей караганником ложине, а другую повел на ту сторону холма. Но не успели сарбазы дойти до предназначенных им мест, как в степи послышался быстро приближающийся топот. Сердца у людей тревожно сжались, но условный сигнал – крик птицы – предупредил, что это свои. Группа всадников выехала к южному склону холма. Они держали пики наперевес, как делают это только табынцы...

Оказалось, что это разведчики – ертоулы, высланные со специальным заданием вверх по Жаику несколько дней назад. Но кого это они ведут с собой? Трое чужих среди них. Один – маленький, белолицый, закутан в чапан. Двое других тоже одеты не так, как табынцы: невысокие шапки оторочены белым мехом, домотканые черные кафтаны на них, как у русских переселенцев, а сапоги с непонятными узкими голенищами. Еле плелись их лошади среди табынских коней, а когда остановились, то расставили все четыре ноги. Видно, неблизкий путь проделали они. Старший из ертоулов подошел к молча поджидавшему

Жоламан-батыру, чтобы доложить обо всем. Не успел он открыть рот, как стоявший рядом с батыром Байтабын вздрогнул:

– Япыр-ау!..

– Что с тобой?

Жоламан-батыр удивленно посмотрел на племянника и проследил его взгляд. Маленькая фигурка склонилась с лошади, вглядываясь:

– Это ты, Байтабын?..

Оказалось, что это девушка, у нее был голос Акбокен. Спohватившись, она поклонилась окружающим:

– Амансыздар, агалар! Здоровья вам, уважаемые люди!

Да, это была Акбокен, и ошибиться было невозможно. Блики луны светились на чуть продолговатом белом лице, и спокойно смотрели большие и черные, как у верблюжонка, глаза. Темный алтайский соболь на шапке, увенчанной высокими перьями, оттенял лицо. Бархатный бешмет серебрился на высокой груди и у тонкой талии, потому что она откинула с себя дорожный мех. А когда девушка сняла шапку, то все остолбенели. Она не закручивала на дорогу волосы в косы, а бечева, которой они были привязаны к поясу, в пути развязалась, и сейчас эти волосы рассыпались до самой земли. Словно темным волнистым светом вдруг залило ее всю...

– Куда же это вы направляетесь, племянница? – спросил Жоламан-батыр каким-то неестественным голосом. Он сам невольно почувствовал смущение при виде такой красоты.

– О, славный Жоламан-батыр... – начала девушка и вдруг горько, по-детски заплакала. – Дядя, защитите меня от черного коршуна!..

– Джигиты, помогите девушке слезть с коня! – сказал батыр.

Байтабын подошел, по древнему казахскому обычаю положил одну руку на ее талию, другой взялся за левое бедро девушки, поднял с седла и ловко опустил ее на землю. Она быстро обмотала волосы вокруг талии, чтобы не мешали ходить...

С ней произошло то, что часто случалось в ханских аулах. Великой честью считалось для простого туленгута Жантемира, что хан берет его дочь в жены. Все было обговорено заранее, и как раз в ту ночь, когда

Байтабын прятался в траве на окраине ханского аула, дальняя тетушка Акбокен привела почтенного жениха в юрту невесты. Древний обычай применил старый хан, по которому невесту тайно передают жениху из рук в руки, получают определенное установленное вознаграждение и удаляются, оставляя их вдвоем на всю ночь. Для соединения бедных влюбленных, чьи роды противятся браку, был придуман когда-то этот обычай. И теперь им решил воспользоваться хан Сергазы, хорошо знавший, что многие хотят помешать его планам.

На тощего, измученного глистами старого пса был похож старик, а лицо его было белым, как у покойника. Понимая, что вряд ли он способен своим видом вызвать любовь девушки, он даже попробовал шутить с ней, оставшись наедине.

– Ох, вся кровь высохла... Нет ли для такого молодца, как я, у тебя здесь где-нибудь глоточка кумысу?

Он сам подсказал ей средство, как избавиться от него. Акбокен быстро вышла и принесла из соседней юрты чашку кумыса. Недавно у нее ныли зубы, и в карманчике платья остались похожие на пуговицы семена кушала – аконита, которым в малых дозах успокаивают боль. Он еще хорошо помогает уснуть, и девушка высыпала в кумыс все, что у нее было. Не боялась Акбокен даже и того, что навеки может заснуть старый хан. Слишком часто представляла она эту первую ночь с ним...

Одним духом опрокинул в себя огромную чашку кисловатого кумыса взволнованный хан и сразу начал раздеваться. Но медленней вдруг стали двигаться его руки, рот задергался, и его скрутило. Вопреки обязательному для всех других обычая, никому не позволяется видеть или слышать, даже издали, что происходит в первую ночь у хана с невестой. Туленгуты, по тайному приказу, заранее отгоняли всех от юрты Жантемира, да и сами отошли подальше, оставив на страже одного тугоухого. Никто не слышал поэтому, как рвало и выворачивало наизнанку хана Сергазы, получившего в первую брачную ночь заслуженное удовольствие. А Акбокен тихо выскользнула наружу...

Двое сопровождавших ее людей, Ашраф и Давлетчи, – беглые башкиры. Они уже с месяц скрывались в подвластных хану Сергазы туленгутских аулах,

и все жалели их и помогали им. Неожиданно нагрянувшие с ханом его телохранители схватили чужаков и привязали волосяными арканами к арбе, стоявшей возле юрты Жантемира, чтобы наутро отправить под конвоем в Оренбург. Это было грубейшим нарушением законов степного гостеприимства и древнего права убежища, поэтому молодые казахи еще днем пытались их освободить. Но силы были слишком неравны...

Акбокен попросила сарбаза, охранявшего пленников, помочь внезапно занемогшему хану, а сама тем временем перерезала аркан, которым были по рукам и ногам связаны пленники, и скрылась с ними в ближайшей ложине. Там они нашли пасущихся лошадей и, поймав трех из них, поскакали к югу, где, по расчетам Акбокен, должна была находиться сейчас кочевка табынского рода. Долго еще слышали они за своей спиной шум и сумятицу, словно из растревоженного шмелиного гнезда...

Дочь этой степи, она выбрала правильное направление. На второй день она наткнулась на табынских ертоулов, возвращавшихся из очередного поиска. Все это быстро, сбиваясь, и рассказывала она Жоламан-батыру. Она многое видела и слышала в ханском ауле, и батыр расспросил ее подробней...

– Жаль только, что кушала у меня было мало! – сказала Акбокен, заканчивая свой рассказ. – Уходя, я видела, как он открыл глаза...

Жоламан-батыр с удивлением посмотрел на нее. Столько силы и ненависти было в ней, что хватило бы на целый десяток батыров. Это добрый знак, если женщины начинают так ненавидеть.

– А ты не боялась, что Сергазы начнет мстить твоему отцу? – спросил он.

Она удивленно открыла глаза, и черные угольки загорелись где-то в глубине.

– А он чем виноват?.. Все, что приказывал хан, отец выполнил. Это я не захотела.

Батыр Жоламан тяжело вздохнул... Да, чем они виноваты, ее родители. Но разве не наступило время, когда именно невинный карается в первую очередь? Каждый человек чувствует себя виноватым и дрожит, сидя в своей норе и не высовывая носа. Слишком хорошо знал он наследственную, передающуюся из века в век ханскую политику. Какой джигит в степи по-

жалест свою голову ради чести и свободы? Но вот если он точно будет знать, что старого отца его привяжут к хвостам четырех лошадей и разорвут на части, малолетних сестер продадут в Хиву, а всех двоюродных и даже троюродных родственников перережут, то он семь раз подумает, прежде чем сделать какой-нибудь рискованный шаг. Что ж, батыр понимал определенную мудрость этой политики, но молодые не хотят с ней смириться... Ничего не поделаешь: так устроена жизнь. И в чем мы, например, виноваты, чтобы высылать за нами карательный отряд, загонять в бесплодные горы женщин и детей?

Жоламан-батыр повернулся к коренастым башкирам:

– А вы куда намерены теперь направиться?

– Мы у вас хотим остаться, батыр. Если вы примете нас... – сказал рыжеватый Ашраф, довольно сносно уже владевший казахским языком.

– Нелегкий у нас путь, люди... И, для того чтобы стать сарбазом, нужно уметь по три дня не слезать с коня и поражать из лука все, что увидит глаз за двести шагов...

– Башкиры умеют это. И еще помнят своего Салавата, который с русским Пугачом бил генералов царицы...

Жоламан-батыр, прищурившись, посмотрел на них:

– Об этом я слышал. Но, может быть, вы еще что-нибудь умеете делать? Долгим делом будет то, что мы начали...

– Мы умеем лить пушки, если найдется хорошая руда, – сказал смуглолицый Давлетчи, стоявший до сих пор в стороне, нахмурив густые кустистые брови.

– Еще можем свинец плавить, пули изготавливать.

Лицо батыра засветилось радостью.

– Правду говоришь?

– Отцы наши из всадников Салавата. На Демидовские заводы сослали их после восстания. С детства мы там работали. И бежали оттуда.

– Хорошо, пока отправляйтесь за кочевкой, а об остальном поговорим. – Жоламан-батыр повернулся к одному из джигитов: – Проводи их, сынок, к нашей кочевке. Да возьми свежих лошадей, а то их кони пристали.

Потом он посмотрел на Акбокен, которая каждый

раз быстро взглядывала на безмолвно стоявшего Байтабына:

– Ты тоже побудь в нашем доме, доченька. Поезжай с ними...

– Хорошо, дядя! – с готовностью согласилась Акбокен.

Пока они собирались, Байтабын неслышно подошел сзади к батыру:

– Коке, можно мне проводить их до каравана? Он еще недалеко ушел.

– Иди, только возвращайся сразу.

Байтабын молча кивнул. Жоламан-батыр проводил его глазами... Коке... Так впервые назвал его племянник...

Жоламан-батыр повел часть оставшегося отряда сарбазов на соседний холм и распределил так, что подступы к нему были защищены со всех сторон. Позади мерцало множество костров – первая ловушка для нападающих. Когда они с немалым ущербом для себя разгадают ее, их будет ждать вторая, посложней. А там много еще разных неожиданностей уготовано им...

Двести сарбазов расположены на холме, и кони их под рукой. Они укрыты под самой горой, в лощине. А лощина не видна с двадцати шагов. Вешняя бешеная вода прорыла ее в степной глине, но сейчас дно лощины сухое, усыпанное крупной белой галькой, оставшейся под степной толщей от древнего моря. Кусты чия почти совсем закрывают ее, и заканчивается она небольшой котловиной, где скрыто еще двести всадников. Можно провалиться туда вместе с конем, прежде чем заметишь это углубление в ровной степи, – так густо заросло оно тамариском, караганником, желто-серыми тугаями. Множество рукавов и ложбин выходят из нее в разные стороны, и в любую можно направить всадников наперехват.

Да, отряд хана Сергазы должен первым подойти с запада. Об этом уже сообщили ертоулы. Джебрайль и Гнусавый Алексалды в этом отряде, так что они сразу поймут, что костры горят впустую. Чтобы проверить это, они пока решат расположиться на холме. Здесь и встретит их на самом близком расстоянии приготовленная засада. Ни вперед продвинуться, ни оторваться от нее они уже не смогут. А когда обессилят туленгуты и солдаты, быстрее ветра бросятся на них

прямо из-под земли двести свежих всадников. Самое лучшее оружие у них, и командовать ими будет Байтабын, несмотря на молодость. Там тоже все молодые, в его отряде, а он – их негласный вожак. Опытный батыр давно уже знал это. Всегда лучше, когда предводитель признан всеми...

На холме будет он сам, батыр Жоламан, а связь между отрядами будут держать, как всегда, два быстрых и ловких юноши – Кайрат и Канат. Двойняшки они, так что трудно даже отличить их друг от друга...

Воины стояли внизу – те, которые должны принять самый первый и жестокий удар. Светлая полоса появилась на востоке, и небо начало сереть. На одно колено опустился батыр Жоламан, обращаясь к людям:

– Соколы мои, пришло время, когда отступать больше нельзя. Сердце табынского рода прикроем мы здесь, на этом холме. А в сердце даже маленькая рана смертельна. – Теперь он разговаривал как будто сам с собой. – Что же, у меня немало богатства, мог бы при желании лежать на боку, и пусть распадается все: страна, племя, род табынцев. И пусть срывают даже курганы, насыпанные предками... Нет, для меня тогда лучше было бы умереть. Потому что знаю я, что каждый из вас с радостью отдаст жизнь за свой род. И в этом сила наша, а ханская слабость. Только вчера приبلудный старый пес Сергазы прислуживал хану Хивы, титул свой принял из его рук. А сегодня, как петляющая на свежем снегу лиса, уже ластится к ногам белого царя. О таких и вытирают ноги, когда исполняют они свою собачью службу. А мы пойдем другой дорогой!..

– Пойдем!

Сарбазы трижды потрясли над головами оружием. Батыр поднялся с колена:

– Выстрел из ружья громок, но поражает только одного человека. И ружье это нужно долго перезаряжать. Легки и бесшумны стрелы, но двадцать их можно выпустить за это время. А пушек у них нет...

– Мы не боимся ружейного грохота...

– Мы ждем боя, батыр...

Жоламан-батыр вынул из-за отворота полушубка небольшой белый платок:

– Пусть сарбазы смотрят. Когда поднимется на пике этот платок, пусть все садятся на коней. Но будет

это не скоро. Сначала нужно, чтобы раскалились их ружья, отекли руки, кровоточили раны...

– Мы будем терпеливы...

Жоламан-батыр широко развел руками:

– В таком случае – по местам! Ложитесь в единую линию на три шага один от другого. И пусть бог будет с нами и сохранит каждого из нас в этом бою!

– Аминь!..

– Они ведь такие же люди из мяса, жил и костей...

– Уа, белого барана с золотистой головой обещаю в жертву тебе, Алла!.. Белого, тяжелого...

– Мы сделаем так, батыр...

Жоламан-батыр оставил вершину холма, и обычная тишина установилась в степи. Слышно было лишь, как потрескивают костры. А потом, когда заколебался предутренний туман, глухой, быстро нарастающий гул послышался с севера и с запада. Словно невиданной величины камни катили по степи. Но, предупрежденные ертоулами, на холме уже знали обо всем...

Отряды хорунжего Карпова и хана Сергазы не одновременно пришли к месту. Ертоулы Кара-буры с коржуном были уверены, что табынская кочевка находится сейчас перед ними и спит мирным сном. Они настолько не сомневались в этом, что с подробностями доложили, как проползли в аул табынцев и даже пили там кумыс со знакомыми. Поэтому Карпов решил атаковать без всякой подготовки, пока аул спит. Полчаса дали отдохнуть людям и лошадям, а потом развернули и повели конным строем на спящий, по их мнению, аул...

Быстро рассеивался туман, обнажая остывшую за ночь землю. Стая скворцов встряхнулась, взмыла вверх, туда, где уже пламенели облака. Большие тяжелые перепела, продираясь, выпрыгивали из осыпанной росой травы. Звенели певчие птицы, кузнечики стрекотали в ожидании солнца. И только белый крик и черный орел-стервятник молча парили в посветлевшем небе. Они не обращали внимания на мелкую птичью добычу, словно знали, что ждет их сегодня более достойное лакомство.

— Приготовьте луки, джигиты! — негромко командовал Жоламан-батыр. — Только пусть подьедут вплотную...

Отряд Кара-буры с коржуном приближался к ним. На холм в стороне они не смотрели: глаза солдат и туленгутов не отрывались от горевших еще костров. Вот уже вытащил большой офицерский палаши хорунжий Карпов. На гнедом подстриженном коне ехал он, и хищно изогнутая черная фигура его действительно напоминала очертания дикого степного верблюда, когда, весь остервенившись и взъерошив густую шерсть, приближается тот к самке. Особые счеты были у батыра с этим жестоким и беспощадным человеком. Палашом, который он выхватил сейчас, рассек Кара-бура с коржуном в одном из прошлых боев правую руку Жоламан-батыра. Только недавно зажила рана, и теперь пришла пора отомстить.

— Стреляйте во всех, кроме Кара-буры!..

Жоламан, как и другие казахские батыры, не привык стрелять из ружья и рубиться шашками. Несерьезным делом казалось им это. Зачем сходитьсь в рукопашном бою, если так широка степь для маневра? А уж если сойтись, то какое оружие надежнее батырской палицы? И все же лучшее оружие степного воина — лук. Из горной сучковатой березы был он у Жоламан-батыра, а тетива свита из девяти полос верблюжьей сыромятины. "Березовой смертью" назывался он, а самая длинная стрела с ядом старой гюрзы на конце, которую вынул из колчана Жоламан-батыр, имела название "Пробей гору". Как и две тысячи лет назад в этой степи, левую руку положил батыр на скрещение стрелы с луком, а правой натянул тетиву...

Так близко стояли солдаты, что видны были их ожидающе-напряженные лица. Весело мотали головами успевшие остыть после ночного марша кони, тускло серебрились эфесы шашек. Ехавшим неровным строем ханские туленгуты взяли пики на изготовку. И вдруг, почувствовав что-то, дернулся вперед, взвился на дыбы конь ближайшего к хорунжему солдата. Никто не понял сразу, что произошло, а солдат уже поник в седле, насквозь пробитый черной подра-

двигающей стрелой. Судьба уберегла Кара-буру на этот раз...

В тот же миг грохнули старинные мультаки, белые молнии стрел заметались в солдатской гуще, закричали люди, заржали и забились раненые лошади. Одному из солдат снесло пулей из мультука полчерепа, но он не выпускал поводьев и уже мертвый носился на обезумевшей лошади, забрызгивая всех кровью.

Как отлетевшие от невидимой стены, бросались в беспорядке в разные стороны туленгуты. Но ошеломленные вначале неожиданной атакой солдаты, потеряв около десятка человек убитыми, по приказу Кара-буры отступили с поражаемого стрелами участка и спешились. Это были дисциплинированные регулярные войска, и сражаться с ними простым степным джигитам было нелегко. Теперь они под прикрытием густых зарослей чия ползли вперед единой цепью, стреляя на ходу. Луки против них уже мало чем могли помочь. Все точнее стреляли солдаты, и все больше сарбазов Жоламана выбывало из строя. Однако они привыкли уже к грохоту ружей и держались стойко, ожидая рукопашной схватки. Среди солдат было немало задетых стрелами во время внезапного нападения, и теперь, двигаясь вперед, они теряли силы. Раны их вспухали и горели от степных ядов, в которые обмакивались наконечники стрел.

— Ойбай, несчастье!..

Круто обернувшись, Жоламан-батыр увидел свежий отряд солдат и туленгутов, подходивший с севера. Это было войско хана Сергазы. Зоркие глаза батыра сразу увидели среди солдат белоглазого Джебрайля в фуражке с высоким околышем, рыжего коренастого Алексалды. Что же, многое уже сделано. Обманутый враг не пошел по следам слабо защищенной кочевки и вынужден был принять бой. Да и потери у него немалые. Отбить бы теперь у него охоту преследовать дальше табынцев, и цель была бы достигнута...

— По коням!

Белый платок на пике затрепетал над холмом. Это был сигнал Байтабыну, и в тот же миг словно из-под земли вылетели две сотни всадников, прятанных в котловине.

— Табын!..

– Тленчи!..

Сарбазы Жоламана взмыли на коней и устремились на врага. Солдатам пришлось отстреливаться в обе стороны. И пока перестраивались под градом стрел и соединялись оба отряда, они снова понесли большие потери. Джигиты Байтабына пронеслись сквозь их строй, но несколько человек по дороге тоже скатились с лошадей. Теперь объединенные отряды повстанцев и карателей стояли друг против друга. Исход боя зависел от преимущества в силе, а оно было у солдат...

Если бы не белоглазый Джебраиль с Алексады, можно было бы что-нибудь сделать. Но эти двое хорошо знали тактику повстанцев и так распределили солдат с ружьями, что несущаяся на них масса всадников оказывалась под обстрелом с разных сторон. И повстанцы тоже ничего не могли предпринять. Дубины были основным оружием против спешившегося и залегшего противника, а в рассыпном строю не очень-то ими поработаешь. Вот когда неотвратимо несетя сплошная лавина, сминая вражеский строй, и только дождь сокрушающих ударов сыплется из него на обе стороны, тогда другое дело. Но именно строя и не устанавливали опытные казачьи урядники. Несколько раз водил в атаку своих сарбазов батыр Жоламан. Конная лавина проносилась, обстреливалась с боков и в спину, а на земле всякий раз оставалось несколько убитых джигитов. Вслед пролетавшим всадникам тоже не высылалось погони. А на нее-то и рассчитывал Жоламан. Когда бы, увлеченные погоней, рассыпались по сторонам враги, вновь пригодились бы луки...

Все хуже становилось положение. Теперь часть солдат уже села на коней, и Жоламан-батыр изменил тактику. Небольшими конными группами тревожил он с разных сторон карателей, рассеивая их внимание. О бочке с порохом в обозе вспомнил он. Взорвать ее – и враг обречен. Наверно, за тем вон бугром должен находиться обоз...

– Эй, Байтабын, нам нужна та бочка с порохом на телеге! – крикнул он племяннику. – Разузнай, где она...

Чтобы отвлечь внимание противника от Байтабына, Жоламан-батыр снова повел в атаку своих джигитов. Он смял севших на коней солдат Кара-буры

с коряжником, но, когда дал уже знак к отступлению, услышал призывный крик:

– Коке!.. Коке...

Оглянувшись, он увидел окруженного врагами Байтабына. Джебраиль с Алексалды разгадали маневр повстанцев и не всех своих солдат бросили навстречу Жоламан-батыру, а часть оставили на пути джигитов устремившегося в их тыл Байтабына. Сам Джебраиль оттеснил прорвавшегося вперед молодого и горячего предводителя атакующих, и теперь добрых два десятка солдат и ханских туленгутов наседали на него со всех сторон, пытаясь сбить с седла.

– Про-о-щайте!.. – снова донесся до батыра сдавленный крик.

Жоламан-батыр сам не заметил, как повернул коня:

– Ар-руах!..

Мощный конь его снова врезался в толпу врагов, сбивая и отбрасывая в стороны людей и лошадей. Громовой клич заставил сарбазов на полном ходу повернуть своих коней и устремиться за батыром.

– Аруах!..

– Тленчи!.. Тленчи!..

– Жоламан!..

Не ожидавшие повторной атаки солдаты не успели даже перезарядить ружья. Дрогнули, расступились и туленгуты отряда Сергазы. Низинка была впереди, и Жоламан-батыр потерял на некоторое время из виду отбивавшегося племянника. Когда он вынесся на возвышение, то увидел, как Байтабына уже стаскивают с седла. Вся голова его была залита кровью, и руки бессильно болтались по сторонам. Только конь его, гнедой пятилеток, волчком крутился среди солдат, принимая на себя удары. Но в стороне уже кто-то из туленгутов раскручивал аркан...

Ему-то и достался первый удар батыровой дубины. Еще трое или четверо вылетели из седел с проломленными черепами.

– Наддай коню! – дико закричал Жоламан-батыр. – Аруах Байтабын!..

Гнедой сам, наверно, понял призыв батыра и, взвившись птицей, перелетел через окруживших его врагов. Мгновение – и он мчался уже бок о бок с конем Жоламана, и голова племянника привалилась к дядиному бедру. Не успели солдаты вскинуть наспех

заряженные ружья, как всадники снова пропали будто сквозь землю провалились в зарослях тамариска...

Если долго бить железом о железо, то даже на нем появятся трещины. Все чаще оглядывал Жоламан-батыр поредевшие ряды с утра не выходивших из боя сарбазов. У многих были тяжелые ранения. Байтабын был хоть неглубоко иссечен, но потерял много крови и часто лишался сознания. Утомились и лошади, с ночи не знавшие отдыха и не получавшие корма. Они уже с утра с трудом носили на себе джигитов и не брали с налета обычные степные рытвины. Начинать сейчас новую атаку было равносильно самоубийству. Мысль Жоламан-батыра давно уже склонялась к отступлению. Кочевка приближалась к Мугоджарам, утомленным боем солдатам ее не догнать. И все же он помнил степную мудрость: "Когда воин побежал, ему и баба – батыр!" не развеется ли по степи дух табынцев, если покажут они сейчас спины солдатам?..

А каратели пока решили сами перейти в наступление... Такое Жоламан-батыр видел лишь как-то в Оренбурге, на плацу. Три ровными колоннами выстроились солдаты и, взяв ружья наперевес, медленно, неотвратно двинулись вперед. Часть ехала на лошадях, но тоже ровным сомкнутым строем. Даже ханских туленгутов удалось урядникам построить в каком-то порядке. Так и шли они: спокойно, торжественно, поражая воображение простодушных стенников. Грозно надвигалась четкая линия отливающих синим светом штыков, поблескивали на солнце взятые к плечу сабли и палаша. Батыру было видно, как напряглись спины джигитов, кое-кто дрогнул, втянул голову в плечи. Но именно сейчас нельзя отступать. Заяц погибает обычно только из-за собственной трусости. Лучше уж умереть с честью на поле боя. Как бы ни были расширены глаза от страха, а бой принять нужно...

Жоламан-батыр был опытный воин и знал, что сила сейчас на стороне хорошо обученных регулярных войск. Кроме того, у них ружья, и немало джигитов уложат они спать вечным сном в их родной степи, прежде чем сойдутся все врукопашную. И все же он приказал своим людям съезжаться для последнего боя. Меньше четырехсот сарбазов оставалось у него на конях, и батыр собирал их в одну лавину. Лишь

бы удалось дорваться до рукопашной, а там будет видно...

Все ближе и ближе солдаты. Вон бугорок, от которого можно будет пустить в ход луки. А дальше, там, где редкая полоска чия, они сойдутся вплотную. Но перед этим прогремит солдатский залп. По знаку батыра медленно двинулась вперед единая конная масса. Быстрее и быстрее, навстречу неотвратимой линии стальных штыков. Видны уже черные дула...

И вдруг:

– Каракипчак!.. Дулат!..

Неожиданней зимнего грома прозвучало это. Качнулись и сломались цепи карателей. Могучая лава неизвестной конницы неслась на них из открытой степи. Беспорядочной стрельбой без команды встречали ее солдаты. Ханские туленгуты начали поспешно поворачивать лошадей.

На несколько корпусов вперед выделились из лавы двое. Один, громадный человек на белоногом коне, был в сверкающих на солнце железных латах. Как игрушкой, вертел он над головой тяжелой кованой палицей...

– Это кипчакский батыр Иман!.. – закричал Жоламан-батыр. – И конь его белоногий...

– Да, только он так сидит на коне...

– А за ним кто?..

– Батыр Кудайменде это, из рода баганалы!..

– Откуда они здесь?

А вот и бугорок. Жоламан-батыр привстал в седле, повернул голову к табынцам:

– Ар-руах, табын!..

– Аруах!..

Почти одновременно навалились на растерянных солдат обе лавины. Они побежали, несмотря на брань и удары палашом, которыми пытались остановить их хорунжий и урядники. Только половине удалось добраться до своих лошадей. Не менее сотни солдат и столько же туленгутов осталось на земле. Раненых среди них почти не было. После удара палицей долго не живут...

Так закончился этот бой – один из многих, которые происходили в тот год по всей степи от Каспия до Сибири.

Сарбазы внесли трупы карателей в одно место и похоронили под обрывом, в сыпучем песке. Своих мертвых они уносили на связанных накрест березовых жердях, чтобы похоронить в Мугоджарских горах всем родом. Отцы, братья, мужья и сыновья из ушедшей кочевки были здесь. Свои жизни отдали они за нее...

Батыры собрались на большом холме, сели в круг. Вдали видна была разрозненная колонна поспешно уходящих к северу солдат и туленгутов. Они уходили домой, и погони не послали за ними. Теперь не скоро уже появится здесь новый карательный отряд.

Кипчакский батыр Иман Дулат-улы рассказывал подробности прошлогоднего восстания родов аргын, кипчак, алшын, жагалбайлы и жаппас, кочевавших между Ореком и Улытау. Тогда каратели тоже не имели особого успеха. Но в нынешнем году к берегам Тургая были направлены многочисленные регулярные войска с пушками, и батыру Иману пришлось с верными сарбазами тоже скрыться в Мугоджарах. Ертоулы донесли им о намечающемся сражении, и они прибыли как раз вовремя...

– Все чаще вскипает народ и на землях Сарыарки, – сказал Иман-батыр. – Недавно вот поднялись сыновья Азанбая из Баян-аула. Они воспротивились строительству укреплений на своих родных землях, но оба попали в руки карателей: сначала Тайжан, а потом Сейтен. Его, Сейтена, взяли уже в Прибалхашье, на дороге к Сырдарье. Со всем аулом откочевал он к сыновьям Касыма-торе...

Смуглый пышноусый батыр Кудайменде не участвовал в разговоре. Он был из тех сильных людей, за которых обычно говорят другие. Проследив за взглядом Жоламан-батыра, Иман-батыр тихо сказал:

– Богатейший бай Ерден из его рода баганалы силой отобрал у него невесту. Боясь неожиданного нападения, он изгнал весь аул батыра из долины реки Кара-Кенгир. Они бежали к Сарысу, и Кудайменде присоединился к нам...

– Ваша помощь сегодня спасла нам жизнь и вырвала победу у карателей! – взволнованно проговорил Жоламан-батыр, и кустистые брови его дрогнули. – Если бы так было всегда! Когда народ становится плечом к плечу, единую скалу никому не пробить. Это и подтвердилось сегодня. Всего трое нас соедини-

лось, а когда бы все стениные батыры забыли распри...

Они задумались, и каждый по очереди глубоко вздохнул. Все трое хорошо знали раздрающие степь свары, старые и новые. Вот и сейчас: разве быть когда-нибудь вместе баю Ердену и батыру Кудайменде, хоть и из одного они рода...

— И все же вспомним старую пословицу: "Если корабль на всех один, убежать с него некуда!" — воскликнул Иман-батыр. — Могли ли мы спокойно охотиться в Мугоджарах, когда здесь убивают соседей? И хоть бывают между соседями ссоры, будь проклят тот, кто наведет разбойника на соседский дом!..

С плачем и причитаниями похоронил табынский род своих павших воинов, через неделю справили поминки. Все это время батыры находились вместе. После поминок собрались на большой совет, уже с участием именитых, уважаемых людей и аксакалов из всех примкнувших аулов. В один голос говорили о том, что если каждый род будет восставать в отдельности, то за него вплотную возьмутся каратели и так всех разобьют по очереди. Пусть не всем родам подходит знамя Аблая, но деваться некуда. Поэтому решено было отправить достойного человека в находящийся сейчас на берегах далекой Сырдарьи аул Касыма-торе, чтобы сообщить о своей поддержке и подчинении. Для этой цели лучше всего подходил батыр Кудайменде, тем более что не имел он ни кола и ни овцы, которую можно было бы привязать к этому колу... Необходимо было также выработать общий план действий на ближайшее время.

Воодушевленный единодушием табынцев, батыр Иман оставлял Мугоджары и возвращался со всеми своими сарбазами в родные места, чтобы готовить к восстанию кипчаков. А табынский род будет зимовать здесь, в верхнем течении Илека. Если же вновь придут царские и ага-султанские войска и одним табынцам будет не под силу с ними справиться, они откочуют тогда к берегам Тургая и Иргиза, в кипчакские пределы. Не может быть в эти тяжелые времена никаких разногласий между братьями...

На этом и разъехались в три разные стороны батыры. Радостно им было вместе, но чем дальше уезжали они друг от друга, тем сумрачней становились

их лица. Никто не был до конца уверен, что соберутся когда-нибудь под одним знаменем все казахские племена и роды. Словно пущенные по ветру зерна пшеницы они. Кто может собрать их, есть ли такое средство?..

Вторая душа степняка – его привычка. Умрет он от тоски, если подчинится кому-нибудь. На день-два, на один-два боя еще можно ждать от него какого-то повиновения. А потом затоскует и поедет куда глаза глядят. Благо, степь без края...

И все же хоть какое-то начало было положено.

III

Город Ташкент, сплетенный из тысячи дувалов, выбросивший в белое горячее небо редкие минареты мечетей из красного кирпича, весь затерялся в синих от пыли садах. Так же, как обычна нестерпимая влажная жара, был для него обычным и истощный вопль тысяч ишаков, скрип огромных двухколесных арб, настойчивое журчание рязных арыков, сопровождающих его пыльные улицы...

И знаменитый Науан-базар не изменил свой древний облик. Глаза разбегаются от волшебных переливов парчи, бархата, бухарского шелка, которыми полны бесчисленные маленькие лавочки и палатки. За ними прямо на кошмах горы урюка, изюма, хивинских груш, ферганского инжира и яблок, китайских и индийских орехов. А там, где начинаются дыни, уже негде поставить и ногу. Они навалены горами: темно-желтые сырдарьинские гуляби, самаркандские доньеры, каракумские вахрманы. Гром, шум, крик и обязательно снующие во всех рядах продавцы ювелирных изделий. Но чересчур уж ярко сверкают серебряные кольца и золотые браслеты, которые предлагают они не особенно хорошо разбирающимся людям. Под стать им и многочисленные ходжи, дервиши, бродячие монахи – каландары и просто гадатели. Поодиночке и группами сидят они, поджав под себя ноги. Ходжи и муллы, встряхивая четками, гадают на косточках от хурмы, выкрикивают прорицания, поминая каждый раз имя пророка. Зато дервиши и каландары просто впитывают в себя запахи, идущие от многочисленных мангалов, где жарится мясо. Одетые в лохмотья, они согнулись в три

погибелш, и вид у них жалкий, неприкаанный. А остальных людей на базаре поначалу и не разберешь: кто ишан, а кто дехканин. Все одеты в одинаковые полосатые халаты, головы затянуты белыми чалмами. Не определишь: кто торгует, а кто покупает. Здесь все продается и покупается: начиная от копеечного имущества бедняка и кончая копеечной совестью богача...

В этом городе все идет по навеки заведенному порядку. Столетиями все так же делали ставки на дерущихся окровавленных перепелов лупоглазые богатые бездельники, все так же сидели на тахте у чайханы важные мирзы, покуривая кальян и слушая бесконечные гиджаки. И солнце все то же – яростное, невидимое от пыли, желающее сжечь этот мир.

Лишь в пригородном дворце нового ташкентского кушбеги Бегдербека, назначенного вместо Мамед-Алима, чувствуется какая-то перемена. Нет, все так же поют соловьи в его благоухающих садах, полы в роскошном дворце по-прежнему устланы бесценными хорасанскими коврами, стены обиты светло-желтым, украшенным бухарскими цветами шелком. Белые лебеди плавают бесшумными парами в прудах, и чистое зеркало воды отражает их вместе с кронами нависших по берегам диковинных деревьев из Индии. Все как и было вчера, позавчера, столетие назад...

И только очень опытный глаз заметит что-то не то в походке придворных мюридов, наибов, суфиев. И в разговорах их чувствуется необычное...

Нет не разговаривают они между собой, а шепчутся, не ходят, а ползают, беззвучно крадучись. Не обычная человеческая тревога на их лицах, а утробный животный страх, которым нельзя поделиться друг с другом. И это самое страшное – непрерывно излучать из глаз радость и успокоение, когда холодные волны страха подкатывают к самому горлу. Без того полные тайн и странных загадок, дворцы кажутся сегодня еще более загадочными, мрачными. Словно невидимые зловещие тучи встали над плоскими крышами и кровавая гроза уже вот-вот разразится...

Чувствовали это или нет Есенгельды и Саржан – сыновья Касыма-торе и внуки хана Аблая? Уже целый месяц в сопровождении батыра Шубыртпалы-Агибая и двадцати джигитов томятся они тут, у кушбеги, в

ожидании ответа на свои предложения. Каждый раз откладывается окончательный ответ...

А тревога уже охватила весь город. Сегодня сюда неожиданно прибыл молодой кокандский властитель Мадели-хан, приглашенный кушбеги по совету кокандского наместника – даруги Ляшкара. Он ехал в шатре, установленном на трех белых слонах, в сопровождении многочисленных придворных и стражи. Люди еще спали глубоким сном, когда с юго-западной стороны раздались мощные раскаты карнаев, стук дударов, раздирающие душу звуки зурны и тамбуров. Жители Ташкента испуганно вскакивали с постелей, думая, что на город напали враги. А узнав о приезде кокандского хана, пугались еще больше. Многие, накрепко заперев свои двери, вовсе не выходили на улицу.

Но не успели затихнуть шум и оживление от ханского въезда, как снова послышалась музыка. Через другие ворота в Ташкент въезжала вдова Омархана и мачеха Мадели-хана, похожая на золотой ослепительный полумесяц, тридцатилетняя красавица Ханпадшаим. Шестнадцать лет от роду лишилась она своего ханствующего мужа и с тех пор проживала в Ура-Тюбе. Она тоже прибыла по приглашению кушбеги Бегдербека. Въезд ее в город был не менее пышен: тройка белых, как снег, аргамаков везла крытую карету, а спереди и сзади ее сопровождала ошетилившаяся пиками охрана из подобранных один к одному сарбазов. Люди недоумевали...

Во второй половине восемнадцатого века, при знаменитом шейхе Айтуаре Ташкент превратился в один из крупнейших городов Средней Азии.

С расцветом города увеличивалось и количество претендентов на него. Основных было трое: Бухара, Хива и возникшее в начале столетия Кокандское ханство. К началу девятнадцатого века Коканд окончательно подчинил себе Ташкент, который с тех пор стал одним из его вилайетов. И все же это было лишь формальное подчинение. Слишком большим и богатым был город, и кокандские властители во многом зависели от него. Многие земли подчинялись непосредственно ташкентскому кушбеги, и среди них исконно казахские территории по берегам рек Чу и Сарысу, а также по нижнему течению Сырдарьи; ташкентский кушбеги должен был лишь платить ко-

кандскому хану налог в размере двухсот тысяч тагьга в год.

Многоплеменным был этот город. И часто менявшиеся ташкентские кушбеги тоже были из разных племен: таджик Мамед-Алим, узбек Ляшкар, конрадец Бегдербек, кипчак Нурмухамед. Но всех их объединяла неумемная жадность и люта́я жестокость. Хоть трудно было перещеголять предшественников в этих качествах, нынешний кушбег Бегдербек, пожалуй, сумел это сделать. Особенно жестоким притеснениям подвергались с его стороны казахи, с которых налоги сдирались в многократном размере. Первым помощником в этом ему был хаким – староста Ак-Мечети Якуб-бек. Жестокие расправы его с непокорными казахскими аулами по Сырдарье наводили ужас, и бежавшие туда от царских карателей люди попадали из маленького костра в большой пожар.

Почему же пригласил кушбеги к себе в гости самого Мадели-хана и его мачеху – высокопоставленную вдову Ханпадшаим – как раз тогда, когда в Ташкенте находились наследники Касыма-торе, казахские султаны Есенгельды и Саржан? Об этом пока никто не знал, а кушбеги умеет хранить свои тайны. Вот только еще более зловещим, чем всегда, выглядит рабат властителя...

Казалось, сегодня пришел конец ожиданию... Хотя с тех пор, как приехали султаны, прошел добрый месяц, кушбеги не принимал их под самыми различными предложениями. То предстояла большая охота, то необходимо было вести судебное разбирательство, то хворь напала на него. Не желая терпеть больше эти оскорбления, внуки Аблая решили было махнуть на все рукой и уехать, но тут поняли, что так просто им отсюда не выбраться. Всевидящие глаза и всеслышащие уши не оставляли их ни на миг. Они вволю ели, пили, развлекались как могли, но нетрудно уже было догадаться, что они в плену. Сначала это вызвало у них только удивление. Ведь у них с кушбеги общие интересы, и сам Бегдербек не раз клялся им в вечной дружбе. Неужели не понимает он создавшегося сейчас в степи положения? Но почему тогда их столько времени держат в неведении? И что означает такой недостойный султанов прием?..

Встревоженные и раздраженные всем этим, они не могли ничего понять до последних дней, пока не ра-

дузнали кое-что у одного из придворных советников — везиров. Оказалось, что кушбеги ожидают приезда самого хана Коканда, чтобы все решить до конца. Что же, это была серьезная причина, и с ней приходилось считаться.

Сегодня прибыл наконец долгожданный Мадели-хан. Но он был молод и не привык далеко выезжать за пределы Коканда. Поэтому он лег отдохнуть в самых роскошных комнатах диван-сарая, и придворным запрещено было даже глубоко дышать. А вечером он должен говорить с кушбегу по всем государственным делам. Во дворце стояла такая тишина, что слышалось жужжание пролетевшей мухи. Большую опасность таит такая тишина...

Лишь один кушбегу Бегдербек бодрствовал в своем приемном зале. Все, с чем приехали степные султаны, нужно знать ему, прежде чем говорить с ханом. И хоть решение в отношении их созрело у него еще раньше, чем пригласил он Есенгельды с Саржаном к себе в Ташкент, кушбегу должен обходиться с ними как с равноправными властителями. Ни о чем не должны они догадываться, пока не придет определенная им минута.

Кушбегу Бегдербек мягко, доверительно улыбаясь, говорил приятные, возвышающие их слова. Он полулежал на мягкой тахте, накрытой алым, с длинными шелковыми ворсинками бухарским ковром, подстелив под себя сложенное вшестеро стеганое шелковое одеяло и облокотившись сразу на две подушки, наполненные легким лебяжьим пухом. На праздничной скатерти с яркой шелковой бахромой стояли перед ним всевозможные яства, дорогие напитки, щербет. Каждый раз он с достоинством и уважением наклонялся вперед, молча предлагая лучшее из угощений.

Бегдербек был человеком лет шестидесяти, высокого роста, с продолговатым, неестественно светлым лицом. На этом лице выделялись черные, сросшиеся в одну широкую линию брови и — без единой кровинки — тонкие бледные губы. Какой-то бело-серой была его борода, а пристально глядящие на собеседника зоркие светлые глаза поражали устрашающей, нечеловеческой холодностью. Это была холодность приготовившейся к броску кобры. Могло улыбаться его лицо, приветливо растягиваться рот, но глаза оставались ледяными. Ни одной морщинки не было на

этом лице, несмотря на возраст, и держался он ровно, словно проглотил стрелу.

Только полосатый халат из самаркандского атласа да окаймленная мелким белым кораллом чернобархатная тюбетейка были на кушбеги узбекскими. Остальная одежда была из самых дорогих китайских и индийских шелков. Из-под снежно-белой исфаганской рубахи под халатом виднелась такая же белая грудь с сероватыми завитками волос. И еще время от времени показывались из необъятных рукавов тонкие белые руки, обросшие жестким волосом. Сжимались и разжимались длинные белые пальцы, готовые стиснуть очередную жертву, и запекшуюся каплю человеческой крови напоминал темно-алый топаз на массивном перстне из красного золота. Белокурый, кареглазый, упитанный патша-бала, мальчик лет одиннадцати, сидел у его полуоткрытых ног и массирует волосатые икры. Тоже во все шелковое был одет этот мальчик, содержащийся для не совсем безгрешных прихотей кушбеги.

А напротив Бегдербека сидели за дастарханом, поджав под себя ноги и впившись в кушбеги взглядами, Есенгельды и Саржан, сыновья Касыма-торе, внуки хана Аблая из древнего рода Джучи – Чингисханова сына...

Есенгельды был тучным, коренастым человеком с темными миндалевидными глазами и красиво подкрученными кверху усами. А Саржан, статный, рыжеватый, подтянутый, как скакун перед состязаниями, не имел ни единой капли жира в теле. И хоть обоим было лет по пятидесяти, чувствовалось, что этот энергичный, со жгучими, сверлящими собеседника глазами человек опаснее своего брата.

Оба султана были одеты почти одинаково. На головах плотно сидели красивые сарыаркинские шапки с четырехгранным верхом из голубого бархата, отороченные по краям красным лисьим мехом. Фигуры их обтягивали белые домотканые кафтаны из тонкой верблюжьей шерсти с чернобархатными воротниками. Ноги были обуты в мягкие плотные ичиги из шкуры жеребенка, а спускающиеся на них манжеты синих бархатных штанов украшены старинным казахским орнаментом. Перепоясаны они были широкими ремнями с серебряной оковкой и большой золотой бляхой впереди.

Только вооружение было разное у них. У пояса Саржана висел старый тяжелый булатный меч длиною и положенные восемь вершков от рукоятки. Рукоятка его была из желтоватого рога, а серебряные ножны прихвачены медными кольцами. У пояса же Есенгельды торчал лишь маленький нож с посеребренной ручкой и вместительная, изготовленная из архарьего рога чакча – для хранения нюхательного табака...

Наметанный глаз кушбеги видит все, словно наизнанку вывернуты перед ним братья-султаны. В глазах у обоих непотухающие огни: сомнение, недоверие, ожидание. Люди ведь просто шашки для игры. Прошло уже немало времени, как присели они к дастархану, но оба еще не притронулись к еде. И это не потому, что стесняются...

– Берите, угощайтесь! – Кушбеги пытается улыбнуться и указывает на стоящую перед султанами хрустальную вазу тургауш – с розовым виноградом. Узбекский изюм – шах среди земных радостей. Недавно говорят, что, не отведав его, умирать тяжело...

– Мы благодарны вам.

Они почти не шевелят губами, братья.

Тонко улыбнулся кушбеги Бегдербек, доверчиво, как между своими, наклонился к ним.

– Вы, видимо, слышали известную шутку. Как казах приехал в гости к узбеку...

– Н-нет...

На этот раз ответил старший Есенгельды.

– Я вам расскажу, раз вы не слышали. Подружились как-то казах с узбеком... – Что-то вспыхнуло на миг в холодных глазах кушбеги и пропало. – Сначала узбек был в гостях у казаха. Ради него закололи барана, напоили гостя лучшим кумысом, как принято в степи. И узбек, сразу научившись есть мясо по казахскому обычаю, очень хвалил степные нравы. А потом казах попал в гости к своему городскому другу, и тот выставил перед ним в знак особого уважения большую чашу с изюмом. Не имевший до тех пор дела с фруктами, степняк зачерпывает изюм горстями и отправляет в рот. Что для него, привыкшего к мясу, какой-то сладенький виноград? Видя, что показалось дно у чаши, скуповатый горожанин начинает тихо бормотать:

Этот изюм, мой гость дорогой,
Едят по изюминке по одной.

На что казах, не отрываясь от чашки, громко отвечает:

Но ты ведь знаешь, какой у нас гость –
Глотает не меньше чем полную горсть.

Саржан и Есенгельды повеселели. Известный анекдот мог рассказываться по-разному: с несколько обидным оттенком для степняка-казаха или для горожанина-узбека. Кушбеги склонился в сторону казаха...

Единая полоса бровей у кушбеги сделалась еще более ровной.

– Однако, как говорят, пустой разговор не помеха серьезному делу. И теленок лучше высасывает молоко из вымени под прибаутки... – Он стер улыбку с лица, и губы его сделались жесткими, как проволока. – Нам пора приступить к переговорам... Вероятно, вы узнали о причине, по которой мы не сумели принять вас сразу, как только вы приехали. Да, если вам кто-нибудь сказал об этом, он не ошибся. Мы ждали величайшего из великих. Сегодня наконец они утолили нашу нестерпимую жажду. Сейчас они отдыхают и набираются сил, чтобы явиться перед нами в полном свете своей мудрости. Вечером они соизволят выслушать меня, их преданнейшего раба. Но прежде чем предстать перед величайшим из великих, мне хотелось бы услышать ваши желания...

– Наши просьбы обращены не к Мадели-хану, – вежливо заметил Есенгельды. – К вам мы приехали...

– Да, ваши просьбы обращены ко мне, а мои уста прикипают к пыли на сапогах хана Коканда. Как же нам тогда поступить? – Кушбеги показал полоску зубов. – Что же делать нам, если сам аллах сотворил мир как домбру, лады которой навечно связаны друг с другом? Кто знает, что скажет величайший из великих!..

Глаза Саржана вспыхнули.

– Это наподобие того, как у нас говорят: "В ларе ларчик, в ларчике шкатулка, а в шкатулке – дулька!"

– Да, наподобие этого, но разве ключ от шкатулки не у хана Коканда? – Ни одна жилка не дрогнула в лице кушбеги Бегдербека. – Откуда нам знать, что изволят положить они туда? Чем переливать из пустой чашки в порожнюю миску, не лучше ли прямо сказать, чего вы добиваетесь...

– От кого? – спросил Саржан.

– От Мадели-хана и от меня.

– Нет, мы обращаемся только к вам, уважаемый кушбеги! – воскликнул Саржан, отказываясь от предложенной игры. – В тот год мы поняли, что не очень-то хочется людям проливать кровь вдали от своего дома. Поэтому мы не просим уже у вас ваших сарбазов. Только разрешите нам набрать необходимое войско среди подчиненных вам сейчас казахов. На берегах Сырдарьи, у гор Каратау, по рекам Сайрам и Чу с древних времен проживают наши роды кипчак, конрад, тымыр, сыбан, жаныс. Не препятствуйте нам собирать джигитов на правое дело!..

Холодно смотрел на возбужденного Саржана кушбеги, и брови его оставались неподвижны... Вот чего хотят эти приехавшие сюда из своей беспокойной степи султаны. Ничего нового не сказали они ему. Вот только напомнили о предыдущем кушбеги Мамед-Алиме, который в год лошади бежал из Кургана при одном приближении войск белого царя. Значит, ожесточены они...

– Против кого же намерены вы собирать эту силу?..

– Против белого царя... – Саржан впился взглядом в Бегдербека. – Кто же еще враг у нас, уважаемый кушбеги?

Кушбеги Бегдербек не отвечал... Да, сейчас он так и думает, этот горячий степняк. Но как заговорит он и что подумают казахи, когда соберут такую армию!.. Кушбеги совсем неплохо осведомлен о делах Российской империи. Там, на северных рубежах степи, создаются округа, строятся укрепления. Рано или поздно степь покорится, и тогда уже вплотную примется белый царь за их шкуру. А пока, по кокандским понятиям, одно потворство этим разбойникам делает белый царь. В Среднем жузе даже сбор налога с поголовья скота по указу 1822 года отложен на неопределенное время. Потом это, конечно, возместят сторицей. Не так уж глупа царская политика...

А ему ли не знать, как обращаются с людьми в Хиве и Коканде, особенно на казахских землях. Сколько труда пришлось приложить одним лишь палачам, пока были получены необходимые ему восемь–десять тысяч серебром по Чимкентскому вилайету! И еще харадж! Пятнадцать – двадцать тахипов земли, в зависимости от ее ценности, составляют один кош. И

с этого коня взимается в среднем по 55 пудов пшеницы. В пересчете на скот это означает ежегодно по шесть овец со двора, и получается как раз вшестеро больше, чем было завещано брать с правоверных пророком. Деньги нужны ему и Коканду, поэтому на что только не установлены налоги: на пользование сеном, пользование саксаулом, пользование дорогами, пользование базарами... Сотни их, и еще обязанность ремонтировать и возводить стены крепостей, охранять поля и сады кокандских беков от воровства и потравы, а если начинается война, то каждый казах должен явиться со своим конем и оружием...

Что же, все это так. И дай им возможность собраться в большое войско, то, прежде чем добраться до крепостей белого царя, казахи в одно лето растопчут Кокандское ханство.

Они молчали, ташкентский кушбеги Бегдербек и казахские султаны Саржан и Есенгельды. Кушбеги вспомнилась песня, которую он слышал как-то на базаре в одном из пограничных городков. Старый степной акын пел ее, а было это обращение казахского певца Жанкиси-жырау к кокандскому хану Алимуну:

Ступка есть – зерно гони,
Пусто – все равно гони.
В знак соседства – дочь гони,
В жены иль на ночь гони...
Коль найман ты из Арки,
Смейся, плачь, но спину гни!

Кушбеги посмотрел на Саржана и понял, что тот знает эту песню, и, конечно, он использует настроения своих казахов, если почувствует силу. С его братом, другим султаном, еще можно было бы рискнуть. Но с этим, который носит такой длинный меч у пояса, можно ошибиться...

Саржан действительно знал эту песню. И конечно же, дай только собрать им войско, они бы иначе говорили с этими кокандцами. Но сейчас нужно молчать и терпеть, потому что нет у них союзников против белого царя, кроме Коканда... Впрочем, что это за союзник, они уже не раз убеждались. Поэтому и решили надеяться на собственные силы. Но без кушбеги все равно не обойтись...

Вопросом на вопрос ответил Саржан:

– Может быть, вас почему-то не устраивает наша война с белым царем?

– Напрасно сказаны эти слова. – Кушбеги даже качнул головой. – Я сочту себя самым счастливым человеком на свете, когда омочу свою седую бороду в их крови. Не это сейчас беспокоит меня и... величайшего из великих.

– А что же беспокоит вас?

Кушбеги Бегдербек с сочувственной улыбкой посмотрел на Саржана. От него, собственно, уже можно было не таиться.

– У казахов, если я правильно запомнил, есть такая поговорка: “Мною выкормленный щенок меня и кусает”.

Лицо Саржана потемнело от гнева.

– Следует раньше выяснить, не один ли щенок другого выкармливал.

Кушбеги отмерил еще большую дозу улыбки:

– А разве не придерживаются у вас правила, что сидящий за чужим дастарханом не должен чересчур далеко вытягивать свои ноги?

– Вы правы, уважаемый кушбеги: разве ноги иных гостей не растянулись за чужим дастарханом до самой Ак-Мечети! – вспылil Саржан. – Эх, сил пока маловато. А то некий обнаглевший гость не стал бы укорять своего попавшего в беду родственника, что тот пытается сесть поудобней за собственным дастарханом...

– Вот видите, дорогой брат, для чего вам понадобилось собирать войско!..

Только теперь понял Саржан, что наступил сгоряча на тлеющий уголек. Но слово как пущенная из лука стрела: попробуй вернуть ее обратно. Он даже побледнел от волнения. Но кушбеги смотрел на него ласково, с пониманием.

В разговор вмешался Есенгельды:

– Уважаемый кушбеги!.. Если долго ковырять землю, получается яма, а если долго ковырять царапину, образуется язва. Зачем тревожите вы раны в наших сердцах, когда и без того лишены мы родины и вынуждены скитаться по родным краям? Поскольку уж сели мы с вами в одну лодку, следует довести ее до какого-нибудь берега. Как говорится: пришел просить айран, не надо прятать кувшин за спиной. Мы открыто выложили здесь все свои помыслы. И хорошо

повишем, что трудно просить братьев-узбеков, чтобы они отпустили наши земли где-то в Сарыарке. Это более неуместно затевать разговор, чтобы они силой вернули наши земли, захваченные белым царем. Разве не услышит бог, хоть мы и говорим шепотом? Знаем мы, что не хватит сил у Коканда, чтобы одолеть русских. Поэтому и просим мы лишь разрешения...

Кушбегн сочувственно кивнул:

– Мирза Саржан говорил уже об этом.

– Вспомните, уважаемый кушбегн: когда отбирают скот – страдает желудок, когда отбирают родную землю – страдает душа... И еще вспомните раненого барса. Мало ли что может сделать он в отчаянии...

– Да, это очень опасное животное – раненый барс, – серьезно подтвердил кушбегн. – Опытные охотники знают это... Ну хорошо, предположим, что мы дадим вам разрешение объединить казахов, населяющих Каратау, берега Чу и Сырдарьи. Что вы сможете сделать с этими силами? Их же не хватит для серьезной войны.

– Разве только по Сырдарье или Чу живут казахи? Если мы объединим хотя бы этих, то обратимся затем к хивинскому хану. В пределах Хивы нас не меньше. Все устье Сырдарьи, побережье Арала, Устюрт, Мангышлак – это все наши земли. Только они являются преградой на пути белого царя к Хиве. Ведь не всегда будет удаваться хану Хивы то, что он сделал с русскими солдатами Бековича-Черкасского сто лет назад...

Кушбегн сидел неподвижно. Не так уж простодушен оказался этот степной султан с кинжалом у пояса. Хивинские дела были известны кушбегн Бегдербеку не хуже своих...

В огромное государство превратилось Хивинское ханство в начале XIX века при хане Мухаммед-Рахиме. Обширную территорию занимало оно – от Аральского моря до Ирана. Воспользовавшись, как всегда, междоусобицей среди казахских родовых и племенных вождей, Мухаммед-Рахим и его отец хан Елтезер присоединили к этим владениям добрую половину земель Младшего жуза. Участь попавших под хивинскую пятау казахов была еще страшнее, чем у соотечественников в Коканде. При малейшем неповиновении чужеземцы истребляли целые аулы, уводя оставшихся людей и продавая их на невольничьих

рынках Герата и Кабула. Только в 1820 году, в год дракона, янычары хивинского хана стерли с лица земли десятки аулов, вырезав там всех мужчин и уведя тысячу самых красивых женщин и девушек. Только по имеющимся сведениям, грабители угнали семь тысяч чистопородных лошадей, пятнадцать тысяч верблюдов и шестьдесят пять тысяч каракулевых овец. Не раз поднимались аулы Младшего жуза против жестоких поработителей, но, каждый раз предаваемые дерущимися за власть беками и султанами, захлебывались в собственной крови.

В 1825 году хивинским ханом стал Аллакул – старший сын Мухаммед-Рахима. Тогда же главный предводитель табынского рода султан Сергазы Айшуак-улы отдал ему в жены свою единственную дочь и принял из его рук титул хана Младшего жуза. Царское правительство к этому времени уже не без апшетита посматривало в сторону Хивы. Почуввав нависшую опасность, хан Аллакул стремился натравливать воинственные казахские роды Устюрта, Мангышлака и Приаралья на русских, чтобы использовать их в качестве щита. Вовсю раздувалась идея священной войны...

Кушбеги сразу понял, что именно об этом говорит Есенгельды, рассчитывая на помощь хана Хивы. Он знал все и просто забавлялся, слушая возбужденных и нерасчетливых степняков.

– Хорошо, допустим, что ханы Хивы и Коканда разрешат вам объединить Большой и Младший жузы, разрешат собрать войско... – Кушбеги говорил спокойно, будто обтачивал каждое слово. – Разве это составит серьезную военную силу? Среди казахов всех по численности превосходит Средний жуз. По нашим подсчетам, в округах Кар-Откеля, Семипалатинска, Тургая и до самого Жайка проживает миллион восьмьсот пятьдесят тысяч человек. Вместе с находящимися под его влиянием некоторыми соседними родами это и есть Средний жуз. Можно ли обойтись без него?

– Если Большой и Младший жузы соединятся, то и Средний жуз не останется в стороне! – Есенгельды говорил сейчас так же горячо, как и Саржан. – Разве не там поднял когда-то знамя единения наш предок Аблай? Они ждут нашего сигнала!..

Кушбеги многозначительно улыбнулся. Да, он, как

всегда, не ошибся в расчетах и предположениях. Опять слишком далеко заветены в своих грезах некоторые степные вожди. Разумеется, дай им возможность объединиться, и пыль пойдет в первую очередь от ташкентских дувалов. Да и Хиве с Кокандом придется туго. А Россия... Что же, она далеко.

– А как на это посмотрит великий хан Сергазы? – Кушбеги произнес это озабоченно, с наслаждением наблюдая, как покоробило от его слов обоих султанов.

– Какой Сергазы хан! – вспыхнул, не выдержав, Саржан. – И сколько бы званий не присваивал ему Аллакул, не управлять ему и Младшим жузом.

Кушбеги согласно кивнул... Так он и думал. Назвавшись казаками, неужели допустили бы они, чтобы хоть какой-нибудь род целиком объединился под властью одного хана? А Жоламан такой же, как и эти султаны. Надо запомнить... Кажется, пора заканчивать разговор. Напоследок можно и повеселиться.

– Как вы думаете... Видимо, сказочными достоинствами обладает дочь Сергазы, если смогла вознести своего отца на такую высоту! – Кушбеги закрыл глаза, словно что-то ослепило его. – Тут одно из двух: у нее золотая голова или серебряная...

Оба потупились – и Есенгельды и Саржан.

– ...Стало быть, казахские султаны нашли наконец щель к ханскому трону. Быть может, и у Касыма-торе имеется красивая...

Саржан сам не заметил, как метнулась его рука к кинжалу под халатом, но брат с такой же быстротой удержал ее. Не пошевелился кушбеги, но все же предательская бледность омертвила его лицо. И глаз он больше не закрывал. А фразу, которую начал, закончил по-другому:

– ...дочь, но, насколько я знаю, не в правилах подлинных султанов оплачивать ханский титул таким образом. И нелюбовь его к Сергазы понятна...

Кушбеги прямо смотрел в лица султанов... Да, он забыл, с кем имеет дело. У степняков руки опережают разум. И это хорошо, но не тогда, когда находишься с ними в одной комнате и не предупреждаешь заранее охрану. Нужно еще раз улыбнуться...

– Как бы мы стали управлять государством, если бы не могли понимать горечь обиженных! – Кушбеги говорил теперь серьезно, проникновенно, с подкупающей искренностью глядя им в глаза. – Султан Сар-

жани и хороню понимаю ваше горе и поэтому не при-
нимаю во внимание какие-либо некоторые опрощающие
слова. Разве мы не турки? Даже когда мой предшест-
венник кушбеги Мамед-Алим отозвал своих сарбазов
из Кургана, то, верьте мне, он сделал это потому, что
не смог совершить невозможного. Для чего же вел он
туда шеститысячное войско, если не для того, чтобы
помочь казахам? Мы всегда с вами, а просьбу вашу я
поддержу на приеме у великого хана Коканда...

— Если эти дела неразрешимы без вмешательства
самого хана, то, вероятно, нам следует увидаться с
ним. — осторожно заметил Есенгельды. — Разумеется,
с вашего согласия...

Кушбеги Бегдербек с готовностью поддержал их
желание:

— Это очень удачная мысль. Я беру на себя хлопоты
о вашей встрече с величайшим из великих, моим по-
кровителем. Однако они завтра поутру отбывают об-
ратно в Коканд, поэтому нам необходимо все уладить
сегодня. Это может произойти и поздно вечером. Ва-
ши джигиты пусть отдыхают, а вы приготовьтесь как
следует и ждите моего приглашения...

Диван-сарай ташкентского кушбеги был распо-
ложен на значительном отдалении от самого дворца, где
размещались гости. Огромный фруктовый сад, цвет-
ники, фонтаны и беседки разделяли их. Когда
Есенгельды с Саржаном простились с кушбеги и,
миновав многочисленную охрану, шли через сад, то
встретили ожидавших их Шубыртпалы-Агибай и Ер-
жана, девятнадцатилетнего сына Саржана. Бело-
курый, стройный, с красивым продолговатым лицом,
Ержан был похож на отца.

Человеком, о котором ходили легенды от Сыр-
дарьи до Иртыша, был батыр Агибай из рода шубырт-
палы. Тридцать четыре года — столько, сколько млад-
шему сыну Касыма-торе — удалому Кенесары, испол-
нилось батыру, и он считался первым другом своего
сверстника, хоть и происходил из неимущей семьи. Не
случайно именно ему поручено было сопровождать
обоих султанов с таким ответственным поручением.
Необыкновенным ростом и богатырским сложением
отличался батыр Агибай. Одним своим видом внушал
он страх. Руки у него были мощные и длинные, на-
поминавшие железные ветви столетней горной арчи,
и казалось, что одним щелчком отправит он на тот

свет любого человека. Даже то, что на лице его не росло бороды и только десятков жестких рыжих волосинок торчал под подбородком, делало вид его еще более грозным. Общее впечатление дополняли маленькие, глубоко посаженные глаза, которые прожигали насквозь каждого, на кого он смотрел.

Одет батыр Шубыртпалы-Агибай был в просторный домотканый кафтан из грубой черной шерсти, на голове такой же кашушон, а штаны из темной жеребьячей шкуры. Особенно поражали чудовищного размера яловые сапоги с расширяющимися кверху голенищами. Маленькими, почти игрушечными казались болтающиеся где-то у пояса кривой ятаган и черный кинжал из вороненой стали. Только постоянно висящий за плечами громадный кованый щит представлялся настоящим.

А вообще самым излюбленным оружием батыра было толстое березовое копьё, стянутое девятью медными обручами и прикреплявшееся к поясу сыромятным плетеным ремнем. Он так любил это копьё, что никогда не расставался с ним, носил его в руке, а ночью подкладывал под голову. Полумесяц был его родовым знаком, и когда с кличем "Жолдыбай!" неся он на своем боевом коне Акылаке ("Белый козленок"), то издали казалось, что сидит на низкорослом ишаке горожанин-узбек, который подгибает ноги, чтобы они не волочились по земле. Любого батыра бросало в дрожь при виде этого великана. Рассказывали, что у столкнувшегося с ним однажды в сумерках человека случился разрыв сердца, а кто встречался с ним хоть раз на поле боя и сумел убежать от него, тот до самой смерти мучился от ночных кошмаров...

Таким же до конца своих дней был и знаменитый Олжабай-батыр из Каркаралы, отец Агибая, который прожил жизнь, имея в самые хорошие времена лишь одну верблюдицу с верблюжонком да боевого коня. Он оставил этот мир, когда все дети его еще были малолетними. Но Даметкен – мать Агибая – была из рода есильских таракты. Батырское сердце имела она, неумную силу и гордый, непримиримый характер. Четверо было у нее сыновей: Агибай, Минабай, Та-набай и Мынбай. Самому старшему, Агибаю, исполнилось тринадцать, и ничего у них не было, кроме этой четырежды повторенной приставки "бай". Тогда, чтобы спасти детей от голодной смерти, Даметкен

взялась за древнее ремесло: стала совершать набегн на состоятельных соседей и угощать скот. Постепенно целый отряд таких же обездоленных женщин собрался вокруг нее, и мяса на зиму у них хватало...

Птенец в первом же полете возьмет то, что видел в гнезде. Агибай, воспитанный матерью, сразу же прославился как бесстрашный батыр. С восемнадцати лет примкнул он к сыновьям Касыма-торе, и с тех пор не проходило ни одного сражения, в котором он не участвовал бы с ними плечом к плечу. В опытного, закаленного, как сталь, и умудренного в бранных делах воина превратился он за эти годы.

На громадный утес среди моря цветов был похож стоящий в дворцовом саду батыр. Лишь по пристальному взгляду, брошенному им на подходивших к нему султанов, стало понятным, насколько он взволнован. Но он ни о чем не спрашивал, и только юный Ержан не сдержался:

– Вам, коке, удалось поговорить с ним?..

– Поговорили, сынок, – ответил на ходу его дядя Есенгельды. – Теперь будем ждать разговора с Мадели-ханом...

Ержан понял, что больше ни о чем спрашивать нельзя. И батыр Шубыртпалы-Агибай понял, что если предстоит беседа с самим ханом, то, значит, с кушбеги не удалось прийти к какому-нибудь соглашению.

Придя во дворец, братья-султаны уединились в своих покоях и принялись вспоминать и обсуждать весь разговор с кушбеги с самого начала. Несмотря на то что кушбеги Бегдербек был так вежлив и предупредителен, они чувствовали что-то не то в его поведении. Решили сразу же по окончании переговоров с ханом Коканда возвращаться к своим. Сам воздух здесь был пропитан изменой.

Чтобы тревога не передалась находящимся с ними туленгутам, султаны никому ничего не сказали о своих подозрениях. Лишь, оставшись наедине, предупредили батыра Агибая, чтобы он не выпускал из вида Ержана, когда они будут у Мадели-хана.

– Да повнимательней следи за конями, чтобы ненароком не перегнали в другое место! – хмуро добавил Саржан.

Их лошади содержались в конюшне караван-сарая по соседству, а седла хранились в одной из передних комнат дворца.

За лопатками присматривали конюхи-узбеки, тулентуты с Агибаем только изредка проверяли их...

– Хорошо! – коротко бросил батыр и направился к выходу. Он догадывался, что происходит что-то неладное. И его дело было вступить в прямую борьбу, когда уже надо братья за оружие.

Солнце клонилось к закату. Чтобы убить время, а заодно успокоиться, Есенгельды достал из кармана и принялся перебирать свои четки. А Саржан достал из валявшейся поодаль переметной сумы кремень и, словно перед боем, взялся точить свой и без того острый кинжал...

После ухода султанов кушбеги сидел некоторое время в глубоком раздумье. Он все еще переживал тот момент, когда Саржан схватился за свой кинжал. У самого горла почувствовал он его тогда. Кровожадные люди всегда трусливы...

А в этом богатом кровавыми событиями городе не было человека более кровожадного. Благодаря этому высокому качеству, столь ценимому в государствах типа Кокандского ханства, он и выдвинулся так быстро. Особенно помогли ему казахи, которых он дочиста ограбил вместе с знаменитым палачом Якуб-беком – правителем Ак-Мечети.

Из-за своей звериной жестокости и понравился он молодому изнеженному правителю Коканда. Но этого ему уже было мало. Как раз снова стала входить в силу древняя Бухара, и эмир ее начал посматривать в сторону Ташкента. Коканд раздирали всевозможные усобицы и противоречия, а кушбеги Бегдербек по природе своей каждую прожитую минуту готов был к предательству. К тому же и женат он был на бухарке...

Кушбеги знал пропасть, куда, в угоду бухарскому эмиру, легко мог упасть молодой Мадели-хан... Хан-падшаим, мачеха его! Солнцем и луной одновременно недаром называли ее поэты. На земле не было мужчины, а на небе ангела, который бы не шагнул в сторону с праведного пути, лишь один раз увидев ее. Сразу вспоминалась Ева, совратившая Адама. А потом забывалась, потому что ничего не оставалось на свете, кроме огромных, вечно смеющихся черных глаз и необъяснимо грациозных движений этой волшебницы...

Самое важное, что они — марионетки слабОВОЛЬНОГО, развращенного с детства хана Коканда. Когда они почуют запах друг друга, что остановит их?.. Разумеется, безмолвны каменные стены дворца. Но разве есть тайны, которые можно скрыть от эмира бухарского, высочайшего знатока и хранителя заветов пророка в этом погрязшем в грехах мире!..

Действительно, сможет ли тогда он, ташкентский кушбеги, взять на себя смелость защищать преступника, осквернившего устои ислама? Ибо что может быть мерзостнее и богопротивнее, чем соединиться плотью с женой своего отца. Весь мусульманский мир проклянет и отвернется от святотатствующего хана!..

Да, таковы его обязанности перед исламом. А великий эмир бухарский, конечно же, учтет его рвение в служении законам пророка. Кого-то же нужно будет сделать правителем всего Коканда...

Есть и другая причина, по которой очень важно пребывание здесь Мадели-хана. Сыновья Касыма-торе степные султаны... Конечно, хан Коканда не имеет к ним отношения. Но разве не предсудителен будет, если предстоящие события совершатся именно тогда, когда в Ташкенте находится сам хан. Осторожность никогда не повредит. Если волчье отродье Аблая узнает, что все это — дело рук кушбеги, то ему, может, придется плохо. Целая свора их расплодилась от тридцати одного сына и сорока дочерей. И память у них волчья...

Кушбеги приказал патша-бала, мальчику для утоления поздних страстей, явиться после полуночи, и пошел в покои Мадели-хана...

После длительного отдыха Мадели-хан чувствовал себя прекрасно. Глаза его искрились, движения были порывисты; впереди ждала ночь с неожиданно появившимся счастьем. Ни о чем больше не мог он уже думать, но этот услужливый кушбеги настойчиво просил о каком-то разговоре, и нужно приглашать его...

Кушбеги пришел сам, и не понадобилось посылать за ним. Опять завел он этот вечный разговор о казахских делах...

— Нам казалось, что после того, как была подавлена последняя смута, они долго не поднимут головы, — с нудными подробностями объяснял кушбеги. — Однако в степи снова сгущаются тучи. И все дело опять в этих

смуглых — сыновьях Касыма-торе... Что вы прикажете делать нам?

Мадели-хан вздрогнул, посмотрел на него непонимающими глазами. Совсем другие картины видел он сейчас... Ах, если об этих казахах!..

Не раз поднимались они и против его отца, грозного Омар-хана. Самым большим из этих восстаний было возглавленное Тентеком-торе, который сумел объединить всех степняков по берегам Сырдарьи, Сарысу и Чу. Опасней всего, когда во главе казахов становится кто-нибудь из торе: его бывают склонны признать все жузы. И в соседних странах пользуется он большим авторитетом.

Двадцать тысяч конных сарбазов собрал тогда под своим знаменем Тентек-торе и захватил несколько входивших в Кокандское ханство городов. Забрав у кокандцев Сайрам, он перенес туда свою ставку. К нему присоединились Чимкент и Аулие-Ата. Омар-хан с громадным войском осадил Сайрам, а потом Чимкент. Оба города сдались, когда закончились все припасы. Янычары Омар-хана достойно наказали мятежников: двести из них были повешены, остальным отсекли головы или продали в рабство. У тех, кто имел хоть малое отношение к бунту, отобрали скот. Но, видимо, даже такие меры быстро забываются этими казахами!

А что, если не получится вся его затея с ханом и его мачехой? Кушбеги вспомнил сегодняшний завтрак в честь прибытия Мадели-хана и улыбнулся... Молодой хан и его мачеха сидели, как и положено, друг против друга. Чай им разливал сам кушбеги Бегдербек. Приняв из его рук пиалу из голубого фарфора, Ханпадшаим вдруг громко рассмеялась.

— А ведь, дорогой мой Мадели-хан, помимо того, что вы правитель Коканда, вы еще и мой сын, — пропела она. — Кушбеги Бегдербек, как он сам неоднократно подтверждал, наш слуга. К тому же женщины ему безразличны. Поэтому можно ли надеяться, что вы не осудите меня, если я сниму паранджу?..

Она откинула паранджу, не дожидаясь ханского ответа. Словно вырвавшееся из-за облака солнце, засияло воспетое в легендах прекрасное лицо. У Мадели-хана пиала выпала из рук.

— Ох, вы, наверно, обожглись! — лукаво засмеялась Ханпадшаим. — Нужно быть осторожней...

С этого момента Мадели-хан встал в такое состояние, что не замечал ничего вокруг. В глазах его, устремленных на мачеху, появилось какое-то безумие. Кушбеги, сославшись на что-то, вышел на время из комнаты. Когда он вернулся, то сразу заметил, что между мачехой и пасынком установилась едва уловима связь. Беззвучную радость, счастье, ожидание не точали их глаза. Его они и в счет не брали... Нет, здесь ничего сорваться не должно!..

Если даже эмир бухарский не отдаст ему власть над всем Кокандом, то чем-нибудь все-таки отблагодарит его! И пусть сбреют его усы топором, если не достанутся ему те двадцать тысяч таньга серебром, которые собраны в нынешнем году на уплату Коканду. А это немалые деньги: хватит на постройку шести городов для шести сыновей...

“Ку-ку... Ку-ку...”

Солнце уже скрылось за горизонтом, и в большом темнеющем саду кушбеги начала куковать кукушка. Долго-долго куковала она, словно рыдала о чьем-то несчастье. Или о жизни, которая должна оборваться сегодня ночью.

– Мой милостивый хан, тот, кто скрывает свой недуг, – обречен. – Кушбеги наклонился вперед, стремясь заглянуть в глаза молодому хану. – Поэтому я осмелился отвлечь вас от более высоких мыслей. Имеется лишь один путь к предотвращению мятежа. Нужно опередить их действия и растоптать искры, пока не попали они в солому. Сыновья Касыма-торе – вот те головешки, от которых может вспыхнуть большой пожар...

Хан почему-то молчал. Перед глазами кушбеги Бегдербека явственно предстал разъяренный Саржан, вытаскивающий из ножен прямой казахский кинжал. Вряд ли забудет он когда-нибудь двусмысленные шутки кушбеги.

– Конечно, я и сам могу распорядиться насчет Есенгельды и Саржана. Однако все мы – ваши подданные, а вы сейчас изволите пребывать здесь...

Мадели-хан попросту не думал о том, что говорил кушбеги. До его слуха словно издали доносились какие-то имена... Тентек-торе... Касым-торе... Есенгельды... Саржан... Какое ему дело до всех этих торе! Разве не получает кушбеги по двадцать тысяч таньга серебром ежегодно за власть над ними?

Пусть ест их сырыми или вареными, как пожелает... Одно имя только интересует его сейчас. "Ханпадшаим!.. Какое белое у нее лицо! Как волнуют бедра под полупрозрачным светлым шелком! Сквозь ткань проступает их упругая белизна, и словно лунный свет отражают они. А округлая грудь – разве не светится она в темноте и разве уже не ощущает он ее? Правда, великий грех стремиться к женщине, которой обладал родной отец. Но не замеченное людьми не является грехом. Кушбеги?.. Он не в счет... Правда, недаром же так настойчиво звал меня сюда. Не решается взять на себя дело с этими казахами и для этого подстроил встречу с Ханпадшаим. Что же, цена подходящая: два каких-то одетых в верблюжью шерсть султана за счастье обладания такой женщиной. Тут и четырех не жалко. Все мы существа смертные, даже я. А тем более эти Есенгельды, Саржан, кто там еще... Настоящая жизнь – это Ханпадшаим!.."

– Какое же будет ваше высокое решение?..

Да, именно этого кушбеги и хочет от него, Мадели-хана. А он желает сладостного греха со своей мачехой. Сегодня ночью должно это произойти... А утром надо возвращаться в Коканд, иначе пойдут разговоры. Нельзя оставаться на две ночи подряд, как бы ни белели сквозь шелк полные бедра. Кроме всего прочего, он еще хан. И отблагодарит ее он тоже по-хански!.. Но где взять сейчас достойные ее подарки?

Глаза Мадели-хана засветились.

– Только ли свои головы привезли нам в подарок сыновья Касыма-торе?

Кушбеги угадал мысли молодого хана раньше, чем тот закончил говорить... Конечно же, не без подарков приехали степные султаны. Щедрость в глазах простоватых казахов – одно из главных достоинств. Девять бархатно-вороних и девять молочно-белых не имеющих цены иноходцев привезли они с собой для хана Коканда. Каждый был под дорогим серебряным седлом, с серебряной уздечкой, а к каждому седлу было приторочено по девять черных алтайских соболей и по девять огненно-красных выдр. Так в степи подкидывают гончим перед охотой лакомые кусочки мяса... Но часто случается, что старая рыжая лиса догадывается об охотничьих хитростях. С тайной радостью приняв предназначавшиеся его хану подарки, кушбеги скрыл их.

- На этот раз сыновья Касьма-торе, видимо, сами рассчитывают увезти отсюда кое-что. – Голос кушбеги звучал злоеще. – Их мечта – увезти в коржунах наши головы!..

Огорченный лишь отсутствием подарков, которые он мог бы преподнести несравненной Ханпадшаим, Мадели-хан махнул рукой:

- Коль не пришло им в головы достойно оценить наше расположение, то грош цена этим головам!

Кушбеги с подчеркнутой покорностью наклонил голову:

- Это мудрое распоряжение, мой милостивый хан...

Мадели-хан притворно зевнул:

- Кажется, за полночь перевалило время... давайте закончим на этом наш разговор!

Он небрежно отломил кусочек халвы, вынул большой кубок розоватого виноградного вина.

- Мой милостивый хан... – Кушбеги впервые смотрел прямо в лицо Мадели-хана. – Комната нашей высокой гостьи Ханпадшаим находится рядом с вашей – и двери выходят в один коридор... Как прикажете сделать на ночь: приставить охрану к каждой двери в отдельности или достаточно охраны вокруг дворца?

Мадели-хан тоже посмотрел на него в упор:

- А как вы думаете, мудрейший кушбеги?

Улыбка раздвинула белые губы кушбеги, и он с деланным смущением опустил глаза:

- Достаточно и вокруг...

Хан тоже улыбнулся:

- В таком случае пусть будет, как вы решили.

- Благодарю своего хана за доверие к его рабу! – Кушбеги склонился в глубоком поклоне и неслышно исчез. Мадели-хан больше не мог сдерживать себя. После такого разговора с кушбеги можно было не думать об осторожности, и он почти бегом направился к покоям Ханпадшаим.

Если бы знал он, к чему приведет через шесть лет эта ночь! А пока Мадели-хан сам не заметил, как очутился перед высокой резной дверью...

Не успел еще Мадели-хан войти, как кушбеги Бегдербек уже стоял за стеной спальных покоев, отведенных Ханпадшаим. Через скрытое отверстие он увидел, как метнулась с шелкового одеяла лунно-белая тень и упала, слившись с тенью молодого хана...

Кушбеги давно уже был холоден к женщинам. Ему

даже неприятна была эта сцена. Но теперь он твердо знал, что не ему придется молва вину за то, что должно случиться со стенными султанами. Ну а если молва не пощадит высоких имен этих двух, что возьется сейчас на шелковых подушках за стеной, то тоже не его вина...

Пройдя в свою приемную комнату, кушбеги Бег-дербек вызвал к себе личных телохранителей:

– Скажите нашим дорогим гостям – высоким султанам, что сам Мадели-хан приглашает их к себе... Только предупредите, что не принято за ханским дастарханом быть при оружии. В том числе не забудьте и про кинжал у этого Саржана!..

Когда пришли за ними, то все находящиеся при них джигиты спали. Лишь батыр Агибай с юным Ержаном бодрствовали вместе с Есенгельды и Саржаном. Султаны начали быстро собираться.

– К величайшему из великих нельзя входить с оружием! – строго сказал черный привратник – ешик-ага, когда Саржан хотел пристегнуть свой отточенный кинжал. – Такое правило существует даже для царей. Когда вернетесь – наденете!..

Саржану стало досадно, что заранее не сообразил спрятать кинжал под одеждой. Не стали бы они обыскивать гостей, а с кинжалом он привык никогда не расставаться. Нет надежнее друга в трудную минуту... А впрочем, не убьют же его в гостях у мусульманина!

– Пристегни к своему ремню!

Он передал кинжал сыну, хотел сказать еще что-то, видимо, раздумал.

Шестеро вооруженных людей ожидали их во дворе. Находившийся весь вечер в мрачном настроении Агибай вдруг заволновался. Недаром говорится, что предстоящее нападение врага раньше всего чует боевой конь. Батыру Агибаю никогда еще не изменяло это чувство.

– Мы тоже пойдем с вами! – заупрямился он.

Но ешик-ага опередил его.

– Величайший из великих хан Коканда принимает лишь двух высоких султанов Есенгельды и Саржана, сыновей своего друга и союзника Касыма-торе! – сказал он не признающим возражений тоном и добавил уже более мирно: – Остальные могут спокойно спать.

Но Агибай-батыр не унимался:

– Эй, ты!..

Он уже хотел отодвинуть плечом струдившихся янычар и пойти за удаляющимися султанами, но Ержан удержал его за руку:

– К чему устраивать здесь шум, батыр-ага? Это может лишь повредить важному делу. – Сам он изо всех сил старался не выдавать при чужих свое волнение. – Пойдемте лучше посмотрим лошадей, как нас просили.

Батыр Агибай круто остановился. Окруженные стражей султаны уходили все дальше. И вдруг он почувствовал, как горячая бешеная кровь обильно приливает к голове, и понял, что глаза его краснеют. С ним бывали уже такие приступы гнева, когда, схватив первое попавшееся под руку оружие, он начинал крушить все вокруг себя, не разбирая правых и виноватых. Лишь последним усилием воли остановил себя батыр. Что бы ни случилось, при чем здесь эти простые люди вокруг: конюхи, слуги, рядовые сарбазы?

Давно забытый случай вспомнился вдруг ему. В тот год, когда умер его отец, зима была очень холодной. У Даметкен, оставшейся вдовой с четырьмя маленькими детьми, была единственная верблюдица с верблюжонком. Однажды в свирепый буран примчались шабарманы – головорезы ага-султана Каркалинского уезда Жамантая Дауке-улы. Заявив, что покойный Олжабай-батыр в течение трех лет не платил царской подати, они угнали верблюдицу, оставив одного верблюжонка. Что могла поделать с ними беззащитная женщина... Но самое ужасное наступило летом. Никто из живущих на земле существ не плачет страшнее верблюда. И как только придет ночь и верблюжонок-сирота затаит свой заунывный плач, трое малышей тоже рыдают, обняв его за шею. А четвертый, Агибай, который немногим старше братьев, убежал в степь, чтобы не слышать этого воя. В крови у него остался плач четырех несчастных малюток...

Доведенная до отчаяния Даметкен однажды обратилась к Агибаю:

– Сыночек, ты самый старший в доме. Можем ли мы дальше слушать плач этих голодных? Мясо от заколотой осенью коровы уже съедено. Ничего у нас не осталось, кроме верблюжонка. Зарежем его, и пусть дети продержатся еще хоть несколько дней...

Скрывая слезы, дала она ему в руки нож. Когда

малыш не могла спать, она привела в юрту верблюжонка, повалила на пол и накрепко связала веревкой. Мальчик не двигался с места.

– Пусть проклятье за его смерть падет на царя с его прихвостнем Жамантаем! – сказала ему Даметкен и выбежала на улицу, чтобы не видеть смерти верблюжонка. Ведь это она впервые приучила его пить молоко, выкормила из собственных рук...

Агибай медленно подошел к верблюжонку. Но стоило ему заглянуть в большие и влажные чистые глаза, как он тут же отдернул руку, не в силах совершить преступление.

– Давай зарежем его завтра, мама... Пусть хоть еще одну ночь поживет на свете... – попросил мальчик, когда вернулась мать.

Даметкен лишь утерла глаза краем платка.

– Ладно, сын мой...

Но ни завтра, ни послезавтра не смог заколоть верблюжонка Агибай. По их просьбе его наконец зарезал сосед. И с тех пор не было в степи человека беспощадней батыра Агибая. Эта не знающая пощады ненависть и привела его в стан мятежных султанов. Вот до чего может довести плач верблюжонка!..

Уже сдержавшись, еще раз огляделся вокруг батыр. Да, ему жалко стало этих простых, невинных людей. Но если нужно будет для степи, для его рода, он вырежет здесь всех до единого. И это потому, что плакал тогда верблюжонок!..

– Агибай-ага, нам нужно посмотреть на своих лошадей...

Ержан дернул его за руку.

Восемь янычар вошли в комнату для гостей вместе с Есенгельды и Саржаном. Увидев одного перебирающего четки кушбеги, оба султана поклонились ему. И в этот момент два острых ятагана неслышно коснулись шеи каждого. Обезглавленные тела сделали еще по два шага вперед, рухнули на колени перед кушбеги Бегдербеком и, повернувшись по два раза, затихли...

– О почтенные султаны, вы хотели объединить степь, а так легко разъединились с собственными головами! – Кушбеги философски покачал головой. – Этих выбросите в яму за забором, и спящие во дворце пусть тоже больше не просыпаются!

Как овцы перед тоем, ешниками, были перерезаны все восемнадцать джигитов, сопровождавших казахских султанов на переговоры в Ташкент. Батыр Агибай с Ержаном уцелели лишь чудом. Когда их не обнаружили во дворце, ешник-ага приказал обыскать конюшни.

— Если они там, скажите, что возвратились султаны! — предупредил он стражника, а сам со своими сарбазами остался ждать во дворе. Не слишком прельщало их встретиться с батыром лицом к лицу.

Но конюх-узбек из рабов успел предупредить Агибая о том, что их ищут, а оба султана убиты. Огромный Агибай-батыр сгреб выхватившего саблю Ержана и принудил его скрыться в примыкающих ко двору переулках. Перерезав поводья подвернувшихся под руку лошадей, они вскочили на них и так, без седел, выехали из города. Какой-то стражник спроне-хотел задержать их в воротах дворца, но Агибай-батыр ударом ноги заставил его умолкнуть навеки.

Еще через год Ляшкар и Бегдербек пригласили на тайную встречу самого Касыма-торе. Они клялись в собственной невинности и обещали рассказать все подробности гибели его сыновей. Недалеко от Созака, на берегу озера Теликоль, Ляшкар собственноручно отрезал старому султану голову и привез ее в Ташкент...

IV

Сломанной подковой стоит на востоке черно-бурый силуэт Каратау. На конские гривы и верблюжьи горбы похожи его многочисленные вершины, увитые голубовато-сизой лентой тумана, с которой не справиться закатывающемуся солнцу. А на западных склонах гор необычное оживление. Тесными группами, словно прижимаясь друг к другу, расположились казахские кочевья. Так бывает лишь во время войны... Сплошным полукругом сгрудились юрты. Только быстрая горная речка разрывает их линию. Все они

покрыты серыми, бурными кошмами, и лишь немногие — белыми. Никкак не скажешь, что это очень уж богатые аулы: старые, давно не сменяемые кошмы лохматятся, пестреют многочисленными латками, едкий кизячный дым проконтил их насквозь. Да и верблюжье стадо, пасущееся невдалеке, слишком уж мало для них. С одного раза можно пересчитать овец и коз, а среди гуляющих в ущельях лошадей большинство поджарые, с подтянутыми животами, боевые аргмаки. Совсем почти не видать кобыл с жеребятами. Зато много охраняющих скот людей с тяжелыми палицами у пояса.

Это и есть аул родов тока, уак, алшын и алтай, которые вместе с Касымом-торе покинули два года назад земли отцов и перекочевали сюда, к отрогам Каратау, в пределы кипчакских и конрадовских родовых владений. Хотя и является Касым-торе сыном хана Аблая, но не слывет самым богатым в степи человеком. Все богатства унесла затеянная сыновьями длительная война. Да и скот, привыкший к сочной траве и степному раздолью, не очень-то плодится на поросшем редким чиём солончаке у этих гор. Нет, не веселое зрелище представляют сейчас мятежные аулы!..

Об этом и думает ушедший далеко в степь от аульного шума и плача человек. Он невысокого роста, плотный, с толстой, как у борца, шеей. Лицо его, с чуть коротковатым прямым носом, небольшими усами и густой темно-рыжей бородой клином, можно было бы назвать красивым, если бы не глаза. Как у степного беркута они: зоркие, немигающие, в кровавых прожилках. Впрочем, именно такие глаза подходят этому лицу, на которое от рождения легла печать властности и уверенности в своем праве повелевать. Весь вид его свидетельствует, что привык он больше слушать, чем говорить; скупы движения, плотно сжаты тонкие и резко очерченные губы. И еще одну черту заметит внимательный взгляд на этом необычном лице — какую-то глубоко спрятанную мечту, ради которой такие люди идут на все...

Все дальше в степь уходит человек, и издали, из аулов, уже не различишь соболий малахай, полушубок с мягким бархатным верхом, светло-коричневый чекмень. Зачем же уходит так далеко от людей Кенесары, средний сын Касыма-торе и внук хана Аблая?..

Пересохший чий с хрустом ломается под замшевым сапогом с синим родовым орнаментом. Вздрагивают его ноздри, и грозной непроходящей песней наполняется степь. Ее пел вчера, сидя на белой кошме и подвернув под себя ноги, Нысанбай. Летописью ветви Джучи – Темучинова сына – была песня...

Неподвижны были лицо и фигура вещего певца. И пел он про вольные кочевья рода керей на берегах Онона и Керулена, ставшие первыми жертвами на долгом и кровавом пути Чингисхана. А потом оказались на этом пути многие казахские племена и роды. И немало казахской крови и костей легло в основание созданной Батьем Золотой Орды. Тогда и оказались в очередной раз расколотыми казахи, ибо южная группа родов Жетысу – Семиречья – уйсунь, дулаты, жалаиры – отошла к Джагатаеву улусу необозримой державы Чингисхана.

Гремела старая сосновая домбра Нысанбая-жирши, век за веком плыли из-под его пальцев. И не было года, когда не лилась бы кровь, потому что не умели поладить между собой многочисленные ханы, беки, султаны. А враги на всех рубежах делали все возможное, чтобы не кончился этот раскол, потому что страшна была им единая степь...

Развалилась Золотая Орда, отделились керей от улуса Джучи. Султан Джаныбек сумел ненадолго объединить роды аргын, керей, найман, уйсунь, дулат и бестанбалы, населявшие берега Чу. Это и было первое самостоятельное казахское ханство. Еще больше расширил его хан Касым, сын Джаныбека. А потом оно распалось. И снова объединяли его различные властители: Хакназар-хан, Тауекель, Есим, Жангир, Тауке. Великого могущества достигло оно, и боялись враги посягать на его границы, когда, по заветам предков, "одна голова управляла руками и ногами". Славу аргынам, найманам, кипчакам, алшынам, всем другим казахским родам по очереди пел старый жирши, и великая гордость была в его голосе.

И снова раздирали страну казахов междоусобицы, потому что не могли поделить между собой власть ханы трех жузов. И стали они, как всегда, искать поддержки на стороне, а первым из них был Абулхайр-хан из Младшего жуза...

Словно кровью пропиталась домбра, глуше стали струны. Голос певца задрожал от неизбывного горя. О страшных временах, о "годах великого бедствия" запел он. Воспользовавшись распрями и враждой, кровавым смерчем прошел по казахской земле джунгарский хан Сыбан Раптан. Почти поголовно истреблены были аулы вдоль Чу, Сарысу, Сырдарьи, у подножья Каратау. Уходили к Аралу и Каспию, на берега Ишима и Тобола Средний и Большой жузы. Тогда хан Младшего жуза Абулхаир, а через год и хан Среднего жуза Самеке согласились на русское подданство.

Только через тридцать три года, когда пала проглоченная Китаем Джунгария, а миллионы человек были вырезаны войском богдыхана, вернулись на свои древние земли к берегам Черного Иртыша и в долины Тарбагатай роды найман и керей. Несладко приходилось им там, по соседству с древней и жестокой Поднебесной империей...

Восторженно вспыхнули глаза у жирши, когда запел он о совсем уже близких временах, о деяниях Абулмансура. И согласно закивали слушатели в белой юрте Касыма-торе, потому что это был тот самый Абулмансур, который принял потом имя хана Аблая и приходится отцом самому торе и дедом его сыновьям...

Как загнанный скакун, дошел до конца своего предания старый жирши. Восславив Касыма-торе, родившегося от калмычки, он назвал его продолжателем великого дела отца. И вдруг уже охрипшим голосом обратился к сидящему поодаль Кенесары:

Тернистым был Аблая путь,
Не забывай, батыр Кене.
Будь твердым и когда-нибудь
Аблаем стань в родной стране!

С опаской уставились собравшиеся на Касыма-торе, которому должно было уже скоро исполниться семьдесят лет. В его присутствии такие слова, по принятому обычаю, могли быть обращены только к султану-военачальнику. А им был при Касыме-торе его более старший сын – султан Саржан. А Кенесары, хоть и прославился мужеством и находчивостью, считался пока только батыром. Но Нысанбай-жирши слыл среди казахов вещим певцом, знатоком людей и провидцем. Об этом было известно и Касыму-торе...

Касым-торе молчал, но в душе его была радость. Хоть и не мог он пожаловаться на скрюченных своих сыновей Есенгельды и Саржана, но слишком простодушны и доверчивы были они для этого большого груза, который придется нести. Сердце его лежало к среднему сыну, молчаливому и решительному. И, пожалуй, из всех его сыновей только у этого есть твердое и непоколебимое желание власти.

– Да продлится твоя жизнь еще долгие годы на радость всем нам, мой верный жирши! – подбодрил певца Касым-торе. – Порадовал ты нас достойным сказанием...

Больше месяца не было вестей от Есенгельды и Саржана, и сердце Касыма-торе ныло от предчувствий. Успокаивало лишь то, что недобрая весть не залежится. Пока что от сыновей не поступало никаких сообщений – старик держался...

Почему же выказал он молчаливое одобрение словам певца, обращенным к Кенесары? Как равнодушие старого торе к среднему сыну восприняли это все...

Кенесары знал об этом. Но вчера отец впервые показал свои чувства при всех. Значит, пришло его время!..

Сейчас, ступая по нетронутой корке солоноватой целины, он взвешивает свои мысли. Да, уже много лет думает он об этом. Никогда еще не были так разобщены казахи, и Кенесары твердо знает, что именно ему предстоит объединить их. Как имя деда и пращура, станет великим его имя, и в страхе будут повторять его враги!..

Но с чего начинать? Сейчас не времена Аблая, когда русские войска не переходили еще Светлого Жайка. В раннем детстве мудрый летописец отца Карт-Кажак рассказывал ему, как строили Кызыл-Жарское укрепление, назвав его Петропавловским. Это было в год, когда Аблая провозгласили ханом. А Семипалатинское, Баянаульское, Каркаралинское и Кара-Откельское – Акмолинское укрепления были построены еще за двадцать пять лет до этого. И все же деду приходилось легче. Еще не обжившиеся на новых местах солдаты не нуждались в земле и пастбищах, им хватало небольших полей и огородов вокруг крепостей. Тогда еще не появился в степи промышленник-купец, которому мало одной торговли.

Да и русские войска были заняты в других местах...

Хану Аблаю долгое время удавалось служить подушкой между белым царем и китайским богдыханом, а когда очень уж пытались привалиться к ней с одной какой-нибудь стороны, из подушки вылезало колючее перо. Сейчас подушка давно уже без наволочки, и перья летит из нее по ветру. С одной стороны давят русские войска, с другой – свирепая Хива отхватила чуть ли не треть казахских земель, с третьей – хитрый и коварный Коканд...

На что же рассчитывать ему, Кенесары?.. Разве не похожи сейчас казахи на раненого тигра, в которого с трех сторон вонзились пики?! А раненый тигр ничего уже не боится. Он прыгает на что попало, и вот это надо использовать. Кто направит прыжок тигра в нужную сторону, тот и выиграет!..

А то, что тигр готов к прыжку, сомневаться не приходилось. Только вчера из далеких улытауских гор приехал батыр Кудайменде и привез привет от знаменитых батыров Имана и Жоламана. Они заверяют, что нет уголка в Сарыарке, где бы люди не возмущались беззакониями царских властей и агасултанов. Еще более доведены до отчаяния казахи по Сырдарье, Сарысу и Чу, подвластные Коканду. Давно уже точат пики на хивинских захватчиков джигиты родов алтаи, тама, шомекей, жаппас, шекты. Стоит только объявиться предводителю и бросить клич... Что же, вчера вещий певец Нысанбай-жирши назвал этого предводителя. И признанный глава аблаевского рода молча поощрил его...

Кажется, наступило время для того, о чем он думал все эти годы. Чернь по всей степи накалена до крайности и похожа на сухой ковыль. Достаточно уронить уголек, и пожар вспыхнет от Едила и Мангышлака до Чу и Черного Иртыша!

На кого же опереться ему, когда пойдет он по дедовскому пути? Конечно, прежде всего на потомков Аблая. Много их в степи, и недаром называют их волчьим выводком. У тюрок это высшая похвала, потому что ведут они свой род от волков... Особенно надежны и воинственны его братья и сестры – сыновья и дочери Касыма-торе. Есенгельды, Саржан, Муса, Наурызбай, Абиьгазы, старшая сестра, по прозвищу Бопай-батыр, их дети: Кудайменде, Ержан, Иса, Кошкарбай, Абиьпеиз. Уверен он и в сыновьях своего дяди Да-

ира: Тати, Ати, Сатыбалды и сыне его Кадыйбае. Эти готовы в огонь и на небо за интересы рода. Из аблайидов только отпрыски Кучука слабы духом и характером. Жеребята от одной и той же кобылы тоже бывают разномастными, но одно протухшее яйцо не такой уж большой урон для хорошей квочки...

К чести сыновей Касыма-торе, между ними не было борьбы за главенство: младшие терпеливо ждали своего часа и беспрекословно подчинялись старшим. Поэтому только про себя не одобрял Кенесары действия Есенгельды и Саржана. "Зачем поехали они на поклон к презренному ташкентскому кушбегу? Чего можно добиться от врагов выпрашиванием? И разве кушбег не понимает, что мы ему – смертельные враги? Такой, как кушбег, признает лишь силу. А придешь к нему с протянутой рукой, посчитает тебя своим рабом. Станет ли кто-нибудь считаться с просьбами раба!.. Нет, если предназначено мне править степью, от меня не дождется поклона ни кушбегу, ни кто-нибудь другой. Разговаривать можно лишь с побежденным врагом..."

А другие султаны? В каждом жузе они, и как быть с ними? Как заставишь склониться перед собой отпрысков Абулхайра, Самеке, Нуралы, Букея, Сергазы, Вали? Ведь все они тоже торе... Ну, а на что пожар в степи? Куда денутся они все, когда увидят поднявшуюся чернь? Их спасителем будет он, хан Кенесары!

Да, ханом всех трех жузов станет он, потому что возглавит древнее стремление к свободе. Только этот путь приведет его на берег святого озера Теликоль, где ждет его белая кошма Аблая.

Сейчас или никогда!..

Он обвел глазами затихшую к вечеру степь... С кого же начинать? С того, кто самый опасный сейчас. Он знал это по многочисленным схваткам, в которых принимал участие: если навалились трое – поворачивайся лицом к сильнейшему. Те двое будут бегать вокруг, и, пока решатся ударить, ты освободишь себе руки. Значит, начинать нужно с белого царя!..

И правильно это будет еще и потому, что всегда лучше иметь дело со львом, чем с шакалами. Даже если не повезет и сломят его русские войска, то пострададут лишь вожди и те, кто сражался; останутся женщины, дети, сохранятся роды. Знающий собственную силу всегда склонен щадить слабого. И нет в

русских кровной ненависти к казахам. Только царские чиновники-лихоимцы и офицеры-каратели проявляют жестокость... А вот если попасться в зубы ханских шакалов Хивы и Коканда, то здесь уж никому не дожидаться пощады. Это их шакалья повадка – заставить жену и детей, всех самых дальних родственников отвечать за виновного. Весь народ в один день может быть согнан с родной земли без скота и имущества. Русские не делают этого...

Ничего нет страшнее мелких и острых шакальих зубов. Ты уже умрешь, а они со сладострастием будут терзать твоё безжизненное тело... Что же, пусть даст бог возможность уладить дело с белым царем, а потом можно приняться и за оба ханства. Не мешало бы им напомнить про кровь и слезы вырезанных аулов, про насилия, страдания проданных в рабство казахских детей. На своей шкуре должны испытать они все это!..

Много есть причин для того, чтобы именно там, на севере, начать первые боевые действия. Что ни говори, а Средний жуз – лучшая для него опора. Если царские войска располагают укреплениями, вооружены пушками и ружьями, то он будет располагать всей бескрайней степью. Покуда имеются бесчисленные поросшие кустарником овраги и лощины, никакой легавой не взять степного зайца. Хоть отбавляй Сарыарки, простирается она от Каркаралы до Светлого Жайка, от Кызыл-Жара до Бетпак-Далы. Самое настоящее раздолье для лихого джигита: только подтяни сильнее подпруги да крепче держись на коне!..

А попадешь в беду – никто не выдаст, хотя бы из уважения к твоему роду. Не говоря уже о том, что нет гнуснее преступления по степным законам, чем предать батыра...

На землях Коканда и Хивы нет этих условий. Нелегко будет объединить кочевников-казахов, населяющих берега Сырдарьи, Приаралье, Устюрт и Мангышлак. Да и мало этого для победы. Необходимо, чтобы восстание поддержали братья из Жетысу – Семиречья, киргизы из горных долин Алатау, каракалпаки. Все страдают от засилия кокандских или хивинских беков. Но разве пойдут они добровольно в одном строю? Даже исконные казахи, проживающие на самой китайской границе, не оставят свои очаги, чтобы идти бороться за общее дело. Люди неохотно воюют – они берутся за оружие, лишь когда враг

пришел на самый порог. А то, что делается у соседа, их мало интересует. Ему степную политику хорошо знают в Коканде и Хиве. Все распри и междоусобицы известны там и используются до конца. Нет, поднимать степь нужно со Среднего жуза!..

И вдруг, словно наступил на змею, вздрагивает Кенесары, сын Касыма-торе и внук Аблая. Есть еще одна причина... Месть! Степная, неутолимая, витанная с молоком матери... Сварить живьем, закопать в землю, искоренить до седьмого колена – вот те желания, которые появляются у любого из сыновей Касыма-торе, когда они вспоминают султанов из семейства Самеке, Букея или Вали. Особую ненависть питают они к Конур-Кульдже – сыну Кудайменде, к Чингису – сыну Вали и матери его Айганым, к Жамантаю – сыну Таке из букеевского рода и Ахмету – сыну Жанторе. Подлые предатели, они лизжут пятки белому царю и помогают карателям!..

Он живо представляет себе, как поступит с ними, когда все они окажутся в его руках. Он разгромит и разграбит дочиста их аулы. Ему не терпится сделать их сыновей рабами, а дочерей отдать своим тулугутам. На их распластанных спинах будет он пировать, и ничто не утолит его жажду, кроме их теплой крови!..

Кенесары спохватился... Ничего не поделаешь, только так сможет утвердить он законность и порядок в степи. Подавить недовольных соперников и объединить три жуза под одной рукой – рукой Кенесары. Разве не для всех казахов старается он? Разве не готов он ради общего дела отдать все: счастье, богатство, собственную жизнь?

Он уже все рассчитал наперед. Сразу по возвращении, как законный султан, обратится он к сибирскому и оренбургскому губернаторам со своими требованиями. В конце концов обо всем можно договориться на тех условиях, которые принял когда-то хан Аблай. Если правительство белого царя согласится с этим, то сразу повысится его значение и упадет авторитет Конур-Кульджи, Ахмета, Жамантая и других. Рассчитаться с ними тогда не представит особого труда.

Разумеется, в любом случае это будет только начало. Не бездомный же он пес, который убегает, получив свое. Нет, он не успокоится, пока не объединит

все три жуза и не восстановит былую славу и могущество Аблая ханства. Путь для начала даже станет он только ханом Среднего жуза. Все равно он рано или поздно добьется своего!..

А если не удовлетворят его требованиям?.. Что же, кто разделся догола, тому надо лезть в воду. Тогда – война, и начнет он ее с уничтожения аулов ненавистного Конур-Кульджи. Потом он захватит и разгромит Кара-Откельскую – Акмолинскую крепость, где находится приказ презренного Конур-Кульджи!..

Достаточно шепотом произнести это имя, чтобы от самого глубокого сна очнулся Кенесары. И дело не просто в том, что Конур-Кульджа сам метит в правители всей степи, надеясь на помощь и поддержку царского правительства. Из поколения в поколение скрещиваются пути их родов. Ведь это сын султана Кудайменде и внук Самеке, которого сбросил Аблай с ханской кошмы Среднего жуза. Немало бед принесла уже эта кровная вражда. И долго еще будет влиять она на ход большой политики между белым царем и степью...

Один в бескрайней степи стоял Кенесары... Он прошел суровую школу и знал железные законы борьбы за власть. Нельзя показываться народу, пока не пришло время! Издали, через преданных людей, следует направлять ход событий в нужное русло. Для этого нет запретных путей. Если необходимо сталкивать роды и жузы для достижения ханской кошмы, он ни на миг не задумается. Нужны будут кровавые реки – пусть прольются. Только чтобы не упоминали его имя. Но когда наступит такое время, как теперь, когда его безудержное стремление к славе и власти совпадет со стремлениями народа, он должен быть впереди всех. Имя его будет у всех на устах, а образ – в сердце...

Только завоевав полную, ни с кем не разделяемую власть, сумеет он возвеличить себя в веках.

Он вынул из ножен исфаганскую саблю, встал на колени, приложил к губам холодное острое лезвие.

– Я не был рожден трусом, – сказал Кенесары тихим голосом. – Если на пути к цели я хоть на миг поколеблюсь, клянусь выпить всю свою кровь. Этот клинок пусть будет свидетелем!..

Кенесары, не вставая с колен, медленно заложил саблю в ножны. Он хотел было подняться, но вдруг услышал за спиной знакомый женский голос:

– Мой торе... Неужели ты совершаешь намаз?

Не оглядываясь, узнал Кенесары голос своей старшей жены Кунимжан. Значит, она шла за ним... Он встал, отряхнулся и пошел к ней навстречу:

– Нет, пробовал крепость клинка на камне.

– Разве мало ты его пробовал на чужих черепах?

– Это недостаточно для настоящей стали...

Двадцать шесть лет исполнилось Кунимжан, но, несмотря на то что родила уже дочь и сына, казалась она стройнее всякой девушки. Она была из тех красавиц смуглянок с жгучими глазами, от одного взгляда которых сразу дуреют мужчины. Все в ней было вызывающе красиво. И одета так, что невозможно оторвать глаз. На плюшевый голубой с позолотой камзол как будто небрежно наброшен отороченный соболем ярко-бордовый чапан из лучшей материи – дурня. Белый жемчужный бисер осыпает краснобархатный конусообразный саукеле – головной убор знатных женщин в степи. На лоб ниспадают с него круглые и тяжелые золотые пластинки, а уже поверх саукеле накинута прозрачная парчовая шаль. В ушах Кунимжан покачивались роскошные трехосновные золотые серьги, и тяжелые, почти до земли, черные косы были в четыре ряда увешаны блестящими золотыми рублями царской чеканки. Испокон веков все свое богатство носили на себе степные красавицы...

По непринужденной походке, по манерам и обращению с мужем сразу было видно, что она любимая жена. Лучше всего к ней подошли бы знаменитые стихи степного поэта Жусун-ходжи: "Если считать недостатком то, что уже стала она женщиной, то он у нее единственный. В остальном никакая девушка не сравнится с ней". Помимо быстрого, тонкого ума и красоты, которыми завоевала она сердце Кенесары, Кунимжан была дочерью одного из самых знатных и богатых степных родов – аргынских альке-байдалы. И если рассказывать все до конца, то именно она была тем яблоком раздора, которое старую межродовую распрю, разделившую султана Кенесары с султаном Конур-Кульджей, превратило в смертельную вражду...

Тогда только начиналась батырская слава Кенесары. По случаю избрания правителя края – Ердена Сандыбай-улы из осевшего в Улытау рода жырык – устраивался большой той с конными состязаниями и казахской борьбой. Поехал на этот той и Кенесары с группой джигитов. Было у него и еще одно задание – в связи с вызвавшей волнения постройкой Кокчетавской крепости разведать настроения людей и положение дел в Улытау. Дело в том, что эти места считались святыми для казахов: там, по преданиям, закончил жизнь легендарный родооснователь Алаш, впервые объединивший шесть ветвей прародителей. Кроме того, в горах Улытау могила Едиге-батыра, святого ходжи Акмешита. Кенесары считал себя обязанным посетить этот древний казахский центр. После длившихся несколько дней празднеств он возвращался домой через земли аргынских родов алтай и тока. На берегу реки Терсаккан остановились отдохнуть, и Кенесары пошел в тугай искупаться...

Сначала он подумал, что это все мерещится ему, когда увидел в чистой речной воде двух девушек. Насколько хватало взгляда, не было вокруг никакого жилья. Он протер глаза, но подплывшие вплотную к камышам девушки начали шумно плескаться, и тогда он убедился, что это наяву. К тому же он увидел на том берегу двух стреноженных лошадей.

И только после этого понял Кенесары, что стоит и не может глаз отвести от одной из купающихся девушек, чье тело волшебным образом белеет сквозь прозрачную воду. Нельзя было батыру дальше таиться в тугаях.

– Очень ли холодна вода, красавицы? – крикнул он, испугавшись, что могут выйти они при нем на берег.

– Ойбай, котек! – закричала другая, рыжая и пухлая. Бесцветные глаза ее еще больше побелели от испуга, и она поплыла на тот берег, захлебываясь и брыкая короткими ногами. Зато та, на которую смотрел он, отплыла немного и остановилась, слегка поводя ногами в глубине, чтобы не утонуть.

– Дай бог вам здоровья, мирза!..

Это она сказала тихо и с достоинством. В это время подошли другие джигиты, и началась обычная переброска шутками. Девушкам кричали, чтобы они вышли из воды и не боялись: они, джигиты, отвернутся. Если же они будут упорствовать, то придется переплыть на тот берег и забрать их одежду.

Девушки умоляли джигитов отойти от берега, говорили, что им холодно, и было видно, что они уже не боятся. За свободный выход из воды джигиты требовали выкупа.

– Мирза, чего бы вы хотели от меня? – спросила его черноглазая девушка.

– А если потребую – все выполнишь?

Он сам удивился своей смелости, но она не отвела глаз.

– Разве обманет девушка, которую никто еще не обманывал? Говорите свое условие!

Она продолжала в упор смотреть на него, и сердце Кенесары затрепетало вдруг, как пойманный воробей.

– Если никто еще не обманывал вас, то мы поехали. Но вы должны догнать нас, и я предложу свои условия!

– Хорошо! – твердо сказала она.

Они поехали дальше по берегу реки, и уже на первой излучине подруги догнали их. Им было по шестнадцать – семнадцать лет, но они не испугались незнакомых джигитов. Так поступают только чистые душой девушки...

А он не мог уже отпустить ее от себя. И она не хотела оставлять его. В мгновение ока завершается девичий век. Ночь они провели в степи, и жесткий куст караганника у их изголовья пахнул розами...

Уж чье это было исполнено желание – ее или молодого султана, – Кунимжан никому не рассказывала. Но и скрывать этой ночи ни от кого не стала, даже от нареченного жениха. А женихом этим был Конур-Кульджа Кудайменде-улы, внук хана Самеке...

Два года назад посватался к ней мордастый, с приросшими к голове громадными мясистыми ушами Конур-Кульджа. Это было завидное сватовство, и родители ее с удовольствием приняли в качестве задатка три табуна знаменитых ханских темно-серых аргамаков. А несколько дней назад ага-султан прислал с нарочным тайную весть о том, что после перекочевки аулов на джайляу в Каракоин-Каширлы он наведется к невесте...

И тут как раз то купание в Терсаккане!.. Наутро Кенесары вместе со всеми сопровождающими его джигитами и с Кунимжан на крупе коня въехал в аул аксакала Байболата, разбившего юрты в таком

удобном для кушанья месте. Сначала их увидели многочисленные змеи, потом тетушки, потом сестры, и последней весть дошла наконец до самого Байболата. Вначале он очень испугался гнева сиятельного жениха и расстроился тем, что придется возвращать богатый дар. Но потом он еще больше испугался, вспомнив о "вольчьем выводке". Горе чуть не свалило старика, но тут прибыла весть от самого Кенесары, который просил его дочь в жены. Со дня на день должен был прибыть другой жених...

Аксакал Байболат незамедлительно все взвесил, обдумал и принял мудрое решение:

– Когда Аблай провозглашен был ханом, шесть племен из рода аргын отдали ему в жены шестерых своих дочерей. Нескромно будет с нашей стороны, если мы пожалеем для его внука одну-единственную девушку. Пусть забирает ее!..

Ровно через неделю Кунимжан торжественно отправили в аул Касыма-торе. Три тройки светло-серых аргамаков были впряжены в кареты, а за ними шли девять самых высокопородистых верблюдов, нагруженных шелком, коврами и драгоценностями. В передней карете ехала невеста, в других – свидетели с ее стороны, самые могущественные люди рода альке-байдалы и акконкар-сайдалы.

Конур-Кульджа грыз себе руки от гнева и бессилия что-нибудь сделать. Первой его мыслью было немедленно послать туленгутов и пустить по ветру аул Байболата. Но, прежде всего, как можно было ссориться со знатным и богатым родом альке-байдалы? Ведь не просто увлечение черными глазами Кунимжан руководило им, когда он добивался ее в жены. Именно с этим самым могущественным родом Сарыарки хотел он породниться через нее. Да и начинать сейчас открытую войну с родом Касыма-торе тоже было не по силам. Пришлось пока затаить в душе бешеную ненависть и ограничиться возвращенным калымом и возмещением – трижды девятью головами скота каждого вида.

Черная змея поселилась с тех пор в груди Конур-Кульджи и не давала ему покоя, пока не представился случай отомстить. Однажды он со своими туленгутами подстерег свадебный караван. Это везли из Кокчетава к жениху в аул рода таракты старшую дочь Саржана – Куникей. Султан Конур-Кульджа напал на

караван, провел ночь с Куникей и выгнал. Теперь отношения между сыновьями Касыма-торе и султаном Конур-Кульджей обострились до такой степени, что требовали человеческих жертв. Только кровь могла смыть такое страшное оскорбление...

Так завязывался этот зловещий узел – из вековой борьбы за власть, султанских самолюбий, убийств, насилий, неразделенных женщин и многого другого, что при сложившихся в степи отношениях само собой вплелось в справедливую борьбу народа за свободу. Распутывать этот узел нельзя уже было без булатных мечей, и это хорошо понимали в обоих враждебных станах.

Кунимжан, вопреки обычаю, называла Кенесары не мужем, а "мой торе". Этим она, одна из знатнейших женщин степи, подчеркивала еще большую знатность своего мужа, имеющего право повелевать ею. При всей ее внешней покорности, она имела огромное влияние на Кенесары и была в курсе всех событий.

– Мой торе, я еле нашла тебя в этой большой степи... Оказывается, страшную весть привез Кудайменде-батыр нашему деду!

– Какая весть?

– Ты же знаешь сына Азанбая...

– Какого из них? Азанбая из каржасов, что живут в Байнауле, или нашего кокчетавского Азанбая-Аксары?

– Азанбая из каржасов... Ты помнишь, как перед нашим уходом из Сарыарки в Омске казнили его сына Тайжана? Так вот: убили и его старшего сына!..

– Сейтен-батыра? – вскричал Кенесары.

Она молча кивнула.

– Пусть в рай отправится душа его! Слишком рано покинул этот свет батыр. Неужели смерть его пришла от руки Конур-Кульджи? Эта собака клялась погубить его...

– Говорят, что так именно и случилось. Когда аул Азанбая уходил к Балхашу, проводником их был какой-то крещеный последыш Конур-Кульджи. У Мын-Арала их настигли каратели...

Кровь начала приливать к лицу Кенесары.

– Сколько людей погибло? – спросил он отрывисто.

– Рассказывают, что немного: два-три человека. Они попали в ловушку, и сопротивляться не было возможности...

— Пусть тоже войдут в рай... А мы здесь напомним о них, если суждено вернуться в Сарыарку!

— И еще говорят, что вместе с батыром попал к карателям и Ожар — сын Кубета. — Кунимжан считала своим долгом узнать все для мужа. — Он будто бы в омской тюрьме...

— Это какой Ожар? — Кенесары насторожился. — Не тот ли, что был вестовым у Конур-Кульджи? Разве не порвал он давным-давно всякую связь с родом?

— Вот и говорят люди, что он поссорился с Конур-Кульджей и вернулся к своим. Видимо, вспомнил поговорку, что руки отсыхают у того, кто не радеет о родной крови. Подавленный бедой каржасов и бегством их из родных мест, он снова примкнул к батыру Сейтену. Но тут как раз и случилось это...

— Однажды я встретил его, — задумчиво сказал Кенесары. — На вид крепкий человек и с настоящим характером. Значит, тоже не смог покориться... Теперь и его, наверно, пошлют в Сибирь!

Он повернулся и посмотрел в сторону аула. К ним быстро шел молодой стройный джигит. Кенесары узнал в нем своего младшего брата Наурызбая — от матери-калмычки. И хоть были они от одного отца, с трудом признавали в них родных братьев. Высокого роста был Наурызбай, плечи — косая сажень, белое продолговатое лицо всегда залито здоровым румянцем. Нос, рот, глаза, брови и ресницы — все у него крупнее, чем обычно у казахов. Особенно глаза были другие: какие-то странные, чуть раскосые, они смотрели на мир с подкупающим доверием. С висков его ниспадали длинные косы с вплетенными зернами разноцветного жемчуга. К пробивающимся усам особенно шла соболья шанка с красным бархатным верхом. Собольями была оторочена и щегольская горностаевая шуба, у пояса висел красивый серебряный кинжал в узорчатых ножнах.

Он и в бой ходил в этой одежде, только закатывая при этом правый рукав дорогой шелковой рубахи. Издали узнавали его враги, когда, опустив залитое изнутри свинцом копые, с кличем "Аблай!" мчался он на своем серо-золотистом коне Акаузе. Говорили, что правая рука у него обладает силой четырех джигитов. А уж копые в этой руке не знало промаха, и до сих пор не находилось храбреца, который бы выжидал приближающегося юного батыра... А в обычные дни не

было в степи человека добрее и услужливее Наурызбай. Шутником и весельчаком слыт он среди соседей, и дети всего аула любили его...

Сейчас тяжелые брови его были сдвинуты, а глаза выдавали душевное смятение...

Он давно уже был не в себе, юный батыр. Тоска по родине, которую пришлось покинуть, одолевала его. Как только закрывал он глаза, виделся ему зеленый ковер Сарыарки, голубовато-сизые вершины гор, величественные громады скал. Часто снились ему прозрачные горные озера, в которых отражаются вершины вековых сосен, мятежные полноводные реки, неистово бьющиеся в каменистые берега. В такие минуты ему казалось, что он слышит чей-то знакомый и печальный голос, призывающий его, молящий о помощи. И снова погружались его мысли в бушующие волны далекого Борового озера, уносились оперенной стрелой к вершине Окжетпеса. Одинокó плыл в бескрайнем синем небе родины беркут-великан, и разрывалось на части сердце Наурызбай.

Если бы мог он полететь туда, где прошли детство и юность, где познал он материнскую ласку и первую любовь, то ни минуты не сидел бы он в этих опустылевших местах. Но нельзя сейчас возвращаться в Кокчетау, где процветает Конур-Кульджа и другие прихлебатели белого царя. На молодого орла, прикованного к своей подставке, похож он, батыр Наурызбай. Из сурового шелка свита его веревка, и тщетно клетотать, пытаться освободить связанные ноги...

Не понимал Наурызбай, чего они ищут на пустынных берегах Сырдарьи. Чего они хотят – спасти собственные шкуры? Не лучше ли сражаться там, на родной земле, которая придает силы своим сыновьям! Как могут они освободить Сарыарку, находясь от нее за сто конных переходов? Или, может быть, здешний тамариск, ковыль и типчак лучше кокчетауской таволги и караганника?

Он не понимал политики своего отца Касыма-торе и старших братьев Есенгельды и Саржана, сколько ни объясняли ему необходимость выжидания. Одно джайляу в Сарыарке было дороже для него всего Кокандского ханства со своей поддержкой, которую оно могло бы оказать их делу...

С утроенной силой стала грызть его тоска со вчерашнего дня, когда приехал вольный батыр Кудай-

менде. А сюда Наурызбай пришел, чтобы поговорить наедине со своим братом. Его острые глаза разглядели Кенесары в безбрежной степи...

– Почему ты так плохо выглядишь, мой маленький торе? – спросила у него, улыбаясь, Кунимжан. – Не заболел ли ты?..

Наурызбай, не в силах скрыть своего состояния, сокрушенно повесил голову:

– Это правда, невестка... Душа у меня болит, сердце ноет, что-то давит в груди...

Кенесары, хорошо знавший эту болезнь, промолчал. Кунимжан попыталась подбодрить молодого батыра:

– Не всегда будут черные тучи, когда-нибудь взойдет и солнце. И недуг твой пройдет...

– Когда же это будет?

– В степи все зависит от коня.

– Не вижу отсюда, куда можно было бы помчаться не оглядываясь. На загнанного в овраг волка похожи мы здесь. И как бы ни гордились волчьей отвагой, прячемся в яме!

Кенесары внимательно посмотрел на младшего брата.

– А ты знаешь, что страшнее всего волк, когда вылезет из логова? Напрягись, покрепче прижмись к земле и готовься к прыжку, мой Науанжан!..

– Нет, Кене-ага... – Наурызбай тяжело вздохнул. – Волк делает прыжок из логова только перед смертью!

– Бывает, что он уносит на тот свет и своего врага...

Молодой батыр упрямо мотнул головой.

– Люблю сам подстергать врага. А где это удобней делать, как не в Сарыарке? Там все есть: овраги для засады и степь, где даже ветер не догонит меня...

То же самое чувство испытывал Кенесары, однако для батыра послушание старшим – первая заповедь. И он со свойственной ему сдержанностью напомнил это:

– Орленок, рано вылетевший из гнезда, быстрее стареет. Не торопись выбирать себе путь, пока живы твои старшие братья...

Наурызбай потупился. Больше всех на свете любил он своих братьев. И самым дорогим для него было мнение Кенесары.

– Я слушаю тебя, Кене-ага!.. – тихо сказал он.

Глядящий в степь Кенесары вдруг насторожился.

Наурызбай и Кунимжан тоже посмотрели в ту сторону. Со стороны перевала на восточной окраине гор за клубилась пыль. Через некоторое время на нее вырвались два всадника. Они мчались так, словно враги наседали на хвосты их лошадей.

– Это же батыр Агибай! – воскликнул Кенесары. – И конь его Акылак!

– Да, это дядя Агибай... – Наурызбай пристально всматривался в приближавшихся всадников. – А кто же рядом с ним?.. По тому, как прилег к гриве, похож на Ержана...

– Это они!..

И вдруг Кенесары побледнел.

– Ой, баурым!.. – донеслось через всю степь. И сразу заголосили, заплакали в одном ауле под горой, в другом, третьем...

Это был вопль скорби, которым, не сбавляя бега коней, оповещают в степи о гибели близких.

– Ой, бауры-ым!..

Каменным оставалось лицо Кенесары, и он не двинулся с места. Кунимжан встала ближе к нему. Только Наурызбай не выдержал – побежал навстречу вестникам несчастья. На полном скаку спрыгнул с коня Агибай-батыр, надел на шею пояс и, по древнему обычаю, пополз на коленях, подняв обе руки к небу:

– Батыр Кене, мы лишились обоих султанов! Мы лишились восемнадцати лучших джигитов! От руки ташкентского кушбеги пали твои старшие братья Есенгельды и Саржан, пали все наши славные воины!..

Кенесары не пошевелился.

– Когда и как? – спросил он спокойным голосом.

Не вытирая текущих слез, батыр Агибай рассказал подробности гибели султанов...

Они шли к аулу, и потрясенные горем люди бежали им навстречу, Наурызбай с Кунимжан поддерживали с двух сторон обессиленного Ержана. Подойдя к белой юрте, Кунимжан сорвала со своей головы саукеле с перьями, бросила на землю парчовую шаль и, распустив свои черные волосы, заголосила:

Пали безвременно два льва, не знавших страха, –
Доверились коварному врагу!

О, как подло заманили их в ловушку

И расправились с безоружными!..

Недобрая весть подобна шальному ветру - в мгновение она распространилась она по всем юртам. Матери в отчаянии рвали волосы, плакали навзрыд дети, тяжело вздыхали старики, стискивали зубы джигиты. Горестный вой и плач поднялся над кочевьями, словно коршун внезапно налетел на мирно плавающую в поднебесье птичью стаю...

Лишь на следующее утро кое-как утих переполох, вызванный этой страшной вестью. Услышав из уст Агибай-батыра подробный рассказ о гибели двух своих сыновей, старый Касым-торе поседел в одну ночь. Будто вышил горькой отравы - обесцветились его серые с багровыми, как у волка, прожилками глаза, потемнело большеносое лицо, густым инеем покрылась темно-рыжая прадедовская борода. Несмотря на семидесятилетний возраст, он до сих пор был прям, как копьё, а тут согнулся, как одинокое, открытое всем ветрам дерево в степи.

Касым-торе врагам на страх рожден,
Был с ненавистью он в глазах рожден,
Из чрева материнского на свет
С горстями крови в кулаках рожден.

Так пели по степи о Касыме-торе до этой ночи. Но куда делись его беспощадная суровость, врожденное жестокосердие, буйный нрав и своеволие! Дешевле воды ценилась им раньше человеческая кровь. Теперь он стал похож на истощенного барана, у которого ключьями лезет шерсть. Дряхлым, беспомощным стариком сделался он сразу, и только в глазах окаменели какие-то остатки бывшего озлобления и лютости.

Ближе к полудню старый торе собрал на совет Кенесары, Наурызбая, Агибая и приехавшего накануне батыра Кудайменде. Он долго сидел молча, потом поднял голову:

- В молодости, когда был я глупым и необузданным, увидел я как-то в горах Кокчетау дикого белого верблюда. И хоть говорили старики, что нельзя этого делать, я посмеялся над их словами и пустил в него стрелу. "Этот священный верблюд был хозяином Кокчетау, и как бы не поразило тебя его проклятие!" - сказали тогда старики... Теперь я знаю, что это из-за моего кощунства потеряли мы горы Кокчетау, а сейчас я потерял сыновей. Проклятие на моем роде, и не будет счастья никому из моего потомства, если не

принесли жертву. Во имя Аллаха мудрого, справедливого за искупление моего давнего греха жертвую священного белого барана с золотистой головой. Склоняю свою отягощенную грехами седую голову, молю бога простить меня и пощадить моих оставшихся сыновей!..

Касым-торе опустил вознесенные к небу руки и сидел в скорбном молчании. Собравшиеся беззвучно шептали: "О аллах, прими жертву!.. Прими белого барана с золотистой головой!.." Неясный, затухающий огонек появился на миг в глазах старого торе.

– Бухар-жырау говорил, что не от старости умирает орел. От горя он умирает, когда крылья уже не держат его в воздухе. – Касым-торе собрал все свои силы, встал, выпрямился и протянул правую руку, благословляя Кенесары: – Теперь твой черед летать... Аминь!

Он отстегнул от пояса родовой кинжал в серебряных ножнах, снял со стены старое кремневое ружье на роговых ножках, передал их Кенесары:

– Этому кинжалу тысяча лет, и всегда принадлежал он старшему из нашего рода. А ружье перешло ко мне от моего отца и твоего деда – хана Аблая. Оно убивает с пятисот шагов, и до сих пор я никому его не давал!..

Это означало, что Касым-торе передает всю власть, родовую и военную, султану Кенесары. Вынув прадедовский кинжал из ножен, Кенесары приложил его острием к губам:

– Клянусь никогда не знать пощады к врагам, и пусть сердце мое будет холодным и твердым, как эта сталь!

Касым-торе наклонил голову в знак согласия.

– Последняя моя просьба к тебе: отомсти за смерть двух братьев и за восемнадцать зарезанных туленгутов!.. Нам не одолеть сейчас всего Кокандского ханства, но для мести сил хватит. Завтра же собери всех верных сарбазов и, по примеру нашего славного прадеда – хана Тауекеля, не оставь камня на камне от Ташкента. Пусть сгинет это гнездо коварства, и тогда ты выполнишь передо мной свой сыновний долг!..

Султан Кенесары опустился на одно колено:

– Мы подумаем и после восхода солнца скажем свое решение.

В ту же ночь султан Кенесары собрал в белой двенадцатикрылой юрте батыров Агибая, Наурызбая, Кудайменде и Нысанбая и долго советовался с ними. Наутро он вместе с батырами посетил Касыма-торе...

Всю ночь не смыкал глаз, ворочаясь с боку на бок, старый хан. Он сомневался, правильно ли поступил, велел напасть на Ташкент и не заручившись при этом поддержкой казахов Сырдарьи, Сарысу и Чу. Можно ли рассчитывать на успех, опираясь лишь на малочисленные роды алтай, тока, алтын, уак? Увидев сына, Касым-торе медленно встал с мягкой постели.

– Торе! – Кенесары низко склонился перед ним. – Говорят, если разум – палка, то гнев – нож. Не будем же срезать палку. Мы обдумали это и пришли к решению, что не следует сейчас нападать на Ташкент. Время еще не настало...

– Что же вы будете делать?

– Мы вернемся в Кокчетау.

Касым-торе не стал больше ничего спрашивать. Время его решений прошло. Он долго сидел, покачивая головой. Потом заговорил:

– Что же, я сам сомневался, правильно ли мы задумали. Очевидно, пришло утро, которое всегда мудрее вечера... Теперь давайте подумаем о вашем решении. Когда волчица оставляет свой выводок в логовище, охотники обязательно ставят там капканы. Не ждут ли они нас в Кокчетау? Ведь нам ужиться там после всего случившегося невозможно. Не лучше ли перекочевать в глубь Сарыарки, да и то не дальше Улытау? Это узел кочевий всех трех жузов, и если не на одного, то на другого можно будет опереться...

– Улытау относится к роду баганалы. – Кенесары говорил спокойно, убедительно. Было видно, что он все хорошо продумал. – Что, если откажут нам теперь в убежище сыновья Сандыбая? Нельзя забывать, что оба – Ерден и Дузен – получили высокий титул от белого царя. Не придется ли нам сразу братья за палицы? Разумно ли это будет, даже если мы и сможем их одолеть?

Касым-торе согласно кивнул:

– Да, ты правильно судишь, султан Кенесары. Измученные походом сарбазы должны будут отдохнуть. Да и плохо приходится тому, кто, войдя в чужой дом, подобно скорпиону, жалит хозяина. Не с этого следует начинать задуманное тобой... – Он остро по-

смотрел на Кенесары, потом со вздохом опустил голову. — Неужели во всей Сарыарке не осталось места, где можно было бы приклонить голову внукам Аблая?

Тогда, до сих пор стоявший молча, склонил перед старым торе голову батыр Кудайменде:

— Нельзя надеяться на гостеприимство детей Сандыбая, мой торе. Мне кажется, что вам следует перекочевать сразу к берегам Терсаккана, в урочище Каракоин-Каширлы. Среди наших — немало из рода алтай, а вы знаете их батыров Жанайдара и Тулебая. К тому же род алтай с радостью даст на зиму убежище потомкам Аблая! А к лету можно будет перейти в Улытау, чтобы вырвать его у сыновей Сандыбая. Только переломив им хребет, можно будет думать о дальнейшем...

— Что же, где-то за Терсакканом и родные нашей снохи Кунимжан... — задумчиво ответил Касым-торе.

— В таком случае надо немедленно посылать нарочного в Каракоин-Каширлы, чтобы дать знать о нашем намерении! — решил Кенесары.

Касым-торе утвердительно кивнул:

— Это правильное решение!

...В этот же день для переговоров с алтайскими родами, населяющими Каракоин-Каширлы, имея в поводе двух подставленных лошадей для смены, выехал батыр Кудайменде. После поминок по погибшим от рук ташкентского кушбеги султанам и туленгутам аулы стали спешно готовиться в дальний и нелегкий путь. Оказалось, что не только старики и взрослые мужчины, но и маленькие дети истосковались по родным краям. Они радостно бегали, помогая старшим разбирать юрты. Потуже стягивали ремни джигиты, узлом завязывали хвосты лошадей, готовясь в дорогу. Особенно тщательно проверяли оружие: вынимали из колчанов длинные стрелы со стальными обоюдоострыми наконечниками, пробивающими любую кольчугу, обычные стрелы с четырехгранными наконечниками "kozy-жаурын", заменяли на них помявшиеся или пересохшие от времени перья. Другие оттачивали стальные, в полторы руки длиною, наверхия копий, привязывали к ним волосяные кисточки из конских хвостов. Имевшие сабли, кинжалы и ножи точили лезвия, а не имевшие холодного оружия попросту выдергивали с корнем молодые горные сосенки и обстругивали их. Все понимали, что вряд ли обретут покой на родной земле.

На высоком холме стоял султан Кенесары. Внизу, обтекая холм с западной стороны, уходил к горизонту караван. словно возвращающийся на родину косяк перелетных птиц!..

За две недели пересекли они Бетпак-Далу. Там, где река Сарысу заканчивает свой путь, исчезая в сыпучих песках, находилось урочище Кзыл-Джингил. Там, в большом ауле Ботеша, их ждал уже Кудайменде и с ним знаменитый, ужасный в сражениях алтайский батыр Тулебай, который один вытаскивал упавшего в глубокий степной колодец верблюда. Вместе с Тулебай-батыром для встречи султана Кенесары сюда прибыли два влиятельных аксакала и полтора десятка крепких, вооруженных коваными палицами джигитов. Маленькие косматые лошади, овчинные малахаи и яловые сапоги выдавали в них людей невысокого происхождения. Да и сам Тулебай-батыр, одетый просто, выделялся только своим необыкновенным, устрашающим видом. Казалось, что ширина его равняется высоте, а роста он был в полтора обычных джигита. Глаза его затерялись в зарослях густых бровей и ресниц, а длинные смоляные усы доходили до ушей и закручивались вокруг них. Под стать батыру был и конь, так же густо заросший ниспадавшей на землю черной гривой. И круп коня был немногим уже плеч хозяина...

Тулебай подъехал, слез с коня, опустился на одно колено:

— Эта степь — ваша, султан Кенесары, внук Аблая!

Кенесары, который всю дорогу был хмур, как осенняя степь, впервые расправил плечи и посмотрел куда-то поверх голов окруживших его людей...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Лучи солнца давно уже лились из тундика — отверстия в купольном потолке юрты, но ага-султан Кара-Откельского округа Конур-Кульджа Кудаймендин все еще не вставал с постели. Он любил по утрам думать так, лежа на громадных пуховых подушках. Вот он тяжело перевалился с бока на спину; маленькие, похожие на ягоды черемухи глаза уперлись в

увык - одну из жердей крепления ваты; зацекло словно усы у кога, брови начекали вверх. Высокое, огромное, напоминающее сундук брюхо вздымалось толчками, клокоча, как опущенный в воду мех из коровьей шкуры; а короткий и широкий, будто рукоятка плети, нос со всхлипом захватывал воздух. Особенно непотребна была верхняя губа: редкие волосенки хомячьих усов щекотали нос при вдохе, а губа кривилась каждый раз, выражая желание хозяина чихнуть.

В роскошной семикрылой белой юрте младшей жены Зейнеп почивал ага-султан. На одной половине громоздились атласные накидки, шелковые одеяла, пуховые подушки, и почти все это было придавлено его расплывшимся телом.

В белой нательной рубаше и широких подштанниках лежит Конур-Кульджа. А одетая в прозрачный китайский шелк Зейнеп подкатала подштанники под самый пах и оттирает затвердевшие икры мужа. Тугая грудь ее волнуется в такт сильным движениям, а бедрами она настойчиво касается его колен. Ни радости, ни печали не выражает ее лицо, узенький красивый лобик свободен от мысли. Лишь время от времени посматривает она на подозрительно испачканную рубашу Конур-Кульджи, и тогда длинные и острые, как пикн, ресницы чуть вздрагивают, а пухленькие вишневые губки обиженно надуваются. Страсть загорается в ее глазах, она даже слегка пощипывает огромные мужские икры, но муж не обращает никакого внимания на состояние юной красавицы жены. Он занят своими мыслями.

Думы эти всегда об одном... Чем же он, Конур-Кульджа, сын Кудайменде, хуже потомков Аблая? Слава богу, знатностью или богатством не уступает он им. Деду его, хану Среднего жуза Самеке, принадлежало сорок тысяч лошадей, об этом все знают. И когда много лет назад хан Младшего жуза Абулхаир послал белому царю письмо с желанием присоединиться к России, разве не сделал того же самого и его дед? Плохо только, что он умер раньше, чем пришел ответ о судьбе Среднего жуза. Вот дура царица и утвердила ханом прибудившегося из Туркестана Сабалак-Абулмансура, который сделался Аблаем...

Или отец его - Кудайменде, который владел всего тридцатитысячным табуном. К сожалению, барсом он стал тогда, когда Абулмансур уже был драконом. И все

же не сумел дракон проглотить бараса. Сам омский губернатор не позволил — самолично заступился за наследника хана Самеке! Благодаря мудрости и хитрости удалось отцу сохранить свое право на землю и власть над аргынами. Недоступным для длинных рук Аблая сделался Кудайменде, и солдатские штыки в любой час могли прийти на помощь его туленгутам.

Счастье как маленькая птичка — садится туда, где кормушка. Отцовское богатство перешло к нему, Конур-Кульдже, а вот славу и власть, которых не было у отца, добыл он сам. Разве не правда, что султаном — правителем всего Кара-Откеля стал именно он, а не какой-то аблаевский выродок? Разве не пасется в его табунах двадцать тысяч лучших аргамаков темной и светлой масти, которые и не снились никогда каким-нибудь Есенгельды или Саржану?

Тут ага-султан Конур-Кульджа усмехнулся. Он вспомнил, что в представляемых в канцелярию генерал-губернатора сведениях систематически указывалось лишь двенадцать тысяч принадлежавших ему лошадей. Восемь тысяч скрывалось при описи, что ежегодно давало восемьдесят лошадей экономии на налог. Обходилось же это всего в две тройки лошадей, которые дарил он друзьям-чиновникам в Омске. Ну, еще один-два хороших обеда в год, когда они наезжали с ревизией. С такими порядками можно жить, и только подлые бунтовщики недовольны...

Белый царь не обеднеет от этого — Российская империя вон какая богатая и великая, а ему этих восьмидесяти лошадей вполне хватит для привлечения на свою сторону влиятельных лиц трех-четырёх аулов. Да и тем, кому он подарит их, не так важны лошади. Не с голодранцами какими-нибудь он заигрывает. Важны внимание, обещание поддержки и защиты от бунтующей черни. Только через них, почтенных и уважаемых людей, держит он многие аулы в беспрекословном повиновении. А народ, глупый и жалкий щенок, тычется мордой в руки старших, и надо уметь вырастить из него верную собаку. Сам белый царь, не то что омский генерал-губернатор, признал его умение обращаться с народом!..

Конур-Кульджа, довольный собой, приоткрыл свои хитренькие бусинки-глазки. Колеблющиеся от усердия груди жены увидел он, почувствовал сквозь шелк ее теплую настойчивую ногу... И в женах он

счастливы. Правда, не попала однажды к нему на подушки та, которую желал, но зато он вдоволь отыгрался как-то на другой – с чистой аблаевской кровью в жилах, настоящей торе!.. А эта вот, видать, обиделась, что ночью ушел от нее. Ну, бабья обида – до первого внимания. Стоит лишь прижать поплотнее...

Он уже потянулся было волосатой жирной рукой к шелку, закрывающему ее бедра, но новая мысль отвлекла ага-султана... А разве так уж плох он для народа? Не ему ли обязаны все казахи знаменитым царским указом на телячьей шкуре, где заверена печатью клятва не брать их в рекруты? И не по его ли ходатайству издан указ от пятого числа кокек, или российский апреля, в нынешний год курицы?

Суровой и снежной была прошлая зима в год обезьяны. Основное поголовье скота содержалось обычно зимой на противоположном, южном, берегу Балхаша. Но теперь нельзя было этого делать, потому что боялись возвращавшихся в Сарыарку полчищ Кенесары. Около ста сорока тысяч голов оставшегося на тебеневке скота из Акмолинского округа пало из-за нехватки кормов. Вдобавок в самой середине зимы янычары ташкентского кушбеги разграбили множество аулов, пострадавших к тому же от бескормицы и гололеда. Среди казахов назревал голод.

По новому уставу казахи Акмолинского округа уже с нынешнего года курицы обязаны были платить ясачный налог. Конур-Кульджа лучше других представлял себе всю опасность сбора этого налога в такое тяжелое время и поэтому написал прошение, чтобы отложили исполнение указа, как сделали это в Кокчетавском и Каркаралинском округах. Шесть изумительно красивых снежно-белых аргамаков послал он в подарок Николаю I. Так они понравились самодержцу, что приказал он освободить подвластных Конур-Кульдже казахов от налогов до 1840 года. А может быть, и не так просто – хотело царское правительство поднять вес верных ему султанов и, имея широкие планы на будущее, не показывало сразу все свои зубы.

Так или иначе, а вес ага-султана Конур-Кульджи действительно вырос до небывалых раньше размеров. Измученные люди благодарили за заступничество, стали выделять его среди других султанов и биев. Некоторые аулы, не считавшиеся с ним в прошлом,

прижались к нему, словно растерянные, замерзающие ягнята в снежную бурю.

Да, и бескормица с гололедом на пользу умному человеку... А ведь мудрый старец Жаркулак предостерегал его, предсказывая такую зиму. Старик рассеял тогда перед собой на земле гладкие речные камушки и сказал: "Видишь, ага-султан, если в месяцы маусым – июнь и карапа – ноябрь будут видны рядом на небе звезды Мерген и Двойняшки Зауза, то зима будет тяжелой, морозной. Ныне и в месяце маусым и в месяце карапа звезды Мерген и Двойняшки расположены рядом. Так было и в тот год, когда ты женился на Кайнисе, дочери Туяка. Тот год был годом змеи, а этот – год обезьяны... Раз в тридцать лет повторяются такие суровые зимы, так что не оплошай!"

А потом то же самое повторил ясновидящий Дакиржаурынчи, который долго рассматривал линии обожженной на огне лопатки старого, беспросветно черного барана. "Высушенная и опаленная огнем лопатка иссиня-черного барана таит в своих линиях судьбы семи царей, правящих семью народами, – сказал он. – Великие бедствия, страшные бураны, глад и мор рисуют они в году мешин – обезьяны!"

Конур-Кульджа усмехнулся. Не послушался он их тогда и не угнал табуны в горы по ту сторону Баянула. Это спасло бы большую часть из павших ста сорока тысяч... Но ведь не было бы тогда и милостивого царского указа, и его возвышения над другими султанами. Сейчас народ голоден – и стал лучше, послушней. Вот и знай, где подстерегает тебя удача!.. А что там каких-нибудь сто сорок тысяч! Пусть познают нужду и от него получают помощь. Разве не будет это новой полосой золота на его одеянии славы?

И вдруг жиденькие брови ага-султана Конур-Кульджи нахмурились. Разорение черни, конечно же, помогает правителям держать ее в узде, но нельзя допускать крайностей. А тут еще надвигается кое-что посерьезней джута. Как бы не промахнуться!..

Кенесары!.. Мятежное, кровожадное племя Аблая: все они выходят из утробы матери с поднятыми для боя копьями! Поочередно отсекают им головы, но все равно не хотят они смириться. Вряд ли наступит желанное для него спокойствие в степи, пока хоть один из них будет жить...

В прошлом году ташкентский кушбеги отсек го-

ловы Есенгельды и Саржану, а в этом году паршиво. Дашкар отхватил ее уже у самого Касым-торе, по-равне поумнели, смирились они перед роком? Наоборот, как раненые волки, совсем озверели после этого подлый Кенесары с братом Наурызбаем. Вся степь окровавлена с тех пор, как прошлой осенью, опять появились они здесь. Хуже весеннебеждающего мора они, и подлая чернь идет к ним, забыв про все его, ага-султана Конур-Кульджи, благодеяния!..

Аргыны хоть и возмущались порой действиями приезжавших к нему чиновников, но легко смирялись с его велениями. А теперь и они становятся какими-то другими. И без того было беспокойно в народе, а тут еще этот волчий выводок. Теперь уже совершенно ясно, что стали мятежными такие волости Акмолинского округа, как Байдалы, Койлыбай-Шагир, Жанай-Калкаман, Темеш, Тынали. К ним вполне можно присоединить взбудораженный сыновьями Азизбая род каржасов, подавшихся мятежному блудословию Таймаса Бектасова, аулы Торткары, многие аулы Кара-Ахтымбетской, Женбай-Шагской, Корсын-Кернейской, Коянчи-Тагайской волостей. Наконец, роды Младшего жуза: тама, табын, жагалбайлы, ашпир, жаппас, шекты, торткара и многочисленные кишчаки с берегов Тургая, которых призвал на коней батыр Иман Дулатов. И есть еще худшая весть: шесть-сот тридцать пять киргизских кибиток примкнули к поднявшимся казахам. Если Кенесары удастся использовать эти настроения, придется трудно...

Так он, ага-султан Акмолинского округа подполковник Конур-Кульджа, сын Кудайменде, лично известный его императорскому величеству – самодержцу Николаю I, – и доложит в канцелярию генерал-губернатора. Необходимо как можно быстрее что-нибудь предпринимать. Пожар занимается по всей степной границе Российской империи, а главный смутьян и поджигатель – небезызвестный Кенесары из отпрысков Аблая. Используя земельные и налоговые споры, он возбуждает в казахском народе чувство ненависти к царю и его верным слугам из степных султанов.

Особое внимание следует обратить на то, что означенный мятежный султан Кенесары в последнее время усиливает свои разбойные действия в месте начавшегося строительства Актауского укрепления.

Недовольство строительством он хочет обратить себе на пользу, для этого у него имеется достаточно возможностей. Сие укрепление стоит как раз на границе Акмолинского, Каркаралинского и Аягузского округов и имеет большое значение для того, кто хочет прочно владеть степью...

Конур-Кульджа раскачал свое громадное тело, сделал еще одно усилие и потянулся рукой к ковровой суме, висевшей у изголовья. Он ухватил толстыми пальцами сафьяновую панку, вытащил оттуда большую плотную бумагу с изображением двуглавого орла. Это был именной указ Николая I о строительстве Актауской крепости. Конур-Кульджа напялил на нос большие очки, которые надевал по торжественным случаям, и принялся читать, медленно шевеля нижней губой:

“Высочайше утверждено. 15 апреля, год 1837.

Во внешних округах Омской области при урочище Актау учреждено постоянное укрепление, начальствование над которым вверено коменданту в чине полковника или подполковника. На обязанность этого коменданта возложено:

I. Наблюдение за внутренним спокойствием в трех пограничных округах: Акмолинском, Каркаралинском и Аягузском.

II. Действительная защита верноподданных киргизов во время их кочевки, не исключая и Голодной степи.

III. Постоянный надзор за неприкосновенностью границ: пресечение всякого своевольного перехода наших киргизов в чужие пределы и вторжения в наши пределы от соседних народов.

IV. Покровительство движению торговых караванов. В этих видах Актаускому коменданту подчинены упомянутые три округа и все в них находящиеся. При нападении на наши посты и кочевья верноподданных киргизов коменданту предоставлено обращаться хищников силой оружия и преследовать их до реки Чу, не переступая, однако же, за нее, или в других местах, за южные пределы Голодной степи...”

Конур-Кульджа лежал и молчал, удовлетворенный, словно впитывал в плоть и кровь каждую букву царского указа. Потом он улыбнулся: “Ну, погодите... Быстрее бы закончилось это строительство. Тогда посмотрим, кто каким голосом будет петь!”

Незначашей тенью была растирающая где-то там ноги женщина. Он приблизил указ ко рту, приложил двутравому орлу сначала шпикней губой, потом реденькими усиками и широким носом. С наслаждением чмокнув, вложил орла обратно в сафьяновую папку, перенес ее к ковровой суме. Толстые влажные пальцы нащупали и потащили из сумы другой указ. Ага-султан любил лежать так по утрам и перечитывать важные бумаги...

“Именем Высочайшего указания... 10 ноября, год 1837.

К церкви, предполагаемой к сооружению во внешних округах киргизской степи, при укреплении Актау, определен священник, 2 причетника, 1 сторож, с жалованием в год: священнику 1000 рублей, причетникам по 60 рублей, сторожу 9 рублей 50 коп. Священнику при разъездах по пограничным приказам: Акмолинскому, Каркаралинскому и Аягузскому – отпущать прогоны по положению и сверх того выдавать на просфоры, вино и прочее по 250 рублей в год”.

По крайней мере двадцатый раз читал Конур-Кульджа эту записку из царского указа, но не вникал в суть. На этот раз он вдруг захлопал куцыми ресничками... “Как же это так? Когда хан Аблай убил Шаршу – сына калмыцкого завоевателя Галден-Церена – и послал к царскому двору своего сына Тутума с заверением о полном подчинении России, императрица послала ему вместе с ханской грамотой рескрипт, по которому хану Аблаю ежегодно выплачивалось по триста рублей и по двести пудов муки на прокорм. А тут рядовому русскому мулле дают вчетверо больше. Что ж это получается: или царь разбогател, или вся Казахская степь не стоит годового содержания одного попа. Дешево же нас ценят!”

Тут ага-султан испуганно оглянулся и так задрожал, что жена вынуждена была выпустить из рук его сразу похолодевшие ноги.

– Тьфа... Тьфа!..

Он даже руками отмахнулся от этих страшных мыслей. И представить боялся себе ага-султан Конур-Кульджа, что бы делал без поддержки белого царя. Никакого жалования не нужно ему, лишь бы всегда были здесь солдаты. Сам он готов стать жертвою за одну лишь царскую тень!..

Да что там говорить: всем обязан он его импера-

торскому величеству и будет служить ему до последнего дыхания!.. Нет здесь в степи более усердного царского слуги, чем он. Разве не Конур-Кульджа вместе с тремя другими султанами ездил, рискуя жизнью, по приказу генерала Талызина удерживать взбунтовавшиеся роды от присоединения к Кенесары? Чего ни делали они, чтобы выполнить этот приказ: грозили, подкупали... Пришлось даже призвать на помощь самого главу омских мусульман – имама Мухаммед-Шарифа Габдрахман-оглы. Но ничего не получилось, ибо разъяренный народ не желал слушать слов увещания. Безгранична его ненависть к белому царю и достойным людям. Солдаты сейчас нужны, а не увещания. Видно, на лбу его при рождении было написано усмирять мятежников...

Омский генерал Талызин остался недоволен в тот раз, что он не поехал для переговоров с самим Кенесары. Собственная шкура ему дороже; как говорится: не суй палец в волчью нору – оставишь руку...

Да и толку все равно было мало. Кенесары похитрее братьев. Подобно ястребу, наловчившемуся с лету бить куропаток, ведет он себя с регулярными войсками. Так же молниеносно, как и ястреб, налетает он на небольшие отряды, вроде отряда есаула Чирикова, и как под землю проваливается, когда ищут его линейные войска. Только с каждым днем на все более крупные отряды совершает он нападения. Силы Кенесары растут, как горный обвал...

И налетает он с каждым часом все больше. Чего стоит только его последнее письмо омскому губернатору... "Берега рек Есиля и Нуры, земли Актау, Ортау, Каркаралы, Казалык, Жаркаин, побережья Убагана и Тобола, долины Кушмуруна, все земли от Каркаралы до Жайка являются исконными владениями наших предков, а вы отобрали их у нас и строите там свои укрепления. Нам, скотоводам, тоже нужна земля для существования". Хочет привлечь к себе чернь, вот и пишет все это, да еще распространяет свои писания среди народа.

Все больше стал он баламутить народ, когда пришло известие о строительстве этой самой Актауской крепости. Пригрозил войной, перерезал почтовый тракт между Кокчетау и Кара-Откелем, требует возврата всех родовых земель!..

Голодный волк, воющий в степи, – вот кто такой

Кенесары! И правильно делает губернатор, что отвечает на его писания, а нарочных одного за другим шлет прямиком в Сибирь. Только Кенесары использует и это, растравливая людей. "Если белый царь даже выслушать не желает казахов, сядем на коней!" – таков его призыв. Хитер он и все использует, что может. Вот почему не только родовитые люди, но и чернь, обозленная чиновниками и ага-султанами, так и валит к нему. Это опасней всего. Со всеми можно договориться, кроме черни. Раз она поднимается, следует двинуть войска. А омские генералы все рассчитывают на переговоры!..

Сейчас уже Конур-Кульджа привстал, разыскивая в суме какую-то новую бумагу. Это и был приказ генерала Талызина...

"Если не пожелают опомниться, то я в последний раз требую, чтобы вы получением сего непременно через 24 часа отправили своих детей по назначению приказа для усмирения киргиз и разведывания предприятий мятежников. Это вы обязаны исполнить со всей точностью".

Смуглое лицо Конур-Кульджи еще больше потемнело от злости. Он вспомнил, как все это было. Генерал вызвал его к себе в Омск, накричал и в ответ на возражения приказал отправить для переговоров с Кенесары его собственных сыновей. Разве не этот приказ вынудил его оставить спокойный, надежный дом своей старшей жены Кайнисы, проживающей в Кара-Откельском укреплении, и прибыть сюда, в аул младшей жены. Сыновья его – Жанадил и Чингис – учатся в Омском кадетском корпусе. Во имя собственного благополучия он готов отправить их не только в опасный стан Кенесары, но самому черту в зубы, только... послушаются ли его сыновья?

От Кайнисы, старшей жены Конур-Кульджи, родился Жанадил, а Чингис – от второй жены, Аккагаз, – внуки Вали-хана. Жанадил – безвольный, неповоротливый, трусливый, а Чингис – прямая ему противоположность: быстрый, смелый, готов идти на все. И по виду отличны они. Если Жанадил – темнолицый увалень и весь в отца, то Чингис уродился в родственников матери – белолицым и сероглазым, со всеми качествами касты торе – задиристостью, незнанием страха и бессердечием. Несмотря на молодость, он уже участвовал в межродовых и аульных

расприх. В прошлом году Чингис был товмином в отряде осады Лебедева, схватившем батыра Сейтепа на берегу Балхаша. Людям он все же нравился больше Жанадила, уже хотя бы потому, что меньше походил на отца. А Конур-Кульджа не любил обоих сыновей. Он готов послать их на верную смерть, но побаивался могущественных родственников их матерей.

Блуждавший до сих пор по стенам и потолку взгляд ага-султана остановился на молодой жене. Что-то злое и темное вспыхнуло в глубине его мышиных глаз. На грудь и пышные бедра смотрел он...

Старшая жена Кайниса не раз говорила, что прекрасная мачеха равнодушна к его сыну Чингису. Конур-Кульджа не обращал на это внимания, понимая, что байбине – старшая жена – должна наговаривать на свою молодую соперницу, а заодно и на сына второй жены. Тем не менее он приставил соглядата к этой Зейпец, и тот на днях донес, что все подтверждается.

Нет, не таков Конур-Кульджа, чтобы сразу мстить. До поры до времени втянет он свои когти, чтобы выпустить их в нужную ему минуту и без лишнего шума исполнить приговор.

Но все это отступало на задний план, когда ага-султан услышал другую, куда более неприятную весть. Ему сообщили, что другой его сын, Жанадил, влюбился в дочь простого раба-туленгута и хочет на ней жениться. И девушке, говорят, он по душе. Если же отец станет возражать, то Жанадил якобы поклялся, что увезет девушку в Омск.

Он чуть не взбесился, когда услышал про это. Какой позор: сын самого ага-султана женится на девушке из черни! Да вся степь будет смеяться над ним!.. Тут уже нельзя было медлить, и он сразу вызвал к себе Жанадила.

– Верно ли, что ты собираешься жениться на Кумис – дочери рядового туленгута Абдувахита? – спросил Конур-Кульджа, и глаза его налились кровью.

Обычно тихий и безвольный, Жанадил на этот раз проявил настойчивость. Хоть и не смог выдержать взгляд отца, но от клятвы своей не отрекся.

– Верно...

– Разве не знаешь ты, что я сосватал тебе младшую дочь Ердена, которая должна стать в твоём будущем

доме байбине – старшей женой? И ты, надеюсь, не забыл, что Ерден владеет всеми землями Улытау, Кара-Кенгир и Сары-Кенгир?

– Знаю... Пусть на ней женится Чингис...

– Что мелет твой язык? Как это "пусть женится Чингис"?.. Я сватаю девку ему, а жениться должен Чингис!

Жанадил, глядя куда-то под ноги, бормотал что-то невнятное:

– Неужели не может он... Если может с мачехой, почему не может на невесте брата?.. Пусть женится он, раз все равно. А я хочу Кумис... Зарежусь, если не будет Кумис!..

Это было уже сверх всякого терпения. Конур-Кульджа решил было тут же повалить на пол и хорошенько потоптать ногами Жанадила, но потом подумал, что этот дурак растрезвонит в отместку то, что знает о Зейнеп и Чингисе.

– Прочь!..

Три дня не мог решить ага-султан, что же ему делать... Нельзя, чтобы люди узнали о тайной связи этой паскудной Зейнеп и щенка Чингиса. Никакого веса не останется тогда у него – весь разольется, как кумыс из опрокинутой чашки. И о постигнувшей их каре тоже должен знать лишь он один... Что же касается Жанадила, то необходимо отшибить у болвана запах этой Кумис. Иначе обидится Ерден – сын Сандыбая, с которым породниться – все равно что приобрести еще одну опору для своей двенадцатикрылой юрты... Но как быть, если этот Жанадил будет продолжать упрямяться? Таким же упрямым ишаком был и отец его матери. Ничего, придется только подумать...

Вот тогда впервые и потащил к глазам ага-султан Конур-Кульджа письмо генерала Талызина...

А не лучший ли это выход? Вряд ли выпустит волк забежавших к нему в логово щенков. И генерал требует, чтобы именно его сыновья занялись переговорами с Кенесары. Как может поступить в таком случае верный слуга престола?..

Правда, это его родные дети, и посылать их на верную смерть... Но хан Аблай, прославленный во всех трех жузах, разве не отрубил голову своему верному черному рабу Оразу, спасшему его когда-то от рабства, только потому, что тот своим присутствием напоминал ему годы унижения? Не должен оставить-

ся в живых человек, ставший свидетелем твоей слабости. Это закон для всех торе, завещанный великими пращурами. Чем же хуже потомков Аблая он, потомок хана Самеке?..

Конур-Кульджа хотел уже объявить сыновьям о своем решении, но обоих не нашли в ауле. Он послал телохранителей на их розыски. Оказалось, что оба сына уехали в аул его младшей жены. Взбешенный ага-султан в сопровождении пятнадцати туленгутов поскакал туда...

Вчера Зейнеп, хоть и очень испугалась мрачного вида внезапно наехавшего мужа, старалась не выдавать своего волнения. Она ходила на цыпочках, потупив взоры и выставляя свои обильные прелести в наиболее выгодном свете. Конур-Кульджа съел небольшого, хорошо проваренного барашка, выпил ведро крепкого кумыса и перевел глаза на цветущую, как алтайская огненно-рыжая лиса, жену. Она с деланной покорностью чего-то ждала. Но муж лишь скользнул по ней взглядом и ушел.

Была вечерняя пора, когда все в ауле начинают готовиться ко сну. Ага-султан важно шел между юртами, отвечая на приветствия наиболее значительных людей. Жанадил с Чингисом уехали куда-то в степь, и он послал за ними...

– Где юрта туленгута Абдувахита? – спросил он.

Ему показали:

– Вон маленькая юрта, покрытая черной кошмой!

Ни с кем больше не обмолвившись ни словом, направился ага-султан к этой юрте. Нукеры – телохранители бесшумно последовали за ним.

– Ассалаумагалейкум!..

Конур-Кульджа переступил порог, и первое, что увидел он, был догоревший костер из таволги посреди юрты. Потом только на коврике из лоскутков разглядел он расплетающую косы юную девушку. Она застыла в испуге, увидев неожиданно вошедшего ага-султана. Больше никого в юрте не было.

– Где Абдувахит?

Конур-Кульджа явно любовался красотой девушки. Она смутилась еще больше под его пытливым взглядом.

– Родители матери пригласили его в гости... –

быстро заговорила она. - Они делают обрезание младшему сыну... С матерью вместе он пошел. Вот-вот вернутся...

- Та-ак!.. А как твое имя?

- Кумис... Меня зовут Кумис...

У него стали набухать жилы на шее. Знакомые с повадками Конур-Кульджи нукеры вышли из юрты.

Ага-султан вновь посмотрел на девушку. Кумис... Действительно, она похожа на серебро. Широкий, ровный, как из кованого серебра лоб, и сама вся матово-белая, чистая. Не зря прилип к ней этот Жанадил...

Он рывком сбросил с плеча горностаевую шубу и, оставшись в одной сорочке, стал развязывать тесемки ширинки своих просторных шаровар.

- Поддай-ка, доченька, ту вот пиалу с чем-нибудь холодненьким! - обратился он к ней.

Словно настигнутый волком дикий козленок, она вздрогнула, широко раскрыла огромные черные глаза. Ей хотелось убежать, но нукеры закрыли дверь с той стороны. Девушка беспомощно встала с места, все еще надеясь на то, что ему просто захотелось пить. Да и люди со всех сторон в ауле... Дрожащими руками взяла она растрескавшуюся, обмотанную проволокой пиалу с молодым айраном и направилась к нему, как воробей в пасть змеи.

- Возьмите, пожалуйста!..

Кумис не успела договорить, как ага-султан ухватил ее за руку и дернул книзу. Даже "ойбай!" не успела она крикнуть, как он навалился, накрыл ее всю своим необъятным телом, ломая неокрепшие девичьи ребра. Она не могла даже дышать и потеряла сознание...

Конур-Кульдже не было никакого дела до ее ощущений. Еще добрых полчаса провозился он с ее безжизненным телом, терзая его, словно беркут попавшего в когти кобчика. Потом, бросив ее на том же бедном лоскутном коврике, встал и принялся утирать ручьями ливший пот.

- Зачем горячиться, молодой султан? Там сейчас находится ваш почтенный отец, сам ага-султан, и вам нельзя туда...

Конур-Кульджа понял, что это нукеры за войлочной стеной не пускают в юрту Жанадила, его сына. Он заправил рубаху в подштанники под своим необъятным животом, взял под мышки штаны из выделанной

жеребичьей шкуры, набросил на плечи шубу, усмехнулся удовлетворенно... Пусть теперь Жанадил женится на той, кого отец сделал женщиной...

Приближаясь к юрте своей младшей жены, он еще издали увидел Жанадила. Тот сидел на земле, возле овечьей привязи, и тихо плакал, закрыв лицо руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Проходя, Конур-Кульджа даже не повернул головы в его сторону. Щенок посмел намекнуть ему на мачеху с Чингисом, поделом ему.

– О всесильный ага-султан, как прикажете быть с ее родителями?

Это был догнавший его нукер.

– А что они?

– Мы связали их на подходе к аулу, когда они возвращались из гостей...

– Отпустите!

Все это было вчера... Ага-султан Конур-Кульджа оторвал глаза от пышных бедер своей жены, перевел их на висящую у двери ременную плетть. Восьми вершков длины была она и в добрых два пальца толщиной. Как раз подходит к этим бедрам. Он представил сочные, набухающие рубцы на белом теле и сладко зажмурился...

Однако этого сейчас нельзя делать. С родственниками Зейнеп шутить не приходится. Она – младшая сестра ага-султана Каркаралинского округа Жамантая и дочь султана Тауке. По закону не полагается бить женщин из рода султанов. Если что-то случается, муж должен, по принятому обычаю, отвезти ее в родительский дом с той же пышностью и почетом, с каким везли ее к нему. Карать ее имеет право один лишь отец. Так что с плетью все равно ничего не получится: она висит здесь для рабынь. На них и приходится отводить душу...

Он перехватил жадный ожидающий взгляд Зейнеп. Она не спала ночью, когда он вернулся. Ей больше нравился сейчас огромный, как старый жеребец, Конур-Кульджа, чем юркий, легковесный стригунок Чингис. Она долго и громко ворочалась на русской никелированной кровати у дальней стены, но он прошел на почетное место юрты, повалился на подушки и сразу же захрапел.

Когда он уже к полудню открыл глаза, то увидел

ожидающую у ног Зейнеп. Она не отрывала взгляда от его измарганной накануне рубахи. Конур-Кульджа выпростал из-под одеяла огромные волосатые ноги.

– Разотри!

Ни слова больше не сказал он. А Зейнеп сидела в ногах и лишь время от времени поднимала свои длинные ресницы. Глубоко вздохнув, так что приподнималась вся грудь под шелковой тканью, она снова принималась растирать ему мясистые волосатые икры.

Потом уже хорошо отдохнувший ага-султан приподнял ногу, уперся большой шершавой пяткой в ее оголенное бедро. Полежав так, он задышал еще тяжелее.

– Ладно... Застегни дверь на крючок и раскройся!

Обрадованная Зейнеп вскочила, быстро накинула крючок на дверь. И в этот момент кто-то постучал. Она прижалась лицом к щели:

– Мой султан, пришли Чингис с Жанадиллом... Открыть им?

– Ничего... Не сдохнут, если подождут!

Всласть назовившись с молодой ненасытной женой, он велел впустить к себе сыновей. Хоть они приехали сюда на отдых из корпуса, у обоих были похудевшие, измученные лица. Особенно плохо выглядел Жанадил: глаза запали, щеки ввалились, словно только что встал после тифа. Он стоял с опущенной головой и не мог поднять глаз на отца, как будто сам был виноват в случившемся.

Конур-Кульджа в упор посмотрел на него... Как он думал, так и вышло. Этот бесхребетный щенок не то чтобы кричать – глаз поднять не решается. Теперь уже не пойдет больше к своей Кумис. Небось свой любовный пыл выплакал за ночь. Стоит как мокрая курица. Таков был и его дед по матери – безвольный и чувствительный.

Чингис по счастливому виду своей мачехи сразу догадался, что примирение состоялось... Что же, у него от этого не убавится. А старый шакал, его отец, вполне может простить их маленький грешок, хотя бы в память тех преступлений, которые сотни раз совершал на своем затянувшемся веку. Его тоже не убудет от того, что родной сын пользовался на досуге тем, чего у отца предостаточно. Главное, чтобы из семьи не уплывало!..

Равнодушным взглядом скользнул по нему отец. Значит, произошло или просто ни о чем не догадывается...

Конур-Кульджа достал из ковровой сумы приказ генерала Талызина, нацепил на глаза очки и медленно прочитал его сыновьям. Закончив чтение, он снял очки и строго посмотрел на них:

– Вы по существу уже являетесь офицерами белого царя, нашего отца и благодетеля, поэтому обязаны беспрекословно выполнять все, о чем говорится в этом приказе. Выделяю вам каждому по сотне сарбазов. Поезжайте в мятежные аулы. Сумеете уговорить их – превосходно, нет – действуйте без пощады, как требуют от нас присяга и приказ. И помните, что этим летом вам должны присвоить соответствующий чин. Вся ваша дальнейшая служба будет зависеть от того, как справитесь с этим заданием!..

– А если не хватит сотни? – быстро спросил Чингис, сразу догадавшись, куда метит достойный отец. – Не часто бегал Кенесары от наших сарбазов...

– Эти слова недостойны настоящего офицера! – отрубил ага-султан. – Не запятняйте только чести предка Самеке!

Чингис понял, что отец все знает и ничего не простил. На верную гибель посылает он их, пожертвовав для этого двумя сотнями сарбазов. Убедившись в бесполезности дальнейших разговоров, оба поклонились и вышли. Спустя некоторое время раздался стук копыт их коней, быстро удаляющихся в сторону Кара-Откельской крепости.

Конур-Кульджа слушал этот топот, пока он не затих где-то вдали, потом повернулся к Зейнеп.

– Доколе он будет держаться за подол мачехи? – сказал он, ласково глядя на нее. – Пора уже Чингису показать себя...

У Зейнеп похолодело в груди. Значит, он действительно все знает. Потому и приехал так неожиданно. И то, что сыновей отправляет в зубы к Кенесары, тоже с этим связано. Ну и волк!..

Может быть, и не точно так она думала, но в глазах ее было восхищение. Все, выходит, из-за нее. Ей даже захотелось попросить у него прощения, но она не забыла, что относится к потомкам самого Букей-хана. С равнодушным видом она спросила:

– А чем провинился бедный Жанадил?

– Он слишком много знает обо всех нас: о мачехе, брате... И еще позорится с простолоудинкой, забывая, чьего он рода.

– Когда же вы отвезете меня обратно к родителям?

Конур-Кульджа с интересом посмотрел на нее:

– Сын – моя плоть от моего племени. Поэтому и карать его мне ничего не стоит. А жену я купил за сорок девять голов скота. Это недешево, и я должен сначала получить с нее все с прибылью.

Маленькие глаза его весело заискрились.

– Пить почему-то захотелось. Подай кумыс!

Она тихо направилась к двери, взяла серебряную кумысомешалку, так же бесшумно пошла к сшитой из цельной лошадиной шкуры сабе с кумысом.

Если выпьет из ее опоганенных грехом рук, значит, простит... Не такие еще грехи водятся в ханских родах. К чему убиваться?

Кто-то за ее спиной вошел в юрту.

– Ассалаумагалейкум!..

Конур-Кульджа просиял, вытянув вперед обе руки:

– Ты ли это, славный Ожар?

– Желаю вам крепкого здоровья, мой ага-султан!..

– Значит, жив-здоров, мой дорогой!.. Откуда же сейчас, каким добрым ветром принесло?.. Ну, садись на самое почетное место в моем доме!

Ожар уселся, подмяв подушку своим тяжелым телом, оглянулся на разливавшую кумыс Зейнеп.

– Из Омска я сейчас. К тому же не один...

– Кого же везешь с собой?

– Да бабу свою...

– А чья дочь?

– Тайжана.

– Тайжана?.. Какого Тайжана? – Конур-Кульджа даже привстал от удивления. – Не того ли самого, который бунтовал и был расстрелян! Сын Азанбая, что ли?

– Да, его дочь...

– Разве имел он дочь?

– Осталась девчонка... Алтыншаш. Когда семью Тайжана сослали, она где-то там отстала. Купил ее у конвойных какой-то купец, потом отдал генералу Фондерсону... Сейчас ей шестнадцатый год...

– Вот так новости у тебя!.. Но как ты сумел на ней жениться? Случаются же чудеса!.. А где она, почему не зовешь сюда?

Ожар снова взглянул на безмолвную Зейнеп.

Ага-султан понял его намек.

– Эй, токал! – Он специально употребил это пренебрежительное слово, означающее младшую жену. – Сходи там, прикажи заколоть барана. И пусть побыстрее ставят самовар!..

Зейнеп понимающе улыбнулась и, плавно поводя бедрами, пошла из юрты.

Ожар деловито, с подробностями рассказал, как удалось схватить батыра Сейтена.

– Две недели пришлось просидеть в омской тюрьме! – Он как-то необычно тонко хихикнул. – Решили судить нас каждого по отдельности... Однажды и наведалься ко мне в тюрьму сам генерал Фондерсон – весь в золотых пуговицах и с усами. Очень хвалил меня за поимку Сейтена, обещал все, что захочу... А в Омске я как-то видел эту Алтыншаш. Вот и попросил у него. Говорю: "Отдайте мне, ваше превосходительство, ту прислугу-киргизку, что живет в вашем доме!" Сначала не хотел – привыкли они к ней. "По уложению двадцать пятого года, говорит, девушка вольна выйти замуж, за кого пожелает. Так что я могу, лишь если сама..."

Когда я сказал, что насчет согласия девушки препятствий не будет, генерал только глаза вытаращил: "Как же пойдет она за того, кто является погубителем ее семьи?" Я снова успокаиваю его. Ничего не осталось ему...

– Ну, и как же ты? – с интересом спросил Конур-Кульджа.

– А вот послушайте, мой ага-султан... От урядника – крещеного татарина, который был у нас надзирателем, узнал я, что молоденькая прислуга Фондерсона раз спрашивала у него обо мне. Она даже хотела через него передать мне какой-нибудь еды. Ведь я попал под стражу вместе с ее дядей, и она считала меня своим человеком. Я сразу догадался об этом...

Почувяв вкусное, даже еж разворачивается. Сунул я немного денег уряднику и попросил устроить встречу с ней. Уж тот, кто веру променял, чего за деньги не сделает. Пустил он как-то ко мне Алтыншаш. Оказывается, она меня связанным вместе с Сейтеном видела, когда вели нас мимо ее дома. Сказала, что всю ночь проплакала потом.

Короче говоря, хоть и выросла она среди чужих,

готова жизнь отдать за сорочичей. А меня стигает сподвижником отца и тети, солдата божать со мной в родные степи.

Когда я сообщил о нашем решении Фондерсону, тот заартачился, хотел даже наказать Алтыншаш за неблагодарность. А потом махнул рукой: "Сколько волка не корми – все в лес смотрит!" К тому же, отправляя меня с таким заданием к мятежникам, он рассудил, что, если вернусь я в степь с дочкой самого Тайжана, мне больше веры будет. Вот я женился на ней и еду сейчас в стан Кенесары...

Конур-Кульджа, слушая его, только руками взмахивал от восторга:

– Ай, молодец!.. Значит, и волки сыты и овцы целы! Да еще молодая жена в придачу!

Ожар ухмыльнулся:

– Как говорят мудрые люди: "Если время хитрит, как лиса, – превратись в легавую, чтобы настигнуть его!"

– А ты не забыл, что становящийся ногами на две лодки – тонет? Будь осторожней, особенно в ауле Кенесары. У этого волка зоркий глаз. Кроме того, не один Кенесары опасен...

– Кто там сейчас из видных людей, помимо родственников старого Касыма?

– Многие склоняются к нему. – Конур-Кульджа помрачнел. – Я слышал от верного человека – продавца всяких мелочей он у них там... Из известных батыров у него сейчас конечно же Агибай, затем из рода алтай – Тулебай; из табына – Бухарбай, из баганалы – Қудайменде, кипчак Иман-батыр. Недавно Жоламан-батыр, сын Тлючи, прислал к нему своего племянника – молодого батыра Байтабына – и заверил, что тоже присоединяется к нему с табынцами...

– Да, времена настали! – Ожар усмехнулся. – Это правда, что даже баб принимает он в свое войско? Говорят, его сестра Бопай оставила мужа-султана, отпрыска самого Вали-хана, захватив шестерых детей и весь свой скот, чтобы помогать ему...

– А чего тут удивляться. Если сыновья Касыма – волчьей породы, то и дочери – волчицы. Эта Бопай таскает при себе всегда копьё и командует джигитами получше любого батыра. Сейчас она кружит все вокруг аула Вали-хана, куда ее выдали замуж...

Ожар задумался, потом почесал себя за ухом.

Если Бопай в стане своего брата, то Жанайдар-батыр тоже там...

– Почему ты так думаешь?

– Разве ты не слышал, мой ага-султан, о Бопай и Жанайдаре?

– Слышал что-то в молодости...

– Прямо вторые Козы-Корпеш и Баян-слу они были. Только старый Касым-торе не отдал ее Жанайдару, потому что из черни был он.

– Уж за это его винить не приходится! – воскликнул Конур-Кульджа.

– Да, но, несмотря на шестерых детей от другого, она до сих пор с коня падает при имени Жанайдара. Да и он бледнеет при одном упоминании о ней. Так что они наверняка сошлись у Кенесары. Об этом не мешает помнить...

– Ты что, хорошо знаешь ее?

– Нет, просто видел как-то на поминках усопшего Байгобека. Такая же, как и брат, – светловолосая, с серыми глазами. На белом коне все ездил, и ни один джигит не мог обогнать ее...

Вспомнив о чем-то, Ожар внимательно посмотрел на ага-султана:

– За исключением Жоламана Тленчи-улы, все перечисленные вами батыры – люди прямолинейные, с распахнутой душой. Да и богатством особым никто из них не располагает...

Конур-Кульджа согласно кивнул.

– А примкнул ли кто-нибудь к нему из состоятельных людей – наших или киргизских манапов?

– Из состоятельных немного, да и то под угрозой. Среди них Муса Шорманов, Елемес Жакупов, Бабатай Асылгазин. Остальные выжидают событий... Да, еще из Каркаралинского округа Кудайменде Казин, а из баянаульцев Таймас Бектасов, которого столкнули недавно с должности волостного управителя...

– Таймас Бектасов?

Видно было, что невозмутимого до сих пор Ожара взволновала эта новость.

– Что это с тобой? – спросил Конур-Кульджа, искоса глядя на Ожара.

– Нет, ничего. Просто я немного знаю его...

– А отчего ты так испугался? – не отставал ага-султан. – Вы что, враждуете с этим Таймасом?

– Нет, мы плохо знаем друг друга... – Ожар огля-

цудся на дверь и наконец решился. – В прошлом году, когда схватили нас с Сейтеном и возли в Омск, мы ночевали в доме этого самого Таймаса...

– Ну и что?

– Я все боялся тогда, как бы не унюхал он чего-нибудь. Теперь, если он у Кенесары...

– Если не боишься еще кого-нибудь, можешь ехать. Неделю назад этот Таймас направился от Кенесары к батырам Жоламану и Иману, на берега Иргиза и Тургая. К Кенесары, очевидно, присоединятся и аулы, кочующие по Светлому Жаику и Ори. Так что вернется этот Таймас оттуда не раньше осени. Пока топором замахнется, полено вывернется. За это время сам сумеи войти в доверие, чтобы клеветой казалось все, что скажут про тебя плохого... Ну, а если пронюхают кое-что, покайся тоже наполовину. Скажи, что хочешь искупить вину, жену бери в свидетели собственной искренности!..

Конур-Кульджа даже хрюкнул от удовольствия, рисуя будущую картину поведения Ожара в стане Кенесары.

– Если Таймас далеко, то не страшно... – Ожар явно приободрился. – Больше никого я не опасуюсь. На всем пути до самого Омска и потом, пока не повесили Сейтена, мы ни с кем не встречались. А он все унес в могилу, что думал обо мне.

– Вот видишь! – согласился с ним Конур-Кульджа.

Ожар продолжал говорить о том, что ему делать и как вести себя у мятежников.

– Значит, вокруг Кенесары в основном те, у кого отобрали земли или лишили пастбищ. – Он прищурился. – Если под котлом сильный огонь – он быстро закипает. Но быстро закипевшее быстрее и стынет...

Ага-султан помрачнел, покачал головой:

– На этот раз мятеж не похож на случайную вспышку, которая гаснет сама собой. Сам знаешь, кто встал во главе. И давно уже молчат они. Видно, готовят что-то. А у него там, кажется, неглупые советники...

– Какие советники?

– Разные... Не слышал, наверно, что у него отдельный отряд из беглых русских и башкир? Среди них, говорят, такие, что умеют лить пушки, изготавливать порох и пули. А в советниках у него Сайдак-ходжа, изгнанный из Бухары, и какой-то польский

офицер из сосланных за бунт. Похоже на разбойничью нарку, куда принимают всех, кто захочет.

– Ну, что будет, то и будет! – Ожар, словно отменяя все свои сомнения, махнул рукой. – Остается договориться, как я буду передавать все начальству. Главное мое поручение – сообщать о всех планах Кенесары. Это не просто...

– Да уж... Я знал, что кто-то должен приехать из наших людей для этого, но не думал, что ты. Значит, растешь, возвышаешься. Скоро меня, старика, по службе обгонишь!

– Только с вашей помощью, мой ага. Ваш ум и достоинства всегда служили мне примером!

– Ладно, присмотришься еще. Может быть, и не полностью выучился. – Конур-Кульджа снова хрюкнул от самодовольства. – Как же будешь доставлять мне свои донесения?

– У меня имеется три верных человека, помогавших взять Сейтена. Самен, Жакуп и Сақып зовут их. Все они давно уже у Кенесары. Их я и использую, а на месте найду еще кого-нибудь...

– А как мне узнать их? Не станешь же им, как барану перед случкой, надевать мешочек для отличия?

– Надевать не стану, а вот когда не будет кысе – для украшения, чакча же и нож будут прицеплены к поясу с правой стороны, а не так, как обычно, значит, это мои люди.

– А почему не будет кысе?

– Ведь молодым людям ни к чему украшения на поясе, и это сразу бросится в глаза.

– А ты, оказывается, науку до конца усвоил. Тут и я бы не догадался так осторожничать!

– Покуда жив Кенеке, разве забудешь эту науку. – Ожар, хоть и назвал шутливое прозвище Кенесары, говорил очень серьезно. – У него глаза беркута, с красными жилками...

Он встал, чтобы попрощаться.

– Ты не будешь есть? – удивленно спросил Конур-Кульджа.

– Нельзя попадаться людям на глаза. Жене я сказал, что у меня здесь дело есть к одному аульному жителю. Теперь пора идти. Так будет лучше...

– Ну, тогда счастливого тебе пути.

Четыре дня пролежали Кандур-Культаз на пуховых подушках у молодой жены и только потом вернулись в Акмолинскую крепость к своей байбине...

Подъезжая к воротам крепости, он встретился с возвращающимися из похода – Жанадилом и Чингисом. Выполняя приказ генерала Талызина, они со своими отрядами доехали до возмущенных аулов Тнали-Карпыкской и Темешской волостей. Встретив крупные силы мятежников, Жанадил и Чингис побоялись двигаться дальше и вернулись под защиту крепостных стен. В сказке мачеха посылала пастушка за золотым алычиком с расчетом, что Мыстан-кемпир – злая старая волшебница – убьет его. Ага-султан при виде живых и здоровых сыновей почувствовал то же, что и эта мачеха, увидевшая из окна возвращающегося пасынка. Особенно раздражен он был независимым видом Чингиса, которого видел уже в мечтах без головы. Все больше багровея с каждой минутой, ходил он из угла в угол своей канцелярии и постукивал плетью по блестящему сапогу. Сыновья молча смотрели на него.

В этот момент вошел дежурный солдат и передал, что из степи едет какой-то всадник. Ага-султан вышел во двор и с высокого наката, на котором стояла его канцелярия, увидел, как въехал в ворота и упал со взмыленного гнедого коня большой рыжеусый солдат. Плечо и правый бок его были в крови.

– Беда!.. – хрипло выговорил он.

Из казармы выбежал маленький смуглый и очень курносый человек – комендант Кара-Откельской крепости, войсковой старшина Карбышев, прозванный казаками Кара-Иваном.

– Что случилось? – строго спросил он поднимающегося с земли солдата.

– Беда, ваше благородье, – сказал солдат, зажимая рукой раненое плечо. – Из команды хорунжего Котова я. Оберегали мы караван купца Строганова, что следовал из Петропавловска в Ташкент. Как выехали из Актауской крепости, что строится сейчас, тут и джигиты этого Кенесарыева, султана ихнего мятежного. Много их, с дубьем и копьями все. Которые бывалые солдаты не советовали стрелять, да хорунжего бес попутал. Ну, выстрелили трое или четверо, а они как кинутся скопом на нас... Один вот я уцелел. Благодаря резвости коня только...

Вокруг толпились солдаты из крепости. Возмущение и любопытство было написано на их лицах.

Комендант сдвинул густые черные брови:

– Сколько их там, бунтовщиков?

– Так человек пятьсот будет...

– Самого Кенесары не видел среди них?

– Нет, ваше благородье, того я не знаю. А вот брат его Наурызбай точно с ними. Я его раньше в Кокчетавском видел. Молодой такой, справный...

– А сколько все же уцелело из солдат?

– Не могу знать, ваше благородье. Не до того мне было... Заметил только издали, что пленных и караван с собой они погнали. А вот сколько их...

– Куда же, по-твоему, путь они держат? Не в нашу ли сторону?

– Никак нет, в западную сторону поехали.

– Ладно, ступай пока в лазарет, а там разберемся, что с тобой делать!

Тут же, на приступке перед лазаретом, молодой фельдшер осмотрел рану солдата.

– А рана-то глубока! – удивился он. – Ступай-ка в лазарет, дядька. Полежать тебе придется. Еще хорошо, ежели отравы какой не было в стреле, что задела тебя!

Солдаты вдруг зашумели, как пчелы от дыма:

– Видать, погибнем все вот так, без покаяния, в пустыне!

– Какая тут тебе пустыня? Та же Российская империя...

– Достанется тебе из этой империи три аршина. Да и то когда подохнешь...

– Какая нужда погнала нас на край света?

– Во сне бы не видать этой земли!

– Прекратить! – рявкнул басом маленький Карбышев. – Службу помнить надо... Разбойничьи орды Кенесары не минуют тут нас. Так что с завтрашнего дня весь наличный состав, а также бабы и подростки пойдут на рытье рва. А то завалили его всякой дрянью, не считая налетевшего песку!

И действительно, мятежники Кенесары никак не могли миновать Кара-Откельскую крепость, которая была построена на скрещении важнейших степных дорог. А кроме того, старые счеты были между султаном Кенесары и ага-султаном Конур-Кульдшой...

В эту ночь ага-султан не сомкнул глаз. Если Ке-

несары ворвется в крепость, то первым делом привяжет к конскому хвосту его, Конур-Кульджу. И в том, что Кенесары придет к Кара-Откелю, ага-султан несколько не сомневался. Недаром он рыщет вокруг Актауской крепости, неподалеку...

А если отправить к нему человека для переговоров? Что ни говори, а все они – дети Джучи, Темучинова сына. Нельзя ли ради этого забыть обиды?.. Нет, кого угодно простит Кенесары, только не его. Из поколения в поколение будет передаваться эта ненависть, он-то уж точно знает. И попадись ему любой из Касымова выводка, разве помиловал бы он? Теперь вся надежда только на Омск. Оттуда нужно срочно просить подмоги и молиться, чтобы не запоздала она. От Кара-Ивана не много толку, да к тому же он почему-то косо смотрит на него. Еще бросит на произвол мятежников и уйдет с солдатами!..

На следующий день спозаранку ага-султан Конур-Кульджа засел за письмо генералу Талызину... "Кенесары Касымов считает меня своим злейшим врагом, – писал он. – За то он ненавидит меня, что верой и правдой служу Его Величеству – императору Всероссийскому – и честно выполняю все распоряжения Вашего Превосходительства. Разбойник намерен в науку другим отрубить мне голову и извести мой благородный корень с женщинами и малолетними детьми. Не только он один этого желает, но и другие враждебные Его Величеству Государю императору племена и роды. В сей трудный час умоляю самым срочным образом выслать в Акмолинскую крепость дополнительные войска, которые смогли бы противостоят многочисленной мятежной орде..."

Дописав письмо, он поручил Карбышеву доставить его с нарочным, а сам принялся за неотложные дела. В первую очередь он решил перевезти в крепость находящиеся неподалеку аулы двух своих жен и хотел поручить это Жанадилу с Чингисом, но их снова не оказалось в крепости.

– Ведь им надо скоро возвращаться в Омск, на учебу, – сказала старшая жена, байбише. – Зачем ты гневаешься на них? Им хочется перед отъездом погулять, отдохнуть. Особенно Чингису...

И так улыбнулась она при этом, что у Конур-Кульджи рот перекосялся от бешенства.

– Я-то знаю, как они отдыхают! – заорал он. – Тут

всю ночь глаз не сомкнешь, а непогодий Чингис щупает в это время чей-то плотный курдюк и тугое вымя!..

Он уже хотел взобраться на коня, чтобы снова поехать в аул младшей жены, но вспомнил, что разъезды Кенесары уже где-то неподалеку. Лишь плетью щелкнул ага-султан и в это время увидел пританцовывающего в воротах своего каурога иноходца. Конь был без всадника, а на шее его висело что-то похожее на торбу. Как обычно, с требовательным ржанием приблизился он к кормушке у самого крыльца... Что за ерунда у него на шее? Еле передвигая огромное тело, Конур-Кульджа подошел к иноходцу, и вдруг ноги его задрожали. Что-то круглое, похожее на арбуз, было в холщовой торбе на шее коня, и свежие красные капли сочились и падали в дворовую пыль...

Острый нож вынул Конур-Кульджа и перерезал веревку, на которой висела торба. Она с глухим стуком упала на землю. Трясущимися руками дернул Конур-Кульджа за край торбы, и оттуда вывалилась человеческая голова. Глаза у нее были вытаращены, зубы оскалены в диком смехе, а между ними зажат почерневший язык. Видимо, топором отрубили голову, потому что пополам был перерублен шейный позвонок. На шкуру черного каракуля были похожи смоченные кровью черные волосы... Конур-Кульджа с бессмысленным удивлением уставился на голову и вдруг узнал. Это был его сын Чингис...

Уже теряя сознание, успел прошептать ага-султан чье-то имя...

Это было имя Сыздыка, сына Кенесары, чью голову поклялся отрубить Конур-Кульджа в отместку за Чингиса.

Но голову Чингису отрезал не Кенесары или кто-нибудь из его сарбазов, а отец Кумис – старый туленгут Абдувахит. В ту же ночь, когда ага-султан опозорил его единственную дочь, он собрал посредине юрты все свое нехитрое имущество и поджег вместе с юртой. Потом, взяв за руки дочь и жену, бежал куда глаза глядят. Не ждавший такого оборота дела, Конур-Кульджа послал за ними погоню, но беглецы скрылись в густых прибрежных зарослях камыша...

Отослав жену и дочь с одним из откочевывающих мятежных аулов, туленгут Абдувахит вернулся к своему пепелищу. Сердце его щемило от неутешной обиды и горя, глаза застилал туман. Мысли путались, и

он не знал, с чего начинать. Ему казалось, что вот тут след решения, чем убийство Конур-Кульджа. Только зарезав оскорбителя, смоет он позорное пятно!..

Решившись, Абдувахит стал день и ночь наблюдать за домом Зейнеп, младшей жены ага-султана. К самой юрте он не мог подойти, потому что ее непрерывно охраняли нукеры. Как-то утром он увидел из засады — стражу сняли, но не знал, что Конур-Кульджа уехал. Вечером того же дня два всадника подскакали к аулу со стороны Кара-Откельской крепости и спешили почти рядом с залегшим в камышах Абдувахитом. Один из них был Чингис...

Отправив спутника к юрте Зейнеп, он улегся на сухой траве в ожидании вести от нее и вскоре уснул. Не зная отношений между отцом и сыном, Абдувахит подкрался к Чингису. "Чем лучше его сын моей дочери!" — подумал он и отсек спящему голову секирой.

Наутро Абдувахит подозвал пришедшего к воде ага-султанского каурого иноходца. Конь легко дался ему, потому что туленгут поил его из соски, когда тот был жеребенком. Привязав к шее коня торбу с головой Чингиса, Абдувахит стегнул каурого, а сам поспешил в стан Кенесары...

Целых три дня не поднимался с постели Конур-Кульджа и встал лишь тогда, когда родственники уже похоронили его сына. В душе он был доволен. Но сын все же сын, и нужно показать свое горе... Через неделю будут устроены богатые поминки, а пока что ага-султан с утра до ночи занимался подготовкой крепости к отражению нападения мятежников.

II

В огромной пустой белой юрте, словно тигр, попавший в клетку, ходил Кенесары. Он всегда так делал: хмурил жесткие брови, стискивал правой рукой рукоятку родового кинжала и много ходил, когда нужно было решиться на что-нибудь важное. Он и вправду был похож в такие минуты на хищного зверя: шея его напрягалась, шаги становились неслышными, глаза горели недобрым огнем. Боясь его гнева, никто в это время не нарушал его покой. Страшно было подвернуться ему под руку, когда он находился в таком состоянии...

Сегодня это представлялось особенно делом Шивель с полубезумными энолетами, которую по раследству носил Кенесары, была лишь наброшена на его плечи, и полы ее развевались на поворотах.

Вчера с берегов Сырдарьи прибыл лазутчик. Он привез известие, что купбеги Бегдербека перевели в Аулие-Ату, а на его месте временно сидит Ляшкар. Положение казахов в связи с этим сильно ухудшилось, и можно рассчитывать на взрыв. И еще одну весть передал приехавший человек: якобы Малели-хан вступил в преступную связь со своей мачехой. Дело было не в соблюдении закона, а в том, что это получает огласку. Значит, кому-то выгодно свалить хана Коканда, а это следует иметь в виду...

Не судьба сырдарьинских казахов беспокоила султана Кенесары, а то, как можно использовать создавшееся положение для пополнения войска. Нужно подождать, пока окончательно созреет кокандский нарыв, и тогда уже действовать наверняка. К пятидесяти тысячам последовавших за ним дворов может прибавиться еще сто, а то и сто пятьдесят тысяч. Это уже серьезная сила!

А что, если созрел уже нарыв и он напрасно медлит?.. Долго ли будут продолжать верить ему люди, которых он с таким трудом собирал весь этот год под свое знамя? Кто угадает, не начнут ли они завтра расходиться по всей степи. Ведь это же казахи. На многотысячный и плохо поддающийся управлению табун похожи они. Такой табун мчитя по степи и все может снести на своем пути. Но если враг уловит тот единственный, знакомый опытным табунщикам момент и в нужном месте испугает его, то табун ошалело отхлынет назад. Тогда ничем уже не остановишь его: ни уговорами, ни плетью...

Нет, ни в коем случае нельзя допустить этого. Поэтому — больше шуму и крику сзади, чтобы обеспамятевший табун уже не видел ничего перед собой и мчался только вперед, без оглядки, заполняя теплыми телами рвы и овраги, сметая любые заслоны!

До сих пор его джигиты громили лишь аулы враждебных ему султанов, грабили караваны на пути между Ташкентом и Кара-Откелем, участвовали в стычках с небольшими отрядами царских войск. Только на днях был захвачен большой караван купца Строганова вместе с охраной. Теперь пришло время

перейти к более серьезным действиям. Этого ждут от него все, ждет чернь. Ведь не дря нападений на караваны пошла она за ним. Если не показать сейчас людям, что он решился на большое дело, они отшатнутся от него, пойдут своим путем...

Да, пришла пора действовать! На его послания даже не отвечают, и в степи знают об этом... Несколько таких посланий направил он за это время западно-сибирскому генерал-губернатору князю Горчакову с предложением переговоров. Силы его все возрастали, и он рассчитывал, что царское правительство начнет наконец считаться с ним.

Последнее послание было направлено совсем недавно: в мае 1838 года. Он написал его сразу по возвращении в Сарыарку после зимовки на берегах Чу и Сарысу. Верные люди – Табылды Аоктыгулы и Кошимбай Казангап-улы – повезли это важное письмо в Омск. Каждое слово из него помнил он и теперь, шагая из угла в угол, повторял...

“Его сиятельству господину генерал-губернатору от Кенесары Касым-оглы из дома хана Аблая... Послание...

Доводим до Вашего сведения, что я стремился установить мир и согласие между нашими двумя царствами. Однако ж, как нам стало известно, Ваше сиятельство подозревают, что мы переманиваем на свою сторону Ваших людей. Я хочу сообщить Вам: без нашего согласия Вы построили уездные города на землях, принадлежавших моему деду – хану Аблаю, ввели свои налоги, поставив моих подданных в невыносимые условия. Мы недовольны этим и не можем продолжать оставаться в Вашем подчинении, пока не будут отменены эти налоги. Как бы Вы себя чувствовали, если бы то же самое случилось в Российском царстве? Вы должны понимать наше положение.

По принадлежавшему мне праву я присоединил к себе казахов Баянаульского, Каркаралинского и Акмолинского округов. Уповаем на бога при этом, что объединение наших земель будет продолжено. Было бы лучше всего, чтобы мы продолжали существовать самостоятельно, и тогда не было бы у Вас более добрых соседей.

По дошедшим до меня слухам, Вы ставите перед собой задачу нарушить наши отношения с Кокандом и Бухарой. Но, как единоверцы, они обязаны помогать нам...

Как было бы хорошо, если бы мы жили в дружбе и согласии... Однако ж уездные начальники ездят по степи и под видом законных сборов на проведение выборов отбирают у казахов лучших лошадей, вещи и ценности. Несмотря на закон о неприкосновенности личной собственности кочевников, уездные чиновники не принимают никаких мер к вымогателям, допускают беззакония, грабеж и насилие. Ведь немало времени прошло, как Ваши люди угнали с собой жену, двух снох и дочь казаха из Жортыгульской волости Азанбая, а также одну вдову. О месте, где находятся они сейчас, ничего не известно...

Для того чтобы сохранить вечную дружбу и мир между нами, я требую от Вас следующих действий:

- 1) Прекратить строительство Актауской крепости.
- 2) Скрыть уже построенный город-крепость Акмолинск.
- 3) Закрыть все правящие учреждения на принадлежащей нам земле.
- 4) Выпустить из тюрем всех арестованных наших подданных, а также двух наших людей, посланных к султану Конур-Кульдже.

Ставлю свою именную подпись под этим посланием и заверяю печатью.

Я, Кенесары Касым-оглы¹.

Что же, все правильно было написано. И даже то, что Коканд с Бухарой обязаны ему помогать. Пусть задумается губернатор о возможности такого союза и пойдет на уступки. Вряд ли он представляет, какая ненависть между нами...

Только вот уже три месяца, как отправлено это послание, а до сих пор и на него нет ответа. Табылды и Кошимбай, которые везли письмо, были по дороге задержаны сыновьями Кошека, известными прихвостнями Конур-Кульджи. Их пешком гнали до самого Омска. А на днях получено известие, что его гонцов будут судить и сошлют в Сибирь...

Можно ли дальше внуку Аблая терпеть такое пренебрежение? Да, он уже убедился, что без хорошей встряски никто с ним не захочет считаться. Сейчас перед ним два пути. Первый – покориться белому царю, склонить голову перед грязным Конур-Куль-

---

¹ Архив Истории Казахской ССР, фонд 82, опись 1, док. 164. с. 15-16.

тковой и сыновьями Вали, расчленив людей по домам и нежить их на шелковых подушках с женами. Другой путь – тот, который он выюрал, поклявшись на дедовском булате...

Не будут с ним считаться, пока не покажет свою силу и решимость. А начинать надо с Акмолинской крепости, что стоит на пересечении всех дорог. Там – Конур-Кульджа, подлый шакал. И еще следует разгромить в отрогах Сарымбета аулы Айганым – жены Вали-хана. Враги должны знать, что возмездие не минует их. Кто не с ним, тот пусть дрожит от одного его имени...

Батыры предлагали ему начать военные действия прямо с нападения на Кокчетавскую крепость, но он не согласился. Там все же мало простора для действий конницы, и Омск близко. В любую минуту к осажденным в крепости может подойти подкрепление. К тому же разве не там встретился с белым верблюдом и убил его Касым-торе? Семь поколений должно пройти, пока снимется проклятие с его рода. Кенесары не мог сейчас рисковать...

В любом случае брать Акмолинскую крепость. Она – посредине степи, и весть о ее взятии сразу отразится на положении дел.

И нужно спешить. Вчера донесли ему, что готовится указ царя о сборе налогов по новому уставу со всей Сарыарки. Он будет касаться в первую очередь уже испытанных немало притеснений со стороны чиновников Кокчетауского, Каркаралинского и других округов, а объявлен должен быть в этом же году собаки, в месяце караша – ноябре. Степная весть – “узун-кулак” – недаром получила это прозвище – “длинное ухо”. И она всегда подтверждается, особенно когда это касается новых налогов и притеснений. Лучшей вести он придумать не мог. Люди от одного известия об этом реками польются к нему!..

А что, если не сумеет он взять Акмолинскую крепость? Пятитысячное войско у него, но разве всех в нем назовешь воинами? Испытав горечь первого поражения, не попятятся ли они назад, как лошадь, которую стукнули обухом по голове? И кто пойдет дальше за полководцем, проигравшим сражение?..

Нет, потом могут быть и неудачи, и поражения, а в первом бою необходима победа. И тогда станут говорить, что крепостные стены рухнули от одного

только его голоса. Там, в Акмолинской крепости, спрячется та белая коньма, на которой поднят он будет над всеми жузами, как его благородный дед!

Только разве Конур-Кульджа и Кара-Иван отдадут даром такую крепость? Пять саженьей высоты ее стены, и глубокий ров вокруг. А за стенами – пушки, ружья, полутысячный гарнизон. Тут на одном мужестве и отваге не выедешь...

Да, нужно делать так, как советовал башкир Ашраф... Если бы он только знал, этот бедный башкир, как опасно давать хорошие советы султанам. Они не прощают этого, и ничего тут не поделаешь.

От Жоламан-батыра прибыли к нему оба башкира. Но оказалось, что пушки умеет лить только Давлетчи. Кенесары выделил ему пятерых кузнецов-казахов, приказал собрать в аулах необходимые котлы и треноги, определили место для плавки в урочище Коргасынды. А другого, Ашрафа, отец которого когда-то участвовал в восстании русского Пугачева вместе с батыром Салаватом, он оставил при себе.

Так как же он советовал делать, этот Ашраф?.. Кенесары вдруг явственно вспомнил его улыбку и тот последний разговор три дня назад. Рассказав об Акмолинской крепости, султан как бы невзначай спросил у башкира, как брали такие укрепления джигиты Салавата.

– А у вас как это делается? – спросил его Ашраф.

Кенесары тогда согласно кивнул и все подробно рассказал ему. Как и тысячу лет назад, сплошной конной массой движутся на штурм казахи. От грозного боевого клича кровь леденеет в жилах врагов, руки дрожат, и они уже не могут натянуть как следует даже тетиву у лука. А конная лавина, завалив собою ров, подобно волне, взметается вверх и перехлестывает через стену прямо на плечи защитникам!..

– Нет, таким старым приемом никак не взять новую крепость, где есть пушки и ружья! – просто сказал Ашраф.

– Почему ты так думаешь? – спросил, помолчав, султан.

– Я помню, как рассказывал отец. Такая же лавина скатывалась в ров, но пока выбиралась оттуда, солдаты неверной жены Пугача – царицы Екатерины – успевали дважды перезарядить ружья, а потом в самую гущу били картечью пушки. Пришлось действовать по-другому...

– Как же?

– Сейчас ружья еще быстрее перезаряжаются, да и пушки тоже...

– Ну?

Кенесары застилало глаза от бешенства, но внешне он был спокоен и внимателен. Ашраф деловито, с подробностями рассказал ему, как поступали в таких случаях Пугач с Салаватом. Это была еще более древняя степная тактика, которую саки передали кипчакам и монголам, но против пушек и ружей она вдруг оказалась самой выгодной.

– Не забудьте, что в крепости много деревянных домов, – напомнил башкир. – Салават всегда учитывал это...

А через три дня башкир Ашраф случайно погиб в тугаях от упавшего дерева. Вместе с мрачным длинноруким султанским палачом Кара-Улеком он послан был выкуривать деготь... Ничего не говорил Кара-Улеку султан, а тот почему-то решил... приходится смиряться с этим. Такова участь правителя. Башкир хотел только добра, когда учил брать крепости... Что же, Аблай своими руками лишил жизни верного раба Ораза, чтобы не оставаться кому-нибудь благодарным на этом свете. Прапрадед гордился кличкой "Кровавый Аблай". А отец, Касым-торе, родился с полными горстями крови. Кенесары ли жалеть о каком-то башкире, если поставил перед собой такую цель. Когда идешь к власти, кровь невинного бывает необходимей пролить, чем виновного. Только слабостью порождается жалость, недостойная подлинного вождя...

– Пусть земля наша будет тебе мягче пуха! – сказал он, первым бросив горсть песка на могилу Ашрафа. Почетно похоронили беглого башкира, одетым в белый саван, и лучшие люди присутствовали при этом...

Нет, вовсе не об Ашрафе думал сейчас Кенесары... Сначала следует собрать батыров и попросить у них совета. Когда каждый из них выскажется, тогда следует сказать свое веское слово, достойное полководца. А когда будет взята крепость, все убедятся в его способностях...

Вдруг он услышал какой-то шорох и резко обернулся.

– Кто там?

Конечно же, это была Кунимжан, его старшая же-

на. Только она могла заходить к нему в такие минуты, когда он думал. Это стало правилом, и за нарушение его он бы покарал сильнее, чем за измену. Вождь должен находиться в особом положении, а ему предстоит стать еще ханом...

Кунимжан сразу заметила, в каком он состоянии, и поспешила развеять его тяжелые думы веселым смехом.

– Мой торе, он ждет тебя! – сказала она звонко.

– Кто? – не понял султан.

– Да ты как-то назвал его... Совет, кажется!

Кенесары невольно улыбнулся.

– Они собрались, все эти огромные батыры, и ждут тебя уже столько времени, сколько нужно мне для дойки кобылы...

Кенесары кивнул:

– Идем!..

Вместе с Кунимжан они прошли в соседнюю двоянную юрту, называемую им на русский манер штабом. Все батыры были уже здесь: Наурызбай, Агибай, Кудайменде, длинноусый смуглый Бухарбай, присоединившийся к ним недавно выходец из рода атыгай – известный борец Басыгара, алтайские батыры Жанайдар и Тулебай, присланный Жоламаном молодой батыр Байтабын и другие. Кроме них в юрте находились сестра Кенесары – знаменитая Бопай, брат его – султан Абильгазы, а рядом с вешим певцом Нысанбаем, недалеко от двери, сидели за круглым и невысоким казахским столом советники: горбоносый Сайдак Оспан-оглы и синеглазый польский поэт Иосиф Гербрут, прозванный в степи Жусупом. Как старший, повыше их, сидел Алим Ягула-оглы, белокурый татарин с широким лбом и умными серыми глазами. И уже в стороне, на большом сундуке для документов, расположились особо доверенные люди – начальник охраны башкир Батырмурат и друг Наурызбая беглый русский солдат Николай Губин.

Когда вошел Кенесары, все встали, скрестив руки на груди, застыли в поклоне. Он поклонился в ответ и сел на большой, покрытый ворсистым бухарским ковром сундук, стоящий напротив двери под зеленым знаменем. Остальные тоже опустили на ковры, поджав ноги.

– Славные батыры и вожди всех трех казахских жузов! – сразу начал Кенесары. – Ни одного дня покоя

не видели мы с тех пор, как велили наше благородное дело. Велики были трудности и лишения, но мы преодолели все. Народ казахский похож сейчас на бурную реку в половодье, переполнившую русло и рвущуюся на простор. Джигиты стремятся в бой, и нет уже смысла сдерживать их. Чтобы не потерять доверия людей, нам следует от мелких схваток перейти к настоящей войне. Поэтому мы решили начать штурм Акмолтинской крепости!

Всеобщий радостный вздох был ему ответом.

– Правильно!..

– Пора!..

– Бог нам поможет!..

Кенесары указал рукой на бумаги перед Иосифом Гербротом:

– Жусуп, прочитай батырам все, что сделано карателями белого царя на наших землях!

Герброт встал и начал читать по-казахски с легким акцентом заранее написанный доклад.

– “Генералы белого царя считают нас бунтовщиками и грабителями, – читал Герброт. – В инструкции начальника Омской области генерала Талызина предлагается во всех пограничных крепостях сформировать специальные отряды для борьбы с нами. Там так и говорится: “Ваша задача состоит в том, чтобы ликвидировать разбойника Кенесары и вернуть сбежавшее население в свои волости”. Против нас во исполнение этого приказа послано несколько отрядов...”

– Перечисли все, что уже сделали они! – приказал Кенесары.

– Отряд из пятисот солдат под командованием атамана Лебедева в месяце маусым – июне нынешнего года совместно с ага-султанскими людьми учинил погром в аулах родов карпык и темеш, кочующих по берегам Тургая и Жандере-Керубе, а также в ауле султана Саржана, где убито четыреста и угнано карателями сто человек. В их числе находится Баянды-бий...

Кенесары нетерпеливо махнул рукой:

– Дальше!

– Отряд из пятисот человек во главе с ага-султаном Конур-Кульджей и войсковым старшиной Карбышевым в месяце шильде – июле нынешнего года учинил погром в аулах Кошек-султана и мирзы Сайдака, ко-

чувство в Аиркумах. При этом было убито около пятидесяти человек, среди которых находились женщины. С собой угнали восемьдесят человек...

– Довольно! – Кенесары сделал широкий жест рукой. – Что мы предприняли, чтобы воспрепятствовать этому? Расскажите нам это, Сайдак-мирза!..

Мирза Сайдак-ходжа, человек средних лет, с красивыми усами и мягкими, учтивыми движениями, неторопливо поднялся с места.

– Мы, когда представляется возможность, не допускаем этого, – сказал он и обвел сидящих взглядом. – Несколько стычек произошло у нас с отрядами, высланными комендантом Актауской крепости Симоновым. Однажды и сам войсковой старшина Симонов бежал от нас, бросив на поле боя два десятка ружей и пистолетов, а также патронов к ним, которые нам пригодились. Всего за это время нами захвачено сто пятьдесят ружей, около ста пистолетов, двести заводских сабель и много другого оружия и припасов. Первым делом, конечно, мы обрушиваемся на аулы правительственных ага-султанов и неправедных биев, участвующих в карательных походах против нас. В этом году мы отобрали у них целый миллион голов разного скота и много добра...

– Не только в аулах! – поправил Кенесары.

– Да, сюда входят захваченные караваны, а также то, что отобрали мы у царских чиновников: приставов, урядников, всяких толмачей. Хорошую добычу мы получили и вокруг Актауской крепости. Весь скот угнали у них...

– Поступали ли жалобы на нас от русских крестьян? – строго спросил Кенесары и поправил свой полковничий эполет со старыми царскими вензелями. – Я говорю о тех, которые сеют хлеб и не строят крепостей против нас.

– Почти не было. За счет земледельцев поступило из Каркаралинского округа около ста рублей...

На самом деле поступило оттуда значительно больше, но Кенесары накануне попросил Сайдак-ходжу уменьшить эту цифру до символических ста рублей. Он знал настроения некоторых своих батыров из простонародья.

– Да, это правильно! – Агибай-батыр так разволновался вдруг, что даже вскочил с места. – Там и брать-то нечего. Не против них мы идем...

Несколько батыров закивали. Кенесары посмотрел на них долгим, с прищуром, взглядом. Сам смущенный своей неожиданной речью, Агибай-батыр растерянно сел. Султан сделал Сайдаку-мирзе знак продолжать.

— Так что основные наши доходы — от ага-султанского добра, купцов и царских чиновников. Только из аулов сыновей Кудайменде угнали мы двадцать тысяч лошадей. Сейчас не осталось у нас джигита, который не имел бы породистого скакуна и к нему по паре сменных лошадей.

— Конур-Кульджа в своем письме в Омск жалуется... — Кенесары скривил губы. — Он пишет, что мы отобрали у него лично двенадцать тысяч лошадей.

Сайдак-ходжа тоже ухмыльнулся:

— А что же ему писать? Не только степь обманывает он, но и самого царя с губернатором. Ведь по указу, данному в год кояна — зайца, имеющие больше пяти тысяч голов скота ага-султаны облагаются налогом на лишний скот наравне со всеми. Вот сыновья почтенного Кудайменде и заверили начальство, что у них ровно двенадцать тысяч голов скота. И те лишние восемь тысяч, что попали к нам, наверно, от бога. Во всяком случае, в жалобе о них ничего не сказано. Для самого Конур-Кульджи хуже будет, если мы дадим поправку...

— Да, не нужно подводить перед начальством хорошего человека, — серьезно сказал Кенесары.

Все засмеялись.

— Мы уже думали, что угнали у бедняги все до последнего жеребенка, а тут вдруг говорят, что на одном только дальнем острове, на Есиле, пасется еще три тысячи белых, как русский сахар, аргамаков. Жаловаться он сейчас не может, поскольку, по данным налогового управления, мы уже обчистили его до нитки. И вот Агибай-батыр каждый день пристаёт, когда же Кенеке разрешит ему пригнать этих беспризорных лошадей...

— Этот остров далековато отсюда. — Кенесары говорил теперь деловито, отменяя всякие шутки. — Сейчас у нас более высокие заботы. Бог даст, не ускачут от нас белые кони.

— О, аллах! — воскликнул с удивлением Бухарбай, у которого в лучшие времена не было больше пары лошадей. — Неужели бывают на земле такие богатые люди!

– Оттого и прячутся за спину белого царя! – зло заговорила Бопай. – Это им нужны крепости на нашей земле. Сколько ни отрезали на переселенцев, все равно самые плодородные земли и пастбища у потомков Самеке и Вали-хана. Не то что землю – душу готовы продать они, лишь бы сохранить свои табуны... Посмотрите, что делается: один царит на Есиле и в пойме Нуры, другой – на склонах Сарымбета и аж до самого Шубара и Кушмуруна! С трех полных волостей можно уместить скот в одних только владениях этой хитрой валихановской Айганым! Доколе будем терпеть ее выходы и проказы? Не пора ли разгромить ее вместе с Конур-Кульджей?..

Глаза ее сверкали, она требовательно протягивала руку к брату. Кенесары пристально смотрел на нее. Наконец он кивнул:

– Ни один уважающий себя батыр не станет нападать на аул, принадлежащий женщине. Если не жалко сородичей своего мужа, сделай это сама!

Батырам понравилась его находчивость.

– Верно!..

– Мудрое решение!

– Не нам становиться между женщинами...

Кенесары задумался о чем-то на миг, потом снова повернулся к сестре:

– Да, так и сделаем. По пути домой заедешь в аул Вали-хана. Перегонишь скот Аманкарагайского приказа на нашу сторону.

Бопай радостно всплеснула руками:

– А чего ждать? Мои сарбазы сейчас и выступят!

– Правильно! – Кенесары повернул голову к Сайдак-ходже: – Напишите ей указание в пять дней добраться до Аманкарагайского приказа. Потом день отдыха в тугаях, а на седьмое утро произвести нападение... В этот же день мы поведем наши главные силы на приступ Акмолинской крепости!..

– И пусть сарбазы Бопай не очень-то прячутся на пути к Аманкарагаю, – заговорил понявший замысел султана Жанайдар-батыр. – Если и выступили из Омска какие-нибудь силы в поддержку Акмолинской крепости, то, получив известие о движении отряда Бопай, они повернут на Аманкарагай, Конур-Кульджа не дожидается помощи, о которой просил!..

Кенесары молча кивнул. Батыры оживились.

– Наконец-то в бой!

Пусть не снится собаке Конур-Кульджа!

Середина стены должна быть чистой... Уронив ее с землей Акмолинскую крепость.

Кенесары поднял руку.

– А теперь подумаем, как нам лучше это сделать. – Он медленно обвел глазами сидящих. – Стены крепости высоки. К тому же она окружена ровом шириной в десять, а глубиной в пять мер вытянутыми руками. Только у двух ворот прерывается этот ров, да и то там лишь четверка всадников в ряд может пройти...

– Для нас этого достаточно, – беззаботно махнул рукой Наурызбай. – Был бы путь хотя бы для одного!..

– Ох, Науанжан!.. – Султан с затаенной любовью смотрел на брата. – Неужели Конур-Кульджа и Кара-Иван настолько добры, что не пустят в ход ружья и пушки, пока ты будешь пролетать эти ворота? А если перепрыгнешь ров, то как пройдешь потом сквозь стены? Хоть нас и намного больше, но идти напролом – зря губить джигитов. Поэтому я жду ваших предложений, батыры...

Глубокое молчание воцарилось в штабной юрте. Большие, сильные люди сидели, опустив головы, почесывая за ухом или поглаживая ковер у ног... Да, собрали крепкий кулак, а как дошло дело до удара, он бессильно повис в воздухе. Что же делать дальше? Акмолинская крепость лишь первый орешек. Каких-нибудь две-три сотни солдат и четыре пушки в ней. А у белого царя сотни таких крепостей, неисчислимое множество солдат и тысячи пушек. Есть ли смысл в этом восстании?..

Кенесары видел все это, и брови его хмурились... Если у самых прославленных батыров так меняется настроение еще до штурма крепости, то что будет, если постигнет неудача? Народу нужна победа!..

– Может быть, откажемся от мысли захватить Акмолинскую крепость и разойдемся по домам? – спросил он.

– Нет, не то говоришь, торе! – Агибай-батыр второй раз заговорил в этот день. – Когда в печени заноза, каждая минута, пока она там, причиняет боль. Акмолинская крепость должна быть уничтожена!

– Как ты думаешь это сделать?

– Я не вождь, а лишь батыр. Требуй от меня мужества в бою и накажи, если покажу трусость. И все же скажу, что нет такой вершины, которую не осилил

бы оред. Так и перед нами нет непреодолимых преград. Но моему разумению, следует плотно оцепить Акмолинскую крепость, чтобы ни одна живая душа не могла выбраться оттуда. А тех, кто покажется на стене, приветствовать меткой стрелой...

– Как вы думаете, батыры? – И поскольку все молчали, Кенесары сам продолжал разговор: – Наш безбородый Агибай дал неплохой совет, и когда-нибудь мы воспользуемся им. Но сможем ли мы таким путем быстро занять Акмолинскую крепость? А для нас самое главное – быстрота. Если они за своими стенами протянут до подхода подкреплений из Омска, значит, мы проиграли войну.

– Ночью нужно перелезть через эти стены, – бросил батыр Бухарбай. – Говорят, что Тентек-торе ночью напал на Сайрам и Созак, а иначе бы не взял их.

– Ночь как слепой конь, – пожал плечами султан. – И к друзьям, и к врагам может вынести. К тому же в Сайраме и Созаке у торе были свои люди, открывшие ему ночью ворота. У нас в Акмолинской крепости нет таких друзей. Самые верные солдаты и туленгуты оставлены там. Да еще несколько семей переселенцев и рыбаков с озера Карасу, которых мы сами пропустили туда. Женщины и дети...

– Торе! – огромный Басыгара-батыр тяжело поднялся с места. – Мы, как и все правоверные, прежде всего уповаем на бога. Но после него – только на тебя, мой султан. Поэтому сам скажи, что нам дальше делать, а то у нас перед боем может разболеться голова... Не сумеешь придумать выход – вина на тебе. Сумеешь, но мы не сможем выполнить твой приказ, – наша вина. Только я думаю, что даже шепот слышен богу, и ты найдешь способ, как прорваться нам за стены Акмолы!

Кенесары еще некоторое время посидел молча, потом кивнул и сделал знак. Принесли большую белую скатерть, и он начал раскладывать на ней черные и белые зерна четок. Долго объяснял он, как должна быть взята крепость, определяя задачу каждого во время приступа. Приунывшие было батыры теперь поверили в возможность успеха, и лица их снова стали решительными.

– Если вы считаете мои расчеты правильными, остановимся на этом! – закончил свою речь Кенесары.

Батыры одобрительно закивали.

– Бог поможет!

– Ишалла, нам сопутствует удача!..

Кенесары сделал знак Сайдак-ходже:

– Пиши!.. Это будет наш второй приказ. Завтра с утра соберем всех и разыграем, как будем брать крепость. Большой холм к северу от аула расположен, будто Акмола...

– Сделаем так, торе!

Жусуп – Иосиф Герброт – с удивлением смотрел на Кенесары... Откуда у никогда не читавшего военных или исторических сочинений степного султана такие знания? Неужели это природное у него? Тогда народ правильно выбрал себе вождя, хоть и султан он по крови. И все же рано или поздно пути их разойдутся. Султаны не приносят народу счастья.

Уже когда собирались расходиться, за стеной юрты послышалась возня, чей-то крик. Батырмурат с Губиным поспешно вышли, чтобы узнать, в чем дело. Начальник охраны тут же вернулся и сообщил, что Кара-Улек и недавно перебежавший к ним джигит ведут поэта Арыстана. Женщины сами хотели расправиться с ним, оттого и произошел шум.

– Ведите его сюда! – приказал Кенесары.

Бедным поэтом из рода атыгай был Арыстан и попал когда-то в отряд Саржана. В степи особенно ценится острословие, красноречие, а он обладает этим в полной мере. Кроме того, он знал древние казахские предания и мог с вечера до утра петь о славных подвигах предков. Но характер у него был непостоянный и строптивый. Однажды, обидевшись на невнимание со стороны Кенесары, он переметнулся к Конур-Кульдже и стал постоянным проводником отрядов, снимавших карту степи. Его песни записывал русский офицер-топограф и платил за это деньги. В степи его ненавидели, считая ответственным за уничтоженные аулы, кровь и слезы близких. Таких вещей не прощают особенно тем людям, которые совсем недавно воспевали свободу и народные подвиги. Джигиты Кенесары давно уже охотились за ним.

На самом деле поэт Арыстан был виновен лишь в том, что показал дорогу топографам. Он никогда никого не убивал и считал, что поступает правильно. В конце концов, не он – другой покажет дорогу, а деньги платят хорошие и кормят при этом. Одни живут от скота своего, другие от земли, а от стихов сытым не

будешь. Куда деваться бедняку, у которого одна лошадь, и та хромая? Есть поговорка: хоть мытьем ишачьего хвоста, да заработай богатство. Так и он...

А Кенесары, который почему-то особенно не любил Арыстана, хотел по-своему расправиться с ним в наказание другим. И вот сейчас два человека ввели к нему в юрту похожего на кобчика маленького старичка с бородкой клинышком...

Те, что втащили его под руки, были хорошо известные в степи люди. Один был главный палач султана Кенесары – знаменитый Кара-Улек, каждый палец которого равен по величине руке новорожденного ребенка. Густо, как степная седая полынь, кучерявились на груди у него жесткие волосы, тяжело отвисли губы, а раскосые кошачьи глаза никогда не мигали. Он не знал в жизни, что такое жалость: это был жестокий, как рысь, огромный, как слон, черный, как сажа, человек. Этот Кара-Улек случайно оказался у Кенесары – он попался на воровстве, и какой-то созакский купец хотел его повесить. Кенесары откупил глухонемого великана, отдав за него черного верблюда. И кличку дал ему "Черный верблюд". Не случайно купил его Кенесары. Кара-Улек был беззаветно предан султану и отличался одним удобным свойством. Не слыша слов, он внимательно смотрел в глаза хозяина и выполнял то, что было там написано...

А с другой стороны обессилевшего от жестоких побоев поэта Арыстана держал Ожар... Уже месяц, как появился он здесь. Кенесары с радостью принял его, как боевого соратника батыра Сейтена и мужа дочери великого мученика Тайжана. Султан выделил ему достойную юрту, отделил скот и обеспечил всем необходимым. Ровно через десять дней после приезда Ожар отправил к Конур-Кульдже юркового рыжего Самена с подробным донесением о численности сарбазов в войске Кенесары, их настроениях и боевых качествах. Сегодня с утра он все стремился проникнуть в штабную юрту, чтобы выведать, о чем говорят на военном совете мятежников. Видя, как собираются прославленные батыры и вожди, он понял, что это неспроста. Но даже подойти к штабной юрте было невозможно: все сорок нукеров личной охраны султана были расставлены на подступах и не пропускали никого. Уже отчаявшись узнать что-нибудь, Ожар вдруг услышал, что где-то поймали ненавистного Арыстана

и он лежит сейчас, избитый и стуженный, в тюремной юрте.

Ожар принялся разжигать страсти, предлагая повести пойманного предателя для суда и немедленной расправы к султану. Пусть убедится Кенесары в его рвении и ненависти к предателям, а заодно можно пронюхать, о чем это они там совещаются так долго. Умному достаточно намека...

Арыстан, как только увидел Кенесары, зарыдал и бросился к его ногам:

– О мой султан, я – заблудившаяся паршивая овца! Невиновен я в том, о чем кричат эти люди. Зарабатывая на жизнь, показывал я дорогу русским ученым землемерам. Прости меня на первый раз, и навеки останусь твоим рабом!..

Ни одна жилка не дрогнула на каменном лице Кенесары, лишь побелело оно от гнева. Он так ни разу и не посмотрел на валявшегося в ногах поэта Арыстана.

– Изменяющий родной земле подобен больному сапом коню. – Кенесары говорил ровным голосом. – Чтобы не заразился табун, следует уничтожить его. Так что может быть только одно решение – смерть. И не позволять потом даже подходить к падали!..

Поляк Иосиф Гербрют закусил губу... что же, это жестокое, но правильное решение. Если действительно думаешь сохранить самостоятельность, то пусть люди боятся общения с врагом в любых формах. В борьбе необходимы жертвы, и ни к чему здесь шляхетское благородство. Уж он-то это хорошо понимает!..

Да, но почему батыры на этот раз не поддакивают султану? Все они опустили головы и стараются не смотреть на него. Почему опечалился Наурызбай, который, как драгоценное откровение, ловит обычно каждое слово старшего брата?..

Что это такое? Словно им вынесли смертный приговор, а не этому жалкому человечку, который лежит на полу в обмороке... Удивительный народ: в бою жестоки и беспощадны. Но когда приходят к ним с повинной, готовы тут же простить самого заклятого врага.

Вот попался им в руки этот Арыстан, о поимке которого мечтали стар и млад, чтобы отрубить ему голову. Но увидели его, умоляющего о пощаде, с

мокрой от слез бородой, и сразу дрогнули твердые сердца. Впрочем, не все ли народы в этом походе... А Кенесары как будто не замечает общего настроения. Как он поступит теперь?..

Султан еще раз окинул бесстрастным взглядом приунывших батыров, твердо опустил руку, указывая пальцем вниз:

– Здесь, на этом месте, отрубят Кара-Улек сейчас его поганую банку!

Еще ниже опустились головы у батыров. Наступила такая тишина, что слышно было, как легкий степной ветерок играл поверх юрты. Никто не осмеливался сказать что-нибудь, да и бесполезно это было. Слово, сказанное султанами, не может отменяться даже ими самими.

Иосиф Гербрут и это одобрил. Вождю следует приучать людей к железной дисциплине. Иначе получится, как на его родине, где каждый шляхтич считал себя вождем...

Арыстан пришел в себя и, убедившись в тщетности своей мольбы, вдруг поднял голову и сел, поджав под себя ноги. Оправив на себе одежду, он прямо посмотрел на Кенесары и резким движением отстранил волосатую руку Кара-Улека, потянувшуюся уже было с ножом к его горлу.

– Если тебе так уж хочется попробовать моей крови, то потерпи, успеешь еще! – Он не спускал глаз с Кенесары. – Да, таксыр! Слова требую по закону, султан! Ты приказал отрубить мне голову, но не язык...

– Говори!

Кара-Улек по знаку султана отошел в сторону. Арыстан весь подобрался и встряхнулся, как приготовившаяся к полету птица. По-прежнему глядя на Кенесары сверкающими глазами, он зашел:

Глянь ласково, Кене, – я раб у ног твоих,
А хочешь – презирай: останусь нем и тих,
Припомни лишь, что сын того я Атыгая,
Что дал Аблаю в дар красавиц шестерых.

Кенесары в ярости махнул рукой:

– Довольно!.. Лишь на бесстыдных не действует меткое слово. – Он указал на Арыстана: – Свои поступки этот человек завернул в благодеяния, оказанные его предками моим. Могу ли я убить его? Отпустите!

Одобрительно зашумели батыры:

– Верное решение, торе!..

– Не глух ты к памяти предков!

– Не глух к слову...

Иосиф Гербрут еще раз похвалил про себя султана за мудрость. Вождю надо уметь прислушиваться к мнению соратников, ибо они его сделали вождем. К тому же это говорит о его благородстве, великодушии...

И не знал Жусуп, что только что помилованный Арыстан будет через несколько дней случайно убит сбросившей его на землю лошадью. Никто не увидит, как это произошло, а на шее неудачливого поэта будет переломлен почему-то тот самый позвонок, который раскрошило падающее дерево у башкира Ашрафа...

Довольные мудрым решением султана, батыры один за другим выходили из штабной юрты. Каждый направлялся к своей лошади, которую держал под уздцы оруженосец-коновод. Наурызбай тоже подошел к своему коню и, перед тем как вскочить в седло, оглянулся на соседнюю коновязь. Сердце его вдруг остановилось, а потом заколотилось быстро и громко...

Девушка-воин в мужской одежде держала на поводу гнедого коня. В правой руке у нее было копье с кистями. Это была Акбокен...

С тех пор как Байтабын и Акбокен приехали в стан Кенесары с далеких берегов Илека, он служил в отряде Наурызбая, а она – у Бопай. Все ждали, что они обрчатся, но шли дни, а этого не происходило. Как брат и сестра они относились друг к другу, и люди недоуменно пожимали плечами. Считали, что они поженятся, когда возвратятся домой.

Наурызбай и раньше встречал ее среди окружающих Бопай женщин, и каждый раз при виде этой девушки сердце его переставало вдруг биться. Сама Акбокен способствовала этому...

Однажды по случаю дня рождения у султана Кошека в стане Кенесары проходил той. Как принято при этом, ему сопутствовали конные состязания – кокпар и казахская борьба – курес. Наурызбаю пришлось бороться с Байтабыном. Наурызбай был крупнее, да и немного старше своего соперника, и после упорного сопротивления Байтабын был повержен на землю. Каурого иноходца, которого получил за свою победу Наурызбай, он подарил девушке Акбокен.

– Батыр, это ваш долг победителя или подарок? – спросила его Акбокен, взяв под уздцы каурого.

– Это долг победителя перед вашим родственником, самым достойным джигитом из всех, с которыми мне приходилось бороться.

– То-то! – засмеялась Акбокен, сверкнув глазами. – Мы как будто не давали повода думать о себе иначе. Принимаю этого коня только как долг своему приехавшему издалека родственнику...

На шутку требовалось отвечать шуткой.

– Судя по недоброму смеху, сестра, вы бы больше обрадовались победе противоположной стороны, хотя все мы здесь родственники! Если было у вас такое желание, почему не шепнули мне об этом заранее?

Черные, как смородина, глаза Акбокен засияли.

– Если вы прислушиваетесь к шепоту, то думаю, что нам еще представится такая возможность...

– Договорились!

Наурызбай протянул ей руку. Щеки у Акбокен вспыхнули, и она стыдливо коснулась его длинных пальцев. Он почувствовал легкое дрожание ее руки.

Акбокен не спускала глаз с борющихся и поймала себя на том, что не очень сочувствует Байтабыну. Она много слышала о Наурызбае, знаменитом молодом торе – остроумном и веселом, и давно уже хотела увидеть его. Девушек всегда привлекают те, о ком много говорит народ. И когда он, поступив так благородно с побежденным, протянул ей свою большую руку, она невольно придержала свои пальцы.

С тех пор словно сотканная из солнечных лучей золотая сеть опустилась на нее и стала быстро опутывать мысли и чувства. Она сама не знала, что с ней творится, но сердце ее больше не трепетало при имени Байтабына. Ночами не спала она теперь, думая об этом... Неужели она такая плохая, что смогла забыть свою клятву верности? Пристало ли это казашке? Ведь с детства любит она дорогого Байтабына, и ближе всех людей на земле он... А может быть, это была не любовь? Что тогда любовь?

Почему же так стучит ее сердце при виде Наурызбая?... Месяц назад, когда Байтабын был в далеком походе, они обменялись с Наурызбаем тобыком – косточкой из бараньего сустава. Перед этим у них в присутствии множества гостей произошло песенное состязание, и к концу молодой торе протянул ей ма-

ленькую косточку. Это означало дружбу и любовь и тайну между ними. Какую же тайну?

Знает ли об этом Байтабын? Если знает, то почему молчит? Или, может быть, ему безразлично, что происходит с ней? Разумеется, Байтабын все прекрасно видит. Но какую же надо иметь выдержку, чтобы ни разу, ни единым намеком не выдать себя. Чего он ждет?

Байтабын, выйдя из штабной юрты, тоже увидел Акбокен, но, заметив уже направляющегося к ней младшего султана, остановился в стороне.

Наурызбай, отличавшийся смелостью в обращении с девушками, прямо подошел к ней:

– Здравствуй, сестричка!

– Здоров ли, батыр?

Наурызбай весело рассмеялся:

– Кажется, я застал врасплох Серну-Акбокен!.. Верни-ка мой табык!

Получившая тобык девушка обязана была на протяжении условленного времени держать его всегда при себе и предъявлять по первому требованию дарившего. Если тобыка не оказывалось, она должна была исполнить по уговору три любых желания. Так что Акбокен, действительно похожая на серну, чье имя носила, во многом уже доверилась Наурызбаю.

– Львы только и ищут удобного случая, чтобы напасть на бедную серну. Но серны помнят об этом. – Она тоже засмеялась и достала вдруг из-под языка маленькую косточку: – Пожалуйста!

– Да, надежней места не придумаешь! – Развел руками Наурызбай.

В это время появилась Бопай, что-то сказала стоящему поодаль Байтабыну, и вдвоем они подошли к разговаривающим.

– Амансын ба... Здравствуй, Акбокен! – вежливо поздоровался Байтабын.

– Барсын ба, Байтабын!

Байтабын чуть опустил подпругу известного всей степи гнедого коня, на котором ездил Бопай, поправил седло. Бопай искоса посмотрела на него и повернулась к Наурызбаю:

– Не отдашь ли этого молодого батыра в мое подчинение, Науанжан?

Наурызбай едва заметно нахмурился:

– Зачем?

- Есть причина...

Ладно... - Он не смел перечить старшей сестре. - Как только возьмем Акмолинскую крепость, берите его. Но пока мне храбрецы нужны.

- Значит, договорились!

- Когда вы едете, Бопай-ага? - спросил Наурызбай, которому явно хотелось переменить тему разговора.

- Прямо сейчас!

Бопай куда легче любого молодого джигита вскочила в седло.

- Счастливого пути!

- Да исполнятся все ваши пожелания!

Бопай с Акбокен одновременно тронулись с места. За ними, держась чуть поодаль, поехали четыре джигита охраны.

Наурызбай и Байтабын остались на месте.

- Прощайте!..

Наурызбай помахал рукой. Но женщины ехали не оглядываясь. Выехав из аула, они пустили коней рысью. Лишь быстро удаляющиеся копыта с кистями виднелись еще некоторое время за пыльной завесой...

Байтабын повернулся к Наурызбаю:

- Не поехать ли нам, батыр, в Актас?

Наурызбай с удивлением посмотрел на него:

- Зачем?

- Говорят, там в отряде появился алтайский стрелок, который с двухсот шагов пробивает стрелой подброшенный малахай. Хотелось бы посмотреть...

- Не время сейчас заниматься пустыми стрельбами да скачками, - недовольно ответил Наурызбай. - Ты же слышал: через неделю полезем на стены Акмолы. Нужно с утра до вечера обучать джигитов. Завтра и начнем!

- Это правильно.

- А сегодня вместе с Николаем переведите всю нашу тысячу в Сасырлы. Он знает, как следует наступать на крепость. Вон он идет как раз...

Они пошли навстречу Николаю Губину, которого давно уже казахи считали своим. И вдруг оба остановились, пораженные. Необыкновенной красоты молодая женщина сидела на пороге небольшой юрты...

Наурызбай взглянул на Байтабына и пошел дальше, а Байтабын стоял и не мог уйти. Внезапно, как вспышка молнии, ослепила его она. Неужели бывают

на свете такие красивые женщины? Несния-черные бездонные глаза смотрели мечтательно, как будто увидели какой-то иной мир, лицо светилось необыкновенным светом. Все остальное: тугие темно-золотые косы до пояса, тонкий стан, легкие движения маленьких точеных рук словно были лишь дорогой оправой этого бесценного лица. Она без всякого любопытства посмотрела на них и исчезла в юрте, как случайный луч солнца...

Наурызбай ожидал Байтабына вместе с Николаем Губиным. Он понимающе улыбнулся.

– Ее зовут Алтыншаш, – сказал он. – Золотые волосы!.. Только у них уже есть владелец.

Байтабын растерянно смотрел на него. Он не думал сейчас о том, замужем она или свободна. Это для него было безразлично. Главное, что вот живет на земле такая женщина...

Они уже втроем вышли на окраину аула и пошли к месту, где завтра с утра предстояло учить джигитов брать крепости...

Бопай, женщина-воительница, во главе шестисот сарбазов внезапно напала на Аманкарагайский приказ, разгромила его, а потом, повернув в горы Срымбет, разграбила аул Айганым, младшей жены Валихана. На другой день через всю Сарыарку покатила весть о том, что войско Кенесары вступило в степи Кокчетау. Получив эту весть, войсковой старшина Симонов во главе двухсот солдат немедленно выступил из Актауской крепости наперерез отряду Бопай, чтобы отобрать угнанный ею скот. Шедшая с другой стороны на помощь Акмолинской крепости передовая рота солдат тоже повернула в сторону Кокчетау...

Это и нужно было Кенесары. За два-три дня половина его войска подошла к озеру Кургальджино и остановилась на его берегу. Другая половина, пройдя по берегу Есиля от Атбасара, оказалась непосредственно в районе Кара-Откеля. Для казахских лошадей, легко делавших сто двадцать – сто тридцать верст в сутки, расстояние от Акмолинской крепости сократилось до нескольких часов пути. Утром шестого числа месяца тамыз – августа, дав отдохнуть людям и лошадям, Кенесары выступил в путь. На следующее утро, выйдя на стену, ага-султан Конур-Кульджа и

войсковой старшина Карбышев увидели бесчисленные конные лавы, обтекающие крепость со всех сторон...

Лишь на восточной стороне крепости, оставил Кенесары узкий проход. Восемь батыров возглавили войско, краями подковы упиравшееся в реку. Правое крыло, как было принято в степи, взял на себя сам Кенесары. Затем шли тысячи батыров Агибая и Бухарбая, в центре находился Басыгара, по левую сторону от него – Тулебай, Кудайменде и Жанайдар, а на противоположном от Кенесары краю подковы – младший султан Наурызбай. Как только заиграл на стенах первый луч солнца, пять тысяч всадников с громким кличем "Аблаи!" устремились к крепости.

Кара-Иван Карбышев уже приготовился скомандовать залп, но так и остался с поднятой рукой. Не привычной – плечом к плечу – конной лавой мчались на приступ джигиты Кенесары, а разомкнутой цепью, держась на десять – пятнадцать саженей друг от друга. И не бросились они в ров, не подставили себя под картечь и ружейный огонь, как обычно, а выпустили стрелы и отхлынули назад в оставленные проходы, освобождая место другим. Это была непрерывная атака, при которой осыпанные стрелами защитники крепости оказались бессильны причинить какой-либо серьезный урон нападающим.

Солнце уже поднялось над крепостью. Десятки убитых и раненых солдат оттащили со стен к казармам, а живой прибой не ослабевал. Привычные к длительным казахским конным играм – кокпар и сайсы – всадники Кенесары и сейчас, словно играя, сменяли друг друга под стенами крепости. Часть их по очереди отдыхала у дальних холмов, а защитники не могли позволить себе отдыха, так как в любую минуту вся эта конная масса грозила ринуться на приступ. Ничего нельзя было понять и предугадать в этом живом круговороте. Конур-Кульджа приказал было выискать вождей мятежников и стрелять по ним, но солдаты не могли выполнить приказ, так как на этот раз все были одеты одинаково, и даже самого султана Кенесары невозможно было определить среди нападающих.

– Неужели Ожар плохо пересчитал их? – проворчал Конур-Кульджа. – Тут, похоже, не пять тысяч, а все три жуза собрались у крепости!..

Ага-султан уже прикидывал, через какую нору

удирать ему из этой ловушки. Но не меньше был и Кара-Иван. Он заранее определил с места по его расчетам, должны будут идти на приступ мятежники, и нацелил туда заряженные картечью пушки. Стрелять следовало, когда сарбазы Кенесары заполнят ров и не будут уже иметь возможности повернуть назад. Так всегда делалось раньше, когда степняки пытались атаковать крепости. Но на этот раз происходило что-то непонятное. Мятежники даже не приближались ко рву и, выпустив на всем скаку двести стрелы, уносились обратно в степь. Он приказал солдатам отойти в укрытия. Если так, то пусть стреляют из луков, сколько им вздумается...

Как только солдаты отошли назад, всадники стали подъезжать ближе ко рву. Но длинные красные стрелы летели высоко над головами солдат, не причиняя им теперь никакого вреда. Кара-Иван несколько успокоился, но все же тревога не оставляла его. Сегодня все было не так, как обычно. Неужели не понимает Кенесары, что стрелять из луков по крепости, когда солдаты в укрытии, — пустая трата времени?..

— Ойбай... Горит!

— Пожар!..

Это у него под самым ухом завопил Конур-Кульджа. Войсковой старшина оглянулся и увидел густые клубы черного дыма, бьющие из казармы и нескольких строений вокруг. Кое-где показались ярко-белые языки пламени. Один за другим вспыхивали дома солдатской слободы. Высушенное степным солнцем смолистое дерево горело, как порох. Он не мог оторвать глаз от этой страшной картины.

И вдруг рядом с ним в стену воткнулась недотлевшая противопанцирная стрела. Кара-Иван машинально выдернул ее. Черным тлеющим жгутом был обмотан наконечник, который сразу же начал разгораться на ветру. Огонь пробежал по пропитанному салом дереву. Пришлось отбросить стрелу...

Да, мятежники перехитрили его. Наступает критический момент.

Если пожар охватит всю крепость, то загорятся склады с воинскими припасами и провизией. Спротивляться дальше станет невозможно...

Он снял полусотню солдат с обороны стены и послал тушить огонь. Все четыре пушки выкатили теперь на стену и расставили веером.

— Целить в скопления мятежников! — приказал Кара-Иван.

Пушки грохнули почти одновременно. Ядра покатились сквозь редкий строй всадников, сбив трех-четырёх из них вместе с лошадьми. На это раз, услышав пушечный грохот, мятежники не бросились врассыпную, а мигом выстроились в пять рядов и устремились к крепости. Тучи стрел заставляли солдат уткнуть головы в землю на валах. А две группы удалых сарбазов во главе с батырами Басыгарой и Тулебаем, воспользовавшись временем, пока пушки заряжали снова, проскочили по земляным мостикам у обоих ворот на другую сторону рва и теперь мчались узкой цепью вдоль самой стены, захватывая арканами неосторожных защитников. На валах началась паника. Грохот ружей, свист стрел, ругательства, крики и стоны раненых — все слилось в один неистовый хор.

В дыму и шуме оборонявшие крепость не заметили, что под обоими воротами задержались по несколько джигитов. Спрыгнув с коней, они уложили у самых створок бочонки с горючей смолой. Другие в это время обильно мазали смолой и салом крепкие дубовые, окованные железом ворота. Через минуту два высоких жарких костра загорелись на выходах из крепости, сливаясь с общим пожаром, охватившим уже все строения. И хоть новый залп из пушек — на этот раз картечью — причинил немалый урон нападавшим и заставил их отхлынуть на какое-то время от стен, судьба Акмолинской крепости была решена.

Конур-Кульджа с Кара-Иваном вынуждены были уже половину солдат и туленгутов направить на тушение пожара. Мenee двухсот человек оставалось на стенах. К тому же джигиты Кенесары уволокли арканами двух пушкарей. Северные ворота догорели первыми, и тяжелые железные скобы с лязгом рухнули на землю. В стене теперь зиял проход в добрых двадцать сажень шириной. Поняв, что опасность грозит оттуда, солдат заставили обкладывать брешь мешками с песком.

— Кто же из батыров хочет первым ворваться в крепость? — спросил Кенесары.

Захотели все, но выбор пал на Басыгару. Земляной мост был слишком узок для нападения большой массой, поэтому батыр Басыгара взял лишь сотню наиболее храбрых джигитов. Почти всех их ждала верная

смерть. Напротив пролома были установлены две пушки, а за мешками с песком лежали стрелки.

– В добрый путь! – напутствовал их Кенесары.

Чтобы отвлечь внимание защитников крепости, он приказал непрерывно обстреливать ее со всех сторон. Снова начался бешеный круговорот всадников вокруг стен. Теперь наиболее отчаянные из них подлетали к самому рву.

Батыр Басыгара, пригнувшись к самой гриве коня, летел во главе своей сотни. Однако могучий конь батыра – знаменитый Кертобель – перенес его через мешки с песком, и не успевшие перезарядить ружья, растерянные солдаты начали отступать. Четверо их пало под ударами его кованой палицы. В последний момент появившийся из-за укрытия солдат с трех шагов успел выстрелить ему прямо в грудь. Басыгара был без лат. Только и успел он крикнуть: “Прощайте, батыры!”

Потеряв предводителя, остальные повернули назад. Опомнившиеся стрелки дали залп джигитам в спину, и никто из них не доскакал до своих.

Лишь один Кертобель – конь Басыгары – вырвался невредимым из этой свалки. С развевающейся гривой, сотрясая воздух горестным ржанием, промчался он прямо в степь мимо Кенесары.

Поняв, что случилось, Кенесары вскочил обеими ногами на спину своему огромному пятилетнему жеребцу Кокбурылу и яростно закричал:

– Тело Басыгары в руках врага!

Он уже хотел сам броситься в крепость, но тут из конной толпы вырвался на своем знаменитом Ортеке Тулебай-батыр и помчался к дымящейся брешу в стене.

– Что вы ждете, джигиты?

Кенесары рывком послал коня в галоп. Вся масса всадников устремила к воротам.

– Аблай!.. Аблай!..

– Агибай!

– Атыгай!

Натиск был так силен, что мешки разлетелись в разные стороны, а мятежники, словно вода в половодье, разлились по крепости. Начинало уже темнеть, и измученные, обожженные солдаты, беспорядочно отстреливаясь, отступали к казармам. До поздней ночи продолжалась перестрелка, пока не был убит

последний защитник. И вот тут Кенесары показал себя...

Простые джигиты из казахской бедноты, ворвавшись в крепость, не трогали пленных, а особенно женщин и детей, которые совсем недавно были беспрепятственно пропущены сюда. А телохранители и сарбазы султана, словно голодные волки, упивались кровью. Не щадили ни юных, ни старых. Стоны и плач неслись со всех сторон. Только к утру прекратились грабеж и насилие. Дымящиеся развалины оставались там, где вчера еще стояла Акмолинская крепость.

Наутро сарбазы Кенесары при помощи согнанного со всех окрестных аулов населения принялись разравнивать рвы, разрушать оставшиеся насыпи. С испугом поглядывали люди на развалины казармы, возле которой высилась гора трупов после ночной расправы султанских туленгутов. Казахские женщины подобрали и спрятали несколько оставшихся в живых детей. Их потом никто и не разыскивал. С тех пор и встречались среди жителей уезда светловолосые и голубоглазые казахи, похожие на русских...

Все перерыли и переверорошили сарбазы Кенесары. Но среди трупов не обнаружили ни ага-султана Конур-Кульджу, ни Кара-Ивана – войскового старшину Карбышева. Воспользовавшись суматохой, они с несколькими солдатами скрылись по оврагу, ведущему к Есилю...

Жеке-батыр. “Батыр, берущий в одиночку крепости”, – так повелел Кенесары называть с тех пор Тулебай-батыра. Почетные прозвища получили от султана и многие другие джигиты, отличившиеся при взятии Акмолинской крепости. По убитым были справлены пышные поминки...

Спустя несколько дней мятежные отряды во главе с Агибаем, Наурызбаем, Бухарбаем и Жеке-батыром по приказу Кенесары разгромили и сровняли с землей укрепления Актау и Ортау.

Это был серьезный успех Кенесары. Дело было даже не в одной Акмолинской крепости. Некоторые казахские роды и племена, придерживавшиеся до сих пор выжидательной политики, поверили наконец в силу Кенесары и его возможности. Все новые и новые отряды джигитов прибывали к нему с разных сторон степи. Стоустая молва во много раз преувеличивала

его победу, воспевала его храбрость и мужество примкнувших к нему батыров. На это и рассчитывал Кенесары...

Он знал, что у него недостаточно сил для настоящей войны. Теперь, после взятия большой крепости, он мог, не роняя своего имени, вести изматывающую стенную войну с неожиданными нападениями, скоротечными схватками, лисьими засадами. И еще мог почти беспрепятственно громить враждебные ему аулы, перетягивая колеблющихся на свою сторону...

III

В ночь падения Акмолинской крепости ага-султан Конур-Кульджа бежал к своей младшей жене Зейнеп, которая за несколько дней до этого вместе со своим аулом откочевала на запад, туда, где Есиль поворачивает к Иртышу. Там была уже территория Каркаралинского округа...

У Конур-Кульджи были свои расчеты.

В то время Кенесары поддерживала значительная часть простых казахов, лишившихся своих земель. Искренне были преданы ему некоторые феодалы, такие, как сыновья Азанбая. Но многие крупные бии и султаны Сарыарки примкнули к движению лишь потому, что боялись мести черни, безземельного, обездоленного народа. Кенесары ловко использовал эту боязнь, принуждая родовую знать повинаться ему. Даже некоторые потомки давно признавших власть белого царя султанов оказались на какое-то время в лагере Кенесары. Так случилось, например, со вторым сыном Вали-хана Абулмамбетом, который погиб, сражаясь в рядах мятежников...

Были и такие, которые считали, что царское правительство обошло их при раздаче чинов и должностей. Известный феодал Сарман Турсунхан-улы перешел к сыновьям Касыма-торе сразу же после того, как вместо него ага-султаном в их округе назначили безродного Турлыбека Кошенова. Кенесары, по существу, мог с полной уверенностью опираться только на прямых отпрысков Аблая...

Хуже было сейчас положение у Конур-Кульджи. Его в Сарыарке поддерживали лишь каркаралинский ага-султан Жамантай, аманкарагайский ага-султан

Чингиз – сын сэвора Байли-хана от его младшей жены Айганым, безропотый Байнаульский ага-султан Боштай Турсынбаев, кокчетауский ага-султан Зильгара – известный в степи богач и самодур...

Но значительнее всех этих правителей были помогавшие Конур-Кульдже родственники его младшей жены Зейнеп: потомки Буксей-хана – Кусбек и Жамантай Тауке-улы. Хоть братья и грызлись друг с другом за пастбища и власть над соплеменниками, но когда дело касалось помощи опекавшему их Конур-Кульдже, они были единодушны. В Каркаралинском округе их слово было законом. Потому и не прогнал Конур-Кульджа свою жену Зейнеп за шашни с Чингисом, что она являлась их младшей сестрой. В такие смутные времена и так хватало забот. К тому же разве это был первый такой случай среди торе? В отличие от простых кочевников, они себе и не такое еще позволяли. Это о них в народе говорили, что одежды у торе скроены таким образом, чтобы в один миг можно было скинуть их. И разве не про родовитых людей сложили шуточную песню-поговорку:

Дочь не отдавай торе
И не сватайся к торе:
Там мужья в соседях спят,
Жены – на других глядят.

Среди торе было принято закрывать глаза на любовные похождения жен, только бы соблюдать внешние приличия. Конур-Кульджа не был исключением и быстро стал забывать проступок Зейнеп. "Глубокое озеро не замутит целый табун, так станет ли оно грязным от шалостей одного стригунка!" Вспомнив к месту эту пословицу и влиятельных родственников своей жены, он великодушно простил ей столь незначительный грешок. В тот же день, когда Ожар переслал ему сообщение о планах Кенесары в отношении Акмолинской крепости, Конур-Кульджа и отправил аул Зейнеп вниз по течению Есиля. Там, на изломе реки, неподалеку от владений братьев Зейнеп, находился большой остров, где паслись три тысячи высокопородных аргамаков белой масти, принадлежащих ага-султану и скрытых им от налогообложения. За рекой начинались владения Жамантая, и в случае чего он сразу мог прийти на помощь. А в том, что Кенесары первым делом захочет разгромить аул

дочери Тауке – Зейнеп, а потом добраться и до сына Тауке – Жамантай. Конур-Кульджа несколько не сомневался...

Был конец месяца жастоксан – время, когда еще не совсем спала летняя жара. Давно уж отцвели в степи поздние тюльпаны, одуванчики и лалы – удивительные цветы, названные казахами за густоту, с какой росли, “вражья помощь”. Типчак пожелтел, ломался под ногою с хрустом, опали листья тала и раakitника. На острове и в излучине Есиля, где паслись табуны Конур-Кульджи, травы были настолько буйными, что ноги путались в них. Уже два года сыновья Кудайменде не перегоняли сюда свой основной скот, боясь отдаляться от Акмолинской крепости. К тому же нынче Есиль поднялся необычно высоко и затопил берега. Образовались маленькие, поросшие камышом озера, которые кишели дичью. Все здесь было: на берегах – маленькие перепела, куропатки, рябчики, дудаки и огненные фазаны, на воде – громадные, величиной с ягненка, черные гуси, бакланы. Неисчислимое множество зверья водилось вокруг: зайцы, лисы, белки, барсуки. Нет-нет да и раздавалось грозное рычание рыси, волчий рык...

Пятьдесят вооруженных джигитов направил сюда Конур-Кульджа, чтобы охранять имущество и скот. Узнав о поездке своей сестры к границам Каркаралинского округа, Жамантай обеспокоился. Повсюду рыскали разъезды Кенесары, и если бы над ней учинили какое-нибудь насилие, это легло бы несмыслимым позором на сыновей Тауке. Поэтому он выделил еще сотню сарбазов для ее охраны.

Беспечно валялась Зейнеп целые дни на прибрежной зеленой лужайке. Часто гостили у нее девушки из соседних аулов. Понаехало много тетушек, которые воспитывали ее с самого детства. Ей вспоминались веселые девичьи дни, когда все они наперебой нашептывали ей приятные вещи. Ах, чего только не говорили ей тогда! “А знаешь ли, дорогая, что сын волостного управителя мечтает хоть одним глазом посмотреть на тебя!”, “Молодой мирза, который водит караваны в Ташкент, в надежде на твою снисходительность к его чувству хотя бы на одну ночь, прислал в подарок четыре вьюка с китайским чаем и пять голов сахара!”

Это тогда. А что вроде бы шутя говорили и советовали они ей совсем недавно, по очереди наезжая в ее аул!.. "Баловница наша, твои бедра стали глаже шелка и белее сахара. Ты так расцвела и похорошела, словно сказочный иноходец Тулегена, который мог сорок дней мчаться, не зная усталости!", "Народи своему мужу сыновей-наследников и возьми власть в свои бархатные ручки!", "Не скромничай, удели лишнюю ночь такому-то... Только в молодости можно насладиться всеми радостями жизни. Думаешь, мы не обманываем мужей? Так что не теряй лишней ночи!.."

Но всех этих слов, приятных ее ушам, на этот раз сказано не было. И джигиты охраны, среди которых она высмотрела немало крепких юношей, не совали головы в дверь ее юрты. Они боялись Конур-Кульджи и Жамантая, которые запретили им даже приближаться к Зейнеп на выстрел из лука. И хоть бы один из них хоть на коротенькую ночь нарушил этот запрет!..

Да, они боялись соглядатаев ага-султана. Кому была охота ради одной сладкой ночи получить предательский удар ножом в спину. И, наедаясь по несколько раз в день свежим куырдаком или нежным мясом жеребенка, запивая обед сливками и крепким кумысом, молодая женщина изнывала от тоски.

Такого еще не было с ней. После замужества редкую ночь проводила она одна. Ей помнились жесткие поцелуи, пахнущие крепким мужским потом. Без этого к чему ей золото и меха, белые аргмаки и льстивые речи. Маслянистой поволокой были теперь постоянно затянута ее глаза, а маленькие пухлые губы потрескались от скрытого жара...

Зейнеп ничего не знала о том, что происходит с Акмолинской крепостью, и ждала оттуда гонца с известиями. Через него она думала хоть на два-три дня заполучить к себе Конур-Кульджу. Хоть и стар он, но кое в чем не уступает и молодым. К сожалению, пройдет еще несколько долгих, невыносимых дней, пока он приедет. Она в ярости принялась колотить руками подушку под собой, потом разрыдалась.

Поплакав, но не облегчив этим сладкой тяжести во всем теле, Зейнеп уже сунула голые ноги в расшитые золотом туфельки и вдруг услышала за стеной юрты конский топот. Судя по всему, всадники не торопились. Кто бы это мог быть?.. Она позвала рабыню, всегда сидевшую за дверью.

— Дочь торе... — сказала, войдя и смиренно склонилась перед ней, пожимая плечами женщина. — Приехал ваш племянник и хочет засвидетельствовать свое уважение.

— Какой племянник?

В приятном предчувствии Зейнеп живо вскочила с постели. — Из аула Масан-бия...

— Да ну!

Как ей было не волноваться при этом известии. Масан — самый знаменитый в Каркаралинском округе бий, потомок Каздаусты Казыбека из знаменитого рода Каракесек. Прибывший был сыном Атыгая, ближайшего родственника Масана. Есиркеген звали его. Ему было около семнадцати лет, и учился он в Баянаульской русской школе.

Но не из-за знатности племянника вскочила Зейнеп. На четыре года моложе ее Есиркеген. А когда ей уже исполнилось четырнадцать и вот-вот должен был приехать ее нареченный Конур-Кульджа, она выехала погостить в аул к родственникам. В то время там гостил и хрупкий красивенький одиннадцатилетний мальчик с большими миндалевидными глазами. Это был Есиркеген, которого родственники по очереди приглашали к себе ночевать. Ничего не было предосудительного и в том, что несовершеннолетнего мальчика укладывали спать вместе с девушками.

И вот однажды ночью, когда он гостил у родителей своей матери, его уложили в одну постель с двумя молодыми тетками. Одна из них была невеста на выданье — Зейнеп, а другая — красавица Хадиша, жена султана Атбасарского уезда. Хозяина дома Кусбекаторе Масана не было тогда дома, зато там же ночевали двое молодых людей из торе. Пожилая хозяйка потому и положила Есиркегена спать в женскую постель, чтобы не случилось недозволенного.

И не напрасно. В те времена в традициях настоящих джигитов было нарушать девичий сон. Красивый чернобородый гость принялся из своего угла рассказывать сказки мальчику, и тот, пригревшись между теплыми телами женщин, вскоре заснул.

Проснулся он оттого, что ему приснилась буря на озере. И действительно, большая русская никелированная кровать раскачивалась, словно лодка. Он вспомнил, что сказала ему старая бабушка, укладывая

на ночь: "Посмотри, чтобы никто не увидел твоих поцелушей... Чуть что — кричи!" Он протянул руку к лицу Хадиши и нащупал там жесткую бороду. Мальчик, который многое уже понимал, ревновал свою красивую родственницу. Он хотел уже громко крикнуть, но вдруг почувствовал, как лежащая по другую сторону Зейнеп пытается через себя переложить его к стене. Почувствовав, что он проснулся, она вдруг стиснула его жаркими руками. "Давай делай... как они!" — шепнула она, и вдруг его охватило неведомое. Он беспрекословно подчинился всему, что она с ним делала...

Наутро, стесняясь теток, мальчик убежал от них спозаранку и до самого отъезда не заходил больше к ним. И вот сейчас он приехал навестить свою двоюродную тетку Зейнеп в ее ауле...

Сколько же ему сейчас лет?.. Ну да, семнадцать... Зейнеп быстро оделась, сама прибрала постель.

— Ассалаумагалейкум!..

Вошел Есиркеген со сложенной вдвое плетью в руке. Он давно уже был не мальчик. Об этом лучше всего говорили довольно густой пушок над верхней губой, вытянувшиеся отвердевшие скулы, ширина плеч. Несмотря на то что Есиркеген учился с русскими, одет он был по богатой аульской моде. На голове красиво сидела голубая бархатная шапка, отороченная серым каракулем. С голубым плюшевым воротником был и короткий сюртучок из белой верблюжьей шерсти. Широкие штаны из голубого бархата свободно падали на черные блестящие хромовые сапоги с высокими, в три пальца, каблуками...

Зейнеп одним взглядом охватила его всего, с ног до головы... Да, такой царень вполне может вызывать любопытство у девушек. Она пошла к нему с широко раскрытыми объятиями, и щеки Есиркегена чуть не сторели от жарких тетиных поцелуев. Он почувствовал теплоту ее тела, вспомнил происшедшее с ним шесть лет назад и почти силой высвободился из ее объятий.

— Ну, как живет ваш аул? Как отец с матерью — живы, здоровы?

Зейнеп сияла от радости.

— Здоровы... Все хорошо...

— Да ты посмотри, какой джигит вырос! — Она, видимо, поняла, что он вспомнил ту ночь, и звонко

рассмеялась. – Говорили, что ты в городе учишься. Уж городские девушки, наверно, научили тебя кой-чему!..

Есиркегену не понравилось, что она говорит с ним в шутовском тоне, но отвечал учтиво:

– Учиться приходится у учителей, а не у девушек.

– Ну уж, не скромничай. У городских все так устроено, как и у нас...

Быстро закололи барана, поставили самовар. Пили настоящий на вяленом прибережном жире казы кумыс. На обед были приглашены два аксакала. Поговорив о делах в мире и пожелав хорошего здоровья жене ага-султана и ее племяннику, они ушли...

Зейнеп уже подробно принялась расспрашивать его о городской жизни. Как бы между прочим интересовалась она, на городской или аульской собирается он жениться, а потом прямо спросила, отведывал ли он городских женщин. Она так заманчиво смеялась, что Есиркеген не знал, куда девать глаза. Он краснел, каждый раз надувал губы, отвечал невпопад. Хоть и было ему почти семнадцать лет, но душой он был чист, как весенний нераспустившийся бутон.

А Зейнеп... Чем больше удивления было в прозрачно-чистых глазах юноши, тем более двусмысленными становились ее шутки. Она лежала на постели, животом подмяв под себя подушку, и непрерывно смотрела на него. То и дело взбрыкивала она ножками, и шелковая ткань сползала, обнажая полные белые икры. Маленькой ручкой она игриво трепала его волосы. Пухлые пальчики ее поддрагивали...

Никто в ауле не воспринимал как грех их долгое пребывание вместе. И бедный юноша, у которого были совсем другие, более высокие понятия об отношениях между мужчиной и женщиной, не знал, куда ему деваться. Он приехал сюда по настоянию своего деда Масан-бия, чтобы передать поклон родственнице, и совсем забыл про ту ночь. Когда солнце склонилось к закату, Есиркеген собрался было уезжать, но Зейнеп не отпустила его.

– Куда же ты торопишься, словно дома молодая жена заждалась? Переночуй, отдохни как следует...

Она так умоляла его, что он вынужден был остаться. Вечером Есиркеген навестил своих товарищей, которые, как и он, гостили на каникулах у родных. Они сказали, что поедут только утром, и ему волей-неволей пришлось вернуться в тетину юрту.

Роскошный ужин устроила Зейнеп для Есиркегена, позвала двух его соучеников и некоторых аксакалов. Они хорошо поговорили и далеко за полночь разошлись по своим юртам. Зейнеп сама постелила Есиркегену перину на почетном месте, укрыла его красным шелковым одеялом на козьем пуху, потом, потушив восьмилинейную керосиновую лампу, ушла за спинку кровати и принялась там раздеваться.

Медленно раздевалась она, и все клочотало у нее в груди от бессильного гнева. Повернувшись в противоположную сторону, юноша сделал вид, что крепко заснул. Не было для нее страшнее муки. При всей своей настойчивости, она все же не решалась открыто позвать его к себе или лечь с ним рядом. Недостигаемой звездой в небе был для нее сейчас этот лежащий в трех шагах молодой мужчина, и ей казалось, что она умрет, если не достанет эту звезду.

С боку на бок переворачивалась Зейнеп на своей огромной кровати, раздавался призывный серебряный звон, который еще больше распялял ее. Да и ночь выдалась какая-то невыносимо душная, и ей казалось, что все ее истомившееся тело поджаривают на медленном огне. Неужели этот щенок не мужчина? Здесь, рядом, ждет его такое наслаждение, а он спит себе! Что же может сдерживать его?

Она сначала хотела встать и выгнать его из дому, потом готова была броситься на колени и умолять его о пощаде. А он спал и сладко посапывал во сне... Нет, это уже задевало ее женскую честь! Неужели она такая некрасивая, что молодые джигиты уже спят с ней в одной юрте и не хотят коснуться ее!..

– Ну, погоди!.. – прошептала она и, накинув халат, вышла на улицу. Притворявшийся до сих пор спящим Есиркеген повернулся к двери и с любопытством посмотрел ей вслед. Он уже чуть было действительно не заснул, но тут вернулась Зейнеп в сопровождении рабыни, которая несла большой медный таз для купания. Родственница скользнула взглядом по крепко зажмурившему глаза юноше и удовлетворенно усмехнулась про себя.

– Погоди, дорогой! – еще раз прошептала она.

Есиркеген сквозь сомкнутые веки удивленно наблюдал за приготовлениями. Рабыня поставила таз посередине юрты – на то место, где разжигают огонь. Потом она принесла со двора медный чайник и ведро

горячей воды. Зейнеп спокойно сбросила с себя роскошный халат и осталась совсем голой...

— Ничего, он спит! — сказала она рабыне и принялась мыться. Тело ее светилось в лунном свете, дивящемся в юрту через открытый тундук. Рабыня лила на нее воду, и она мыла себя, придерживая рукой тяжелые груди. Длинные черные косы висели между ними, теряясь где-то в полутьме бедер. Запах душистого городского мыла распространился от нее...

Есиркеген застонал. Она удовлетворенно повела полными белыми плечами и велела рабыне унести все на улицу. Затем заперла дверь на крючок, встала на то же место посередине юрты и начала долго и тщательно обтирать нагое тело большим ворсистым полотенцем.

Есиркеген сходил с ума на своей перине. Он было уже приподнялся, чтобы идти к ней, как вдруг послышался приближающийся топот коней. Залаляли аульные собаки, громкие мужские голоса раздались в ночи. Слышно было, как неизвестные всадники подъехали к самой юрте, стали слезать с лошадей.

— Эй, ты дома, несносная баба?

Это был Конур-Кульджа. Зейнеп живо юркнула на свою кровать и откликнулась уже оттуда:

— Дома, конечно... — Голос у нее был на удивление сонным. — Где же мне еще быть в такой час?.. А ты не мог выбрать другого времени для приезда!

Она прошлепала к двери, открыла ее. Конур-Кульджа ввалился, заняв половину юрты.

— Люди гибнут... Весь Есиль окрашен кровью, а ты спишь здесь, не ведая забот.

Сон словно бы соскочил с Зейнеп.

— Что случилось?

Конур-Кульджа не удостоил ее ответом. Только когда снял он свой украшенный позументами мундир подполковника, заметил ага-султан скорчившегося на своей постели Есиркегена.

— Что это еще за косматый черт у тебя? — грозно прохрипел он жене.

— Мой племянник из аула Масан-бия...

— Что-то не убывает у тебя племянников в отсутствие мужа! — проворчал, успокаиваясь, Конур-Кульджа. — Уж не сын ли это сестры Жамантая, что учится в городе?

- Он самый, Есиркеген...

- Ага, в таком случае спи, джигит. Утром погово-
рим. – Он улегся на скрипучую кровать, вытянул ногу
в хромовом сапоге: – Жена, стащи-ка сапоги!

Зейнеп выкрутила фитиль у лампы, стянула с него
сапоги, отнесла их подальше и тут только заметила,
что на муже лица нет.

- Что с тобой? – В голосе ее слышалось участие. –
В чем дело? Почему ты не рассказываешь мне?

Конур-Кульджа зарычал, как пес на цепи:

- Тебе-то что за дело до всего этого! Не беспокойся,
то, что всегда необходимо тебе, я привез в целости и
сохранности. Хоть это, слава богу!.. Лучше подай-ка
мне кумысу, если есть у тебя...

Зейнеп налила в большую пиалу кумысу, подала
ее сидящему в одной рубахе Конур-Кульдже:

- Сходи на улицу и узнай, как там устроились мои
люди!

Она вышла и вскоре вернулась:

- Кроме охранников по краям аула, никого больше
не видно...

- Хорошо, что не потревожили людей. Пусть ка-
жется, что нас здесь нет... Ладно, иди сюда!

Он грубо дернул ее к себе и навалился, не обращая
никакого внимания на лежащего в трех шагах
Есиркегена. Она была довольна и даже не представ-
ляла, что муж приехал сюда, едва избежав смерти.

Проснувшись утром, люди услышали о взятии
сарбазами Кенесары Акмолинской крепости. Немало
людей тайно радовались этому. На первый взгляд
казалось, что разрушительный ураган войны мино-
вал этот оказавшийся в стороне аул, но тревога чув-
ствовалась во всем.

За утренним чаем Конур-Кульджа строго посмот-
рел на молодую жену:

- Ладно, хватит плакать из-за этой крепости. По-
надобятся белому царю крепости – еще настроит. Ка-
ра-Иван сейчас на пути в Омск. Пусть занимается
этим с генералом Талызиным. А у меня и своих дел
по горло...

- Да, нужно думать о своих делах...

Она вытерла обильно текущие по лицу слезы и
снова засияла. Взгляд ага-султана задержался на
Есиркегене:

- Ты по-русски хорошо умеешь?

– Умею...

– Мой писарь погиб в Акмолинске. Пока не найду нужного человека, оставайся здесь.

Зейнеп не удержалась:

– Ведь он отстанет от учебы. Пригласи лучше для этого старшего мальчика...

Под старшим мальчиком она подразумевала Жанадилу.

– Погубила младшего мальчика, а теперь хочешь старшего, – проворчал Конур-Кульджа. – Довольно, не влезай в разговор мужчин. Выберешь соседей по совету жены – обязательно угодишь в руки врагов. А Жанадилу никуда не денется, найдется и ему работа...

– Хорошо, я останусь, – согласился Есиркеген.

– В таком случае прочти и переведи мне эту бумагу. Она давно уже поступила, но из-за кровопийцы Кенесары я так и не ознакомился с ней... Вслух прочитай, а то у меня болят почему-то глаза...

Это был ответ генерала Талызина на письмо Конур-Кульджи, в котором ага-султан просил возместить ему потерю скота, угнанного джигитами Кенесары. Генерал объяснил ему создавшееся положение, пообещал в самое ближайшее время принять соответствующие меры в отношении Кенесары, а по поводу возмещения ущерба припишет всего лишь несколько слов. Он рекомендовал сделать это за счет дополнительного налога.

“Разрешаю восполнить убыток за счет вверенных вам киргизов...” Есиркеген прочитал это и в ожидании посмотрел на Конур-Кульджу.

Конур-Кульджа помрачнел... Если столько генералов с блестящими пуговицами не могут обуздать одного Кенесары, то зачем тогда так много требуют от него! Легче всего предложить ввести дополнительные налоги, а вот как осуществить это?

Нынче, когда в Кокчетавском и Каркаралинском уездах стали собирать ясак по уложению 1822 года – по одной голове скота от каждой сотни, – то сколько аулов сразу переметнулось к Кенесары. Скот всегда был для казахов дороже жизни, потому что нет у него другого богатства.

“Да, попробуй вернуть сейчас семнадцать тысяч чистопородных лошадей. Люди обнищали за зиму и все чаще посматривают в сторону степи, не видать ли джигитов Кенесары. Правда, казахов Кара-Откеля

благодаря мне освободили от налогов до сорокового года, а за добро следует платить добром. И если они сами не догадаются об этом, придется напомнить. Почему Кенесары мог отобрать у меня лошадей, а я должен церемониться с какой-то чернью? Отберу, вместе с кровавым мясом вырву, если будут сопротивляться. Судьба всех их в моих руках, и пусть знают это.

А потом, разве я не знаю их настроения? В душе каждый из них – мятежник. Вот пусть и пеняют на своего Кенесары за дополнительный налог!

Пока что нужно съездить в Омск и поговорить с глазу на глаз с самим генерал-губернатором Горчаковым. Он, конечно, сразу примет меня. Даже простого черного казаха Боштая Турсынбаева принял князь, когда тот передал ему, что баянаульские жители хотят переметнуться к Кенесары. И большой отряд направил туда. Горчаков должен пойти мне навстречу, а надеяться на одного Талызина нельзя...”

После чая Конур-Кульджа остался наедине с Есиркегеном и распределил дополнительный налог в семнадцать тысяч лошадей в свою пользу на девять из восемнадцати волостей Акмолинского округа. Это были волости, не вовлеченные пока в мятеж Кенесары. Семь волостей должны были дать каждая по тысяче лошадей, а частично поддерживавшие Кенесары Атбасарская и Кургальджинская волости – по полторы тысячи. В приказе по волостям, тут же написанном Есиркегеном, особо указывается, что принимать в счет этого чрезвычайного налога следует лишь высокопородных и молодых лошадей.

Разослав приказ по волостям, Конур-Кульджа принялся готовиться к поездке в Омск. Вскоре приехал Жанадил, который был послан переселить аулы старших жен ага-султана – Кайниси и Аккагаз – на нижнее течение Есиля. Кроме того, Конур-Кульджа срочно вызвал к себе ага-султанов: Каркаралинского округа – Жамантая Тауке-улы, Кокчетавского округа – Зильгару Каротока-улы и Аманкарагайского округа – Чингиса Вали-улы. Он хотел, чтобы все эти влиятельные люди сообща потребовали у генерал-губернатора быстрых и решительных действий против Кенесары. Только войска и пушки могли повлиять теперь на ход событий...

Если же в Омске снова начнут медлить, ага-султан

решил начать прямые переговоры с Кенесары. Это, конечно, трудно, но вполне возможно. Вечный враг во все равно останется между ними, но мир был бы сейчас выгоден обоим. Кенесары в своих целях хочет объединить казахов, и, если преклонить перед ним голову, он вынужден будет считаться с этим...

“Мужки не помирятся, пока не поссорятся. Дай твою руку, торе, и я буду верно служить твоим предначертаниям!..” Так он скажет, придя к Кенесары со своими туленгутами. А когда появится удобный случай, то вблизи его легче использовать. Той же самой рукой стиснет он горло врага... О всемогущий аллах, дай ему только дожить до этого светлого дня!

Однако соседние ага-султаны задерживались. От одного за другим приходили письма: в округах смута, и стало опасно выезжать из охраняемых солдатами приказов. К просьбе же его о присылке войск они единодушно присоединились. И еще советовали использовать наступающую зиму для борьбы с мятежниками. Зимой действия конных масс ограничены, к тому же Кенесары наверняка распустит на зиму по домам своих сарбазов и останется с тремя-четырьмя сотнями телохранителей и батыров...

Только получив эти ответы, понял Конур-Кульджа, насколько опасным стал Кенесары, но не испугался, а разъярился... Трусы они, трусы! Но это их не спасет. Насколько он знает Кенесары, тот прикончит их по очереди, каждого в собственной берлоге...

Есиркеген, выполняя все распоряжения ага-султана, внимательно приглядывался к нему. Рассказы о подвигах батыров Кенесары, обрастая легендарными подробностями, передавались из уст в уста, и он не мог пройти равнодушно мимо них. Молодые джигиты давно уже бредили этими подвигами, и многие из них готовы были устремиться в войско мятежного султана. На Есиркегена к тому же влиял его дед Масан, в определенной степени симпатизировавший Кенесары. Да и сам Жамантай в последнее время не проявлял себя прямым врагом Кенесары, а предпочитал отмалчиваться. Люди же вокруг, особенно сверстники Есиркегена, открыто хвалили мятежников.

Когда Конур-Кульджа предрек, что Кенесары передошлет врагов каждого в своей берлоге, Есиркеген невольно усмехнулся. Заметивший это ага-султан с

удивленном воззрелся на него. Мог ли он знать, что именно из русских школ, в одной из которых учился племянник его младшей жены, и выйдут в будущем как раз самые опасные люди – революционеры, а Есиркеген будет одним из них...

Десять джигитов сопровождали ага-султана в Омск. Хотели выехать до полудня при хорошей погоде, но подул холодный ветер из Сарыарки, и небо стало заволакивать тяжелыми тучами. К Конур-Кульдже вошел телохранитель:

– Ага-султан, к вам какой-то человек!

– А откуда он?

– Отказывается назваться и желает говорить только с вами...

– Впусти, но оружие отбери!

С тех пор как убили Чингиса, он стал бояться незнакомых посетителей. Кенесары мог подослать к нему убийцу в любой момент, и теперь каждого, входящего к ага-султану, обыскивали...

Конур-Кульджа ожидающе смотрел на дверь. Вошел бледный худощавый джигит с синими глазами. Есиркеген вздрогнул от неприятного холодного взгляда вошедшего.

– Ассаляумагалейкум! – склонился тот в поклоне.

– Уагалейкумассалям... Говори, зачем пришел!

Это и был Самен, тайный человек Ожара.

Конур-Кульджа понял это, мельком взглянув на пояс джигита. Нож и чакча висели у него слева, а не справа, как обычно. Есиркеген перехватил взгляд ага-султана и удивился.

– А где же сам хозяин? – спросил Конур-Кульджа.

– Сам он в отряде Байтабына и не мог приехать даже на день...

Джигит не стал продолжать и показал глазами на Есиркегена. Но Конур-Кульджа разрешающе махнул рукой:

– Говори, это свой человек, родственник...

– Важное сообщение! – Джигит явно был взволнован. – Кенесары послал против вас два сильных отряда во главе с Агибаем и Байтабыном. Отряд Агибая уже в ущелье Каражар и завтра выступает на Каркаралы. Они хотят угнать табуны ага-султана Жамантая. Кенесары зол на него за то, что колеблется...

– А куда идет отряд Байтабына?

– Я в отряде Агибая... Отряд Байтабына идет по-

зади и будет к рассвету здесь. Кенесары послал его за вашими оставшимися лошадьми.

Конур-Кульджа побагровел.

– Сколько же их?

– Человек по сорок в каждом отряде.

– И всего столько-то! – грозно нахмурился ага-султан. – Совсем обнаглел этот разбойник. Нет, пора показать им, что со мною шутки плохи... Говоришь, они в ущелье Каражар?

– Да, завтра мы идем на Каркаралы, а они – сюда. Немного времени выделяется для отдыха...

Конур-Кульджа кликнул рассыльного и велел вызвать начальника туленгутов Асылгереев.

– Они знают, где пасутся мои лошади? – снова обратился он к Самену.

– Знают все... Мне тот сказал, кто послал.

Есиркеген теперь понял все. Значит, в стане Кенесары есть глаза и уши ага-султана. Но что это за люди, он не решался спросить.

– Где думает Байтабын отыскать моих лошадей? – спросил Конур-Кульджа, все еще не веривший, что мятежники смогли разгадать его хитрость.

– На Есиле, где поворот к Иртышу.

Конур-Кульджа грязно выругался.

– Как все же узнали они про это?

– Тот человек сам не мог вырваться из отряда. У меня к вам есть еще одно дело.

– Можешь говорить! – еще разрешил Конур-Кульджа.

– Где-то здесь скрывается в камышах некий Абдувахит, Кенесары велел ему принести вашу голову...

Ага-султан подскочил от испуга:

– Какой Абдувахит?

– Ваш бывший туленгут. – Самен ослабил. – У него дочь по имени Кумис.

Земля слухом полнится. Есиркеген уже слышал краем уха историю насилия над Кумис. К тому же еще в прошлом году, отправляясь на учебу и проезжая владения Конур-Кульджи, он обратил внимание на красивую дочку туленгута. Есиркеген даже попросил у нее напиток кумысу и долго не хотел уезжать от их юрты. Когда донеслась до него весть об этом насилии, он почувствовал себя так, словно надругались над его сестрой. И вот теперь приходится сидеть рядом с этим насильником и выполнять вдобавок все его прика-

зання!.. Дорого дал бы юнона, чтобы бросить в лицо ага-султану все, что он думает о нем...

Вошел начальник туленгутов ага-султана, высокий черноусый Асылгерей. Конур-Кульджа подробно пересказал все услышанное от Самена и приказал немедленно выступить в ущелье Каражар.

– Самое главное – не пропустить Агибая в сторону Каркаралы и захватить его врасплох на месте! – Ага-султан опустил волосатый кулак на ковер. – А о нашей помощи расскажет Жамантаю вот этот юный джигит, Есиркеген...

Есиркеген молча кивнул.

– Расскажешь ему все, что слышал. – Конур-Кульджа теперь обращался прямо к Есиркегену. – Пусть знает, кто враги его, а кто друзья. И предупреди: если Кенесары взялся за него, то уж не остановится. – Он снова повернулся к Асылгерей: – Засядь с сарбазами на пути к табунам. Окружи отряд Байтабына, и чтобы ни один не ушел живым! Пока я возвращусь, разыщи и посади на цепь Абдувахита. Наказывать буду сам!

– Может быть, отложите на время поездку в Омск, мой султан?.. – В голосе начальника слышалась неуверенность. – Под вашим водительством мы бы скорее справились с ними...

– Если вы не рискуете сразиться с какой-то полусотней разбойников, то зачем тогда оружие носите! – возмутился Конур-Кульджа, но было хорошо видно, что он до смерти напуган известием о прятавшемся в тугаях Абдувахите.

Препоручив все важные дела Асылгерей, Конур-Кульджа, несмотря на непогоду, в тот же день отправился в Омск. По дороге он дважды в день менял лошадей у таких же, как он сам, богатых соседей и на четвертое утро был уже на месте.

Часто бывал Конур-Кульджа в этом городе, не раз встречался здесь с именитыми царскими сановниками. Два таких случая были особенно ему приятны. Первый произошел в 1829 году, когда праздновали сорокалетие Омской школы военных толмачей. Сам Сперанский, автор положения о сибирских киргизах, присутствовал на торжестве. Первое офицерское звание штаб-капитана присвоено тогда было Конур-Кульдже. Теперь он подполковник...

Второе, что запомнилось ему, было открытие Омского кадетского корпуса в позапрошлом году. Ог-

ромное четырехэтажное здание все сияло огнями. Князь Горчаков выделил Конур-Кульджу из всех ага-султанов, дважды прошелся с ним под руку через весь ярко освещенный зал. Другие ага-султаны чуть не лопались от зависти.

Статные, безупречно одетые офицеры кружили в вальсе своих дам. Князь перевел взгляд на группу одетых в одинаковую форму казахских юношей – сыновей всех этих приглашенных биев и султанов.

– Через двадцать пять лет они будут такими же блестящими офицерами! – сказал он. – Все киргизы станут другими...

Конур-Кульджа, хоть и соглашался всегда с начальством, на этот раз не мог скрыть своего сомнения:

– А если казахи не захотят?

Князь посмотрел на него жестким взглядом:

– Что значит не захотят, мой дорогой? Вы – человек просвещенный и понимаете пользу своего народа. Цивилизацию чаще всего приходится вбивать палками, как делал на Руси великий Петр...

Конур-Кульдже понравился ясный и прямой ответ князя Горчакова. Ему растолковали, что такое цивилизация, и акмолинский ага-султан подумал, что с малых лет служит ей. Во всяком случае, при этой самой цивилизации удобней всего будет ему, Конур-Кульдже. Не надо только быть дураком и ссориться с начальством. А чернь и следует держать в черном теле. Он это хорошо понимал...

Сейчас, подъезжая к Омску, Конур-Кульджа вспомнил старую легенду о Чингисхане. Будто спросил тот однажды у своих приближенных, какое самое высшее наслаждение для человека. "Охота за лисой с беркутом на руке!" – ответил один батыр. "Обнять свою возлюбленную!" – сказал другой. "Править народом с золотого престола!" – решил третий. "Все вы ошибаетесь, – сказал "Потрясатель вселенной". – Самое высокое наслаждение для человека – победить своего врага, отобрать у него все, повести на поводу, как собаку, и на его глазах насладиться его женой и дочерьми!"

Что же, правду сказал великий предок. Не готов ли он, Конур-Кульджа, умереть сразу после того, как наступит на голову Кенесары и подомнет под себя его старшую жену Кунимжан? Ту самую, что отобрал у него Кенесары...

Выехав в город по морозно укутанной, с дробью заман по обе стороны дороге, Конур-Кульджа задержался на несколько минут, чтобы подумать, где остановиться. На большой площади перед ним стояла мечеть омских мусульман с двумя минаретами. Недалеко от нее высился громадный дом из красного кирпича, в котором жил ахон Мухаммед-Шариф Габдрахман-оглы. Слева, как раз напротив, стояла увенчанная позолоченными крестами церковь. А за ней уже высился прекрасный двухэтажный белый дворец генерал-губернатора. Особо выделялся мезонин с окнами на все четыре стороны под голубой, похожей на девичью тюбетейку крышей. Это был рабочий кабинет князя Горчакова...

Конур-Кульджа решил остановиться у ахона. Мухаммед-Шариф принял его с раскрытыми объятиями. Ага-султан узнал от него, что генерал Татызин болен, и обрадовался этому. Теперь можно будет с полным правом просить специальной аудиенции у самого князя.

На следующий день князь Горчаков сам пригласил ага-султана Конур-Кульджу Кудаймендина на прием. Считавший себя частично ответственным за сдачу Акмолинской крепости, Конур-Кульджа почувствовал вдруг нерешительность и попросил ахона пойти с ним. Но генерал-губернатор принял лишь его одного...

Высокий молодежавший офицер для особых поручений сделал ему знак рукой, и Конур-Кульджа опасливо прошел в громадную, обитую черной кожей дверь. Этот кабинет давно был ему знаком. Просторный высокий зал с мягкими стульями у стен, в глубине – массивный, крытый толстым зеленым сукном стол. Над креслом с длинной резной спинкой – огромный, до самого потолка, портрет его императорского величества самодержца Николая I во весь рост. А на плечах у царя полковничьи эполеты, почти такие же, как на мундире ага-султана.

На столе стоял горбатый бронзовый беркут с распростертыми крыльями, в когтях его маленькая чернильница. А за столом человек, похожий на этого хищного беркута, – хозяин жизни и смерти подвластных ему людей, генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков. Волосы подстрижены ежиком, на бледно-матовом лице топорщатся жесткие рыжие

усы, взгляд не знает колебаний. Сам он стоял и гордо не предложил сесть.

– Подполковник Кудаймендин!.. – Голос князя был ровен и немного глуховат. – Я пригласил вас, как только узнал, что вы явились в Омск. Нам хорошо известны подробности смуты в киргизских степях. Войсковой старшина Карбышев доложил уже мне о том, как вы проворонили Акмолинскую крепость. Вас вместе с ним положено судить за неисполнение присяги, но на этот раз мы вас прощаем... Так-то! Теперь говори, с чем приехал и чего ты хочешь от нас. Только поживей, без всяких церемоний.

У князя действительно не было времени. Большой любитель собак, он выписал нынешним летом великолепную суку-сеттера из Англии. Сейчас она заболела, и князь вызвал лучшего ветеринара из Томска. Тот как раз приехал, а князю хотелось, чтобы он при нем осмотрел собаку. Всего этого ага-султан Конур-Кульджа Кудаймендин не знал и поэтому растерялся. Больше всего он боялся, что генерал-губернатор уйдет, так и не выслушав его.

– Ваше высокопревосходительство! – буквально взмолился Конур-Кульджа, решив сказать лишь самое главное из всего приготовленного. – Смутьян и разбойник Кенесары с каждым днем набирает силу. Если мы не уничтожим его нынче зимой, то следующим летом его уже не одолеть!..

Князь Горчаков посмотрел на него в упор:

– Ты так думаешь?

– Есть опасность, что к нему присоединятся многочисленные кипчаки, кочующие по Тургаю, а также роды Младшего жуза с берегов Иргиза, Илека и Эмбы. Если так будет продолжаться, то как бы он и вправду не собрал степь под свою единую руку!

– Глупый народ твои киргизы! – Усы генерал-губернатора дернулись кверху. – Бунтовать против его императорского величества! Да разве не ясно, что каким-то там Кенесары, будь у них хоть вдесятеро больше сил, не справится с регулярными войсками? Сейчас не времена Аблая.

– Совершенно верно, ваше высокопревосходительство! – успел вставить Конур-Кульджа. – Умные люди и не помышляют об этом. Только Кенесары в угоду собственным целям.

– Этот твой Кенесары осмеливается писать мне,

как равному. Предлагает переговоры и верную службу за признание киргизской самостоятельности. Так у нас не империя будет, а черт знает что! Почему я и не отвечал на его сумасбродные послания.

– Разбойник он, ваше превосходительство! Последний скот у верных слуг его императорского величества угоняет, сиротами оставляет...

Князь не обратил внимания на слова Конур-Кульджи и продолжал развивать свою мысль:

– Да и что зазорного в этом подчинении? За великое счастье почитать надо. Я, например, князь, а радость нахожу в служении престолу. И каждый, кто предан... Нет, киргизы неблагодарны. Я лично докладывал его величеству: "Самый лучший метод установления отношений с киргизами – держать их в постоянном страхе". Эту мысль поддерживает и военный министр – князь Чернышев. В бараний рог следует согнуть, ежели кто не понимает предназначений... Для собственной же их пользы!

– Разве мы не придерживаемся того же мнения, ваше высокопревосходительство! – Конур-Кульджа украдкой стер пот со лба. – Мы умоляем вас поскорее выслать войска и примерно наказать мятежников. С нашей стороны все возможное...

– Сейчас вырабатывается план уничтожения банд Кенесары и умиротворения киргизской степи. Ты примешь участие... – Князь Горчаков вспомнил о приехавшем ветеринаре и заторопился. – Остальное все разрешишь с начальником области Талызиным. Как переболеет его превосходительство...

Конур-Кульджа ушел от генерал-губернатора вконец растерянным. Но, повидавшись с выздоровевшим генералом Талызиным, приободрился. Хоть дана ему была для личной охраны только сотня солдат, зато он узнал, что к началу следующего лета готовится большой военный поход против Кенесары. А зимой, как известно, Кенесары не сможет предпринять чего-нибудь серьезного. От небольших отрядов можно будет отбиться и собственными силами.

Но по приближении к своему аулу ага-султан узнал, что мятежные отряды Агибая и Байтабына угнали всех оставшихся у него лошадей. Конур-Кульджа был теперь беден, как последний туленгут...

Вот как это произошло.

Когда Коңур-Кульджа выехал в Омск, Есиркеген по его поручению направился к своему родственнику Жамантаю. У юноши не выходило из головы, что он увидел и услышал в доме ага-султана. Он вспомнил, что говорили соученики в школе. "На нашем джайляу начали крепость строить, – значит, аул уйдет дальше к пескам". Некоторые открыто утверждали, что надо противиться этому. А тут все больше стало появляться в городе странных русских, ссыльных, "врагов престола и отечества", как называли их некоторые учителя, запрещавшие даже разговаривать с ними. Эти странные люди говорили о царской колониальной политике, о разбое и грабежах, творимых чиновниками, о праве народа на волю. Были и учителя, которые сочувствовали им...

Есиркеген немало слышал и о батыре Агибае из рода шубыртпалы. Ведь он сам был из этого рода и гордился Агибаем, о котором ходили легенды в степи. А сейчас над батыром нависла смертельная опасность, и юноша ломал голову, как помочь ему.

Когда он с друзьями выехал из теткинго аула, дорогу им перескочил заяц. Юные джигиты, как водится, погнались за ним. Конь Есиркегена был лучше других и вынес его далеко вперед. Заяц в конце концов скрылся в густых тугаях над Есилом, а юноша едва не наехал на спящего в камышах человека. Это был Абдувахит, о котором предупреждали ага-султана.

Абдувахит вскочил и замахнулся дубиной, но юноша предупредил, что он не враг. Да и бывший туленгут смутно вспомнил мальчика, пившего когда-то кумыс в его юрте.

– Ты, кажется, потомок Масан-бия... Это неплохой человек. А отломившийся кусочек золота не теряет свойства всего слитка...

– Да, я не враг! – с жаром говорил Есиркеген.

Нельзя было терять времени, он тут же рассказал все, что слышал в юрте ага-султана. Абдувахит сейчас же вскочил на пасшегося неподалеку коня и рванулся из тугаев.

– Не забудьте передать, что в отряде Байтабына имеется какой-то человек, преданный Коңур-Кульдже! – крикнул вслед ему Есиркеген. – И сами будьте осторожны. О вас знают и ищут, чтобы убить!..

Приказавший в устье Карязар Абдувахит успел предупредить батыра Агибая о ловушке, и тот увел свой отряд. Соединившись с отрядом Байтабына, они неожиданно напали на туленгутов, охранявших ага-султанских лошадей, и туленгуты бежали. Всех лошадей мятежники угнали с собой.

Джигиты Асылгереев бросились в погоню и настигли их. Но те ждали нападения и дали отпор. Даже сам вид Агибая на боевом коне Акылаке и Байтабына на Серкесане внушал такой страх, что ага-султанские нукеры сразу же повернули назад. Среди мятежных сарбазов лишь несколько раненых, в том числе Ожар. Его конь подвернул ногу, попав в звериную нору. Нукеры чуть было не захватили его, но он отбилсЯ. Все видели это. Не видели только, как он успел перебросить одному из людей Конур-Кульджи кiset с очередным донесением.

Больше всего жалел батыр Агибай, что не пришлось ему на этот раз расквитаться с ага-султаном Жамантаем, к которому с голодных детских лет питал жгучую ненависть. На Каркаралы сейчас невозможно было нападать с малыми силами. Пришлось ему возвращаться с отрядом Байтабына.

А Конур-Кульджа даже заплакал, узнав о потере всех лошадей. Долго ли можно держаться на должности ага-султана без богатства? На одних чиновников сколько должно уходить! А слава, уважение, страх врагов — все создается богатством!.. Одно лишь утешало его, что в схватке погиб Абдувахит, его бывший туленгут, из-за которого он ночей не спал...

IV

Разгромив Акмолинскую, Актаускую и Орскую крепости, Кенесары почувствовал удовлетворение. К радости его прибавилось и то, что Байтабын с Агибаем пригнали последние три тысячи лошадей его заклятого врага Конур-Кульджи. А его воинственная сестра Бопай сожгла имение Айганым, вдовы Вали-хана, унеся оттуда все, вплоть до старых кошм.

Взятие Акмолинской и Актауской крепостей, другие победы сразу повлияли на те аулы Кара-Откельского, Каркаралинского, Кокчетавского и Баянаульского округов, которые не сразу примкнули к Кене-

сары. Теперь они один за другим стали переходить на его сторону. Особенно хорошие вести пришли из Младшего жуза. Оттуда вернулся Таймас, который со своим отрядом два месяца действовал на берегах Илека, Эмбы, Иргиза и Жема. Он привез весть о том, что многие аулы родов тама, табын, шомекей, торткара объединились вокруг Жоламан-батыра и готовы оказать помощь Кенесары. То же передавали и кипчаки с берегов Тургая, которыми руководят батыры Иман и Жауке. Они лишь просили перенести ставку к Тургаю, где легче было бы воссоединить Средний и Младший жузы для борьбы против белого царя.

День и ночь думал Кенесары, что ему делать дальше. Он снова ходил по ковру в своей белой юрте, и никто не решался зайти к нему... Да, если бы можно было перетянуть на свою сторону сырдарьинских казахов, которые разрозненно сопротивляются Коканду. И еще адаевцев с берегов Каспия да могущественных аргынов, находящихся под влиянием Шеге-бия. Тогда можно было бы всерьез говорить от имени всей степи. И дело, кажется, движется к этому!..

Взгляд Кенесары светлел, морщины разглаживались вокруг рта. Но снова и снова вспоминал он вечные ссоры из-за скота и пастбищ, раздражающие степь. Долго ли можно удержать вместе бывших врагов? Так было и так будет, пока кочуют под этим небом казахи...

Видевший каждый день султана Жусуп Иосиф Гербрут терялся в догадках. Что может так угнетать этого человека, одержавшего только что несколько важных побед? Может быть, свадьба Наурызбая, о которой столько говорили?..

Неделю назад, когда Байтабын был в походе, сыграли свадьбу Наурызбая и Акбокен. Судьей на соревнованиях певцов и конных играх был сам Кенесары. Всем понравилось его судейство, но у султана неожиданно испортилось настроение. Как всегда, он вдруг замкнулся в себе, перестал разговаривать с окружающими, шутить и смеяться. И вот на следующий день после этого произошел тот длинный разговор с Кенесары, о котором Иосиф Гербрут будет помнить всю жизнь...

Вечерело. Над аулом стоял шум и гам возвращающихся с пастбищ отар. Откуда-то издалека неслась

печальная и тягучая, словно плач по уходящему солнцу, песня табушника.

Кенесары вышел из своей юрты, держа за руку пятилетнего сына Сыздыка. Восемь сыновей было у него: Жаппар, Тайшык, Ахмет, Омар, Оспан, Аубакир, Сыздык и Жакей. Но предпоследнего – Сыздыка – он выделял из других. На султанае был простой белый чекмень из верблюжьей шерсти, на кушаке висел один только кинжал. Сыздык, подвижный рыжеватый мальчишка со светлыми глазами, старался перепрыгивать через колючие кусты. Он был точной копией своего отца...

Заметив стоящего у отведенной ему юрты Иосифа Гербрута, Кенесары предложил:

– Пойдем с нами, Жусеке. Погуляем немного...

Если Батырмурат нес охранную службу в походах, то в ауле султана охранял лишь Кара-Улек. Великан и сейчас следовал за ним. Посмотрев искоса на него, Иосиф Гербрут пошел рядом с Кенесары.

Вдруг он заметил, как побелела рука султана, стискивающая руку ребенка. Иосиф Гербрут снова оглянулся на мерно идущего следом палача и похолодел. Ему на минуту представилось, что ребенка задумали казнить... Но чем могло провиниться перед людьми и богом это дитя? И все же неспроста идет за ним этот выродок!

Все трое остановились на вершине небольшого холма. Внизу темнела мирная долина. Кенесары поманил пальцем глухого, вынул острый кинжал и, наметив место внизу, знаками показал, что его следует закопать острием вверх. Глухой каким-то образом понимал своего господина. Он быстро разрыл ямку и закопал кинжал так, что острие на добрых три пальца торчало из рыхлой земли. Иосиф Гербрут с удивлением наблюдал за всем этим. Кенесары обернулся к стоящему рядом сыну:

– Сыздык, ты хочешь стать батыром?

Ребенок просиял:

– Я буду еще большим батыром, чем сам дядя Наурызбай.

– Ну, если так, то настоящий батыр ничего не боится. – Кенесары показал на вершину холма. – Тогда ты разбегись оттуда и упали грудью на этот нож. Не испугаешься и жив останешься – станешь батыром!

В глазах ребенка промелькнуло что-то похожее на испуг и тут же исчезло. Он посмотрел на торчащее из-под земли лезвие:

– А этот нож не пронзит мне грудь?

– Батыры никогда не спрашивают об этом!

Сыздык повернулся и пошел на холм. Иосиф Гербрут отер выступивший пот... О боже! Неужели бывают отцы с такими каменными сердцами? Разве можно таким образом проверять храбрость пятилетнего малыша? А если произойдет что-нибудь? Нет, ребенок не решится!..

Сыздык шел вверх, не поднимая головы. Кенесары вдруг молниеносным движением вырвал из земли кинжал и скрыл его за чекменем. Одновременно он собрал землю в бугорок, словно бы нож был по-прежнему там. Иосиф Гербрут облегченно вздохнул... Конечно, самый лютей зверь не пошлет своего ребенка на верную гибель. Но какое все же страшное испытание для мальчика! Умереть или уронить себя в глазах отца! Не зря говорят здесь, что у торе волчий характер. Законы зверей, перенесенные на человека...

– Хватит, Сыздык... Теперь бегом!

Мальчик повернулся и сразу побежал. Он мчался с горы, и было видно, что ему уже не остановиться. Лицо на какой-то миг зажмурил глаза, подбегая к месту, где был только что зарыт кинжал. Но, словно сердясь на собственное малодушие, ребенок тут же широко раскрыл их и пулей рванулся вперед. Так, с широко раскрытыми глазами, нисколько не сбавляя скорости бега, упал он грудью на бугорок. Не удовлетворившись этим, он несколько раз яростно перевернулся, чтобы доказать, что не боится смерти...

Кенесары молча подошел к нему, не скрывая гордости за него. Он не стал целовать или ласкать ребенка, а лишь положил ему руку на голову:

– Иди к матери...

Сыздык, словно жеребенок, освобожденный от привязи, стремглав бросился в аул. Кара-Улек, по незаметному знаку султана, зашагал следом за ним. На холме остались лишь двое. Иосиф Гербрут не выдержал и, указывая правой рукой в сторону, куда умчался Сыздык, вскричал:

– Вы же настоящего волчонка из него вырастаете!

Султан Кенесары удовлетворенно кивнул.

– Но человек – божье творение и не должен расти зверем!..

Кенесары откровенно засмеялся. Его явно забавляло то, что этот чужой, случайно появившийся среди них человек так не понимает степную жизнь.

– Чему вы смеетесь?

Кенесары вдруг сделался серьезным:

– Да, я возлагаю главные свои надежды на Сыздыка. Его место – особое среди моих сыновей, поэтому я должен был проверить его дух. А засмеялся я потому, что твои слова о Сыздыке почти повторяют вещей сон моего деда Аблая, сон, который разгадал знаменитый Бухар-жырау. Правильно, как раз матерым волком и должен стать сын мой Сыздык!

Иосиф Герброт давно уже записывал сказки, поговорки, крылатые слова, которыми так богаты казахи. И хоть знал он обычай касты торе не распространяться о своей жизни, все же решил попросить султана рассказать об этом старом гадании. К его удивлению, Кенесары сразу согласился.

– Это было в ночь накануне того дня, когда лучшие люди трех жузов обмыли моего деда в молоке белых кобылиц, подняли на белой кошме и провозгласили ханом всех казахов. Он увидел тогда чудесный сон и попросил вещего Бухара-жырау разгадать его. Вот сон, рассказанный дедом: “Когда верхом на жеребце Жалтынқуйруке прогуливался я по Сарыарке, дорогу мне перешел лев. Я погнался за ним и вспорол ему брюхо. Но тут из львиного нутра выскочил тигр и бросился убежать. Я догнал тигра и тоже вспорол ему брюхо. А из тигра выскочил матерый волк. Догнав и вспоров брюхо волку, я увидел огненно-рыжую лису. Когда я ее убил, разные мелкие твари поползли из нее: черви, муравьи, раки, лягушки, ящерицы. Миллионы были их, и все они лезли по ногам коня вверх, на меня – под мышки, за шею, в волосы на голове. Я закричал и проснулся от звука собственного голоса...”

Кенесары смотрел сейчас куда-то вдаль, как будто видел наяву все, о чем говорил.

– Вот как разгадал этот сон вещей Бухар-жырау: “Раз был ты верхом на Жалтынқуйруке, значит, прочно сядешь на ханский престол. А если выскочил перед тобой на дорогу лев, значит, сын у тебя будет такой. От сына этого внук у тебя будет как тигр. Правнуком твоим будет матерый волк. Но времена

станут меняться, и придется стать твоему праправнуку хитрым и изворотливым, как лиса. Что же может родиться от нее, кроме многочисленной мелкой твари? Измельчает твой род и рассыплется по земле. Так всегда было, и так будет...”

Теперь Кенесары задумчиво посмотрел на Иосифа Гербрута.

– Если львом считать моего отца Касыма-торе, рожденного от Аблая, то я родился тигром. В таком случае Сыздык и должен стать волком. Так что ты правильно определил его место в жизни... Но тогда правда и то, что после него будет лиса, а от нее множество всякой мелкой твари...

Иосиф Гербрут с удивлением посмотрел на него. Этот человек, для которого, кажется, не было ничего святого или запретного, искренне и глубоко верил в сны и гадания. А впрочем, предсказание действительно сбывается. Чем не тигр этот человек с мягкой угрожающей походкой и не знающим пощады сердцем? А разве не вырастет волком мальчик при таком воспитании?.. Что касается лисы и последующей твари, то таковы законы природы...

– Ладно, отложим разговор о снах... – Кенесары присел на траву. – Садись, Жусуп... Ты из чужой земли и молод, но видел уже многое. Если бы не видел, вряд ли бы тебя сослали сюда, так далеко от дома. Значит, опасен по-настоящему стал для белого царя.

– Для него даже собственная гвардия стала опасной, когда думать начала!..

– Да, я слышал об этом... – Кенесары махнул рукой. – Я хочу просить у тебя совета. И если ты верный друг, то скажешь всю правду без утайки...

– Клянусь быть искренним с вами!

– Нет, клятвы не нужно... Ты ведь тоже пострадал от царя, и я верю тебе. Нам ли обманывать друг друга. А спросить я хотел вот о чем... Ты видишь, что сейчас достаточно пустить огонь в нашу степь, а пламя само помчится дальше. И остановить его уже ни у кого тогда не станет силы. Как ты думаешь, что получится из этого пожара?..

– Что получится? – переспросил Иосиф Гербрут.

– Да!.. – Кенесары возбужденно приподнялся. – Мы ведь тоже станем опытнее, сильнее. Если поднимется целиком Средний жуз, а его поддержат другие жузы... Допустим... объединятся все казахи, смогу ли я тогда

заставить белого царя принять мои условия? Не окажется ли все затеянное мной пустой тратой сил?

Иосиф Гербрют сразу понял, что бессрочно затеял Кенесары этот разговор. Значит, он тоже сомневается в конечной победе! Другой бы вождь после стольких побед вряд ли усомнился бы в грядущем торжестве. Сомнение – удел великих умов. И этот сероглазый, с клинообразной бородой казах стоит многих больших полководцев. Все у него есть для успеха, кроме самого главного...

Да, земли у него – непочатый край. Но разве не в этом всегда таилась опасность для малочисленного народа? Долго ли можно удержать такие безбрежные пространства в сегодняшнем бурно растущем мире? Не один, так другой гигант проглотит их. Но не это главное...

“Как же сказать об этом, чтобы не обидеть?.. Но он ведь сам просил говорить правду. И я скажу, как бы горька и неприятна ни была она для него! На искренность следует отвечать только искренностью!..”

– Вы не сможете сломить сейчас белого царя, – сказал тихим голосом Иосиф Гербрют. – Так же, как не смогли этого сделать мы. Как не смогли гвардейцы на Сенатской площади...

– Что ты все со своими гвардейцами! – поморщился Кенесары. – Скажи лучше, почему мы не сможем справиться!

– В огромную империю выросла уже Россия. У нее много заводов, на которых льют новые пушки, делают ружья, изготавливают боеприпасы. Она начинает догонять самые грозные державы Европы во всем... И, как они, стремится к расширению своих пределов. Это неизбежно, так и повелевает история. Но от этого не легче ни казахам, ни нам – полякам, да и тем крепостным русским крестьянам, руками которых это делается...

Иосиф Гербрют посмотрел на Кенесары. Понимает ли этот человек то, что он говорит? Словно угадав его мысли, Кенесары кивнул:

– Ты хочешь сказать, что мы не имеем того, что имеет царь?

– Да, кочевые казахи просто не могут иметь всего того, что имеет сейчас Россия. К тому же она может выставить столько солдат, сколько казахов во всех трех жузах, включая женщин и детей. Российская

империя представляет собой единое государство, в то время как кочевники теперь обязательно будут разрознены. Вы это лучше меня знаете. Повторить в девятнадцатом веке вашего знаменитого предка Темучина так же невозможно, как повернуть солнце вспять!.. Вот почему генерал-губернатор не отвечает на ваши письма и высылает в одну кампанию по пятьсот – шестьсот солдат против вас. Вашему восстанию белый царь не придает сейчас большого значения. Он ждет, пока вождь одумается или сам мятеж заглохнет. А нужно ему будет – пошлет сразу десять тысяч солдат, и со всем этим будет покончено...

– Я знаю это! – резко сказал Кенесары.

– Зачем же вы тогда воюете?

Глаза Кенесары зло сверкнули.

– Тигр – не баран!.. Пусть не скажут предки, что я покорно склонил голову, как сыновья Айшуака, Кудайменде, Жанторе или Вали. Кровь Аблая во мне, и честь для меня дороже жизни!

– Будут ли потомки благодарны вам за это? И сколько крови должно пролиться за ваши мечты, которым не дано осуществиться!..

– Неужели ты думаешь, что проклянут меня потомки?

– Времена тигров безвозвратно уходят в прошлое. Бухар-жырау правильно разгадал сон вашего деда...

– Да, правильно! – ровным голосом сказал Кенесары, изменившись в лице. – Народ времен моего отца Касыма – это львы, со мной сейчас тигры. И надо действовать, пока не сделались казахи муравьями, червями и ящерицами.

– Мне кажется, вещей Бухар-жырау не имел в виду народ, – мягко возразил Иосиф Гербрют, сам удивляясь собственной смелости. – Закономерно мельчают отдельные знатные фамилии. Я, поляк, хорошо знаю это... А народ, как вода в реке, вечно обновляется... Нет, верно говорят казахи: там, где росла колючка, – колючка и вырастет, а на розовом кусте обязательно зацветут розы!

– А что делать, если розы заросли колючкой?

– Надо прополоть... – неуверенно ответил Иосиф Гербрют, не зная, куда клонит этот человек с кровавыми жилками в светлых глазах.

– Вот я и делаю это, чтобы хоть меньше сорняков осталось для будущих роз!

Столько злобной угрозы было в этих словах, что у Иосифа Гербрута мороз пошел по коже. Он понял, что имел в виду Кенесары. Многие непокорные ему аулы испытали уже его гнев...

Теперь Кенесары внимательно посмотрел на беглого поляка.

– Как же ты представляешь будущее? Как вечное порабощение?.. Или видишь какой-нибудь иной путь?..

– Да, единственный путь к освобождению – это идти вместе с теми русскими, которые хотят сбросить своего царя. Только так можно будет чего-то добиться. А нападать на отдельные крепости или хитрить с царем, пытаясь его обмануть, – пустое занятие!

– Зачем же им сбрасывать своего царя? – задумчиво возразил Кенесары. – Царь и есть царь, как у нас хан или у персов шах...

– Когда-нибудь не будет ни царей, ни ханов...

Тут же Кенесары повернул к нему голову, и Иосиф Гербрут замолчал.

– Почему же ты примкнул к нам, если уверен в бесполезности нашей борьбы? – Кенесары не сводил с него глаз. – Неужели тебе не терпится сложить свою голову?

– Да, мне не хочется даром отдавать свою жизнь. – Иосиф Гербрут тихо вздохнул. – За моей спиной осталось многое: родина, разбитые мечты, подавленное восстание. Это печальная история моего народа... Конечно же, я горячо сочувствую вам и хотел в пределах моих сил и возможностей помочь вам хотя бы советами. Теперь я окончательно убедился, что все это тщетно...

– Разве мы не прислушивались к твоим советам?

– Они оказались ненужными. Князь Горчаков или генерал Талызин и знать вас не хотят. Они привыкли к грубому солдафонскому решению таких вопросов, без всяких дипломатий. Когда-нибудь это боком выйдет русскому царизму, но не сейчас... А я... Трудные времена надвигаются на казахов. Могу ли я оставить сейчас народ, который любил всей душой. Нет, я с вами до конца!

Холодными серыми глазами смотрел на него Кенесары. Мог ли Иосиф Гербрут, родившийся совсем под другим небом, познать душу этого человека? А душа эта была соткана из тысяч противоречий. Все в

ней было – и высокие, и низкие желания. Но придет время, и доверчивый Иосиф Гербрют увидит, как все больше берут верх в этой душе честолюбие, личная месть, жажда неограниченной власти, необыкновенная жестокость. Султаном из касты торе был Кенесары, плотью от плоти их...

– Лучше быть аргамаком с разорвавшимся от скачки сердцем, чем протащиться по жизни жалкой клячей! – сказал тогда Кенесары. – Нет, я буду драться до последнего вздоха, и пусть рассудят нас потомки, какие бы они там ни были...

Иосиф Гербрют склонил голову.

Во время этого разговора наедине Иосиф Гербрют понял, что Кенесары решил идти до конца и не остановится ни перед чем. Он посоветовал султану воспользоваться предложением батыров Жоламана и Имана и перекочевать в пойму Тургая и Иргиза. В Омске были раздражены последними успехами Кенесары и могли начать военные действия против него, невзирая на зиму. В Сарыарке это чувствовали, и многие родовые вожди снова отшатнулись от него. К тому же пронесся слух, что в оренбургских землях волнуются русские крепостные мужики, а это способствовало бы его успеху...

Кенесары все дни был в плохом настроении. Особенно ухудшилось оно после разговора с сестрой Бопай. Накануне женитьбы Наурызбая на Акбокен она снова напала на Аманкарагайский приказ и вернулась оттуда с большой добычей.

– Ох, торе, напрасно вы способствовали их свадьбе! – со вздохом сказала Бопай брату.

– Почему? – удивленно спросил Кенесары.

– Да потому, что Акбокен – с детства нареченная невеста Байтабына. Лишь потому, что находилась на чужбине, не могли они до сих пор пожениться. Как теперь посмотрит Жоламан-батыр на то, что вы женили своего брата на невесте его любимого племянника? Что скажут люди, увидев, как обижен нами Байбатын, который искал у вас приют от притеснений хана Сергазы? Из-за какой-то девчонки от нас может отшатнуться сразу несколько больших родов. А мы еще в их края собираемся!..

Об этом и думал сейчас Кенесары... Действитель-

но, не может ли такая непредвиденная мелочь помешать объединению Среднего и Младшего жузов? Если Байтабын пожалуется Жоламан-батыру на то, что его жестоко оскорбили здесь, хватит ли у Жоламана мудрости не мешать общему делу? Конечно же, он сочтет себя оскорбленным. Ведь он тоже казах, и ничего с этим не поделаешь!..

А что, если с этим Байтабыном произойдет вдруг несчастный случай? Может он погибнуть в неожиданной стычке. Время военное... Но разве Жоламан-батыр такой уж неумный правитель, что не догадается?.. После этой злосчастной женитьбы каждому станет ясно, почему умер Байтабын. А тогда ничего не придется ждать от табынцев, кроме лютой вражды...

Может быть, исчезнуть придется Акбокен? Чего не случается с женщинами. Только как потом утешить Наурызбая, который прилип к ней всей душой?.. Потерять Наурызбая? Нет, на это даже он не пойдет...

Что ж остается?.. Остается договориться с Байтабыном. Только тогда будет предупреждена новая межродовая распря в его стане и табынцы во главе с батыром Жоламаном пойдут под его зеленым знаменем!

Придя к этому решению, Кенесары стал с нетерпением ждать возвращения Байтабына... Разумеется, нельзя из-за одной девушки разжигать вражду между жузами. И они должны во что бы то ни стало перекочевать на берега Тургая и Иргиза. Такова его повадка – не засиживаться на одном месте, и пользу этого даже поляк Жусуп понимает. Сейчас на Есиле, завтра – на Тургае, послезавтра снова в другом конце степи. И везде, как опытный зверь, оставлять ложные следы. Пусть-ка справятся с этим регулярные войска, будь их вдесятеро больше!..

Байтабын приехал неожиданно. Кенесары с Иосифом Гербрутом и сопровождающими их людьми вышли на окраину аула встретить возвращающегося с охоты Наурызбая. И в это время совсем с другой стороны показалась небольшая группа всадников. Султан узнал их с первого взгляда.

– Это батыр Байтабын! – сказал он ровным, спокойным голосом.

Вместе с Байтабыном ехали Жекө-батыр, батыр Қудайменде и Таймас. У Байтабына в лице не было ни кровинки. До хруста были сжаты его зубы, а в устремленных на Кенесары глазах застыло недоумение и неутешное горе.

Всем было ясно, что Байтабын знает о свадьбе Наурызбая и своей нареченной невесты Акбокен. Он ехал тихо, а в правой руке держал лук на изготовку. Люди, окружившие Кенесары, притихли...

И в этот момент раздался вдруг топот, веселый смех. Это возвращались с охоты Наурызбай с друзьями. Увидев Кенесары, они тоже сошли с коней и двинулись к нему. Впереди шел Наурызбай, а на правом плече его сидел знаменитый во всей округе сокол Канды-коз – “Кровавый глаз” – с белой шелковой нитью на ногах.

Наурызбай увидел Байтабына и застыл на месте. А Байтабын уже подходил к Кенесары. Встав на одно колено, батыр приветствовал султана.

– О чем мне говорить раньше, мой султан: о закончившемся походе или о несправедливости, которой я подвергся, находясь вдали? – спросил Байтабын.

Густые рыжеватые брови Кенесары, словно крылья орла, сошлись над переносицей.

– Будет еще время выслушать и то и другое! – Он смотрел в упор на Байтабына. – Сначала нужно решить один очень спорный вопрос... Люди говорят, Байтабын, что ты лучший стрелок в нашем войске. Если правда это, то попади со ста шагов в сокола, который сидит на плече у Наурызбая!..

Люди онемели. Безмолвно стоял Наурызбай, и сокол застыл на его плече, словно понимая, какая ему предназначена роль.

Байтабын посмотрел на Наурызбая.

– Мой султан, у стрелы шальные повадки, а голова батыра Наурызбая так близко от птицы...

– За шальную стрелу ты не в ответе!

Это был приказ... В который раз ужаснулся Иосиф Герброт характеру этого человека. Никого не было у Кенесары ближе брата Наурызбая. И вот теперь он делает его голову залогом своей политики. Да, если Байтабын промахнется и попадет в голову Наурызбая, конфликт между ними будет разрешен. И одновременно конфликт между обоими жузами, ко-

торые во что бы то ни стало хочет объединить Кенесары. И ничего не будет за это Байтабыну...

Какая жестокость! Но все это ради цели, которую поставил перед собой этот степной вождь. Чего достойна такая безмерная твердость: поклонения или порицания? По-видимому, смотря где и в какое время происходит это...

Все поняли смысл происходящего. Лучше всех это поняли присутствующие батыры, и никто из них не сказал ни слова. Наурызбай отошел ровно на сто шагов, пересадил сокола на левое плечо, ближе к сердцу, и стоял, спокойно ожидая выстрела. Лишь чуть побледнело его обычно смуглое лицо.

Байтабын не заставил себя долго ждать. Обведя твердым взглядом батыров, он решительным движением вынул из колчана знаменитую стрелу Козыжаурын – “Смерть ягненка”, вскинул лук на уровень груди и, как будто не целясь, отпустил тетиву. В тот же миг сокол упал на землю с левого плеча Наурызбая...

Вздых послышался в толпе, но лица у батыров были каменные. Они понимали, что Байтабын своим выстрелом спас единство обоих жузов.

Кенесары подошел и поцеловал его в лоб, чего никогда еще ни с кем не делал.

– Я и не знал, что ты такой замечательный стрелок! – сказал он обычным голосом. – В награду за оказанную мне честь можешь выбрать любую девушку из моего рода или других родов на всей подвластной мне земле...

Так закончился спор двух батыров, которые обычно даже лучшим друзьям не прощают одного неосторожно сказанного слова. Наурызбай в память об этом дне приказал закопать сокола на том месте, где он упал. С тех пор этот холм в народе стали называть Сункар-Ольген – “Могилка сокола”.

Потом Наурызбай подошел к Байтабыну, и они поздоровались за руку, как подобает делающим общее дело людям. У всех стало светло на душе. И лишь у одного человека словно когтями сжало сердце. Этим человеком был Кенесары. Простой батыр Байтабын победил его в состязании на самоотречение!..

Тяжелая рука Кара-Улека пришла в это мгновение на ум султану Кенесары... Людей с такой волей и благородством, как у этого юного батыра, нужно уметь

привязать к себе. Но со временем они становятся опасными...

– Батыр Байтабын!.. – Благожелательная улыбка была на губах Кенесары. – А теперь расскажите нам о том трудном деле, ради которого вы оставили нас.

Байтабын подробно рассказал о своем длительном походе.

– По рассказам джигитов ага-султана Конур-Кульджи можно сделать заключение, что они готовятся к зимним военным действиям. – Байтабын, несмотря на молодость, говорил ясно и толково, как опытный военачальник. – Говорят, из Омска должны прибыть крупные подкрепления к тем войскам, которые уже имеются. Судя по всему, они намерены напасть на нашу ставку, когда вы распустите сарбазов на зиму по домам. С вами ведь тогда останутся одни туленгуты...

Тень прошла по лицу Кенесары... Враг хорошо знал его больное место. Разве легко прокормить зимой в степи такое большое войско вместе с лошадьми? Приходилось каждую осень распускать сарбазов по своим аулам и с наступлением лета снова собирать их. Этим и решил воспользоваться враг. Не больше пятисот сарбазов и туленгутов может он оставить на зиму возле себя. Если регулярные войска окружают его аул, придется трудно...

Генерал Талызин выбирает удобное время, чтобы сполна рассчитаться с ним за Акмолинскую крепость и за многое другое. Они там со своими ага-султанами хотят поступить с ним, как охотники, которые преследуют волчьи выводки по первому снегу. Придется и с ними вести себя по-волчьи.

Волки в таких случаях не ждут прихода охотников. Пока не собираются, они уводят своих волчат за много переходов. Так и нам следует поступать. Пока из Омска выступят войска, мы окажемся под самым Оренбургом, среди Младшего жуза. Для оренбургского военного губернатора это будет полной неожиданностью. А пока он собирается с силами, зима пройдет. За это время все может случиться. Говорят, что оренбургское начальство все же не такое беспощадное, как омское. Возможно, и удастся договориться о чем-нибудь...

Байтабын сообщил, что они с Ожаром пригнали скот, захваченный Агибаем. Сам Байтабын поехал вперед, чтобы сообщить об этом.

- Спасибо тебе за добрые вести! - У Кенесары было хорошее настроение. - А где же ваш Ожар?

- Он свернул по дороге в какой-то аул...

- Зачем?

- Дела там у него. Он мне не говорил. По-видимому, разузнать хочет кое-что для нас...

При имени Ожара Таймас вздрогнул.

- Это какой Ожар? - спросил он громко, и лицо его сильно побледнело.

- Ожар - сын Кубета, - пояснил кто-то.

- Откуда взялся здесь этот человек?

- Сбежал из омской тюрьмы, а потом приехал к нам вместе с дочкой Тайжана.

- Разве у покойного Тайжана была дочь?

- Да, у него была дочь, - сказал Кенесары. - Она прислужой в Омске работала. Там и взял ее в жены Ожар, как друг и соратник ее отца...

- Та-ак!

- Что тебя тревожит?

- Это очень длинная история, Кенеке... Я потом расскажу ее вам. - Таймас посмотрел в сторону джигитов Наурызбая. - А где же эта дочь Тайжана?

- Вон... Крайняя белая юрта!.. - показали ему.

- Ну и дела!

Таймас pokrutil головой, не отводя глаз от этой юрты...

Солнце закатилось. Стоявший в молчаливой задумчивости Кенесары словно очнулся от сна.

- Байтабын-мерген! - обратился он к молодому батыру, прибавляя к его имени прозвище лучшего стрелка. - Ты устал в далеком походе. Отдохнешь немного и зайдешь ко мне. Мы должны поговорить с тобой об одном деле!

- Зайду, - коротко сказал Байтабын.

Кенесары со всем своим окружением направился к аулу. Лишь один Байтабын остался на холме...

Вернувшись в аул, Кенесары надолго уединился с Таймасом, который рассказал все, что слышал в ту ночь, лежа за стеной своей юрты. Батыр Сейтен оказался прав, предрекая это предавшему его Ожару...

Они вызвали к себе Алтыншаш - дочь Тайжана и жену предателя. Превозмогая себя, рассказал ей Таймас подробности. Она не стала рыдать и вопить, просить их о чем-нибудь. Только вздрогнула, как

будто окунулась в холодную воду, и две слезы выкинулись из глаз. Больше она не плакала.

Долго сидела молча Алтыншаш. Потом перевела взгляд на решетчатую стену юрты.

– С некоторых пор в мое сердце закралось подозрение, но я гнала его от себя... – Она говорила тихим спокойным голосом. – Сейчас разрешились все мои сомнения, и это хорошо. За смерть моего отца и дяди мой муж ответит передо мной. Прошу вас ничего не делать с ним. Это – мое право!..

– Отмщение – дело мужчин, – сказал Кенесары. – Нельзя, чтобы женщина марала руки в мужской крови, да еще в крови предателя. Предоставь это нам...

– Нет! – Теперь она закричала. – Только передо мной ощутит этот человек, что ни на том, ни на этом свете не будет ему прощения!..

Кенесары почувствовал родственную душу.

– Ладно, – сказал он. – Пусть будет по-твоему. Только смотри не оплошай...

Байтабын долго сидел на вершине холма. Самые различные думы и воспоминания блуждали в его голове. Мысли появлялись и исчезали, как тусклая луна за облаками в непогожую ночь...

Обычно люди из торе не отдавали своих дочерей замуж за простолюдинов. Неизвестно, почему нарушил это строгое правило султан Тленчи, отдавший свою дочь Даметкен в жены простому джигиту Коже. Как бы то ни было, но благодаря отцу, бесстрашному и достойному человеку, детство его прошло в тепле и достатке. А когда ему исполнилось десять лет, умер отец.

Чего только не перенес с тех пор Байтабын! К шестнадцати годам он был уже признанным джигитом и стал верным соратником своего дяди по матери Жоламан-батыра. Сейчас ему уже двадцать три года, а за спиной только схватки, погони, кровопролитные сражения...

Что же заставляет его каждый раз бросаться сломя голову навстречу смерти? Что защищает он – свои многочисленные стада, пастбища, уголья? Нет, все богатство – это верный конь под ним да сбруя. Есть еще далеко отсюда темная прокопченная юрта, где живет его мать Даметкен.

Сейчас он точно определил для себя, что две причины были этому. И первая из них – Акбокен!.. Да, именно ей служил он все эти годы. Если не богатство, то славу он принес к ее ногам. Акбокен ждала этого, и вся степь говорит теперь о подвигах молодого батыра.

“Ты достигни раньше настоящего положения, чтобы люди знали тебя...” Так говорила ему всякий раз Акбокен, когда он торопил ее с женитьбой. О славе ханских дочерей мечтала она...

Но и он ведь в последнее время чаще задумывался, что недостойно служить одной лишь женской прихоти. Разве подлинная любовь обязательно требует жертв? Тот, кто действительно любит, не нуждается ни в славе, ни в богатстве. А ей нужен был не он, простой джигит, Байтабын, а его слава!..

Когда же впервые он подумал об этом?.. Да, когда увидел другую женщину – тихую, с мечтательными глазами. Они шли тогда с Наурызбаем, и на пороге белой юрты сидела она.

Ничего ему не нужно от нее. Он будет издали любить эту прекрасную женщину...

А какая же вторая причина? Да, она тоже связана с женщиной, гордой и смуглой, с серебряными волосами. В день шестнадцатилетия она подвела к нему старого боевого коня его отца Кожи и сказала: “В час испытаний для нашего народа не пристало сыну батыра Кожи держаться за материнский подол. Поезжай к своему дяде Жоламану, который борется за вольные степи, стань опорой родному народу!”

Он всегда помнил слова матери. Борьба за независимость своего народа стала главным делом всей его жизни. Ради этого простил он сегодня Наурызбая. Теперь, после измены Акбокен, он свободен. Одно остается ему – умереть в бою за свой народ и оправдать материнское доверие. И если хоть одна слезинка выкатится из глаз женщины, которую зовут Алтыншаш, он умрет счастливым...

А Акбокен?.. Разве не подтвердилась народная поговорка, что девичья любовь как лисица, мелькнувшая впереди? Не успел ухватить ее за пушистый хвост – пеняй на себя...

Снова возник перед ним женский образ, и мысли его возвратились к Алтыншаш. Два раза всего он видел ее, но оба раза были для него светом в кромеш-

ной тьме. Он пытался уже гнать от себя ее образ, какой это страшный грех – думать о чужой жене. Но это было свыше его сил. Как только оставался он один, она опять возникала перед ним, как птица из сказки...

Байтабын вздрогнул, радостное предчувствие появилось в сердце. Ветерок донес до него нежную мелодию. Он понял, что где-то там, внизу, девушки и джигиты веселятся и качаются на алтыбакане – казахских качелях. При этом всегда поют песни – легкие и веселые. Только эта песня была какой-то особенной, а голос казался таким родным, что хотелось слушать его вечно...

“Почему сидишь ты один на этом холме, когда я давно уже жду тебя?.. Приходи скорее, любимый!..” Слов он не слышал, но именно они возникали из мелодии песни. Только ее голос может быть таким чистым и светлым, как мечта!.. Байтабын встал и направился сквозь ночь на этот голос. Пела Алтыншаш... После разговора в юрте Кенесары она не могла возвратиться домой. Услышав шум алтыбакана, Алтыншаш направилась туда. Молодость победила в ней все другие чувства. Куда-то в небытие ушли подлый Ожар, измены и предательства, осталась только песня...

Когда Байтабын подошел к веселящейся молодежи, она слезла с алтыбакана и пошла прямо к нему. Ведь он уходил в поход вместе с ее мужем Ожаром. Кажется, она обрадовалась встрече.

– С благополучным возвращением вас, батыр!

Ее лицо светилось в темноте. Он с трудом отвел глаза, постарался совладать со своим голосом.

– Как ваше здоровье, Алтыншаш?.. – Он не знал, о чем говорить. – Ожар-ага ехал с нами, но задержался по каким-то своим делам в попутном ауле...

Алтыншаш вдруг громко рассмеялась:

– Не беспокойтесь об этом, уважаемый батыр!.. А я рада, что вы вернулись благополучно. Я вас ждала и очень боялась...

– Почему?

Он ничего не понимал. Алтыншаш смотрела куда-то в ночь.

– Как бы объяснить... Просто некоторые ваши попутчики показали мне недобрыми.

– Кто же из них?

Она молчала. Сами, не заметив как, отошли они от

алтыбакана. Высокий ковыль задевал их колени. Они вместе остановились, повернулись друг к другу. Совсем близко было ее лицо. Руки их сплелись, и они тихо опустили в траву...

Каждую ночь уходили теперь они в степь, и утренняя звезда заставляла их там. Алтыншаш ничего не рассказывала ему о предательстве Ожара, но он чувствовал ее состояние. Себя он ни перед кем не считал виноватым... Ожар не возвращался. Они почти открыто уходили вместе и не знали, что за ними следят. Самен, тайный соглядатай Ожара, знал уже все...

Так прошло десять дней. На одиннадцатый день Байтабын, как всегда, ожидал ее на условленном месте. Но Алтыншаш не шла. Он знал, что Ожар еще не возвратился, и не понимал, что произошло. На рассвете он пошел к ее юрте...

Ни коня, ни следов чьего-либо приезда. И все же Байтабын не вошел. Он растянулся на земле у самой войлочной стены и стал слушать. Чуть слышный стон донесся до него. Тогда батыр встал и ногой распахнул дверь.

Ожар стоял в потемках лицом к стене, и рукава его были засучены до локтей. Острый кинжал зажат был в правой руке, а рядом валялась влажная от крови тяжелая плеть с таволжьей рукояткой. Алтыншаш лежала на полу, и распущенные волосы ее слиплись от крови. Платье было изорвано в клочья, густые темные рубцы покрывали все тело...

Ожар по дороге не случайно отстал от Байтабына. Он знал, что должен встретиться с Таймасом. Но слышал ли Таймас его ночной разговор с батыром Сейтемом, этого Ожар не знал. На всякий случай он решил схорониться неподалеку и приглядеться. Вести ему должен был доставлять Самен. Осторожный, как змея, Самен выведал про то, что Кенесары и Таймас говорили с Алтыншаш, а она сразу после этого сошла с Байтабыном. Пробравшись в соседнее зимовье, где скрывался Ожар, Самен рассказал ему все...

Ожару следовало немедленно убираться в ставку Конур-Кульджи, но жажда мести была сильнее его. Сперва он хотел расквитаться со своей женой. Он решил пробраться к ней в юрту, убить, а потом уже бежать от Кенесары. Когда все в ауле уснули, Ожар

оставил коня в догу за аулом и пенный пробрался в свою бывшую юрту. Когда он вошел, Алтыншаш как раз собиралась к Байтабыну. Она рванулась к постели, где был спрятан у нее нож, но он ударом ноги отшвырнул ее, свалил на пол. Алтыншаш потеряла сознание. Ожар затолкал ей в рот кляп, подождал, когда она очнулась, и принялся подробно рассказывать, как заманил и предал сначала ее отца, а потом и брата. Время от времени он прерывал рассказ, чтобы поиздеваться над ней. Называя каждый раз имя Байтабына, он бил ее плетью, бил с ухмылкой, тщательно выбирая, куда ударить. Сейчас он приготовился уже зарезать полумертвую женщину, но слетела дверь с крючка и на пороге встал Байтабын.

Ногой выбил Байтабын кинжал у предателя. В тот же миг оба батыра схватили друг друга руками за горло. Каменными от напряжения сделались их руки. Через минуту пальцы Ожара начали слабеть, и он рухнул на землю задушенный. Не удовлетворившись, Байтабын поднял валявшийся кинжал и по рукоятку вогнал его в грудь Ожара...

Он подошел к Алтыншаш, вырвал кляп у нее изо рта, склонился ухом к обнаженной женской груди. Чуть слышно стучало сердце. Байтабын удовлетворенно кивнул, подошел и распахнул закрывшуюся было дверь. Ясное утро стояло на дворе...

Солнечный диск выползал из-за горизонта медленно, словно нехотя. Алые вначале лучи побелели, и степные травы вокруг загорелись зеленым огнем. Мычание коров, блеяние овец привычным шумом наполняло округу.

В этот ранний час на глазах у испуганных людей Байтабын через весь аул пронес на руках к юрте Кенесары окровавленное тело Алтыншаш. Старики, женщины, дети шли следом.

Кенесары проснулся от шума на улице и вышел, не дожидаясь телохранителей. Одна лишь соболья шуба была наброшена на его плечи. Байтабын, не выпуская из рук Алтыншаш, опустился перед ним на колени прямо в пыль.

– Мой султан! – закричал он. – Отсеките мою голову, но только что я своими руками задушил батыра Ожара. На то была у меня причина...

Кенесары на миг задумался... Хорошо, что этот батыр убил предателя и что он на коленях. Вечным своим должником следует сделать его!..

Я прощаю тебе это, батыр! Многого ты не знаешь, но поступил правильно...

– Благодарю за прощение, мой султан! – Байтабын прямо смотрел в глаза Кенесары. – Разрешите просить вас еще об одной милости. Вы предлагали мне выдать в жены любую из девушек Сарыарки. Я выбрал эту вдову. Отдайте ее мне!

Все смотрели на Кенесары, ожидая решения. Среди людей уже прошел слух о предательстве Ожара...

– Бери ее, батыр!

Кенесары не стал спрашивать его, как произошло, что оказался он ночью в юрте у чужой жены. За это полагалось наказание по суровым степным законам...

Только через две недели оправилась Алтыншаш от страшных ран и могла уже поднимать голову. Вскоре она встала с постели, и сам Кенесары сыграл их свадьбу. Многочисленные гости от обоих жузов присутствовали на ней. В конных состязаниях, в казахской борьбе приняли участие знаменитые батыры Агибай, Жеке-батыр, Жанайдар, Кудайменде, Бухарбай.

А через неделю после свадьбы начались снегопады. В то время к Кенесары, пристально следившему за всем, что делалось в южных ханствах, приехал гонец из рода коңрад. Он привез интересную новость: Мадели-хан хочет жениться на мачехе своей Ханпадшаим. Давно зарившийся на Ташкент и другие кокандские земли эмир Бухары определил это как преступление против веры и поднимает против Мадели-хана весь мусульманский мир. Ожидается война...

Что же, пусть дерутся правоверные, а он, Кенесары, постарается пока что вырвать у Кокандского ханства нижнее течение Сырдарьи, где проживают казахи. Если до сих пор он все еще размышлял над тем, стоит ли оставлять ему сейчас Сарыарку, то теперь решил. Нужно в это время находиться поближе к кокандским владениям...

На следующий день Кенесары распустил на зиму свое многочисленное войско, а сам с пятью верными соратниками, батырами и тремя сотнями туленгутов, ушел на земли Младшего жуза к Тургаю и Иргизу.

I

Оренбургский военный губернатор граф Василий Алексеевич Перовский откинулся в мягком кресле, чуть прикрыл голубые пронизательные глаза и, поглаживая левой рукой высокий чистый лоб, предался размышлениям... Как это случилось, что он вошел в соглашение с мятежным султаном? Ведь именно этот Кенесары явился тем центром, вокруг которого снова собрались притихшие было бунтовщики с берегов Тургая, Илека, Иргиза. В попустительстве этому обвиняют его. Правду говоря, он действительно не ожидал, что сын Касыма-торе из Средней орды так быстро найдет общий язык с предводителями стольких родов Малой орды...

Впрочем, и такое обвинение не заставило бы его искать соглашения с мятежниками, если бы не особые обстоятельства. Как-то получается всегда, что волнения киргизов в степи, или казахов, как называют они себя, совпадают с бунтами крепостных мужиков и яицких казаков. Вот и сейчас... Команду за командой приходится высылать для подавления...

В качестве оправдания можно привести довод, что султан Кенесары сам обратился к нему с просьбой о примирении. И это было, по всей вероятности, искренне. Где же оно, это оригинальное послание?..

Василий Алексеевич Перовский протянул руку к листу плотной бумаги, принялся читать, вскидывая время от времени брови... "Тысяча восемьсот тридцать девятый год... Год кабана, по ордынскому исчислению... Месяц март – науруз... Со времен нашего деда Аблая мы, степные казахи, жили с русскими в мире и согласии, как родные братья. Но поскольку люди сибирского губернатора не давали нам покоя, мы вынуждены были воевать, не желая того... Позвольте доложить Вашему сиятельству, что с тех пор, как вступили на подведомственную Вам землю, мы ни разу не совершали враждебного поступка против России. Умоляем довести это до сведения вышестоящих властей..."

Ведь он справедливости требовал, этот степной султан. Разве задача империи здесь в том, чтобы

плодить лишних врагов? Особенно таких влиятельных среди орды, как внук Аблая. Ничего нет хуже тупой солдатской прямолинейности князя Горчакова. Разве не нуждается тот же Кенесары в российском покровительстве? И не стал ли бы он куда более верным и полезным подданным, чем все эти криводушные ага-султаны, пригретые князем? Немного бы гибкости только. В этом он не раз убеждался. И, не в пример князю, сразу переслал послание Кенесары военному министру графу Чернышеву и вице-канцлеру Нессельроде. К нему он приложил свое письмо с ходатайством о помиловании и прощении Кенесары. Только так можно было прекратить смуты и привлечь степь на свою сторону.

Кажется, даже в Петербурге это поняли. В связи с его просьбой дать указание сибирскому генерал-губернатору не вмешиваться в дела казахов, переселившихся на территорию военного губернаторства, последовало соответствующее распоряжение военного министра. Князь обиделся и написал ему довольно ядовитое письмо.

Перовский чуть улыбнулся, вспомнив эту смесь оскорбленного самолюбия с поистине детской наивностью в политике, которая отличает старых солдат прусской школы. "Довожу до вашего сведения, граф, что я и помыслов не имел управлять вашими киргиз-кайсаками. Мне и со своими дел хватает, и вся моя забота состоит в том, чтобы оберегать доверенное мне государем генерал-губернаторство от кровожадных орд. Бунт, поднятый султаном Кенесары, представляет весьма серьезную опасность, ибо действия свои он умело прикрывает бездумными обещаниями вернуть некие древние вольности, ввиду чего многие идут за ним не просто ради легкой наживы и грабежа..."

Князь не лишен некоторой проницательности, но тем больше оснований было для мирного исхода смуты. К сожалению, среди приближенных князя слишком мало людей, понимающих это. Ему, Перовскому, в Оренбурге, слава богу, повезло. Скорей всего то помогло, что в нынешние времена не очень чтут умников в столицах и стараются удалить их оттуда на границы империи. Что же, границы от этого совсем не проиграли...

Да, ему повезло. Лучшие умы России есть среди

его сослуживцев. Много их здесь, и делают они благое дело во славу России... Вельяминов-Зернов, знаменитый историк-ориенталист, милый Даль, составляющий свой словарь... Кто лучше этих людей понимает, сколько пользы произойдет для тех же казахов от присоединения их к России? Но не первыми ли отвернутся они от него, если пойдет он по пути неумного князя Горчакова и начнет пулями внедрять прогресс!..

Или взять начальника Оренбургской пограничной комиссии генерала Генса. В карательных экспедициях не раз принимал он личное участие, но никогда не допускал крайних мер. Мало того, на собственные средства открыл приют для оставшихся без родителей казахских детей, учит их грамоте, сам язык их выучил. И еще, говорят, пишет исследование по истории и этнографии орды. Все это не просто так, а с великой человеческой любовью. Вот такова и есть она, Россия!..

Граф вспомнил, что говорил ему близкий человек — польский ссыльный поэт Виткевич. Большие способности обнаружил он в киргиз-кайсаках, тончайшее чувство поэзии, музыки, красок. А какие великолепнейшие экспонаты собрал в организованном музее друг великого поэта Мицкевича Томаш Занд!..

Да, вместе с пушками и солдатами князя Горчакова приходят и такие люди. И они определяют будущее, а не пролитая взаимно кровь. Чем меньше прольется ее, тем лучше. Поэтому он и придал тогда такое значение письму Кенесары...

Каков же был результат всего этого?.. Еще в 1838 году государь издал указ, в котором говорилось, что "отсылаемых за преступные действия в арестантские роты киргизов, по миновании назначенных им сроков, не возвращать в орду, но годных из них и надежных отдать в солдаты, прочих же отправить в Иркутскую губернию на поселение". Узнав из доклада о замирении Кенесары, а также то, что он, по существу, прекратил свои нападения на оренбургские пограничные укрепления и казачьи станицы, государь издал в прошлом, 1840 году манифест об амнистии Кенесары и высочайшем прощении всех его проступков. Мало того, были возвращены все его родственники, отбывавшие ссылку, а дела находящихся под следствием людей, о которых он просил, были прекращены...

Цель была почти достигнута... Кстати, по манифесту государя отпустили тогда и старшего сына Вали-хана Губайдулла, которого сослали в Сибирь не без участия мачехи Айганым. По ее же просьбе сослали и брата ее покойного мужа – Сартая. Все за то, что могли претендовать на ханский престол, перебежав дорогу ее детям. Ох и нелегко разобраться в этой степной политике, да еще с "умной" головой князя Горчакова!..

Поэтому и не поехал освобожденный Губайдулла к своей мачехе в родные места. Не поехал и к брату своему – кушмурунскому ага-султану Чингису, а направился вдруг прямо к Кенесары. Не такую уж глупую политику ведет этот мятежный султан. Его поддержка куда предпочтительнее, чем всех остальных.

Айганым!.. Граф невольно улыбнулся, вспомнив о чем-то давнем и приятном. Это было двадцать пять лет назад на балу у императора Александра. Они, молодые гвардейские офицеры, наперебой ухаживали за прекрасной кайсацкой ханшей, неожиданно появившейся при дворе и оживившей общество. Семидесятилетний муж ее Вали-хан днями и ночами не вставал из-за зеленого стола, играя со столь же престарелыми сенаторами. И как-то он, Перовский, молодой и блестящий тогда гвардеец, признался ей в любви...

И вот эта бывшая светская красавица так жестоко боролась за влияние среди орды!..

Мысли графа постепенно приняли более мрачное направление. Ему вспомнился другой, куда менее веселый императорский прием, который случился недавно. И император давно уже другой – с тяжелым свинцовым взглядом, и веселья мало. Да и сам он не показался ли милым грациозным дамам таким молодящимся и расфуфыренным старичком генералом откуда-то из далекой пограничной провинции?

Незадолго перед этим произошла его неудачная экспедиция в Кокандское ханство. По высочайшему соизволению ему разрешено было приехать в столицу, чтобы немного отдохнуть. Свыше четырех месяцев пробыл он там и уже подумывал о возвращении к месту службы, когда его неожиданно пригласили на придворный бал. Там Василий Алексеевич Перовский вплотную столкнулся с императором Николаем I. На высочайшем лице было написано явно не-

удовольствие. Все разъяснила прогуливавшаяся с царем очередная фаворитка красавица Макаевская. Дукаво посмотрев на графа, она воскликнула:

– Ах, ваше величество!.. В невыполнении вашего обещания отчасти виноват и граф Василий Алексеевич...

Перовский, ничего не понимая, смотрел в ее смеющееся лицо. Нужно было что-то говорить.

– Если ваше величество что-нибудь обещали кому-нибудь, то разве не положим мы свои жизни, чтобы обещание было выполнено!..

В конце концов все разъяснилось. При дворе в последнее время стали входить в моду бухарские шелка. И вот караван с шелком, который ждали петербургские модницы к этому балу, оказался где-то под Ташкентом разграблен людьми мятежного султана Кенесары...

– Этого не может быть! – поразился Перовский. – Только вчера я получил депешу, что подопечный мой султан Кенесары еще пятого сентября находился в своей ставке на берегу Тургая. В доброй тысяче верст от Ташкента!..

– Кайсацкие ханы – не русские генералы, которым необходимо два месяца, чтобы добраться от Оренбурга до Арала! – Царь говорил жестко, не щадил самолюбия графа, руководившего неудавшейся экспедицией. – Этому вашему разбойнику оказалось достаточно семи дней, чтобы с четырьмя тысячами всадников оказаться под самыми стенами Ташкента!

Перовский склонил голову:

– Простите меня, ваше величество, но я действительно ничего не знаю...

– С каких это пор в России генералы узнают от царя, что творится среди их подданных? – Николай I нахмурил брови. – Извольте, могу доложить вам. Опекаемый вами султан Кенесары, насколько мне известно, еще седьмого сентября самолично провозгласил себя ханом кайсаков и через неделю начал войну против кокандского хана.

– Не может быть!.. – прошептал Перовский...

Только на днях получил он письмо от Генса, исполнявшего в отсутствие военного губернатора его обязанности. Генс сообщал, что его адъютант Герн еще первого сентября находился в ставке Кенесары, откуда только что вернулся. Он доложил, что там ца-

рит тишина и спокойствие и все ждут окончательного результата переговоров...

Царь сделал отметающий жест рукой, и на лице его появилось так хорошо знакомое всем брезгливо-пребрежительное выражение.

— Сегодня прибыл гонец с депешей от кокандского хана... Все же вам следует запомнить, Василий Алексеевич, что наше доброе отношение к вам не означало согласия на провозглашение этого Кенесары степным императором. В Российской империи это не может быть дозволено. В вашем споре с Горчаковым я склоняюсь сейчас на его сторону... К тому же не вам мне объяснять, что, когда российские интересы столкнулись по всей Азии с интересами британской короны, разумно ли подрывать наши добрые торговые и всяческие иные отношения с Кокандом, Бухарой или Хивой? И не может каждый губернатор в России вести свою политику. Так что довольно канителиться вам с этим Кенесары. Сегодня я отдал приказ Чернышеву объединенными усилиями Сибирской и Оренбургской линий покончить с ним бесповоротно и навсегда. Если же вы, граф, считаете, что не сможете со всем старанием выполнить этот приказ, то...

Перовский низко опустил седую голову:

— Слушаюсь, ваше величество!..

— Что же, тогда отправляйтесь в Оренбург!

Царь сделал разрешающий жест рукой. Граф Василий Алексеевич Перовский еще ниже склонил голову. Подняв глаза, оренбургский военный губернатор увидел лишь удаляющуюся прямую спину самодержца и почти вплотную прильнувшую к ней стройную фигурку в платье из обычного китайского шелка. Он вспомнил буйные грубоватые расцветки среднеазиатского атласа и глубоко вздохнул. Что делают сейчас с этим атласом запыленные и пропотевшие сарбазы Кенесары?..

Граф был осведомлен о своднической роли военного министра Чернышева в романе царя с красавицей Макеевской. Знал он, что с некоторых пор тот добивается назначения своего дальнего родственника генерал-майора артиллерии Обручева на место Перовского. Лишь благодаря непонятной благосклонности к нему царя военный министр не осмеливался прямо советовать произвести соответствующие пере-

мещенина. Но теперь лукавый Чернышев, кажется, у цели.

И еще невольно подумал Василий Алексеевич Перовский, что отношения при российском императорском дворе мало чем отличаются от отношений между казахскими султанами, которые грызутся между собой за власть и влияние. Они обязательно притрутся друг к другу – эти султаны и нынешние российские управители...

Через несколько часов после разговора с самодержцем, на рассвете следующего дня, Василий Алексеевич Перовский выехал в Оренбург и в самом скором времени добрался туда. Сразу по приезде он узнал от Генса все подробности. Предстояло в срочном порядке разработать необходимые мероприятия по ликвидации мятежа и самоуправства Кенесары.

Предварительно ко всем ага-султанам были посланы нарочные с требованием немедленно явиться в Оренбург. Вчера уже почти все приехали, и генерал Генс составил подробный доклад о положении в степи. Молодой ясноглазый адъютант доложил военному губернатору о прибытии Генса.

– Пусть войдет!.. – устало махнул рукой Перовский.

Вошел генерал Генс, человек высокого роста, с орлиным носом и каштановыми, слегка вьющимися волосами. В очках с золотой оправой, он был скорее похож на ученого, чем на военного. Чувствовалось, что отношения между военным губернатором и подчиненным ему начальником пограничной комиссии лишены того бравого солдатского духа, который восходил к павловским временам и с новой силой возродился в нынешнее царствование...

Кабинет графа Перовского представлял собой довольно просторную квадратную залу с несколькими обитыми золотистым бархатом креслами. Кроме стандартного императорского портрета во весь рост здесь висели небольшие портреты маслом Суворова и Кутузова, к которым у военного губернатора было почтительное пристрастие еще с детских лет. На стене висела громадная карта всего Оренбургского края с примыкающими землями и чужеземными владениями. Бросалось в глаза обилие книг. Они стояли в больших темно-красных шкафах, лежали на столе –

толстые фолданты в тисненых золотом кожаных переплетах...

– Отдохнули уже от столицы, Василий Алексеевич? – спросил, грустно улыбнувшись, Генс.

– Вы правы насчет столицы, мой дорогой Генс. Петербург действительно утомляет... – Он задумался на минуту, полузакрыв глаза и словно вспоминая что-то. – Но не будем зря терять времени. Покажите мне на карте, где дислоцированы в настоящее время аулы, верные Кенесары!..

Они подошли к карте, и Генс принялся объяснять с карандашом в руке:

– Из Акмолинского и Каркаралинского округов к нам перекочевали вместе с Кенесары целиком волости Альше-Байдалы, Тнали-Карпык, Тюбе-Темеш. Они в основном обосновались вот здесь, по краям песков Каракум и Аккум, а также при устье рек Жыланды и Тургай. Волости Козган, Айдабол, Каржас, Малай-Калкаман из Баянаульского округа, а также все остальные аулы Тнали-Карпык и Торайгыр-Кипчак из Акмолинского округа слились с родом баганалы и осели на берегу реки Кара-Тургай. По верхнему течению Кара-Тургай, в урочище Орда-Тиккен, что значит "Ханская ставка", расположен родовой аул самого Кенесары...

– Значит, здесь его аул? – задумчиво переспросил Перовский.

Генс кивнул. Оба они еще некоторое время смотрели на крошечную рябинку среди моря белой бумаги.

– Продолжайте!.. – тихо попросил Перовский.

– Здесь расположились орды и племена Атбасарского уезда, населявшие ранее районы Аргынаты, Улытау, Терсаккан, Кайракты, Шоиндыколь, Акколь. Это, во-первых, те же тюбе-темеш и тнали-карпык, а кроме этих разветвленных родов – еще койлыбай-алтай, айтхожа-карпык, алтай-альке, алтай-байдалы и алшын-жагалбайлы. Они в тысяча восемьсот тридцать восьмом году примкнули к мятежу Кенесары и следуют за ним всюду. Сейчас им принадлежит по существу вся эта огромная территория!

Генс вынужден был сделать несколько шагов вдоль карты, чтобы хоть приблизительно очертить границы земель названных им родов.

– Но здесь, насколько мне помнится, кочевал могущественный род алшын-жаппас...

– Они ужились и частично слились с ним.

– Ужились? В голосе Перовского было явное недоумение.

– Да, ужились, Василий Алексеевич... А если к этому прибавить угожья восставших в разное время и присоединившихся к мятежу родов Малой орды, таких, как табын, тама, шыклык, шомекей, шекты, торткара, то посмотрите – они к востоку от Янка занимают все земли по берегам рек Жем, Илек, Иргиз и Жыланды, а также предгорья Мугоджар. Это значит, что в подчинении Кенесары находится территория, равная Франции и всем итальянским королевствам вместе!..

– Да, это так. И, по европейским канонам, ему вполне можно было бы претендовать на титул... – Перовский не закончил и снова перевел взгляд на оспинку, обозначающую ставку Кенесары. – Не это меня, правду сказать, занимает... Мы с вами лучше других понимаем, что происходит здесь. Так вот: как же могло случиться, что казахи, как называют они себя, которые обычно яростно защищают свои пастбища даже от ближайших родственников, без всякого сопротивления пустили на свои исконные земли всю эту массу родов из чужой и на протяжении долгого времени враждебной им Средней орды? Почему они мирно уживаются на пастбищах? Не происходит ли нечто необычное в степи, чего мы еще не в силах понять?

Генс смотрел куда-то в сторону.

– Политика князя Горчакова, к которой по какому-то непонятному фатуму всегда склоняются русские цари, скоро не одну эту степь объединит против дорогой нам России. И ничего мы с вами здесь не поделаем. Вам-то легче. А попробуй я заикнусь – наши лжепатриоты мгновенно припомнят нерусскую мою фамилию...

Они долго молчали, два русских человека, которые были бессильны что-либо изменить.

– Личные цели этого Кенесары мне вполне понятны... – прервал молчание Перовский. – У всех аблаидов они одинаковы. Но тем, как ловко использует он аракчеевскую глупость некоторых наших наделенных властью проконсулов, можно только восхищаться. Поэтому и провозгласили его ханом...

– Мне только через три дня доставили весть об

этом. — Генс усмехнулся, покрутил головой. — От вашего имени я сделал запрос Кенесары. Тот немедленно ответил отрицательно, подписавшись верно-подданным и наследным полковником российским... Ну и разбойник! Потом я понял, в чем дело. Для кокандцев устроил представление. Они-то сразу узнали, что его подняли на белой кошме от всех трех жузов, а на берегах Тургая идет в честь этого невиданное пиршество. Сидели себе беспечно, а тут откуда ни возьмись — разьезды Кенесары под Созаком!..

— Так считает он себя ханом или нет? — Перовский отошел от карты, обошел стол. — Если нет, то почему без нашего совета двинулся к Созаку?

— Тургайский правитель Ахмет Жантурин поясняет, что Кенесары попросили об этом роды шомекей, торткара и табын, часть которых населяют низовья Сырдарьи. Они восстали против кокандского засилья и обратились к нему за помощью. То же приблизительно сообщает и начальник сибирской таможни. По его данным, Кенесары направился туда, чтобы вернуть на исконные земли казахские племена российского подданства, которые во времена междоусобиц перешли в кокандские владения. А если прибавить к этому, что ташкентский кушбеги убил родных братьев и отца Кенесары, то чему тут удивляться...

Но там сейчас нет уже тех людей, которые виноваты в смерти его отца и братьев. Правит Кокандом Шерали-хан. Вы знаете, что это мирный человек и друг нам. Должно ли допускать, чтобы числящийся нашим подданным Кенесары вызвал войну с Кокандом? Нам еще придется в будущем иметь с ними дело, и ни к чему заранее осложнять отношения!..

Перовский имел в виду недавно происшедшие события. Через год после встречи в Ташкенте совершенно потерявший голову Мадели-хан официально женился на своей мачехе Ханпадшаим. Эмир бухарский, прозванный за невиданную жестокость "Мясником Нурасуллой", объявил его вероотступником и пришел в Коканд с огромным войском. Он отрубил голову беспутному Мадели-хану, а красавице Ханпадшаим залил расплавленным серебром детородное место.

Генс пожал плечами:

— Кенесары закономерно хочет использовать вражду между Бухарой и Кокандским ханством для осво-

божления и присоединения к себе сырдарьинских казахов. Сейчас самый удобный момент для этого, и действия Кенесары полностью соответствуют данной версии. Что ж, его можно понять. Он, конечно, ни за что не согласится стать вассалом хивинского, бухарского или кокандского правителей, так как прекрасно понимает их политику. Если он понадобится им, то лишь как подвижной заслон против России. Помните, как резко он ответил три года назад на заигрывания и подарки со стороны того же Аллакула: "Если уж услужить, то лучше льву, чем шакалу!.." Мы немедленно сообщили об этом графу Нессельроде. К сожалению, делами львов нередко ведают ослы.

Перовский устало откинулся в кресле, и только сейчас заметил Генс, как постарел граф за время пребывания в Петербурге.

– Кенесары никому не захочет подчиниться, в том числе и Российской империи... – сказал Перовский. – И тут уж ничего не поделаешь. Его главная цель – объединить под своей властью всех казахов, где бы они в настоящее время не проживали. Он хочет воссоздать великое казахское ханство, не понимая, не желая понимать обреченности этой затеи в наше время. Как бы мы с вами ни относились к нему, нам предстоит покончить с его мечтами и надеждами... Что делать, не мы первые в истории совершим подобное деяние!..

– Даже сырдарьинский батыр Жанкожа нашел с ним общий язык... – Генс задумчиво повернул голову к карте. – Иначе не смог бы Кенесары штурмовать Созак, обороняемый пятью тысячами воинов.

– Но государю доложено, что он отправится туда с четырьмя тысячами сарбазов. А это не изнеженные городские жители!

– Да, но на колодце Шункур-кудук их настигла дизентерия, и ему пришлось оставить там добрую половину войска. Так что не помоги ему Жанкожа со своими сарбазами, вряд ли пришлось бы ему осаждать Созак...

– Как там дела?

– Десять дней уже длится штурм. По-видимому, дело идет к концу...

– Решиться на такой штурм мог лишь отчаянный человек!

– Ну, ему не занимать отчаянности. Вы же знаете

этого разбойника. И насчет его полководческих талантов сомневаться тоже не приходится. Таких бы людей привлечь к России, а не всякую мелкую сволочь из горчаковского окружения. К сожалению, нам этого не позволят сделать. Все должно склониться перед единым шпицрутеном – от финских хладных скал до пламенной Колхиды... А Созак он возьмет, не сомневайтесь. По моим данным, он даже сотню лестниц заготовил для штурма, а кому лезть по ним, у него найдется.

– Но как все же сумели они пройти за неделю Голодную степь? – Перовский выбросил руку к карте.

– Не за неделю, Василий Алексеевич... – Генс понизил голос почти до шепота. – За пять дней! Я не знаю, провозгласили или нет его ханом у могилы предка Алаша, но неоспоримо, что еще седьмого сентября он находился там вместе со всеми поддерживающими его аксакалами и биями. Это – возле Улытау. А уже двенадцатого сентября с половиной своего войска он вышел к стенам Созака. Только птицы способны на такие перелеты!..

– Как же он шел? Если через пустыню, то для этого необходимы верблюды, а не лошади...

– Он как раз и шел дорогой, якобы проложенной четыреста лет назад этим Алашем. Мне все подробно рассказал сарбаз, доставивший вчера депешу. Вот их путь. – Генс возвратился к карте: – Кара-Кенгир, где мавзолей Алаша, затем урочище Каражал, уже в ста тридцати верстах от Улытау. Через двадцать две версты по берегу Сарысу могила батыра Таймаса, а еще через сорок пять верст – так называемая "Девичья могила", где они дали передышку лошадям...

– Насколько я помню, там бедный травостой и совсем мало воды.

– Это для наших солдатских лошадей. Что касается казахских коней, то они где угодно добудут себе корм... А вот их дальнейший путь. Через двадцать семь верст – переправа у Тас-Откеля и ночевка пониже могилы Сарта. На рассвете уже по левому берегу Сарысу тридцативерстный переход до могилы Кара-Кипчака. Здесь краткая кормежка лошадей, и потом самый тяжелый переход через движущиеся пески, на которые никогда не решился бы даже опытный караванщик. На первый взгляд – сыпучие безжизненные пески и нет ничего живого. Но кое-где между барха-

нами растут полужасьшанные песком колючий тростник – шенгел, сухой кустарник – баблыш, попадаются изредка столетник и тамариск. Нужно уметь лишь увидеть все это. Даже джида растет в заповедных местах меж песчаными холмами. А для прокормления людей там хватает дичи – зайцев да косуль. Там, где наши солдаты погибли бы в два дня, кочевые джигиты находят все – воду, фураж, пищу. Нам еще предстоит учиться всему этому...

– Там отмечено первое кокандское укрепление по нашим картам, – заметил Перовский.

– Да, Жаман-Курган, привал в тридцати верстах от Кара-Кипчака. Четырехгранный замкнутый дувал туземного типа полтора аршин толщины и четырех аршин высоты. Их строили кокандцы для защиты караванов от нападений вольных казахов и как базы для нападений, в свою очередь, на казахские аулы... Дальше – Кызыл-Джингил, зимовье Батеш-батыра, того самого, который из-за вражды с Сандыбаем уехал из Кара-Кенгира. Потом сорок верст по высыхающему руслу Боктыкарын до озера Айнамколь. Оно в густых тугаях. Это последняя зеленая остановка перед Голодной степью...

– А где заболели они животом? – спросил Перовский.

– Это между Жаман-Курганом и зимовьем батыра Батеша. Там есть три колодца под названием Шункур-кудук. Джигиты Байтабына, которые не знают этих мест, напились оттуда и почти все заболели. Больных Кенесары оставил в аулах рода баганалы из найманов, которые находились уже там на своих зимовьях...

– А что ели они в Голодной степи? Где брали воду для себя, а главное для лошадей?

– Да, Голодная степь для несведущего – страшное место... Особенно первый семидесятиверстный переход. Красно-бурая потрескавшаяся глина без проблеска зелени. Но у лога Терсаккан имеется овраг Айдарлы и при нем тайный колодец Шырынау, всегда полный воды. Кое-какой кустарник вокруг, а кроме того, уставших лошадей подкармливают, по туркменскому обычаю, овечьим курдюком... В мою первую научную экспедицию наши казаки научились там этому...

– И лошади едят?

– Едят, и сил вдвое прибавляется... Короче говоря, добрых сто верст Голодной стены, затем при Бес-Кулане переправа через Чу, соленое озеро Акжайткан, урочища Иней и Кулан-Кабан, соленый колодец Коскудук. Снова тридцать верст сквозь барханы, и полу-соленый Жаман-кудук. Только верблюды в состоянии пить из него воду. И лишь через двадцать верст у могилы Берди-бия годная для потребления людей и лошадей вода. Место, где могила Берди-бия, называют еще просто Кул. С вечера Кенесары разрешил там всем отдохнуть, а на рассвете оказался у стен Созака...

Созакский воевода, или, по-ихнему, датка, Бабаджан чуть умом не тронулся, когда увидел это. Рассказывают, что, когда разбудили его, он поначалу прогнал дежурного нукера: не может, мол, быть, чтобы враг стоял у ворот. Кроме Кенесары – некому, а Кенесары за шестьсот верст напрямую празднует свое посвящение в ханы! "Вот он, Кенесары!" – показали ему со стены, и тогда он заплакал...

– Не только этому Бабаджану, мне до сих пор не верится в такой переход!..

– И тем не менее он свершился... – Генс с близоручкой улыбкой посмотрел на Перовского. – А знаете, Василий Алексеевич, почему переправу на реке Чу называли Бес-Кулан, а холмы – Иней и Кабан?

Это было самой жизнью Генса – большого ученого-этнографа, а уже потом генерала. Перовский знал слабость своего друга. Чтобы не обидеть, приходилось часами слушать его рассказы. Военный губернатор и не заметил, как рядом с этим человеком и сам стал подлинным знатоком края. Это пригодилось ему через двенадцать лет, когда, смилив свой дух и преклонив голову перед неизбежностью и императором, он захватил Ак-Мечеть, жестоко подавив все попытки национально-освободительной борьбы в степи...

Сейчас Гене рассказывал ему легенду, которую записал, еще будучи молодым офицером, тридцать лет назад.

– Тут каждый холмик опозитизирован, а начнешь докапываться до истоков, к самому Александру Македонскому придешь! – восторженно, в какой уже раз объяснял Генс. – Так с Бес-Куланом... Якобы любимого сына Алаш-хана растоптало стадо диких ослов, то бишь куланов. В великой скорби пребывал Алаш, и приказал он истребить по степи всех куланов до

единого. Тому, кто убьет последнего кулана, обещан Алан-хан несметные сокровища и свою самую красивую дочь в жены.

Батыр Домбулак дал слово выполнить приказ хана. Двух сказочных коней с кличками Иней и Кабан взял он на истребление куланов, и когда осталось их всего пять в степи, Домбулак загнал куланов в глубь песков. Спасаясь от него, куланы нашли брод на реке Чу, и с тех пор это место называют Бес-Кулан, что означает "Пять куланов". Сказочные кони так и издохли, не догнав куланов, а место гибели обозначено их кличками. А казахи до сих пор считают, что холм неподалеку – могила батыра Домбулака... Могила там действительно очень древняя, да и сюжет легенды уходит в глубь веков, ко временам царя Кира!..

– Каких только могил нет на этой земле! – дипломатично поддержал разговор Перовский. – История – наставница жизни, и хорошо, что не забывают они своих предков. Назовут ли здесь какое-нибудь урочище нашими именами?.. А впрочем, давайте перейдем к делу!

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

– Его императорское величество изволили поручить мне ликвидацию нежелательного сейчас для России движения Кенесары. – Теперь голос Перовского звучал резко, по-генеральски. – Прежде всего мы должны спросить с него, почему он без высочайшего и нашего соизволения вмешался в среднеазиатскую политику. Я имею в виду войну между Бухарой и Кокандом. Самовольные действия Кенесары приносят ущерб торговым отношениям Российской империи в Азии, не говоря уже о политических перспективах. Следует приказать ему прекратить военные действия по всей территории Кокандского ханства и незамедлительно вернуться на отведенные ему земли!..

– Сможет ли он заставить себя подчиниться такому приказу? Вы же знаете его... Тем более теперь, когда его сабазы уже на стенах Созака...

– Как ему заблагорассудится!.. Первым делом это будет полезно для самого Кенесары. И пусть не мыслит даже, что добровольное присоединение к России оставляет за ним право решать какие-либо внешнеполитические проблемы, с чем бы это не связывалось. Подчинение России означает возможность с подоба-

ющим рвением выполнять предназначения его императорского величества. И ничего иного!..

Перовский почти кричал. Генс молча слушал, склонив голову. Потом так же молча подал военному губернатору какую-то бумагу.

– Что это? – спросил Перовский.

– Ответ Кенесары на мое письмо...

История эта длилась уже долгое время. Прекрасно зная о соглашении между графом Перовским и Кенесары, князь Горчаков продолжал считать примкнувшие к Кенесары аулы враждебными и поступал с ними соответственно. Князь, самолюбие которого было уязвлено благоволением Николая I к Перовскому и его восточной политике в предыдущий период, писал военному министру Чернышеву: "Разбойники – сыновья Касыма-торе обманывают Россию, заверяя о своем подданстве, а на самом деле усиливают свои преступные действия, направленные против Его императорского величества..." Перовскому он писал прямо: "Или же отодвинь своего Кенесары подальше от сибирских границ, или позволь уж мне покончить с ним в его берлоге!.."

Перовский в свою очередь отвечал Горчакову: "Я не могу прийти к заключению о виновности поддомственного мне султана Кенесары, ибо со времен подчинения его Оренбургскому военному губернаторству он не совершил каких-либо враждебных действий, вызывающих возмущение наших подданных. Версия же о его грабительстве основана на показаниях некоторых кайсаков из числа его недоброжелателей. Эти сомнительные свидетельства не в силах доказать виновность Кенесары".

И все же председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал Генс, чтобы уточнить некоторые моменты из письма Горчакова, направил специальный запрос Кенесары. Принесенное им письмо было ответом беспокойного султана на этот запрос.

Перовский начал читать его вслух:

– "С тех пор как Его императорское величество осчастливили нас амнистией, я не поднимал руку против России. В том, что я невиновен, свидетель – единый для всех Бог. Мои враги хотят опорочить меня перед Вами, но если Вы потребуете, я готов доказать на деле свою верность России. Враги мои зло нена-

видят меня и не переносят Вашу благосклонность ко мне...”

Перовский вернул письмо Генсу:

– Безусловно, он говорит правду. Однако ж у него много недругов, которые без вины сделают виновным. Князь Горчаков, конечно, молодец в этом, но первые доносчики – сами казахские султаны...

– Восемь из них Кенесары считает своими самыми заклятыми врагами. Еще в одном из первых писем к нам он предупредил о них...

– Кто же они?

– Из подчиненных Горчакова – Конур-Кульджа Кудаймендин, Кулжан Кучуров, Аккошкар Кишкентаев, а также Жаугашар. Из наших подчиненных – Ахмет Жантурин, бий рода жаппас хорунжий Жангабыл, бий рода жагалбайлы Кукир и, наконец, союзный датка Бабаджан...

– Значит, во всех жузах и государствах у него враги.

– Выходит, что так... Помимо понятных в их нынешнем состоянии межродовых распрей, он обвиняет их еще в потере достоинства перед Россией и Кокандом, в притеснениях по отношению к другим родам. Хоть и он хорош гусь, но там немало правды, в его письмах. Самое плохое, что все эти ага-султаны избирают единоверцев, прикрываясь нашим именем и солдатами. Вот и получается в конце концов, что во всем виновата только Россия!..

Снова оба замолчали...

– Главных врагов у него двое – Конур-Кульджа и наш Ахмет Жантурин... – Генс развел руками. – Он не успокоится, пока не срубит им головы...

– Или они ему...

– Только нашими руками. Или еще чьими-нибудь. Дело в том, что, хотим мы этого или нет, основная масса казахов считает сейчас поставленных царем ага-султанов предателями, а Кенесары для них – вождь. Горчаков же и другие радетели твердого курса только способствуют такому пониманию. Так что без нас им не справиться с Кенесары. Ведь не случайно его джигиты жизнь отдают за него. Даже этот башкир Батырмурат недавно подставил себя под удар сабли, направленной на Кенесары!.. Наши султаны-правители недаром его как огня боятся!..

Вошел адъютант Перовского.

– Приехал султан-правитель Ахмет Жантурин, – доложил он. – Просит аудиенции...

Перовский с Генсом переглянулись.

– Впустите его!

Султаны-правители восточного берега Жайка Ахмет Жантурин, Арыстан Жантурин и Баймагамбет Айшуаков были наиболее приближены к Перовскому. Именно через них пытался он проводить в степи свою политику. Но они не раз обращались к нему с просьбами об изгнании Кенесары с территории, относящейся к Оренбургской губернии. Перовский посмеивался, понимая всю подоплеку их просьб. В конце концов для Российской империи, которую он представляет, безразлично, какой султан правит казахами – Ахмет Жантурин или Кенесары Касымов. Главное – умиротворить степь, заставить при помощи гибкой политики служить российским интересам всех деятельных людей, включая Кенесары. В Петербурге возобладало сейчас другое мнение...

Вошел Ахмет Жантурин, рослый и очень смуглый даже для степняка человек с широкими ноздрями и большими мутными, как у быка, глазами. Он был в мундире подполковника русской армии, и не только потому, что являлся ага-султаном. В свое время он закончил Оренбургское военное училище, служил в гарнизоне. Войдя, Ахмет Жантурин четко взял под козырек.

– Ваше высокопревосходительство, подполковник Жантурин явился по вашему вызову!

Перовский подал ему руку, предложил сесть.

– Знаете ли вы, султан Ахмет, что Кенесары воюет сейчас с кокандцами?

– Так точно, знаю, ваше высокопревосходительство!

– А почему он решился на это? Может быть, это подсказано хивинцами, чтобы ослабить Бухару и Кокандское ханство? Что вы слышали об этом?

– Слышал кое-что... – Ахмет Жантурин усмехнулся краем губ. – Конечно, Кенесары не такой уж дурак, как думают некоторые. После того как Нурасулла-мясник убил Мадели-хана и унизил Коканд, Кенесары стал вести тайные переговоры с хивинским ханом, обещая отвоевать для него казахские земли по Сырдарье, находящиеся под властью кокандцев...

– Зачем же это понадобилось ему?

– Чтобы не дать усилиться эмиру бухарскому Нурасулло... Хивинский хан Аздакум прислал в дар Кенесары прекрасного аргамака с дорогим седлом и пятнадцать хивинских ружей с серебряной отделкой. Считая, что заручился полной поддержкой Кенесары, он объявил войну Бухаре. Вы знаете, что выиграл от этого только Коканд. Пока хивинский хан воевал с эмиром бухарским, жители Коканда восстали против эмира и объявили ханом тихого и набожного Шерали, родственника убитого Мадели-хана. Воспользовавшись слабостью Кокандского ханства, Кенесары и решил, что пришла пора присоединить к себе семь тысяч казахских семейств, подчиняющихся ташкентскому кушбегу... По полученным мной сведениям, он захватил уже Шана-Курган, Жолек и Ак-Мечеть. В настоящее время идет битва за Созак. А пока что освобожденные Кенесары казахские аулы начали откочевку в наши пределы...

– Чем же это плохо для нас? – Перовский недоуменно посмотрел на Генса. – Если в тысяча восемьсот тридцать четвертом году сын Касыма-торе Саржан отторгнул от России сорок тысяч дворов казахского населения, то сегодня другой его сын возвращает часть их обратно. Разве не означает это успех российской политики?..

– Нет, это означает победу Кенесары! – сказал Ахмет Жантурин, сразу помрачнев. – Сейчас под властью Кенесары находится большинство из родов найман-баганалы, аргын, табын, тама шекты, шомекей, байбакты и многие люди других родов. Всего это пять тысяч аулов, или добрых двести пятьдесят тысяч дворов. Если он прибавит к ним еще семь тысяч дворов, обязанных ему освобождением от кокандского ига, то станет еще сильнее. А Кенесары, пока живой, никому не покорится, в том числе и России. Он сам хочет властвовать над всей степью!..

– Что за неумемное стремление к власти!.. Зачем это нужно ему?

Тут уже Ахмет Жантурин с удивлением посмотрел на графа Перовского. Во взгляде его было искреннее недоверие – притворяется военный губернатор или действительно не понимает всей сладости неограниченной власти...

– Он мечтает о временах Аблая и желает стать полновластным ханом казахов...

– Что же, это закономерное желание для абла-
ида... – Генс потер лоб, встал и прошелся по каби-
нету. – Разве не того же хотел в период раздроблен-
ности любой из наших Рюриковичей? И разве мало
народной крови было пролито для осуществления
этих желаний?.. Вы только что сказали, что под
властью Кенесары находятся в настоящее время двест-
ти пятьдесят тысяч казахских дворов. Если считать по
четыре человека в каждой юрте, так и то получается
миллион человек. Вот я и задаю себе вопрос: неужели
миллион людей воюет лишь за то, чтобы утвердить
какого-то Кенесары на ханском престоле?... Нет, так
в истории не бывает. Дело здесь куда более серьезное.
Тут целый народ недоволен вводимыми нами поряд-
ками. Любой народ всегда желает свободы, а люди
вроде Кенесары подстраиваются к такому движению.
И они выигрывают, если не теряют головы!.. Чаше
всего происходит сделка за счет народа...

– Нет, на это он не пойдет!

– Почему же?

– Из гордости! – ни на минуту не задумавшись,
ответил Ахмет Жантурин.

– Хорошо, мы будем вынуждены сломить Кене-
сары. Но чем провинились многие простые казахи,
увидевшие в нем своего вождя и устремившиеся за
ним? Сколько невинной крови должно будет про-
литься в этой несчастной степи!..

– Пусть не лезут, куда их не просят!

Столько неприкрытой злобы было в словах сул-
тана-правителя Жантурина, что Генс осекся на полу-
слове... Он, не имеющий отношения к этому народу,
печется о простых казахах, не желая бессмысленного
пролития крови. А тут сам казах готов пролить море
невинной крови, только бы сокрушен был его личный
враг!.. Теперь понятно, почему ненавидит народ сво-
их ага-султанов, прячущихся за русскими штыками.
Недаром его отца – старого Жантуру – на глазах у всех
зарезал простой казах. Как бы и с сыном не случилось
такого!..

Перовский опустил на стол ладонь правой руки:

– Мы долго пытались усмирить Кенесары без
пролития крови. Поскольку такая возможность ис-
ключается, то мы полны решимости применить во-
енную силу. Однако же только в качестве вспомо-
гательного отряда к войскам верноподданных сул-

танов... Найдутся ли у вас возможности для разгрома и полной ликвидации мятежа Кенесары Касымова?..

Глаза султана-правителя Ахмета Жантурина сверкнули от радости.

– Хватит у нас сил!.. Ежели у Кенесары сейчас имеется на конях восемь тысяч джигитов, то мы наберем поболее. – Он принялся загибать пальцы на левой руке. – Мы, двое сыновей благородного Жантуры – я и Арыстан, выставим три тысячи сарбазов. Наш дядя, султан-правитель Баймагамбет, – две тысячи всадников. Бии родов торткара и жагалбайлы, проживающих по Ори и не примкнувших к мятежу, благородные Жангабыл Жаппас-оглы, Кукур и Бигажан дадут каждый по тысяче крепких людей. А если еще ненавидящий Кенесары кипчакский бий Балгожа даст тысячу, то сколько это будет?.. Надеемся, конечно, что и ваше высокопревосходительство выделит батальон-другой ваших доблестных войск!..

Ахмет Жантурин перегнулся через стол, заглядывая в лицо военного губернатора. Сквозь муть его глаз светилась победоносная хитрость. Перовский невольно поморщился и еще раз опустил ладонь на стол:

– Та-ак!

– Да, ваше высокопревосходительство, тогда мы к осени придушим их и без помощи сибирских линейных войск! – Он все знал и не скрывал этого. – Одними нашими силами сокрушим супостата, и ваше высокопревосходительство смогут лично доложить государю о столь знаменательной победе!

Ахмет Жантурин говорил с тем "патриотическим" пафосом, который вошел в моду при николаевском дворе вместе с девизом "православие, самодержавие и народность". И как быстро унюхал кайсацкий султан-правитель этот дух! В Оренбурге русские офицеры еще стеснялись столь верноподданнически проявлять себя...

– Хорошо! – быстро сказал Перовский. – Пусть вечером придут другие султаны, тогда и решим...

Ахмет Жантурин козырнул, четко повернулся и вышел.

– Каков мерзавец! – с легким оттенком восхищения воскликнул военный губернатор, едва за ним закрылась дверь. – Этот тебе мать родную продаст, а мы на нем благополучие Российской империи пытаемся

строить! Нет, по мне уж лучше с Кенесары иметь дело!.. Но с какой легкостью распоряжается этот Жантурин своими людьми.словно баранами на ярмарке!..

— А мы чем лучше, Василий Алексеевич? — возразил Генс. — Что же касается казахов, то это достойный, но очень несчастный народ.

Генс уже собирался уходить, но вошел раскрасневшийся ясноглазый адъютант и таинственным тоном доложил Перовскому:

— Там, ваше высокопревосходительство, две такие красавицы киргизки, что весь гарнизон сбежался!..

— А зачем они здесь? — спросил генерал Перовский, невольно приосаниваясь и подкручивая ус.

— С вашим превосходительством желают увидеться. Одна по-русски совсем чисто говорит, как мы с вами...

Перовский с Генсом переглянулись.

— Ладно, приглашай!..

Вошли две женщины, молодые и действительно настолько красивые, что оба генерала невольно встали. На голове одной из них было саукеле, что означало недавнее замужество. Одеты они были не слишком богато, но со вкусом, который угадывается по любой, самой непривычной для глаза одежде. На них хорошо сидели бордового цвета вельветовые камзолы, под которыми виднелись платья с двойными оборками из того самого азиатского шелка, который стал предметом разговора с самим царем. Ноги были обуты в ярко-оранжевые юфтевые сапожки на высоких каблуках. Вторая девушка, судя по лисьей шапке с перьями и серебряному поясу, относилась к сарыаркинским казашкам...

— Здравствуйте, господа!

Это сказала первая звучным голосом на русском языке и так непринужденно, что оба генерала не знали, как вести себя дальше. Другая, по-видимому, не говорившая по-русски, поклонилась, прижав по сарыаркинскому обычаю обе руки к сердцу.

— Здоровы ли, голубушки? — заговорил по-казахски Генс, обращаясь к той, которая не знала русского языка. — Откуда вы приехали и как ваши имена? Из какого рода вы?

Теперь удивились женщины. Русский генерал говорит не хуже их по-казахски. Старшая посмотрела

на военного губернатора, поняла, что он не понимает по-казахски, и снова заговорила по-русски:

– Меня зовут Алтыншаш, а эту девушку – Кумис. Мы из аула Кенесары...

У Перовского мелькнула мысль, что он, по-видимому, не ошибся в происхождении шелка, из которого были сшиты их платья. Дорого же будет стоить этот шелк Кенесары... Впрочем, он подходит им не хуже, чем фрейлине Макеевской. Говорят, у царя за эти дни появилась новая фаворитка. Интересно, какие у нее вкусы...

– Где же вы так хорошо научились разговаривать по-русски? – с интересом спросил Генс.

Алтыншаш подробно и обстоятельно рассказала историю своей жизни, не скрыв даже историю предательства Ожара. Услышав, чья она дочь, и еще раз подивившись ее чистому произношению, Перовский в свою очередь осведомился:

– О чем же вы хотите просить меня, дитя мое?

– Ваше сиятельство, я приехала к вам, будучи слышана о вашей справедливости. – Она вытерла невольными выступившими слезы. – В прошлом году вы добились у императорского величества амнистии по отношению ко всем близким и родственникам султана Кенесары. Я не осмеливаюсь просить о столь высокой милости к моим братьям и сестрам, сосланным в Туринск. Умоляю вас хотя бы помочь мне узнать об их здоровье!..

Генс отвернулся, не в силах сдержать острой жалости по отношению к этой благородной плачущей женщине. Горький комок подступил у него к горлу.

– А эта девушка с вами? – спросил Перовский.

– Она тоже взывает к вашей справедливости! – сказала Алтыншаш. – Я выросла среди русских и знаю, что подлинный русский человек никогда не пройдет равнодушно мимо чужого горя. С жалобой на изверга и насильника Конур-Кульджу приехала она к вам. Ага-султан Конур-Кульджа Кудаймендин, носящий мундир русского офицера, кроме всего прочего убийца ее отца!

Она разволновалась, но тем не менее рассказала всю историю Кумис, начиная с грязного насилия над ней в отцовской юрте, совершенного Конур-Кульдгой.

– Какое варварство! – воскликнул Генс по-французски.

– Закон степи... – развел руками Перовский, тоже перейдя на французский язык.

– Но мы надели на это чудовище мундир русского офицера. Эта женщина права!..

– Ох, мой милый Генс, вы не бывали при дворе!..

Это само вырвалось у Перовского, и он с опаской посмотрел на Алтыншаш. Она, кажется, поняла, что он сказал...

– Вы что, и по-французски понимаете? – спросил он у нее.

Посмотрев ему в глаза, она отрицательно покачала головой... Алтыншаш не смогла бы объяснить, почему она это сделала. Может быть, ей жалко стало этого так испугавшегося своих слов человека. И еще она поняла, что не все зависит от него. Что-то страшное, тяжелое давило здесь всех – даже этих генералов с блестящими эполетами. Оно раздавило и ее отца с дядей, приставило к ней мужа-предателя... Она понимала по-французски, потому что выросла в доме сибирского генерала Фондерсона. А там говорили только по-французски...

Перовский все еще недоверчиво смотрел на нее, но Алтыншаш уже взяла себя в руки.

– Что же мы сможем сделать для них? – спросил по-французски Генс, словно бы не сомневаясь в сочувствии Перовского к горю этих женщин.

– О судьбе родственников этой милой женщины мы справимся, послав запросы в соответствующие инстанции... А что можем сделать мы Конур-Кульдже? Это же человек князя Горчакова. Одному богу ведомо, что творится у него в Сибири и с русскими-то. Знаете, наверно, какие слухи об этом ходят. А уж об инородцах и говорить не приходится... Следует, видимо, успокоить как-то ее, обещать разобраться...

– Разве представится им еще когда-нибудь возможность приехать в Оренбург?.. Не будут ли они всю свою жизнь думать, что мы попросту обманули их?..

– Обман в утешение не есть обман. Пока что это облегчит им душу, а потом сами поймут, что не в наших силах было помочь им... – Перовский невесело усмехнулся. – Им еще и не то предстоит подумать о нас. Пусть уж привыкают!..

– Нет, я не могу пойти на это, Василий Алексее-

вич! — твердо сказал Генс. — Пока я русский генерал... Они с надеждой пришли к нам. Чем еще послужим России, если более великое не в наших силах? Пусть же знают в степи, что не все русские генералы таковы, как Горчаков. Льщу себя надеждой, что этот небольшой, но благородный народ не забудет хоть того малого, что я сделаю!

— Что же вы намерены предпринять?

— Попытаюсь через департамент по азиатским делам выяснить поначалу, где находятся родственники этой женщины. А мерзавца Конур-Кульджу потребую отдать под суд!

Перовский грустно покачал головой:

— Неужели вы до сих пор не убедились в великом рвении и расторопности российской канцелярии? Да пока придет ответ, они трижды успеют состариться и почить в могиле со своими надеждами!

— Не вернуться они боле, если уедут назад в степь. А что начнется там сейчас, вы не хуже моего представляете. Пусть поработают в моем приюте на благо своего народа. Я же, со своей стороны, постараюсь поторопить инстанции...

— Пусть будет по-вашему!

Перовский невольно улыбнулся, поняв замысел Генса. На свои небольшие средства открыв приют для казахских детей-сирот, тот давно уже искал для него воспитательниц, владеющих казахским и русским языками...

Генс повернулся к женщинам, заговорил по-казахски:

— По вашим просьбам придется сделать запросы в другие города. На это уйдет время. Но вам в ожидании ответа надо будет где-то жить, что-нибудь делать. У меня живет много оставшихся без родителей детей, за которыми нужно смотреть, учить их. Согласны ли вы взяться за это трудное дело?

Вся степь знала о добром русском начальнике, собиравшем и дававшем приют оставшимся в это тяжелое время без родителей казахским детям. Даже живя в Омске, Алтыншаш слышала об этом человеке. Она подумала немного и кивнула:

— Хорошо!

Ей тоже не хотелось обманывать этого благородного человека. Но она была дочерью казненного батыра Тайжана, там, далеко в степи, сражался ее муж

Байтабын, и были те, кто стал ей близок. Алтыншаш должна была сообщить, что здесь готовится против них... Даже спутница ее, Кумис, не знала об этом...

В тот же день генерал Генс привез их в свой приют, познакомил с детьми. Много их было там, и разных возрастов. Сама выросшая без материнской ласки, Алтыншаш расплакалась, увидев этих детей, и до ночи не могла отойти от них.

Вечером того же дня Генс отправил все необходимые письма по делу обеих женщин. По личному поручению военного губернатора Перовского он написал также послание к Кенесары с категорическим приказом немедленно прекратить любые военные действия против Кокандского ханства и возвратиться со всеми подданными в границы Российской империи.

Кенесары получил это послание в день взятия Созака. Несмотря на восемнадцатый штурм, он готовился уже через день выступить на Ташкент. С Россией шутки были плохи. Ему теперь ничего не оставалось, как заключить мир с Кокандским ханством и вернуться в российские пределы. Лютая злоба на оренбургских генералов, одним росчерком пера разрушивших его планы, бушевала в сердце Кенесары.

II

Есиркеген не был буйным и безудержным юношей, как некоторые байские сынки в Семипалатинской русской школе. Выпускникам школы предстояло стать в будущем офицерами, чиновниками, ага-султанами, душой и телом преданными царской власти. Но вышло так, что наиболее умные и способные из них, освоив русский язык и культуру, впитали в себя и ту передовую, революционную сущность, которой отличалась эта культура даже в тяжелые времена николаевского деспотизма. К таким ученикам принадлежал и Есиркеген.

Каких только разговоров не вели они между собой! И все сводилось к одному. Их тревожили безграмотность, забитость и незащищенность родного народа, отданного во власть невежественным разнузданным ага-султанам, биям, проходимцам всех мастей. Они думали о будущем...

И невольно их мысли обращались к русскому народу. Необходимо было наверстывать упущенное, и, вопреки средневековому феодальному мракобесию, менять быт и нравы, царящие в степи. Они понимали уже, что для этого следует изменить способ хозяйства. Казахи кочевали в степи, как и предки их. А при кочевом образе жизни нечего было и думать о том, чтобы догнать передовые народы и страны. История России, особенно эпохи Петра Великого, увлекала их, объясняла многое. Следовало учиться у русского народа. Именно у народа, а не у николаевских жандармов и карателей...

Есиркеген бродил по семипалатинским окраинам, беседовал с русскими мужиками-переселенцами, а вскоре познакомился с русскими ссыльными. Все больше прибывало их в степные края, и это были настоящие люди, понимавшие горе его народа. Долгими зимними вечерами, засиживаясь со сверстниками на квартире то у одного, то у другого ссыльного, слушали они нескончаемые горячие споры о будущем России и начинали понимать, что оно неразрывно связано с будущим их народа. Они понимали уже, что царизм не победишь отдельными разрозненными выступлениями, что только в тесном союзе с русским народом будет достигнута победа.

Просыпаясь ночью, Есиркеген размышлял обо всем услышанном накануне... Какие только завоеватели ни бесчинствовали на казахской земле – китайские, хивинские, бухарские, кокандские, джунгарские! Но какие бы опустошения ни производили они, народ находил в себе силы подняться из крови и пепла, как сказочная птица. Теперь же, как ни тяжелы были царские и султанские поборы и притеснения, все явственней выделась Есиркегену братская рука русского народа, терпящего не меньшие бедствия от царского самодержавия...

С русским народом – против царя!.. Еще в разинское и пугачевское времена зародилось это братство угнетенных. Тогда же определился и союз русского царя со степными мирзами и султанами, для которых самодержавие становилось лучшей защитой от народа...

Другого пути нет... Понимают ли это Кенесары или батыр Агибай, ставший для Есиркегена символом родного народа?

Он с медалью закончил Семипалатинскую школу и готовился осенью поступить в императорский кадетский корпус в Петербурге. На лето, как обычно, Есиркеген отправился в родной аул. Шел 1841 год, год коровы по-казахски...

Оттого ли, что Есиркеген много думал о будущем народа и своем, оттого ли, что устал от занятий и экзаменов, но стал он бледным и худым. Старец Масан, которому давно уже перевалило за восемьдесят, сразу увидел это и понял, что юношу гложет какой-то тайный недуг. По степному обычаю, он не сразу начал разговор с внуком. Лишь когда тот отдохнул с дороги и немного пришел в себя, Масан-бий пригласил его посидеть с ним.

– Дорогой мой внучек, человеческое горе подобно рогам Искандера, – сказал он. – Не высказанное никому, оно растет кончиками внутрь, все глубже раня душу. Ты на глазах сохнешь от него. Если можешь открыть свои думы перед старцем, выскажись. Руки мои немощны, но голова пока еще дня не проводила в безделье...

Есиркегену давно самому хотелось открыться перед дедом, и он не стал ничего скрывать.

– Вы правду сказали, ата, меня гнетет горе. Только оно не мое, а горе всех казахов...

Масан-бий долго и внимательно смотрел на него, прежде чем заговорить.

– Народное горе?.. Ты тронул мою душу. Я всегда опасался, что не останется у меня преемника с большим сердцем. Мелкие душонки чаще появляются в мире. Бог сжалился надо мной перед смертью... Говори!

– Я четыре года проучился, дедушка. Может быть, уродился я таким беспокойным, но они мне казались длиннее четырех жизней. Если бы мысли были водой, то я давно бы уже захлебнулся в том океане, который окружает меня. Мне хочется перестать думать и начать действовать...

– Так... так... Но чем же наполнен этот океан? Расскажи...

– Это океан народных слез.

– Что же, я уже восемьдесят лет вижу этот океан... Нашел ли ты, чем можно вычерпать его?

– Я пришел к мысли, что сами мы не сможем этого сделать. Океан горя народного продолжается и за

пределами наших стеней. Разные языки, веры, привычки, но простым людям всегда плохо. И в борьбе с белым царем мы ничего не добьемся, пока будем носиться по степи, как дикие сайгаки. Разные есть русские люди, и сам ты не раз говорил об этом. Мы должны учиться у тех русских, которые знают больше нас, и идти с теми, которые против своего царя. Все больше становится их, и за ними будущее...

— А как же поступать с карателями? — Глаза старика на мгновение загорелись недобрым огнем, который тут же потух. — Конечно, каждый кобчик считает себя правителем в своем овражке. Проклятое, кровавое время рождает и кровавые мысли. Скорее всего, ты прав. Но что скажет твой народ, когда ты предложишь ему это? Разве всегда считается он с тем, что хорошо для него, а что плохо?.. Правда, есть у него одна поговорка: "Пусть руки отсохнут у того, кто не печется о близких ему по крови!" Мал твой народ и, подобно пугливой серне, мечется по степи. Только опасайся заслужить его проклятие...

— А всегда ли прав народ в своих проклятиях? Вот Кенесары... Часть людей проклинает его, а часть с ним...

— Да, это так. Жизнь не так проста, чтобы все в ней было только белым или только черным. Я уже прожил ее, и то многого не понимаю...

— Мне необходимо определить, как я должен относиться к Кенесары... — Есиркеген помолчал. — Лето пролетает быстро. К первым снегопадам я уже должен быть в Петербурге. Туда едут через Оренбург...

— Ты хочешь прямо отсюда ехать в Оренбург?

— Да. Из Кара-Откельского округа на Атбасар, а оттуда через Каракоин-Каширлы идти на Иргиз. Там аулы Кенесары, и мне хотелось бы остановиться там надолго...

— Что же, по тому, как живет край, нетрудно узнать душу и помыслы его правителей. Только это очень опасный путь. Вряд ли выпустят тебя живым сарбазы Кенесары, узнав в тебе родственника ага-султана Жамантая...

— И все же я поеду! — твердо сказал Есиркеген.

— Разумеется, — ответил Масан-бий.

Юноша решил ехать через аулы Кенесары давно, как только определилась его поездка в Петербург. Была у него и другая тайная цель. Еще летом ему

сообщили, что семья бывшего туленгута Абдувахита перешла на сторону Кенесары...

Может быть, удастся повидать Кумис. И если она хоть сколько-нибудь небезразлична к нему или просто нуждается в его помощи, он пойдет на все. Грязное насилие Конур-Кульджи над ней не давало ему покоя...

Три всадника ехали рядом по степи. Средний – белокурый статный джигит на выхоленном гнедом скакуне – и был Есиркеген. Оделся он по-аульному: хорьковая шапка, суконное пальто с воротником из выдры, хорошие сапоги. Совсем по-иному выглядели его спутники: один – рыжий долговязый детина, другой – смуглый крепыш. На них были одинаковые потертые чекмени с широкими рукавами, поношенные барашковые тымаки – капюшоны. Еще издали можно было определить, что два проводника-телохранителя сопровождают куда-то джигита из богатой семьи.

Несмотря на бедную одежду, оба проводника были довольно известные в степи люди: рыжий – своими песнями, а смуглый – как непревзойденный борец. Они заранее договорились, что при встрече с сарбазами Кенесары скажутся едущими к родственникам молодого джигита в горы Улытау. Сами они должны были проводить Есиркегена до Оренбурга и к зиме возвратиться в Каркаралы...

Прошло уже несколько суток, как выехали они из Каркаралы. Гостеприимным казахам по душе люди, отправляющиеся в такую даль навестить родственников. Только проехав гору Аргынаты, где дорога резко свернула к западу, пришлось говорить уже, что сами они из рода тама и едут к родственникам к реке Иргиз. Сразу видно было, что они не разбойники или степные бродяги, и люди верили им. "Хороший племянник хоть раз в году обязательно навестит родственников матери!" – говорили старики в аулах, одобрительно качая головами.

Теперь вместо слегка пожелтевших осенних трав Сарыарки им все чаще попадались выгоревшие до белизны пырей, чий и колючие кустарники. Погода тоже переменилась, холодный ветер порывами ударял в лицо. Несмотря на это, рыжий проводник во все горло распевал свои нехитрые песни: то шуточ-

ные, то печальные, хватающие за самое сердце. А Есиркеген на остановках вынимал из дорожной сумы тетрадь и записывал туда все, что пел он.

– Зачем ты делаешь это? – спрашивал всякий раз другой проводник, косясь в его тетрадь.

– Чтобы внуки наши не забыли дедовские песни! – говорил Есиркеген, и воодушевленный его словами певец старался всюю:

Пустые расири губят мой народ,
Где нужен ум, копье пускают в ход.
Что принесут нам, братья, наши ссоры?
Что, кроме разоренья и невзгод?

Одумайтесь, сыновья!
Довольно братоубийств.
Нас много ли на земле?
Кого ты страшишь, казах?
Кровь братская на руках,
А шея уже в петле...

Лицо Есиркегена стало белым, как полотно.

– Чья это песня? – спросил он.

– Акына Рыма из рода атыгай...

– Когда и почему сложил он ее?

– Года три назад, когда роды атыгай, караул и тока передрались между собой из-за пастбищ. Погибло много людей...

Есиркеген не стал больше расспрашивать и записывать эту песню. Она и так звучала в ушах... Но кто же этот акын Рым? Что-то не слышно о нем в степи. Видно, не из таких, кто слагает хвалебные оды баям и султанам и живет на их подачки. Много ведь таких разъезжает по аулам с одной свадьбы на другую. Хорошо, что находятся уже среди казахов люди, понимающие гибельность междоусобиц...

И вот он тоже поет, этот человек: "А шея уже в петле". Как трудно будет объяснить народу, что именно в союзе с русскими передовыми людьми спасение. И все же рано или поздно он поймет это. Царскую петлю с шеи будем рвать сообща!..

– Вот мы и приехали в аул, – перебил его мысли борец. – Сегодня здесь заночуем...

Аул расположился на берегу степного озера и состоял примерно из тридцати юрт. Это было одно из ответвлений рода табын, кочевавшее отсюда до самых берегов Атрау, как называют казахи Каспий. В этом

году они не смогли откочевать и провели лето в урочище Кзыл-Дингек, как раз на границе Младшего и Среднего жузов.

– Почему же вы не откочевали вовремя? – спросил Есиркеген у старика с лопатообразной бородой – хозяина юрты, где они остановились.

– Когда кочевали мы там прошлым летом, сарбазы хана Хивы отобрали у нас половину скота. А другую половину к началу зимы угнали солдаты хана Коканда. Ничего почти не осталось у нас, с чем нужно было бы кочевать...

Старик поник головой, стыдясь того, что нечем угостить приезжих, кроме жидкого айрана и иримчика. Одна тощая коровенка и три козы остались в этой семье.

– Оказывается, вы едете издалека, – чуть слышно сказал старик. – Следовало бы зарезать для вас барана...

У Есиркегена слезы навернулись на глаза.

– Не беспокойтесь о нас, аксакал. Мы премного благодарны вам за радушие!..

– Да, чего нет, не догонишь на самом быстром скакуне, – вздохнул старик. – Нелегко будет нашему аулу возродиться после стольких бедствий. Битый всегда кажется забитым. Но что поделаешь, нужно переносить удары судьбы. Кому дал бог душу, того не оставит своей милостью...

На рассвете, когда они уже собирались в путь, старик снова принялся извиняться перед ними за скудное угощение.

– Не обессудьте, сынки. Такие времена настали... Если быстро поедете, доберетесь к обеду до аула Алтай. Они немного побогаче нас...

Выезжая из аула, они еще раз убедились, насколько он беден. Около десятка худых коров, один облезлый верблюд, которого только из-за старости не отобрали у этих людей, да несколько коз – вот и вся живность. Даже у собак, молча лежащих перед юртой, шерсть свалилась от недоедания, а хвосты поджаты.

Да, только российское могущество может оградить сейчас его народ от полного вымирания. Хивинцы или кокандцы в основном просто грабят, что попадется под руку. А вот когда китайский император забросит свою сеть, то мало кто выпутается из нее живым. Только в тысяча семьсот пятьдесят шестом

году вырезал он больше миллиона торгоутов, населявших степь между Аралом и Черным Иртышом. Можно ли быть уверенным, что не наступит такой год и для казахов? Испокон веков питающие к нам лютую ненависть китайские богдыханы разве пожалеют наш малый народ? Тут уж не будет никаких колебаний или сострадания... И здесь тоже важна помощь России. Кого еще тут пугаться китайскому богдыхану, кроме русских. Может быть, и Коканд с Хивой и Бухарой существуют до сих пор лишь благодаря русскому соседству. Такова логика истории, которую преподавал ему в Семипалатинской школе ссыльный декабрист...

Солнце уже поднялось над горизонтом. В бескрайней пустынной степи не было видно ничего живого. К полудню подул ветерок, и они вдруг почувствовали какой-то неприятный запах.

– Что бы это значило? – сказал, приняв себя, борец. – Неужели кто-то режет скот? Похоже на запах крови.

Впереди возвышался холм. Есиркеген вынесся на него, огрев плетью коня, и конь сам остановился, дрожа и приседая на задние ноги...

Большой аул был перед ним. Вернее, не аул, а то, что осталось от него... Ужас наводили обугленные, еще дымящиеся остовы юрт. Шанраки – деревянные купола – были в большинстве обрушены на землю. Повсюду валялись трупы людей, рыдали, плакали женщины...

Мулла в белой чалме читал молитву над мертвыми посреди аула. Несколько человек под самым холмом копали могилы. Это были старики и подростки, не видно было мужчин и молодых женщин...

– Ой, родимые мои! – с традиционным воплем скорби помчался в разгромленный аул Есиркеген. Подхватив его горестный крик, тронули следом коней его проводники.

Сутки пробыли они в этом ауле, помогая хоронить убитых, успокаивали, как могли, оставшихся сирот... Беда нагрянула неожиданно, когда все еще спали. Ружейные залпы разбудили среди ночи людей, и они метались между юртами, не в силах что-нибудь предпринять.

Аксакал Карибай рассказал Есиркегену, как это произошло. Аул алтайского рода перекочевал сюда из Сарыарки вместе с Кенесары. Раньше они жили при

устье реки Жабайлы — там, где она вливается в Есиль. Но когда начали на их земле строить уездный городок Атбасар, им волей-неволей пришлось уходить.

Хотя они и ушли с Кенесары, но военной поддержки ему не оказывали, а лишь платили установленные им поборы, поставляли мясо и фураж. Только нынешней весной небольшая группа джигитов ушла в его отряды. Кто-то из враждебных родов донес на них, объявив ярими сторонниками Кенесары. Горчаковские султаны-правители выделили самых отпетых своих головорезов-туленгутов, а в помощь им комендант Орской крепости направил отряд линейных казаков. Всю ночь бушевал пожар, насильовали женщин, грабили, убивали...

Утром каратели ушли, забрав молодых мужчин и женщин. Сейчас из аула поехал гонец к Кенесары, но тот далеко и вряд ли отправит кого-нибудь в погоню.

Они решили повернуть к северу и ехать в Оренбург, минуя аулы Кенесары. Очутившись снова в седле, Есиркеген впал в глубокую задумчивость. Спутники тоже молчали, даже рыжий проводник оставил свои песни. Да и с чего им было веселиться после всего увиденного?..

Есиркеген глубоко вздохнул... Может быть, он ничего не понимает и у простых русских солдат те же цели, что и у императора Николая? Нет, слишком много хороших русских людей повидал уже он, чтобы поверить этому. А Николая простые солдаты называют "Палкин". Он сам это слышал!.. И еще видел он глаза русских людей, когда по приказу Горчакова на плацу забивали насмерть шпицрутенами солдата, который отпустил арестованного повстанца-казаха...

Даже пальцы у человека на руке не одинаковы. Можно ли считать одинаковыми всех русских людей? Вот две ветви от одного и того же деда Аблая — кровные враги... Но почему же этого не понимает Кенесары? Или он, как раненый барс, хочет умереть в бою?

Присоединение, которое в будущем принесет великие плоды!.. Да, несмотря ни на что, он будет бороться за это.

Раздираемый сомнениями, Есиркеген только теперь заметил, что солнце закатывается. Он оглянулся по сторонам. Все та же мертвая степь простиралась

вокруг, холодный ветер дул, прижимая к земле по-
духлые ковчегки...

– Где-то здесь должен быть аул! – Борец указал
плетью в сторону. – Лошади намаялись...

– Не только лошади... – отозвался тихо Есирке-
ген. – Душа болит...

В первый раз с тех пор, как покинули они раз-
громленный аул, ответил он своим попутчикам.

Они свернули налево, к невысокой гряде холмов.
Проехав еще немного, увидели крайние юрты ка-
кого-то аула. Вид его тоже был необычен. Казалось,
не то он только что прибыл сюда, не то собирается
сейчас же откочевать. Вокруг навьюченных верблю-
дов носились собаки. А в трех неразобранных белых
юртах, возле которых торчали на древках конские
хвосты – бунчуки, крыши были крест-накрест пере-
тянуты черным ковровым крепом в знак траура...

– И этот аул навестила беда! – грустно сказал бо-
рец. – Давайте объедем его стороной...

– Куда сбежишь от бед собственного народа! –
воскликнул Есиркеген и прищипорил коня.

Но от группы вооруженных всадников на краю
аула уже отделились несколько человек и поскакали
им навстречу.

– Кто вы и откуда едете? – зычно крикнул им чер-
ноусый сарбаз, не обращая внимания на их привет-
ствия. Серый аргамак вился под ним, пританцовывая.

– Свой!.. – ответил Есиркеген и вдруг заметил
синюю суконную нашивку Кенесары на груди черно-
усого.

– Какой такой свой?.. Не хочешь ли сказать, что мы
с тобой от одного отца и матери? А ну выкладывай
побыстрее, кто ты, если не хочешь отведать плетки!..

– Ни привет, ни ответа!.. Что вы нападаете на нас,
не пожелав даже доброго здоровья? – Есиркеген го-
ворил со спокойным достоинством. – Мы едем из Са-
рыарки и направляемся к родственникам моей матери
из рода табын на берега Иргиза...

– А с какой части Сарыарки?

– Из Каркаралинского округа.

– Каракесеки, что ли?

– Да...

– Стало быть, вы из того Каракесека, где у людей
не осталось настоящей крови в жилах и настоящих
мужчин в племени?

Есиркеген веныхнул от такого оскорбления, но вовремя взял себя в руки и укротил свой гнев.

– Значит, и среди казахов имеются люди, не слышавшие про Казбека Золотоустого! – улыбнулся он.

Бешеный гнев загорелся в глазах черноусого сарбаза.

– Каракесеки всегда отличались колким языком. Уж не относишься ли ты к потомкам самого Казбек-бия?

– Вы угадали!

– Увертливый карась сам попался в руки... А ну-ка следуй за нами!..

Только теперь Есиркеген понял, что злоба людей Кенесары на ага-султана Жамантая может вылиться на него. Но он не стал пререкаться и поехал за черноусым. Десяток всадников с пиками и палицами наготове сопровождали их к середине аула.

Однако при въезде до них донесся плач из крайней белой юрты. Среди казахов издревле бытует обычай первым долгом зайти в дом усопшего и прочитать молитву. Есиркеген слез с коня, и джигиты Кенесары не стали ему препятствовать...

Зайдя в юрту, он прежде всего увидел людей в рваных малахаях и истрепанных чекменях, которые плакали и причитали на разные лады. На левой стороне юрты лежал молодой джигит, горбоносый, с чуть заметным пухом вместо усов. Он скорее был похож на спящего, чем на мертвеца. У изголовья его сидела маленькая высохшая женщина с распущенными седыми волосами. Она царапала ногтями до крови свои исхудалые щеки и причитала:

Будь трижды проклят, Кене!
Да сгинет твой род, злодей!
Что делать несчастной мне
Без света моих оче-ей!..

Рядом с ней сидела молодая красивая женщина – жена или сестра убитого. Ее большие черные глаза безжизненно уставились в стену юрты. Прочитав молитву, Есиркеген вышел...

Их привели в другую большую юрту посреди аула. К канату, перепоясавшему юрту, был привязан широкогрудый белый конь величиной с доброго верблюда. А в юрте, напротив двери, полулежал огромного роста мужчина. Увидев вошедших, он приподнял

голову с подушки. На громадную квадратную глыбу был похож этот странный, черный человек.

– Вот, Агибай-ага, поймали у самой околицы! – доложил черноусый сарбаз. – Оказались из аула самого Жамантая. Говорят, что едут в гости к родственникам его матери, которая будто бы проживает на Иргизе...

Человек-глыба с любопытством посмотрел на Есиркегена. Тот удивился, услышав имя батыра Агибая, одного из главных сподвижников Кенесары. Эти аулы ведь не очень симпатизируют ему. Однако Есиркеген ничего не стал спрашивать, а лишь отдал глубокий поклон прославленному человеку:

– Ассалаумагалеюкму!..

– Алейкумассалам, сын мой!.. – Агибай пристально посмотрел в глаза Есиркегену. – Кем же приходишься ты подлomu разбойнику Жамантаю?

Во взгляде батыра, несмотря на суровость, светилась такая простодушная доброта, что обманывать его было невозможно.

– Сам я внук Масан-бия, а эти добрые люди сопровождают меня...

– Значит, ты рожден под счастливой звездой... Не слишком уж близкий родственник Жамантаю. А старец Масан все же неплохой человек. Как же чувствует он себя за пазухой у белого царя?..

– Дед все живет и здравствует...

– Да, так оно и должно быть... – Агибай тяжело вздохнул. – Кто не тронулся со своих насиженных мест, тому все-таки лучше. А мы вот рыщем всю жизнь по свету, как неприкаянные волки...

– Вам, наверно, не нужно было покидать родину...

Брови Агибая угрожающе сошлись на переносице.

– Хочешь, чтобы стал я прислужником, вылизывающим чужие тарелки, как Жамантай? Внук мудреца Масан-бия должен быть поумнее. Ну, ладно, не чеши там, где у меня и так свербит. Куда вы путь держите?..

Так и не решился Есиркеген сказать до конца всю правду и повторил версию о поездке к родственникам матери.

– К потомкам Букея, выходит! – заметил батыр. – Что же, не твоя вина, что дед твой стал сватом султанскому отродью... Скажи лучше, не заезжал ли ты по дороге в аул аксакала Карибая?..

Засвѣжал.

Если засвѣжал, то увидел, что там натворили?

– Увидел...

– Это дело рук таких, как твой родственник Жамантай! Они выделили для этого черного дела своих самых жестоких туленгутов. А вызвали карателей некоторые аксакалы из их же аула...

Батыр Агибай как будто оправдывался в чем-то перед самим собой... Вскоре Есиркеген понял, в чем дело. Когда через аул, в котором они сейчас находились, прошли солдаты к аулу Карибая, отсюда не было послано гонца к Кенесары. Между тем он строго предупреждал, чтобы обо всех передвижениях солдат и туленгутских отрядов султанов-правителей немедленно сообщали в его ставку. Мало того, напуганные проходящими ага-султанскими туленгутами, люди этого аула обманули самого Кенесары, сказав, что никого не видели. Узнав об этом, разъяренный Кенесары во главе пятисот сарбазов сам напал на этот аул и приказал привязать к конским хвостам восемь аксакалов. Их волокли по дороге, пока они не испустили дух. Молодой джигит, над которым плачут сейчас, пытался вступить за стариков, но его растоптали конями. Пятьдесят джигитов и тридцать девушек угнал к себе Кенесары в качестве заложников, а Агибаю с его сарбазами приказал немедленно перевезти аул на подконтрольную ему территорию...

И снова сжалось сердце Есиркегена от сострадания к этим несчастным людям. Кого бы ни слушались они, все равно их ждет расплата, месть противной стороны. Покорись они Кенесары, их растоптали бы солдаты и ага-султанские туленгуты. Не хивинцы, бухарцы, кокандцы или царские войска, а свои соотечественники истребляют прежде всего друг друга. Что может быть тяжелее для народа?..

– Может быть, и виноваты так жестоко казненные аксакалы, что не сообщили о карателях... – сказал Есиркеген дрожащим голосом. – Но они ведь сделали это из страха перед расправой со стороны властей. Да и при чем здесь остальные люди?

Батыр Агибай потупил глаза:

– Наш Кенеке не так думает... Ему не хочется верить, что во всем ауле не нашлось ни одного настоящего мужчины, который сообщил бы ему о карателях. Поэтому он считает весь аул от мала до велика

враждебным себе. И еще хочет, чтобы другим не было повадно. Так всегда поступали в степи...

– Но так ведь можно быстро истребить весь народ! – воскликнул Есиркеген.

– Врагов и надо истреблять, казахи они или другие...

Неуверенность чувствовалась в словах батыра.

– А вы сами как думаете? – не выдержал Есиркеген.

– Ни разу моя камча не поднялась на бедного, простого человека. Вот некоторые баи да кое-кто из торе помнят ее вкус...

– Но Кенесары-то – торе!

– Он не такой торе, как другие, – сказал Агибай. – Кенесары... Не-ет!..

Батыр как бы спорил сам с собой...

Это началось уже давно. Батыр Агибай и Байтабын не одобряли немыслимой жестокости Кенесары. А он знал про это и специально поручал им проводить карательные набеги. Агибай молчал, а молодой и горячий Байтабын говорил об этом вслух. Зная характер Кенесары, Агибай тревожился за судьбу молодого батыра...

– Сынок, ты задаешь мне трудный вопрос!.. – печально сказал Агибай ожидающему ответа Есиркегену.

– Мальчик правильно сказал! – раздался из полутьмы юрты чей-то голос. – Слишком жестоки стали мы с людьми в последнее время. Говорим, что все это для их же счастья, а льем их же кровь. Кого обманешь таким счастьем?..

Есиркеген живо обернулся и увидел худощавого синеглазого джигита. Несмотря на казахскую одежду, было видно, что он не казах. Это был Жусуп – Иосиф Гербрют...

– Вы русский? – спросил по-русски Есиркеген. Он слышал, что среди сарбазов Кенесары есть беглые русские.

– Во всяком случае, близкий к русским... – улыбнулся Иосиф Гербрют. – Я – поляк.

– Как же вы попали к казахам?

– Как я попал в Казахскую степь, вы, судя по вашему чистому русскому выговору, понимаете. А к Кенесары я пришел, борясь за те же идеалы, что и на родине... И вот мне кажется, что правда и свирепость несовместимы...

- И так же думно! - с жаром вскричал Есиркеген.

Будем надеяться, что со временем все больше людей начнет приходить к такому выводу...

Батыр Агибай прислушивался к тому, как бойко говорит по-русски Есиркеген, и в душу его закралось подозрение. Но вспомнив расправы Кенесары, он отпустил юношу. Однако Есиркеген уехал не сразу. Он долго еще разговаривал с Иосифом Гербротом, выйдя за околицу аула.

Выслушав рассказ Есиркегена о том, что он видел по дороге, и о возникших сомнениях, Иосиф Герброт твердо сказал:

- Нет сейчас другого пути у казахов. Они вошли в состав России, и путь борьбы с царизмом у них один - вместе с русскими. Вы правильно решили для себя этот самый трудный вопрос!..

- Вы говорили об этом с Кенесары? - отрывисто спросил у него Есиркеген.

- Да, - спокойно ответил тот. - Я начинаю все меньше понимать его. Боюсь, что то же самое происходит и с народом...

Есиркеген поехал дальше, направляясь уже прямо в Оренбург. Всю дорогу не выходила у него из головы картина разграбленных, обнищавших аулов, в ушах стояли плач и проклятия. И уже не имело значения, от кого плачут люди - от хивинцев ли, кокандцев, царских карателей или сарбазов Кенесары...

В Оренбурге он случайно узнал, через одного джигита, что Кумис находится здесь, в доме генерала Генса.

- Этот самый урус-жанарал - большой чудак! - рассказывал джигит. - Его солдаты жгут аулы, а он собирает осиротевших детей, кормит, учит грамоте. Смешные люди эти русские!.. А Кумис у этих детей вроде няньки или матери...

Этот джигит был человеком Таймаса, поддерживавшим тайную связь с Алтыншаш. Он и указал дорогу к дому Генса.

Кумис не было дома. Она вместе с Алтыншаш повела детей куда-то за город на прогулку. Но в коридоре Есиркегена увидел сам хозяин дома генерал Генс и заинтересовался им, узнав, что тот едет учиться в Петербург. Он даже погладил по голове Есиркегена:

– Учись, юноша!.. Ни в чем так не нуждается сейчас твой народ, как в образованных людях. И возвращайся поскорее, ибо нужен здесь будешь, как воздух для дыхания!..

Есиркеген вдруг почувствовал необыкновенное доверие к этому человеку с добрыми, умными глазами. Захлебываясь, рассказал он ему все, что видел по дороге сюда.

– Кто знает, не захотят ли в Петербурге сделать из меня такого же беспощадного карателя-офицера, как войсковой старшина Лебедев или наши султаны – полковники и подполковники?.. – воскликнул он.

Генерал Генс слушал его с просветлевшим лицом.

– Нет, юноша, из тебя они этого не сумеют сделать! – с твердой уверенностью сказал он. – В Петербурге ведь не только казармы. Там, среди передовых людей, найдешь ты настоящую Россию и сразу почувствуешь, что нужен не одному своему народу, но и ей!..

Генс говорил несколько напыщенно, но такое глубокое убеждение слышалось в его словах, что не верить ему было невозможно. Долго еще говорили они об истории. И Есиркеген понял, что если бы все русские думали так, как некоторые генералы-вешатели вроде Горчакова, то давным-давно не осталось бы в степи ни одного “инородца”. Но большинство русского народа как может противится самодержавию, и рано или поздно произвол и беззакония будут побеждены. Да, немало еще крови прольется в степи... Но нужно стремиться, чтобы ее пролилось как можно меньше...

Генерал Генс вдруг перешел на казахский язык, поразив этим Есиркегена.

– Хорошая пословица есть в степи, – сказал он. – “Не кидай шубы в огонь, рассердившись на вшей!” Так и казахам не следует смешивать недостойных, жестоких и неумных чиновников с русским народом...

Их разговор прервали возвратившиеся с детьми Алтыншаш и Кумис. Есиркеген, увидев Кумис, не мог выговорить ни слова от какого-то необычного волнения. А она так обрадовалась его приезду, что крепко обняла его за шею и почему-то заплакала...

Они так и не смогли поговорить о том важном, что оба чувствовали. На следующее утро Есиркеген уезжал в Петербург...

В 1841 году, в год коровы, седьмого числа месяца кыркүйек – сентября – у могилы Алаша собрались предводители трех жузов. Обернув Кенесары в белую кошму, они подняли его над толпой и провозгласили ханом всех казахов...

Иосиф Гербрут, который находился в это время в Тургае, понял, что отныне начинается новый период в движении. Кенесары достиг своей личной цели, и впредь люди должны бороться не за свободу, а за хана Кенесары. Получив освященную древними традициями власть, он будет применять ее как заблагорассудится и с присущей ему жестокостью. То есть наступает период обычного деспотизма, к чему неминуемо приходят все такие движения. И разве только в Казахской степи случалось такое!..

“Кенесары!.. Кенесары!..” Все чаще раздавался этот клич в бою и на празднествах, вытесняя все другие призывы. Скоро, очень скоро останется только он один, и люди начнут отходить от хана. Все больше будет становиться недовольных, и волей-неволей Кенесары придется усилить террор. Ну, а за этим у него дело не станет. Террор, в свою очередь, породит новых недовольных. Так и захлебнется это движение в купленной им самим крови...

Да, ханский, императорский трон сразу становится местом, откуда люди перестают видеть вещи в их настоящем свете. Но ведь в окружении Кенесары – неглупые люди. Тот же Таймас или Сайдак-ходжа. Может быть, поговорить с ними?..

Десять лет прожил Иосиф Гербрут среди казахов, и они стали ему родными. Порой он замечал, что даже думает по-казахски. И, понимая сейчас всю бессмысленность дальнейшей войны, зная кровавые устремления Кенесары, не мог он просто так оставить его лагерь.

Но что касается его решения переговорить с советниками Кенесары, то Иосиф Гербрут не учел веками сложившиеся в степи отношения. Дело в том, что Кенесары, как уже не раз случалось в истории казахов, сумел сплотить вокруг себя многих прославленных родовых батыров и родственников-торе. Они опирались на него и были преданы ему до последней капли крови. Не в них самих таилась его сила, а в том,

что за каждым батыром или торе так же беззаветно шел большой аул или целый род. Связанные по рукам и ногам неписаными законами родового строя, казахи попросту не знали других отношений...

Усугубляло трагедию то, что, не зная других форм государственности и не имея даже представления о них, казахи зачастую воспринимали ханскую власть как символ своей государственности и территориально-правовой целостности. Они еще не понимали, что движение Кенесары все быстрее превращалось в обычную кровавую борьбу за ханский престол между несколькими крупными феодальными группами. Кенесары, сумевший использовать мощное народное движение, оказался умнее, хитрее и дальновиднее других...

Да, он, конечно, был незаурядным человеком, и Иосиф Гербрют понимал его личную трагедию. На крутых поворотах истории обычно появляются такие характеры. Но теперь Кенесары увлекал за собой в пучину целый народ. Новые реки крови и слез должны будут пролиться на этой несчастной земле!..

Иосифу Гербрюту не удалось поговорить с Таймасом, Абыльгазы или Сайдак-ходжой. Ему снова пришлось встретиться с самим Кенесары...

Вернувшись по приказу Перовского осенью прошлого года из кокандского похода, Кенесары снова распустил на зиму по домам свое войско. Зимовал он с немногочисленными аулами туленгутов в верховьях Тургая. За всю долгую зиму он ни разу не обратился к Перовскому или Генсу, которых считал клятвопреступниками. Один только Байтабын ездил за это время в Оренбург, чтобы повидать свою Алтыншаш.

Байтабын и привез неприятную новость о снятии Перовского и назначении военным губернатором Обручева. Перовский, по мнению императора, оказался чрезмерно либеральным по отношению к инородцам. Генерала Генса тоже ждали крупные неприятности, и по делу его начато было расследование.

Кенесары сразу почувствовал, чем это ему грозит. Он немедленно разогнал гонцов во все свои аулы, чтобы отряды раньше обычного, не дожидаясь таяния снега, собирались у могилы Алаша, на Кара-Кенгире. Из донесения Алтыншаш, переданного вскоре через верного человека, он знал, что генерал Обручев не верит в преданность Кенесары. Это значило, что

Горчаков, в какой-то степени сдерживаемый до сих пор соглашением Перовского с Кенесары, вероятно, скоро начнет свои операции – руки у него теперь развязаны.

В месяце кокек, апреле 1842 года – год барса – Кенесары с несколькими батырами уехал поохотиться в горы Аксакал-Тюбе, неподалеку от зимовья младшей жены. Воспользовавшись его отсутствием, есаул Сотников во исполнение приказа сибирского генерал-губернатора напал на его родовой аул и увел с собой старшую жену Кенесары, Кунимжан, вместе с двумя малолетними детьми и некоторыми родственниками хана. Кроме того, был угнан весь скот...

Вернувшись в свой аул, Кенесары начал искать пути, как освободить Кунимжан с детьми. Но в это время Сотников во главе казаков и ага-султанских туленгутов совершил нападение на аул младшей жены Кенесары в Аксакал-Тюбе и на аулы покойных Саржана и Есенгельды. На этот раз произошла серьезная стычка: свыше ста человек было убито, в качестве заложников было уведено двадцать пять человек, угнаны тысяча верблюдов, три с половиной тысячи лошадей и десять тысяч овец...

Вконец остервеневший Кенесары не покорился, а решил жестоко отомстить. Вот в этот момент он и увиделся с Иосифом Гербротом.

– Завтра общий сбор на могиле Алаш-хана, – сказал ему Кенесары. – Поезжай со мной!..

Они поехали на следующее утро. Был конец апреля, и буйная зелень заливала степь. Сизо-голубые вершины Арғынаты, Улытау, Кичитау, Аиртау манили к себе какой-то первозданной чистотой. Здесь было заповедное место, не тронутое человеком. Воздух пьянил, наполнял сердце радостью... .

Только Кенесары не чувствовал этого. Лишившись Кунимжан с детьми, он окончательно стал похож на волка, да еще потерявшего свой выводок. К тому же он чуял, не мог не чують своим волчьим сердцем неотвратно приближающийся конец. Об этом говорило все: прямой уже отказ в поддержке со стороны некоторых родовых вождей Среднего и Младшего жузов, откочевка из подвластных ему земель ряда аулов, участвовавшие налеты карательных отрядов.

Но Кенесары не менял своей политики. Не трогая

пока подчиненные оренбургскому военному губернатору укрепленные пункты и казачьи станции, он не прекращал набегов на те аулы, которые не примкнули к нему, угонял скот, грабил имущество. С каждым разом более кровавыми становились его нападения. И все чаще его сарбазы натывались на растущее сопротивление простого народа. Страна устала от смуты...

Больше всего повлиял на настроение Кенесары обмен письмами с крупным бием Среднего жуза Балгожой, не пожелавшим поддержать Кенесары, несмотря на угрозы и обещания. Письма, по древнему степному обычаю, были составлены в певучих стихах. От имени Кенесары письмо к Балгоже написал Сайдак-ходжа:

Старейшина двух родов,
Из мудрецов мудрец,
Друг другу рубашки рвать
Устанем ли наконец?
Неужто других врагов
Не видим мы до сих пор?
Долины отнял Коканд,
Царь русский – подножья гор.
Теснят чужеземцы нас,
Грозят нам из городов.
Свободу свою казах
Неужто отдать готов?
Давайте же заключим
Меж всеми родами мир,
И правит пускай страной
Кенесары-батыр.

Но опиравшийся на тургайскую крепость бий Балгожа не боялся Кенесары. Еще в прошлом году, разгневанный его отказами и с целью опозорить Балгожу, Кенесары послал в его владения свою воинственную сестру Бопай с отрядом. Она угнала весь скот упрямого бия, но он не шел ни на какие уступки. Ответ его на обращение Кенесары был издевательским:

Рано или поздно ты
Сам в ловушку угодишь,
Выберись тогда, сумей!
Ты не только русских злишь,
Нет, султан, – кругом враги.
Клетка есть, готова мышь,
Вывернись тогда, сумей!
Кайся, или не сносить
Головы тебе своей.

Видишь — справа ждет Коканд,
В рабство ждет, уразумей.
Слева же — другой канкан:
Род уйсун, уразумей.
Прямо глянешь — Бухара,
С грозной силою своей,
Вкось — киргизов горных род
Злобно ждет, уразумей.
Так что ты не горячись,
Нет у тебя друзей,
Если хочешь уцелеть,
Русским кланяйся скорей!

Все это Кенесары знал и без напоминаний бия Балгожи. "Хорошо, Балгожа! — сказал он про себя. — Ты предрекаешь мне неминуемую гибель, и это правда. Но смерть твоя наступит раньше моей!" В ту же ночь он отправил пятьсот отборных сарбазов во главе с батыром Жанайдаром, чтобы они сровняли с землей аулы Балгожи, а самого его приволокли привязанным к конскому хвосту...

Однако батыр Жанайдар не мог совладать с собой и по дороге заехал на одну ночь к Бопай, которую любил всю жизнь. А Балгожа, предупрежденный своими людьми из ставки Кенесары, успел сняться и откочевать в сторону Орской крепости. Отряд батыра Жанайдара столкнулся с нукерами султана-правителя Ахмета Жантурина и повернул назад. По дороге он все же сумел разграбить аул бия Кукира, направлявшийся к Сырдарье, и пригнал множество скота...

Кенесары так и не узнал причины, по которой Жанайдар-батыр не выполнил его приказ. Неотмщенное письмо бия Балгожи не давало покоя султану, и Иосиф Гербрут понимал это...

Когда они достигли низменного берега реки Кенгир, где покоится прах Алаш-хана, оказалось, что многие батыры и предводители родов не успели еще собраться здесь. Они стали прибывать на следующий день вместе с нагруженными провизией караванами. Первыми приехали Иман-батыр из Тургая, Жоламан-батыр, потом Агибай, Бухарбай, Жеке-батыр, Тулебай, Кудайменде. Последним приехали Жанайдар с Бопай...

Словно белая юрта, посреди безбрежного степного моря стоял мазар хана Алаша — высокий кубический мавзолей, сложенный из кварцевого кирпича и украшенный глазурью. Венчал его громадный голубой купол с четырьмя белыми башенками по краям. Сама

усыпальница представляла собой вместительное помещение с небольшим возвышением посреди, захламленное клочками полунстлевшей материи, конскими черепами и хвостами. Тут же валялись накопечники стрел и копий, проржавевшие клинки.

Рядом с усыпальницей Алаш-хана, построенной в пятнадцатом веке, находились еще две гробницы – мазары Амбулак-хана и Жуса-хана, первых после Алаша правителей Казахского ханства. Обо всех троих бытовали в народе многочисленные легенды. А Кенесары не случайно избрал это место для встречи, так как сюда было удобно съехаться представителям всех трех жузов...

По приезде к могиле Алаш-хана гнев Кенесары еще более усилился. Он ни с кем из приехавших батыров не сказал ни слова, а все ходил и ходил у мазаров. Один лишь Кара-Улек сопровождал его...

Десять дней назад Кенесары узнал, что к степному озеру между горой Коккик-Кенесары и Кустанаем во владения бия Балгожи направилась артель русских рыбаков. Желая поспорить новое оренбургское начальство с Балгожой, он отправил летучий отряд во главе с Байтабыном, чтобы тайно прирезать этих людей и все свалить на туленгутов бия. Вчера отряд возвратился, и Байтабын доложил, что не сделал требуемого.

– Почему? – спросил Кенесары.

– О мой хан! – Байтабын опустил на одно колено. – Это простые и бедные люди. Они с женами и детьми ловят рыбу, которую мы не едим. Чем они провинились перед нами?

Кенесары ничего не сказал Байтабыну. Он вспомнил, как совсем недавно Байтабын заступился за людей из враждебного аула, которых наказывали по приказу Кенесары. Это еще можно было отнести за счет сострадания к родному народу, но тут какие-то чужие рыбаки!.. "Что же, придется в последний раз испытать его!" – подумал Кенесары и в этот момент увидел сидящего возле мазара Иосифа Гербрута. Поляк не отходил от чудесных построек, восхищаясь их необыкновенной красотой и пропорциональностью. Для него это было еще одной тайной небольшого кочевого народа с великим прошлым...

Сейчас Иосиф Гербрут сидел и шептал стихи на языке своей далекой родины – тихие и печальные

слова о страданиях ставших ему близких людей. Чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он вздрогнул, повернулся и увидел Кенесары. Рядом с Кенесары стоял человек, один вид которого внушал ему ужас и отвращение.

– Не бойся... Ты еще ни в чем не провинился! – сказал Кенесары и сделал Кара-Улеку знак уйти. Тот повиновался.

– Ты тоскуешь по своей родине, Жусуп?

Иосиф Гербрют кивнул:

– Тоскую... не было бы так далеко, убежал бы!

– Раньше ты не говорил таких слов... Ты говорил, что тебе близки наши мысли. Я хорошо помню твои слова...

– Да, мне казалось тогда, что движение ваше очищено от скверны себялюбия и жестокости... – Иосиф Гербрют говорил как во сне. – Мы, поляки, увлекающиеся люди...

– Сейчас ты думаешь другое?..

Кенесары говорил безразличным голосом.

– Да, Кенеке... – Иосиф Гербрют посмотрел прямо в глаза Кенесары. – Ты всю жизнь стремился к белой кошме, на которой подняли тебя над людьми. Сейчас все дальше отходят от тебя те, кто без всякого расчета восстал за народную свободу и независимость. И все ближе тебе начнут становиться те, которые говорят лишь приятное. Но я не умею этого делать...

– Недаром говорят: у кого чужая кровь, у того и чужая душа... – Хищные огоньки загорелись на миг в светлых глазах Кенесары. – Но я тебе отвечу. Россия – многоводная река, а мы лишь маленький ручеек. И я бьюсь за то, чтобы как тек он из века в век, так пусть и течет, независимо от реки. Если деды нынешних казахов подчинялись хану Аблаю, то внуки их пусть подчиняются его внуку!..

– А как ты думаешь править людьми? Ведь, лишившись воды и земли, они завтра же убедятся, что ты не в силах вернуть утерянное. А бесконечно воевать только за твой ханский престол никто не согласится.

– Не знал бы я тебя так давно... – Кенесары поправил рукоять сабли. – Ты спрашиваешь, как я буду править своей страной. Да так же, как белый царь, – при помощи палки для непокорных. А кто не подчинится – растопчу конями, как делали мои предки.

Все остальное — орунда, сабле и плети лишь послушны люди!..

Иосиф Гербрут с жаром покачал головой, не соглашаясь с этими словами.

— Ты — слабый человек, поляк, и не знаешь, что рождает власть!..

— Государство, построенное на крови, никогда еще долго не существовало. И не был счастлив народ в таком государстве... Мера должна быть во всем, а прежде всего в насилнии! И смысл в нем обязан быть!..

— Нет уж!.. — Кенесары до белизны в пальцах сжал плеть. — Я веду за собой людей и имею право на все!.. Все в моей стране подчиняется мне, и тех, кто не захочет этого сделать, ждет только смерть! А начну с рода жаппас!

Иосиф Гербрут молчал... Все чаще стал этот человек произносить слова "моя страна", "мой народ". А что касается рода жаппас, то при чем здесь простые пастухи!..

Бии рода жаппас Алтынбай Кобеков и Жангабыл Тулегенов были недовольны тем, что с перекочевкой Кенесары к Тургаю у них меньше стало пастбищных угодий. Лошадей они гнали на тебеневку в Мугоджары, а овец содержали на самой Омской линии, отведенной казачеству. Оба бия на словах поддерживали Кенесары, а на деле всячески вредили ему, отказывались платить установленный им сбор — зякет. Недавно Кенесары узнал, что в погроме аула его старшей жены Кунимжан участвовало несколько джигитов Алтынбая...

— Разве весь род отвечает за дела одного бия? — спросил Иосиф Гербрут. — Ведь люди и не знали об этом. К тому же у них с нашим приездом действительно поубавилось пастбищ, и не все понимают необходимость делиться ими.

— А почему невинные не наказали виновных? Нет, все они — люди бия Алтынбая. Куда пойдет козел, туда и вся отара... Накажу жаппасовцев, шектинцы призадумаются, прежде чем изменить мне!

— Но при чем здесь женщины и дети!

— Людям не себя жалко, а семьи. Страх лишиться всего самого дорогого, даже потомства, заставит их следовать за мной. Ты, поляк, не поймешь этой мудрости. Я ведь для их же пользы!..

Иосиф Гербрут внимательно посмотрел на Кене-

сары... Да, этот человек искренне верил в свое предназначение, и лишнить его этой веры можно только вместе с головой. Ничего нет опасней таких людей!..

– Позвольте спросить тогда, Кенеке... Если, по-вашему, все держится на страхе, то почему бий Балгожа не присоединяется к вам, несмотря на свои сожженные аулы?

– Он подобен гиене и боится русских... Чернь казахская всегда труслива. А Балгожа, хоть и бий, происходит из "черной кости"!..

– Из кого ваши самые мужественные сарбазы, Кенеке, и чтобы вы делали без них?.. Сейчас вы думаете удержать людей при себе силой страха. Но люди могут отшатнуться от вас... лучшие люди. И что вы сделаете с одними торе?..

Кенесары вдруг помрачнел и уже не старался скрыть свое настроение.

– А ты, несмотря на то что чужой среди нас, разбираешься кое в чем получше Таймаса с Абильгазы... – Впервые за долгие годы знакомства Иосиф Гербрют увидел, как Кенесары попросту присел с ним рядом на обломке дувала. – Что же мне остается, кроме сбора людей под свое знамя под страхом смерти? Десяток тысяч сарбазов, что у меня, и кокандского хана не одолеют!.. Смотри, сколько у него одного крепостей: Эрмазар, Наманган, Андижан, Ош, Тахты-Сулман, Шахрия, Ангара, Кураша, Ходжент, Ура-Тюбе, Ташкент!..

Иосиф Гербрют слушал его с возрастающим изумлением... Этот человек еще мечтал о большой войне!..

– Оренбургское начальство по чьему-то доносу обвинило меня в том, что я без его разрешения принял хивинский подарок – пятнадцать ружей и аргамака... – продолжал Кенесары. – Это я взял у хана Аллакула. Теперь он умер, а сын его, хан Рахманкул, прислал мне уже трех аргамаков и снова ружья с боеприпасами... Что же, у хивинцев неплохие ружья и лучшие на свете аргамаки. Но почему оренбургские генералы считают Кенесары таким мелким человеком? Если я принимаю подарки и даю хивинскому хану кое-какие ни к чему не обязывающие заверения, то это еще ничего не означает. Пока что он прыгает под мой барабан и грызется с эмиром. Пусть грызутся друг с другом оба высоких хана – кокандский и хи-

вишеский вкупе с эмиром Бухары, авось и нам что-нибудь перепадет. Сейчас каждый из них заигрывает со мной, но я не поддамся им: ни ханам, ни эмиру. Уж правда, если служить, то льву, а не шакалам!.. Но только российский лев хочет волка Кенесары переделать в бессловесного барана. Чего я добился, ведя переговоры с Оренбургом? Лишь того, что отобрали мою жену Кунимжан с детьми... – Кенесары побагровел, голос его впервые сорвался на крик: – Нет, не баран я, чтобы молчать под ножом! Уж так волком завою напоследок, что перепонки кое у кого лопнут! Заставлю их считаться с собой, а если нет, то хоть погибну по-волчьи!..

Иосифу Гербруту стало вдруг жаль этого ослепленного человека, страшного в своей свирепой ненависти.

– Неужели вы до сих пор не убедились, что все это неосуществимо? – тихо спросил он.

– Нет, не убедился... – сказал Кенесары каким-то упавшим голосом.

Потом Кенесары встал, долго смотрел в степь. Глаза его снова были бесстрастны.

– Ты правду сказал... – Теперь он говорил, как всегда, спокойно. – Казахи начнут разбегаться, когда увидят, что я не в силах вернуть им пастбища. Но я не дам им разойтись...

– Каким же образом?

– Народа, который не желает сражаться под знаменем Аблая, мне не нужно!

Так просто было это сказано, что Иосиф Гербрут вздрогнул. Он знал, что у этого человека слова не расходятся с делом. И еще подумал ссыльный польский поэт, что если на беспощадные стальные клинки были похожи Чингисхан или Тимур, то нынешний потомок их напоминает обломок клинка, закаленный в человеческой крови. Неужели через столько веков проявляется злая наследственность? В том, что Кенесары теперь не моргнув глазом потопит в крови непокорные аулы, можно было не сомневаться...

Так и получилось. За время мятежа, по статистике царского правительства, Кенесары было разграблено и сожжено сто семьдесят пять аулов и убито свыше пятисот мирных жителей. Почти все эти грабежи и убийства приходится на последние годы его жизни...

Иосиф Гербрут решил подойти с другой стороны:

Но если вы совершите набег на аулы Алтынбая, то возможны любые меры в отместку. Не забывайте, что Кунимжан с двумя вашими детьми находится у них. Когда прольется кровь в ауле Алтынбая...

Кенесары сделал отмечающий жест рукой:

– Ты хочешь сказать, что Аршабок и Обрыч убьют мою жену и сыновей?.. – Он назвал Горчакова и Обручева с казахским выговором. – Нет, они не сделают этого... А если бы даже и сделали, то у нас ведь тоже есть их пленные. К тому же они не очень грустят, когда мы воюем друг с другом. Ну, а в случае чего, то пусть...

– Что пусть?

Иосиф Гербрут не понял вначале, о чем говорил Кенесары. А когда понял, то ему все стало ясно. Он вспомнил, как три года назад этот человек испытывал мужество своего маленького сына Сыздыка. Так когда-то испытывали его самого. Сейчас он в необыкновенной гордыне своей превратился в холодный камень и похоронил в душе себя, своих близких и все вокруг...

Кенесары словно бы прочитал его мысли:

– Скорбь и печали путают мысли человека, лишают их чистоты. Поэтому следует вырвать их из сердца вместе с мясом. Даже жалкий скорпион находит в себе мужество поразить себя собственным ядом!

И все же Иосиф Гербрут решился уговорить его:

– Ходят слухи, что Кунимжан-ханум с детьми перевезли из Омска в Оренбург. Не написать ли письмо на имя военного губернатора с предложением обменять ее на пленных офицеров?

Кенесары наконец повернул к нему голову.

– Попробуем... – сказал он безразличным голосом. – У нас находится около двадцати пленных офицеров, в том числе барон Уйлер и есаул. Пусть отпустят в обмен тридцать пять человек из моего аула вместе с Кунимжан и детьми. Так и напиши!.. И еще напиши, Жусуп...

– Что еще, Кенеке?

– Напиши, что с момента приезда Обрыча наши отношения с Оренбургом совсем испортились... Хоть они и не тревожат нас, но омские отряды приходят в наши аулы не без их ведома. А когда окончательно уберут Генса, то и Оренбург вплотную примется за

нас. Напишем самому Обрычу, попытаем счастья в последний раз...

Иосиф Гербрют с готовностью вытащил из-за обшлага тетрадь:

– Что же писать Обрычу?

– Вот так и пиши... “Два года назад военный губернатор Перовский и генерал Генс от высочайшего имени объявили нам манифест об амнистии, простив все наши прегрешения. С тех пор мы прекратили всяческое сопротивление белому царю... Нынешнего года двадцать первого числа месяца науруз – марта, когда мы со своими людьми находились на охоте, военный отряд из Омска под командой есаула Сотникова совершил набег на наш аул, забрал весь скот и имущество наше, а также захватил в плен нашу жену Кунимжан с двумя малолетними детьми. Это убедило нас, что нам нечего ждать милости от царских начальников, и поэтому отныне мы уповаем лишь на бога!..” Напиши только так, чтобы они не подумали, что мы очень уж просим их. Однако сделай намек, что есть у нас еще надежда наладить мирные отношения...

– Я стараюсь так написать...

– Если же нет!.. – Побледневший снова Кенесары жжал руку в кулак.

– Возможно, что все еще уладится...

– Кроме того, напиши письма всем биям, которые виляют хвостом. Я назову тебе их... Прежде всего вождам рода назар аксакалам Байтуре и Каракушику...

– Что же написать им?

– Пусть признают меня ханом!.. Несмотря на старые обиды, стану опорой для них. Но если не будут повиноваться... Напиши, что тридцать лет буду ждать их ответа, но следующие тридцать лет буду мстить!.. И биям рода жаппас напиши такое же письмо!..

– Напишу...

Иосиф Гербрют понял, что бесполезно говорить о чем-либо сейчас с этим человеком.

Послышался хруст песка от чьих-то шагов. К ним спешил Таймас:

– Кенеке, прибыл нарочный из Оренбурга. От ваших детей...

– Хорошую или плохую весть он привез?

– Плохую!..

Ни один мускул не дрогнул на лице Кенесары.

– Да, трудно ожидать сейчас хороших вестей... Что же сообщает наша Алтыншани?

– Она сообщает, что Обручев ссорится с генералом Генсом и можно ждать плохого для нас...

– И это ты называешь плохой вестью?

– Когда трутся друг о друга два верблюда, погибает муха между ними. Разве не похожи мы на эту муху?.. С тех пор как уехал Перовский, только с Генсом еще можно было нам разговаривать...

Кенесары махнул рукой:

– Чего еще нам ждать от них?

– Только черту не на что надеяться, – пословицей сказал Таймас. – Надо обратиться в Оренбург.

– Ты предлагаешь, чтобы я пришел, снял свой малахай и упал к ним в ноги? – грозно спросил Кенесары. – Но не снимут ли они тогда этот малахай вместе с головой?..

– Не это я предлагаю... Если мы туловище, то ты голова. Долго ли проживет голова без туловища? Как говорят у нас – если думать, то и снег загорится!..

– Хорошо... Какие еще там вести?

– Военный губернатор запросил у Петербурга дополнительные деньги – четырнадцать тысяч рублей для подавления нашего мятежа... И еще три тысячи отдельно...

Таймас опустил голову.

– Говори! – приказал Кенесары.

– Это будет выплачено тому, кто привезет вашу голову, Кенеке...

Кенесары улыбнулся:

– Хорошо, что хоть как-то оценили... Но неужели я стою всего сотни лошадей? Если считать даже по тридцать пять рублей за коня... Ведь Аршабок сам пишет в Петербург, что только в два года я принес убыток российской торговле на двести восемьдесят тысяч рублей. Если это правда, то он хочет нажиться на мне...

– Так или не так, но если восстание наше было полуденной порой, то ханом мы сделали тебя в предвечернюю пору. Тебе думать, как бы совсем не закатилось наше солнце. Помни пословицу, Кенеке, что нет страшнее врага, чем собственный гнев!..

– Хорошо, подумаем... Что еще?

– Беглый солдат Гаврилов из твоей охраны передал через проезжающих купцов обещание привезти в

Оренбург твою голову. Он предупредил, что это легче сделать зимой. А генерал Обрыч написал письмо в Петербург с просьбой о помиловании этого Гаврилова, если исполнит обещание...

– Предатели всегда достойны казни! – вскричал Иосиф Гербрют.

Кенесары подумал с минуту.

– Нужно раньше проверить... Если подтвердится, то Кара-Улек сам справится. Не стоит отпугивать других беглых...

Все трое пошли к юртам. По дороге Таймас сообщил еще одну неприятную новость. При испытании отлитой пушки погиб башкир Давлетчи. То ли чугун не выдержал, то ли пороху переложили, но пушку разорвало. Это, пожалуй, больше всего опечалило Кенесары, очень надеявшегося на эти пушки.

В течение трех дней батыры, султаны, аксакалы и бии обсуждали, каким должно быть воссозданное ханство. Они пришли к общему мнению по четырем пунктам...

Первый касался самого главного – войска. До сих пор в распоряжении Кенесары находились лишь восемь тысяч всадников, которые зимой разъезжались по своим аулам. Лишь пятьсот сарбазов оставались в последнюю зиму при Кенесары. Решено было увеличить основное войско до двадцати тысяч сарбазов, причем на зиму оставлять при ставке пять тысяч из них.

Каждый жузбаши и мынбаши – сотник и тысяцкий – новой армии обязаны изучить русское военное искусство и обучать ему своих джигитов. Рядовые сарбазы должны были отныне носить на груди три зеленых полоски и зеленый отличительный знак на спине, жузбаши и мынбаши – красные нашивки, а сам Кенесары – голубой мундир с эполетами русского полковника... На должности мынбаши назначались самые прославленные батыры, правом их назначения обладал один лишь Кенесары. Был создан также отдельный стрелковый отряд из тысячи человек под командой Байтабына.

Особое внимание уделялось повиновению. За любое нарушение отныне применялось древнее наказание "шик" – надрез на лице саблей или копьем. Позор смывался только отличием в бою. Джигит с двумя надрезами на лице предавался суду биев и наказывался большим штрафом в виде скота, отлучени-

ем на год от семьи или принуждался пасти овец. При трех надрезах – война ждала смерть...

– Казахские ханы когда-то четвертую часть подвластного им народа всегда держали на конях, ибо казах и воин – это одно и то же! – сказал Кенесары. – Чтобы не стать для врагов заманчивой добычей, мы должны брать с них пример и из миллиона подвластного нам населения держать на коне хоть двадцать тысяч человек... Никто не выступил против этого, и Кенесары получил двадцатитысячное войско...

Другой пункт решения был о снабжении войска продовольствием и воинскими припасами. Ханский совет решил собирать налог, который делился на две части: зякет и ущур – на скот и урожай. Имеющие до сорока голов скота не облагались этим видом налога. Те, кто владел большим количеством скота, платили налог в возрастающей степени. Сеющие же пшеницу обязаны были сдавать десятую часть урожая.

По этому поводу возникли разногласия. Кенесары потребовал, чтобы часть казахов на берегах Тургая, Иргиза, Сырдарьи, Сарысу, Или и многочисленных степных озер обязательно занялась земледелием. Дело в том, что все оренбургские военные губернаторы: граф Сухотелен, граф Перовский, Обручев – были против приобщения степных народов к земледелию, считая это непроизводительным и невыгодным для империи делом. В своем докладе военному министру генерал Обручев писал: "Мой предшественник генерал-адъютант Перовский был ревностным противником того, чтобы киргизы занимались земледелием и перешли на оседлый образ жизни. При этом он преследовала цель, чтобы оные, вместо собственного производства зерна, покупали хлеб у нас и тем самым были постоянно зависимы от России".

Исходя из этих соображений, граф Сухотелен, а за ним и Перовский старались ликвидировать казахские оседлые аулы, появившиеся рядом с русскими селениями на территории военного губернаторства. Но Кенесары необходим был хлеб для войска, и он решил поддержать земледельцев...

Налоги в казахских аулах для царя или кокандского хана собирали обычно бии и вожди родов. Отныне предложено было собирать их специальным есаулам Кенесары, что сильно укрепляло ханскую власть.

Третий пункт решения посвящен был судебным разбирательствам, которыми до сего времени занимались бии и аксакалы. Теперь же вопросами наследования, барымты и другими тяжбами могли заниматься лишь люди, утвержденные ханом, а межродовые споры разрешал сам Кенесары.

Споры же между казахами, подчиненными Кенесары, и теми, кто жил на территории султанов-правителей, разрешали ага-султаны. Кенесары явно не хотел иметь серьезных разногласий даже с ними, во всяком случае с некоторыми из них. Особенно остро закон был направлен против грабежа скота – барымты, которая в корне разрушала единство родов и племен. Понимая, что большинство его войска так или иначе из простонародья, Кенесары настоял на некотором облегчении участи рабов. За убийство раба хоть штраф стали взимать...

А четвертый пункт решения в какой-то степени упорядочивал торговлю. Если раньше его джигиты попросту нападали на караваны и грабили их, то теперь, по примеру других государств, решено было облагать их пошлинами за прохождение через степь и охрану в пути. Но пошлина была не одинакова и зависела от отношения государства или рода, которому принадлежал караван, к самому Кенесары.

Ханский совет решил прекратить по всей линии необоснованные стычки с русскими поселками, а закупки зерна в них и торговые операции с Хивой и Бухарой разрешить производить только ханским чиновникам. Добившись всего, что он хотел, Кенесары вырвал у вождей примкнувших к нему родов и племен еще одно важное для себя право, касавшееся ханского совета. Если во времена Нуралы – сына Абулхайра – хан без согласия своего совета не мог решать важных вопросов, то Кенесары обязывался лишь советоваться с ним. После принятия решения самим ханом оно становилось законом. Велений Кенесары нужно было слушаться беспрекословно...

Через неделю Кенесары возвратился в ставку на реке Кара-Тургай. Вскоре туда начали съезжаться батыры-мынбаши со своими джигитами. Началось обучение по новому закону...

Сосредоточив в своих руках власть, Кенесары немедленно начал совершать жестокие набеги на враждебные и колеблющиеся аулы. Не трогая пока

оренбургских крепостей и селений, он непрерывно тревожил Сибирскую линию, с которой считал себя в состоянии войны. С каждым днем увеличивалось количество жертв с обеих сторон.

В начале лета Кенесары осуществил давно замышляемое нападение на аулы рода жаппас, которые только что успели переехать на летовку к Тургаю. Султана Алтынбая Кенесары волочил несколько верст привязанным к конскому хвосту, а двух его дочерей отдал в жены простым сарбазам, отличившимся при этом набеге. Вскоре Алтынбай умер, завещая своему внучатому племяннику Жангабылу, чтобы тот отомстил сыновьям Касыма-торе за поругание...

Хранивший в душе вражду к Кенесары, хорунжий Жангабыл начал искать пути к отмщению. Собственных сил у него не хватало для нападения на аулы Кенесары, и он много раз наведывался к новому оренбургскому начальству с просьбой о помощи. Однако военный губернатор не считал пока возможным начинать военные действия из-за какого-то Алтынбая и велел ждать. Он готовился к широким военным действиям против Кенесары в будущем и не хотел пока раскрывать свои планы. Чтобы обмануть бдительность мятежников, он даже улучшил содержание старшей жены Кенесары – Кунимжан, а детей его определили в русскую школу...

В эти дни случайно погиб беглый солдат Гаврилов. Он поехал с Кара-Улеком на заготовку дров и попал под рухнувшее дерево. Шейные позвонки его были раздроблены. Кенесары сам участвовал в его похоронах. Покойника завернули в белый саван и опустили в могилу с завидной торжественностью...

Так наступил кровавый 1843 год. В самом начале его по всей степи прокатился недобрый слух о снятии с должности оренбургского генерала Генса. Его заменили генералом Лодыженским. Эту весть привезла Кенесары сама Алтыншаш, со слезами распрощавшаяся с добрым Генсом...

Только Кумис не вернулась в степь. Заслужив добросовестной работой доверие и уважение семьи генерала Генса, она уехала вместе с ней в Петербург. Ей не хотелось возвращаться к своим после совершенного над ней надругательства. Впоследствии ее влияние

было одной из причин святия с должности султана-правителя Акмолинского округа Конур-Кульджи Кудаймендина...

IV

В 1843 году – в год зайца, 27 числа месяца маусым – июня, царь Николай I приказал оренбургскому военному губернатору отрядить широкую карательную экспедицию против мятежного султана, покрыв ее издержки за счет подворного налога на месте. За тот же счет подтверждалась выплата премии в размере трех тысяч рублей за голову самого Кенесары...

Генерал Обручев, связанный родством с военным министром, заранее знал об этом и хорошо подготовился к предстоящей кампании. Задолго до этого в сторону Кара-Тургая был направлен разведывательный отряд в числе трехсот сабель под командой войскового старшины Лебедева. Кенесары встретился с ним в верхнем течении Иргиза и, поскольку военных действий на оренбургском участке не велось, послал к нему для переговоров несколько своих людей во главе с Абильгазы. Они заверили Лебедева, что беспрекословно подчиняются всем приказам оренбургского военного губернатора и готовы при наличии необходимости переселиться ближе к границе. Лебедев немедленно отправил нарочного в Оренбург...

Из Оренбурга вскоре пришло указание не начинать военных действий против мятежников, но оставаться с отрядом на берегу Иргиза. Новый военный губернатор, ярый противник каких бы то ни было переговоров с Кенесары, просто хотел выиграть время. Пока ездили нарочные, составлялись письма и донесения, началось окружение мятежников...

По заранее разработанному плану султаны-правители Ахмет, Арыстан и Баймухаммед выставляли каждый по тысяче сарбазов и должны были ждать приказа к выступлению. Ахмету следовало двигаться от Тобола, а Арыстану и Баймухаммеду слиться у крепости Сахарной с трехтысячным отрядом полковника Бизанова и замкнуть таким образом кольцо вокруг Кенесары с юга и запада. Если же Кенесары попытается проскочить в сторону Улытау и Арғынаты,

там его должны встретить регулярные войска, вышедшие из Омска, Петропавловска и Карагалинска.

Таймас возглавлял разведку Кенесары и был через приехавшую Алтыншаш о многом осведомлен. К полку Бизанова им был подослан молодой джигит Тулебай, который сообщал о всех передвижениях полка. В каждом из аулов султанов-правителей тоже сидели свои люди. Зная расположение враждебных ему сил, Кенесары с тысячным отрядом на всякий случай двинулся навстречу войсковому старшине Лебедеву.

И на этот раз не изменил он своей тактики. Убедившись, что против него начались решительные действия, Кенесары принял вызов. От прежних его действия отличались только тем, что он разделил свои силы на пять частей, чтобы в случае поражения одной из них сохранилась бы основа для восстановления движения.

С тысячным отрядом, выступившим против полковника Бизанова, пошел Наурызбай, а советником при нем – батыр Агибай. Навстречу трем карательным отрядам сибирского генерал-губернатора выступили тысячи, возглавляемые Жеке-батыром, Иман-батыром и Бухарбаем. Советниками при них были соответственно батыры Кудайменде, Жанайдар и Тауке. Сам Кенесары с десяти тысячным войском, в которое входила тысяча отличных стрелков во главе с Байтабыном, переместился из долины в Мугоджарские горы...

В случае необходимости Кенесары имел возможность быстро соединить все части войска. А временное разделение позволило ему маневрировать. Если бы царские отряды не сумели действовать согласованно, то так легче было бы нападать на них, бить поодиночке. Самое главное, что он оставался неуловимым для врагов. Больше всего Кенесары опасался окружения...

Он был тоже доволен, что затянулись переговоры с войсковым старшиной Лебедевым. Пока что прошел месяц шильде – июль. Если регулярные войска выступят против него в месяце тамыз – августе, то он выдержит их натиск месяц-полтора. А там придет месяц казан – октябрь с долгими дождями и ветрами.

Осенняя казахская степь с холодной слякотью по колено замучает солдат больше, чем самая лютая зима. Когда день и ночь льет не переставая мелкий

изнуряющий дождь, никакой человек не выдержит, кроме того, кто вырос здесь. Они будут вынуждены прекратить вольчую охоту на него и вернуться в свои крепости. Вот тогда только он и начнет действовать!..

Нет, не на линейные крепости или города думал нападать Кенесары. Он понял уже, что это не его война. А вот оголенные аулы враждебных ему султанов почувствуют его руку. По локоть станет она в крови. Люди будут истреблены, а скот угнан!..

Расчеты Кенесары оказались правильными. Только в конце июля султан-правитель Ахмет добрался со своими нукерами до войскового старшины Лебедева, продолжавшего стоять на Иргизе. Арыстан и Баймухаммед едва набрали половину намечавшегося ими войска и не могли оказать серьезной поддержки полковнику Бизанову. Тот вынужден был запросить помощь из Омска. Когда она пришла, в его распоряжении оказались около пяти тысяч солдат и туленгутов. Однако время уже было потеряно...

Самым сильным противником стал, таким образом, отряд полковника Бизанова. Для начала Кенесары направил против него небольшой отряд во главе с Наурызбаем, который завязал бой.

К середине августа наступила предосенняя изнуряющая жара. Пятитысячный отряд, собранный из разных родов войск и дальних ага-султанских аулов, был утомлен двухдневным переходом из крепости Сахарной. Впереди на вороных конях ехали пышноусый коренастый полковник Бизанов и султаны-правители Ахмет и Баймухаммед — тоже с полковничьими эполетами. Третий ага-султан, Арыстан, пользуясь знанием здешних мест, свернул утром к далекому аулу. К вечеру он обещал догнать их...

Отряд расположился на отдых у маленького степного озера. Берега его выгорели от зноя, да и вся степь вокруг была гладкая, как оструганная доска. Дозорные все же поскакали в разные стороны, проверили овраги, малейшие неровности. Никого не было вокруг, только суслики проваливались в свои норки при приближении людей. Да и кто решится напасть на такой большой и сильный отряд прямо посреди степи? До видневшихся на добрый конный переход Мугоджар не стали посылать дозоры. Все как на ладони...

Солдаты и туленгуты спешили, стали устраиваться на ночь. Кто-то из офицеров пальнул из ружья

по уткам, присевшим на озерную гладь. Ружья составлены в козлы, и возле них остались бодрствовать лишь дозорные.

Но только утомленные за день люди задремали, как с нескольких концов огромного лагеря раздались душераздирающие крики: "Тревога!.. Кенесары! Кенесары!.." Прямо по спящим людям катилась непонятно откуда взявшаяся лавина, удары тяжелых палиц обрушились на головы вскакивавших в ужасе солдат. Не успели еще прийти в себя, а за первой лавиной на лагерь обрушилась другая, потом третья...

- Аблай!.. Аблай!..

- Агибай!..

- Кенесары!.. Наурызбай!..

Всего десять - пятнадцать минут продолжалось это, и вдруг наступила тишина. Ночные всадники исчезли, как растаяли в тумане. Только крики и стоны раненых говорили о том, что произошло.

Это ночное побоище в рядах сводного отряда полковника Бизанова произвели джигиты высланного вперед Наурызбая. Два дня назад прибыли они к подножью Мугоджар, зная, что отряд Бизанова пройдет именно по этой дороге. Используя малейшие рытвины, кусты чия, овражки и высохшие ручейки на порядочном отдалении от озера, они сумели так притаиться, что один из солдатских разездов буквально проехал через целую сотню джигитов, ничего не увидев.

Только с наступлением темноты приказал Наурызбай подняться и размять занемевшие руки и ноги. Кони, словно понимая важность тишины, настороженно отряхивались от пыли. На копыта им надевали заранее сшитые войлочные башмаки. Их сняли, остановясь в каких-нибудь двухстах шагах от светившегося кострами лагеря...

На десять атакующих линий разбили свою тысячу Наурызбай и Агибай. Сами они на своих знаменитых конях Акаузе и Акылаке встали вперед, опустив тяжелые пики. Жузбаши соблюдали интервалы между сотнями, считая до ста. Чтобы не спутать в темноте своих с чужими, решено было после атаки мчаться не останавливаясь в направлении Аиртауских песков...

Когда первая сотня доскакала до лагеря и раздался ее боевой клич, там началась такая кутерьма, что казалось, наступило светопреставление. Последние сот-

ни, натываясь в темноте на упавшие палатки и мечущихся людей, понесли некоторые потери.

И все же, несмотря на неожиданность нападения, отряд Бизанова, растянувшийся на добрых полторы версты вдоль берега, не потерпел большого урона. Всего было убито около сотни солдат и туленгутов.

К рассвету вырыли огромную братскую могилу, куда положили вперемешку русских солдат и казахских туленгутов. По приказу полковника Бизанова дали нестройный залп над очередным свежим курганом, и еще одна трагическая страница этой войны была окончена. Начинаясь следующая...

В это время подоспел отлучившийся султан-правитель Арыстан с полутысячей джигитов. Бизанов приказал ему немедленно двинуться за сарбазами Кенесары. Через некоторое время, растянувшись на две версты, следом выступил весь отряд. На сухой земле явственно виднелись следы недавно проскакавших здесь всадников...

Полковник Бизанов уже не ехал впереди с прежним залихватским видом. Ночью он едва успел увернуться от промчавшегося мятежника, дубина которого лишь задела его по плечу. Сейчас полковник приходил в себя от потрясения...

Когда взошло солнце, впереди, у самого горизонта, стали видны уходящие всадники Кенесары. В некотором отдалении от них следовал отряд Арыстана. Полковник Бизанов приказал перестроиться. Сейчас они двигались по степи развернутым строем, в центре — сам Бизанов, на флангах — сыновья Жантуры, справа Ахмет, слева Арыстан. Замыкал колонну султан-правитель Баймухаммед...

Всадники Наурызбая, казалось, не спешили уходить от погони и держались в трех-четыре верстах впереди. Когда полковник Бизанов приказал прибавить шагу, они тоже поехали быстрее. Увлеченные скачкой преследователи даже не обратили внимания на протянувшийся с левой стороны лог, густо заросший чием. Далеко позади остался воинский обоз в сто подвод с продовольствием и боеприпасами. Только проскакав еще верст пять-шесть, услышали позади выстрелы и затем несколько глухих взрывов.

Сам Бизанов, вернувшись назад, увидел догоравшие подводы и порубанных казаков-ездовых. Бочки с порохом частично были сожжены, частично увезены

мигательными джигитами, опыты устроившими хитрую засаду нерасторонному полковнику...

Случайно уцелевший начальник обоза рассказал, что нападающих было человек двести, а командовал ими батыр Агибай. Они и не думали далеко уезжать и маячили на горизонте слева. Однако Бизанов на этот раз разгадал их уловку и не стал отряжать за ними погоню. Оставив необходимую охрану с остатками обоза, он всеми силами продолжал преследование Наурызбая.

Наурызбай остался с пятьюстами сарбазами. Двести человек с Агибаем во главе отделились для нападения на обоз и теперь держались верстах в пятнадцати к востоку. Триста джигитов, чьи кони выбились из сил, были оставлены в стороне – в Мугоджарах. Отдохнув и пропустив мимо себя отряд, они должны будут беспокоить его с тыла.

Приказ Кенесары уводить бизановский отряд все дальше в пески выполнялся с успехом. Там, в голой пустыне, застанет их осень с дождями и ветрами, и тогда они повернут обратно. А у Кенесары пока что будут развязаны руки, и не в одном ауле заплачут люди после этого набега!..

На четвертый день погони у молодого и пылкого Наурызбая зародилась тщеславная мысль самому с пятьюстами сарбазами разбить пятитысячный отряд. Это чуть не стоило ему жизни и помешало выполнить до конца приказ...

Не имея рядом верного и опытного Агибая, Наурызбай совершил большую ошибку. На рассвете пятьсот джигитов во главе с ним снова напали на лагерь Бизанова. Но по приказу полковника была усилена охрана и солдаты не составляли ружья в козлы. Стремительно несущаяся на лагерь конная лавина была встречена ружейным огнем и, доскакав, развалилась на части. Около ста убитых сарбазов осталось лежать на земле, в то время как бизановский отряд понес самые незначительные потери. Самого Наурызбая, раненного в правое плечо, спас Николай Губин, вовремя подхвативший падавшего с коня батыра. Хоть Наурызбай и благополучно ускакал от погони, но до следующей весны не мог больше участвовать в сражениях...

Но самым важным было то, что кто-то из раненых и попавших в плен джигитов Наурызбая рассказал во

время допроса, что Кенесары с основным войском не здесь, а на Кара-Тургае. Полковник Бизанов понял, что зря потерял десять дней, и поспешно повернул обратно. После двухнедельного тяжелого похода бизановский отряд, усталый и измученный, вышел в междуречье Иргиза и Улькайка. Он хотел соединиться с отрядом Лебедева и преданными ему туленгутами султана-правителя Ахмета, однако путь преграждали свежие, невыдохшиеся войска самого Кенесары.

К этому времени пошли первые осенние дожди. Кенесары, избегая открытого боя, переходил то на правый, то на левый берег Иргиза, а затем вовсе ушел куда-то к Мугоджарам, и найти его не было никакой возможности. Бизанов в конце концов отступил к Оренбургу, так и не выполнив своей задачи.

Не успел бизановский отряд перейти в Орск, как в степи снова появился Кенесары. С отрядом в триста пятьдесят сарбазов он тут же напал на беззащитный аул султана-правителя Арыстана, обосновавшийся на зимовье у реки Уй. Здесь им было захвачено три с половиной тысячи лошадей, столько же верблюдов, семь тысяч овец и много крупного рогатого скота. Такие нападения стали происходить чуть ли не ежедневно, и край все более нищал и разорялся. Ложась спать, люди не знали, останутся ли назавтра живы и не угонят ли у них последнюю овцу. Все меньше людей верили в добрые намерения Кенесары...

Высылаемые из пограничных крепостей отряды, как правило, возвращались ни с чем. Война все быстрее превращалась в обоюдные межсултанские грабительские набеги. Открытое столкновение в эту осень произошло только с усиленным отрядом войскового старшины Лебедева.

Лебедев, уже побывавший в плену у Кенесары, горел желанием отомстить. Вторично выступив со своим отрядом из Каркаралы, он прошел Кара-Откель и двинулся по древней степной дороге к Улыгау. Большинство аргынов, найманов и кипчаков, населявших эти места, до сих пор поддерживало Кенесары. Но были здесь и враждебные ему аулы, находящиеся под влиянием Ердена Сандыбаева, а также аулы из Среднего жуза, ориентирующиеся на Аккош-кара Кишкентаева. Земли их находились в районе

Аргынаты и Караконн-Каширлы, и Лебедев решил базироваться на них...

Уже по дороге сводный отряд Лебедева разорил несколько аулов, указанных ему султанами-правителями и обвиненных в поддержке Кенесары. Схваченные мятежники были расстреляны на месте. Каратели совершали грабежи и насилия.

В свою очередь, против аулов, принадлежащих царским султанам-правителям, с не меньшей жестокостью действовали отряды Кенесары под командой батыров Имана и Жанайдара. В устье реки Терсаккан они столкнулись с отрядом Лебедева. Силы оказались приблизительно равными – по тысяче человек с каждой стороны, но у солдат, входивших в отряд Лебедева, были ружья...

На открытой местности джигитам Имана и Жанайдара нечего было и думать справиться с регулярным войском, но они употребили все тот же прием. Устроив в глубоком, поросшем густым чием овраге засаду, мятежники пропустили мимо себя головной дозор Лебедева и неожиданно атаковали не успевших дать залп солдат. Началась рукопашная схватка, в которой снова погибло немало людей с той и другой стороны...

Спешившиеся солдаты постепенно пришли в себя и организовали круговую оборону. Иман и Жанайдар дали команду отступить, и мятежники так же быстро исчезли в оврагах и зарослях чия, как и появились. Через некоторое время увидели, что они съезжаются на отдаленном холме и не думают отступать. По приказанию Лебедева солдаты и туленгуты разбили лагерь и стали укреплять его.

Вскоре недалеко от лагеря показались два джигита, помахали платками. Договорились о похоронах убитых. Опять всю ночь рыли могилы и на рассвете опустили туда павших в утренней схватке...

Целый месяц гонялись по мокрой осенней степи друг за другом отряды Лебедева и батыров Имана и Жанайдара, а за ними оставались сожженные, разгромленные аулы и холмики братских могил. Когда выпал снег, отряд Лебедева ушел в Каркаралы...

Но еще до этого двести сарбазов во главе с батыром Жанайдаром, сделав за три дня трехсотверстный переход, неожиданно напали на аул младшей жены султана-правителя Конур-Кульджи, разгромили его и

увезли всех молодых женщин вместе с красавицей Зейшен. Единственный сын бия Орынбай – батыр Жанайдар – давно уже точил зубы на Конур-Кульджу, отобравшего у него летнее пастбище Кереге-Тас на берегу Есиля и передавшего его своему родственнику – султану Ибраю, сыну Жакибая. Кроме того, благодаря проискам Конур-Кульджи Ибрай был назначен султаном-правителем вновь образованного Атбасарского округа. Теперь Жанайдар-батыр рассчитывался с Конур-Кульджей за все обиды, но опять-таки больше всего пострадали при этом простые невинные люди...

После разгрома аулов султана-правителя Арыстана Кенесары засел в Мугоджарских горах, высылая время от времени летучие отряды для расправы с враждебными ему аулами и родами. Когда из длительного похода вернулся объединенный отряд батыров Имана и Жанайдара, он сам вышел его встречать. Впереди возвращающегося отряда ехал Иман-батыр.

– С благополучным возвращением поздравляю тебя, Айеке! – сказал Кенесары и оглянулся по сторонам. – Но почему я не вижу нашего сокола Жанайдара? Не случилось ли чего худого?

Уважительным именем Аюу-батыра или Айеке Кенесары стал называть Иман-батыра после успешного штурма укрепления Кокалажар на границе Оренбургской и Сибирской зон. Иман-батыр тогда с несколькими джигитами проник ночью в укрепление и решил его судьбу...

Иман-батыр молча указал рукой на хвост отряда. Там на телеге лежал Жанайдар-батыр, которому во время боя пуля угодила в ногу. Кенесары почти бегом бросился туда, припал к раненому батыру.

– Как чувствуешь себя, мой сокол?

Но Жанайдар-батыр был в беспамятстве – началась гангрена. Кенесары опустил голову. Один за другим выбывали из строя верные ему люди. Потеря Жанайдар-батыра была бы особенно ощутимой...

– Отнесите его ко мне! – приказал он.

Не осталось ни одного знахаря в округе, кто бы ни побывал здесь в эту ночь по приказу Кенесары. Жанайдар-батыра опрыскивали слюной, пускали кровь

из опухоли, изгнали злого духа. Как каменный стоял над ним всю ночь и смотрел на это Кенесары. Утром он вышел из юрты.

– Кенежан, а что, если полечить его посредством “ак жол”? – сказала ему какая-то старушка.

Кенесары посмотрел на нее отсутствующим взглядом и утвердительно кивнул.

Это был древний, редко применяемый способ. Когда ничто уже не помогало раненому воину, то призывалась женщина из рода торе. При всем народе она должна была переступить через него. Если женщина была чиста перед своим мужем, то воин выздоравливал, если же она хоть раз изменила – воин тут же умирал.

“Ак жол” служил не столько средством исцеления, сколько испытанием женской верности. Зная повадки своих жен, султаны-торе обычно не часто пользовались им. Кенесары согласился на это, потому что все другие средства были уже испробованы...

Добрых полтора десятка женщин, принадлежащих к торе, собрались перед белой юртой Кенесары. Среди них была и сестра его – воительница Бопай. Старуха предложила той из них, которая не имеет за собой плотского греха, переступить через умирающего батыра Жанайдара. Женщины мялись, стыдливо опускали глаза, прятались одна за другую. Никто из них не выходил вперед. Кенесары кусал губы...

– Жаль, что нет здесь нашей снохи Кунимжан! – вздохнула какая-то пожилая женщина.

Первые увидели люди, как вздрогнул Кенесары... Да, он, который мог спокойно смотреть на горы трупов и приносить в жертву своей гордости все остальные человеческие чувства, ощутил вдруг острую боль где-то в груди. Кунимжан конечно бы переступила. Но два года она уже без него. Кто знает...

Он поднял голову, сердито посмотрел на своих снох и тетушек. Эти вряд ли могут быть безгрешными. Слишком много шелковых подушек и свободного времени у них. Зря согласился он на уговоры старой карги пойти на “ак жол”. Теперь опозорят они перед народом весь род Аблая!..

И вдруг послышался чей-то чистый голосок:

– Если позволите, то я перешагну через ногу батыра Жанайдара!

Это вызвалась Акбокен, и Кенесары подумал, что

не зря женил на ней своего брата Наурызбай. Но тут снова вмешалась старуха:

– Тебе нельзя, маленькая сноха! – сказала она, крутя головой, словно ворона над падалью. – Хоть и замужем ты за султаном, но не урожденная торе...

Кенесары с яростью глянул на старуху, но она не унималась:

– Бопай, а что, если тебе попробовать?

– Не болтай ерунды! – отрезала Бопай, которая никогда не лезла в карман за словом. – Наша жизнь военная. Едешь сутки в седле, заснешь потом мертвым сном, и ежели воспользуется этим какой-нибудь лихой джигит, то не убивать же его за это!

Все знали, о каком лихом джигите говорила Бопай. Это как раз и был Жанайдар-батыр, который лежал на ковре в юрте и ждал чудесного исцеления.

Впоследствии пели в народе:

С рожденья Жанайдар удачлив был,
Но пулю как-то в ногу получил.
Должна была его перешагнуть
Безгрешная (так знахарь научил).
Да не нашлось такой в роду торе...
С тех пор торе вид женщин их посыл.

Кенесары стоял, задумчиво глядя себе под ноги... Какие сыновья могут родиться от этих женщин? Неужели оправдывается предсказание и в мелкую тварь превратится род торе? И как может справиться он с тремя жузами, если бессилён навести порядок в собственном роду?..

– А может быть, есть женщины-торе среди тех, которых привезли вчера? – спросил кто-то.

– Есть!..

Привели трех женщин, захваченных при набегах на враждебные аулы, и среди них Зейнеп – младшую жену султана-правителя Конур-Кульджи. Старуха объяснила им, почему их позвали.

– Давайте я перешагну! – спокойно согласилась Зейнеп, любовные похождения которой были известны всей степи. – И отец мой и муж – оба торе...

Ни Кенесары, ни кто-нибудь другой не мог возразить, если женщина-торе заявила о своей чистоте и бралась за такое дело. А Зейнеп все рассчитала своим лукавым умом... Какой же это батыр, если умрет от того, что перешагнет через него грешная баба? А если

и умрет, то одним волком у Кенесары станет меньше... Но ничего не случится, все это – ерунда. Неужели бог так уж следит за ее подолом? Ведь может он и прозевать ее грешки?.. Но вот будет потеха, если выздоровеет этот молодец! Всеми казахскому народу известна ее добродетель. То-то смеху будет, когда узнают, что грешная баба перехитрила не только самого Кенесары, но и их общего прадеда Аблая, утвердившего правило "ак жол"!

Ошеломленные ее наглостью люди смотрели на Кенесары. Он утвердительно кивнул.

Прелестная Зейнеп и не думала ломаться перед грозным Кенесары, при одном имени которого трепетали люди. Она кокетливо приподняла подол своего шелкового платья и со словами "Благослови меня бог!" легко перешагнула через Жанайдара.

Может быть, действительно произошло чудо, но именно в этот момент батыр приоткрыл глаза. А увидев то, что мог сейчас видеть только он один, Жанайдар вздрогнул и даже захотел приподняться. Живой румянец начал покрывать его восковые щеки...

Люди изумленно переглядывались.

Через несколько дней батыр Жанайдар мог уже подниматься и ходить, припадая на раненую ногу. Опухоль спала, и дело шло к полному выздоровлению. Кенесары не знал даже, чему он больше рад – выздоровлению батыра или спасению чести всех торе. За такую услугу следовало отблагодарить свободой, не смотря на то что Зейнеп была женой его самого лютого врага. Чтобы сообщить об этом решении, Кенесары пригласил ее к себе.

Кроме Кенесары в юрте находились Таймас, Абиьгазы, батыры Агибай, Бухарбай, Жеке-батыр и другие. Но для Зейнеп все они были только мужчины, и вела она себя с ними соответственно...

– Хотя Конур-Кульджа наш враг, но мы не обидим достойную женщину, – важно сказал Кенесары, – мы все – родственники по деду. Скажи, какие у тебя желания!..

– А ты вправду выполнишь их? – жеманно поведя полным плечом, спросила Зейнеп.

– Хан казахов не говорит дважды!

– В таком случае, мой дорогой деверь и хан, у меня только одно желание, – просияла Зейнеп. – Не раз-

лучайте меня с вашим мужественным слугой Кара-Улеком!..

Словно из пушки вдруг выстрелили в юрте. Все замолчали и долго не могли прийти в себя?

– Что ты сказала?

Впервые в жизни подумал Кенесары, что он ослышался. Но она смотрела на всех ясными, чистыми глазами. Простые люди уже знали, что она каждую ночь бежит к прельстившему ее чем-то ханскому палачу-телохранителю...

– Я прощу отдать меня в жены вашему достойному Кара-Улеку.

– Какой Кара-Улек?.. Мой раб?!

– Да...

Кенесары стал медленно багроветь от гнева. С нескрываемым отвращением смотрел он на женщину, которая вчера лишь, по его понятиям, спасла честь касты торе. Есть ли больший позор, чем женщине-торе принадлежать рабу!

А Зейнеп и не думала отречься от своей просьбы. Глядя в упор на Кенесары, она воскликнула:

– Хан не должен говорить дважды!.. А отдав меня в жены рабу, ты жестоко отомстишь Конур-Кульдже...

Кенесары низко опустил голову:

– Пусть будет по-твоему...

Буря негодования поднялась вокруг, когда услышали про это. Торе сидели опустив головы. Но среди простых людей пошла слава о том, что хан Кенесары лишен сословных предрассудков и сердце его склоняется к простолюдином. Больше всего радовалась Зейнеп. Но не знала она, как жестоко отомстит Кенесары за позор торе...

Зейнеп в благодарность выдала Кенесары лазутчика Конур-Кульджи и Ожара – бывшего проводника Самена, а также его связных Жакипа и Сакипа. По приказу Кенесары они были повешены. А еще через два месяца Кара-Улек будто бы в припадке ревности сломал шейный позвонок своей благородной жене. Это был урок Кенесары женщинам, изменявшим своей касте!..

Пришла зима, и Кенесары временно прекратил набеги. Но на этот раз он не распустил своих сарбазов, а наоборот – призвал в войско всех молодых джигитов,

способных носить оружие. Несмотря на сильные морозы, их ежедневно обучали военному делу опытные батыры. Чтобы содержать такую большую армию, требовались средства. И Кенесары обложил обязательным налогом не только подвластные ему аулы, но и множество соседних территорий. Это вызвало новый взрыв недовольства. Приходилось платить двойной налог: с одной стороны – белому царю и его султанам-правителям, с другой стороны – хану Кенесары...

Наступил 1844 год, год мыши. К весне Кенесары имел обученное двадцатитысячное войско. Правительство, убедившись, что Кенесары неуловим в безбрежной казахской степи и силами отдельных карательных отрядов с ним не покончить, решило окружить весь район его действий. Для этой цели на берега Иргиза и Тургая были направлены крупные воинские части. В их задачу входило с трех сторон блокировать мятежников.

Ввиду того, что Кенесары часто беспокоил своими набегами со стороны Улытау и Аргынаты, князь Горчаков еще в середине прошлого года отправил донесение канцлеру Нессельроде. В нем он просил разрешения заселить эти районы казаками и создать там особый гарнизон из солдат Второго линейного сибирского полка. Канцлер дал согласие, но казаки не захотели переселяться в Улытау, где бушевало пламя мятежа. Потом все же там начало строиться укрепление, и туда по жеребьевке переехало пятьдесят семей казаков и была переведена рота солдат. Сейчас она была усилена, чтобы стать серьезным заслоном на пути мятежников. Помимо войск, выступивших из Орска и с берегов Тургая, оренбургский военный губернатор приказал султану-правителю Ахмету Жантурину объявить набор джигитов. Было обещано, что, если доброволец гибнет в бою, семье его будет выплачиваться пожизненное пособие.

Всем выделенным войскам приказывалось собраться в верхнем течении Тургая и ждать дальнейших распоряжений. По заранее составленной диспозиции полутысяча солдат под командой войскового старшины Лебедева 5 мая выступила из Орска и двинулась к Камышовскому укреплению. Подвигаясь далее вдоль Есиля, Лебедев к 20 мая должен был выйти к Тургаю, чтобы застать Кенесары на джайляу. К этому

же времени сюда обязано было подойти и ополчение султана Ахмета Жантургина.

На реку Сарысу выступил отряд сотника Фалалева, в задачу которого входило не пропустить Кенесары в сторону среднеазиатских ханств или во владения Большого жуза. Широкий охват с флангов намечался со стороны Оренбурга. Кенесары хотели лишиться главного его преимущества – простора.

Верховным командующим всеми этими действиями назначили генерал-майора Жемчужникова. В начале мая он вместе со своим штабом прибыл в недостроенный улытауский форпост и приступил к руководству операциями против Кенесары.

Кенесары в это время стоял на берегу Иргиза и через своих многочисленных лазутчиков знал о движении всех направленных против него войск. Он хорошо понимал, что если оренбургские и сибирские отряды встретятся в Тургае, то он попадет в мешок. Поэтому он распространил слух о своем отступлении, а генералу Жемчужникову было направлено ложное донесение о том, что основные силы Кенесары продвигаются к Улытау. Решив встретить его здесь и дать решительный бой, Жемчужников приказал отряду Лебедева изменить направление и тоже идти к Улытау. Лебедев, таким образом, не смог прибыть вовремя на Тургай...

Однако через биев рода торткара Лебедев все же узнал, что Кенесары находится на Иргизе и 20 мая встретился с отрядом султана Ахмета у переправы Талды. Чтобы не упустить Кенесары, объединенный отряд форсированным маршем двинулся к Тургаю, но не нашел там сибирских войск. Путь Кенесары на юг оказался открытым. Слишком поздно понял генерал Жемчужников свою ошибку...

Начало лета выдалось холодным и дождливым. Увязая по щиколотки в мокрой глине и волоча за собой тяжелые пушки, солдаты Лебедева ни с чем отправились в Орск. На пути кто-то донес войсковому старшине, что преданный правительству бий Байкадам якобы тайно поддерживает Кенесары. По приказу Лебедева аул Байкадама был предан разорению.

Оренбургский военный губернатор Обручев потемнел от гнева, узнав, как провели мятежники немного генерала Жемчужникова. За отсутствие настойчивости при преследовании Кенесары и разгром

куда бия Байкадама войсковой старшина Лебедев был отдан под суд. Командовать отрядом назначили полковника Дидковского...

Трагической оказалась участь отряда сотника Фалалеева. Он вовремя прибыл на речку Сарысу и встал там, заслонив дорогу в пески. Кенесары выслал против него пятьсот джигитов во главе с сыном погибшего батыра Саржана Ержаном и опытным, хитрым Таймасом. Им было приказано не вступать в бой с отрядом, имеющим пушку, а только выматывать его силы, добиваясь ухода...

Увидев большой отряд мятежников, сотник Фалалеев начал преследование. Джигиты Таймаса стали уходить в сторону Балхаша, и хорошо отдохнувшие казаки два дня гнались за ними. Дорогу Фалалееву указывали проводники из рода шомекей...

На третий день, оценив обстановку, сотник Фалалеев решил прекратить бесполезную погоню. И в этот момент к ним перебежало несколько джигитов-кенесаринцев. Сотник повеселел. Джигиты клялись в ненависти к Кенесары и знали дорогу получше мало бывавших в этих местах шомекеевцев.

Перебежчики уговаривали сотника Фалалеева оставаться на месте, так как отряду Таймаса деваться некуда. Впереди безводная пустыня, и ему обязательно нужно вернуться через эти места. Обессиленных и уставших мятежников можно будет брать голыми руками.

Утром проснувшиеся солдаты и казаки увидели всех десятерых проводников шомекеевцев плавающими в собственной крови. "Джигитов-перебежчиков" и след простыл. Они для того и переметнулись к Фалалееву, чтобы лишить его проводников...

Вскоре взошло солнце, и только тогда понял Фалалеев, в какое положение попал. Куда ни глянь — всюду бескрайняя степь с однообразными солончками и такырами. Обманчивые миражи висели по горизонту, и невозможно было определить тропу, по которой они пришли сюда. Вдобавок людей и лошадей начала мучить жажда, а проводники, умевшие по муравейникам определять присутствие близких грунтовых вод, лежали с перерезанным горлом...

Они двинулись куда глаза глядят. Только десяток солдат вместе с умирающим от горячки сотником

звонили через неделю к аулу рода Ысты, ковавшему в Прибалхашье.

Неуклюже действовал против Кенесары и полковник Дидковский, который, в отличие от своего предшественника Лебедева, к тому же плохо знал степь. Первым делом он отказался от обоза, состоящего из арб, и заменил его вьючными верблюдами. В результате караван при отряде растянулся на добрых две версты и требовал для своей охраны чуть ли не половину сил.

Кенесары опять применил свою тактику заманивания, поручив водить отряд Дидковского по степи выздоровевшему Наурызбаю и батыру Агибаю. Сам он с главными силами двинулся туда, где его не ждали, и за два дня прошел от Иргиза до Тобола. Султан-правитель Ахмет Жантурин не успел даже призвать сесть на коней своим джигитам...

У Кенесары за это время прибавилось ненависти к султану Ахмету. Он узнал, что три года назад Ахмет Жантурин, увидев проживавшую тогда под охраной в Орске Кунимжан, предложил ей забыть Кенесары. "Была ты первой женой Кенесары, стань моей последней!" – просил он ее, обещая любовь и защиту. В ответ она показала ему маленький острый кинжал...

Джигиты Кенесары не пощадили никого. Отряд султана-правителя был вырезан почти весь. Погибло четыре султана, поддерживавших Ахмета Жантурина против Кенесары. Спаслись удалось считанным людям. Рассказывали, что мелкая в середине лета речка Улькайяк поднялась вдвое и стала красной от крови...

Это был самый ощутимый удар, нанесенный мятежниками. Многие бии и султаны, перестав надеяться на защиту правительственных войск, снова начали склоняться к Кенесары. Оренбургский военный губернатор Обручев был потрясен случившимся...

Тем не менее остатки жантуринского отряда, который к моменту нападения Кенесары был еще не весь собран, слились с отрядом Дидковского и пошли на соединение с генералом Жемчужниковым, который ждал их на озере Алакуль, неподалеку от Тургая. Но к этому времени Кенесары успел перевести все свои аулы из долин Талды и Иргиза на западные склоны Мугоджарских гор и снова выскользнул из расставленных для него сетей.

В начале августа подвижные отряды Кенесары внезапно появились на Оренбургской линии в тылу у враждебных ему аулов. На этот раз особенно жестоко расправился он с родами торткара и жагалбайлы, которые поддерживали султана-правителя Ахмета и выделяли проводников для отряда Лебедева. Сарбазы Кенесары не щадили ни правого, ни виноватого, кровь лилась рекой... Как всегда бывает в таких случаях, больше всего пострадали невинные. Лишь из одного аула рода жагалбайлы было угнано семьсот лошадей, три тысячи овец и двести голов крупного рогатого скота...

Через несколько дней разъезды Кенесары появились в станицах Наследнице и Атаманской, было совершено нападение на станицу Екатерининскую, где мятежники разрушили форштат и захватили много оружия. По степи распространились слухи о движении мятежников на Оренбург и Троицк. В поселениях вдоль Оренбургской линии и мирных аулах началась паника...

Царское правительство в очередной раз потребовало от оренбургского и омского начальства покончить с Кенесары. Но генерал Жемчужников был бессилен даже обнаружить местопребывание мятежных аулов. Узнав наконец о перекочевке этих аулов в Мугоджары, он понял бессмысленность их преследования крупными силами и выделил особый подвижной отряд из двухсот восьмидесяти казаков, ста семидесяти солдат и двух легких пушек. Отряду предписывалось двигаться через Мугоджарские горы, очищать их от мятежников. Полковник Дидковский закрепился на линии Шет – Иргиз, пытаясь еще раз отрезать Кенесары пути, ведущие в тыл правительственных войск.

Когда особый подвижной отряд под личным командованием генерала Жемчужникова достиг Мугоджар, выяснилось, что Кенесары ушел в район течения Эмбы, а здесь в наиболее труднодоступных местах остались лишь несколько его аулов. В это время пошли проливные дожди, и отряду ничего не оставалось делать, как повернуть обратно. Таким образом, как и в прошлые годы, этот поход закончился безрезультатно...

К началу декабря 1844 года все выделенные для борьбы с мятежниками войска ушли в Улыгау,

Оренбург или Орск. И сразу же снова появился Кенесары. Несмотря на снега, его подвижные отряды под командой батыров Жоламана, Имана, Жанайдара, Ержана, Наурызбая и Жеке-батыра систематически беспокоили казачьи станицы вдоль Оренбургской линии, нападали на аулы султанов-правителей, угоняли или просто резали скот. Несколько отрядов во главе с батырами Агибаем, Бухарбаем и Кудайменде были с такой же целью посланы в пределы Кокандского ханства...

Еще в конце ноября Кенесары послал в аулы рода жаппас большой отряд для сбора установленного налога. Зная неодобрительное отношение Байтабына к кровавым расправам над мирными аулами, он именно его поставил во главе отряда. С ним вместе отправился и Наурызбай...

На этот раз произошла кровавая трагедия, память о которой надолго сохранилась в народе... Люди Кенесары знали, что страсти накалены до предела. Все труднее становилось собирать налоги для Кенесары в разоренных, истерзанных многолетней войной аулах. Но бий Жангабыл встретил их с распростертыми объятиями. Джигитам даже предложили на ночь красивых девушек. А к утру весь отряд был захвачен и вырезан. Руководил расправой сам Жангабыл. В живых остались только двое: Николай Губин, который был передан потом царским властям, и Наурызбай. Батыра Наурызбая спасла спавшая с ним девушка, которая в последний момент шепнула, что пришли его резать. Выскочившему раздетым из юрты Наурызбаю подогнал его коня Акауза беглый солдат Губин, а сам остался сдерживать погоню.

Долго гнались за Наурызбаем джигиты Жангабыла, но он убил по дороге восьмерых, в том числе и Кокир-батыра, сына Алмамбета. Вырвался в степь и Байтабын. Он отстреливался, пока не был буквально изрешечен пулями и стрелами...

Это было начало конца, и Кенесары понял все. Народ не принимал его. В знак траура он слег в постель и не поднимался в течение трех суток. Потом во главе своих сарбазов он устроил кровавую резню в аулах жаппасовцев. Чудом спасся бий Жангабыл, спрятавшийся в ворохе тряпья...

И как память об этой трагедии осталось еще одно название местности – "Жасаул Кыргызны" – "Место

гибели есаулов” – да одинокий могильный холм “Байтабын Даңызы”...

Много таких мест и названий в казахской степи...

ЭПИЛОГ

Да, чем богата казахская степь, так это древними могильниками! Одни из них представляют собой обычные курганы, другие – склепы из грубо обтесанного камня, третьи – дольмены, или каменные бабы, как называют их ученые...

Обычно стоит такая массивная каменная фигура на небольшом возвышении. Очертаниями напоминает она женщину, но бывают у некоторых старомонгольские усы. У одних на сведенных перед грудью ладонях видна чаша – кесе, у других – булава. Иногда рядом с таким дольменом возведена маленькая крепость из дикого камня. А от нее через каждые двести – триста шагов лежат слегка обточенные четырехгранные камни – балбалы – до следующего дольмена...

Говорят, было так... У степного могильника, на полуотесанных камнях, сидели три человека. Один из них, посредине, был Кенесары, по правую его руку – Таймас, по левую – Абиьгазы. Так повелось среди казахов еще со времен Касым-хана. Двух советников полагалось иметь вождю, и назывались они по месту, где сидели рядом с ним: сидящий по правую руку – маймене, по левую – майсара.

И еще одна традиция никогда не нарушалась от Касым-хана до Аблая – на эти важные должности назначались только султаны или влиятельные степные бии, причем маймене обязательно должен был происходить из аргынов, а майсара – из кипчаков...

Кенесары с самого начала подчеркнуто придерживался древних законов. Его маймене – Таймас был из рода аргын, а майсара – Абиьгазы – султан кипчаков, родственник по крови.

Хоть было уже начало августа, день выдался знойный. И все же, когда солнце начало склоняться к горизонту, повеяло прохладой. Где-то там, в зеленой излучине Иргиза, затаился невидимый отсюда аул Кенесары.

Если и раньше Кенесары не отличался разговор-

чивостью, то в последнее время он мог часами сидеть со своими советниками и молчать. Все реже делился он с ними своими мыслями. Долгое время они объясняли это тоской по отнятой жене и детям. Но нынешним летом в результате переговоров с генералом Обручевым семья Кенесары была обменена на захваченных офицеров. Два месяца назад Кунимжан с детьми вернулась в родной аул, однако настроение Кенесары не улучшалось.

И раньше случалось быть ему в горе. В прошлом году погиб батыр Байтабын, потом умерли близкие люди – знаменитый оратор и судья Алим Ягуди, главный советник по налогам и расходам Сайдакходжа. Но горевать было некогда, приходилось снова и снова садиться на коня.

И в нынешнем году случались потери. Недавно уехал от него Жоламан-батыр. После смерти его соперника, хана Сергазы, он захотел быть вместе со своим родом, откочевавшим снова к берегам Илека. Кенесары мирно, по-братски распрощался с ним. И еще более пусто стало в душе с отъездом табынцев...

А на днях исчез Жусуп – Иосиф Гербрут, с которым Кенесары был особенно откровенен. Это не вызвало у хана даже привычной вспышки гнева.

– Он был случайно залетевшей к нам птицей! – вздохнул Кенесары, узнав об исчезновении беглого поляка. – Видимо, суждено засохнуть нашему пруду... Желаю ему быть счастливым. Лишь бы не примкнул к своему земляку Бесонтину...

Бесонтином – “Пятикопеечным” – казахи называли начальника управления Сибирского казачьего войска генерала Вишневого, родом поляка...

С полудня уже сидели они здесь. Оба – Таймас и Абиьгазы – думали, что Кенесары позвал их сюда, чтобы посоветоваться перед завтрашней сходкой. Все батыры и бии должны будут завтра собраться здесь, чтобы обсудить дела. Но Кенесары вдруг заговорил совсем о другом...

– Вчера я увидел сон... – Не поднимая головы, он ковырял землю носком сапога. – Свою смерть я увидел... Хочу, чтобы вы разгадали значение...

Советники переглянулись, помолчали. Первым, по старшинству говорил Таймас. И слово его было успокаивающим.

Сон – это лисий помет, мой высококочтимый хан. Мало ли что приснится...

Кенесары отрицательно покачал головой, и было видно, что никто не убедит его в случайности увиденного сна.

– Приснилось мне, что отсюда мы перекочевали на Балхаш... Потом мы взяли крепость Мерке, и я обратился к нашим соседям – высоким киргизским манапам Орману и Жантаю – с предложением объединить силы против кокандского хана и создать вместе с нами общую страну...

– Это разумно! – оживился Абиьлгазы. – Белый царь далек от них, а вот против Коканда у них накопилось немало...

– А если манапы не согласятся? – спросил Таймас.

– Тогда возьмем их пастбища силой!

– Но это же несправедливо!..

– А белый царь справедлив, отбирая мои пастбища?

Обидевшись на манапов, Кенесары готов был залить кровью аулы ни в чем не повинных киргизов, судьба которых была не легче судьбы его соплеменников. Он снова начал рассказывать:

– Я посмотрел в глаза благородному манапу Орману и увидел в них жажду власти. Ему самому хотелось стать ханом... И еще прочел я в его глазах угрозу. Он думал о тех трех тысячах рубрах серебром и золотой медали, что обещал за мою голову Бесонтин... Потом я увидел убитого батыра Саурыка, потому что манапы не выполнили договора, который заключали мы с ними. И много еще пленили они наших подданных, так что пришлось воевать с ними...

– О аллах! – Абиьлгазы вознес руки к небу. – Война сейчас нам даже во сне не нужна. Люди устали от нее...

– Да, страшное побоище видел я потом! – твердо сказал Кенесары и посмотрел прямо в глаза своему майсаре. – Земля тряслась от рыданий по мертвым!..

Глаза Кенесары засверкали, и даже у хорошо знавших его советников мороз пошел по коже.

– Но это же только сон! – попробовал возразить Таймас.

– Да, сон! – согласился Кенесары и посмотрел куда-то далеко в степь. – У горы Кекли, на берегах Чу произошло это. На вершине ее стояла армия манапа Ормана, а на вершине Майтюбе стоял я. И еще рядом

с манапом на вершине Кекли, что называется Ауди-Шыны – “Шик святого”, – был сам пишпекский кушбеги Алишердатка... И они грозят мне кулаком, показывая на еще более высокую гору. И там, на ледяной горе, под самыми облаками, ясно виден Бесонтин...

– Ох, может, и не совсем так, но все может случиться! – тяжело вздохнул Таймас.

– Нет, это только сон! – Кенесары продолжал смотреть куда-то вдаль, голос его был бесстрастен. – “Сто моих людей с волшебной пушкой послал я вам, и Кенесары теперь не уйти!” – говорит им Бесонтин, и голос его гремит в ущельях. Смотрю я вниз и вижу солдат с волшебной пушкой. Как самовар она, и ядра летят из нее подобно гороху...

– Про что думаешь днем, то ночью и снится! – Таймас вытер пот со лба. – Помните, мой хан, ту книгу, которую взял у захваченного нами офицера Жусуп. Там как раз писалось, что скоро люди придумают такую пушку. Вы еще спрашивали Жусупа...

– Ночью гора Кекли засветилась кострами, и мне показалось, что миллионы их, – продолжал Кенесары. – Как звезд на небе было врагов, но в лицо я видел лишь манапов Ормана и Калигула да кушбеги Алишера. “Выходи на бой!” – крикнул я Орману, но он рассмеялся и повернулся ко мне спиной...

Теперь оба советника слушали рассказ Кенесары напряженно, не перебивая. Они знали, что это не просто сон... И их судьба тоже могла зависеть от необычного кровавого сна...

– ...Сон это был... С одной стороны – солдаты белого царя, с другой – нукеры хана Коканда, с третьей – сарбазы манапов Ормана и Калигула в белых колпаках. Но хуже всего была пушка, которая выбрасывала тысячу ядер каждый миг. Я не мог оторвать от нее глаз... Наурызбай бросился вперед на своем Акаузе и пал, изрубленный в куски. За ним гибнут один за другим лучшие батыры. Лишь Агибаю удастся прорваться сквозь кольцо врагов. Вслед за ним бросаюсь и я в бурлящие воды речки Карасу. Кровь из меня течет, и коня моего уносит вода. Батырмурат и Кара-Улек поддерживают меня с двух сторон. Оставшиеся в живых джигиты помогают выйти на берег.

– Это плохо, когда снится переправа через воду, – задумчиво сказал Абиьгазы. – Значит, необыкновен-

ные трудности ожидают нас впереди... Но вы же переправились?..

– Переправился. Но на том берегу сразу же выросли передо мной сарбазы Тюрегельды, военачальника манапа Калигула. И не было им числа... Помню лишь чей-то дикий хохот, рев. Открываю глаза и вижу себя в плену...

Посредине ликующих врагов я стою, и манап Калигул кричит мне, чтобы читал заупокойную молитву, потому что отрубят мне сейчас голову. Но даже богу я не захотел поклониться!..

Снова переглянулись советники и опустили головы.

– Да, не бога я вспомнил... – Кенесары развел плечи. – Всю жизнь свою я представил себе в свой смертный час. Вас, своих соратников, вспомнил, родных, друзей... Сарыарка открылась мне вдруг вся – от края до края. И синие горы Кокчетау. Песню прощания запел я и помню слова ее все до единого. Вот они...

Кенесары заговорил тихо, раскачиваясь:

Прощай, Сарыарка! Простор земли моей,
Где кочевали мы, как стаи лебедей.
Но ссор своих мы не преодолели,
Бело в степи от тлеющих костей.
Прощайте, Сарысу и Каратау... Я
Коканд не одолел, месть не сбылась моя.
Куда не ткнусь – могилою Коркута
Меня встречает отчая земля.

Закончив петь, я подставил голову под саблю Калигула и почувствовал холодное лезвие. Голова моя скатилась с плеч...

Таймас снова отер пот со лба:

– Страшные вещи рассказываете вы, мой хан. Но в народе говорят, что видевший во сне собственную смерть будет долго жить...

– Ворон живет дольше всех, но что толку, – спокойно ответил Кенесары. – Подожди, самое интересное впереди!..

– Что может быть интересного после этого... Ну, что случилось с вашей головой, Кенеке?..

– Это не имеет значения! – Кенесары махнул рукой. – Не смерть свою хотел я вас просить растолковать... Так вот, и умер я, но продолжал все видеть и слышать. Верные мне люди заплакали, зарыдали по

всей стены. Но из всего этого ясно услышал я слова вещего певца Нысанбая...

Снова закрыл глаза, качнулся Кенесары:

Гнедой, он так любил тебя,
И потчевал овсом тебя,
И молоком поил кобыльим –
Другого ты не знал питья.
Он был уверен, что с тобой
Ускочет от беды любой.
Так что случилось, конь крылатый?
Остался где хозяин твой?
Когда о смерти Кенеке
Узнал я, свет в глазах погас.
Ах, братья бедные мои,
Сироты, нет отца у нас!
Нам не расправить больше крыл,
Повырывали когти нам;
Кинжал на камень наскочил,
Переломился пополам.

Он с трудом, словно просыпаясь, открыл глаза, посмотрел на изумленные лица своих советников:

– Много там еще пелось... И множество отрубленных знакомых голов видел я. Это были головы наших джигитов. На высокие арбы грузили их и везли в подарок хану Коканда. А на первой арбе различал я головы Наурызбая, Жеке-батыра, Кудайменде, Имана, еще пятнадцати султанов и двух моих сыновей. Их надели на колья и выставили на главном базаре...

– Ну, а... ваша голова? – чуть слышно спросил Таймас.

– Моя голова не по чину пришлась хану Коканда... Ее как будто бы привезли Бесонтину, который ждал в Капале, а оттуда повезли дальше. И увидел я, как смотрят на нее многие люди и спорят, чья же она. Одни говорят – степного разбойника, другие – народного вождя, третьи – просто жаждущего власти внука Аблая...

– А вы как думаете? – как эхо, отозвался на его слова Таймас.

Кенесары задумчиво посмотрел на него и совсем тихо ответил:

– Я думаю, что все это – правда...

Таймас испуганно отпрянул от него.

– А что же дальше с вашей... вашей головой? – заикаясь, спросил он.

Ничего... Помню, как будто Арнаббок держит ее на вытянутой руке: "Вот наконец увидел я тебя, хан Кенесары!" – "Да, но лишь мертвого!.." – говорит кто-то другой, тоже в генеральской одежде с золотыми пуговицами.

– Ну?..

– Дальше везут мою голову самому царю Николаю. В зимнем дворце выставляют ее... Жаль, нет Жусупа. Только он разгадал бы этот сон... – Кенесары потер ладонью лоб. – Хуже всего было потом!..

– Еще хуже? – удивился Абиьлгасы.

– Хуже!.. Кровавый смерч поднялся над степью. Роды и племена казахские начали резаться друг с другом, мстя за мою смерть, защищаясь от этой мести... Правда, и голову манапа Тюрегельды увидел я во сне, отрубленную жалаирскими, алабанскими и суанскими родами. А потом и голову Ормана, потому что вскоре среди киргизских манапов пошла такая же резня, как и среди наших султанов... Да!.. – Глаза Кенесары сверкнули гордостью. – Но их головы держали в подвале. А мою – показывали!..

– Вы жалеете о пролитой крови, Кенесары?

– Стаю диких волков скорее можно объединить, чем мой народ! – жестко сказал Кенесары. – А я не тот, кто жалеет о чем-нибудь совершенном... Но довольно. Лучше растолкуйте, если возможно, мой сон. Подумайте, может ли случиться наяву такое!..

– Может... – Таймас опустил голову. – Не нужно уходить из Сарыарки... С белым царем придется мириться, Кенеке!

Кенесары повернулся к Абиьлгасы:

– А ты как понимаешь этот сон, майсара?

– Я могу лишь повторить совет маймене, – развел руками Абиьлгасы. – Вас приглашают на свои земли Старшего жуза Суюк-торе и Рустем. Хоть они тоже от корня Аблай-хана и прямые родственники вам, нельзя им доверять до конца...

– Почему?

– Вам ведь известно, что Суюк-торе еще в год зайца написал прошение белому царю о приеме в русское подданство вместе с подвластным населением. А султан Рустем, пока мы воевали, успел в прошлом году съездить к Бесонтину в Капал и принять от него золотом шитый кафтан в знак признания заслуг перед белым царем... Это не значит, конечно, что они вы-

дадут нас, но, кроме пастбищ для скота, ждать от них ничего не приходится. А хватит ли их пастбищ для всех, кто захочет уйти с нами из Сарыарки? Придется все равно воевать с Кокандом из-за земли. Хива с Бухарой грызутся сейчас, так что Коканд силен, и одолеть мы его не сможем. Поневоле обратимся за помощью против него к киргизским манапам. И если пришло во сне предчувствие...

– Уж манапов я одолею! – резко сказал Кенесары.

– Значит, к многочисленным врагам прибавятся и манапы... Нет, сейчас нам предстоит чаще обращаться к уму, чем к силе оружия. Потому что сон ваш предсказывает неприятности наяву. А что, если в самом деле сговорятся против нас хан Коканда, киргизские манапы, ваши внутренние враги и генералы белого царя? Всем им есть что вспомнить...

– Не ответив на этот вопрос, Кенесары погрузился в думу... Давно уже вошла луна. Тихо было в степи, только виднелись тени конных стражников из отряда Батырмурата да неподалеку за камнем вздыхал глухой Кара-Улек...

С черного неба сорвалась звезда, прочертила яркую линию и сгорела где-то у горизонта.

– Моя звезда еще светит! – шепнул Таймас.

По казахскому поверью, если упала звезда, то кто-нибудь обязательно умрет. Первый увидевший ее должен шепнуть эти слова, чтобы не стать жертвой. Кенесары и Абыльгазы тоже прошептали их... Вдруг где-то в степи запели песню. По мотиву и манере исполнения сразу можно было узнать, что поет кто-то из Сарыарки. Словно беркут, парила мелодия на самых высоких нотах, потом камнем падала вниз и снова взмывала под облака. Кенесары прислушался и неожиданно рассмеялся. Ему припомнилась легенда о песне, рассказанная когда-то батыром Бухарбаем...

Бухарбай происходил из рода табын Младшего жуза, имел небольшой аул и был гол как сокол. С юности питал особую неистребимую ненависть к чиновникам хана Коканда. Дело в том, что полюбил он одну девушку из рода шомекей, который кочевал вместе с табынцами в низовьях Сырдарьи. Собрав при помощи родственников кое-какой калым, он заплатил его и вскоре думал жениться. Но однажды в аул шомекеевцев приехали янычары кокандского хана взыскивать недоимку и в погашение долга увезли два-

дцать самых молодых и красивых женщины и девушек. Среди них была и невеста Бухарбая.

После этого Бухарбай примкнул к Саржану и Кенесары, совершил немало набегов на кокандские владения и особенно не щадил попадавшихся в его руки сборщиков зякета. Как-то ему удалось отбить у кокандцев имущество, скот и семью бая Куреша из рода шекты. Тот поневоле вынужден был отдать ему в жены свою дочь, тем более что этого захотела и сама девушка.

С тех пор батыр Бухарбай начал петь, и не было у его соратников большей муки, чем слушать его песни. Голос у него был громовой и какой-то надтреснутый. А кроме того, у него совершенно не было слуха, и пел он на один мотив все песни. Забывая при этом слова, он вставлял в текст бессмысленные междометия "алюауляйляй" или "халауляйляй". Бухарбай, смеясь, говорил, что в их краях люди не так музыкальны, как в вольной Сарыарке, где эхо само поет за человека...

Все знали древнюю легенду о птице-песне. Пролетая над степью, она не останавливалась над Старшим жузом, немного задерживалась над Младшим и долго парила над Сарыаркой, где обитал Средний жуз...

Да, нигде нет таких песен, как в Сарыарке!.. Кенесары глубоко вздохнул. То, что предвидел он каким-то непонятным чутьем, уже происходит. Не обманули его прошлогодние успехи. Сразу же после них с новой силой началась грызня между биями и аксакалами родов аргын, кипчак, шекты, шомекей. Очень суровой выдалась и прошедшая зима, так что многие аулы голодали. Нечего ждать нового притока джигитов...

Самым чувствительным ударом для него было строительство укреплений на берегу Тургая и в Улытау. Дело было не просто в присутствии войск, которые в любую минуту могли теперь вмешаться в его борьбу с враждебными султанами. И не такую уж большую территорию по сравнению со всей степью занимали переселенцы и казаки. Древние пути отгонного животноводства были всему причиной...

Полжизни, от рождения до самой смерти, проводили казахи в кочевке. Лишь только начинались дожди и с севера задували холодные ветры, тысячи аулов

снимались со своих мест и вместе со скотом начинали двигаться по многочисленным поймам рек, речек и оврагов с севера к югу. Словно перелетные птицы, из века в век шли они по одним и тем же путям, закрепленным за каждым родом. А возвращались вместе с весной. И вот как раз в самых узловых местах древних путей начали строить укрепления...

Месяц, полтора или два не спеша двигались аулы, а десятки, сотни тысяч лошадей, овец, верблюдов паслись по дороге. Но вот на пути выросло укрепление, а то и новый городок, и, как неожиданно встретившие препятствия испуганные птицы, начинали метаться кочевники. Для людей, может быть, и хорошо было найти жилье, отдохнуть, но скот на добрых два-три перехода полностью лишился кормов. Начинался мор, который ничем уже нельзя было остановить...

Потом уже научились казахи заранее заготавливать корма, стали переходить на оседлое животноводство. Но тогда, в самом начале, степь смотрела на это как на катастрофу...

Кенесары снова запросил мира у оренбургского военного губернатора. В письмах своих он уже отказывался от прежних "аблаевских" притязаний на самостоятельность и просил лишь оставить под его управлением территории, не включенные пока в генерал-губернаторства. Он писал Обручеву и Горчакову, что просит принять в российское подданство подвластные ему роды и племена, а если образуют для него приказ в Улытау, то обязуется верой и правдой служить России. Послания свои он передавал через посредников – Шормана Асат-оглы, Баймухаммеда Жаманчи-оглы, Турлыбек-султана и офицеров связи Герна и Долгова.

Даже генералы Обручев и Горчаков, знакомые с положением в степи и обескураженные прошлогодними неудачами Жемчужникова и Дидковского, склонны были согласиться с его предложениями и произвести для начала обмен пленными. Но тут вмешался лично самодержец.

Царь Николай I давно уже устремил свой взор на среднеазиатские ханства и не хотел иметь между ними и собой хоть сколько-нибудь самостоятельных или

буферных территорий. Еще год назад он собственноручно начертил на докладе графа Киселева о внутреннем положении Букеевской орды резолюцию: "В одном царстве не может быть другого!" Это, по существу, предопределило и политику в отношении Кенесары...

Генерал Обручев внезапно прервал всякие связи с Кенесары и приказал ему разоружиться. Перед лицом многочисленных и могущественных врагов это могло означать для него только верную гибель...

В это время произошло еще одно событие, окончательно решившее исход дела. Два крупнейших степных феодала из родов аргын и найман – Ерден Сандыбай-оглы и Аккошкар Кишкентай-оглы – прослышали о переговорах, ведущихся между генералом Обручевым и Кенесары. Это были невероятно богатые люди. Принадлежащие им земли простирались от Атбасара до самой Сырдарьи и включали поймы рек Каракоин-Каширлы, Есиль, Терсаккан, частично Кара-Кенгир, Сары-Кенгир и Сарысу, предгорья Арынаты, Кишитау и Улытау. Поговорки и песни слагали в народе об их богатстве и могуществе. Вот что пели о Ердене:

Есенбая сынки щеголяют в мехах –
Что Ерден, что Дузен – в лисах и соболях.
Скот считать не умеют по головам,
А считают по сотням да косякам.

Не менее красноречиво воспевались богатства Аккошкара:

Он из горных алтайцев, тот богатей,
Всех вокруг подчиняет он воле своей.
Пьют из озера возле аула его
Сорок тысяч! Вскипает вода кумысом.
Как богат Есенбай, пораскинь-ка умом,
Если враз в Оренбурге пятьсот рысаков,
Не торгуясь, продал он одним косяком.
Сорок тысяч! Вскипает вода кумысом.
А озер таких много десятков кругом.

Оба они были обеспокоены ведущимися переговорами, а когда услышали о том, что Кенесары претендует на приказ в Улытау, вовсе потеряли сон. Только он мог стать им достойным соперником в степи и оттеснить их на второй план. Для них это был вопрос жизни и смерти, и они поступили по древней фео-

дальной традиции. Пригнав в подарок ташкентскому кушбегу Ляшкару тысячу великолепных лошадей, они подсказали ему, что делать. Ляшкар и сам был жестокий враг Кенесары. Однажды ночью неизвестный отряд напал на укрепление Улытау и вырезал его гарнизон вместе с семьями. Оставшиеся в живых рассказывали, что напавшие кричали "Аблай!.. Аблай!..".

Не говоря уж о том, что Кенесары находился во многих сотнях верст от этого места, ему никак не было выгодно нарушать в это время мир. Он ведь сам добивался его любой ценой. Но стараниями враждебных ему султанов все это было доложено, как его действия. Волк был виноват, что сер...

Никогда еще не проявлялось столько изощренной жестокости, как в этот набег, и поверившие в него генералы Обручев и сменивший Генса Лодыженский больше не принимали посланий Кенесары. Они твердо решили, что взбесившегося волка может удержать лишь смерть или решетка...

Еще в конце месяца кокек – апреля – в аул Кенесары выехал офицер связи Долгов со строжайшим приказом. Доставлен он был Кенесары лишь через полтора месяца. В приказе говорилось:

1. Все казахские аулы, относящиеся к Оренбургской губернии и кочующие по киргизским степям, являются неотторжимой частью Российской империи. Они облагаются налогом по одному рублю пятьдесят копеек серебром с каждого двора.

2. Поскольку киргизские аулы будут уплачивать налоги непосредственно в царскую казну, воспрещается собирать с них зякет.

3. Все тяжкие преступления рассматриваются по законам Российской империи. Дела по уплате долгов, превышающих сумму в пятьдесят рублей, рассматриваются в Пограничной комиссии.

4. Воспрещается категорически предоставление убежища беглым русским, татарам и башкирам. Подобные лица, пребывающие в настоящее время в стане Кенесары, подлежат передаче властям Российской империи.

5. Поскольку Кенесары является подданным Его императорского величества, ему воспрещается иметь самостоятельные односторонние сношения с лицами и государствами, которые считаются врагами.

6. Султану Кенесары впрямь воспрещается присваивать себе и своим родственникам и сподвижникам степени и чины, не предусмотренные Правительством Его императорского величества и не утвержденные указами оного”.

В ответ на просьбу Кенесары о предоставлении ему права пользоваться пастбищными угодьями по Иргизу, Тургаю, Сарысу, Есилю и Нуре генерал Лодыженский написал: “Вам для кочевья со своими близкими и родственниками предоставляется право пользоваться урочищем Кара-Куга, где будете проводить лето и зиму”. Устно через Долгова начальник Пограничной комиссии передал ему, что зимой он может перекочевывать лишь чуть севернее этого урочища, а летом возвращаться назад. Но ни в коем случае не разрешалось Кенесары или его близким выезжать на левый берег Иргиза и Каргау, а также кочевать вверх по течению Иргиза и Тургая.

Это было вовсе невыполнимое условие, и подсказали его, конечно, тоже враждебные хану султаны-правители. Кенесары разъярился, но сил для борьбы у него больше не было. Как загнанный облавой волк, метался он первую половину лета по своей белой юрте. Долгова он отпустил, пообещав прислать ответ...

А тут это неожиданное нападение на Улытау, в котором его подозревают... Единственным выходом было принять предложение, переданное через Наурызбая из Старшего жуза от Суюка-торе, и перекочевать туда. Он чувствовал готовящуюся там для него ловушку, и сон подтверждал это. Кенесары сидел на камне и смотрел в ночь...

Никто и не рассчитывал, что Кенесары примет предложенные генералом Лодыженским условия. Лишенный широкой народной поддержки, он должен будет уйти из насиженных мест, и тогда оренбургское начальство вздохнет спокойно. А князь Горчаков уже приготовился к его переселению на земли Старшего жуза...

Аванпосты сибирских линейных войск к этому времени находились в Капале и Лепсы. И вот туда приехал генерал Вишневский – Бесонтин и с ним

ага-султаны Каркаралинского, Аягузского и Кокпектинского округов. Кроме них в Капал съехались влиятельные степные бии Кусбек, Кунанбай, Барак, Суюк-торе, Рустем и другие, приглашены были и киргизские манапы Орман, Жантай, Калигул. Они решили не давать прибежища Кенесары и его людям, а вскоре закрепили это специальным соглашением:

“В тысяча восемьсот сорок шестом году, числа третьего, июня месяца, мы, подписавшиеся здесь султаны и бии родов Старшего жуза – дулат, албан, сыбан, шапрашты, жалаир, а также султаны-правители Каркаралинского, Аягузского и Кокпектинского округов, в присутствии начальника Западно-Сибирской пограничной комиссии генерал-майора кавалерии Вишневого подписали настоящее соглашение с приложением своих печатей и дали клятву в том, что султана Кенесары Касымова мы считаем мятежником против его императорского величества и возмутителем спокойствия. А посему обязуемся не иметь с ним сношений, не предоставлять ему и его людям принадлежащие нам земли как для пастбищ, так и для заселения. Когда же он двинется с нашей территории, то обязуемся сообщить начальству по инстанции о движении отрядов Кенесары...”

Кенесары пока не знал, как все это произойдет. В голове его бродили мысли о дальнейшей борьбе. Он представлял себе, как перекочет к берегам Чу и Или, а если придется обороняться от сибирских линейных войск, то отсидится зиму на Балхаше. Там есть удобный полуостров Камал – верст семьдесят длины и пятнадцать ширины. А к лету он перейдет к Аулие-Ате и Мерке, объединит против кокандского хана обиженных казахов и киргизов Сайрама, Чу, Сырдарьи. Не будет покоя его врагам!..

– Так что же предлагаете вы, маймене и майсара? – неожиданно прервал молчание Кенесары.

– Лучше грести помаленьку то, что под рукой, чем везти издалека, – сказал Таймас. – Оставить Сарыарку означает навеки расстаться с мечтой!..

– Стало быть, ты предлагаешь мне терпение дервиша и всепрощение? – Кустистые брови Кенесары надвинулись на глаза.

– У нас ничего другого не осталось, кроме терпения.. А белый царь, добравшись сюда, достанет нас и в кокандских владениях... Русские – великий, силь-

ный народ. И ты же знаешь, что не все среди них такие, как Аршабок, Обрыч или Бесонтин. Нужно договориться с ними.

– С чернью? – высокомерно спросил Кенесары.

Таймас лишь низко опустил голову.

– Впереди нас ожидает смерть... – сказал Абильгазы. – Это предрекает и ваш сон.

– Я знал это, когда восемнадцати лет от роду впервые опустил перед собой боевую пику! – спокойно ответил Кенесары.

– Но ведь с нами идет много народа! – заговорил Таймас.

– Что суждено мне, пусть будет суждено и ему!

– А что, если люди не захотят оставлять земли предков?

– Пусть едет, кто хочет!

В голосе Кенесары было равнодушие...

Наутро все батыры, бии и вожди родов собрались у степного дольмена. Кенесары встал с камня:

– У нас не осталось другого пути, кроме откочевки на Или и Чу! – сказал он коротко.

Люди молчали, некоторые ковыряли носками сапог землю...

Встал Тауке-батыр:

– Лошади бессильны, а люди устали. Покуда мы доберемся до Чу, настанет зима, которая в чужом краю страшнее врага. Лучше погибнуть на родной земле. В крайнем случае останемся незакопанными...

На ноги вскочил горячий Иман-батыр:

– Что говоришь ты, батыр Тауке?! Если хан Кене предлагает это своему народу, значит, он знает выход из трудного положения. Из пасти белого царя хочет увести он нас. Только потому, что это родная земля, не хочу я дать проглотить себя на ней вместе со шкурой. Я с моими пятьюдесятью юртами готов идти за своим ханом!

Два дня говорили вожди и батыры. Третью их решила идти за Кенесары, а большинство осталось в Сарыарке.

Холодным осенним днем разделились они и двинулись в разные стороны. Плач и рыдания стояли над степью...

Лютая ненависть султанов-правителей встретила тех, кто возвратился в Сарыарку. Особенно неистовствовал Конур-Кульджа Кудаймендин. Но недолго

продержался он на своем посту. Вскоре из Омска прибыла специальная комиссия расследовать его выходящие из рамок даже того времени преступления.

В составе комиссии был молодой офицер Есиркеген. Его жена Кумис осталась в Петербурге, а он специально приехал, чтобы не дать Конур-Кульдже подкупить чиновников и снова выйти сухим из воды. Конур-Кульджа был снят с должности и отдан под суд.

Кенесары тронул шпорами своего коня. За ним, держась чуть поодаль, поехали Агибай, Бухарбай, Жеке-батыр, Иман, Кудайменде, Наурызбай, Таймас, Абиьгазы и сестра его – воительница Болай. Сзади двигались редкие группы джигитов...

И вдруг зазвучала, заплакала домбра, и старческий надтреснутый голос запел:

Стоял Кенесары, в раздумья погружен.
Как с жизнью, с родиной прощался он.
"Бог милостив!" – сказал, махнул рукой,
И по кочевью прокатился стон...

Это пел с тоской Доскожа. Певец остался в Сарыарке. Чем дальше уходил караван, тем слабее становился его голос. И все же долго слышался он, надрывая душу.

Не выдержав, Кенесары вонзил шпоры в бока своего коня. Тот взвился на дыбы и понес его навстречу сну...

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՊԱՐԿԱՆԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆԻ ԳՐԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆ ԵՒ
ԳՐԱԿՈՆՍԵՐՎԱՏՈՐԻ ԱԿՏԻՎՈՒԹՅՈՒՆ

210030132919

Հ

